

Материалы
VIII Международной
научно-практической конференции
16 СЕНТЯБРЯ 2016 г.
Алматы

ИСТОРИЯ ПАМЯТЬ ЛЮДИ

Ассамблея народа Казахстана

Евроазиатский Еврейский Конгресс

Ассоциация еврейских национальных организаций
Республики Казахстан «Мицва»

РГУ «Центральный государственный архив»
Министерства культуры и спорта Республики Казахстан

МАТЕРИАЛЫ

VIII Международной научно-практической конференции

16 сентября 2016 г., Алматы

Алматы
2017

УДК 94(100-57)

ББК 63.3

И 90

Издание осуществлено при спонсорской поддержке: Евразийского Еврейского Конгресса, ОЮЛ Ассоциация «Мицва», почетного консула Израиля в Казахстане С.А. Терещенко

Руководитель проекта: А.И. Барон

Редактор: М.С. Макарова

Редактор казахского текста: Ж.С. Сейлова

Редакционная коллегия: Л.С. Актаева, А.И. Барон, М.С. Макарова

И 90 История Память Людей: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 16 сентября 2016 г., Алматы. – Алматы, 2017. -588 с.

ISBN 978-601-7333-17-1

В материалах конференции и, как результат научно-исследовательской работы, данного сборника отражены вопросы и проблемы, связанные с эвакуацией людей, промышленных объектов, учреждений культуры в связи с трагическими событиями Второй мировой войны, а также история жизни населения, вынужденного в результате глобальных политических событий изменить место жительства. Также в книге представлена история судеб евреев Центральной Азии, Западной Сибири, переживших Первую и Вторую мировые войны, переселение, эвакуацию и другие испытания. В сборнике раскрывается их вклад в развитие новой родины.

УДК 94(100-57)

ББК 63.3

ISBN 978-601-7333-17-1

© Ассоциация еврейских национальных организаций «Мицва», 2017

© Центральный государственный архив РК, 2017

Сборник статей
VIII Международной научно-практической конференции
«История Память Люди» посвящен
25-летию Независимости Республики Казахстан
25-летию установления дипломатических отношений
между Государством Израиль и Республикой Казахстан
95-летию Центрального Государственного
Архива Республики Казахстан

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Приветственное слово.....	11
ЕВРАЗИЯ XX в.: ЭВАКУАЦИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ, БЕЖЕНЦЫ	22
Сарсенова Г.С., Грибанова Е.М. Уроженцы Бессарабии в Казахстане: депортированные и эвакуированные.....	22
Maciej Was Perceiving the others – some remarks on the testimonies of polish Jews in Soviet Central Asia	37
Либерман И.Я. Эвакуированные и беженцы во время ВОВ в Казахстан, др. страны Центральной Азии и Западную Сибирь.....	47
Хлистунова Н.В. Эвакуация евреев во время Великой Отечественной войны.....	57
Рахмонкулова З.Б., Чориев Ш.Ш. Управление по эвакуации населения при Совете по эвакуации.....	63
Подлипский А.М. Эвакуация предприятий Белоруссии 1941 г.	72
Ведерникова Г. С. Эвакуация: тяжелые, но благородные страницы истории.....	79
Григорьев И. А. Эвакуация в Алма-Ату.....	83
Чиликова Е.В. Еврейские литераторы в Казахстане. Штрихи к биографии одного из «других» - Пинчевского М.Я.	99
Тухтаева М.С. Повседневная жизнь эвакуированных художников Москвы и Ленинграда в Узбекистане в 1941-1943 гг.....	112
Тухтаева М.С. Творческая жизнь художественной интеллигенции Ленинграда и Москвы в эвакуации в Узбекистане (1941-1943 гг.) ...	118
Сырлыбаева Г. Н. Крупнейшие выставочные проекты Союза художников Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны. 1942-1943 гг. Первая Республиканская художественная выставка «Великая Отечественная война». 22 июня 1942 г. Алма-Ата.....	126
Сырлыбаева Г.Н. Крупнейшие выставочные проекты Союза художников Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны. 1942-1943 гг. Вторая Республиканская художественная выставка «Великая Отечественная война». 22 июня 1943 г. Алма-Ата.....	137
Исхаков Д.И. История, рассказанная устами спасенных детей.....	145
Дьякова Е.В. Переписка И.Н. Буланкина с друзьями как источник изучения отношений в Харьковском университете	150
Терушкин Л.А. Письма родственников, соседей и друзей в эвакуацию – неизвестные свидетельства о Холокосте.....	158

Терушкин Л.А., Шатохин В.А. Инициатива по сбору воспоминаний бывших беженцев и эвакуированных, проживающих в США.....	172
Турсынова Ж.Ж. Их судьбы изменила война	180
Беркун О.Е. Эвакуация промышленных предприятий в Карагандинскую область.....	184
Сактаганова З.Г. Повседневные проблемы эвакуогоспиталей Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны	187
Крутова Н.В. Из истории эвакуации евреев в г.Лениногорск Восточно-Казахстанской области или еврейская сага Сорокиных....	193
Серовайская Ю.Я., Тевелева Т.М. Военное детство беженки из Велижа Тамары Менделеевны Тевелевой.....	199
Салык Г.Д. Архивные документы Акмолинского региона об эвакуации и беженцах	216
Солдатов О.Н. Деятельность Всесоюзного Научно-исследовательского института мясной и молочной промышленности в Казахстане в годы эвакуации. 1941-1943 гг.....	220
Аупенова А.У. Завод №517: история становления и развития эвакуированного промышленного объекта на казахстанской земле...	229
Буриева Х.А. Документы фонда №314 ЦГА РУз как источник по изучению проблемы эвакуации населения в годы Второй мировой войны	234
Давранова Ю.У. Маршал тыла – Юсупов У.Ю.....	245
Иофе В.Г., Петровская В.А. Из истории эвакуации в Узбекистан...	249
Ишанходжаева З.Р. Национальный университет Узбекистана (САГУ) в годы Второй мировой войны	261
Иноятова Д.М. Помощь Узбекистана эвакуированным детям в годы войны (1941-1945 гг.)	269
Сейдиматова Ч.М. Прииссыскулье в годы Великой Отечественной войны	275
Потемкина М.Н. Долгая дорога домой семьи Минькиных	284
СТРАНИЦЫ ХОЛОКОСТА	291
Свахина Т.Е. Холокост в исторической памяти жителей Казахстана: эволюция восприятия	291
Баршай А.З. Праведница Неонила: душа болит и за погибших, и за забвение	295
Баршай А.З. Цилия Рубинчик: легенда и быль	314

Иофе В.Г., Ильина (Стильке) А.О. Спасение от Холокоста: евреи из Польши и Восточноевропейских Республик ССР в Ташкенте в документах местных архивов	331
Решетов В.П. Дети Холокоста. Чудо спасения	340
Решетов В.П. Анна Ступница-Бандо: «Я не помню, как вышли из гетто...»	347
ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН	350
Мухамеджанова В.А. Об истории и культурном наследии евреев в Средней Азии	350
Ейльман Л.С. По следам переселений восточных евреев-мизрахи ..	353
Каганович А.Б. Семейные предания бухарских евреев: историческая память и история.....	358
Волкова Т.П. Политика местных властей по отношению к евреям Семиречья в к. XIX. – н. XX вв.....	365
Сайфулмаликова С.С. Ташкенттегі еврейлер тарихынан (XIX ғ. екінші жартысы - XX ғ. басы)	370
Кац Г.Л. Старинное еврейское кладбище – это часть истории общины, исторический памятник народа XIX-XX вв. Семипалатинска	376
Шкурко Э.А. История уфимской синагоги	381
Туркинец М.Л. Сионистское окно: когда Сибирь еще не была советской	386
Ярков А.П. Евреи Сибири и Казахстана в годы Первой мировой войны	395
Легкий Д.М. Пресекать всякие попытки разжигания антисемитизма	405
Саипова К.Д. История польских евреев в годы Второй мировой войны	415
ЛЮДИ И СУДЬБЫ	418
Шкурко Э.А. Уфимский негоциант и его потомки	418
Тверитнева И.А. Самуил (Шмуэль) Хаимович Агурский	425
Каральник Б.В. Иммунология в СССР: вклад ученых-евреев	430
Туркинец М.Л. Биньяней Гаума – сионистский замок народа	435
Ульман А.И. И в Алма-Ате он оставался одесситом	440
<u>Енисеева-Варшавская Л.Л.</u> Память сердца	446

Мессерле В.Е., Аскарова А.С., Болегенова С.А., Лаврищев О.А., Устименко А.Б., Максимов В.Ю. Лев Абрамович Вулис – основатель кафедры общей и молекулярной физики Казахского государственного университета	471
Шевченко О.И., Золотова Е.Д. Михаил Иосифович Коробченко....	475
Серовайская Ю.Я. Дневник Лии Фришман: первые дни и месяцы войны. Москва 21 июня – 11 октября 1941 г. Эвакуация неизбежна.....	478
Ананьева С.В. Автобиографическая память: мотивы депортации, эмиграции	505
Южаков В.П. Полковник Г.В. Нейман – герой Сталинградской битвы.....	515
Коробкина Г.Ю. Юрий Вайншток: профессия – кинохудожник	520
Межибовская И.В., Иссык Т.В., Зейбель В.В. Мама – наш Ангел-Хранитель. Надежда Анатольевна Иссык	526
Рыжова О.И. Воспоминания: десять дней Великой Отечественной войны	531
Лобченко Х.М. Светлой памяти Свечинской Фаины Павловны	534
Медведева-Нату О.Р. Советские сны Богдана Чайковского	537
Войницкая Т.А. Книжник Ефим Иосифович.....	552
Войницкая Т.А., Прокопенко Л.Я. Прокопенко Лидия Яковлевна: воспитатель – это высокая миссия	556
Стрелец М.В. Вехи жизни или штрихи биографии. Очер о Сауле Григорьевиче Иоффе	559
Сведения об авторах	572
Приглашение на конференцию 2018 г.	578
Invitation to the conference, 2018	579
Түйіндеме	580
Summary	584

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошел еще один год – и Вы держите в руках новый сборник статей VIII Международной научно-практической исторической конференции, которая состоялась 16 сентября 2016 г. в Алматы. Конференция посвящена двум темам:

- эвакуация и беженцы во время Великой Отечественной войны в Казахстан, др. страны Центральной Азии и Западную Сибирь.
Судьбы беженцев, эвакуированных людей, промышленных объектов, учреждений культуры, а также истории жизни населения, вынужденно сменившего место жительства в результате глобальных политических событий;

- история евреев Центральной Азии и Западной Сибири.

Санкт-Петербург – Ташкент, Велиж – Алматы, Томск – Иерусалим. Тысячи километров и тысячи людских судеб, связанных нитью в общую историю Великой Отечественной войны. Более 70 лет минуло со дня Победы, но Память жива – пока живы очевидцы, и архивы бережно хранят письма, дневники, фотографии, видеоленты с полей сражений, с вокзальных площадей – точки отправления в новую жизнь, на новую Родину.

Центральная Азия стала пристанищем для голодных, осиротевших детей, овдовевших женщин, лишившихся крова стариков, где люди – главный ресурс государства – нашли приют, сохранили жизни, а, оправившись после долго и сложного пути эвакуации и нечеловеческих условий бегства, встали у заводских станков – ковать общую Победу.

Тема эвакуации и беженцев, как часть истории Холокоста, несмотря на прошедшие годы, уже проведенную работу, остается малоисследованной. Доступные публичному пользованию архивы – это драгоценный кладезь подлинной информации о человеческих судьбах. Обычный человек, неизвестный никому, дело которого поднимается с архивной полки, возвращается к жизни и призывает современников – не совершать ошибок прошлого, беречь мир, уважать равенство и право всех наций и народов на жизнь.

15 лет в тесном сотрудничестве Ассоциация «Мицва» и РГУ «Центральный государственный архив» министерства культуры и спорта Республики Казахстан исполняют миссию сохранения, увековечивания и распространения среди нынешнего и будущих поколений информации по истории Великой Отечественной войны – той ее части, которая имеет отношение к массовому переселению народов – организованному (эвакуация) и спасительному бегству (беженство).

С 2002 г. с периодичностью в два года в Алматы проходит Международная научно-практическая историческая конференция. Итогом каждой становится издание книги – сборника статей.

В 2016 г. восьмая по счету конференция была посвящена 95-летию Центрального государственного архива, 25-летию Независимости Республики Казахстан и 25-летию установления дипломатических отношений между Государством Израиль и Казахстаном.

Международный статус конференции обеспечили авторы из 11 стран: Белоруссия, Германия, Израиль, Казахстан, Канада, Кыргызстан, Латвия, Россия, США, Узбекистан и Украина.

68 статей на английском, казахском, русском языках – каждая – средоточие редких архивных документов, историй жизни военного времени, основанных на воспоминаниях, интервью очевидцев, захватывающих, чуть ли не детективных расследований. Несмотря на ограничение двумя темами, темы научно-исследовательских работ настолько широки, что эвакуация, как часть Холокоста, представляет собой часть истории, которую изучать предстоит еще много лет – живого и архивного материала – предостаточно.

Работа над проектом конференции велась два года – с 18 сентября 2014 г.. Конференция состоялась 16 сентября 2016 г. в конференц-зале ЦГА с участием докторов и кандидатов исторических, филологических, физико-математических наук, доцентов, профессоров, архивистов, искусствоведов, преподавателей вузов, краеведов... Проект конференции подтверждает, что между людьми из разных стран нет границ. Подвиг, совершенный местным населением, принимавшим эвакуированных и беженцев, до сих пор полностью не изучен – но может ли даваться историческая оценка душевным качествам людей, которые делились последним куском хлеба, в сложное военное время принимали в семью по десять человек...

Ключевой темой данной книги является военное детство – «дети войны» проходят красной линией и соединяют статьи в одну общую боль вселенского масштаба. Дети, лишенные дома, потерявшие родителей, спасавшиеся сами, попавшие в детские дома, выросшие, получившие образование, внесшие свой вклад в развитие новой Родины, делятся с читателем трагическими воспоминаниями. Дети Холокоста – их судьбы восстанавливают письма, написанные эвакуированным после освобождения оккупированных территорий, дневниковые записи – в них раскрывается страшная правда исчезновения целых семей, которых уводили «за речку N», откуда живым не возвращался никто...

Особое внимание в данной книге уделено искусству в годы Великой Отечественной войны. Читатель найдет богатый материал о пребывавших в Алма-Ате и Ташкенте эвакуированных театрах, киностудиях, проведенных в военные годы художественных выставках, поставленных спектаклях, написанных поэмах и снятых кинолентах...

Не осталась в стороне мемуарно-дневниковая проза, подкупающая читателя искренностью, чистотой мысли, честностью, вместе с тем полная драматизма, личного восприятия войны и, как следствие, эвакуации.

С особой гордостью включены в сборник статьи, написанные детьми об их выдающихся родителях. Читателю открываются тайны повседневной и творческой жизни легендарных людей...

Впервые за 15 лет к работе конференции подключился архив Кыргызстана в лице директора Иссык-Кульского областного государственного архива со статьей об эвакуации, беженцах и переселении в Прииссыкулье в годы Великой Отечественной войны.

Также впервые в географии проекта появилась Германия, представленная статьей об истории бывших польских граждан на территории Центральной Азии в военное время.

Книга состоит из четырех тематических разделов. Первый посвящен истории Евразии XX в.: эвакуации, переселенцам, беженцам. Второй раздел сборника раскрывает неизученные ранее страницы Холокоста, основываясь на воспоминаниях очевидцев, бывших узников гетто, чудом спасшихся и тех, кто оказывал им помощь, рискуя жизнью. В третьем разделе – история еврейских общин региона, начиная с древних веков и до сегодняшнего дня. Завершает книгу раздел «Люди и судьбы»: предстают биографические истории, истории жизни в эвакуации, профессиональные подвиги выдающихся ученых, писателей, журналистов, историков, физиков, врачей, преподавателей, военных, художников, адвокатов и многих др.. Пережив в большинстве представленных биографий спасительное бегство, эвакуацию, голодные военные годы, они показывают собой пример благородства, доброты, мужества, целеустремленности, самопожертвования и готовности нести понятия чести и достоинства будущим поколениям через научные открытия, написанные книги, снятые киноленты...

Книга «История. Память. Люди» интересна и полезна не только ученым-исследователям, интересующимся темами эвакуации, беженцев во время Великой Отечественной войны и истории евреев Центральной Азии и Западной Сибири. Не только архивисты почерпнут в ней новые ссылки на документальные источники. Каждый читатель, вне зависимости от образования и рода деятельности, найдет в ней что-то свое, что не оставит его равнодушным к истории минувшего века, и, возможно, изменит представление настоящего и будущего. Уроки прошлого не должны быть забыты. Память – то богатство, историческое наследие, хранящееся в государственных архивах, – есть ключ к миру, стабильности и цивилизованному развитию.

Редакционная коллегия

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Актаева Л.С.

*генеральный директор Центрального государственного
архива Республики Казахстан*

Вот уже который раз мы собираемся в стенах Центрального государственного архива Республики Казахстан для обсуждения темы эвакуации в 1941-1942 гг. из западных районов Советского Союза на восток страны, в т.ч. и в Казахстан.

Тема эвакуации является составной частью истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., приоритетной в деятельности главного и старейшего архивохранилища страны – Центрального государственного архива РК, который отмечает свое 95-летие.

Хотелось бы отметить, что выбор места проведения конференции не случаен, т.к. в фондах нашего архива сосредоточен огромный массив документов по эвакуации - безмолвных свидетелей трагических, вместе с тем и героических, страниц нашей общей истории.

В них нашла отражение вся история передвижения громадного числа людей летом и осенью 1941 г. на восток, в т.ч. и в Казахстан, а также громадные трудности, связанные с их трудоустройством на местах.

С первых часов и дней войны перед руководством Казахской республики стояли нелегкие задачи первостепенной важности, как создание прочного тыла и перестройка всей экономики страны на военный лад, мобилизация трудовых и материальных ресурсов республики на нужды фронта, формирование воинских частей (стрелковые и кавалерийские дивизий, стрелковые бригады, отдельные полки и батальоны), прием, размещение и ввод в действие, в короткие сроки, перебазированных из прифронтовых районов предприятий оборонного значения, заводов и фабрик легкой и текстильной промышленности, прием и размещение научных учреждений, высших учебных заведений, школ, детских домов, театров, киностудий, эвакогоспиталей и др.

С принятием через пять дней после начала войны ЦК ВКП (б) и СНК СССР постановления «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» в Казахстане была учреждена должность уполномоченного по эвакуации населения при СНК Казахской ССР, а также был создан отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения, который в свою очередь имел свои подразделения в областях республики.

В середине июля 1941 г. в Казахстан начали прибывать первые эшелоны с эвакуированными, их поток не ослабевал и в 1942 г.

Решениями правительства Казахстана были организованы оперативные меры по приему, размещению и снабжению эвакуированного населения продуктами питания и предметами первой необходимости.

Мы должны признать, что массовая эвакуация населения была беспрецедентной в истории как по своим масштабам и срокам, так и по условиям, в которых она проводилась. Отечественная война была серьезным испытанием для всей страны, огромные трудности и трагедию переживали все ее жители, независимо от национальности и возраста, независимо и от местонахождения – в тылу или на фронте.

В связи с этим хотелось бы отметить, что в докладах, исследованиях участников конференции должны быть затронуты не только трудности и чаяния, выпавших на долю эвакуированных и беженцев, а также их роль и вклад, внесенные в общую победу, но должен быть показан титанический труд, как руководителей республики, так и всех казахстанцев, разделивших с беженцами, образно говоря, не только свой кров и хлеб, дав место у очага, но и все тяготы и лишения, порождаемые войной.

Приветствуя сегодня участников восьмой по счету научно-практической конференции, главной темой которой является история эвакуации и беженцев из западных районов Советского Союза во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., хотелось бы выразить надежду, что научно-исследовательская работа по восстановлению в памяти людей событий тех трагических дней, истории Отечества, которая тогда была единой для всех, будет иметь и впредь свое логическое продолжение, т.к. тема эвакуации является неисчерпаемой, как неисчерпаема история самой Великой Отечественной войны.

Ronald S. Lauder

World Jewish Congress President

This book, the latest in a series published by the "Mitsva" Association of Jewish National Organizations of the Republic of Kazakhstan, is an important contribution to both the scholarship of the Jewish experience in Central Asia in World War II and Holocaust remembrance generally. Contributors from Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Russia, Ukraine, and Belarus, as well as the United States, Israel, Canada and Germany, among them prominent writers,

scientists and physicians, have written described eloquently what it meant to be a Jewish refugee in Euro-Asia during the years of the Shoah.

Children have always been the future of the Jewish people, as they are for all nations. Jewish children were the Nazis' principal target in their demonic quest to annihilate European Jewry. It is deeply moving, therefore, that childhood is the theme of this book, making it in many ways symbolic of Jewish survival and of the ultimate victory of the Jewish people over its enemies.

The "Mitsva" Association of Jewish National Organizations of the Republic of Kazakhstan is to be commended for ensuring that this largely unknown chapter of Jewish history will now receive the recognition it so richly deserves.

Robert Singer

CEO & Executive Vice President of the World Jewish Congress

Dear Friends,

It is with great pleasure that I join in welcoming you to the VIII International Scientific Conference in Almaty.

Just recently, I had the privilege to visit Almaty and meet with members of its thriving Jewish community. While the leadership of Kazakhstan's Jewish community have long been active in international activities of the World Jewish Congress (WJC), this was the first opportunity for WJC senior leadership to come to Kazakhstan.

After visiting your community center, synagogues, and other institutions, it became incredibly clear that this small but committed Jewish community is not only growing, but flourishing as well. This is especially evident from your vibrant and frequent programmatic activity, including this very conference, already in its eighth year.

The Jewish community of Kazakhstan is a burgeoning force, one in which both children and adults are dedicated to ceaseless and active participation. It is this phenomenon that will allow your community to grow from strength to strength.

The World Jewish Congress is working hard to bring attention to the Jews of Kazakhstan and Central Asia, and to highlight the strong Jewish presence in your corner of the world. I want to thank Dr. Alexandr Baron for his tireless dedication to the community. I know that he and his hard-working colleague will persist in their excellent work.

I wish all conference participants success in their endeavors, and trust that you will continue these outstanding programs.

Julius Meini

President of the Euro-Asian Jewish Congress

Dear readers,

I congratulate and thank all participants of the conference. For me personally, these events: the conference itself and the publication of the final articles – are a very important contribution to development of the Eurasian Jewish life. Considering the geographical scope of the project - 11 countries, including Europe and America, it makes sense to talk about the importance of this project on a global scale.

The book "History. Memory. People" reflects the unexplored part of the history of the Holocaust, which today is very important to remember and talk about. People, raised from their homelands by terrible war, fled saving their lives disorganized or in evacuation, participated in the greatest tragic resettlement of people from the West to the East. The host country carried out a heroic feat, taking millions of newly arrived people who did not know the local language and mentality.

This book of articles has the historical, social and spiritual value for our and many future generations, than we and our descendants remember the tragedy that occurred in the 30 - 40-ies of XX century in Europe in relation to the Jewish people and poured out the human tragedy of the universal scale.

For me, as a president of the Euro-Asian Jewish Congress, the memory of the victims and heroes of the Holocaust, is a saint. Preserving the historical heritage of the Jews of the Eurasian continent – is one of the priority directions of activity of our organization. Restore the pages of history - it is a work that deserves support and respect. Therefore, this book should be read.

I'm sure - this book will be useful not only for archivists, historians and other scientists interested in the topic of articles. It had a mine of information for anyone who cares about the recent past and the future of our long-suffering people.

Переверзева Ирина Владимировна

*к.филос.н., доцент, заместитель руководителя Представительства
Россотрудничества в Республике Казахстан, консул Генерального
консульства Российской Федерации в Алма-Ате*

Уважаемые коллеги,

Позвольте высказать глубокую признательность организаторам VIII Международной конференции по изучению эвакуации и беженцев во

время Великой Отечественной войны и истории евреев Центральной Азии и Западной Сибири.

Одним из принципиальнейших вопросов любой войны для каждого государства является вопрос сохранения населения. Великая Отечественная война для Советского Союза являет пример массового героизма при проведении события, масштаб которого можно сравнить с тяжелейшими военными операциями. Имя ему – эвакуация, задачей которой является сохранение человеческого капитала, без которого невозможно ни функционирование экономики, ни развитие общества как такового, потому как что бы ни происходило в той или иной стране, во всех процессах принимают участие люди, и руководят процессами тоже они.

Существует расхожее выражение о том, что у каждого своя война. Волею исторических судеб Казахстану было суждено сыграть огромную роль в спасении и сохранении населения страны, в обеспечении фронта, в развитии здравоохранения, образования, культуры и искусства. Это и была война казахстанцев, их огромный вклад в общую победу над врагом.

Говоря об эвакуации как об историческом явлении, беспрецедентном по своим масштабам и срокам осуществления, нельзя не отметить того, что героизм был проявлен всеми без исключения участниками рассматриваемых исторических событий. Его проявляли как те, кто осуществлял эвакуацию, так и те, кто на месте принимал оставшихся без крова людей. Героями можно назвать и тех, кто сами стали объектом эвакуации, ведь, приезжая, они не оставались в стороне от тяжелейшего труда, отдавая все силы налаживанию работы промышленных предприятий, развертыванию госпиталей, переводу всех отраслей народного хозяйства на военные рельсы.

Оценить масштабы людского переселения помогают сухие цифры: 532,5 тыс. чел. эвакуированы в Казахстан в годы войны. При этом самое большое число эвакуированных пришлось с августа 1941 г. по январь 1942 г. Данные переписи говорят о том, что к 1 сентября 1941 г. республика приняла 24 тыс. 258 чел., из которых 10 тыс. 968 чел. были русскими, 2 тыс. 695 чел украинцами, 1 тыс. 259 – белорусами, 8 тыс. 218 – евреями, 159 – поляками. Были среди эвакуированных немцы, латыши, эстонцы, представители др. национальностей. Порядка 61% из них составляли женщины, 39 % мужчины. 36% прибывших составляли дети.

И всех прибывавших надо было размещать, обустривать, трудоустривать, учить, лечить, обеспечивать продовольствием. Около 65% эвакуированных были размещены в аулах, 35% – в городах. Резкое увеличение населения не могло не повлиять на жизнь городов и поселков

Казахстана, где обострилось большое количество социальных проблем: нехватка жилья, диктуемое ростом спроса и дефицитом, подорожание продуктов питания, неизбежное отставание объектов социальной инфраструктуры.

Люди направлялись в Западный Казахстан (Гурьевская, Западно-Казахстанская, Актюбинская обл.), в Южный Казахстан (Кызыл-Ординская, Южно-Казахстанская, Алма-Атинская обл.), в Северный Казахстан (Акмолинская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская обл.), Западный Казахстан (Семипалатинская, Восточно-Казахстанская обл.).

Важнейшей и интереснейшей страницей истории Казахстана, по нашему мнению, является работа по осуществлению социальной защиты детей-сирот: создание и организация работы детских домов, приютов и интернатов. И все это – в условиях нехватки площадей для размещения, одежды, обуви, продуктов питания и кадров.

Известным является тот факт, что во время Великой Отечественной войны девять из десяти пуль были вылиты из свинца, произведенного в Казахстане, что на фронте практически не было техники, в которой не содержался бы казахстанский металл. Всего в 1941-1945 гг. в Казахстане построены 460 заводов, фабрик, рудников, шахт, вкл. 22 эвакуированных из прифронтовых районов. Многие эвакуированные предприятия начинали работу в наспех приспособленных помещениях или практически под открытым небом. Нередко на новые места прибывала едва десятая часть прежнего коллектива рабочих и инженерно-технического персонала, и тогда к станкам становились местные жители или эвакуированные: старики, женщины, подростки, работая по две – три смены.

Обеспечение фронта продовольствием также легло на плечи женщин, детей, стариков, которые трудились в условиях нехватки техники, отдавая работе все силы. Труженики Казахстана отправляли на фронт не только продовольствие, теплую одежду, но и заработанные деньги. На сданные казахстанцами в фонд Родины 4 млн руб. для фронта были созданы танковые колонны «Колхозник Казахстана» и «Комсомолец Казахстана», воздушная эскадрилья «Советский Казахстан».

Казахстан также стал вторым домом для представителей советской интеллигенции. Сюда был эвакуирован цвет науки и культуры. Именно здесь, в Казахстане, академик Вернадский работал над своей революционной теорией ноосферы. Здесь в годы войны нашла новое развитие астрономическая наука трудами звезды мировой величины в

астрофизике, основателя астроботаники Г.А. Тихонова и его коллег, эвакуированных из Пулковской обсерватории.

Сюда были эвакуированы учебные заведения, театры, киностудии. В Алма-Ате снимали С. Эйзенштейн, И. Пырьев, братья Васильевы. Здесь творили композитор С. Прокофьев и балерина Г. Уланова, писатели А. Толстой, К. Паустовский, В. Шкловский, актеры Н. Крючков, Н. Черкасов, Н. Мордвинов, М. Ладынина, В. Марецкая. Так Казахстан стал местом пересечения культур и цивилизаций, регионом совместного проживания и ежедневного сотрудничества народов, разных по образу жизни и восприятию действительности, но единых в своем стремлении победить и построить лучший мир для своих потомков.

Здесь, в Казахстане, в госпиталях ставили на ноги и возвращали к жизни десятки тыс. раненых. Госпитали были развернуты в Актюбинской, Семипалатинской, Казахстанской, Карагандинской обл. Под них были выделены здания гостиниц, техникумов и школ, санаториев и оздоровительных центров. В них трудились специалисты, которые еще вчера были беженцами и сами нуждались в помощи и сострадании.

Столь масштабное и сложное событие в жизни страны, каким явилась эвакуация, не могло не сыграть важнейшей роли как в жизни тех, кто прибывал в Казахстан, так и в жизни самой республики. Многие интереснейшие страницы в экономической, научной, культурной жизни современного Казахстана берут начало именно в том жизненном периоде, полном героизма и лишений. Изменение состава населения, трансформация общественного сознания, изменение жизненного уклада – вот лишь некоторые результаты, напрямую связанные с осуществлением эвакуации, но не только с ней.

Необходимо помнить о том, что параллельно с эвакуацией в страну прибывал и другой поток людей. В Казахстан «своим ходом» прибывали беженцы, не по своей воле – люди, попавшие под молох сталинских репрессий. Казахстан встретился и с таким трагическим явлением как депортация народов. Поволжские немцы, греки, чеченцы, карачаевцы, крымские татары, балкарцы – вот далеко не полный перечень тех, кого казахстанцы не просто приняли, но зачастую спасали от смерти.

Роль Казахстана в сохранении человеческого капитала, по нашему мнению, до сих пор по-настоящему не оценена и нуждается в серьезном осмыслении. В связи с этим все большее значение, наряду с официальными источниками и архивными материалами, имеют фонды личных архивов граждан, сбор воспоминаний ныне живущих

казахстанцев, бывших свидетелями и непосредственными участниками героических событий тех лет.

Марк Муди

Генеральный консул Соединенных Штатов Америки в г. Алматы

Уважаемые друзья, архивисты, сотрудники Ассоциации «Мицва» и представители дипломатического общества, для меня большая честь принимать участие в таком важном событии, чтобы отметить труды наших дорогих друзей из Центрального государственного архива Республики Казахстан и поздравить их с 95-летним юбилеем организации. Благодаря архивным учреждениям, мы имеем возможность сохранить прошлое во имя настоящего и будущего.

Эли Визель (американский и французский еврейский писатель, журналист, общественный деятель, профессор, Лауреат Нобелевской премии мира 1986 г., - *прим. ред.*), покинувший этот мир в июле 2016 г., как-то сказал: «Без воспоминаний не будет культуры. Без воспоминаний не будет цивилизации, не будет общества, не будет будущего».

Поэтому работа архивов очень важна. Благодаря работе архивистов важные документы и диски, видео и фотографии, воспоминания о прошлом хранятся по сей день, что необходимо для развития цивилизации.

Тем не менее, мы всегда должны помнить, что это зависит от нас всех - сохранить историю. 25 лет назад Казахстан получил свою независимость, но страну ждали и трудности впереди. К счастью, лидеры архивных учреждений поняли необходимость обеспечения сохранности документов, относящихся к истории страны.

Я очень горд тем, что и мы внесли свой вклад в поддержку их усилий через Фонд Посла США по сохранению культурного наследия. В начале девяностых мы тесно сотрудничали с сотрудниками Центрального Государственного Архива кинофотодокументов и звукозаписей Республики Казахстан в области обеспечения сохранности важных документов с использованием новых технологий, которые были предоставлены Фондом Посла.

Мы также согласны с мнением директора Архива Сеитовой А.Ф. о том, что знание об архивах должно передаваться молодым людям. С этой целью в 2015 г. мы с радостью поддержали проведение выставки «Одна победа». Государственный архив кинофотодокументов и Национальный Архив

США объединили усилия, чтобы отметить 70-летие годовщины Победы во Второй мировой войне и передать эту историю новому поколению.

Данная выставка передала истории солдат, гражданского населения, мужчин и женщин, которые жертвовали своими жизнями во имя Победы. Тысячи людей смогли ознакомиться с историями наших родителей, дедушек и бабушек, благодаря которым мы живем в свободе.

Эта история включает в себя героизм, но также и трагедию. Благодаря историям выживших людей, таких как Эли Визель, а также информации, сохраненной в архивных учреждениях в этой стране и в др. странах, мы можем восстановить картину тех ужасных дней во время Холокоста. Архив Президента в г. Алматы с помощью своих фондов помог нам получить информацию об эвакуации советских евреев в Казахстан во время Войны.

Это - история, которая теперь хранится и в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне, столице США. Я хочу воспользоваться данной возможностью, чтобы поблагодарить директора Архива Президента Республики Казахстан г-на Джапарова Б.А. за его роль в передаче этих документов коллегам из Американского музея Холокоста.

Благодаря Вашим усилиям, миллионы американцев и люди со всего света теперь могут узнать о том примере, который Казахстан показал миру.

Это сотрудничество напоминает нам о том, что мы все должны работать сообща для сохранения истории. Мы признательны Архиву Президента Республики Казахстан за прием, оказанный многочисленным американским исследователям, приезжавшим сюда по программе Фулбрайт – в результате этих совместных проектов, они написали много важных работ.

Я также рад тому, что мы всегда слышим одни и те же отзывы об опыте работы в Алматы от американских исследователей – они всегда поражены открытостью, приверженностью работе и гостеприимством казахстанцев. Как и всем нам, этим исследователям повезло, что они оказались в Казахстане.

В 2016 г. Казахстан отмечает 25-летие Независимости, и работа архивов играет важную роль, чем когда-либо. Поскольку Казахстан движется вперед, он будет отмечать новые достижения, преодолевать новые вызовы, а также узнавать что-то новое - и все это станет уже новой историей.

Так же, как мы сегодня оглядываемся на историю XX в., будущее поколение будет обращаться в архивы, чтобы узнать историю, которую мы создаем в настоящее время.

Я бы еще раз хотел поздравить наших друзей в Центральном государственном архиве Республики Казахстан с 95-летней годовщиной. Спасибо за все, что вы делаете для вашей страны, а также для сохранения общей истории человечества.

Пусть ваша работа живет вечно.

Эяль Дали

*Первый Секретарь Посольства Государства Израиль, глава
представительства Натив в Средней Азии*

В наши дни, в то время как многие страны, пытаясь оставаться толерантными, принимают огромное количество беженцев из различных регионов, где происходят конфликты, как никогда становится важным опыт и пример Центральной Азии в общем, и Казахстана в частности.

Сегодняшний Израиль, дом и убежище для любого еврея в мире, понимает важную роль Казахстана и Центральной Азии в спасении нашего народа.

К сожалению, с каждым годом остается все меньше живых свидетелей, и буквально через десяток лет уже не останется тех, кто сможет рассказать вживую истории жизни их семей во время Великой Отечественной Войны.

Тем самым, подчеркивается важность данной конференции и той бесценной информации, которую уже в восьмой раз собирают в замечательную и поучительную книгу. Закономерно то, что эта конференция проходит в Казахстане, который принял во время войны большую часть беженцев и, среди них, огромное количество евреев.

Натив, как организация, созданная Правительством Израиля для поддержания связей с еврейскими общинами мира, видит в этой конференции важный источник для тех, кто ищет свои еврейские корни. И эта конференция является одним из важнейших элементов в напоминании и сохранении памяти об одном из самых трагически-значимых событий из жизни еврейского народа - Катастрофы.

Мы приветствуем и благодарим всех участников данной конференции за их труды и сбор столь важной информации.

В особенности хочу поблагодарить Барона А.И. за организацию этой конференции в очередной раз, выразить ему слова благодарности и поддержки.

Джапаров Борис Аликенович

д.т.н., профессор,

Директор Архива Президента Республики Казахстан

Уважаемые участники конференции!

От имени Архива Президента Республики Казахстан позвольте поприветствовать участников и гостей VIII Международной научно-практической исторической конференции, посвященной 95-летию Центрального государственного архива Республики Казахстан, 25-летию Независимости Республики Казахстан и 25-летию установления дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Государством Израиль.

Мероприятие, организованное Ассоциацией «Мицва» совместно с Центральным государственным архивом Республики Казахстан, уже не первое. Организаторами с 2002 г. изданы 13 научных сборников. И это закономерно.

Тема эвакуации и беженцев во время Великой Отечественной войны в Казахстан, изучение судеб множества людей были и остаются актуальными для историков и архивистов. Большое число документов содержат и фонды Архива Президента. Архивом подготовлены два тома документальных сборников по истории депортированных в Казахстан народов, изданы другие тематические сборники по истории отдельных народов, проживающих в Казахстане, по истории ВОВ. Рассекречен целый ряд ранее недоступных исследователям документов по теме ВОВ, в частности.

Убежден, что заявленные доклады ученых из Казахстана, Узбекистана, России, Израиля, Украины, Белоруссии, Латвии, Германии, Канады и др. поднимут и новый круг вопросов, все еще требующих своего изучения, внесут лепту в дальнейшее изучение этой проблематики.

ЕВРАЗИЯ XX в.: ЭВАКУАЦИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ, БЕЖЕНЦЫ

Сарсенова Г.С., Грибанова Е.М.

УРОЖЕНЦЫ БЕССАРАБИИ В КАЗАХСТАНЕ: ДЕПОРТИРОВАННЫЕ И ЭВАКУИРОВАННЫЕ

Для большинства современных жителей Казахстана история отдельных регионов нашей планеты, особенно незначительных по площади, неизвестна, что вполне понятно и простительно. Знание необъятно, тем более в наш сложный век, насыщенный технологиями, стремительно захватывающими быт и повседневную жизнь и требующих систематического овладения новыми сведениями и навыками.

Однако Казахстан на протяжении длительного времени являлся страной с полиэтничным составом населения и до сего времени не утратил этого статуса. В этой связи эпизоды истории многих государств, потомки выходцев из которых до сегодняшнего дня являются гражданами Республики, имеют определенный познавательный интерес, особенно рассматриваемые через призму историй отдельных семей.

Бессарабия – область в юго-восточной Европе между Черным морем и р. Дунай, Прут, Днестр. Название (от румынского *Țara lui Basarab* – «Земля Басараба») происходит от имени Валашского воеводы Басараба I Великого (1289–1352, правил с 1310). В XV—XVII вв. Бессарабией называли Валахию с Бабадагской обл. по Дунаю [1], позже, до начала XIX в., это название носила только южная часть междуречья Прута и Днестра – Буджак, юг восточной части Молдавского княжества [2]. После присоединения к Российской империи в 1812 г. восточная часть Молдавии получила название Бессарабская обл., а с 1873 г. – Бессарабская губ. [3].

В соответствии с переписью 1897 г. «47,6% жителей Бессарабии были молдованами, 19,6% – украинцами, 11,8 – евреями, 8% – русским, 5,3% – болгарами, 3,1% – немцами, 2,9% – гагаузами». По поводу этих цифр у исследователей возникают споры, однако в данном контексте их точность не так важна, т.к. они упоминаются с целью продемонстрировать полиэтничность населения территории [4].

В годы Первой мировой войны в декабре 1917 г. в Бессарабию были введены румынские войска. В ноябре 1918 г. Бессарабия вошла в состав Великой Румынии. Несмотря на дипломатические усилия советской России, антирумынские восстания в самой Бессарабии, румынское

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

правительство аннексировало Бессарабию. Новый режим вызвал бегство населения из Бессарабии в СССР, страны Западной Европы и Америку. За десять лет Бессарабию покинули не менее 300 тыс. чел., т.е. 12 % населения. Секретный протокол к Советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. предусматривал вхождение Бессарабии в состав СССР. Однако Сталин некоторое время медлил с реализацией этого плана, поскольку Румыния имела военные гарантии Франции. После разгрома Франции нацистами в мае-июне 1940 г. последовала нота румынскому послу в Москве относительно передачи Бессарабии, а также Северной Буковины Советскому Союзу. 28 июня 1940 г. на территорию Бессарабии были введены части Красной Армии, после чего она была объединена с Молдавской АССР (левобережной Молдавией), преобразованной в Молдавскую ССР.

Советизация аннексированной территории началась сразу же. Указом Верховного Совета от 15 августа 1940 г. была произведена национализация банков, промышленных и торговых предприятий, железнодорожного, водного транспорта и средств связи Бессарабии. Другим Указом от того же числа восстановлена национализация земли. 8 марта 1941 г. все жители Бессарабии, являвшиеся до 7 ноября 1917 г. подданными Российской империи и проживавшие на территории Бессарабии к 28 июня 1940 г., и их дети получили гражданство СССР [4].

За советизацией последовала «зачистка» новых границ, т.е. депортация. Уполномоченный ЦК ВКП (б) и СНК СССР по Молдавской ССР Г.А. Гоглидзе попросил у Сталина разрешение на выселение небольшого, всего 5 тыс. чел., контингента активных контрреволюционеров с семьями. Под ними подразумевались активисты буржуазных партий, помещики, полицейские и жандармы, офицеры белой, царской и румынской армий, крупные торговцы, домовладельцы и примари, т.е. волостные старшины. В результате разрешения Сталина в июне, не ранее 14, как утверждают исследователи темы, 1941 г. возникла директива «План мероприятий НКВД по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР» [5].

Кто же были те люди, которых чиновники от советской власти по формальным признакам, заочно отнесли к ее врагам?

В 2000 г. Казахстанское историко-просветительское общество «Әділет» провело конкурс исследовательских работ старшеклассников и студентов «Человек в истории. Казахстан — XX в.». Одна из участниц Е. Левицкая предоставила запись воспоминаний своей бабушки. К сожалению, школьница не владела навыками исследовательской работы и

не сумела через историю семьи отразить политическую историю государства, не получив в связи с этим призовое место. Но сам текст, написанный простым, но грамотным языком и содержащий уникальную информацию, не отраженную ни в каких официальных источниках, заслуживает несомненного внимания. Валентина Стоянова, бабушка школьницы, рассказывала о себе [6].

«Я родилась в г. Комрате в 1928 г. Сейчас это республика Молдавия, а тогда он находился в Бессарабии, которая принадлежала Румынии. Комрат - это искаженное название, правильное - Комюр-ат, что в переводе с турецкого означает «черная лошадь».[...] Маму мою звали Нина Васильевна, в девичестве Болокан. Ее отец не был особо богатым человеком, но у него было очень много земли. Мама была из семьи, где росло восемь человек детей. Несмотря на свою относительную бедность, их отец сумел дать высшее образование всем детям, а это тогда, да и сейчас, как я погляжу, стоило больших денег. Глава семейства не баловал своих детей. Он разделил землю на восемь равных частей. Когда дети приезжали на каникулы, то они работали, как простые рабочие, отец с детства приучал их к труду. Он как в воду глядел: ох, как это пригодилось всем нам потом, чтобы выжить, но об этом позже. Мама окончила гимназию с учительским уклоном. Гимназия была в городе, а она жила в селе, и поэтому дедушка снял ей комнату в доме дяди моего отца, там они и познакомились, потом ее пригласили работать в одно село. В школе мама была и учителем по четырем предметам, и завучем, и директором». Молодой учительнице было нелегко, но она успешно справилась с порученной ей работой, получила достойное вознаграждение за свой труд, которое позволило ей продолжить образование. Мать Валентины Стояновой «поступила на заочное отделение биологического факультета университета в г. Бузеу (это в Румынии). Поступила и вышла замуж в 1927 г. за Петра Дмитриевича Стоянова, т. е. за моего отца. Мой отец - единственный сын богатых людей. Он окончил реальное училище в г. Комрате. Потом поехал учиться в Германию, в Лейпцигский университет, где увлекся демократией. Отец вообще был вольнодумцем, да к тому же и атеистом, неудивительно, что он ходил на демонстрации, митинги, печатал и распространял листовки. После окончания машиностроительного факультета, он вернулся в г. Комрат и встретил у своего дяди маму». Молодым людям пришлось столкнуться с негативным отношением родных к их предстоящему браку в силу разного материального положения семей. Но брак состоялся, и через год родилась их единственная дочь Валентина. «Я прекрасно помню

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

свое детство: наш двухэтажный дом в г. Комрате с бакалейным магазином на первом этаже, загородную дачу, правда дачей это можно было назвать с большим трудом: скорее это была настоящая усадьба с огромным садом из фруктовых деревьев и с бесконечными виноградниками. Винограда было так много, что наша семья была в состоянии содержать даже маленький винодельческий завод. Поместье было огромное, естественно, у нас работало множество рабочих. Но мой отец, когда мы приезжали летом, работал наравне с ними и не делал никаких различий между собой и батраком. Он каждого знал по имени, знал, какая у кого семья, знал нуждавшихся - таким отец обязательно помогал. Папа был прост в общении и никогда себя не ставил выше другого человека. Часто его мать говорила: «Петр, как ты позволяешь рабочим обращаться к тебе по имени и говорить «ты»? В конце концов, ты же хозяин поместья!» Папа отвечал: «И бедные, и богатые люди равны между собой. Не моя вина в том, что я родился в богатой семье». С шести лет Валя отправилась по собственной инициативе в школу. Начальную школу она окончила в г. Кишиневе и поступила в гимназию-пансионат. В 1940-м г., когда в Бессарабию вошла Красная армия, Валя перешла в третий класс. «После своего прихода Советы расклеили по городу листовки с напечатанным указом о сдаче оружия и всеобщей национализации частной собственности. Отец отдал все ружья, загородный дом с виноградниками и садом. Но этого было недостаточно. В г. Комрате у нас два раза был обыск: искали деньги, драгоценности, несколько раз обмеривали дом. Он, естественно, оказался слишком большим для семьи из трех человек. Многие из наших знакомых и некоторые родственники уехали в Румынию. Был период, когда мои родители тоже хотели туда бежать. Они даже отправили за границу некоторые вещи. Но... мы не уехали. Дело в том, что мой отец до самого конца не верил, что его с семьей могут выслать. Он все время повторял: «Да что они могут мне сделать? Я им все отдам и уеду в г. Кишинев. У меня есть специальность, у Нины есть специальность, мы будем работать, никому не мешая». Даже когда начали высылать наших знакомых, он все равно надеялся на что-то. И, наконец, после очередного обмера дома нас попросили в течение суток собрать необходимые вещи и покинуть помещение, принадлежащее отныне Советам. Делать нечего, пришлось уйти на улицу. Слава Богу, нас приютил у себя воспитанник папиного отца Петр Барабайко (в 1947 г. его тоже хотели выслать и именно из-за нас)».

Пока семья жила у Барабайко, в далекой Москве очередной партийный чиновник завывал план. Намеченные для депортации 5 тыс.

чел. организаторов кампании уже не удовлетворяли. Из Молдавии предполагалось направить в Казахстан (в Актюбинскую, Карагандинскую, Кустанайскую и Кзыл-Ординскую обл.) и Новосибирскую обл. 11 тыс. чел. [5, с.239]. «У Барабайко мы прожили месяц. Затем за нами пришли и известили о том, что нас увозят из родных мест. 13 июня 1941 г. поезд с выселяемыми тронулся с перрона». Валентина Стоянова точно указала дату выселения. Упомянутый выше план депортации из Прибалтики и Молдавии опубликован в одной редакции, но составители говорят и о другой дате, мае месяце. Возможно, речь идет о неопубликованной редакции этого же документа. Он – единственный, говорящий о решении властей провести выселение определенной части населения Молдавии. Специального законодательного решения по поводу этой операции не выявлено в архивах до сих пор. Иными словами, даже с точки зрения государственного права 1940-х гг. в Бессарабии советская власть действовала не законно [5, с.188].

«Посадили нас отдельно: женщины, старики и дети в первых вагонах, а мужчины и юноши с 14 лет в хвосте. Ехали мы под охраной, на последнем вагоне даже пулемет стоял. В общем, везли как особо опасных преступников: адвокатов, инженеров, врачей и всю остальную интеллигенцию г. Комрата. В одном с нами вагоне ехали пятилетние дети и больные старики. Никого не пожалели, всех запихали в свой чертов поезд. Еще на перроне я заметила маленькую полненькую учительницу, которую знала моя мама. Она оказалась беременной и до родов ей оставалось совсем немного. И вот, по дороге в неизвестно куда в этом душном и чадном вагоне она родила своего первенца - мальчика. Женщины завернули его в тряпки, какие только смогли собрать. Этот эпизод еще долго снился мне по ночам. Да и сейчас иногда я вижу во сне крики и стоны несчастной женщины, оторванной от мужа, и просьбы остальных о том, чтобы она потише рожала. К сожалению, я не знаю, что с ними случилось потом.

Довезли нас до Украины на станцию «Раздельная», где мы простояли примерно с полчаса. Когда же наш поезд тронулся, я, как обычно, высунулась из окна, чтобы увидеть хотя бы краешек последнего вагона (я наивно думала, что увижу там отца) и в этот момент мне показалось, что поезд стал «короче»: вагонов было 71, сейчас их стало 59! Я пришла в настоящий ужас. Один из охранников увидел мое побелевшее лицо и сказал, не без иронии: «Че ты, высунулась? Отцепили вагоны с папками-то». Женщины услышали это и заплакали. 22 июня мы были на Урале в г.

Златоусте, именно там узнали о начале войны. Сразу стало ясно, что обратно домой мы уже никогда не вернемся. 28 июня поезд пришел в Казахстан в г. Акмолинск».

В отчете НКВД КазССР от 11 сентября 1941 г. зафиксировано, что выселенные из Молдавской ССР прибыли на территорию Казахстана в июне-июле месяце в составе 9 тыс. 954 чел., их расселили в Актюбинской, Карагандинской, как первоначально и планировалось, а так же в Южно-Казахстанской, Кызыл-Ординской, Гурьевской и Акмолинской обл. В Акмолинскую обл. прибыло 1 тыс. 330 чел., которых разместили в совхозах Акмолинского и Шортандинского р-нов. Документ заканчивается фразой «Все указанные лица от 16 лет и старше взяты под гласный надзор в соответствии с инструкцией...» [5, с.254–255].

«Нас выгрузили за вокзалом поздним вечером. В город идти было бессмысленно, поэтому ночевали мы под открытым небом в окружении охраны. Можно подумать, что женщины с детьми могли куда-то убежать. А на следующий день приехали из колхозов машины, и начали нас распределять. Мы с мамой попали в колхоз 31 поселка, который назывался «Новый быт» (беда всегда цинична)».

В эти же дни другая семья из Бессарабии боролась за выживание. Валентина Стоянова, в своих воспоминаниях не указала свою этническую принадлежность. Внучке она известна, а до читателей куда важнее было донести перипетии жизни людей той эпохи. По тексту и фамилии можно предположить, что Стояновы – болгары. В другом городке Бессарабии, Бендерах в тот же период, жила еврейская чета Флициан Иосиф и Рива. Он – рано осиротевший юноша, грамотный, но без специальности, всю жизнь работавший по найму в сельском хозяйстве. Рива – девушка из обеспеченной, хотя и не самой богатой семьи, тоже грамотная, с житейской смекалкой, швея и хорошая домохозяйка. В 1931 г. у них родилась первая девочка, Энна с врожденным заболеванием тазобедренного сустава. Ее воспоминания и легли в основу нашего рассказа [7]. «Бендеры в начале 1930-х гг. – маленький провинциальный городишка с преимущественно еврейским населением, одноэтажными домами, фаэтонами в качестве основного средства передвижения. Мама мне рассказывала о том, что я, в двухлетнем возрасте, сидя во дворе нашего домика, рассказывала стишки детворе. Если быть точным, дом родителям не принадлежал, для них это было съемное жилье. До 1941 г. я запомнила четыре таких квартиры, в которых мы жили». Голодать не приходилось, но Энна помнит беспокойство мамы по поводу

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

полноценности питания семьи, в которой до 1941 г. родились еще одна дочка и сын. «Папа любил гастрономию, содержащую свинину – то, что стоило дороже, не соответствовало требованиям кошерности и на что денег не хватало. Вероятно, поэтому, мама считала, что мы питаемся плохо. Но я не помню ощущение голода, напротив, в памяти остались груды фруктов, ягод, овощей. Все это было в избытке и почти даром. Литрами, в специальных бочонках, заготавливались варенье и повидло. Одно из развлечений ребятишек – залезать в конце лета на ореховые деревья, их было два в нашем дворе, и рвать грецкие орехи еще в зеленой кожуре, от которой мы все ходили перемазанные коричнево-зеленым соком. На хлебе масло, варенье или повидло, а сверху грецкие орехи – любимая пища детства. Но с точки зрения моей мамы такой бутерброд насытить нас не мог. Она водила нас к местному доктору Рабиновичу и жаловалась на плохое питание детей, на что он отвечал: «Рива, так почему они у тебя такие розовощекие и толстенькие?». Запомнились походы на рынок по пятницам. Ягодно-фруктовое изобилие, виноградный сок, вкуснейшие бублики, и, наконец, многолюдье, – все это вносило счастливое разнообразие в мою детскую жизнь. Походы заканчивались покупкой кошерной курицы».

В семье, как большинство жителей Бендер, говорили на идиш. Но обучаться пришлось в румынской школе, впрочем, у Энны он трудностей не вызвал. А когда пришла Красная армия в 1940 г., она перешла в школу с преподаванием на молдавском языке, очень похожим на румынский.

Энна Иосифовна вспоминает: «Для нас война началась в ночь на 22 июня. Мы проснулись от интенсивной бомбежки. Бомбили рядом. Днем мы узнали, что началась война. 23 июня папа был мобилизован в действующую армию. Спешно собравшись, он велел маме немедленно уезжать из Бендер. Уже 24 июня мы, две женщины и трое детей, груженные скарбом, тронулись в путь. С собой взяли пару штук молдавских ковров, выполнявших функции мешков, постельные принадлежности, шелковые отрезы, рулон кожи. Золота, драгоценностей, денег у нашей семьи не было и быть не могло [...]. Прихваченные с собой вещи позже, в дороге, наполненной кошмаром бомбежек, хаосом и полной незащищенностью, спасли нас от голодной смерти.

Первый пункт назначения – Тирасполь, где остановились у знакомых. Это соседний с Бендерами город, некогда столица Молдовы. Ехали на подводе дяди Давида, мужа тети Энны. Дети и вещи – на телеге, взрослые шли пешком. Едва мы добрались до Тирасполя, как в Бендеры

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

вошли вражеские войска. Через два дня мы вновь тронулись в путь, уже без тети с дядей, т.к. дядя сослался на то, что лошадям тяжело. Передохнули опять два дня в деревеньке Яновка в типичной украинской хате. А Тирасполь уже был занят. И снова мы в пути, на этот раз конечный пункт – Одесса, где жила мамина тетя со своим ослепшим на фронтах Первой мировой войны мужем. Наше прибытие в составе пяти чел. ее не обрадовало, она не стремилась нас задержать. Мама была на сносях, вот-вот ожидалась роды. Тем не менее, она отправилась на передовую, под насмешки солдат разыскала отца, чтобы узнать его мнение: оставаться в Одессе или двигаться далее? Мой мудрый папа, пораженный поступком мамы, сказал: «Немедленно уезжайте вглубь страны».

Семья Флициан относилась к числу тех, кто проживал в Бессарабии и до 1917 г., т.е. ее члены некогда являлись гражданами Российской империи и в соответствии с этим автоматически оказались гражданами СССР. В Одессе они влились в поток населения, подлежащего эвакуации и впервые почувствовали преимущества, хотя и скромные, отличия беженцев от эвакуированных.

«Одесса запомнилась тем, что нас, эвакуированных детей, государство обеспечило питанием. Правда, кормили раз в сутки, в т.ч. манной кашей с вареньем, но для нашей семьи это было существенным подспорьем.

К радости родственницы мы опять двинулись с места, теперь уже в Новороссийск с семьей, увеличившейся еще на одну сестренку. Мы успели на пароход «Днепр», последний транспорт, вывозивший эвакуированных из города. Перед этим такой же пароход был расстрелян и потоплен с воздуха, поэтому нас сопровождал истребитель.

В Новороссийске нас ожидали массированные бомбежки, от которых мы укрывались в каком-то металлическом павильоне. Он был огромный, полностью забитый перепуганными людьми. В одну из бомбежек мы с Миной потерялись. Сложно передать степень страха, охватившего нас, да и маму с тетей. Спасло то, что и мы, и они, все время выкрикивали имена друг друга. Конечно, ни о каком регулярном питании, хотя бы для мамы и новорожденной, не могло быть и речи. Малышку не купали, и я не помню, чтобы ее пеленали. Стресс был для всех нас. Мытарства продолжались и дальше. Нам с трудом удалось устроиться в товарняке, т.к. все виды транспорта были переполнены. Бомбежки продолжались и в пути. Состав двигался очень медленно. До Казахстана мы добирались месяц. На станциях мама с тетей по очереди или вместе исчезали, т.к. о пропитании необходимо было заботиться самим. В р-не Сталинграда наша малышка

умерла: взрослые где-то ее закопали по пути следования поезда. Теперь мама из всех сил старалась сохранить наши жизни. От недоедания, страха, антисанитарии у нас появились вши. Начались прохладные дни, а теплой одежды не было.

Мы приехали в Карагандинскую обл., нас высадили в степи. К счастью, нас уже ждали и повезли в первую очередь в баню. Это было ни с чем несравнимое удовольствие: избавиться от вшей и всей той грязи, которая накопилась за время нашего вынужденного путешествия. Нам всем выдали по кирпичику серого хлеба. Это тоже было огромной радостью для изголодавшегося желудка».

Жизнь на новом месте многодетной Ривы Флициан, попавшей в Казахстан уже осенью, и Нины Стояновой с дочкой, к тому времени как-то обосновавшихся, мало чем отличались.

Валентина Стоянова: «В тоже время колхоз выделил нашей семье малюсенький сарайчик, где раньше держали коров. До этого мы жили в «квартире», которая напоминала переполненную камеру, рассчитанную лишь на одного заключенного. Этот «гроб» вмещал в себя 11 чел.: меня с мамой, тетю Варю из Украины и ее пятерых детей, Софу с сыном, потом она родила еще одного ребенка. Конечно, маленький сарайчик, по сути, говоря хлев, показался нам настоящим дворцом. Как воодушевлено мы начали обустраивать наш новый дом! На покупку мебели у нас не было денег, поэтому мама кое-что сколотила сама, а некоторые вещи нам подарили соседи. Это были простые, добрые люди, не высланные – местные. Им было все равно, кто мы такие и откуда: нам нужна была помощь, этого для них было достаточно. Колхозные же чиновники относились к нам, как к людям второго сорта: презрительно, свысока. Я никогда не забуду, как они обходились с нами.

Наш сарайчик был очень старым и прогнившим насквозь. Годился он только для проживания в нем летом. Щели между стеной и крышей были очень велики, теплые дни заканчивались, и надо было что-то делать. Единственный способ – это накопать дерна у реки, там же набрать глины. Куски дерна использовать как кирпичи, а глину – в качестве цемента. Все просто! Но река находилась в нескольких километрах от поселка. Не тащить же все это на себе! Мама попросила выдать ей парочку быков на один день, специально для того, чтобы поехать на реку. Хоть в колхозе и было полно сильного здорового скота, нам вручили самых тощих и уставших животных. Бедняжки еле доползли до реки, зашли в нее, залегли там. Пришлось нам с мамой не спать ночью и сторожить этих быков.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Слава Богу, на утро к нам забрел один знакомый, наш пастух. Он сжалился над нами и дал двух лошадей, а сам остался с быками».

Энна Флициан: «Разместили наше семейство в поселке Компанейском, основанном трудпоселенцами, т.е. раскулаченными в 1930-х гг. крестьянами из Воронежской обл. Считались они русскими, но говорили скорее по-украински, чем по-русски. Этот говор я потом хорошо освоила, он мне очень нравился. Поселили нас в мазанке из саманного кирпича из четырех квартир. Кроме нас, в ней жили еще три семьи, все местные. Нам выделили однокомнатную квартирку с глиняным полом и русской печкой, с тамбуром перед комнатой. Ежедневно приходилось мазать полы смесью из навоза с глиной. Эта обязанность лежала на мне. Русскую печь растапливали кизяком (лепешками из испражнений скота), а топили антрацитным углем, который собирали на ж.-д. путях, т.к. Карагандинский угольный бассейн был основным источником этого топлива для страны. Уголь везли на Урал. Он был необходим для плавки металла, который, в свою очередь, являлся основным сырьем для производства снарядов, техники, оружия.

В тамбуре перед нашей комнаткой хранились уголь, кизяк, сухие веточки. Он выполнял функции кладовки-чуланчика.

Одно рамное окно долго тепло не удерживало. А морозы в те военные зимы были под 40 и ниже градусов. Окно мы многократно замазывали, но мало что менялось. Поэтому мы, дети, предпочитали спать на печке, где помещались втроем. Помещение освещала коптилка, от которой было больше копоти, чем света. Но Мина умудрялась читать даже при таком слабом освещении. Керосиновая лампа появилась только через два года, готовить уроки стало легче. Но вместе с лампой появилась проблема по приобретению керосина. Часов не было. Ориентировались по солнцу, но не всегда удачно. Были случаи, когда являлись в школу в пять часов утра.

Все жители поселка — потомственные крестьяне, очень трудолюбивые, стойко выносившие житейские тяготы. Они, не так давно находившиеся еще в более худшей ситуации, чем мы, отнеслись к нам сочувственно и активно помогали в устройстве. Снабдили нас домашней утварью: кто тарелкой, кто кастрюлькой. Парнишки лет 14–15 сколотили нам лежанки, стол, табуретки».

Все население Советского Союза в годы Великой Отечественной войны вынуждено было решать главную житейскую проблему: обеспечение семьи пропитанием.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Валентина Стоянова: «Детей сразу же отправили на полевые станы. Мы целыми днями сеяли, пололи, жали, молотили просо, которому, казалось, не было конца. Кормили нас здесь же, прямо в поле. На завтрак — корочка черного хлеба и жидкость, которая называлась «чай без сахара», на обед — каша из проса на воде, на ужин - просто вареное просо. Иногда ночевали мы на траве, в основном это было в разгар сева или жатвы. Мама моя тоже работала в поле. Когда комендант начал разбирать бумажки всех высланных, приехавших в его колхоз, то выяснилось, что у мамы высшее образование. Председатель предложил ей место в школе, ведь в то время учителей не хватало. Но мама, услышав размер зарплаты, которая была настолько мала, что вряд ли мы смогли бы на нее выжить, отказалась и попросила отправить ее на какой-нибудь тяжелый физический труд. Позже председатель заметил, что мама очень умная, сметливая женщина и ей можно было доверить более ответственную работу. И вскоре маму перевели работать в колхозный ларек, где она торговала всем, начиная с молока, заканчивая карандашами. Работа была с деньгами и дефицитом, естественно, мама боялась, как бы ее не обвинили в воровстве (с ссыльными было очень строго: чуть какая недостача, чуть что не понравится - сразу же вели в степь, рыли яму, пулю в лоб и все, нет человека). Поэтому она никого не пускала к себе в будку, кроме коменданта и председателя. За эту работу маме заплатили, конечно же, чисто символически, но нам эти копейки показались целым состоянием».

Энна Флициан: «В те годы деньги не имели особой ценности. Нам полагалось как детям красноармейца по 50 руб. в месяц. На троих выдавали 150 руб., а буханка хлеба стоила на рынке в г. Караганде 250 руб. Продукты мы получали по карточкам. Хотя предполагалось, что отоваривать нас должны были «в ассортименте», но фактически мы получали только хлеб. В школе, мы с сестренкой с ноября посещали школу, выдавали ежедневно по 100 г этого продукта. Полученный в школе хлеб не мог сравниться с выданным в магазине: он был воздушный, белый и казался необыкновенно вкусным. Мама после приезда на новое место какое-то время ходила с другими женщинами на колхозное поле, с которого уже сняли урожай, подбирать оставшиеся колоски. У соседки была ручная мельница, собранные колоски освобождали от зерен, из которых мололи муку, а из нее готовили затируху, т.е. воду с мукой. Но однажды во время такого похода на колхозное поле мама попала на глаза объездчику. Он отобрал у нее добычу и пригрозил отдать под суд.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Надо было искать другие варианты. Мама сумела продать отрез сохранившегося шелка и приобрести на вырученные деньги швейную машинку «Зингер». После этого события жизнь немного наладилась. Мама шила, тетя Сара ей помогала (пуговицы пришивала, петли обметывала). Да и мы с Миной старались не быть обузой. Мина, любившая возиться с малышами, пригласилась нашей соседке тете Дуне, у которой их было четверо. Тетя Дуня на землях, не используемых колхозом, как и многие другие жители поселка, выращивала просо. Местные сажали так же картошку. Были случаи, когда мы ее воровали. Но в целом старались обеспечить себя трудом. Мина присматривала за детьми тети Дуни, в награду получала скромное дополнительное питание. Перепадало что-то и мне. Моя же помощь семье заключалась в вязании. В румынских школах с первого класса преподавали домоводство. Спицами я владела. Соседская бабушка поделилась шерстяной пряжей, и я смогла «обвязать» членов семьи. Этот труд был для меня одновременно и времяпровождением. Бегать и прыгать, как мои ровесники, я не могла. Иногда ребята, не желая меня обижать, позволяли мне играть с ними в лапту. Но из-за моей вынужденной неповоротливости моя команда проигрывала, а выигрывать-то хотелось всем! Я это понимала, и собой ровесников старалась не обременять. Т.о., наша семья приспособилась к новым условиям жизни, хотя, конечно, в нашем окружении мы жили скромнее всех».

Незнакомые друг с другом семьи сближала и тревога о главах семейств.

Валентина Стоянова: «Мы уже год жили в Казахстане, а от отца не было никаких вестей. Где он, что с ним, жив ли? На эти вопросы мы не могли найти ответа. И вот, однажды, зимой 1942 г. к нам пришла женщина из соседнего 30-го поселка. Она оказалась нашей однофамилицей, и поэтому к ней пришло письмо от отца. Женщина пешком прошагала 30 км, специально для того, чтобы отдать нам потертое, замасленное и столь долгожданное письмо. Любая другая могла бы его сжечь, и никто не узнал бы о случившемся. Эта же правдами и неправдами узнала, где живут близкие П. Стоянова, ее не испугали ни расстояние, ни лютый мороз. К великому сожалению, мы так и не узнали имени этой доброй души: она ушла сразу же после того, как отдала нам письмо. Наконец-то, спустя год после разлуки мы узнали участь отца. После того, как вагоны отцепили и оставили в Украине, люди прожили в них еще шесть дней. Затем их выгнали на улицу, и повели в заброшенный монастырь, где они оставили

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

свои вещи. Затем охранники привели их на какой-то пустырь, раздали лопаты и приказали рыть траншею глубиной в человеческий рост. Потом лопаты отняли. «А теперь прощайтесь друг с другом, только быстро, а то нам после вашего расстрела еще обедать надо», – сказал командир роты! Оказывается, наши отцы только что вырыли себе могилу! Послышались сдержанные рыдания, слова прощания. Какой-то мальчик забился в истерику, у кого-то не было даже слез от ужаса. Командиру надоело все это, и он грубо крикнул: «Ну, все хватит сопли пускать. Становись!» И друг против друга выстроились две шеренги: с одной стороны – запуганные люди, оторванные от семей, от дома, насильно привезенные в чужую страну, «враги народа», большинство из которых не успели не то чтобы «причинить вред Советам», а просто пожить, как следует. С другой стороны стояли такие же люди. У них пока еще были семьи, дома, свои заботы и проблемы. Среди них, как писал отец, были такие, которым оружие настоящее рано было в руках держать. Уже слышался приказ командира: «Готовься! Целься!» Он уже собирался сказать: «Пли!» Но в этот момент на пустырь прискакал всадник. У него было сообщение о начале войны и приказ о перевозе заключенных в Сибирь – в лагерь Ивдель, который находился неподалеку от лесоповала. Вовсе не сибирского концлагеря ожидал отец от Октябрьской революции, о которой он так долго мечтал с друзьями по демократическим кружкам в Германии [...].

Лагерная жизнь очень отличалась от той, к которой привык отец, выросший в богатой семье. Вскоре после приезда отцу вырезали аппендицит, но, не дав ему отойти от операции, его погнали на лесоповал таскать бревна. После очередной попытки поднять полено у отца разошлись швы. Его отвезли в госпиталь. Отцу повезло, что врачом был сосланный болгарин, который пожалел папу и оставил у себя санитаром. Работа в госпитале не была такой тяжелой как на лесоповале. И тут выяснилось, что в одном лагере с отцом был его друг, звали его Николай Стоматов. Радость встречи длилась недолго: вскоре кум, как звал его папа, умер от рака. Да и сам отец ненадолго пережил Николая. От долгой работы на морозе (из госпиталя его опять перевели на лесоповал) он заболел воспалением легких и умер. Мы узнали об этом спустя пять лет после его смерти».

Риве Флициан повезло больше, она мужа дождалась.

«Это был уже 1945 г. Из родни мы общались только с тетей Женей, женой дяди Ильи, которая находилась в эвакуации в Челябинской обл. Война

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

завершилась, а от отца ни слуху, ни духу. Тетя Женя и папа почти одновременно отправили запросы в Бендеры: тетя Женя искала папу, а папа – нас. Эти два запроса оказались у Бондарева, знавшего нашу семью. Он адрес моего отца отдал тете Жене, а она сообщила ему наш. Вскоре мы получили телеграмму: «Жив, здоров, ждите письма». Письмо пришло позже, и из него мы узнали, что он дважды был ранен и одно из ранений лечил в г. Алма-Ате. Отца мобилизовали только в конце 1946 г. Его подразделение восстанавливало железнодорожную ветвь».

Завершая рассказ об этих двух семьях в трагический период истории Советского Союза, обратим внимание на следующее. Две семьи, которых объединяло место жительства, имея различное социальное положение, тем не менее отличались схожим мировоззрением, в основу которого были положены забота о близких, трудолюбие, ответственность перед семьей. Именно поэтому обе семьи смогли оценить и быть благодарны людям, помогавшим им выжить в критической жизненной ситуации.

Энна Иосифовна рассказала, как мама готовила ее к обучению в школе с русским языком, которого она до приезда в Казахстан не знала. Валентина Стоянова об этом умолчала. Можно предположить, что для нее переход на русский язык был не так сложен в силу того, что ее родным являлся болгарский.

К счастью для себя, обе семьи после Великой Отечественной войны не покинули Казахстан. У Стояновых эта возможность появилась только в середине 1950-х гг. Мудрый Иосиф Флициан вскоре после мобилизации предпочел обосноваться в колхозе «Горный гигант» под г. Алма-Атой, в местности, фруктово-овощным изобилием напоминавшую родные Бендеры. Родня его жены Ривы такую осмотрительность не проявила, хотя печальный опыт общения с советской властью семья владельцев небольшой лавочки тканей уже имела. «Мамин брат, Исаак Франк, после установления советской власти был репрессирован и погиб в лагере через три месяца после нахождения там». Жесткая репрессивная политика советской власти вновь возобновилась в 1947 г. и особенно активизировалась в 1948–1949 гг. Именно весной–летом 1949 г. готовилась и была проведена операция по выселению из Молдавской ССР «контрреволюционного и кулацкого элемента». В 11 позициях, конкретизирующих данные понятия, была и такая «бывшие торговцы». В декабре 1948 г. в Молдавии их насчитали 566 чел., вместе с членами семьи – 1950. В первоначальных планах предполагалось расселить их в Казахстане, Но в июне 1949 г. приказ МВД СССР исключил Казахстан из

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

перечня областей, куда направлялись выселенцы из Молдавии. Депортировали их в ряд областей РСФСР, в т.ч. и Тюменскую [5, с.681–682, 685–686, 698–699]. «Илья (второй брат Ривы) с женой тетей Женей были эвакуированы на Урал, откуда дядю Илью забрали в трудармию. Вернувшись, он с женой и сыновьями Менделем (Эммануилом) 1933 г.р. и Мейлихом (Милей) 1944 г.р. вернулись в Бендеры, но в 1949 г. их депортировали в Тюменскую обл., где дядя Илья работал на лесоповале. Позже они смогли перебраться в г. Тюмень. У них на базаре был ларек скобяных изделий. Сыновья впоследствии получили высшее медицинское образование».

Выжившие герои этой истории прожили полную и по собственным оценкам счастливую жизнь, не покидая Казахстана. И Валентина Стоянова, и Энна Флициан получили высшее медицинское образование и стали уважаемыми специалистами. Энна из-за врожденной патологии не обзавелась детьми, но жила в окружении многочисленно родни, пестуя племянников и теперь уже внучатых племянников. Валентина состоялась и как жена, мать, бабушка.

Бессарабия в настоящее время частично входит в состав Украины, частично – в состав Молдовы.

1. Бессарабская губерния.//Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.: 86 т (82 т. и 4 доп.) – СПб.,1890–1907. – С.4567.
2. Отечественная история. – М.: Большая Российская энциклопедия. Т.1.? – С.220.
- 3.http://dacoromania/wiki/история_бессарабия. Скопировано 14 июля 2016г.
4. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бессарабия>. Скопировано 22 июля 2016 г.
5. Сталинские депортации. 1928–1953 Документы/ Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост.Н.Л. Поболь, П.М. Полян.– М.: МФД: Материк, 2005–904 с. (Россия. XX век. Документы). – С.187, 238.
6. АПРК. Ф.48-Н. Оп.1. Д.166. Е. Левицкая. Посвящается моей бабушке Стояновой Валентине.//Современное осмысление уроков репрессий 1930–1950-х гг. в Казахстане и проблемы защиты прав человека. Материалы «круглого стола». Изд. второе, дополненное – Алматы: OST–XXI век, 2006.– С.118–126.
7. Делопроизводство ЦГА НТД РК. Воспоминания Э.И. Флициан.

PERCEIVING THE OTHERS – SOME REMARKS ON THE TESTIMONIES OF POLISH JEWS IN SOVIET CENTRAL ASIA

Why Central Asia?

The book of Aleksander Neverov “Tashkent - City of Bread” was translated into Hebrew and Yiddish and published in 1932. According to Dov Levin it was very popular among young Eastern European Jews in the thirties. Many former Jewish refugees mention it in their memoirs [1]. For instance, Ilona Flutsztejn-Gruda recounts in her memoirs what her well-read father said: “It seemed that the climate is pleasant and there is a lot of food there”. Based on this image of Tashkent, the family left for “this wonderful city”. Flutsztejn indicated how literature could influence human life in this way. She learned later that the book prompted even more people to go there [2]. In the opinion of the writer Aleksander Wat every Jew knew it even if he did not read it. Many heard about it only from the others. They did not know the book but they knew the magic words of the title. It was not the power of literature but the power of the title [3]. Neverov’s “Tashkent - City of Bread” was also mentioned by the writer Julian Strykowski. From his account we cannot see that the book was decisive for him to go southwards. He stated: “More than of war I was afraid of the Russian winter” [4]. In this way we could already assume that not everybody was influenced directly by Alexander Neverov’s image of Tashkent to go there. Furthermore, there are a lot of memoirs which do not mention the Russian writer’s work at all. What were then the reasons for traveling thousands of kilometers to an unknown destination?

Climatic conditions were not only important for Strykowski. For instance, the young Szoszana Elkes stated that her family had no warm clothes for the coming winter. But there was also another very important reason. After the outbreak of the German-Soviet War the situation in the camps and special settlements deteriorated even more. Szoszana’s father told her he would not be able to bear the working conditions and the hunger for a long time [5]. So it is no wonder that after the so-called “amnesty” the deportees did not want to stay in such places.

„The *commandant* warned us of hunger and misery, and advised us to stay. We did not want to hear about staying in the camp and we went to warmer surroundings of the Soviet Union” [6]. Besides warnings there were also promises: “Foremen promised higher wages, easier work, and contracts for

further work. But nobody wanted to stay. To conclude a contract with the Bolsheviks would mean to stay as a slave” [7]. In another testimony we can read: “Cut off from the world we feared we might stay here forever” [8]. For making a decision to live, the behavior of the other former inmates played also a role: “When we heard that the people went to the South of Russia we decided to leave everything and go as well” [9]. And the freed inmates still had the words of the *commandants* of labor camps and special settlements in their heads who claimed on arrival of the deportees: “You shall never leave this place – for sure! This is where you will work, and this is where you will die” [10]. Hersz Szulman stated that after the amnesty he worked as a hired worker for a month. “But when everyone left I was overwhelmed by a terrible anxiety not to fight actively against fascism and Hitler” [11]. In the testimonies we can also already find traces of rumors about an evacuation [12].

Without a doubt fear of the Germans played a very important role: “We decided to go as far away from the Germans as we could, to Kazakhstan in Central Asia. (...) Kazakhstan was assumed to be beyond the reach of the Germans. Once there, one could even dream of “sneaking” into Persia, perhaps of reaching Palestine” [13]. Being in Central Asia one might take the next step and try to leave the Soviet Union: “After some time, we arrived in Kagan. It seemed to us that it might be better to live close to the border, from where it could be easier to get out of the USSR. But we saw there was no hope to leave, we went to Tashkent” [14].

As an argument to go to Central Asia the former deportees mentioned their health conditions: “Father was ill with tuberculosis. The doctors declared that only the departure for Kazakhstan and oranges would save him” [15]. But illness could be one of the arguments to stop the travel: „My father suffered from an acute asthma and, ironically, the air in the Siberian mountains prison camp had been good for him, we feared that it might not agree with him in hot Central Asia.” The Family Katz got off in Semiplatinsk [16]. There were even cases of interruption of the travel to Central Asia: Rita Blattberg and her parents were on their way southward when her family befriended a Russian Jewish couple who convinced the Blattbergs that Rita`s mother, because of her shaky health, would not survive in the climate of Central Asia. The family reversed the direction and ended up in a village in the Ural Mountains where they lived until their return to Poland in 1946 [17]. Especially this story shows how randomly the decisions were made. Halina Landfisz maintained that after the amnesty people “pointed completely haphazardly with the finger at the map where they wanted to go” [18]. Very interesting is the explanation of Yitzkhak

Erlichson who arrived at Aris. His first plan had been to stay longer in the town. But he stated: “Our decision to get on the road again stemmed from being uprooted, torn from our ties to any particular place”. The train was going to Tashkent. To his surprise it did not stop there but it went on to Kagan. For Erlichson it was not too important: “It was all the same to me: Tashkent, Samarkand, Kagan... They all looked the same to me, the same strangeness” [19].

Whether the Polish Jews had read Aleksandr Neverovs “Tashkent - City of Bread” or not, they had something in common with the young hero of the book - Mishka. It was one universal reason connecting them all – hope to find bread. But whether they had read the book or not, the former inmates of forced labor camps, special settlements, and *kolkhozes* still had little idea about Tashkent. Under difficult circumstances they tried to take a rational decision. However, the decision was based on anything but not on profound knowledge of Central Asia.

Exoticness and language

For newcomers country and people were something new, very different, strange, and just exotic. “I have never seen such exoticness”, stated Ilona Flutsztejn after arriving in Tashkent [20]. Of course, in the stories by Polish Jews we find descriptions of the people and their lives, for example, the colorful Uzbek clothing and social relation between man and woman: “The Uzbeks move through the little street in their wide, colorful robes. You can see them everywhere, riding on camels. Apparently, the Soviet revolution had had little impact on the social status of women. Men sit comfortably on their camels, while women follow them from behind on foot, as if they were just part of the inventory” [21]. Similar observations were made by Ilona Flutsztejn. As she went to a *kolkhoz*, from time to time an Uzbek passed by wearing his colorful robe and head covered with *tyubetyka*. Uzbek men were riding on donkeys. Sometimes a man was accompanied by a woman on foot carrying packages. Flutsztejn remarked that “apparently the packages might have been too heavy for the donkey” [22]. And Julian Strykowski noted: “Women toddle behind men, like by Hasidim” [23].

Polish Jews depicted different aspects of Uzbek life. Yitzkhak Erlichson wrote, for instance, about tea house *tschaikhana*: “People sit on carpets that are spread on the floor, and they drink tea from clay cups along with fruit snacks. The Uzbeks wear four-cornered hats and white pants. The women look like popinjays with their colorful cloths and lacquered boots. I often asked myself how they could drink boiled-hot tea in that Asiatic heat. But the Uzbeks know what they are doing. A lot of the refugees who drank plain water came down

with various diseases, and there were also serious cases of malaria. Hot tea turned out to be an excellent way to deal with the unfriendly climate” [24].

Thus Central Asia was an unknown, exotic area where there was a lot to discover. We should, however, not forget that the people did not go there as tourists. Although they stayed there longer than an average tourist would, they had other things to do than sightseeing. In the times of terrible conditions like hunger and epidemics the most important thing was to survive.

A very important medium that might have supported communication between the inhabitants and the refugees could have been a common language. – A medium that was needed to create more positive attitudes and less prejudice.

In the testimony of one Jewish woman we read that she was deported to the region of Semipalatinsk and was taken to a *kolkhoz* about 150 km from a railway station. She had to take part in the First May celebration. The speeches were in the language the deportees did not understand. According to the author of the testimony: “The orators were Mongols” [25].

Another example: The family of Ilona Flutsztejn was not allowed to stay in Tashkent. They were sent to a *kolkhoz* in Zarkent. The carter, who took them on cart *arba*, could not speak Russian and they did not speak Uzbek. Therefore, communication was not possible. Flutsztejn further recalled: “It turned out quite quickly that, except for the bookkeeper of the *kolkhoz*, nobody spoke a word in Russian! And even the bookkeeper was not very familiar with this language” [26]. After some time, the Flutsztejns stayed with an Uzbek family in another place for a few months. Ilona Flutsztejn recalls that “relations with the hosts were very friendly despite some problems with communication (...) They were very hospitable, kind and good.” Ilona was of course impressed that the hosts invited them to the celebration of Ramadan with *plov* [27].

After his visit to the Fergana Valley, Aleksander Wat claimed that there was no communication between the authorities or the immigrants and the indigenous people [28].

Julian Strykowski, who spoke many languages, said: “Different world. Different language. A language that defines the limits of a world. Non-European language, incomprehensible, it was a shocking novelty for me, exoticness, which makes curious, but about which you cannot do anything” [29].

Ilona Flutsztejn recalls that the *kolkhoz* in Zarkent was for her: “(...) a strange and completely alien and incomprehensible world, where nobody spoke even Russian” [30]. The family moved later to another *kolkhoz*. She attended primary school in Namangan, where she had contact with Russian-speaking children. But her parents were making acquaintances “mainly, if not

exclusively, with Poles of Jewish origin” [31]. And Julian Strykowski stated: “From the first moment to the end of my stay in Uzbekistan I got stuck in the Russian milieu. I had very rare contact with the Uzbeks” [32].

Thus there was a lack of command of language which could have served as a common medium for communication. It had certain consequences. This lack limited the ability to get to know each other. The refugees made different experiences and observations. However, they stated not only facts, but they drew conclusions and formulated comments. The reader of the testimonies has to be aware of this. Not only do we learn many facts, but we have to take into consideration the subjectivity of the observer and the background of the described situation.

“The Uzbeks did not complain about a lack of food. They cooked weeds in huge boilers which they ate with their hands. There was no spoon in the whole *kolkhoz*. It was hard until we got metal spoons from the town” [33]. This passage alone already creates a space for many questions and interpretations. Let’s mention only some of them: was the author of this story able to talk to the Uzbeks and learn whether they complained or not? Our attention is directed at the fact that the Uzbeks ate with their hands. But we can learn only indirectly that the author must have eaten with her hands for a while as well. Were the “weeds” enough food for every Uzbek? Were they satisfied after it? What were these “weeds”? Probably the “huge boiler” must have impressed the observer. But the question is: For how many people was it made? We should not forget a mechanism when a person with two slices of bread could be perceived by a person with one slice of bread as somebody who should not complain. This is of course relative because both of them would still be hungry. We have to add that this is a statement made by a child. And probably the hungry child was indeed impressed by the “huge boiler” and just jealous.

As we have seen, such passages can create many questions but not necessarily answer them. Sometimes they can tell us a lot more about the author than about the described situation. We also find accounts whose authors did not have any doubts about the misery of the Uzbeks in *kolkhozes*. A boy living in the *kolkhoz* “Molotov” near Samarkand stated: “At the beginning we got half a kilo of bread a day. After that, there came long days of starvation. The Uzbeks themselves were in a terrible situation” [34]. In the opinion of another Jewish boy living in a *kolkhoz*: “the local inhabitants lived as wretchedly as we did” [35]. The story of Ilona Flutsztejn is also worth mentioning. Tending the *kolkhoz* pigs provided her family with some pork. One day the Flutszjens were visited by a hungry Uzbek whom Ilona knew to be

a very religious man. Although it was evident that they had only this kind of meat the man asked for a portion. Nobody spoke about the origin of the meat [36]. By the way, Ilona grew up in a non-religious family. So pork did not constitute any problem for her either [37].

In the accounts we also find explanations for poverty in the kolkhozes. Roman Weiss had worked in an Uzbek kolkhoz for 5 months. According to him the kolkhoz was large and rich. However, it was hard to get a piece of bread there. Weiss made mismanagement and corruption responsible for such a situation [38].

Bukharian Jews

The Polish Jews left accounts about their experiences with the Bukharian Jews. We read that Bukharian Jews endeavored to help, but they were very poor themselves [39].

In other testimonies we also find the following statements: “Bukharan Jews are very poor. They have themselves nothing to wear. You could not count on their help” [40]. Between the lines we can read an unspoken expectation of help from the Bukharan Jews. We also find a kind of justification when the author did not receive any help.

Nachum Teper even tried to explain this poverty: “We met Bukharan Jews who knew Hebrew. But they were not able to help us too much. The wealthy ones had been deported long ago and the poor ones had nothing to eat. Nevertheless, they welcomed us very warmly. We prayed together with them” [41].

Yitzkhak Erlichson perceived the Bukharan Jews in another way. In addition to their exoticism, he drew attention not to their poverty, but to their education: “I met Bukharan Jews there for the first time. Until then they had been nothing more than an exotic name, like a yellow photograph in an old Jewish newspaper, but now I saw them face to face. They looked very much like the rest of the Uzbeks in their clothing and behavior, but they were part of the educated class there. They spoke Russian well and a little Hebrew. They worked as civil servants in government offices, and some were small businessmen or sold soda-water” [42]. Whereas Menachem Begin described them in a context of solidarity. In a small town between Samarkand and Bukhara he learned that bread was distributed by a Jew there. He spoke to him in Hebrew. After this meeting Begin had plenty of bread. He stated: “Sometimes Jewish solidarity works in the Soviet Union” [43].

In his study of Jewish refugees from Lithuania Dov Levin writes about a young woman from Kaunas who worked for a Bukharan Jew. Thanks to him she also met other Jews and was invited by them to take part in Jewish celebrations. Among the Bukharan Jews there were people in higher positions.

Levin also indicates the other side of the coin. He presents an example of a Jew from Vilnius who was disappointed by the lack of expected solidarity from the Bukharan Jews: “They were crazy on the issue of money” [44].

We learn from the experiences of Erlichson, Begin and this young woman that not every Bukharan Jew was very poor. We see it also in the testimony of Eliezer Hochmeister: “I was hired by a Bukharan Jew to work for food only. This Jew was a supervisor of stocks for the military. After a few days I asked him if he could also accept my brother. He agreed and I worked for him together with my brother. But he also let me starve...” [45]. In this case one could ask whether it was a support by this Bukharan Jew or maybe exploitation?

Perceiving the Russians

Polish Jews had made experiences with Russians, of course, before they came to Central Asia. But the part of them made during their travel after the amnesty and in Central Asia is also worth mentioning here shortly. Halina Landfisz recalls that on the way to Central Asia: “whenever we tried to make acquaintances with the local Russian population we experienced distrust and silence” [46]. But on the other hand, we can find accounts with a positive contents: “In Frunze the attitude of the Russian population towards Poles was, as we noticed with amazement, cordial and friendly”, according to Noemi Dobrin [47]. The descriptions of Aleksander Wat have another quality. They are far from simple generalizations. Furthermore, he spoke Russian and he had many acquaintances among the cultural elite of the Soviet Union. He stayed in Alma-Ata where he told them of poetry, literature, films from the Western countries [48]. Among other things, Wat was shocked and impressed with the refugees from Leningrad. For him they were heroes [49].

Striking for the Polish Jews, especially in those difficult times, were rich Russians. Traveling to Central Asia Halina Landfisz observed: “The condition of Russian refugees was regrettable. All were starving.” At the same time she added: “There was another category of refugees: rich Russians. I saw with my own eyes express trains with sleeping cars, full of well-to-do Russians” [50].

On the street in Tashkent Menachem Begin once met two nice women dressed in magnificent furs. He smelled the delightful scent of expensive perfume. They were accompanied by a general in uniform and a man smartly dressed in a suit. Begin asked about the issue of social equality and he was wondering how one could understand the privileges – elegant clothing, luxurious accommodation, excellent food. He had experienced hierarchical networks of supply and trade in Tashkent, Samarkand, Margilan, Dzhizak. Therefore, he referred to Lenin and undertook an analysis. After the liquidation

of the oppressing class the process of gradual withering away of the state was supposed to begin. But it did not happen after the revolution. On the contrary, the state was extending its monopoly into all areas of public and private life. Instead of the liquidation of classes, instead of equality, a new, privileged group appeared. In the Soviet Union people envied the privileged. But according to Begin, in contrast to the situation in other countries, in the Soviet Union fear was stronger than envy because the NKVD was located at the top of the social pyramid. With the help of terror it managed to “convince” the Soviet citizens how hopeless the attempts to oppose the existing order would be. He concluded that there was no economic equality promised by communism in the Soviet Union. However, in the kingdom of the NKVD there was another kind of equality – equality of fear [51].

Anti-Semitism?

In different testimonies we find claims concerning anti-Semitism. Sometimes the described situations are very ambiguous. The question presents itself: can we classify it as a symptom of anti-Semitism?

Maria Mandelbrot lost her documents in Tashkent: “For five weeks I slept on the street in the open air because nobody wanted to let me in without any documents” [52]. The author of this testimony does not explain it with anti-Semitism, but with the lack of documents.

Naftali Gutman combines his experience not with anti-Semitism, but with the lack of registration in Leninabad: “They did not want to register us and nobody wanted to let us into his flat”[53].

Nachum Teper recalls that his family rented a place to stay by an Uzbek. He feared that the Tepers were not registered and ordered them to set things right [54].

Somebody stole Adela Gutman`s money and documents in Tashkent. It had serious consequences: “A refugee from Poland took me to her as a maid. But later she expelled me because I was without documents” [55].

The authors of the above-mentioned examples did not claim that nobody gave them a room because they were Jews. Instead of this, the lack of documents, registration and money played an important role. We even find an example when it was not the inhabitants of Central Asia who expelled the Polish Jew from the flat but another refugee from Poland.

Conclusion

In every account we find an exceptional and extraordinary story of human beings who had to spend some dramatic time of their lives in Central Asia. Each story in itself already reflects some experience. If we read more of it we combine them in a mosaic of experiences. It does not mean that in this way we

receive simple answers to our questions. Some of them repeat many facts and opinions. They reveal to us some patterns of acting and thinking. In contrast to it, others seem to contradict them. Then we begin to understand better how complex and different the perception of a certain group can be, even if we could show only some aspects of few testimonies of the Polish Jews who spent only a part of their stay in the Soviet Union in Central Asia. Even if the group had common features which allowed us to call them “Polish Jews” it was no homogeneous group. The perception of the situation in Central Asia was shaped by the newcomers` age, sex, former positions, education, experiences, etc. In the paper we could only briefly sketch how important the context in understanding of the perceived situations is.

- [1] Dov Levin, *Żydzi wschodnioeuropejscy podczas II wojny światowej*. Warszawa 2005, p. 92
- [2] Ilona Flutsztejn-Gruda, *Byłam w tedy dzieckiem*. Lublin 2004, p. 52.
- [3] Aleksander Wat, *Mój wiek. Pamiętnik mówiony. Cześć druga*. Warszawa 1990, p. 229.
- [4] *Ocalony na Wschodzie*. Z Julianem Strykowskiem rozmawia Piotr Szewc. Monstricher 1991, pp. 136-138.
- [5] *Widziałem anioła śmierci. Losy deportowanych Żydów polskich w ZSRR w latach II wojny światowej*. Opracowanie i wstęp Maciej Sikiński, Feliks Tychy. Warszawa 2006, p. 285.
- [6] *Ibid.*, p. 96.
- [7] *Ibid.*, p. 82.
- [8] *Ibid.*, p. 179.
- [9] *Ibid.*, p. 129.
- [10] Zev Katz, *From the Gestapo to the Gulags. One Jewish Life*. London, Portland 2004, p. 80.
- [11] *Widziałem...*, p. 297.
- [12] *Ibid.*, p. 539.
- [13] Rita Blattberg-Blumstein, *Like Leaves in the Wind*. London, Portland 2003, p. 37.
- [14] *Widziałem...*, p. 96.
- [15] *Ibid.*, p. 310.
- [16] Katz, p. 82.
- [17] Blattberg-Blumstein, p. 38.
- [18] *Widziałem...*, p. 329.
- [19] Yitzkhak Erlichson, *My Four Years in Soviet Russia*. Boston 2013, p. 92.
- [20] Flutsztejn-Gruda, p. 56.
- [21] Erlichson, p. 93.

- [22] Flutsztejn-Gruda, p. 57.
- [23] Ocalony..., p. 138.
- [24] Erlichson, p. 93.
- [25] Widziałem..., p. 90.
- [26] Flutsztejn-Gruda, pp. 57-58.
- [27] Ibid., p. 105.
- [28] Wat, p. 266.
- [29] Ocalony..., p.138.
- [30] Flutsztejn-Gruda, p. 58.
- [31] Ibid., p. 100.
- [32] Ocalony..., p. 140.
- [33] Widziałem..., p. 311.
- [34] Ibid., p. 252.
- [35] Ibid., p. 219.
- [36] Flutsztejn-Gruda, pp. 94-95.
- [37] Ibid., pp. 33-34.
- [38] Widziałem..., p. 404.
- [39] Ibid., p. 382.
- [40] Ibid., p. 83.
- [41] Ibid., p. 174.
- [42] Erlichson, p. 93.
- [43] Menachem Begin, Białe noce. Warszawa 1989, p. 141.
- [44] Levin, pp. 109-110.
- [45] Widziałem..., p. 232.
- [46] Ibid., p. 329.
- [47] Ibid., p. 340.
- [48] Wat, p. 241.
- [49] Ibid., p. 249.
- [50] Widziałem..., p. 329.
- [51] Begin, pp. 134-137.
- [52] Widziałem... p. 115.
- [53] Ibid., p. 133.
- [54] Ibid., p. 174.
- [55] Ibid., p. 503.

**ЭВАКУИРОВАННЫЕ И БЕЖЕНЦЫ ВО ВРЕМЯ ВОВ
В КАЗАХСТАН, ДР. СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ**

В данной статье частично приведен предоставленный Иосифом Янкелевичем Либерманом бесценный материал – список имен, фамилий и судеб людей, в силу трагических обстоятельств военного времени вынужденных оставить место жительства и спастись в эвакуации или бегством. Формат полученной к публикации информации сохранен (прим. ред.).

Глинер Борис (Борух) Лазаревич (15.02.1924, Туров – 29.03.1976, Пинск), участник Великой Отечественной войны, заведующий магазином № 2 ОРСа Пинской сплавной конторы. Родился в семье сапожника-кустаря. Отец – Глинер Лазарь Абрамович (1884, Туров - 28.11.1967, Пинск). До Октябрьской революции – сапожник, а после Октябрьской революции – сапожник-кустарь. До Великой Отечественной войны жил в г.Турове. В 1929 г. поступил на кожевенный завод, где работал сапожником до начала Великой Отечественной войны. В июле 1941 г. эвакуировался с семьей в Тамбовскую обл., где работал в колхозе. После войны жил в Пинске, работал сапожником в артели г. Пинска, затем в комбинате бытового обслуживания. Похоронен на Пинском городском кладбище по ул. Спокойная.

Мать – Глинер (Шустерман) Йоха (Еха) Боруховна (01.05.1900, Туров – 01.02.1987, Пинск). До революции и после домохозяйка, воспитывала детей. Похоронена на Пинском городском кладбище в р-не д. Посеничи.

Брат – Глинер Николай Лазаревич (1916, Туров – 2004, Баку). После школы поступил в Бакинское высшее общевойсковое военное училище. Служил в РККА с 1935 г. Кадровый военный. Во время Великой Отечественной войны воевал на разных фронтах. После войны вернулся в г. Баку. Продолжал служить в г. Насосный Азербайджанской ССР. Вышел в отставку в звании полковника.

Сестра – Глинер (Мотырева) Ида Лазаревна (16.07.1919, Туров – 07.10.2005, Пинск). После окончания школы работала в комбинате бытового обслуживания швеей. Ушла на фронт добровольцем. Войну закончила в 1945 г. После войны работала на предприятиях Пинска. Похоронена на Пинском городском кладбище в районе д. Посеничи.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Брат – Глинер Борис (Берл) Лазаревич (1922, Туров). В 1941 г. ушел на фронт. Воевал на разных фронтах. В 1946 г. демобилизовался и жил в Пинске. Затем поступил в Минский университет на юридический факультет. Был направлен на работу в г. Полоцк. Там работал до пенсии. Эмигрировал в Израиль.

Брат – Глинер Алексей Лазаревич (20.05.1926, Туров). Алексей после школы в 18 лет ушел в армию. Воевал на территории Польши, Румынии. С 1942 по 1948 г. в РККА. После войны вернулся в Туров. В 1948 г. семья переехала в Пинск. Учился в Минском торговом техникуме. Работал в качестве товароведа на Пинской универсальной базе, в Горпромторге. В 2001 г. уехал на постоянное место жительства в Израиль. Живет в г. Пардас-Хана.

Брат – Глинер Ефим Лазаревич (1936, Туров). Во время войны был с родителями в эвакуации в Узбекистане. После войны вернулся в Пинск. Учился в Пинске в школе. После школы закончил Пинский электротехникум. Во время службы в армии поступил в Бакинское высшее общевойсковое военное училище. Служил в г. Баку. Службу закончил в звании майора. Эмигрировал в Израиль.

Борис (Борух) с 1930 по 1939 г. учился в ср. школе в Турове Полесской обл., где окончил восемь классов. С 1939 по 1941 г. находился на иждивении родителей. Когда началась Великая Отечественная война, был эвакуирован в г. Саратов, Саратовская обл. Краснокутский р-н с. Розенфельд. С июля по декабрь 1941 г. – колхозник в колхозе «XVIII партийный съезд» в Саратовской обл., с. Розенфельд. С декабря 1941 по апрель 1942 г. – ученик ФЗО № 7 по набору в г. Саратов. После пятимесячного обучения получил квалификацию токарь пятого разряда и направлен на Московский эвакуозавод № 205 имени Н. С. Хрущева на самостоятельную работу. С апреля по июнь 1942 г. – токарь на заводе имени Н. С. Хрущева в г. Саратов. С июня 1942 г. по октябрь 1945 г. – служба в РККА на фронте. Воевал на Воронежском и II Белорусском фронтах в рядах Советской Армии командиром минометного взвода.

Член ВКПб с 1944 г., принят политическим отделом 232 сумско-киевской стрелковой дивизии № билета 670199. В 1943 г. получил тяжелое ранение в голову и шею; в 1945 г. в Чехословакии ранен в правую руку.

Подал заявление в Волжский райвоенкомат и был призван в РККА и направлен на учебу в училище связи им. Куйбышева в Саратов, где проучился два мес. По просьбе Бориса был отстранен от учебы и переведен в 23 запасной стрелковый полк, где находился до 15 августа 1942 г. Затем

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

отправлен на формирование в 40 Армию 61 корпус 10 дивизию 11/77 артиллерийский полк, и выехал в октябре 1942 г. на фронт Воронежского направления. На фронте находился в полку до января 1943 г., где Борис ранило в голову и шею. Отправлен на лечение в госпиталь № 4300 в г. Старый Оскол. После лечения был выписан в часть в 8-й запасной стрелковый полк и до прибытия в часть опять вернулся в тот же госпиталь в связи с болезнью. После вторичного лечения обратно направлен в 8-й запасной стрелковый полк с отпуском на 15 дней. После полного выздоровления Борис направили на курсы младших лейтенантов при 38-й Армии сроком на три мес. После трехмесячного обучения направлен в бой для укрепления обороны острова Казачий при наступлении на г. Киев. После наступления с курсов отобрали его роту, и всем было присвоено звание младших лейтенантов, в т.ч. и Борису согласно приказу № 0674 по 38-й Армии в 1943 г. После этого был направлен в 232 стрелковую дивизию 794 стрелковый полк на должность командира 1-й минометного взвода, где за хорошее командование ему было присвоено звание лейтенанта согласно приказу № 078 в 1944 г. В 1-й минометной роте 1-ого батальона 794 стрелкового полка 232 Сумско-Киевской стрелковой дивизии 38-й Армии Борис находился до 27 января 1945 г.

27 января 1945 г. Борис был ранен в Чехословакии и направлен в тыловой госпиталь № 34-58 на Донбасс в г. Макеевка Сталинской обл. В госпитале находился на лечении до августа 1945 г. и был выписан в часть ограниченно годным I степени 61 опрос в г. Харьков Харьковского военного округа по статье 69а. Здесь Борис временно работал в комендатуре г. Харьков до октября 1945 г. В октябре 1945 г. прошел гарнизонную проверку с определением инвалидности III группы и был демобилизован в запас (приказ по 61-й Армии от 27 октября 1945 г. Харьковского военного округа). После демобилизации выехал на Донбасс на постоянное место жительства в г. Макеевка.

Награды: в 1944 г. в 232 сумской стрелковой дивизии за образцовое выполнение задания орден «Отечественной войны I степени» (дата подвига 19.08.1944); в 1945 г. за участие в Великой Отечественной войне 1941-1945гг. медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне. 1941-1945гг.».

С октября 1945 г. по январь 1946 г. – безработный на иждивении жены в г. Макеевка. С января 1946 г. по март 1947 года – инспектор по кадрам Ново-Макеевского коксохимического завод № 4 в г. Макеевка.

В марте 1947 г. переехал на постоянное место жительства в Пинск.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

С 10 апреля 1947 г. по 16 июля 1948 г. – заведующий магазином № 2 ОРСа Пинской сплавной конторы. С 06 августа по 28 октября 1948 г. – кладовщик столовой № 1 Пинского межрайторга. Жил в Пинске 05 августа 1948 г. по ул. Брестская, 4. После войны уехал на стройки Сибири. Много лет жил в Ангарске. Работал в строитресте г. Ангарска. Хорошо знал русский и еврейский языки.

Жена – Глинер Клава Айзиковна, домашняя хозяйка.

Дочь – Глинер Алла Борисовна.

Похоронен на Пинском городском кладбище по ул. Спокойная.

Вилешин Аркадий Маркович (10.09.1924, Калинковичи), участник Великой Отечественной войны, кладовщик столовой № 2 Пинского межрайторга. Родился в м. Житковичи в семье рабочего-столяра. Отец работал кустарем, с 1927 по 1937 г. – в пограничном отряде, с 1937 по 1941 г. – в промкомбинате Житковичского райпотребсоюза. В 1941 г. был убит. Мать – домашняя хозяйка.

Аркадий с 1932 по 1941 г. учился в ср. школе м. Житковичи, где закончил девять классов. В начале войны в 1941 г. эвакуирован в Сталинградскую обл., откуда в июне 1942 г. призван в ряды РККА. С июня 1942 по декабрь 1945 г. – служба в рядах РККА. Место призыва: Нехаевский районный военный комиссариат (РВК), Сталинградская обл., Нехаевский р-н, № записи: 80209703. Звание: младший сержант. Командир отделения 199 стрелкового полка 225 стрелковой дивизии 21 армии I Украинский фронт (с 07.1942 по 12.1945 г.).

В Советской Армии был три года и шесть мес. Участвовал в боях под Сталинградом, в Польше и Германии. В боях с немцами в 1942 г. контужен под Сталинградом, легко ранен в Польше, в марте 1945 г., был тяжело ранен 25 марта 1945 г. в Германии, после чего до декабря 1945 г. находился в госпитале.

Во время разгрома немцев находился в Польше и Германии. Награжден медалью «За отвагу». Член ВЛКСМ с 02 сентября 1944 г.

В 1946 г. приехал в город Житковичи. С 19 апреля 1946 г. – по 17 мая 1947 г. – кладовщик коммерческой чайной Житковичского сельпо. Уволился оттуда по причине перемены места жительства в г. Пинск.

С 01 августа 1947 г. – заведующий ларьком № 23 Пинского межрайторга.

С 01 апреля 1948 г. – кладовщик чайной № 4 Пинского межрайторга.

С 14 июня по 13 июля 1948 г. – кладовщик столовой № 2 Пинского межрайторга. Уволен в связи с отъездом на учебу.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

31 июля 1947 г. жил в Пинске по ул. Минская, 5 и был не женат.

Гезунтерман Хася (Ася) Шевелевна (01.1923, г. Петриков Минская обл. - 1985, Пинск), участница Великой Отечественной войны, заведующая магазином уцененных товаров Пинского межрайторга.

Хася родилась в семье рабочего. Отец до революции сапожник-кустарь, а после революции сапожник. Мать – домашняя хозяйка.

С 1930 по 1933 г. училась в Петриковской ср. школе. В 1933 г. переехали в Крым, где жили до 1936 г. и в связи с климатическими условиями жизни опять вернулись в г. Петриков. В 1937 г. начала учиться в школе, в которой проучилась до 1941 года и окончила девять классов.

Член ВЛКСМ с 1936 по 1946 г.

В связи с вероломным нападением гитлеровской Германии на СССР в июле 1941 г. вместе с группой девушек была эвакуирована в глубь страны в Чкаловскую обл., станция Халилово.

С 13 августа 1941 по 20 января 1942 г. – чернорабочая никель рудника на станции Халилово. В январе 1942 г. по всеобщей мобилизации девушек в ряды РККА для защиты Родины в части противовоздушной обороны.

С 20 января 1942 по 30 июня 1945 г. – в рядах РККА в должности старший прожекторист, начальник прожекторной станции в Астрахани, Сызрани, Николаеве, Сталинграде, Будапеште. 12 мая 1945 г. находилась в г. Будапешт во время службы в Советской Армии.

Награды: февраль 1943 г. на 3-ем Украинском фронте за хорошие успехи в боевой и политической подготовке медаль благодарности от командования; медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг.».

В 1945 году по всеобщей демобилизации девушек из рядов РККА была демобилизована и направлена на Родину.

По приезду в родной г. Петриков оказалось, что немецкие изверги замучили мать, четверых детей и сожгли родной дом. Хасе пришлось уехать на станцию Житковичи, где жила ее тетя.

С 01 июля 1945 года по 02 июля 1946 года – старшая пионервожатая, секретарь комсомольской организации в ср. школе на станции Житковичи Полесской обл. Уволилась по семейным обстоятельствам (муж был демобилизован из рядов РККА и по линии обкома партии направлен в Пинск).

Кандидат в члены ВКПб с июля 1946 г., карточка № 9228062, принята Житковичской первичной партийной организацией. С 24 июля 1946 по 02 января 1947 г. – заведующая столовой в Педагогическом

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

училище в Пинске, Пинская обл. С января 1947 по март 1949 г. нигде не работала по семейным обстоятельствам. С 06 марта по 28 января 1949 г. – заведующая ларьком № 3 ОРСа Фанзавода в Пинске. С 03 июня по 06 августа 1949 г. – заведующая магазином № 3 Облкоопторга в Пинске. С 14 августа 1949 г. по 26 сентября 1950 г. – заведующая хлебным магазином № 17 Пинского межрайторга. С июля 1949 г. член профсоюза работников государственной торговли. С 26 сентября 1950 г. по 06 февраля 1951 г. – заведующая магазином уцененных товаров Пинского межрайторга.

Хорошо знала русский, белорусский и еврейский языки.

13 августа 1949 г. жила в Пинске на площади Ленина 23, была замужем и имела сына.

Герцкин Семен Залманович (Симон Саломонович), (12.03.1897, Витебск -20.10.1978, Пинск), участник Великой Отечественной войны, заведующий магазином № 30 Пинского межрайторга.

Семен родился в семье рабочего. Образование домашнее. С 1911 по 1917 г. – ученик у купца мануфактуриста Трайнина в Витебске. 1917-1930 – продавец в Витебске. С 1917 г. – член профсоюза советских торговых служащих. С 1930 по 1941 г. – продавец Витебского военторга. С 1941 по 1945 г. – служба в рядах Советской Армии. Рядовой боец в боях за Днепром и Кривым Рогом. Место службы: 1353 зенитный артиллерийский полк 22 зенитная артиллерийская Запорожская ордена Кутузова и ордена Богдана Хмельницкого дивизия РГК. Телефонист взвода управления полка. С Красной Армией был в Вене, Австрия, Румыния. Во время Великой Отечественной войны был трижды ранен: сквозное ранение в бок за Днепром, ранен в грудную клетку 09 сентября, ранен в первый и второй палец левой руки. Награды: медаль «За боевые заслуги» (18.03.1945), медаль «За взятие Будапешта», медаль «За взятие Вены», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг.».

С 1946 по август 1947 г. – кладовщик на фабрике им. Клары Цеткин в Мелекессе Ульяновской обл. С 01 октября 1947 г. – заведующий магазином № 30 Пинского межрайторга. 19 сентября 1947 г. жил в Пинске по ул. Водопроводная, 65, женат, воспитывал сына.

Голод Галина Марковна (1922, м. Озаричи, Домачевский р-н), участница Великой Отечественной войны, кладовщик кулинарного цеха Пинского межрайторга. Отец – до и после революции рабочий. Мать – Голод Мария. Галина в 1930 г. пошла учиться в еврейскую школу, где в 1937 г. окончила семь классов.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

С 1937 по 1941 г. – телеграфистка (морзист) в Калинковичской конторы связи (Полесская обл.). Член профсоюза связи.

В 1941 г. в начале войны была эвакуирована в Татарскую АССР Альметьевский р-н, где работала в колхозе. В 1943 г. Альметьевским районным военным комиссариатом Татарской АССР по мобилизации ушла в армию, где служила связисткой до первой демобилизации в 1945 г.

В 1945 г. опять поступила работать телеграфисткой (морзист) в Калинковичскую контору связи, где работала до 30 мая 1946 г. В 1946 г. переехала на место жительства в Пинск. С 05 июля по 07 августа 1946 г. – кладовщик кулинарного цеха Пинского межрайторга.

Голод Петр Маркович (05.1923, м. Озаричи, Домачевский р-н, Полесская обл., БССР), участник Великой Отечественной войны, заведующий отделом коммерческого промтоварного магазина Пинского межрайторга. Отец – до и после революции работал на лошадях при организациях.

Петр с 1930 по 1938 г. учился в Озаричской неполной ср. школе, где окончил семь классов. С января 1939 по декабрь 1940 г. – буфетчик сельпо облпотребсоюза в м. Озаричи Полесской обл. В 1940 г. переехал с родителями в г. Калинковичи. С февраля 1940 по май 1941 г. – заведующий буфетом при столовой № 2 горпищепромторга Наркомторга БССР в г. Калинковичи Полесской обл. В начале войны в 1941 г. эвакуирован в Чувашскую АССР, Чкаловский р-н, д. Яншихова. С августа 1941 по май 1942г. – колхозник в Чувашской АССР, Чкаловский р-н, д. Яншихова.

Мобилизован в РККА в 1942г. Место призыва: Чкаловский районный военный комиссариат (РВК), Чувашская АССР, Чкаловский р-н.

С 1942 по 1944 г. – служба в Красной Армии, пулеметчик. Во время Великой Отечественной войны: Центральный фронт, западный фронт в Орловской обл.. В 1942 г. в качестве ручного пулеметчика в пехоте в звании младший сержант 17 отдельная мотострелковая бригада 3-я ударная армия Центральный фронт. Тяжело ранен в августе 1943 г. в бедро правой ноги и ранение грудной клетки. После ранения пролежал в госпитале до 1944 г., и после лечения признан негодным и по инвалидности снят с воинского учета.

Награжден: медаль «За боевые заслуги» (06.08.1946).

С марта по сентябрь 1945 г. – экспедитор, кладовщик, заведующий кладовой в горторге Наркомторга БССР в г. Калинковичи Полесской обл. С апреля по сентябрь 1946 г. – заведующий магазином в Полесском спецторге Наркомторга БССР в г. Мозырь. С 12 по 22 ноября 1946 г. –

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

заведующий мясо-рыбным магазином Пинского межрайторга. С 22 ноября 1946 г. по 09 января 1947 г. – заведующий отделом коммерческого промтоварного магазина Пинского межрайторга.

Хорошо знал белорусский, русский и еврейский языки.

Жил 12 ноября 1946 г. в г. Речица Гомельская обл., женат и имел сына.

Гольдберг Абрам Яковлевич (11.02.1923, г. Давид-Городок гмина Хорск повят Столин), участник Великой Отечественной войны, заведующий обувным магазином № 41 Пинского межрайторга. Родился в г. Давид-Городок, Пинская обл. БССР на 1948 г. Отец – Гольдберг Яков Моисеевич (1890) до 1939 г. – бракер в лесу в Давид-Городке, а после 1939 г. – счетовод в колхозе «Красная Звезда» Давид-Городокского р-на. В 1941 г. во время войны был мобилизован в Красную Армию и погиб в боях на фронте.

Мать – Гольдберг Фира Исааковна (1890), в 1948 г. жила на иждивении дочери Гени Яковлевны, домашняя хозяйка. До Октябрьской революции и после была домашняя хозяйка.

Сестра – Гольдберг Геня Яковлевна (08.03.1932, Пинск) жила в Пинске, работала в госбанке машинисткой, секретарь-машинистка в Пинском межрайторге.

Брат - Гольдберг Иосиф Яковлевич служил на Черноморском флоте.

Абрам с 1932 по 1939 г. учился в неполной ср. школе в г. Давид-Городок, где окончил семь классов. После прихода Советской власти в 1939 г. окончил восьмой класс на русском языке.

22 июня 1941 г. в начале войны Абрам со всей семьей эвакуировался в г. Уфа в Кармаскалинский р-н Башкирская АССР.

С июня 1941 по 10 марта 1942 г. – в эвакуации в Башкирской АССР, где работал слесарем в МТС и откуда Кармаскалинский военным районным военкоматом был призван в Советскую Армию. С 10 марта по июль 1942 г. – курсант отдельного учебного батальона 195 стрелковой дивизии в Рязске, Рязанская обл., который окончил со званием сержант. С июня по июль 1942 г. – командир взвода учебного батальона 195 стрелковой дивизии на Воронежском фронте. 16 июля 1942 г. был ранен. С июля по сентябрь 1942 г. – эвакогоспиталь № 1951 в городе Раненбург, Рязанской обл. В ноябре 1942 г. служил в Хобарово Тамбовской обл. в маршевой роте и в конце ноября 1942 г. отправлен на фронт.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

С ноября 1942 по сентябрь 1943 г. – помощник командира взвода 280 стрелковой дивизии 1035 стрелкового полка 1-й стрелковый батальон на Центральном и 1-м Украинском фронтах, где участвовал в боях под Орлом, на Украине, и 30 сентября 1943 г. был тяжело ранен под Киевом, откуда был направлен в госпиталь в г. Уфа.

С сентября по декабрь 1943 г. – на излечении в эвакогоспитале 3765 в г. Уфа, Башкирская ССР. После излечения был направлен на пересылочный пункт в г. Уфа и откуда 01 января 1944 г. был направлен в г. Актюбинск Казахской ССР во 2-е Бердичевское военное училище.

С января 1944 по 01 январь 1945 г. – курсант 2-го Бердичевского военного училища, которое окончил со званием младший лейтенант. Из училища направлен в 21 офицерский полк, где пробыл до 01 февраля 1945 г. С 01 февраля года по июль 1945 г. – командир взвода 40-й учебной стрелковой дивизии 31-й учебного стрелкового полка в Алкино. Затем был отозван в отдел кадров Южно-Уральского военного округа, где получил направление в 359 отдельный рабочий батальон.

С июля по декабрь 1945 г. – переводчик 359 отдельного рабочего батальона в г. Чкалов, откуда был уволен в запас.

Воевал на Центральном фронте, на 1-ом Украинском фронте, Брянском фронте, Воронежском фронте в 1942 г., на 1-ом Белорусском фронте в 1943 г. Был дважды ранен: в 1942 г. в г. Воронеж и в 1943 г. при форсировании Днепра.

Приказом по 280 стрелковой дивизии Брянского фронта № 6/н награжден орденом «Красная Звезда», а также медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.».

С декабря 1945 г. по июнь 1946 г. – военрук 40-й школы в городе Уфа. С июня 1946 по август 1947 г. – кладовщик спецторга в Пинске. С августа 1947 по 07 июня 1948 г. – заместитель заведующего складом промтоварного магазина Главсобуниверсам в Пинске. Член профсоюза работников государственной торговли с 1948 г. С 07 июня 1948 по 28 января 1949 г. – продавец магазина № 27 Пинского межрайторга. С 28 января по 26 марта 1949 г. – заведующий обувным магазином № 41 Пинского межрайторга.

Знал хорошо польский и русский языки. Жил в Пинске 29 июля 1948г. по ул. Базарная, 5.

Гольдман Давид Абрамович (05.1925, Мозырь), участник Великой Отечественной войны, бухгалтер ресторана «Заря» Пинского межрайторга.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Отец – Гольдман Абрам М. (1883-1945). Мать – Гольдман Л.Д. (1887), жила 16.05.1953 г. в г. Мозырь, домашняя хозяйка. Сестра – Шевелева Х.А. (1914), член КПСС, жила на иждивении мужа в Мозыре, который работал на строительстве экскаваторного завода. Сестра – Гольдман Б.А. (1920) на иждивении мужа инженер-майора.

Давид с 1933 по 1940 г. учился во 2-й неполной ср. школе в г. Мозырь Полесской обл., где окончил семь классов. С февраля до июля 1941 г. – ученик цинкографии в Мозырской типографии.

В июле 1941 г. эвакуировался в Казахскую ССР в город Кзыл-Орда.

С 1942 по март 1943 г. – начальник ПВО Кзыл-Ординской городской конторы связи, где работал до дня призыва в Советскую Армию. Член ВЛКСМ с февраля 1943 г.

С марта 1943 по октябрь 1945 г. – служба в Советской Армии. Место призыва: Кзыл-Ординский объединенный военный комиссариат (ОВК). Казахская ССР, Кзыл - Ординская обл. Место службы: 262 гвардейский стрелковый полк 92 гвардейская стрелковая дивизия 37 Армия 2-го и 3-его Украинского фронтов.

Дата подвига: 01.08.1943-31.08.1943, 23.02.1944. Награждён медалью «За боевые заслуги», Указ Президиума Верховного Совета от: 06.11.1945 г. В марте 1943 г. призван в ряды Советской Армии и направлен в пулеметное училище, а затем в действующую армию.

С марта 1943 по июль 1944 г. – служба в Советской Армии в должности оперативного работника. В годы Великой Отечественной войны на Степном фронте первый номер пулемета 186 стрелковый полк 62 гвардейская стрелковая дивизия 37 Армия с марта 1943 по 13 февраля 1944 г., 2-м Украинском фронте с 13 февраля по февраль 1944 г., 3-ем Украинском фронте с февраля по 23 февраля 1944 г. Имел два легких и одно тяжелое ранения в правую ногу 23 февраля 1944 г.

После тяжелого ранения на фронте лечился в госпитале и после лечения направлен на службу в органы государственной безопасности КГБ. В октябре 1945 г. по состоянию здоровья был демобилизован.

Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» в 1945 г. Президиумом Верховного Совета СССР за боевые заслуги.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

С июля 1946 по декабрь 1947 г. – инспектор по кадрам, спецработе и ПВО Полесского областного управления Главнефтьснаба в г. Мозырь. С февраля по декабрь 1948 г. – циннограф в Пинской типографии. С 10 января 1949 г. – счетовод Пинского облразнопромсоюз. С февраля по сентябрь 1949 г. учился в учебном комбинате УПК при Совете Министров БССР в Минске, где получил специальность бухгалтера. С сентября 1949 по июнь 1951 г. – старший бухгалтер конторы облразнопромсоюза в Пинске. С июня 1951 по 25 февраля 1953 г. – старший бухгалтер артели «Освобождение» облразнопромсоюза в Пинске. С 21 мая по 02 июня 1953 г. – бухгалтер ресторана «Заря» Пинского межрайторга.

Жил в Пинске 16 мая 1953 г. по ул. Партизанская, 49/11.

Жена – Гольдман Х.Ю.

Хлистунова Н.В.

ЭВАКУАЦИЯ ЕВРЕЕВ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Российская Еврейская энциклопедия приводит много имен русских евреев – жертв еврейской Катастрофы, называет погибших в Ростове, Симферополе, Одессе, Минске, Белостоке, Каунасе, Нарве [1]. При этом известно, что многих и многих спасла от уничтожения эвакуация 1941 и 1942 гг.

Проведенная в СССР в 1941–1942 гг. массовая эвакуация населения была беспрецедентной в истории стран и народов как по своим масштабам и срокам, так и по условиям, в которых она проводилась. Через пять дней после начала войны, когда уже значительная часть территории была захвачена войсками фашистской Германии, ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Был создан Совет по эвакуации, занявшийся разработкой порядка и очередности перевозок, начала разворачиваться сеть эвакуационных пунктов для обеспечения людей питанием и медицинским обслуживанием. Поскольку ощущалась острая нехватка пассажирских вагонов, эвакуация осуществлялась в товарных вагонах, специально оборудованных для этой цели, а иногда и на платформах.

Ряд еврейских источников военного и послевоенного времени не выражает сомнений в энергичности мер по этой эвакуации. Например, в

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

сборнике «Еврейский мир» 1944 г. читаем: «Советские власти полностью давали себе отчет в том, что евреи являются наиболее угрожаемой частью населения, и, несмотря на острую нужду армии в подвижном составе, тысячи поездов были предоставлены для их эвакуации... Во многих городах евреев эвакуировали в первую очередь...» [2]. Еврейский писатель Давид Бергельсон считает, что «80% евреев были благополучно эвакуированы» [3]. Хотя А.И. Солженицын считает это преувеличением [4]. В бюллетене «Хайаса» летом 1946 г. Е.М. Кулишер писал: «Не вызывает сомнений, что советские власти принимали специальные меры для эвакуации еврейского населения или для облегчения его стихийного бегства... Советские власти предоставили тысячи поездов специально для эвакуации евреев» [5]. Бывший советский партизан Моше Каганович в своих воспоминаниях подтверждает, что советские власти предоставили для эвакуации евреев все имеющиеся транспортные средства, сверх поездов – и тяжелые обозы, и было приказано эвакуировать «из областей, угрожаемых врагом, в первую очередь граждан еврейской национальности» [6]. Однако, по мнению А.И. Солженицына, который анализировал работы С. Шварца и более поздних исследователей, такого приказа не было и вообще эвакуации советскими властями евреев «как таковых» не было [7].

Ранние и поздние источники дают разные, но близкие оценки числа евреев, эвакуированных и бежавших с оккупированных немцами территорий. Однако официальные цифры на этот счет отсутствуют. «Нет точных данных о количестве евреев, спасшихся бегством или эвакуированных на восток до начала немецкой оккупации. Но на основании некоторых исследований известно, что из восточных областей, захваченных немцами, удалось уйти примерно 1 млн -1 млн 100 тыс. евреев» [8].

Другая картина была на территориях, которые были присоединены к СССР накануне войны в 1939-1940 гг. Молниеносность немецкого удара почти не оставляла шансов спастись. На этой территории проживало к июню 1941 г. 1 млн 885 тыс. чел. (9). Из них «лишь небольшое число евреев сумело бежать, эвакуироваться. Считается, что около 10-12%» [10]. Эвакуированные и беженцы из занятых немцами областей направлялись глубоко в тыл, «в частности, евреи в большинстве – за Урал, особенно в западную Сибирь, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан» [11]. Так, в материалах Еврейского Антифашистского Комитета содержится утверждение: «В Узбекистан, Казахстан и др. среднеазиатские республики эвакуировались в начале Отечественной войны около полутора миллионов евреев» [12].

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

С августа 1941 по январь 1942 гг. основной поток эвакуированного населения последовал в Казахскую ССР. К 1 сентября 1941 г. республика обустроила 24 тыс. 258 чел., в т.ч. из РСФСР – 10 тыс. 941, УССР – 6 тыс. 620, БССР – 5 тыс. 159, Карело-Финской ССР – 550, Литовской ССР – 231, Латвийской ССР – 294, Эстонской ССР – 158, Молдавской ССР – 113, Крымской АССР – 11 тыс. 181, др. регионов СССР – 181. Из них было 10 тыс. 968 русских, 2 тыс. 695 украинцев, 1 тыс. 259 белорусов, 8 тыс. 218 евреев, 159 поляков, 32 немца, 39 литовцев, 159 латышей, 160 эстонцев и 569 чел. др. национальностей. 60,8% из них составляли женщины, 36,3% – дети и 39,2% – мужчины.

По данным эвакуационного отдела при СНК Казахской ССР на 2 октября 1941 г. в республику из прифронтовой полосы, Ленинграда и Москвы прибыли 65 тыс. 691 эвакуированный, в т.ч. 11 тыс. 931 мужчина, 28 тыс. 213 женщин и 25 тыс. 547 детей. Все они были размещены в различных районах республики: в Западном Казахстане (Гурьевская, Западно-Казахстанская, Актюбинская обл.) – 14 тыс. 257 чел., в Южном Казахстане (Джамбулская, Кызыл-Ординская, Южно-Казахстанская, Алма-Атинская) – 13 тыс. 728, в Центральном Казахстане (Карагандинская) – 1 тыс. 105, в Северном Казахстане (Акмолинская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская) – 22 тыс. 524, в Восточном Казахстане (Семипалатинская, Восточно-Казахстанская) – 11 тыс. 443, в Алма-Ате – 2 тыс. 634.

В целом с августа 1941 по январь 1942 гг. прибыли 386 тыс. 492 эвакуированных.

В первую половину 1942 г. произошел резкий спад числа эвакуированных: за январь – июль в республику прибыли всего 31 тыс. 911 чел. Как явствует из документов СНК Казахской ССР, в основном это были лица, «индивидуально следовавшие из Украинской ССР, Ленинграда и др. городов, задержавшиеся в пути в связи с заболеваниями или по др. причинам. Наиболее значительные группы эвакуированных за этот период были из Ленинграда. За май – июль 1942 г. отсюда прибыло 6 тыс. 197 чел.». С середины же июля в республику пошел второй эвакуационный поток: прибывали «главным образом из Воронежской, Сталинградской, Ворошиловградской, Ростовской обл. и с Северного Кавказа».

1 февраля 1942 г. по указанию ГКО Центральным справочным бюро при Совете по эвакуации была проведена перепись населения, прибывшего из угрожаемой зоны СССР. Согласно данным переписи, например, к 10 ноября 1941 г. в Форт Шевченко Гурьевской обл. было эвакуировано 718 чел. (среди них – 507 евреев, 125 русских, 50 украинцев,

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

пять белорусов). В Досор Гурьевской обл. прибыло 588 эвакуированных (среди них – 324 еврея, 171 русский, 58 украинцев, 13 белорусов, 15 татар). В эту область эшелоны шли из Житомирской, Винницкой, Днепропетровской, Харьковской обл., Крыма, городов Запорожье, Бельцы, Харьков, Калараш, Витебск и др.

Эвакуация шла с большими трудностями. 25 ноября 1941 г. секретарь ЦК КП(б) Казахстана Н. Скворцов получил директиву за подписью секретаря ЦК ВКП(б) А. Андреева: «В ЦК ВКП(б) поступают факты о неправильном отношении к эвакуированным из прифронтовых районов рабочим, служащим и колхозникам как в пути следования, так и по прибытии к месту назначения со стороны местных органов и железнодорожной администрации. Многие людские эшелоны следуют от места погрузки до места назначения несколько недель, простаивая на станциях по несколько дней. Снабжение топливом вагонов с эвакуированными было нерегулярным, питание и обеспечение кипятком, так же как и санитарное обслуживание, организованы плохо. Имеют место так же факты, когда прибывающие на место назначения эвакуируемые не только не получают помощи в размещении и устройстве на предприятиях, в колхозах и совхозах, но часто встречают и явно недоброжелательное отношение со стороны местных органов». Директива обязывала партийные органы «взять под контроль работу железных дорог и помочь железнодорожникам по продвижению эшелонов с эвакуируемыми рабочими, служащими и членами их семей, систематически проверяя выполнение постановления ГКО о выделении на станциях из других поездов людских эшелонов и даже им преимущества в продвижении перед другими поездами, кроме воинских, с обеспечением суточной скорости не менее 500–600 км». Было также предписано «проверять состояние каждого находящегося на станции эшелона с эвакуированным населением в смысле обеспечения питания, санитарного обслуживания и оказания медицинской помощи, снабжения кипятком, обеспечения вагонов топливом». Особое внимание обращалось на разгрузку железнодорожных станций «от скопившихся эвакуируемых, отставших от эшелонов или следуемых в неорганизованном порядке» и направление их «с очередными или специально организованными поездами по месту назначения».

Массовое, внезапное и неподготовленное переселение породило множество проблем. В первую очередь – бытовых. Большинство эвакуированных было расселено в аулах и селах (64,6% по состоянию на 1 июля 1943 г.). 35,4% были обустроены в городах, где жилищная проблема, и до войны острая, обострилась еще сильнее: если в 1940 г. на

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

одного горожанина в республике приходилось 5,1 кв. м жилой площади, то в годы войны – 4,3 кв. м, а в Караганде – всего 2,2 кв. м. (на деле люди жили в еще более стесненных условиях).

Резко ухудшилось снабжение. Остро нуждающейся части эвакуированного населения в республике была оказана единовременная помощь в сумме 2 970 тыс. руб. Принимались и другие меры по оказанию материальной помощи эвакуируемым, в т.ч. рабочим и служащим. При этом в эвакуации «так называемый бытовой антисемитизм, впавший в летаргию со времени установления в начале 30-х гг. сталинской диктатуры, теперь вновь ожил на фоне общей неустроенности, разрухи, других тягот и лишений, порожденных войной» [13]. Это относится, по мнению А.И. Солженицына, главным образом к Средней Азии, Узбекистану, Казахстану. Именно сюда «хлынули с фронта массы раненных и военных инвалидов» [14], а там жила масса эвакуированных евреев. Вот собранные сразу после войны свидетельства евреев, бывших в среднеазиатской эвакуации: «Низкий уровень производительности труда депортированных евреев служил в глазах местного населения доказательством нежелания евреев заниматься физическим трудом, что будто бы составляет характерную черту евреев» [15]. По мнению С. Шварца «росту антисемитских настроений много содействовала активность, которую беженцы из Польши вскоре начали проявлять на товарном рынке» [16]. Делать это их заставляла реальность, необходимость спасения от голодной смерти. «Нееврейское население Ташкента встретило евреев, эвакуированных с Украины, недружелюбно» [17], «наблюдались случаи оскорблений евреев, угроз, выбрасывания евреев из хлебных очередей» [18].

Напряжение военного времени в отношении евреев сказывалось и в послевоенной реэвакуации. После войны евреи осели в столицах среднеазиатских республик, остальные стали возвращаться, но уже не в старые свои местечки и городки, а в крупные города [19].

По всесоюзной переписи 1959 г., евреев в СССР было 2 млн. 268 тыс. чел. [20]. Правда, А.И. Солженицын подвергает эту цифру сомнению, отмечая «что евреев в СССР больше, чем их числится по переписи, т.к. в день переписи еврей записывается не по паспорту, а кем он хочет быть» [21]. По данным переписи, в городах проживало 2 млн. 162 тыс., т.е. 95,3% [22], при этом в Москве, Ленинграде, Киеве евреев проживало 3,9%, 5,8% и 13,9%, соответственно. По переписи населения 1970 г. произошло «увеличение численности евреев в Москве и Ленинграде».

1. Солженицын А.И., «Двести лет вместе» II часть., М., Русский путь 2002 г., с. 342.
2. Солженицын А.И., «Двести лет вместе» II часть., М., Русский путь 2002 г., с. 343.
3. Шехтман И. Советское еврейство а германо-советской войне // Еврейский мир: Сб.2. Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944 г. 225-226.
4. Солженицын А.И., «Двести лет вместе» II часть., М., Русский путь 2002 г., с. 343.
5. Шварц С. Евреи в Советском Союзе с начла Второй мировой войны (1939-1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета. 1966, с.45.
6. Шварц С. Евреи в Советском Союзе с начла Второй мировой войны (1939-1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета. 1966, с.45-46.
7. Солженицын А.И., «Двести лет вместе» II часть., М., Русский путь 2002 г., с. 344.
8. Ицхак Арад. Холокауст: катастрофа европейского еврейства (1933-1945): Сб. статей. Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1990 с.62.
9. Солженицын А.И., «Двести лет вместе» II часть., М., Русский путь 2002 г., с. 345.
10. Ицхак Арад. Холокауст: катастрофа европейского еврейства (1933-1945): Сб. статей. Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1990 с.61.
11. Шварц С. Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939-1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета. 1966, с. 181.
12. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.,: Международные отношения, 2001 г. с. 431.
13. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.,: Международные отношения, 2001 г. с. 242.
14. Шварц С. Евреи в Советском Союзе с начла Второй мировой войны (1939-1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета. 1966, с. 6.
15. Солженицын А.И., «Двести лет вместе» II часть., М., Русский путь 2002 г., с. 370.
16. Шварц С. Евреи в Советском Союзе с начла Второй мировой войны (1939-1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета. 1966, с. 191.
17. Шварц С. Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939-1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета. 1966, с. 194.

18. Шварц С. Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939-1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета. 1966, с. 159.
19. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001 г. с. 259-260.
20. Солженицын А.И., «Двести лет вместе» II часть., М., Русский путь 2002 г., с. 420.
21. Домольский И. Технология ненависти // Время и мы: Международный журнал литературы и общественный проблем. Тель-Авив, 1978 г., №26, с. 113-114.
22. Солженицын А.И., «Двести лет вместе» II часть., М., Русский путь 2002 г., с. 421.

Рахмонкулова З.Б., Чориев Ш.Ш.

УПРАВЛЕНИЕ ПО ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИ СОВЕТЕ ПО ЭВАКУАЦИИ

Вторая мировая война легла тяжелым бременем испытаний на долю миллионов жителей, и особенно Евроазиатского региона Земли, оставив за собой трагические последствия, коренным образом изменившие судьбы людей. Влияние войны на дальнейшее историческое развитие стран и народов данной территории отразилось на экономике, политике, социальной и культурной жизни населения, а также на ходе миграционных процессов и этническом составе. Ввиду этого тематика переселения эвакуированного населения и его размещения в годы Второй мировой войны является актуальной и на сегодняшнем этапе, освещая малоизученные аспекты проблемы изучения событий военных лет и послевоенного периода.

В годы войны были вынуждены покинуть свои родные земли не только отдельные семьи, но и целые группы народов, людей определенных национальностей. В частности, на территории бывшего советского государства переселение эвакуированного населения и депортированных народов требовало от правительства и населения страны больших усилий и особой организации процесса. Очевидно, на первый взгляд, для многих людей картина эвакуации в условиях внезапной кровопролитной войны кажется хаотичной и представляется как быстрый и беспорядочный переезд и расселение оставшихся без крова взрослых и детей. На самом же деле эвакуация населения была организована

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

и производилась по четко разработанному плану, выделенным специально для этого регионам под руководством уполномоченных правительственных органов. Так, при Совнаркоме СССР был организован Совет по эвакуации (СЭ), постановления и распоряжения которого служили руководствующим положением и нормативной базой в деле отправки, перевозки, размещения, расселения эвакуированного населения, обеспечения его жильем, работой, пропитанием и бытовыми условиями. В распоряжении СЭ находились Управление по эвакуации населения при СЭ, а при нем – Уполномоченные СЭ по регионам и многочисленные Эвакопункты. В данной статье поставлена цель ознакомления, на основе архивных материалов, с организацией деятельности Управления по эвакуации СЭ согласно нормативным документам.

14 ноября 1941 г. было принято Постановление Совета по эвакуации № СЭ 187 «Об утверждении положения и штатов Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации», где были определены направления деятельности Управления по эвакуации [1]. Основная часть Положения включает в себя три раздела – задачи, структуру, местные органы Управления, далее даны четыре Приложения с указанием штатного расписания, штата аппарата уполномоченных Управления по эвакуации в областях, штатного расписания аппарата уполномоченных Управления по эвакуации в городах и районах, штатного расписания Центрального Справочного Бюро при Управлении по эвакуации населения.

Согласно Положению Управление по эвакуации имело три главные задачи: организацию эвакуации населения из районов прифронтовой полосы, обслуживание эвакуируемого населения в пути следования, прием, размещение и устройство на работу эвакуированного населения.

В соответствии с этим Управление выполняло следующие функции: представление на утверждение СЭ планов эвакуации населения из районов прифронтовой полосы с указанием сроков, порядка и очередности эвакуации, а также мест расселения эвакуируемых; организация эвакуационных пунктов и начальников, а также руководство их работой; через местные органы власти; эвакуация населения из районов прифронтовой полосы и наблюдение за продвижением эшелонов в пути следования; через органы Наркомздрава и Трансанупра НКПС обеспечение медико-санитарного обслуживания эвакуируемых в пути следования; через органы Наркомторга, Центросоюза, Трансторгпита НКПС и Главторгсречтранса обеспечение питания эвакуируемых в пути следования; через местные органы власти организация приема эвакуированных в местах расселения, в соответствии с планом,

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

утвержденным обл(край)исполкомом или Совнаркомом республики; организация устройства трудоспособных эвакуированных на работу в предприятия промышленности и промысловой кооперации, в совхозы и колхозы; через местные органы власти оказание материальной помощи особо нуждающимся семьям, а также эвакуированным детям, находящимся в детских учреждениях; осуществление контроля над проведением местными органами власти в местах расселения эвакуированных простейшего жилищного строительства для эвакуированного населения; ведение поименного учета эвакуированного населения, представление в Совет по эвакуации отчетных данных, проведение работы по выдаче справок о местонахождении эвакуированных. Данные функции были возложены на отделы Управления по эвакуации, которое имело следующую структуру: Отдел эвакуации, Отдел трудоустройства, Отдел бытового обслуживания, Центральное справочное бюро, Управление делами.

В частности, следующим образом были распределены обязанности между отделами. Отдел эвакуации составлял планы эвакуации населения, планы перевозок, организовывал отправку эвакуируемых в места расселения, наблюдал за продвижением эшелонов в пути, вел учеты эвакуированного и размещенного населения в областях, краях и республиках. Отдел трудоустройства организовывал устройство на работу эвакуированных граждан в предприятиях промышленности и транспорта, в предприятиях местной промышленности и промысловой кооперации, в совхозах и колхозах. Отдел бытового обслуживания руководил работой эвакуационных пунктов, организовывал прием и размещение эвакуируемых в местах расселения, их бытовое устройство, следил за размещением и содержанием детских учреждений, а также за питанием, медицинским и санитарным обслуживанием эвакуированных по пути следования и в местах их расселения. Центральное справочное бюро производило поименный учет и давало справки о местонахождении эвакуированных. Отдел Управления делами занимался вопросами делопроизводства, бухгалтерским счетом, хозяйственными вопросами самого Управления по эвакуации при СЭ. Более подробное представление о структуре Управления по эвакуации можно получить из его Штатного расписания, запланированного в Постановлении № СЭ 187 (табл. 1).

Таблица 1

**Штатное расписание Управления
по эвакуации населения при СЭ [2]**

<i>Наименование отделов и должностей</i>	<i>Количество работников</i>
I. Руководство	
Начальник управления	1
Заместитель начальника Управления	3
Инспектор по кадрам	1
Секретари	2
<i>Итого</i>	7
II. Отдел эвакуации	
Начальник отдела	1
Инспектор по контролю за продвижением эшелонов	3
Уполномоченный Гл.Управления из узловых станций	10
Инспектор по учету	1
Экономист-статистик	1
<i>Итого</i>	16
III. Отдел трудового устройства	
Начальник отдела	1
Инспектор	10
Экономист	1
<i>Итого</i>	12
IV. Отдел бытового обслуживания	
Начальник отдела	1
Инспектор	6
Экономист	1
Ст.санитарный инспектор	1
Санитарный инспектор	1
Инспектор	1
<i>Итого</i>	11
V. Управление делами	
А) Управляющий делами	1
Б) Канцелярия:	
Начальник канцелярии	1
Делопроизводитель	1
Стенографистка	1
Машинистка	3
Экспедитор	1
Курьер	1
<i>Итого</i>	9

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

В) Бухгалтерия	
Ст.бухгалтер	1
Бухгалтер-ревизор	1
Кассир	1
<i>Итого</i>	3
Г) Хозяйственная часть	
Агент по снабжению (он же кладовщик)	1
Комендант здания и общежития	1
Уборщица	2
Шофер	2
Истопники-дворники	2
<i>Итого</i>	8
В С Е Г О	66

Как отмечалось выше, Управление по эвакуации населения имело своих Уполномоченных в соответствующих республиках, краях и областях и в отдельных городах, как в местах эвакуации, так и в местах расселения. Уполномоченные утверждались СЭ по представлению начальника Управления, Совнаркома республики, обл(край)исполкома. При Уполномоченных действовал специальный аппарат, и они тесно координировали свою работу с местными органами власти. Следует отметить, что в целом, работа по эвакуации проводилась в двух направлениях – отправление людей из мест военных действий и прием эвакуированного населения в безопасных зонах, в связи с чем деятельность Уполномоченных Управления при СЭ также проводилась в двух формах (табл. 2).

Таблица 2

**Функции Уполномоченных
Управления по эвакуации населения [3]**

Уполномоченные Управления по эвакуации в краях, областях и городах, из которых эвакуируется население:	Уполномоченные Управления по эвакуации населения в республиках, краях, областях, городах, в которых размещаются эвакуированные:
- на основе предложений областных (краевых) исполкомов, разрабатывают планы эвакуации населения из районов прифронтовой полосы и представляют их в Управление по эвакуации населения;	- принимают участие в составлении обл(край)исполкомами и Совнаркомами республик планов размещения эвакуированного населения;

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

- представляют в Управление по эвакуации заявки на потребное количество вагонов и судов для перевозки эвакуируемого населения;	- контролируют подготовку со стороны местных органов власти к приему эвакуированного населения (определение пунктов расселения, подготовка жилых помещений и необходимых транспортных средств);
- контролируют выполнение областными, краевыми и городскими исполкомами утвержденных СЭ планов по эвакуации;	- организуют устройство эвакуированных на работу в предприятиях промышленности и транспорта, в предприятиях местной промышленности и промысловой кооперации, в совхозах и колхозах;
- утверждают начальников эшелонов и контролируют обеспеченность эшелонов со стороны органов здравоохранения необходимым медико-санитарным и обслуживающим персоналом;	- проверяют состояние медицинского и санитарного обслуживания эвакуированных в местах их расселения;
- ведут учет населения, эвакуированного из данного края, области, города, и представляют отчет об эвакуации населения в Управление по эвакуации.	- контролируют размещение и устройство эвакуированных детских учреждений;
	- совместно с исполкомами ведут поименный учет эвакуированного населения, размещенного в данном крае, области, республике и выдачу справок о местонахождении эвакуированных.

Контроль за правильным расходованием средств, выделяемых Управлением по эвакуации, продвижением эшелонов в пределах республики, края, области, обслуживанием в пути населения также осуществлялся Уполномоченными и работниками их аппарата. Кроме того, на Уполномоченных Управления возлагались такие трудоемкие задачи, как организация, совместно с органами власти, Эвакопунктов и Эвакогрупп, согласно плану, утвержденному Советом по эвакуации (СЭ), и руководство ими.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Следует упомянуть интересный факт из Постановления № СЭ 187 о назначении Уполномоченных СЭ по тем же двум категориям областей по эвакуации (зоны, куда производится эвакуация, и зоны, куда эвакуация населения не производится), а также по двум группам внутри первой категории. В частности, в Приложении № 3 данного документа приведена таблица (табл. 3).

Таблица 3

Количество городов и районов в областях, где организуются аппараты Уполномоченных Совета по эвакуации [4]

<i>Название областей, краев и республик</i>	<i>Города</i>		<i>Районы</i>	
	Количество о городов	Количество работников	Количество городов	Количество работников
1. Области, в которые производится эвакуация				
1-я группа				
Куйбышевская	4	20	59	59
Молотовская	5	25	39	39
Новосибирская	8	40	50	50
Омская	2	10	50	50
Свердловская	6	30	40	40
Челябинская	4	20	61	61
Чкаловская	4	20	50	50
Татарская АССР	1	5	50	50
Казахская ССР	2	10	100	100
Саратовская	2	10	30	30
Сталинградская	1	5	50	50
Башкирская АССР	3	15	40	40
Узбекская ССР	5	25	30	30
И т о г о	47	235	649	649
2-я группа				
Алтайский	2	10	30	30
Архангельская	1	5	15	15
Вологодская	3	15	20	20
Кировская	-	-	30	30
Красноярский	3	15	20	20
Дагестанская АССР	-	-	-	-
Коми АССР	-	-	8	8
Марийская АССР	-	-	10	10
Мордовская АССР	1	5	15	15
Удмуртская АССР	2	10	20	20

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Чувашская АССР	-	-	20	20
Области Казахская ССР	14	70	-	-
И т о г о	26	130	188	188
II. Области, куда эвакуация населения не производится				
Краснодарский	6	30	30	30
Орджоникидзевский	10	50	40	40
Горьковская	15	75	50	50
Пензенская	4	20	25	25
Рязанская	5	25	20	20
Ярославская	6	30	15	15
Московская	-	-	-	-
Ленинградская	-	-	-	-
Воронежская	5	25	20	20
Ивановская	6	30	10	10
Ростовская	3	15	10	10
Тамбовская	2	10	10	10
Тульская	-	-	-	-
Ворошиловградская	-	-	-	-
И т о г о	62	310	230	230
В С Е Г О	135	675	1.067	1.067
Всего работников	1742 чел.			

Раскрывая стороны деятельности Управления при СЭ, важно отметить их распорядительную функцию, как органа, принимающего решения в организации мероприятий по эвакуации населения. Например, 23 декабря 1941 г. Советом по эвакуации было издано Распоряжение № 15482 СЭ об утверждении Положения, представленного Управлением по эвакуации населения, «Об отделе Переселения колхозных хозяйств Управления по эвакуации населения при совете по Эвакуации» [5]. Данное Положение состоит из двух частей: Задачи Отдела Переселения колхозных хозяйств и Местные органы Отдела переселения колхозных хозяйств, включающих 15 пунктов. В данном документе отмечено: «Отдел Переселения колхозных хозяйств организуется в составе Управления по Эвакуации населения и имеет своей задачей руководство хозяйственным устройством колхозников, переселенных по плану сельхозпереселения 1941 г. и переселяемых в дальнейшем по планам, утвержденным СНК Союза ССР и советом по Эвакуации». В функции Отдела входило: разработка и представление на утверждение СНК или СЭ

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

годовых и квартальных планов хозяйственного устройства колхозников-переселенцев, планов финансирования, строительства, снабжения и др. мероприятий по хозяйственному устройству колхозников-переселенцев; осуществление контроля за хозяйственным устройством колхозников-переселенцев на местах; финансирование согласно планам мероприятий по хозяйственному устройству колхозников, осуществление контроля за использованием отпущенных кредитов и применением льгот. В союзных и автономных республиках, краях и областях Отдел Переселения колхозных хозяйств имел свои местные органы – переселенческие отделы, состоящие при Совнаркомах республик и обл(край)исполкомах, которые свою работу осуществляли через местные органы власти (райисполкомы и сельсоветы).

В числе нормативных документов Эваковета можно отметить также: «Положение о работе диспетчерской группы Эваковета при СНК на ст. Туркестан», «Инструкцию о порядке приема и размещения по УзССР населения, эвакуированного из прифронтовой полосы», «Положение о работе Эвакогруппы Эвакоуправления при Совнаркоме УзССР на ст. Арысь и ст. Каган», состоящее из 12 пунктов [6]. Эвакогруппа имела в составе четырех Уполномоченных Эвакоуправления при СНК УзССР и одного Начальника Пункта – всего пять человек. В последнем документе отмечено, что основной задачей Эвакогрупп является давать направления эшелонам и одиночным вагонам с эвакуированными, а также индивидуально прибывшим эвакуированным. В данном документе отмечено, что «направлять эвакуированных следует в Андижанскую, Наманганскую, Ферганскую, Самаркандскую, Бухарскую обл. не более одного эшелона в каждую область в сутки» [7].

В целом, анализ нормативного источника о деятельности Управления по эвакуации СЭ – Постановления № СЭ 187, а также ряда других Положений уже самого Управления и его отделов, указывает на планомерную организацию работы по эвакуации населения в годы Второй мировой войны, а также информирует об активной деятельности уполномоченных органов и непрерывной работе органов всех инстанций, причастных к делу эвакуации населения страны.

1. ЦГА РУз, фонд 314, опись 1, дело 37 – «Постановление № 187 Совета эвакуации при СНК СССР «Об утверждении положения и штатов Управления по эвакуации населения».
2. ЦГА РУз, фонд 314, опись 1, дело 37, лист 52-52 об.
3. Там же, лист 51.

4. Там же, лист 54.
5. ЦГА РУз, фонд 314, опись 1, дело 37, листы 55-56.
6. Там же, листы 1-4.
7. Там же, лист 1, пункт 4.

Подлинский А.М.

ЭВАКУАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ БЕЛОРУССИИ 1941 г.

Белоруссия, как известно, первой приняла на себя удар фашистской Германии в июне 1941 г. Уже 22 июня был оккупирован Брест, 23 июня - Гродно и Кобрин, 26 июня - Молодечно, 27 июня - Барановичи, 28 июня - Минск и Бобруйск, 2 июля - Борисов, 3 июля - Жлобин, 4 июля - Пинск, 11 июля - Витебск, 14 июля - Орша, 16 июля - Полоцк, 26 июля - Могилев, 19 августа - Гомель, 22 августа - Мозырь, 23 августа - Речица. Таким образом, уже за первый месяц войны вермахт захватил почти всю территорию Белоруссии. А не оккупированная часть (в основном Гомельская обл.) оказалась таковой только потому, что лежала вне главного удара, направленного на Москву. И вермахт просто не спешил ее захватить. В этих условиях эвакуация предприятий и населения могла быть организована только в самых восточных регионах республики. Однако и здесь она началась только в первых числах июля, ибо руководство страны никак не хотело трезво оценивать обстановку, складывающуюся с войсками Особого Западного округа, призывало не поддаваться панике и требовало расстреливать паникеров на месте. Только после того, как значительная часть Белоруссии уже оказалась оккупированной, уже после сдачи Минска и некоторых др. крупных городов, ЦК КП(б)Б и СНК БССР, наконец, приняли соответствующее решение. И в еще не оккупированных областях республики стали постановлениями областных исполнительных комитетов и бюро обкомов КП(б)Б создаваться областные комиссии по эвакуации. В Витебске, например, она была создана 1 июля 1941 г. [1]. Вероятно, в этот же день были созданы подобные в Гомеле и Могилеве. Показательно при этом, что, например, в постановлении Витебского облисполкома и бюро обкома КП(б)Б необходимость эвакуации объяснялась «невозможностью использования предприятий на их полную мощность <в> **«прифронтовой полосе»** (выделено автором), а не очевидной невозможностью остановить врага и предстоящей оккупацией.

Архивных материалов об эвакуации промышленных предприятий, организаций и населения сохранилось очень мало. Это и понятно: в те трудные дни, когда все события измерялись не сутками, а даже часами, было не до оформления документов, как бы важны они ни были. Во-вторых, если какие-либо списки вывозимого имущества и контингента рабочих и служащих даже составлялись, то они, скорее всего, оставались там, куда предприятия и организации прибывали. И за прошедшие более 70 лет, особенно в первые послевоенные десятилетия, не нашлись такие организации (исполкомы Советов, архивисты), которые бы позаботились о том, чтобы вернуть эти документы или хотя бы получить их копии. Вот почему хранящаяся в Государственном архиве Витебской обл. «Справка об эвакуации промышленных предприятий и товаров, сельскохозяйственных машин, скота и прочих материальных ценностей по Белорусской ССР» - представляет особый интерес [2]. Тираж этой типографски изданной брошюры неизвестен, не приводятся и все остальные выходные сведения. И на обложке издания, и на первой его странице тоже типографским способом отпечатано: «Секретно». Сам материал представляет собой списки эвакуированных предприятий и организаций только четырех белорусских областей: Витебской, Полесской, Могилевской и Гомельской. В то время как на начало Великой Отечественной войны Белорусская ССР состояла из десяти областей: Барановичской, Белостокской, Брестской, Вилейской, Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской, Пинской и Полесской. Т.о., в «Справку» не попала информация по западным регионам республики (Барановичской, Белостокской, Брестской, Вилейской и Пинской обл.), а также по Минской обл. и самой столице. Связано это с тем, что никакой эвакуации в этих регионах не было проведено. И то незначительное число организаций и населения, которым все же удалось каким-то образом эвакуироваться, это сделали исключительно самостоятельно, а не в результате организованной кампании.

Отсутствие информации на документе не дает возможность точно ответить на вопрос о том, кто и когда его составил. Скорее всего, это было сделано аппаратом Совнаркома БССР, руководство и ответственные работники которого (как, впрочем, и партийные, и государственные, и правоохранительные руководители республики) панически покинули Минск уже на четвертый день войны, фактически бросив на произвол судьбы население не только уже оккупированной территории, но и еще не захваченной столицы и районов вблизи ее [3]. О времени издания

брошюры тоже можно только предполагать: скорее всего, она была издана в конце первого квартала 1942 г., ибо в документе есть ссылка, что предприятие **будет** (*выделено автором*) восстановлено в конце первого квартала. При этом год не приводится. Однако маловероятно, что этот документ мог быть составлен в 1943 г. и, тем более, в 1944 г. На первый квартал 1942 г, как на время подготовки «Списка» указывает и то, что далеко не по всем предприятиям приводится необходимая информация: собрать ее в первые месяцы войны было непросто. Эта информация по каждому предприятию должна была быть следующей: полное название и принадлежность к наркомату; фамилия руководителя; наименование оборудования, материалов, продукта и проч. материальных ценностей; единица измерения; количество выехавших рабочих и служащих; адрес назначения и дата отгрузки; куда фактически прибыло предприятие, и было ли оно восстановлено. Списки предприятий составлены по областям. Внутри каждой из них сведения сообщаются по промышленности и сельскому хозяйству. В свою очередь предприятия промышленности Витебской, Полесской и Могилевской обл. приводятся по видам: легкая промышленность, пищевая, местная, связь, электростанции, станкостроение и т. д. Все предприятия Гомельской обл. прописаны одним списком. Сведения по сельскому хозяйству каждой из областей включают в себя количество крупного рогатого скота, зернопродуктов, свиней и овец, количество тракторов и комбайнов, станков, двигателей и молотилок.

Из Витебской обл. (г. Витебск, Орша, Дубровно, местечко Высочаны Лиозненского р-на, пос. Белгресс и Осинторф Оршанского р-на) вывезены 36 предприятий [4], из Полесской обл. (г. Мозырь, Микашевичи) - девять [5], из Могилевской обл. (г. Могилев, Быхов, Кричев, Шклов) - 24 [6], из Гомельской обл. (г. Гомель, Речица и др.) - 57. Всего 126 [7]. Кстати, наравне с промышленными предприятиями в «Списке» указаны, например, Горецкий сельскохозяйственный институт, отдел здравоохранения Гомельского облисполкома или ателье мод витебской фабрики им. КИМ, которые тоже обладали материальными ценностями. В то же время в документе нет информации об эвакуации других вузов и отделов городских и областных исполнительных комитетов.

Как уже известно сейчас, у «Списка» был предшественник. Это отчет ЦК КП(б)Б и СНК БССР «Об итогах эвакуации из Белоруссии», посланный 17 июля 1941 г. на имя И. Сталина, В. Молотова и Л. Кагановича. В нем указывается, что «наиболее значительные предприятия

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

числом 83 из Белоруссии эвакуированы полностью» [8]. Ясно, что в список эвакуированных предприятий, составленный значительно позднее, их вошло гораздо больше.

Наиболее организованно и полно эвакуация была проведена, как и следовало ожидать, в Гомельской обл., которая оказалась в стороне от главного удара вермахта. Если Витебск был окончательно оккупирован 11 июля, Орша - 14 июля, Полоцк - 16 июля, а Могилев - 26 июля, то Гомель только 19 августа, а Речица и того позже - 23 августа. У этого региона Белоруссии было на организацию вывоза ценностей более чем полтора месяца, в то время как у Витебска, например, всего шесть-семь дней. Гомельчане успели эвакуировать имущество даже небольших артелей, в то время как среди витебских и Mogилевских предприятий оказались только союзного и республиканского значения. Наиболее крупными из них являлись витебские фабрики им. К. Цеткин, им. КИМ, «Знамя индустриализации», «Прогресс», «Красный Октябрь», очковая, игольная, льнопрядильная, махорочная, заводы - им. Кирова, им. Коминтерна, фанерный, кожевенный, фанерный, маслобойный, щетинный комбинат; из Орши - льнокомбинат; из Дубровно - Днепровская мануфактура; из Мозыря - мебельная фабрика; заводы: фанерные «Красный Октябрь» и «Звезда», лесной, пивоваренный; из Могилева - заводы: кожевенный и № 459, фабрики: искусственного волокна, швейная, металлокомбинат; из Шклова - бумажная фабрика; из Гомеля - заводы им. Кирова, «Двигатель революции», «Сельмаш», овчинно-шубный, фанерный, «Изоплит», стекольный; фабрики: швейная, трикотажная, щетинная, обувная, спичечная, кондитерская, «Полеспечать».

Адреса направления эвакуированных предприятий достаточно широки. Это Новосибирск и Ульяновск, Саратов и Уфа, Горький и Кострома, Барнаул и Вологда, Свердловск и Чкаловск, Казань и Пенза, Воронеж и Курган, Москва и Орел, Ташкент и Ашхабад, Сталинград и Астрахань, Томск и Омск, Ярославль и Рязань, небольшие города Молотовской, Саратовской, Челябинской, Свердловской и Горьковской обл. Часть эвакуированных предприятий в процессе переезда были переадресованы. Так, витебская трикотажная фабрика им. К. Цеткин первоначально Совнаркомом БССР направлялась в Новосибирск, но окончательно оказалась в двух местах - Мелекесе Куйбышевской обл. (34 вагона) и в Куйбышеве (12 вагонов); Оршанский проволоочно-гвоздильный завод направлялся в Уфу, но был переадресован в Благовещенск; витебская очковая фабрика направлялась в Вологду, а была переадресована в Суксун Молотовской обл.; Mogилевский кожевенный завод им. Сталина направлялся в Богородск Горьковской обл., а

оказался в Елеце Липецкой обл.; могилевская фабрика искусственного волокна направлялась в Тамбов, а оказалась в Бальцере Саратовской обл.

Проанализировать объемы вывезенного имущества достаточно сложно. В одних случаях оно измеряется в тоннах, в другом - в единицах, в третьем - в вагонах. Если судить по числу вагонов, то здесь явный лидер гомельский завод «Сельмаш», из которого вывезены 174 вагона пиломатериалов, 267 вагонов сельхозмашин и 96 вагонов полуфабрикатов (деталей и механизмов), а всего 170 вагонов оборудования и 677 вагонов материалов. В «Списках» даже сделана приписка, что предприятие и его труженики за отличную эвакуацию награждены государственными наградами - орденами. В 408 вагонах разместилось различное имущество гомельских железнодорожников, в 343 - имущество гомельского завода № 459, в 190 - оршанского льнокомбината, в 177 - гомельского кондитерского комбината «Спартак», в 171 - гомельского жирового комбината, в 165 - могилевского стройуправления № 4, в 148 - гомельского завода им. Кирова, в 102 - могилевского кожевенного завода им. Сталина. 88 вагонов с ценностями были вывезены из гомельского комбината «Везувий», 54 - из гомельского завода «Красный химик», 52 - витебской фабрики «Красный Октябрь», 46 - витебской фабрики им. К. Цеткин, по 45 - витебской фабрики им. Кагановича и гомельской электростанции, 44 вагона только электромоторов - из гомельского гвоздильного завода «Интернационал». В одном из примечаний брошюры приводится, что из Полесской обл. вывезли всего 527 вагонов, в т. ч. 225 оборудования заводов и артелей, 43 металла, 19 горючего, четыре - спирта [9].

Одна из граф «Списка» приводит сведения о числе рабочих, выехавших вместе со своими предприятиями для того, чтобы быстрее наладить производство на новом месте, а в некоторых случаях и перепрофилировать его для нужд фронта. Эти сведения представлены в 50 случаях из 126., т.е. только в менее чем 40 процентах. Уже поэтому сведения эти неполные, причем значительно. Так вот, по материалам «Списка» из белорусских городов в тыл выехали 4 тыс. 406 чел. рабочих предприятий, причем наибольшее количество - тоже из Гомельской обл. Это 673 железнодорожника, по 500 представителей «Сельмаша» и обувной фабрики «Труд», 450 - комбината «Полеспечать», 425 - завода им. Кирова, 320 - комбината «Везувий», 210 - трикотажной фабрики «8 марта», 170 - кондитерского комбината «Спартак», 155 - швейной фабрики. Из др. предприятий в этом отношении следует упомянуть мозырский льнозавод (700 рабочих), витебские фабрики им. КИМ (400),

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

«Знамя индустриализации» (350), им. К. Цеткин (300), им. Кагановича (250), «Прогресс» (200), оршанский льнокомбинат (300), могилевскую фабрику искусственного волокна (200). На самом деле число выехавших рабочих вместе со своими предприятиями значительно больше - речь идет о десятках тыс. чел. Вместе с ними выехали в тыл и члены их семей. В «Списках» их количество указывалось редко: только 15 случаев из 126. Общее число составило пять тыс. 40 чел. И эти цифры далеки от реальных. Речь и в данном случае идет даже не о десятках тыс., а о сотнях. Наибольшее число «иждивенцев» (так иногда называются в документе члены семей эвакуированных рабочих) представлено гомельским «Сельмашем» - 1,5 тыс.чел., 850 чел. были из витебской фабрики «Знамя индустриализации», 800 - гомельских железнодорожников, 580 - гомельского завода «Двигатель революции». Судя по всему, наиболее распространенное сочетание рабочих и членов их семей равняется, как один к двум-трем.

Вместе с имуществом промышленных предприятий проводилась эвакуация собственности колхозов и совхозов. Так, например, было вывезено по железной дороге и гоном 4 тыс. 189 тракторов. Еще 629 машин передали частям Красной Армии. 39 тыс. 234 тонны вывезли зернопродуктов: овса, пшеницы, муки, крупы, ячменя, проса, гречихи. Из Витебской, Полесской и Гомельской обл. вывезено в тыл 308 тыс. 276 голов крупного рогатого скота и еще 100 тыс. 474 голов разного скота - из Могилевской обл. Кроме того в Гомельской обл. 15 тыс. 339 голов скота передали частям Красной Армии, 17 тыс. 975 голов - населению и 4 тыс. 110 голов - мясокомбинатам. Из Белоруссии в восточные районы страны было вывезено также 597 тыс. 958 голов овец (в т.ч. и 15 тыс. из Минской обл., в которой эвакуация предприятий практически не проводилась), 11 тыс. 274 головы свиней (гоном и железнодорожным транспортом), убито и отправлено 8 тыс. 513 тонн мяса, передано Красной Армии 10 тыс. 799 голов и розданы местному населению еще 32 тыс. 332 головы. Из Могилевской обл. всех видов животных было эвакуировано 100 тыс. 474.

А вот организованной эвакуации населения в Белоруссии, как свидетельствуют многочисленные очевидцы, не проводилось. Часть его смогла выехать (в ужасной тесноте: в вагоны набивалось столько людей, что порой не было место даже сидеть) в обычных пассажирских поездах в первую неделю войны. Но после того, как эвакуация была официально начата (2 июля), покинуть города уже можно было только по специальному

разрешению, которые выдавали коменданты. Они же визировали и списки эвакуированных людей с предприятиями и организациями [10].

Тема эвакуации Белоруссии во время Великой Отечественной войны, несмотря на явный героизм горожан, сумевших в самые краткие сроки сделать, казалось бы, невозможное, не привлекала внимание исследователей [11]. Это и понятно: касаясь героических усилий людей (в основном, кстати, женщин), невозможно было обойти такие «скользкие» темы, как явную неготовность Красной Армии в целом и командования Западного особого округа, в частности, дать отпор врагу, отношение населения к захватчикам, массовое дезертирство военнослужащих, удручающие итоги мобилизации и, наконец, то, как повели себя в это непростое время руководители республики и областных организаций. В настоящее время в виду крайне малого количества архивных документов и участников эвакуации едва ли можно дать настоящую картину того, что было на самом деле. Но делать это надо.

1. Государственный архив Витебской обл. (ГАВО). Ф. 1, оп. 1-а, д. 8, л. 132.
2. ГАВО. Ф. 102, оп. 3, д. 2, лл. 2-20.
3. Правда, впоследствии многие из них (в частности, первый секретарь ЦК КП(б)Б П. Пономаренко) утверждали, что руководители республики выехали в пока еще не оккупированные районы Белоруссии исключительно для того, чтобы организовать отпор врагу и подготовиться к партизанской войне и подпольной работе. В т.н. «Дневнике работы ЦК КП(б)Б» есть запись от 29 июня, которая информирует о конкретных руководящих работниках ЦК и СНК, выехавших в Гомельскую, Витебскую и Полесскую обл. Однако, если проследить путь следования высшего руководства республики в первый месяц войны, то нетрудно убедиться, что речь идет именно о бегстве. Впрочем, вопрос, как вело себя руководство республики в первые месяцы войны, отдельная тем, и мы ее затрагивать не будем.
4. ГАВО. Ф. 102, оп. 3, д. 2, лл. 3-7.
5. ГАВО. Ф. 102, оп. 3, д. 2, лл. 8-9.
6. ГАВО. Ф. 102, оп. 3, д. 2, лл. 10-11.
7. ГАВО. Ф. 102, оп. 3, д. 2, лл. 12-19. Количество эвакуированных предприятий нами указывается не по их нумерациям в «Списке», а по факту.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

8. Платонов Р. Белоруссия, 1941-й г.: известное и неизвестное. - Мн., 2000. - С. 121.

9. ГАВО. Ф. 102, оп. 3, д. 2, лл. 14-15.

10. Это не означает, что население не могло практически в любой день покинуть города и поселки пешком или на собственном транспорте, если таковой оказывался (из сельской местности никакой эвакуации не проводилось). Речь идет только о лошадях, поскольку машины оказались в распоряжении только руководства. Т.о. сумели спастись от оккупации жители не только Витебской, Гомельской, Могилевской и Полесской обл., но и даже из Бреста, Гродно, Белостока, Минска и др. белорусских городов. Их количество даже приблизительно неизвестно. Но ясно, что речь идет о тысячах, а может быть, и десятках тыс. чел.

11. Правда, в 1966 г. в Белоруссии была издана книга «Эшелоны идут на восток».

Ведерникова Г. С.

ЭВАКУАЦИЯ: ТЯЖЕЛЫЕ, НО БЛАГОРОДНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**(Об эвакуации в Узбекистан и др. республики Центральной Азии
в годы войны с фашизмом - два не публиковавшихся документа)**

Первое полугодие (вторая половина 1941 г.) Отечественной войны характеризуется великим перемещением производственных сил СССР на Восток, которым руководил Государственный Комитет Обороны. Передвигались миллионы людей, перемещались сотни предприятий, десятки тысяч станков, прокатные станы, прессы, молоты, турбины и моторы. В течение каких-либо трех мес. 1941 г. было эвакуировано в восточные р-ны СССР более 1,3 тыс. крупных, главным образом военных, предприятий, в т.ч. эвакуированы на Урал 455 предприятий, а в западную Сибирь 455 предприятий, в Среднюю Азию и Казахстан 250 предприятий. Объем капитальных работ в р-нах Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии увеличился с 3,1 млрд руб., в первом мирном полугодии 1941 г., до 5,1 млрд руб. во втором военном полугодии 1941 г. [1].

Эвакуация населения из прифронтовых районов вглубь страны началась в первые дни войны.

Руководство эвакуацией и размещением населения возглавил Совет по эвакуации, созданный 24 июня 1941 г. ЦК ВКП(б), и СНК СССР 27

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

июня 1941 г. принял постановление «О порядке вывоза и размещения людских континентов и ценного имущества». 26 сентября 1941г. при Совете по эвакуации было создано «Управление по эвакуации населения» во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К.Д. Памфиловым. В его составе имелись отделы эвакуации, трудоустройства, бытового обслуживания и Центральное справочное бюро [2]. В каждом из районов эвакуации имелись свои особенности из-за быстрого продвижения фашистской армии в начале войны и в итоге - массовой эвакуации населения из приграничных областей и республик провести вообще не удалось. Успели провести в большинстве мест лишь в ограниченных масштабах.

Большую и напряженную работу по эвакуации объективно при всех огромных проблемах тогдашние проделали партийные и советские органы Ленинграда. С 29 июня - т.е. с начала эвакуации до 27 августа 1941 г., когда железнодорожная связь со страной прервалась, из Ленинграда успели выехать 636 тыс. 203 чел. Одним из первоочередных направлений военной перестройки и мобилизации сил страны на нужды войны явилось невиданное по масштабам перемещение с Запада на Восток производственных сил людей и техники. Однако если перебазирование промышленных и сельскохозяйственных предприятий довольно обстоятельно отражено в исторической литературе, то эвакуация населения, его размещение, хозяйственное и трудовое устройство на новых местах еще не получили необходимого освещения. Работ на эту тему в плане эвакуации в Среднюю Азию пока сравнительно мало. Основным методом перемещения населения явился организованный вывоз рабочих и служащих учащихся вместе с предприятиями, МТС, колхозами, учреждениями и учебными заведениями, эвакуация же неорганизованного населения, отправлявшегося в индивидуальном порядке, проходила с большим трудом [3]. Велась большая работа по приему и размещению эвакуированных в городах Сибири, Казахстана и республик Средней Азии. Особое внимание уделялось учету прибывших специалистов и квалифицированных рабочих, распределению их по отраслям промышленности. Около 600 тыс. чел. разместились в Казахской ССР, 716 тыс. - в Киргизской ССР, около 87 тыс. в остальных среднеазиатских республиках и Закавказье. К осени 1942 г. количество эвакуированных во многих восточных областях еще более увеличилось в связи с проведением второй очереди эвакуации летом 1942 г. В

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Казахстане, например, всего было размещено около миллиона эвакуированных [4].

В условиях, когда в армию были призваны самые трудоспособные силы, кардинальным вопросом развития военной промышленности был вопрос квалифицированных кадров. Частично проблема кадров решалась за счет размещения населения, эвакуированного из западных районов страны. Так, на 1 декабря 1942 г. только в Киргизии было принято, обеспечено продуктами, жильем и работой свыше 108 тыс. чел. [5], свыше 108 тыс. чел., а к весне 1942 г. в Узбекистане было размещено 716 тыс. чел [6].

В Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан находится немало интересных документов, связанных с эвакуацией и большинство из них еще ждут своих исследователей. Они посвящены разным сторонам эвакуации. Некоторые из них посвящены эвакуации детей, другие - вопросам устройства деятелей науки и культуры в эвакуации.

Вот некоторые характерные и ранее не изучавшиеся из них: первый отражает аспект, ранее не отражавшийся в опубликованных материалах и исследованиях - эвакуацию в Ташкент московского училища № 38, где обучались дети испанских республиканцев, оказавшиеся в б. СССР после поражения Испанской республики и прихода в Испании к власти фашистов.

«Уполномоченному Эвакосовета по УзССР тов. Кичакову.

На основании постановления при СНК ССР от 21.XI. за №10/6п. Московское ремесленное училище №38 (Испанские дети) вместе с обслуживающим персоналом 15 работников и 20 иждивенцев размещены в г. Ташкенте по ул. Кафанова №98 и оставлены, как самостоятельное училище. Прошу вашего распоряжения о прописке работников училища по прилагаемому списку [7].

Начальник управления (Дьяков)».

Второй документ прямо показывает на ученых академических институтов, эвакуированных в Ташкент, содержит интересные данные по эвакуации их и размещению в Ташкенте:

«Уполномоченному Совета Эвакуации при СНК СССР по Узбекистану. Тов. Кичанову.

По поручению Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров УзССР т. Кары – Ниязова, направлявшего Вам список сотрудников институтов почвоведения, права, мирового хозяйства, мировой литературы, им. Горького, языка и письменности, философии, истории АН СССР, (с семьями, для прописки в г. Ташкенте). Приложение: список на 14 листах [8].

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Управляющий делами совета наркома УзбССР (Коваленко) 8.12.1941 №03-1-42. Ташкент».

И, наконец, хочется отметить, что в ЦГА РУз есть документ, прямо посвященный списковому составу еврейского театра (ГОСЕТ) под руководством С.М.Михоэлса, эвакуированного в Ташкент.

«Зам начальнику Таш. Гормилиции тов. Шатковскому.

Направляется на рассмотрение списков работников Государственного Еврейского театра, дистанцированного в г. Ташкенте [9].

Приложение: Список на 78 чел.

Уполномоченный Эвакосовета при СНК УзССР».

Думается, эти и ряд др. документов фонда Р-314 ЦГА РУз могут дать данные для новых интересных исследований. Ряд интересных материалов содержится в ЦГА РУз - ф. Р-94, оп.5. [10]. Но, если на основе фонда Р-94 написана небольшая статья Э. Джаббарово, Г. Асатовой [11], то фонд Р-314 еще ждет в значительной мере своих исследователей.

Н. Вознесенский «Военная экономика СССР в период отечественной войны» ОГИЗ гос издательство политической литературы 1948г. - с. 41

Институт истории СССР АН СССР Советский тыл в Великой Отечественной войне книга 2, трудовой подвиг народа под ред академика П.Н. Пospelова издательство «мысль». М 1974. С. 181-182

Институт истории СССР АН СССР Советский тыл в Великой Отечественной войне книга 2, трудовой подвиг народа под ред академика П.Н. Пospelова издательство «мысль». М 1974г. с. 181-182

Советский тыл в Великой Отечественной войне книга 2, трудовой подвиг народа под ред академика П.Н. Пospelова издательство «мысль». Институт истории СССР АН СССР М 1974г. с. 186-187

ЦГА Киргизской ССР ф 1451, оп1, д1, л31

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т.2 ст 548, с. 303

ЦГА РУз ф. Р-314. Оп-1, д-89, л.7

ЦГА РУз ф. Р-314. Оп-1, д-89, л-32

ЦГА РУз Р-314. Оп-1, д-94.л-33

Например, ЦГА РУз, ф.Р-94, оп.5. дела 4347,4353,4254,4435,4697

Джаббарова Э.М., Асатова Г.Р. «Забота узбекского народа об эвакуированных детях в годы Второй Мировой войны//ВОСТОК-ЗАПАД: аспекты взаимодействия» под ред.Р.Р. Ашурова, Д.С. Саадуллаева Р.Х. Муртазаевой, А.Н. Давшан А.Г. Шереметьевой и др.Т:2006.; сс.68-70.

ЭВАКУАЦИЯ В АЛМА-АТУ
(По книге «Город вещей снов»*)

Книга, в которой я попытался собрать под одной обложкой максимальное число рассыпанных по разным источникам, малоизвестных или неизвестных, ранее не опубликованных документальных свидетельств о жизни и работе деятелей советской культуры, работников творческих производств, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны в Казахстан. В сборник включены воспоминания более 40 авторов.

Это воспоминания актеров, режиссеров, писателей, сценаристов, письма. В их число входят: Наталья и Леонид Трауберг, Сергей Ермолинский, Георгий Натансон, Григорий Рошаль, Лидия Смирнова, Герберт Раппапорт, Людмила Целиковская и др.

В 1941 г. крупные киностудии «Мосфильм» и «Ленфильм», ВГИК, писатели, художники и др. деятели культуры были эвакуированы в Алма-Ату.

«Эшелон «Мосфильма» - обоз из двух железнодорожных составов - в 6 ч. утра 14 октября 1941 г. двинулся на Восток через всю страну, увозя творческий коллектив студии вместе с первой партией срочно эвакуированных ленфильмовцев, сотни людей и студийное хозяйство: техническое оборудование, реквизит, костюмы, макеты», - писала Ней Зоркая [1].

Для создания художественных фильмов в Алма-Ате была создана Центральная объединенная киностудия «ЦОКС».

«В Алма-Ате было очень много эвакуированных, а тут еще сразу две большие киностудии «Мосфильм» и «Ленфильм» со всеми вспомогательными службами приехали, - вспоминал позже артист Николай Крючков ((1910/1911 -1994 гг.) - выдающийся советский и российский актер театра и кино. Народный артист СССР (1965). Герой Социалистического Труда (1980). Лауреат Сталинской премии первой степени (1941). Член КПСС с 1953 г., - *прим. авт.*). - Сегодня даже трудно представить, как мы сумели там все разместиться. На неудобства и голод никто не обращал внимания, просто не было времени об этом думать. Но, тем не менее, военный период был очень плодотворным и насыщенным в нашей совместной кинематографической деятельности. Мы тогда с особой остротой чувствовали, как нужно сражающимся на поле боя сол-

датам, самоотверженным тыловым труженикам искусство кино, как неразрывно связана актерская жизнь с жизнью страны. И артисты работали, сражались силой своего оружия с той же верой и надеждой, как наши братья на фронте и в тылу. Различия не делали» [2].

«Эвакуация из Ленинграда шла через Ладожское озеро на автомашинах, - писал Геннадий Новожилов в дневнике военных лет, написанном в глубоком тылу. Караганда - Алма-Ата».

22 июня 1942 г. Караганда.

«На льду были устроены три дороги, построенные с большим трудом, и дороги эти постоянно обстреливались немцами. Сотни машин шли по ним к железной дороге. Жителей вывозили без вещей, разрешено брать лишь самое необходимое. Ляля вначале хотела выехать вместе с эвакуировавшимся «Ленфильмом», эшелон был уже погружен, но так и не вышел, не успел. Ляля в это время, после многих дней, проведенных на вокзале, заболела, и в это время украли все ее вещи, приготовленные к отправке, там было все самое ценное и нужное. При выезде в Иваново украли еще один чемодан с вещами, и осталось только Гулькино. Пропало все: вся одежда, обувь, ходить не в чем. Ляля перешивает себе какие-то мои старые рубашки, которые нашлись в Иваново. Можно себе представить, что это за рубашки, если я перестал их носить!

Это все понятно. Я видел много эвакуированных в грязных, изорванных, штопанных и латаных костюмах. Солидные мужчины выглядят весьма не презентабельно, но ничего другого у них уже нет, все брошено, все пропало. Тем более противно видеть в Алма-Ате разнаряженных мужчин и особенно женщин, сбежавших из Москвы задолго до угрожаемого положения.

На станции Арысь я видел поезда с эвакуируемыми из Ленинграда и др. городов.

На этих людей было больно смотреть: такие они истощенные, грязные, оборванные. Поезд подходил к перрону, и из теплушек вылезало множество людей, которые тут же вокруг поезда садились оправляться – мужчины, женщины, дети, все вместе, никого не стесняясь. На той же станции, когда подходил пассажирский поезд, пассажиры бегом устремлялись в ресторан. Там, в зале, стояли два больших длинных стола, за которым все и спешили занять место. Тут можно было получить порцию каши на маленькой тарелочке, но ложек не было, их давно разворовали.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Люди сидели за столом «в ресторане» и как собаки слизывали кашу языком. Жуть! Но я сам это испытал (и был доволен).

По ночам небо на станции освещалось прожекторами, лучи их бегали по небу в поисках вражеских самолетов. На тендерах паровозов проходивших поездов я видал зенитные пулеметы.

Население Алма-Аты с 230 тыс. возросло до 700 тыс. Все эти московские паникеры рвутся сейчас в Москву, вместе со своим гардеробом, но их никого не пускают. Въезд в Москву допускается лишь по особым пропускам, получить которые очень трудно. Нужен вызов влиятельного учреждения.

Большинство москвичей в Алма-Ате устроились недурно. Один из домов заселен целиком лауреатами и, по меткому выражению Эйзенштейна, называется «лауреатником». У них особое снабжение, столовая и проч. Другие, менее нахальные, если не бедствуют, то находятся не в таком выгодном положении. Дзига Вертов, один из основоположников нашей хроники, рассказывал мне 7 июня, перед моим выездом из Алма-Аты в Караганду, о том, как ему приходится стоять в очереди часами и хитрить, чтобы получить на обед котлетку размером в медный пятак. Я заметил на его руке двое часов и спросил, что это значит. Он ответил, что это самое ценное его имущество и ему негде его хранить, приходится носить с собой!

Хуже всего рядовым нашим работникам. Мы не прикреплены ни к какой столовой, и лишь в студии, в буфете, имеем возможность получить 150 г хлеба и стакан молока, или иногда тарелку супа.

На рынке есть все, в небольших, правда, количествах, но цены недоступные. Молоко 15 р. литр, мясо 80 р. кило, курица 130-150 р., яйца 50 р., даже редиска 5 р. пучок. Клубника стала появляться по 15 р. кило. Когда это бывало?

Табаку в продаже нет. На рынке пачка табаку, стоившая раньше 6 р., затем 12 р. в магазинах, стоит 40 руб., и ее еще надо найти. Говорят, в Петропавловске стакан махорки стоит 30 руб. Здесь, в Караганде, это все еще дороже: табак 120 р. пачка (100 гр.). Спичек нет совершенно, многие завели себе кремни и фитили и куском стали высекают искры. Многие пользуются зажигательными стеклами. Удивительно, что все курильщики продолжают курить. Каждый где-то что-то достает, впрочем, курят и аптечные шалфей, и ромашку» [3].

«Алма-Ата, как и вся страна, жила фронтом, - писала Нея Зоркая. Толпы на площадях ожидали у репродукторов военные сводки из

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Сталинграда, из Орла. В город шли эшелоны с ранеными, госпитали были переполнены. Актеры выступали перед ранеными с концертами».

Похоронки... И они достигали этих отдаленных мест.

«Начались съемки фильма «Она защищает Родину», - рассказывала Вера Марецкая. - Режиссеру не нужно было будить моего воображения различными: «представьте себе» или «прочтите о том-то». Материал не нужно было искать...

Я сыграла роль Прасковьи Лукьяновой, и в моем актерском ощущении образ был правдивым. На просмотр фильма в студии я шла, как на праздник, как на великий экзамен, и очень волновалась. Но после просмотра люди смотрели мимо меня, никто не говорил со мною, товарищи опускали глаза, когда я взглядывала в их сторону. Как странно наше искусство, думала я тогда про себя, очевидно, я плохо сыграла, а у меня самой было ощущение такой правды в том, что я сделала.

И только на другой день я узнала причину молчания моих товарищей. Накануне было получено известие о гибели моего мужа на фронте, и друзья не показали его мне в день сдачи фильма».

Похоронку на мужа получила и Лидия Смирнова, сыгравшая в паре с Петром Алейниковым молоденькую партизанку Феньку.

В воспоминаниях, в переписке, в книгах подчеркивается дружеское, исключительно теплое отношение местных жителей к приезжим. Не везде так встречали. А здесь не только фаворитов публики, как, скажем, Жарова и Бабочкина или Марину Ладынину и Людмилу Целиковскую, в которых полстраны мужчин были просто влюблены (ведь шел золотой век советского кино!), но и юных вгиковских студенток, будущих звезд, также привечали, старались помочь, чем могли. Спрашиваю у Лидии Дмитриевны Драновской, которая тогда училась на актерском курсе О.Пыжовой и Б.Бибикова:

- Вы голодали?

- Нет. Ели затируху, лапшу - кто-то даже подсчитывал, сколько км лапши мы съели. Подкармливали нас яблоками, а рядом с институтом, по счастью, находился пивзавод. В институте висели стеклянные люстры, в них вместо банок мы носили пиво с завода - это тоже здорово подкрепляло.

Летом уезжали работать в колхозы, а осенью в горы, на альпийские луга, ребята косили, а мы сгребали скошенное.

Институт мы построили сами, своими руками, в красивом высоком месте города. На верхнем этаже было наше общежитие. Рядом протекала

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

р. Алма-Атинка, купались. Так и видятся мне яблони на фоне гор. Жили дружно, учились прилежно. В институте было много просмотров и наших, и зарубежных картин. Вспоминаю это время с благодарностью.

Любовь Сергеевна Соколова, ее сокурсница, подтверждает:

- Я приехала позже других, немного окрепнув после ленинградской блокады, откуда меня вывезли в Москву. А уж потом отправилась на актерский факультет. Принимали нас прекрасно, народ относился к нам очень тепло.

- А с киностудией у ВГИКа связи были?

- В общем, жили отдельно, ни на работах, ни в массовках студентов не занимали, давали спокойно учиться. Меня пробовали на Зою Космодемьянскую, но я не подошла, совсем была непохожа, взяли Водяницкую. В гостиницу «Алатау», студийное общежитие, мы ходили.

- А Эйзенштейна выдали?

- Видала! Огромный! Он как планета! Олицетворение гения - вокруг него витает свет!

Элите - народным артистам, знаменитостям, звездам - город отдал только что выстроенный «под ключ» дом на углу ул. Кирова. Он прославится в анналах как «лауреатник». У этого, скажем прямо, трехэтажного барака в фестивальные дни осенней «Евразии» простаивали в благоговении режиссер-авангардист, фанат Эйзенштейна Жак Оссан и патриарх европейской кинокритики Марсель Мартен. Вглядывались в четвертое по отсчету справа окно на втором этаже - его окно...

Те, кто попроще и помоложе, получили места в общежитиях. Гостиница «Советская» - улей из каморок - называлась Дом искусств. Кровати ставили и в фойе кинотеатров.

«В «лауреатнике» поселились также Всеволод Пудовкин, Ефим Дзиган, Григорий Козинцев, Юлий Райзман, Иван Пырьев, Эдуард Тиссэ, Иосиф Посельский, Михаил Жаров, Владимир Вайншток, Георгий Васильев, Борис Чирков, Борис Волчек, Александр Птушко, Леонид Косматов и др. Это был шумный и жизнерадостный дом, живший как одна большая семья. Отцы и матери трудились на студии, работая в три смены, а детвора составила свою колонию, живя нашими общими радостями и горестями», - писал Михаил Тихонов.

Когда я говорю «детвора», перед моим взором проходят вихрастые, веснушчатые мальчишки в коротких штанишках, девочки с косичками и бантиками, а между тем они уже давно стали тетями и дядями, а некоторые уже и сами успешно работают в кино. Режиссером стала Майя

Рошаль, известным дирижером - сын Фридриха Эрмлера Марк, актрисой и режиссером театра «Современник» Галина Волчек...» [5].

«Кинорежиссер Борис Васильевич Барнет жил он, как и многие «мосфильмовцы», в трехэтажной гостинице под названием «4-й Дом Советов» - жил, не меняя своих домашних привычек. Он чинил сапоги и одежду, подновлял при случае ветхую мебель, мастерил мышеловки, паял примусы, что-то кому-то налаживал. Смастерил машинку для поджаривания кофе. В Алма-Ате мешками продавался сырой кофе зеленоватого цвета. К Барнету специально приходили пользоваться его машинкой», – писал в своей книге «Жизнь и фильмы Бориса Барнета» Марк Кушников [6].

«Но, вглядываясь в список жильцов «лауреатника», продолжает Ней Зоркая, читая хронику 1941 - 1944 гг., понимаешь, что это была даже не краска, а лишь нюанс.

Спасала от отчаяния, прежде всего, работа сверх головы. Может быть, число полнометражных фильмов, снятых за три неполных года, - 23 - и не покажется столь внушительным при тамошнем потенциале творческих кадров. Но ведь надо учитывать производственные мощности, условия съемок на студии, спешно перестроенной из Дома культуры, - то без электричества, то без отопления. Вот что рассказывает о студийном быте Седда Пумпянская: «Мы с мужем, оператором Борисом Пумпянским, начали работать в Алма-Ате в 1938 г. Я не помню в Алма-Ате дождей. Всегда помню солнце и голубое небо. И горы, которые сейчас загорожены высокими домами. Мы уже получали сюжеты с фронта, когда приехали москвичи и одним из последних Вертов со своей женой Свиловой. Он сразу стал делать журнал «Советский Казахстан».

Я знала Вертова и раньше, но работать с ним мне довелось впервые.

Я училась у него монтажу. Мы сидели за монтажным столом под керосиновой лампой. Вертов делал журнал, но мечтал о большом фильме, задумал фильм о связи фронта и тыла. Написал сценарий и начал съемки. Я была у него ассистентом. Он придавал большое значение музыке картины и пригласил прекрасного композитора Гавриила Попова.

Работали в трудных условиях. Не было никаких автоматов, монтажницы склеивали кадры руками. И когда смонтировали негатив, он не прошел через автомат.

Мне пришлось целую неделю переклеивать, что удалось только благодаря моей тогдашней памяти.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Фильм закончили, здесь его хорошо приняли, Денис Аркадьевич уехал с картиной в Москву» [7].

«Холмы мягкими волнами, их здесь называют полками, поднимаются в Тянь-Шаньские горы, - вспоминал писатель Виктор Шкловский. - Горы стоят над нами. Внизу яблонево-сады. За ними ели. За елями снега. Из снегов в город бежит быстрая река, расплетается в арыки улиц. По улицам растут высокие, в два раза выше, чем дома, тополя. Корни тополей омываются ледяной снеговой водой Тянь-Шаня. Это - Алма-Ата, город, который Владимир Луговской назвал «городом снов».

Один приезжий писатель-полярник, посмотревший на этот город, на снега над ним, сказал: тут могут присниться большеглазые тигры.

Здесь безветренно. Зимой тополя обрастают инеем и снегом.

Стоят безмолвно; иногда раздаётся хруст: безмолвная снежная тяжесть раздавила дерево. В этом городе зимовала советская кинематография в трудные военные годы.

Здесь работал Эйзенштейн. Здесь снимался «Иван Грозный».

Фанеры, из которой строят декорации, конечно, не было. Декорации строили из казахских матов, сплетенных из степной травы - кажется, ее называют чили, - на ней хорошо держится штукатурка. Это было время слухов, дальних боев.

Я прожил здесь год. С. М. Эйзенштейн, широкоплечий, большоголовый, несколько коротконогий, спокойный, снимал великую ленту. Вторая серия этой ленты увидела свет через 14 лет, и оказалось, что она не отстала.

Текст для ленты Сергея Михайловича писал Владимир Луговской.

У разных писателей разная судьба. Есть писатели однократные, которые начинаются быстро, сильно и потом не могут даже повторить себя. Очень немногие писатели начинаются многократно. Еще меньшее количество медленно вырастает, как будто принимает от жизни новые притоки.

Владимир Луговской начал хорошими стихами о пустыне, о большевиках, которые переделывают пустыню, о ветрах пустыни. В военный год он оказался в безмолвной, безветренной Алма-Ате.

К этому времени Владимир Луговской вырос в огромного писателя. Он писал о совести и добре.

Я помню его поэму об Одиссее. Плывет великий путешественник; в поэме «Одиссея», как говорил Страбон, рождалась география. И с Одиссеем вместе, как говорил поэт Луговской, плывет человечество,

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

жадное к далям. Не вернутся домой спутники Одиссея, он один придет в свою Итаку и будет мстить людям, которые считали его мертвым.

А вокруг него - чудеса неведомого мира.

Поэма об Одиссее огромна. Мне кажется, частью ее является песня об Алма-Ате.

С. М. Эйзенштейн гениален. Он создает новую кинематографию - упрямо и не для себя.

Он видел по-новому свет. По-новому видит русскую историю. Понимает ее жестокие необходимости. Разгадывает характеры людей эпохи Грозного. А рядом с ним живет шумное племя кинематографистов.

Холодно. В пустом кинотеатре чуть ли не рогожами разделено логово, в котором живут отдельные люди и семьи. Черную лапшу ест, поставив между коленями берданку, сторожика на кинофабрике, размещенной в колонных залах бывшего Дворца культуры.

Сны, огромные, как индийские слоны, сошедшие с барельефов, сняты великому режиссеру.

В пустом зале кинофабрики стоит гроб молодого кинорежиссера, погибшего в пустыне на работе.

Нечем было топить. Топили саксаулом и саксауловой пылью. Саксаул - дерево, похожее на адские деревья, которые рисовал Доре в иллюстрациях к Данте. Железно-крепкие, безлиственные, скорченные деревья давали каменноугольный жар.

Их нельзя пилить - они слишком крепкие; их разбивают, как стекло.

Молодой режиссер, который хотел снимать прекрасную казахскую поэму о Козы-Корпеш и Баян-Слу, был освобожден от военной службы потому, что у него было большое сердце.

Он поехал на заготовки саксаула, работал. Там он и умер. Оттуда привезли его гроб.

Он говорил о своей будущей постановке: я буду ставить, очистив душу и вымыв руки.

Это действительно прекрасная поэма. Женщина любит юношу.

У него соперник, могучий герой. Богатырь, который может один пасти стада племени и вырывать для этих стад, когда они жаждут, пруды.

Он любит девушку, а она его не любит. Когда они погибли все трое, три дерева выросли на их могиле. Дерево богатыря пыталось и тогда разъединить купы деревьев, выросших из влюбленных в друг друга сердец.

Я спросил седобородого акына Нурпеиса, почему в песне Баян-Слу права перед героем в своей нелюбви: тот ведь спасал народ. Нурпеис мне

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

ответил: герой этот - природа, а они люди, человек же может быть побежден природой, но он прав всегда перед природой, потому что он человек.

С. М. Эйзенштейн прожил очень тяжелую жизнь, все время продвигаясь вперед, создавая искусство для сегодняшнего, завтрашнего и послезавтрашнего дня. Но тот юноша, который заготавливал саксаул, тоже прав. Он человек, простой человек, который тоже мог бы вырасти в великана, он прав перед природой и гением.

В городе снов, среди деревьев, покрытых снегом, в городе, не знающем ветра, поэт думает и пишет о справедливости и вдохновении. Он никого не осуждает, он знает о равенстве сердец, о том, как трудно жить человеку, молодому творцу. Трудно заготавливать саксаул. Трудно снимать грандиозного «Ивана Грозного» в городе, где нет фанеры.

Трудно Одиссею плыть домой на Итаку для встречи с женой, для мести и справедливости.

Через горы времени, через годы войны, через усталость рос поэт к простым поэмам о добре и вдохновении. Он рос, как ель.

Первые пять-шесть лет ель растет, как ребенок, не перегоняя его. Потом ель упирается в землю желтыми лапами, и гонит в небо зеленую шумящую стрелу, под тенью которой автобус кажется маленьким [8].

Из воспоминаний Михаила Ивановича Жарова: «Там сошлись две студии - «Мосфильм» и «Ленфильм», которые и образовали один мощный коллектив, временно именовавшийся: Центральная объединенная киностудия художественных фильмов (ЦОКС).

Началась эра войны.

Искусство было сдвинуто со своего пьедестала, но его не спрятали в землю, не упаковали в солому и не обложили мешками с песком, как это сделали с бронзой П. Клодта или медью Э. Фальконе, - нет! Люди, творящие искусство театра и кино, были отправлены в тыл страны только для того, чтобы, спокойно перестроив ряды, сосредоточить весь огонь своего мастерства по врагу.

В Алма-Ате можно было встретить многих: К. Паустовского и Г. Уланову, В. Марецкую и В. Шкловского, Ю. Завадского и С. Магарила, Н. Мордвинова и Ф. Эрмлера, С. Бирман и Н. Черкасова - почти всех актеров, режиссеров кино и хроники. Могучий Эйзен (так звали С. М. Эйзенштейна студийцы) продолжал воспитывать своих птенцов из ВГИК с такой требовательностью, как будто они и не выезжали с уютной московской площади.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

И только по боевым мыслям к творческому взлету (впереди маячил «Иван Грозный») мы, его друзья, понимали, что Сергей Михайлович неспокоен за судьбу Родины.

Великие подвиги советского народа и его могучих сынов, вставших на защиту земли Советской, горечь первых поражений, радость справедливых побед и, наконец, полный разгром черных армий зла - все это потрясало и заставляло художника по-новому смотреть на свое искусство. Хотелось, чтобы оно не молчало, а стреляло залпом и в одиночку вместе с «катюшами» на фронте.

Эти боевые дни нашей военной работы в кино и у меня были заполнены до отказа: В. Пудовкин снимал меня в фильме «Во имя Родины», («Русские люди»), С. Эйзенштейн в «Иване Грозном»; К. Юдин в «Близнецах», Г. Раппапорт в «Воздушном извозчике».

Поездки с писателями и пограничниками.

Поездки на фронтовую «премьеру».

Боевые военные киносборники.

Работа над картиной «Беспокойное хозяйство».

Сколько встреч, воспоминаний.

Для них нужна особая книга, которую я назвал бы: «Малый театр, его актеры и их жизнь в искусстве».

Все эти события требуют размышлений и раздумий...» [9].

За годы своего существования ЦОКС выпустил около 80% всей отечественной кинопродукции, т.е. 23 полнометражных картины и десять короткометражек. Главной темой их была героическая борьба советского народа против фашизма. Ей посвящались фильмы: «Секретарь райкома» (1942, реж. И.А. Пырьев) - о мужестве белорусских партизан, «Она защищает Родину», где героиня Веры Марецкой Прасковья заслоняет путь наползающему на ее сына танку (1943, реж. Ф.М. Эрмлер), «Зоя» - о гибели юной партизанки Зои Космодемьянской (1944, реж. Л.О. Арнштам). То были замечательные игровые киноленты - «Во имя Родины» (она же «Русские люди» по К.М. Симонову, 1943, реж. В.И. Пудовкин и Д.И. Васильев), «Непобедимые» (реж. С.А. Герасимов и М.К. Калатозов), «Нашествие» (1945, реж. А.М. Роом). Посвящены они были не только партизанам, но и подпольщикам, героям-одиночкам, целым подразделениям или экипажам, летчикам, как, например, в фильмах «Жди меня» (1943, реж. А.Б. Столпер, Б. Иванов), «Фронт» (реж. Г.Н. и С.Д. Васильевы) и др.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Снимались на ЦОКСе и фильмы легкого жанра, что называется, для души. Первый из них под названием «Антоша Рыбкин» (реж. К.К. Юдин) о веселом кашеваре, который когда надо становится умелым воином, вышел в свет через два месяца после учреждения новой киностудии, т.е. в начале 1942 г. Вслед за ним в 1943-м появились: «Актриса» (реж. Л.З. Трауберг), «Воздушный извозчик» (реж. Г.М. Раппапорт), «Беспокойное хозяйство» (реж. М.И. Жаров). Трогательные и наивные сегодня, в годы войны они имели невероятную силу воздействия. Их демонстрировали во всех частях действующей армии, песни героев напоминали о доме и семье, под их впечатлением шли в бой солдаты.

Последними, пришедшими на 1945 г., были художественные фильмы «Иван Грозный» (1-я и 2-я серии, реж. С.М. Эйзенштейн) и «Черевички» (реж. М.Г. Шапиро и Н.Н. Кошеверова).

Алма-Ата на время войны превратилась в кинематографическую столицу. Четыре из пяти фильмов страны снимались здесь. В широких студийных коридорах, что именовались Большими бульварами, можно было встретить Пырьева и Пудовкина, Трауберга и Эрмлера, Райзмана и Рошала, Шкловского и Блеймана, Каплера и Козинцева, братьев Васильевых, Вертова, Роома и, конечно, Сергея Эйзенштейна.

Несмотря на сложности военного времени, правительство Казахстана, понимая важность «самого важнейшего из всех искусств» в борьбе с врагом, помогало ему, чем могло. Так, в Алма-Ате держали целый воинский полк с кавалерийским отрядом для участия в съемках фильмов, к услугам кинематографистов всегда были Республиканская библиотека им. А. С. Пушкина и Центральный государственный музей, оказывалось содействие в организации массовок, а для «Ивана Грозного» молодые работницы с энтузиазмом «гримировали» глиной мраморные ступени Дворца культуры под камень, чтобы снимать сцены у приемной палаты или древнерусского собора [10].

«Натуру по «Грозному» снимали в г. Каскелене, километрах в 30 от Алма-Аты. Эйзенштейн, операторы и художник выбрали ее потому, что рельеф местности там напоминал приволжские пейзажи - долина и горы, как в Жигулях. Там мы разбили царский шатер. Кухня группы расположилась на окраине Каскелена. Питание было скудное, и мы сознательно подкармливали людей за счет исходящего реквизита, который правдами и неправдами доставали в республиканском Наркомате торговли. С помощью наркома торговли Омарова, по специальному решению Совнаркома республики, нам были выделены продукты. Помню

забавный эпизод. После сцены боя в столовую зашел Николай Черкасов в гриме и костюме царя Ивана. На обед была баранина. Актеру подали порцию, но баранина так соблазнительно пахла, что Черкасов, мгновенно «войдя в образ», громовым своим голосом крикнул: «Царь я или не царь? Давай мне две порции!». Эйзенштейн бывал очень доволен, когда группу удавалось сносно накормить», - писал Глеб Шандыбин» [11].

«Да, в Алма-Ате всем нам пришлось уделить много времени и сил этому фильму», - писал Михаил Тихонов.

И теперь, вспоминая те дни, многие называют их незабываемыми, потому что им довелось потрудиться рядом с таким великим мастером, как Эйзенштейн.

Что же касается меня, то совместную работу и дружбу с Сергеем Михайловичем я рассматриваю как большое человеческое счастье.

Познакомились мы еще до войны. Я работал тогда в главке. Эйзенштейн не раз обращался ко мне по делам, связанным с «Мосфильмом». Я, конечно, делал что мог, но наши отношения в ту пору еще не были особенно близкими. Только в Алма-Ате мы сработались и подружились по-настоящему.

Началось с того, что как-то вечером он пришел ко мне в кабинет и попросил запереть дверь на ключ. Только после этого стал читать сценарий «Ивана Грозного».

Это было поистине захватывающе. И не только потому, что интересен был сам сценарий, но и потому, что Сергей Михайлович горячо комментировал каждый эпизод, рассказывая о том, как он собирается воплотить его на экране. Рассказчик он был удивительный, особенно когда дело касалось того, что по-настоящему волновало его самого, и скоро я сам так увлекся, что, казалось, вижу перед глазами фильм, необычный по постановочному размаху, по изобразительному решению. Он сделал меня своим союзником и единомышленником.

А задача стояла очень нелегкая - осуществить в условиях ЦОКС постановку подобного рода, да еще без всяких компромиссов, без всяких скидок на военные трудности. Мне было, например, известно, что картина эта рассчитана на две серии, между тем Эйзенштейн готовил фильм в три серии. Иначе, говорил он, в картину не «влезет» последний важный период деятельности Грозного - Ливонский поход.

«Если нам это не под силу. - заключил Сергей Михайлович, - давайте честно напишем в Комитет и отложим все до победы...».

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Я не стал его расхолаживать и пообещал всяческое содействие. Так, например, решено было, что в случае необходимости я сам стану директором этой картины (помимо той группы директоров, которые уже были назначены). Такой приказ затем и был отдан и поддержан Комитетом, где тоже старались делать все, чтобы режиссер мог поставить фильм так, как задумал.

Действительно, нам нельзя было пожаловаться на нежелание помочь «Ивану Грозному» с чьей бы то ни было стороны.

Вот несколько примеров. Приехал по своим служебным делам в Алма-Ату народный комиссар финансов А. Зверев. Мы - к нему. Пригласили на студию, показали большую декорацию «Успенский собор». Наркому она, конечно, понравилась. Но мы объяснили, что съемки проводить в ней нельзя из-за отсутствия золотой и серебряной парчи на облачение духовенства и бояр.

(У меня сохранилась фотография, на которой запечатлены Эйзенштейн, Зверев и я в этой декорации.) И вот Зверев «подключается» - немедленно дает правительственную телеграмму в Красноярск, где находилась парча, предназначенная на экспорт в восточные страны, за ней отправился наш представитель, который привез на студию эти ценности в сопровождении вооруженной охраны.

Неоценимое содействие оказывали нам и воинские части Среднеазиатского военного округа и погранчасти; без этого мы не смогли бы снять ни одной батальной сцены.

Так, под Каскелен (в 30 км от Алма-Аты), где на берегу р. Каскеленки была построена большая декорация «Крепость Казань», прибыло несколько воинских частей - пехота и конница. Здесь был разбит целый военный палаточный городок с походными кухнями, продовольственными складами и т. п. Войска проходили обучение и одновременно участвовали в съемках.

На съемках, разумеется, не обходилось без всякого рода происшествий. Иные из них помнятся и сейчас, по прошествии 3,5 десятилетий. Так, весной 1942 г. в самый разгар съемок штурма Казани случилось несчастье: белый конь, ходивший под Курбским (роль Курбского исполнял артист М. Названов), ночью пасся около реки на обильном сочном корму. Вдруг он захрапел, голова стала пухнуть, и через несколько минут конь пал. Оказывается, коня ужалила ядовитая змея, когда он потянулся за травой.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Положение создалось пресложное: другого белого коня в кавалерийской части не было, между тем оставалось снимать еще много, а еще больше материала с белым конем уже было отснято...

Немедленно связались с Москвой, добились распоряжения о предоставлении нам белого коня из другой кавалерийской части Среднеазиатского военного округа и даже послали для ускорения дела режиссера Владимира Петровича Вайнштока.

Коня нашли в Ашхабаде - у командира кавалерийской дивизии - и тут же отправили в сопровождении конюха и с запасом фуража на месяц к нам в Алма-Ату.

Итак, лошадь белой масти у нас. Но вот беда: на голове у нее темное пятно, и нашим гримерам приходилось каждый раз перед съемкой тщательно замазывать его.

А работа над фильмом идет все более и более интенсивно. Надо сказать, что вся студия болела за эту картину - все отдавали себе отчет, какой масштабной, значительной будет эта картина.

Ежедневно являюсь на студию к восьми утра (в это время начиналась работа цехов), обхожу все участки, где готовится постановочно-сценический инвентарь. Вижу: в столярном, где начальником был Иван Васильевич Ломов, тоже большой поклонник Эйзенштейна, делают шлемы, кольчуги, копья, сабли, пищали, мушкеты, пушки и т. д. А в другом углу вручную из ствола тополя долбят гроб для царицы Анастасии. Сергей Михайлович, правда, все добивался мореного дуба (так хоронили царей в XVI-XVII вв), но дуб, к великому огорчению режиссера, достать не удалось, пришлось взять тополь и покрыть его морилкой под дуб. Затем иду в костюмерно-пошивочный цех, где командует Я. Райзман, отец знаменитого нашего режиссера. Там по эскизам художников Шпинеля, Жаровой и самого Сергея Михайловича шьют костюмы из парчи и др. материалов; украшают «драгоценными» камнями, нанизывают бусы и т. д.

Кипит работа и в механическом, где создают металлический реквизит, оружие. А в павильоне сооружаются декорации.

Чуть позже появляется Эйзенштейн, внимательно выслушивает мое сообщение, высказывает свои пожелания, просьбы, советуется, как лучше решить организационные вопросы.

Часто я оставался у него на съемочной площадке, смотрел, как он работает. Я очень любил там бывать и дорожил этим почетным правом,

ведь Сергей Михайлович не пускал на съемки никого, кроме своей группы и вживцов, питомцев своей мастерской.

Теперь мне остается только горько сожалеть о том, что я не брал с собой фотоаппарата - сколько интересных моментов можно было запечатлеть!» [12].

Из писем Михаила Названова (Михаил Михайлович Названов (1914 - 1964) - советский актер, режиссер. Народный артист РСФСР (1949). Лауреат трех Сталинских премий (1948, 1949, 1950). Журнал «Искусство кино» Январь, Февраль 1998 г., - *прим. авт.*) к Ольге Викландт со съемок фильма «Иван Грозный»

10 ноября 1943 г.

[...] 6-го был у меня кошмарный день. В доме ни крошки к празднику. Отправился с утра на промысел. Сначала к черту на рога - реализовать ордер на костюм. Погода была жуткая: мокрый снег с хлопьями, скользко, грязно.

Отправился в ОРС киностудии, чтобы получить паек. Там в течение четырех часов претерпевал унижения от хамья в лице начальника ОРСа киностудии. Последнему едва не набил жирную морду. Пайка не смог отоварить нигде - всюду было смертоубийство, дважды ходил в студию и на вырученные за хлеб деньги получил злополучные пол-литра водки.

Домой шел в седьмом часу, голодный, усталый и злой, как черт. Ноги разъезжались, снег забирался за шиворот, в руках, в пустой сумке, позвякивали пустые банки [...]. Дома умылся с ног до головы, побрился, вымыл голову, надел чистое белье - и только тогда приобрел способность с юмором посмотреть на свои злоключения [...].[13].

* Книга «Город вещих снов», составитель И. А. Григорьев. Издательство ТОО «ВКПК АРГО». 410 с. 2015 г.

1. Нея Марковна Зоркая (12 июля 1924, Москва - 16 октября 2006, там же) - российский советский кинокритик, киновед, историк кино. Журнал «Искусство кино» №7, Июль 1999 г.

2. Николай Афанасьевич Крючков (1910/1911-1994) - выдающийся советский и российский актер театра и кино. Народный артист СССР (1965). Герой Социалистического Труда (1980). Лауреат Сталинской премии первой степени (1941). Член КПСС с 1953 года. Крючков. Н. А. Чем жив человек. - М.: Молодая Гвардия, 1987 г. - 175 с., ил. - (Мастера искусств - молодежи). - с. 76-90.

3. Геннадий Новожилов. Дневник военных лет, написанный в глубоком тылу.

Публикация Надежды Черновой. Журнал Простор № 5, 2010 г. – с. 90-110.

4. Нея Марковна Зоркая (12 июля 1924, Москва - 16 октября 2006, там же) - российский советский кинокритик, киновед, историк кино. Журнал «Искусство кино» №7, Июль 1999 г.

5. Тихонов Михаил Васильевич (1900 -...) - организатор кинопроизводства. В 1941-1944 гг. - директор Центральной объединенной киностудии в Алма-Ате.

Жизнь в кино: Ветераны о себе и своих товарищах. Вып. 2 /Сост. О.Т. Нестерович. – М.: Искусство, 1979 год. – 320 с., ил. с. 191-211.

6. Кушников М. Жизнь и фильмы Бориса Барнета. / М. Кушников. – М.: Искусство, 1977. – 264 с. Стр.169.

Борис Васильевич Барнет (1902-1965) - советский актер и кинорежиссер. Заслуженный артист РСФСР (1935). Заслуженный деятель искусств Украинской ССР (1951). Лауреат Сталинской премии второй степени (1948).

7. Нея Марковна Зоркая (12 июля 1924, Москва - 16 октября 2006, там же) - российский советский кинокритик, киновед, историк кино.

Журнал «Искусство кино» №7, Июль 1999 г.

8. Виктор Борисович Шкловский (12 [24] января 1893 - 5 декабря 1984) - русский советский писатель, литературовед, критик, киновед и киносценарист. Страницы воспоминаний о Луговском. - М., Советский писатель, 1962. - 232 с. – С. 110 – 115.

9. Жаров М.И. Жизнь, театр, кино. М.: Искусство, 1967. – 380 с., ил. – С. 369 - 370

10. История ЦОКС Источник: Киноэнциклопедия Казахстана.

http://kazakhfilmstudios.kz/company/our_history/tsoks

11. Шандыбин Глеб Яковлевич (род. 1908) - организатор кинопроизводства. Зам. директора Киевской киностудии им. Довженко. В 1944-1945 гг. работал начальником цеха реквизита.

Эйзенштейн в воспоминаниях современников / Сост.-ред., авт. примеч. и вступит ст. Р.Н. Юренев. М.: Искусство, 1974. 422 с.

12. Тихонов Михаил Васильевич (1900 -...) - организатор кинопроизводства. В 1941-1944 гг. - директор Центральной объединенной киностудии в Алма-Ате.

Жизнь в кино: Ветераны о себе и своих товарищах. Вып. 2 /Сост. О.Т. Нестерович. – М.: Искусство, 1979 год. – 320 с., ил. с. 191-211.

13. Михаил Михайлович Названов (1914-1964) - советский актер, режиссер. Народный артист РСФСР (1949). Лауреат трех Сталинских премий (1948, 1949, 1950). Журнал «Искусство кино» Январь, Февраль 1998 г. Публикация и примечания Игоря Гаврилова.

ЕВРЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ В КАЗАХСТАНЕ. ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ОДНОГО ИЗ «ДРУГИХ» - ПИНЧЕВСКОГО М.Я.

К теме творческой интеллигенции, эвакуированной в годы Великой Отечественной войны в Казахстан, исследователи и журналисты обращались неоднократно [1]. Несмотря на это, комплекс архивных документов, отражающий жизнь и деятельность представителей культуры в тылу, хранит еще много находок и открытий.

В опубликованных статьях зачастую перечисляются одни и те же фамилии и в заключении стоит многозначительное «и др.». Вспоминая о военном времени, заместитель ответственного секретаря президиума Союза советских писателей Казахстана (далее – ССПК), уйгурский прозаик Кадыр Хасанов писал: «В годы войны Алма-Ата стала временным пристанищем для десятка десятков русских, украинских, еврейских, белорусских, литовских, латвийских писателей. Здесь жили лауреаты Сталинской премии С.Н. Сергеев-Ценский, С.Михалков, К.Симонов, приезжал А.Толстой. Здесь писался «Брусиловский прорыв», отсюда по телеграфу в «Правду» передавались острые антифашистские эпиграммы Маршака. Здесь создавались первые киносценарии, посвященные войне. Панферов и Зощенко, Шкловский и Форш, Паустовский и Пятрас Цвирка, Шторм и Бела Балаж, Фридрих Вольф и Исаак Рубинштейн, десятки других не менее известных писателей нашли здесь приют...». Ю. Домбровский, упомянув в своих мемуарах об этом периоде Эйзенштейна, Рошаля, Зощенко, Паустовского, Маршака и Шкловского, заметил: «Называю первые попавшиеся имена. Но их, конечно, было много больше».

Тыл подарил отдельным из них иную жизнь, встречи и разлуки, новые возможности для творческого роста вдали от власти. Казахстан принимал все меры для создания эвакуированным благоприятных условий. Так, например, 2 августа 1941 г. бюро ЦК КП(б) Казахстана приняло постановление, согласно которому планировалось разместить на курорте «Боровое» до 800 академиков, членов их семей и детей научных работников АН СССР. Наркомторг КазССР поручалось обеспечить бесперебойное снабжение курорта продовольственными и промышленными товарами. Личная ответственность за состояние снабжения, расширение ассортимента и разработка повышенных норм для

академиков возлагались на наркома торговли КазССР В.А. Белого [2]. В Алма-Ате, уплотненной до последнего квадратного метра, лучшие здания были отданы Центральной объединенной киностудии, ее техническому персоналу и творческому коллективу. И, когда прибыли первые эшелоны с мосфильмовцами и ленфильмовцами, их уже ждали гостиница «Дом Советов», превращенная в общежитие, а также Дворец культуры [3].

Но была и оборотная сторона медали: города, куда так стремились попасть деятели культуры, не справлялись с громадным потоком эвакуированных и беженцев. В частности, Алма-Ата, ставшая столицей республики лишь в 1929 г., за 12 лет своего «столичного» существования еще не успела приобрести лоска и комфортности мегаполиса, коммунальное хозяйство города не было готово к размещению промышленных предприятий и многочисленных творческих и научных организаций [4].

В первых числах ноября 1941 г. А. Тажибаев, ответсекретарь Президиума ССПК писал в ЦК КП (б) Казахстана: «За последние два месяца к нам эвакуировались 45 писателей [...]. В настоящее время в Алма-Ате находится 21 писатель с семьями. Остальные ввиду невозможности прописки в г. Алма-Ате были вынуждены выехать в районы. По имеющимся сведениям, к нам едут из гг. Москвы и Ленинграда (т.т. С. Маршак, М. Ильин, А. Ахматова, С. Михалков и др.). Новоприбывшим, очевидно, также придется выехать в районы, т.к. прописка в городе не производится. Каково же положение писателей, находящихся сейчас в районах? ССПК не располагает ни одним положительным фактом, свидетельствующим о том, что хотя бы в одном из районов писатель был поставлен в относительно человеческие условия. Никто из них не занимается творческой работой, большинство из них вообще никакой работой не обеспечено, никакими средствами к существованию не располагают, а многие не имеют даже теплой одежды. К примеру, известный украинский писатель Сенченко [5], направленный в Энбекши-Казахский р-н (с. Иссык), живет в полуразрушенной хибарке, совершенно не приспособленной для жилья, некоторое время он работал в колхозе на обрезке винограда и сейчас лежит больной. В таких же условиях находится и вся группа писателей, выехавших вместе с Сенченко в тот же район [...]» [6, л.55–56]. По сведениям ССПК на 15 ноября 1941 г. в областях и районах Казахстана проживали 18 семей писателей и поэтов, эвакуированных из Украины. Среди них, еврейские

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

поэты Б.Л. Бездомный, Г.Н. Литвак, Кон, прозаики Г.Д. Блоштейн, А.И. Еромицкий, С.Н. Радугин [7] и др. [6, л.57–58].

К середине декабря 1941 г. в Алма-Ате находилось уже 60 членов и кандидатов в ССП (вместе с членами семей это составило около 80 чел.): 30 из них – еврейские литераторы, эвакуированные из Москвы (15), Белостока (9), Киева (2), Риги (2), Вильнюса (1), Харькова (1) [8, л.112–116]. Всех их необходимо было обеспечить элементарными бытовыми условиями. Гостиницы мгновенно оказались переполненными. Часть эвакуированных разместили в Доме ССПК, оставив для учреждений нужд лишь две комнатухи. Так, драматург Гершензон М.Я. разместился у родственников в поселке плодово-консервного комбината, скульптор И. Иткинд по приезду смог обустроиться только в будке сторожа колхозного сада на окраине Алма-Аты, несколько позже – в домике в Рабочем поселке на ул. Стадионной, мастерской и одновременно складом его творений ему служил сарай и т. п.

В архиве отложился подлинник письма, подписанного С. Маршаком, М. Зоценко, М. Большинцовым и А. Каплером с просьбой оставить в столице Казахстана некоторых писателей в связи с работой по альманаху, издательству, лекторскому бюро и проч., на котором Ж. Шаяхметов, секретарь ЦК КП (б) Казахстана, оставил резолюцию: «Тов. Бузурбаев. Скажите этим уважаемым товарищам, что эту просьбу удовлетворить не можем. Пусть товарищи едут в область» [8, л.111]. В ответ на это пожелание Тажибаев заметил: «Все эти писатели или члены семей писателей, находясь долгое время в Алма-Ате в ожидании прописки, не имея работы и квартиры, исчерпали все свои средства для дальнейшего существования. Среди их семей имеют место заболевания. Никто из них не в состоянии выехать куда бы то ни было из Алма-Аты» [8, л.117–118]. Отсутствие средств, вероятнее всего, было лишь отговоркой, узун кулак – восточные народные новости – уже дошли до ССПК и их эвакуированных собратьев по перу. Из письма в Энбекши-Казахский райком КП (б) Казахстана: «...в с. Иссык и колхозе «Социализм» вот уже полгода проживают писатели, эвакуированные с Украины [...] Товарищи, несмотря на свою непривычность к неквалифицированному труду, не отказываются однако от любой поручаемой им работы, исполняют ее в меру своих сил, а некоторые из них работают наравне с опытными колхозниками [...] Необходимо создать находящимся у Вас украинским писателям условия, в которых они могли бы наиболее полно использовать все свои силы, сочетая с трудом в колхозе, с общественной деятельностью

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

свою основную творческую, политически исключительно ценную – работу. Ненужно и нецелесообразно перегружать их только колхозным трудом на копке арыков, корчевке пней или даже посевкампании. Необходимо сохранить им время и силы» [9].

Секретарь Союза советских писателей Александр Фадеев в докладной записке Иосифу Сталину писал: «Я имел персональную задачу от ЦК и Комиссии по эвакуации вывезти писателей, имеющих какую-нибудь литературную ценность, вывезти под личную ответственность». Большинство писателей было решено направить в Казань, где собирались организовать выездной Союз писателей, но т.к. эвакуировались целые семьи, то колония постепенно перебралась в Чистополь, а те, кому не хватило места, – в Елабугу, Набережные Челны и далее вниз по Каме. Вывозили эвакуированных в Ташкент и Алма-Ату. В соответствии со своими полномочиями Фадеев неоднократно обращался за помощью в партийные органы Казахстана. Не обращая внимания на лоббирование интересов писательской касты, горсовет отказал в прописке 13 писателям. Но восемь из них каким-то образом сумели добыть разрешение и остались в Алма-Ате, среди них были и будущие члены еврейской секции ССПК Пинчевский и Рубина [8, л.119].

Городские власти при всем своем желании не в состоянии были обеспечить всех просящих ни жильем, ни продуктовыми карточками, ни одеждой. Большинство из эвакуированных уезжали в глубокий тыл в спешке. Так, например, Зощенко «взял с собой лишь легкое пальто: очевидно, в его представлении в Ташкенте и Алма-Ате не бывало зимы. Да и разрешалось взять с собой [в самолете] только 12 кг багажа, и писатель взял для себя самое дорогое – 20 тетрадок для будущей книги..., чтобы облегчить вес, содрал с них коленкорные переплеты. Тетради весили восемь кг. Четыре оставалось на остальное... И был момент у Зощенко, когда он горевал, что взял записи для будущей книги, называя их «хламом», вместо теплых подштанников и лишней пары сапог. Налегке отправился Михаил Михайлович в далекий путь еще и потому, что полагал через несколько месяцев вернуться домой» [10].

Поскольку война приняла долговременный характер, для многих месяцы растянулись на годы. Всего за период войны в Казахстан были эвакуированы около 90 писателей. 50 чел. из них проживали в Алма-Ате еще и в 1943 г., около 30 чел. оставались до 1944 г. [11, л.21].

Творческая колония еврейских деятелей литературы и искусства была настолько крупная, что 31 января 1942 г. при ССПК была образована

еврейская секция. Членами бюро секции утвердили тт. Квитко, Рубину, Сфард, Пинчевского и Гершензона [12]. Готовился к выпуску сборник еврейских писателей в переводе на русский и казахский языки. В составлении этого сборника предполагалось участие более 17-ти еврейских поэтов и писателей [13, л.53].

Казахстанские пропагандисты рассчитывали на поддержку своих именитых коллег. Так, например, детского писателя С. Маршака и Кукрыниксов – художников П. Крылова и М. Куприянова предполагалось задействовать на работе по созданию агитокон. Также планировалась организация ежедневного детского радиожурнала, проведение вечеров «Писатели – фронту» с выступлением ведущих писателей и частичным привлечением артистов. Ввиду отсутствия бумаги от издания альманаха пришлось отказаться [14, л.1–3].

В июле 1942 г. ССПК докладывал ЦК КП (б) Казахстана о результатах содружества поэтов с художниками в области плакатов, посвященных Великой Отечественной войне для «Окон ТАСС»: «...значительное число острых политических плакатов и карикатур художников Кукрыниксы с текстами Маршака, удостоенных высокой правительственной награды, – Сталинской премии – были написаны и впервые опубликованы в Алма-Ате» [13, л.47]. В подготовке текстов для плакатов принимали участие и казахстанские поэты Дм. Снегин и [Гали] Орманов [8, л.107].

Одной из форм обмена стали «четверги» – литературные творческие вечера, на которых обсуждались новые произведения писателей. На конец июля 1942 г. состоялись десять вечеров, в них приняли участие и еврейские литераторы. На вечере поэтов читали свои стихи Семьин, Гатов, Муканов, Рубинштейн и Геллер (на еврейском языке, с четкой русских подстрочников). В вечере поэтессы Адалис, прочитавшей новую поэму о генерале Панфилове, еврейский писатель из Польши Э. Кагановский [15] представил на суд слушателей три новых новеллы. С точки зрения передачи и обмена опытом наличие в Алма-Ате видных писателей давало возможность установить постоянный творческий контакт между ними и местными писателями [13, л.54]. В результате совместного труда и взаимообогащения порой по казахстанской тематике выходили удачные результаты.

Одним из слабых направлений для членов ССПК считалось создание оригинальной драматургии для репертуара казахским театрам [16]. Так, невзирая на то, что к созданию либретто по заказу Комитета по делам

искусств «Махаббатын аты мен» – «Гвардия, алга!» С. Муканов приступил уже как зрелый литератор, в августе 1941 г. на обсуждении в Совете Народных Комиссаров он получил в свой адрес множество нелестных замечаний. Защищая свое произведение, Муканов обратил внимание присутствующих, что либретто, в отличие от драматической пьесы, имеет ряд особенностей. Автору, не владеющему техникой написания либретто, сложно справиться с подобным заданием, тем более в месячный срок. По мнению Сабита Мукановича, «обыкновенно пьесы пишутся год». На что Брусиловский парировал: «Я за время своей работы в Казахстане не писал ни одного спектакля больше, чем четыре месяца. «Кыз-Жибек» я даже дал за два месяца». И все же композитор брался за работу С. Муканова: «...потому что нам вообще очень мало пишут либретт, пожалуй, что это первое и последнее...В этом либретто много слабых мест, но это актуально и животрепещуще...». В заключении Н. Ундасынов, председатель СНК, посоветовал коллективу писателей и композитору оказать автору существенную помощь в доведении творческого проекта до совершенства [17].

Возможно, после данного обсуждения и появился творческий союз двух литераторов – С. Муканова и М. Пинчевского.

Еще в 1911 г. 17-летний Мойше Пинчевский, уроженец бессарабского еврейского местечка Теленешты, дебютировал детскими стихами в журнале «Прахим» (Цветы), издававшемся в г. Луганске. В 1913 г. он эмигрировал в Аргентину, где в 1918 г. в Буэнос-Айресе вышел его первый сборник «Цвит» (Цветение). В 1920-х гг. жил в Германии, Бельгии, Румынии. С 1926 г. – в СССР: сначала в Москве, затем с 1928 г. – в г. Харькове. В годы жизни в Советском Союзе опубликовал 13 книг (в т.ч. три детских), 12 пьес. С 1934 – член ССП СССР.

Но при выборе партнера для не менее именитого в Казахстане С. Муканова главным стало то, что Михаил Яковлевич был автором либретто первого детского балета «Аистенок» на музыку Дмитрия Клебанова, поставленного в Большом театре в 1935 г.

Балет, в премьере которого в роли Кошечки дебютировала четвероклассница Майя Плисецкая, не сходил со сцены Большого театра в течение двух десятилетий. Сказка переносила зрителей в джунгли Африки, и детям хотелось ринуться на сцену, чтобы помочь добрым зверям наказать лютого плантатора, истязającego маленького негртенка. В конце 30-х гг. пьеса «Дер бочан» (Аист) ставилась единственным еврейским детским театром в Киеве.

Союз оказался плодотворным. В ноябре 1943 г. в служебной записке С. Муканов, председатель президиума ССПК, отделу агитации и пропаганды ЦК КП (б) отмечал: «...Тов. Пинчевский известный еврейский писатель на Украине. Эвакуировавшись в Казахстан т. Пинчевский активно работает и здесь. Совместно с писателем Мукановым им написана пьеса «Песня победы», совместно с писателем Хусаиновым – пьеса «Алдар Косе» – обе пьесы идут в Каздрамтеатре и имеют большой успех у зрителей. Недавно т. Пинчевским сдана новая пьеса еврейскому театру о партизанах в тылу немецких оккупантов» [11, л.22]. Кроме того, тт. Муканов и Пинчевский написали, поставленную в Академическом театре драмы патриотическую пьесу «Айдос» [13, л.51]. Эти совместные работы не вошли в библиографию трудов Пинчевского. Да и сам С. Муканов в письме И. Шухову упоминал себя как автора либретто «Песня победы». Кроме архивных документов, совместное авторство Муканова–Пинчевского подтверждает и доктор исторических наук Л.Н. Нурсултанова в книге «Казахстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» [18].

В одном из отчетов ССПК ЦК КП (б) Казахстана констатируется, что отдача от именитых гостей была бы гораздо значимее, если «в течение весьма долгого периода бытовые вопросы не заслоняли собой творческие». Спустя ровно год с начала войны К. Хасанов как функционер ССПК информировал Совнарком и ЦК КП (б) Казахстана: «Из числа писателей, прибывших в прошлом году по эвакуации в Алма-Ату, некоторые до сего времени не смогли устроиться с квартирой и находятся в тяжелых условиях, в особенности трудно живется некоторым писателям, эвакуированным из Западных областей Белоруссии. Квартиры, в которых ютятся тт. Геллер, Рубинштейн, Яносович, Турко и Кнабгайс, совершенно непригодны для жилья, вследствие чего они сами лишены нормальных условий для их творческой работы, а их семьи подвергаются различным заболеваниям. Так, например, т. Геллер – талантливый еврейский поэт, проживает на кухне в одном из сырых домиков на самой окраине города, и на площади в шесть кв. м ютятся четыре чел., одна из них роженица. Жена Геллера в настоящее время больна. [...] Рубинштейн – известный еврейский поэт, эвакуированный из Белоруссии, член Пэн-клуба в Варшаве. [...] На площадке в семь кв. м в проживают две семьи из шести душ. [...] Несмотря на это, домохозяин там же содержит своих поросят. [...] В точно таких же ужасных квартирных условиях находится т. Пинчевский, который несмотря на это, сумел проделать творческую

работу. В соавторстве с казахскими писателями им написаны и сданы в Казахский академический театр драмы две пьесы. Одна из них «Песня победы» уже показана зрителям премьерой. [...] Президиум ССП Казахстана, обследовав квартирные условия указанных товарищей, находит дальнейшее оставление их на прежних квартирах невозможным и просит вас обратить внимание на их невыносимо тяжелое положение и в ближайшее время оказать помощь в создании им более нормальных условий» [13, л. 35 и об.].

Конечно, на этом бытовые трудности не кончались, но они воспринимались как неизбежность, к которой необходимо было приспособиться. Гораздо тяжелее «квартирного вопроса» воспринимался «кухонный». В 1942 г. Токарева, инструктор ЦК КП (б) К, информировала руководство: «Несмотря на Ваши указания об улучшении бытовых условий писателей, эвакуированных в Казахстан в Алма-Ату, сейчас еще имеется небольшая группа выдающихся работников искусства в очень тяжелом бытовом положении. Эти люди с мировым именем поставлены в трудные условия, потому что они живут без семьи или больны и не могут организовать себе нормального питания. [...] Эйзенштейн – замечательный кинорежиссер, орденоносец, лауреат Сталинской премии, оказавший огромное влияние на развитие не только советского, но и мирового киноискусства (живет без семьи). Работает сейчас над созданием фильма «Иван Грозный». Зощенко – известный писатель, живет один (семья осталась в Ленинграде), питается очень плохо, болен. Пишет сценарий для кинофильма. Далее Ильин, Шкловский, Квитко, Юзовский, Паустовский. Считаю необходимым Вас информировать об этом и просить дать указание о прикреплении этих товарищей к питанию в правительственной столовой. Там прикреплено свыше 30 чел. научных сотрудников, эвакуированных институтов. Многие из них имеют несравненно меньшее значение для развития советской культуры, чем перечисленные выше товарищи. Поэтому было бы справедливо пересмотреть этот список прикрепленных к правительственной столовой с тем, чтобы дать возможность там питаться известным деятелям искусства, тем более что речь идет только о семи чел.» [19].

Несмотря на трудности военного периода, отдельные группы людей находились в привилегированном положении. Так, например, член ССП СССР был фигурой номенклатурной, который пользовался всеми благами и привилегиями партийно-государственной элиты советского общества. Официально признанный писатель, т.е. член Союза, пользовался почетом,

известностью и даже любовью среди народа, поэтому членство в узком кругу СП СССР было сродни высокому званию Народного артиста СССР. Удостоверения члена СП СССР для писателя было важнее, чем членский билет члена КПСС. Миллионы были коммунистами в Советском Союзе и лишь несколько сотен признанными властью, государством и народом писателями [20]. Наиболее именитые из них, находясь в эвакуации, могли пользоваться бесплатными обедами при больнице Совмина, получать льготные продуктовые пайки в спецмагазинах и пр.

Случалось, что некоторые из деятелей культуры «стеснялись» данных привилегий в тяжелое для страны время. Так, по воспоминаниям Лидии Чаловой, пережившей блокаду, Зощенко в глубоком тылу выглядел ужасно даже по сравнению с ленинградскими дистрофиками. Свою 400 граммовую хлебную пайку писатель делил пополам: одну часть съедал, вторую обменивал на пол-литра молока и луковицу [21].

Судя по запискам, отложившимся в архиве, в официальные органы представители творческой интеллигенции обращались лишь в случаи крайней нужды, как, например, Пятрас Цвирка, секретарь Союза советских писателей Литовской ССР, который 4 марта 1942 г. написал в ЦК КП (б) Казахстана: «В настоящее время я нахожусь со своей больной женой (известная литовская художница Мария Рачкаускайте - Цвиркене' - *прим. авт.*) в крайне тяжелом положении в смысле питания, т.к. на базаре и в магазинах нельзя добыть никаких продуктов» [14, л.10]. Судя по резолюции, эта просьба была удовлетворена, литератора прикрепили к спецмагазину, и он смог поздравить супругу с Международным женским днем: «т. Цвирка разрешено два раза в месяц пользоваться получением продуктов, о чем т. Цвирко сообщено. 8 марта. Абдыкалыков».

Подобные праздники не стали закономерностью, гораздо чаще и эвакуированные, и местное население вынуждены были довольствоваться весьма скудной «продуктовой корзиной». Г.В. Нечитайло, зампред Алма-Атинского горсовета, вспоминал: «В город прибыло около 100 тыс. эвакуированных, всех приходилось размещать и ставить на довольствие, так что каждая комнатуха, каждая скамейка в городском парке были на учете. Питание горожан обеспечивал трест столовых и ресторанов, поскольку в военное время магазины продуктами не торговали. Помните лозунг: «Все для фронта, все для победы!» На фронт отправлялось все производимое городом и областью продовольствие, оставлялось только самое необходимое. Самым распространенным блюдом в столовых, где питалось население города, был так называемый «зеленый борщ» на клевере и черепахах. Бытует мнение, что

«черепашковый суп – это деликатес». Возможно, но тогда этот жидковатый деликатес был вынужденной необходимостью, чтобы как-то поддержать силы алмаатинцев, работавших на оборону страны» [22].

Большинство литераторов, осознавая, что снижение уровня жизни, вызвано экстремальными условиями военного времени, редко обращались за помощью в партийные органы, пытались приспособиться к реалиям эвакуации самостоятельно. Но случались ситуации, когда они вынуждены были просить, скорее не для себя, – для своих близких и родных. Так, например, в Архиве сохранился автограф М. Пинчевского, который не мог плодотворно работать, глядя как сын-подросток угасает на его глазах от голода: «Дорогой, т. Абдыкалыков! Давно собирался писать Вам, но каждый раз откладывал: не хотелось беспокоить Вас, но не могу больше и прошу простить меня за беспокойство. За 1,5 года моей жизни в Казахстане, я написал три пьесы: две из них «Алдар Косе» и «Песнь победы» (совместно с казахскими товарищами Ш. Хусаиновым, и С. Мукановым), идут в Казахском Академическом театре драмы, а также в Чимкенте, Джамбуле и в Киргизском ордена Ленина театре во Фрунзе. Третью пьесу «Я живу» – на тему трагедии моего народа – я написал для Киевского государственного еврейского театра, и она репетируется этим театром в г. Джамбуле, ставит мою пьесу народный артист КазССР М.И. Гольдблат. Как видите, я занят неустанным трудом и иначе не мыслю себе советского писателя во время Великой Отечественной войны. Я горд сознанием, что приношу скромную пользу театру, и что я тесно связался с культурой, фольклором и эпосом казахского народа. Об этом знает Союз писателей (тт. Муканов, Мусрепов) и Академия наук (тт. Маргулан, Исмаилов), которые помогают мне черпать из источников казахской мудрости.

Никогда в моей творческой жизни я не чувствовал такой жгучей необходимости писать и писать, как теперь. Но... мои физические силы с каждым днем слабеют... Вчера я приехал из Новосибирска. Белорусский Государственный еврейский театр меня вызвал и заключил договор на музыкальную комедию. Я должен приступить к работе, но слабость (от недоедания) мешает. У меня лежит почти готовый киносценарий на казахскую оборонную тематику, но закончить не в силах... Я имею один обед на пятерых чел.! (моя семья состоит из пяти чел.). Моя жена превратилась в тень, мой сын –13-летний мальчик – истощен, а я сам не могу работать: голова кружится. Я прошу Вашего внимания, вмешательства и содействия.

Получил бы я лимитированный пак – я сторицей оплатил бы его своим литературным трудом... Простите, т. Абдыкалыков, и посодействуйте. Жду Вашего ответа – М. Пинчевский» [23].

История жизни и выживания. И не всегда война в документальных источниках предстает такой отшлифованной, какой мы знаем ее по плакатам, песням и некоторым воспоминаниям. При этом эвакуация была также трагична, как и сама война: вывозили детей, больных, стариков; люди голодали, умирали вдали от дома. Не хватало жилья, носильных вещей, привычных предметов быта. Для писательской интеллигенции стало проблемой устройство на работу. Республиканские органы партийной и государственной власти, Союз писателей Казахстана, профсоюзные и др. общественные организации по возможности оказывали эвакуированным помощь в улучшении материально-бытового положения, проявляли заботу об охране здоровья. Но в силу сложившихся обстоятельств, они не могли объять необъятное – остановить стремительно набирающий скорость вал вопросов и проблем... эвакуированных, беженцев, депортированных, ежедневно прибывающих в Казахстан.

Вообще же пребывание деятелей литературы во время эвакуации в Алма-Ате – малоисследованная тема.

1. Грибанова Е. Паустовский в Алма-Ате (к 100-летию со дня рождения) // Отечественные архивы – 1992 №2 – С.83–90. Проскурин В. Колония литераторов <http://vernoye-almaty.kz/a-z/k2.shtml> (дата обращения к сайту 23.08.16). Соколовский Р. Алма-Ата благословенная <http://magazines.russ.ru/neva/2004/8/so20.html>; Назаров А. Алма-Атинские дни магистра смеха <http://alnaz.ru/almaty/zoshhenko-v-almate.html> (дата обращения к сайту 13.09.2016). Артемьева Р. Алма-Атинская поэма. Эссе. <http://sozvuchie.by/news/2016-06-21-8> (дата обращения к сайту 14.09.2016).
2. Абсеметов М.О. Научные учреждения АН СССР и вузы в Казахстане в период эвакуации // Современные проблемы науки и образования (электронный научный журнал) – 2014 –№6 <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16828>(дата обращения к сайту 13.09.2016).
3. Артемьева Р. Алма-Атинская поэма. Указ.соч.
4. Грибанова Е. Паустовский в Алма-Ате. Указ.соч.
5. Сенченко Иван Ефимович (1901–1975). В годы Великой Отечественной войны в эвакуации находился с женой и двумя детьми, впоследствии работал сельским учителем. В 1943 г. был вызван в Москву, где ему предложили должность ответственного секретаря журнала «Україна» (гг. Харьков, Киев).

6. АП РК Ф.708. Оп.5/1. Д.706.
7. Карелин Борис Львович (псевдоним Бездомный) поэт. Литвак Григорий Николаевич (1911–1961), поэт, переводчик. Нафтали-Нафтоле Герц Кон (псевдоним Серф). Блоштейн Гирш Давидович (1895–1979), поэт, прозаик, публицист. Еромицкий Александр Ильич (1902–1982), автор научно-популярных работ. Ражба Самуил Ноевич (псевдоним Радугин), поэт и прозаик.
8. АП РК Ф.708. Оп.5/1. Д.694.
9. Там же. Оп.6/1. Д.554. Л.5.
10. Соколовский Р. Алма-Ата благословенная Указ.соч.
11. АП РК. Ф.708. Оп.8. Д.1283.
12. Квитко Лев Моисеевич (1890–1952), советский еврейский поэт. С 11 ноября 1941 г. с семьей в составе двух чел. (по другим сведениям – четырех чел.) находился в эвакуации в Алма-Ате, прибыл из Москвы. В Казахстане Лев Моисеевич работал по заказу Информбюро над книгой о зверствах в захваченных немцами областях (предполагалось, что книга выйдет на английском и русском языках). Сотрудничал в СМИ, а также работал на радио. Готовил к печати ряд сборников для детей. Автор «Письма Ворошилову», «Сталинской колыбельной». (АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.561. Л.87). В годы войны– член президиума Еврейского антифашистского комитета(ЕАК) и редколлегии газеты ЕАК «Эйникайт» («Единство»), весной 1944 г. по заданию ЕАК командирован в Крым. 23 января 1949 г. арестован как деятель ЕАК. 18 июля 1952 г. обвинен Военной коллегией Верховного суда СССРв измене Родине, 12 августа 1952 г. расстрелян. Реабилитирован ВКВС СССР 22 ноября 1955 г. Рубина Рива Рувимовна (1906–1981), советская еврейская писательница, критик, литературовед. С 25 ноября 1941 г. с семьей в составе трех чел. находилась в эвакуации в Алма-Ате, прибыла из Москвы. Сфард Давид Львович (1905–1982), еврейский поэт и общественный деятель. С 10 сентября 1941 г. с семьей в составе двух чел. находился в эвакуации в Алма-Ате, прибыл из Белостока. До Второй мировой войны жил в Варшаве, когда немецкие нацисты оккупировали Польшу, переехал в Белосток, отошедший к Советскому Союзу, где стал заместителем секретаря белостокского отделения Союза писателей. В 1946 г. вернулся в Польшу, в 1969 г. переехал в Израиль. Пинчевский Михаил Яковлевич, еврейский прозаик. С 4 октября 1941 г. с семьей в составе двух чел. находился в эвакуации в Алма-Ате, прибыл из Киева. Гершензон Мойша Яковлевич (1903–1943), советский еврейский драматург. С 15 ноября 1941 г. с семьей в составе трех чел. находился в эвакуации в Алма-Ате, прибыл из Москвы. В сент. 1942 г. мобилизован в армию. Погиб в бою.
13. АП РК. Ф.708. Оп.6/1. Д.552.
14. Там же. Д.442. Л.1–3.

15. Кагановский Эфроим (1893, Варшава–1958, Париж), писатель. Писал на идише. Учился живописи в худ.школе. Начал печататься в 1909 г. В 1914 г. вышел первый сборник новелл «Девушки». Во время 1-й мировой войны эвакуировался в Одессу. В 1921 г. вернулся в Варшаву опубликовал цикл рассказов о гражданской войне и о еврейских погромах в России и др. В 1939 г. бежал из оккупированной Варшавы в Белосток, оттуда вглубь России. В 1941 г. в г. Минске был издан сборник рассказов «Алтлебн» («Старая жизнь»). В России работал над книгой «А штотойф дер Волге» («Город на Волге») – о защитниках Сталинграда. С 1949 г. – в Париже.

http://www.rujen.ru/index.php/КАГАНОВСКИЙ_ЭФРОИМ дата обращения к сайту 24.08.2016.

16. В феврале 1941 г. на одном из заседаний ЦК КП (б) Казахстана при рассмотрении вопроса о состоянии репертуара для казахских театров отмечалось, что «это важнейшее дело пущено на самотек». До 1939 г. у казахских театров было всего 18 пьес, из них восемь оригинальных и десять переводных, в 1940 г. количество действующих в репертуаре пьес дошло до 104, из них 60 оригинальных и 44 переведенных. Появилась практика совместного написания: «Абай» Л. Соболев и М. Ауэзов. АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.667.

17. АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.705. Л.40, 46, 47.

18. И. Шухов «Сабит Муканов – Иван Шухов: дороги, годы, книги...» http://map.nklibrary.kz/pdf/mukanov/mukanov_shuhov.pdf. Дата обращения к сайту 23.08.2016; Л.Н. Нурсултанова. – Алматы, 2011 – 141с. – С.92. В главе «Культура и искусство» автор упоминает о Чимкентском областном казахском театре, в репертуаре которого появилась постановка пьесы «Песня Победы» С. Муканова и Пинчевского.

19. АП РК. Ф.708. Оп.6/1. Д.566. Л.8.

20. Ким Г.Н., директор Центра корееведения КазНУ им. аль-Фараби, директор Центра Центральной Азии университета Конгук <http://koryo-saram.ru/korejskaya-sektsiya-pisatelej-kazahstana/> дата обращения к сайту 24.08.2016

21. Вспоминая Михаила Зощенко / Сост. Томашевский Ю. Л.: Художественная литература, 1990. – 512с. (С.314–332).

22. Матвеева Л., руководитель службы ЦГА г. Алматы «Зарисовки из личных фондов» // Қазақстан мұрағаттары (Астана) – 2013 г. – №4 (28) – С.50–51.

23. АП РК. Ф.708. Оп.8. Д.1283. Л.122, 124–125.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЭВАКУИРОВАННЫХ
ХУДОЖНИКОВ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА
В УЗБЕКИСТАНЕ В 1941-1943 гг.**

В годы Великой Отечественной Войны в Узбекистан были эвакуированы деятели науки и культуры. Среди них были и представители художественной интеллигенции. В частности, в Самарканд были эвакуированы 391 художник, ученые-искусствоведы и студенты Академии художеств: В. Павловский, С. Абугов, И. Бродский, П. Белоусов, В. Горб, М. Таранов, Н. Бакланов, А. Матвеев, Л. Овсянников, А.Д. Чегодаев, Н. Пунин, И.Э. Грабарь, В.А. Фаворский, Д.С. Моор, С. Герасимов, И. Павлов, В. Касиян, М. Бобышов, М. Авилов и др [1, с.173].

Пребывание художников в эвакуации стало для многих из них большим испытанием. Война внесла в повседневную жизнь художников существенные коррективы, они лишились привычных ритма и условий жизни. Условия жизни в эвакуации были сложными, художники не могли полноценно заниматься творческой деятельностью.

Повседневная жизнь художников Узбекистана в период Второй мировой войны имела определенные особенности. Материальное положение многих художников резко ухудшилось в связи с прекращением покупки произведений, резко упали заработки в связи с отсутствием холстов, красок, сокращением планов. В связи с войной формы материально-бытового обслуживания художников изменились: были уменьшены суммы, предназначавшиеся ранее на санаторно-курортное лечение, на медицинскую помощь, на дома творчества и отдыха художников. Материальные проблемы многих художников объяснялись в частности трудностями в получении причитавшегося им гонорара.

Художники, находившиеся в эвакуации, в целом были лишены преимуществ, которые давала постоянная служба. В отличие от других категорий работников умственного труда художники не получали повышенного продовольственного снабжения. Наркомторг выделил небольшое количество лимитных пайков для крупнейших художников, а для остальных был установлен самый низкий вид дополнительного снабжения. Художники испытывали трудности с получением продовольствия по обычным общегражданским карточкам [2, с.163].

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Условия жизни в эвакуации были сложными и порой принимали экстремальный характер из-за трудностей со снабжением, нехваткой жилья, художники не могли полноценно заниматься творческой деятельностью. Одной из самых больших трудностей для их работы было отсутствие помещений для творчества. На окраине Самарканда, в полуразрушенной и запущенной каморке был поселен А.Д. Чегодаев с женой – известные историки искусства. Чегодаев был тяжело болен, слаб, переносил невзгоды эвакуации трудно [3, с.102].

Пребывание художников и искусствоведов в эвакуации стало для многих из них большим испытанием. Тяжелое материальное положение, нередко – жилищная неустроенность, отсутствие привычных условий для работы, разлука с близкими и родными – вот немногие из тех реалий, которые определяли жизнь эвакуированных ученых в военные годы. Помимо этого у некоторых ученых были весьма напряженные отношения с существующей политической системой – статус В. Зуммера, Г. Чаброва, В. Чепелева, А. Эфроса приближался к статусу полуофициальных ссыльных.

Творческая работа большинства художников Узбекистана протекала далеко в неудовлетворительных условиях. За исключением нескольких, которые художники располагали специальными мастерскими. Крайне неудовлетворительно обстояло дело и с оборудованием мастерских. Так многие даже местные заслуженные художники к началу войны не имели собственной жилплощади и мастерской.

Табл. 1. Список ведущих художников Узбекистана, остро нуждающихся в мастерских и жилплощади [4, л.205]

Ф.И.О. художников	Специальность	Положение с мастерской и жильем	В чем нуждается
Абдуллаев С.	живописец	Жилье имеется, мастерской нет	мастерской
Абдуллаев Х.	живописец	Живет на частной квартире в 1 комнате 7 человек, мастерской нет	Квартире, мастерской
Аринин М.А.	живописец	Живет на частной квартире в 1 комнате, мастерской нет. Дом подлежит сносу.	Квартире, мастерской
Волков А.Н.	живописец	Живет в ЖАКте, мастерская за годы войны развалилась	Капитальный ремонт мастерской

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Иванов А.Н.	скульптор	Живет на частной квартире, семья 5 человек, мастерской нет, выселяется домохозяйкой ввиду продажи дома.	Квартире, мастерской
Кайдалов В.Е.	живописец	Живет в ЖАКте, 6 чел. мастерской нет, площади для постройки мастерской нет	Квартире с мастерской
Колыбанов С.С.	живописец	Живет на ведомственной квартире 5 человек, мастерской не имеет	Квартире с мастерской
Кедрин В.Н.	график	Живет на частной квартире под угрозой выселения, мастерской не имеет.	Квартире с мастерской
Кучис Я.К.	скульптор	Живет на ведомственной квартире, мастерской не имеет	Квартире с мастерской
Рождественский В.Л.	живописец	Живет в ЖАКте в 1 комнате, мастерской нет.	Квартире с мастерской
Мальт С.А.	график	Живет на частной квартире, выселяется домохозяйником, мастерской нет.	Квартире с мастерской
Уфимцев В.Н.	живописец	Живет на частной квартире, мастерской нет.	Квартире с мастерской
Ужинский М.Е.	живописец	Жилплощадь недостаточная, мастерской нет.	Квартире с мастерской
Хасанова Ш.	живописец	Жилплощадь недостаточная, мастерской нет.	Квартире с мастерской
Ган Н.В.	живописец	Жилплощадь недостаточная, мастерской нет.	Квартире с мастерской
Григорьянц К.Г.	живописец	Жилплощадь недостаточная, мастерской нет.	Квартире с мастерской

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Анализ таблицы позволяет сделать вывод, что даже заслуженные и именитые художники Узбекистана к 1940 г. не имели собственного жилья. Многие из них жили в съемном жилье или с малой жилплощадью, не имели собственных мастерских. Поэтому вполне вероятно, что приехавшим в эвакуацию художникам были предоставлены непригодные для жилья помещения.

В определенной степени выживать художникам в годы войны помогал созданный в 1940е гг. ХудФонд. Он осуществлял свою деятельность в тяжелые для повседневной жизни военные и первые послевоенные годы и решал вопросы элементарного выживания. Фонд помогал семьям погибших художников, инвалидам, сиротам, демобилизованным фронтовикам. В условиях товарного дефицита первых послевоенных лет через ХудФонд решались такие вопросы, как бесплатное распределение белья, обуви и одежды нуждающимся детям художников. Однако ХудФонд не мог решить повседневные проблемы художников. Об этом позволяют судить выдержки из стенограммы заседания Республиканского съезда художников:

Редькин (Самарканд): «В ХудФонде было обязательство за 1943 г. выпустить массовую продукцию портретов. Правительство пошло на встречу и дало возможность заработать миллион. А где этот миллион, где эти миллионы? Художники жалуются, но если смотреть сверху, напрашивается такой вопрос – как же вы плохо живете, когда обороты у вас миллионного порядка? Так почему вы жалуетесь, ходите без ботинок? Оказывается, очень просто не хватает немногого – совести у людей. И мало того, как у хитроумного Одиссея не в хорошем смысле этого слова, своя рубашка ближе в телу, а художники жили и будут жить, им надо мучиться, только в муках рождается творчество художника настоящее. Но это хорошо говорить, а когда у людей это практически непосредственно в самой жизни чувствуется – это выходит немножко не так».

Лунев (начальник отдела искусства Управления по делам искусств при СНК): «В отношении материальной базы. Надо бережно относиться к средствам, отпускаемым Управлением по делам искусств на творческую работу художников, и расходовать их по назначению, не допускать разбазаривания, как это было в прошедшее время.

Оплатить художникам, работающим по договору на выставку «Победа», т.к. на эту работу было ассигновано 80 тыс. руб. Управление по делам искусств отпустило в сентябре месс. 20 тыс., в ноябре - 60 тыс. В эту сумму вошли и др. суммы, не относящиеся к выставке «Победы».

Сейчас открыт счет на 40 тыс руб. Так что надо будет позаботиться и получить деньги, и расплатиться с художниками, с которыми был заключен договор.

Равномерно распределять средства между художниками Ташкента, Самарканда, Ферганы, придерживаясь процента личного состава.

С вопросами быта художников я совсем не знаком из-за короткого промежутка времени. Но с некоторыми художниками я ходил по квартирам. В Узбекистане только один художник имеет мастерскую, остальные художники находятся в тяжелых условиях, в которых идти вперед невозможно.

Вопрос очень серьезный и он поставлен существенно и разрешение этого вопроса не следует откладывать, нужно создать такие условия художникам, чтобы они могли лучше выполнить договора, которые они будут заключать.

Вопрос быта может разрешиться в том случае, когда объединенными силами Союз художников, Худ фонд и Управление по делам искусств возьмутся за него вплотную» [5 л.18].

В снабжении продовольствием и промышленными товарами в годы войны ощущалась острая нехватка. Для борьбы с ней С 1 мая 1942 г. для работников науки и искусства были организованы закрытые столы с буфетами. В городах, где проживало свыше 500 научных работников, рекомендовалось открыть для них отдельные магазины. 2 июня 1942 г. Народный комиссариат торговли СССР издал приказ № 170. По этому приказу всех членов союзов художников, композиторов и архитекторов приравнивали в продовольственном снабжении к рабочим промышленных предприятий [6]. Однако эти постановления на деле не работали. Известный ученый-искусствовед Л.И. Ремпель, репрессированный и сосланный в Среднюю Азию, вспоминает: «В годы войны мы были поселены в колхозе, в сторожке с земляным полом: комнатка в одно окно, с крохотной передней, не отделенной дверью. Завели козу, поместив в передней. Стало чем кормить ребят, а однажды ночью коза разрешилась от бремени, и уже через десять минут спустя козленок прыгал по нашим постелям. До вокзала, где я читал студентам лекции в Академии художеств по теории искусств искусству стран Востока, было километров шесть. «Завел» ишака. По бокам его свисали хуржины с книгами. Надевал шляпу, и, восседая на ишаке, плелся часами в Академию. Однажды проф. Н.Б.Бакланов, придя в колхоз, где я жил, застал меня в одних трусах, с кетменем руках, в поте лица своего возделывающего свой участок. Не

забыть страх, ужас, отчаяние, которые были в его глазах. Впрочем, всем было нелегко». Проф. Ленинградской Академии художеств Н.Б. Бакланов проживал в более благоустроенной комнате на улице, соединяющей Регистан и Биби-ханым [7, с.114-117].

В 1943 г. была подготовлена докладная записка об упорядочении оплаты труда художников. Согласно этому документу расценки для оплаты труда художников утверждались Управлением по делам искусств при СНК РСФСР [8, л.1,2]. Она показывала, насколько изобразительное искусство было политизировано, государство ставило художников в тяжелые материальные условия, полностью подчинило их существование себе, чтобы они были вынуждены выбирать агитационное искусство в ущерб индивидуальному творчеству.

Примерные расценки репродукций были таковы: Настенная картина размером в один печатный лист от 2, 5 тыс. руб. до 750 руб. Рисунок на календари от 500-200 руб., на открытках 400 руб, в книгах от 400-200 руб. на этикетках, ярлыках, упаковках 150 руб., в журналах от 250-50 руб. в газетах и предметах ширпотреба 100 руб., стенгазеты не оплачивались [9, л.8].

Художники неохотно соглашались на выполнение такой работы, однако государство ставило их в такие условия, от которых зависело их существование. «Многие художники отказываются, но они отказываются не от работы, а потому что знают такую поговорку, что искусство очень ревниво, и если ему изменить, оно не простит» [10, л.63].

Повседневная жизнь художников в годы войны состояло из огромных затрат времени и сил на борьбу за существование, на материальные заботы. Художники призваны были оказывать мощное идейное влияние на общество, поэтому власть предоставляла им определенные привилегии. Но художники видели разрыв между реальной жизнью и решениями власти. Художники Ленинграда и Москвы, находясь в эвакуации, не имели соответствующих условий для жизни и творчества. Отсюда исходили их резкие мнения о материальном положении, а также претензии на более материально обеспеченный быт и комфортные условия жизни.

1. Такташ Р.Х. Изобразительное искусство Узбекистана. Т.: 1972.- с.173
2. Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. М.: Госторгиздат. 1943. 163 с.
3. Ремпель Л.И. Мои современники (20-е - 80-е годы). М.:2011.- с.102.
4. ЦГА РУз Ф.2320 оп.1.д.233 л.205

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

5. ЦГА РУз Ф.2320 оп.1 д.236 л.18. Стенографический отчет 2-го Республиканского съезда ССХ Узбекистана
6. Отпуск нормированных продуктов для столовых, где обслуживались работники науки, культуры и искусства, производился в размерах, равных нормам, установленным для рабочих, инженерно-технических работников предприятий особого списка и для рабочих промышленных предприятий. Кроме того, к закрытым магазинам прикреплялись как работающие, так и неработающие члены семей работников науки, культуры и искусства (жена, муж, дети, родители). Но они получали продовольственные товары по нормам, указанным на их карточках.
7. см. Ремпель Л.И. Мои современники (20-е-80-е годы). Т.:1992.- с.114-117.
8. РГАЛИ Ф. 3189 оп.1 д. 3912а. с.1,2
9. РГАЛИ Ф. 3189 оп.1 д. 3912а. с.8
10. ЦГА РУз Ф.2320 оп.1 д.233 л.63

Тухтаева М.С.

**ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЛЕНИНГРАДА И МОСКВЫ
В ЭВАКУАЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ (1941-1943гг.)**

В годы Великой отечественной войны в города Узбекистана с прифронтовой полосы были эвакуированы более 1млн. чел. [1, с.44]. Среди них были ученые, педагоги, актеры, представители художественной интеллигенции, а также научные и учебные учреждения.

В 1941-1943 гг. Самарканд превращается в один из крупнейших художественных и научно-искусствоведческих центров страны. В частности, в Самарканд были эвакуированы 391 художник, ученые-искусствоведы, студенты Академии художеств: В. Павловский, В. Орешников, С. Абугов, И. Бродский, П. Белоусов, В. Горб, М. Таранов, Н. Бакланов, А. Матвеев, Л. Овсянников, Н. Пунин, С. Исаков, многие известные художники и искусствоведы: И.Э. Грабарь, В.А. Фаворский, Д.С. Моор, С. Герасимов, И. Павлов, В. Касиян, М. Бобышов, М. Авилов и др. [2]. В Самарканде продолжили свою деятельность эвакуированные Государственная консерватория ордена Ленина, Еврейское театральное училище, Московский государственный художественный институт,

Всероссийская академия художеств (ВАХ), Центральное художественное промышленное училище [3, л.48].

Институт ВАХ начал свою работу в Самарканде во втором полугодии 1941 /42 учебного года. Не все студенты смогли приехать в Самарканд, чтобы продолжить учебу. Из 453 студентов, числившихся в институте на 1 октября 1941 г., прибыли в Самарканд лишь 87 чел. Академия, к сожалению, не собрала всего наличия состава студентов. ВУЗ составил 195 чел. вместе с 40 новыми поступившими, на факультет живописи - 70 чел., на архитектуру - 28 чел., на скульптуру - 19 чел., искусствоведов - 38 чел. В отчете СХУЗ особо отмечалось о необходимости принятия мер по переезду в Самарканд ряда ведущих мастеров, т.к. они находились в Ярославле, Москве и др. [4 л.48].

Эвакуация учебных заведений из центральных районов России в Узбекистан способствовала становлению и развитию новых учебных заведений и факультетов. В 1942 г., благодаря участию эвакуированной в Ташкент московской и ленинградской профессуры, был создан историко-филологический факультет САГУ, объединивший историю, археологию, искусствоведение, русскую и восточную филологию.

В феврале 1942 г. была создана кафедра «Искусствознания», возглавляемая крупнейшим специалистом в области западноевропейского искусства проф. Б.Виппером. В работе кафедры приняли участия такие ученые: И. Гинзбург, В. Зуммер, Ю. Колпинский, Ж. Мацулевич, В. Мошкова, М. Нейман, А. Федоров-Давыдов, Г. Чабров, В. Чепелев, А. Эфрос, Г. Пугаченкова. После открытия на кафедре «Искусствознания» состоялись защиты: докторская диссертация А. Федорова-Давыдова на тему «Пейзаж в русской живописи» (официальные оппоненты проф. Б. Виппер, проф. Б. Михайловский, проф. А. Эфрос); кандидатская диссертация В. Чепелева на тему «Античная стадия в искусстве народов СССР» (официальные оппоненты: проф. А. Якубовский, проф. С. Толстов) [5].

Условия обучения в военное время были близки к экстремальным - все шесть факультетов САГУ теснились в зданиях бывших мужской и женской гимназий и реального училища. Нехватка аудиторий стала хронической, и лекции часто читались в помещениях, не приспособленных для занятий, - в канцелярии, библиотеке, в коридорах и даже на лестничных площадках. Не спасало и введение двухсменной системы обучения и занятий по воскресеньям. Не хватало стульев, столов; зимой помещения практически не отапливались. Но, несмотря на

бытовую неустроенность, по воспоминаниям выпускников, лекции читались на очень высоком уровне. Чтение многочисленных курсов по истории искусств обязательно сопровождалось демонстрацией репродукций памятников искусства, но т.к. слайдами в ту пору университет не располагал, то преподаватели были вынуждены носить с собой на лекции огромные фолианты.

Вскоре после создания кафедры скончался В. Чепелев, и практически все студенты-юноши первых двух выпусков кафедры не вернулись с войны. Несмотря на трудности и утраты, творческая работа постепенно наладилась [6].

Эвакуированные искусствоведы и художники помимо учебного процесса занимались творчеством. Несмотря на экономические и организационные трудности, творчество художников в эвакуации в Узбекистане в 1941 – 1945 гг. было насыщенным, плодотворным и направлено на поднятие боевого, патриотического духа и победу.

Ведущее место в творчестве художников в эти годы занимают антифашистский плакат, агитационные листовки, панно и политическая карикатура. С первых дней войны в Самарканде были созданы Агитмастерские под началом московского художника М. Аветова, выпускавшие тиражированные плакаты «Окна ТАСС», «Окна УзТАГ» и трудовые листки. Здесь была создана также бригада плакатистов, состоявшая из студентов эвакуированного Московского художественного института во главе с выдающимся мастером советского плаката Д.С. Моором. За весь период войны ими созданы плакаты общим количеством на 266 тем при общем тираже в 70 тыс. 877 плакатов [7, л.52].

В Фергане над плакатами работали известный театральный художник и основатель петроградских «Окон РОСТА» В.И. Козлинский. Только за три первых месяца войны бригадами было выпущено более 400 оригиналов плакатов [8, с.156]. В начале 1942 г. был организован ИЗО АГИТ ПЛАКАТ в составе живописно оформительской, скульптурно-графической, прикладного искусства мастерских.

Одним из важнейших видов работы этой организации явилось создание агитационного плаката и др. форм массово политической агитации. Плакат в виде ИЗО витрины, а в последствии «ОКОН ТАСС УЗТАГ», появляется в Узбекистане в сентябре 1941 г. [9, л.51]. Антифашистские плакаты выпускались с маркой Узбекского телеграфного агентства (Окна УзТАГ). Только за три месяца войны было выполнено 400 оригиналов плакатов. Сначала оригиналы тиражировались

способом светоконии, затем способом трафарета. Многие плакаты копировали в порядке общественной нагрузки, их выполняли жены художников. К такой работе были привлечены супруги художников - Т. Емельянова, В. Кедрина, С. Рождественская, Г. Уфимцева и др. Однако, авторство многих из сохранившихся до настоящего времени плакатов для «Окон УзТАГ» осталось неизвестным. Примечательно, что первые плакаты выполнялись прямо на заборах парка, на ограде Среднеазиатского университета, делались на бумаге вручную и вывешивались в крупнейших парках Ташкента [10].

Главной темой произведений того времени были война, патриотизм, история. Для разных аудиторий предназначался разный пропагандистский материал: для народа – агитплакаты, карикатура, для интеллигенции – панно и жанровые картины. В них меньше внимания уделялось прославлению вождей, им была чужда высокопарность. Но после коренного перелома в ходе войны идеологи вновь направили острие критики на «ослабление идейно-политической работы среди масс» [11, с.178].

Искусствовед Л.И. Ремпель вспоминает: «Фронт и труд едины!», «Все для фронта, все для победы!». Боевые листки и плакаты Агитхудожественной мастерской пестрели этими призывами. Особое внимание привлекали к себе наброски и картины художников, ездивших на фронт. На привезенных зарисовках не было фейерверков. Картины ставили сперва на пол, вдоль стен, и зрители молча, как на похоронах, медленно двигались мимо них, низко опустив головы. Торчащие трубы сожженных деревень, стелющийся дым пожарищ, страшные дороги войны леденили душу. Позже рисунки развесили в рамах и стало привычно, как в музее» [12, с.102].

К середине 1942 г. было спущено указание требовать от художников создание больших произведений искусств. Художники организовали выставки в казармах, госпиталях, домах красной армии. Ездили на фронт для зарисовок [13, л.42]. В отчете СХУз отмечается деятельность эвакуированных художников во время войны.

Значительное число эвакуированных художников на протяжении всей Отечественной войны вели военно-шефскую работу в рядах Красной Армии. Была создана специально военно-шефская комиссия под руководством Ленинградского скульптора В.Л. Симонова. Ее усилиями была проведена военно-шефская выставка САВО, открывшаяся 7 ноября 1942г. в доме Красной армии.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

В госпиталях организовывались творческие отчеты художников, участвовавших в оформлении призывных пунктов в райвоенкоматах, небольшие выставки, встречи художников ленинградцев с ранеными. По просьбе раненных бойцов в двух госпиталях были созданы кружки изобразительного искусства, которыми руководили художники Шемякин и Герценштейн. Не было ни одного художника, который не занимался выпуском плакатов УзТАГ, листовок и т.д. Ряд товариществ организовали мастерские для выпуска продукции оборонного значения, другие занялись выпуском ширпотреба для населения [14, л.52].

Многие Художники являлись военнообязанными или забронированными в рядах Красной армии. В фондах РГАЛИ содержатся документы, позволяющие выявить списки таких художников:

Так на 1 августа 1942 г.в списках военнообязанных значились такие художники: Атаманов И.М. 1914 г. р., рядовой 299 арт. Полк 487 п/п 299 пол штаб батарея; Бортников Николай Федорович; Герасимов Н.М., 1897 г.р., рядовой; Заславский Б.М. лейтенант. Пехота; Лукомский Илья Абелевич 190 с Москва. Черныш. казармы, ш-й корп. 5 эт.; Ливанов Виктор Никифорович 1913 г.р. Мин. Батальон. Сталинград обл. ст Бодарино, п/ящик 1510; Лесной Александр Михайлович 1901 г.р. Рядовой отдельн. Мед. Сан. Бат.; Мальт С.А 1900 г.рядовой; Мороз Е.И пехота; Никифоров Б.С. 1903г сан часть; Туркистанский Н.С. военком полка. Амейск. Зап «390» п/п АРМ. Стрелковый полк зап. Стр. полк; Фадеев Валерий Александрович 1912, 303 стр полк 1706 п/п 303 стр. мин батальон полк.

Список художников, призванных в РККА, но находящихся в тылу: Кайдалов В.Е. техн. Интенд 1 ранга Хабаровск; Рейх Ш.А. рядовой Челябинской обл. Чеберкуль-е п/о; Полянский Г.П. Ташкенский пересыльный пункт [15, л.10].

Кроме того, художники небольшими группами выезжали на народные стройки и колхозы с целью запечатлеть в своих работах трудовой подвиг народа.

Табл. 1. Участие художников ССХУз по обслуживанию народных строек и колхозов республики. По Самаркандскому областному отделению ССХУз [16, л.65].

Фрейдман Л.Б. Шербатенко Ю.В.	Фархад строй. 2 знамена	128 портретов, 3 стенгазеты 29 лозунгов
Фейин М.И. Людевик О.Н.	Пахтакор р-н	Портрет 35, стенгазет 7, плакат 32, панно 7, лозунг 41.
Вигелянская И.В. Шарлемань Л.И. Пестряков Г.Б.	Комсомольский район Ургутский и Самаркндский районы	Стенгазет 5, плакат 20 панно5, лозунг 65.
Малышев П.Н. Ахмаров Ч.Г Бирштейн М.А.	Джиурский район	Портретов 100 стенгазет 12, плакат 12, панно 11, лозунг 200.
Кусков П.Л. Брюлин И.Г.	Джамбаиск Бушунгурск р-ны	Портретов 16, плакат 14, панно лозунг 70м, 1 доска почёта.
Горлов Н.Н. Цвирко В.К. Никич А.Ю. Кравченко С.Т.	Пай арыкский район	Портрет 52, Плакат 9, Панно 17
Рейлер Ю.П. Лень В.Г. Володин М.Ф.	Кушрабап р-н	Портрет 12, стенгазет 1, знамя 1 плакат 9, панно 10, лозунг 16
Фейгин М.И. Сысоев Н.А. Ярош В.Ф. Малышев П.Н.	Ак –дар р-н Нур атинский р-н	Портретов 40, стенгазет 2, плакат 8, лозунг 3, панно 12, плакат 8, панно 11, лозунг 4.
Кусков П.А. Безуглый Д.И. Брюлин И.Г.	Булунгурский р-н	Портретов 40 стенгазет 2 плакат12 панно 6 лозунг 62м 2 доски почета
Щербатенко Ю.В.	Катта курганский р-н	17 портретов, портретов 40, Лозунгов 6.
Ярош В.Ф. Гремитских В.Г.	Нуратинский р-н	16 портретов, 4 плаката,панно 6 лозунг7
Гринюкк И.А. Беленицкий М.З.	Норпайск р-н	10 портретов, 40 плакатов, 21 панно, лозунг 15

Несмотря на тяжелое время, карательная машина комитета Госбезопасности продолжала работать. Так, в 1943 г. первым среди вузов вернулся в Москву художественный институт им. Сурикова. В этом возвращении ярко проявился организаторский талант академика И. Грабаря. Неожиданно И. Грабаря и Н. Чернышова отстраняют от руководства институтом Сурикова, увольняют и несколько видных профессоров, сторонников опального ректора.

Однако академик Грабарь, даже отстраненный от института, продолжает руководить дипломными работами, среди которых был талантливый аспирант Ч. Ахмаров из Узбекистана. И. Грабарь тесно общался с архитектором Алексеем Щусевым, которому было поручено спроектировать театр оперы и балета им. Алишера Навои для столицы Узбекистана. И. Грабарь предложил А. Щусеву посмотреть работы своего аспиранта [17, л.137].

После согласования с правительством Узбекистана, Ч. Ахмаров получил заказ на композиции по произведениям Навои для фойе первого и второго этажей театра. Еще шла война, а в Ташкенте началось строительство невиданного в этих краях по масштабу и красоте театра. Театр, построенный академиком А. Щусевым, стал заметным явлением и в мировой архитектуре, он по праву считается одним их шедевров среди оперных сцен.

Работа была выполнена за три года, с августа 1944 г. по ноябрь 1947 г. За грандиозную и выдающуюся работу Чингиз Ахмаров в 1948 г. был удостоен Сталинской премии 1-ой степени [18].

На протяжении четырех военных лет в Ташкенте было открыто 25 художественных выставок в военных госпиталях, на предприятиях, в клубах и военных частях. Участниками были местные художники, и российские художники, жившие здесь в эвакуации. Так, к примеру, большой успех имела выставка, открытая в Самарканде 25 декабря 1944 г. в честь 20-летия Узбекской ССР. В 1944 г. была устроена областная выставка «Ферганские художники в дни Великой Отечественной войны» в Фергане.

Крупнейшими выставками в Ташкенте были юбилейная республиканская выставка «Узбекистан в Отечественной войне» (1944) и «Искусство Узбекистана за 20 лет» (1945) [19, с.153]. На этих выставках активно выступали московские, ленинградские и белорусские художники.

В военные годы особенно обострилась и нашла свою неповторимую форму выражения индивидуальность каждого художника. В эти годы

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

В.Фаворский создал одно из лучших своих произведений – серию «Самаркандские линогравюры». Тяжелые условия существования, голод, ни на минуту не прекращающаяся тревога, мучительная тоска по родным и близким – у В. Фаворского оба сына были на фронте и оба погибли – не остановили его творчество. С. Герасимов заполнил рисунками черной акварелью большой альбом с грубой, почти оберточной бумагой – «Можайский дневник». Самаркандские пейзажи Р. Фалька показали не только реальную натуру, но и мир его ощущений [20, с.131].

Отличительной особенностью культурной жизни республики данного периода является ее интернациональный характер в результате содружества и взаимосвязи с эвакуированными в Узбекистан творческими вузами и коллективами. Творческое общение с целым рядом известных живописцев и графиков, эвакуированных в Узбекистан, содействовало формированию и росту мастерства узбекских художников. В ходе совместной творческой работы деятелей культуры и искусства усилилось взаимообогащение культур народов союза, повысился творческий уровень художественных коллективов.

1. Зисеев Х. Узбекистон биринчи жахон уриши даврида. Т.: Мухаррир, 2011. С. 44.
2. В Союзе Художников Узбекистана до войны состояло на учете 100 художников. После эвакуации их насчитывается 250 чел., не считая членов их семей и эвакуированных студентов.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 962 оп. 3 д. 1156 л.48
4. РГАЛИ Ф. 962 оп. 3 д. 1156 л.48
5. Горшенина С. Галина Пугаченкова.- Серия «Культура Средней Азии в письменных источниках, документах и материалах». Т.:2000.- с.110.
6. Горшенина С. Галина Пугаченкова.- Серия «Культура Средней Азии в письменных источниках, документах и материалах». Т.:2000.- с.110.
7. РГАЛИ Ф. 962 оп. 3 дело 1156 л. 52 План работы Управления УзССР 1943 г.
8. Такташ Р.Х. Изобразительное искусство Узбекистана. Т.: 1972. – с.156.
9. РГАЛИРоссийский государственный архив литературы и искусства Фонд 962 опись 3 дело 1156 л.51
10. ЦГА РУз Ф.2297 оп.1 д.515. личный фонд В.Л.Рождественский
11. Волков С. История русской культуры XX века. М.:2011.- с.178.
12. Ремпель Л.И. Мои современники (20-е - 80-е годы). М.:2011.- с.102

13. РГАЛИ Ф. 2907 оп1. Д. 3 л.42
14. РГАЛИ Ф. 962 опись 3 дело 1156 л. 52
15. РГАЛИ Ф. 3189 оп.1 д.2822 л.10. Отчет военнообязанных и состава забронированных работников искусств ССХ Средне Азиатских республик 1942 г.
16. РГАЛИ Ф.3189 оп.1 д.2653 л.65 Стенограмма творческой конференции (постановление, план, отчеты, каталог) 1943 г.
17. Чегодаева М.А. Соцреализм: мифы и реальность. М.:2003, с.137
18. Мир-Хайдаров Р. Сын двух народов.- www.eurosigma.ru
19. Такташ Р.Х. Изобразительное искусство Узбекистана. Т.: 1972. – с.153.
20. Чегодаева М.А. Соцреализм: мифы и реальность. М.:2003, с.131.

Сырлыбаева Г. Н.

**КРУПНЕЙШИЕ ВЫСТАВОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ СОЮЗА
ХУДОЖНИКОВ КАЗАХСКОЙ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. 1942-1943 гг. ПЕРВАЯ
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА
«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА».
22 ИЮНЯ 1942 г. АЛМА-АТА**

В годы Великой Отечественной войны, с 1941 по 1945 гг., по скромным подсчетам Союз художников КазССР организовал и провел более 40 выставок, несмотря на отсутствие выставочных площадок, условий и необходимых материальных ресурсов для работы художников. Помещение Казахской государственной художественной галереи им. Т. Шевченко (далее КГХГ, - прим. авт.) было изъято под нужды военного времени. Камерные выставки проходили в Салоне Союза художников, кинотеатрах, более масштабные – в залах Центрального музея Казахстана, Объединенного театра оперы и балета и даже в школах. Выставки по своему характеру были самые разнообразные – персональные, в т.ч. юбилейные и отчетные, тематические, групповые, объединяющие двух-трех и более художников, передвижные по учреждениям Алма-Аты и городам республики. В них участвовали как местные художники, так и эвакуированные. Для многих из них именно в годы войны состоялись первые персональные выставки, которые в мирное время, зачастую по идеологическим причинам, не могли иметь место. Активный выставочный процесс объединял художников, спланировал, стимулировал

на творческую работу. Часто после завершения работы выставок проходили обсуждения экспонируемых произведений и в целом творчества художников, на которых мастера достаточно честно и откровенно высказывались. Это создавало в коллективе Союза художников творческую среду, атмосферу свободного обмена мнениями, свободного высказывания своих взглядов на искусство. Тем более что Алма-Ата в те годы объединила художников различных творческих индивидуальностей. Безусловно, организация выставок требовала больших усилий, особенно, когда проводились масштабные мероприятия и по своей тематике, и по охвату участников. О них-то и пойдет речь.

Первая Республиканская художественная выставка «Великая Отечественная война» была открыта в Алма-Ате в день начала войны – 22 июня, но уже 1942 г. в помещении школы №28, одной из старейших школ города, образованной в 1932 г. В 1934-м появилось новое здание, современный адрес которого – Фурманова, 102. За особые успехи в деле образования в 1938 г. школе было присвоено звание «Образцовая школа №28 им. И.В. Сталина».

С 1943 г. переименована в мужскую гимназию №28 им.И.Сталина. В 1960-м ей присвоили имя Маншук Маметовой, которая была ученицей школы.

Это была первая попытка провести тематическую выставку, которая смогла бы предоставить каждому художнику возможность индивидуального высказывания с одной стороны, с другой – объединить всех художников одной темой, стимулировать их творческую деятельность, вдохновить, показать, что и в таких условиях есть место для искусства. Ведь многие художники были подавлены, находились в растерянности. В ней участвовали 64 художника, экспонировались 143 произведения по разделам, охватывающим все виды изобразительного искусства: живопись, скульптура, графика и плакат.

О серьезности подхода к организации выставки свидетельствует и тот факт, что была напечатана афиша на двух языках и в двух размерах. Самое примечательное – был издан неиллюстрированный каталог тиражом 500 экземпляров [1]. Даже в довоенный период редкая выставка удостоивалась каталога.

Вступительную статью написал Павел Иванович Новицкий (1888-1971) – советский искусствовед, театральный критик, театровед, литературовед, педагог, государственный деятель, автор трудов по проблемам литературы, драматургии, театра и архитектуры. Формат

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

каталога не позволил автору всесторонне проанализировать и охарактеризовать содержание выставки. Новицкий сделал это позже, на обсуждении.

В состав жюри вошли крупнейшие деятели культуры: писатель Мухтар Ауэзов, живописцы Абылхан Кастеев, Абрам Черкасский, график Иосиф Дайц, скульптор Лев Муравин, искусствовед Надежда Добычина, Заслуженный деятель искусств КазССР, председатель Правления ССХ Каз ССР Михаил Левин.

Статистический анализ, проведенный на основе данных, указанных в каталоге, показывает, что среди участников выставки художников, эвакуированных из Москвы, было больше всего – 24 чел., Ленинград представляли пять художников, 16 мастеров приехали из Харькова. Из местных – 15 авторов. Общее же количество экспонентов – 64. Сколько же работ смогли увидеть зрители, посетившие выставку? Более 200: живопись – 50, графика – 77, агит-окна и плакаты – 66, скульптура – восемь, театрально-декорационное искусство – одна работа [2, 36].

Возможно, состав и тематическое наполнение так и остались бы неизвестными для потомков. Но не менее важным событием, чем сама выставка, было ее обсуждение – творческая конференция, которая проходила в течение четырех дней с 14 по 17 июля. Это, безусловно, свидетельствует об огромном стремлении художников к дискуссии, равнодушном отношении к событию. Именно сохранившаяся стенограмма становится источником информации, дает представление о характере выставки и, за неимением самих произведений, позволяет, опираясь на свое воображение и знание творчества отдельных художников, в какой-то степени представить эти произведения.

Все выступающие отмечали значение этого события для Алма-Аты, республики и страны в целом. А. Петрицкий, театральный художник из Украины: «...Выставка хорошая и вообще событие огромное в Алма-Ате. Настолько огромное, что никто не ожидал, что может ряд художников, как местных, коренных, и приезжих, которые были эвакуированы, бежали от несчастья, ... в таких условиях все-таки сделать и сделать хорошую выставку, что сделало бы честь большому городу, даже Москве» [3, 13]. Баумштейн: «...выставка хорошая, и для Алма-Ата явление совершенно необычайное» [3, 14]. П. Новицкий: «Это дело не областное, не местное, а общесоюзное» [3, 69].

Но говорили больше о недостатках, призывая не ссылаться на трудности военного времени. Во-первых, многие отмечали спешку в

исполнении произведений. Выставка была объявлена в январе, но многие приступили к исполнению своих замыслов только в мае, выбрав к тому же большие форматы для своих полотен. Эскизность, приблизительность были свойственны практически всем работам. Не был продуман тематический план, что привело к ситуации, когда некоторые актуальные темы времени либо отсутствовали вообще, либо были показаны недостаточно. Отмечали и слабую информированность населения о проходящей выставке. Несмотря на это, выставка все же состоялась, и она объединила художников общим творческим порывом.

Для нас, конечно, сегодня особенно важно определить вклад местных казахстанских художников, ведь их работы оценивали мастера всесоюзного уровня. Казахстан, а это были в основном художники Алма-Аты, представляли А. Бортников, А. Евдаков, Е. Карасулова, О. Кужеленко, Л. Леонтьев, М. Лизогуб, самодеятельный, но очень талантливый пейзажист Н. Соловьев, А. Риттих, Г. Симкин, М. Белов, Г. Брылов, А. Заковряшин, А. Исмаилов. А. Евдаков и А. Заковряшин были призваны в армию и погибли на фронте.

Открыла обсуждение Надежда Добычина (урожденная Фишман), уникальная личность, владевшая до 1919 г. собственным художественным бюро, в котором экспонировались художники самых различных направлений. В ходе обсуждения очень тепло практически все выступающие отзывались о творчестве Абылхана Кастеева, которое вызвало у эвакуированных неподдельный интерес, особенно его картина «Тургайский поход» (Государственный музей искусств РК им. А. Кастеева – далее ГМИ РК). Отмечали умение на небольшом пространстве холста воплощать эпические темы, использовать сложные композиционные решения, в частности, панорамную форму, которая способствует показу масштабности изображенного сюжета, навыки сочетания традиций европейской живописи и восточной миниатюры, вклад художника в разработку образа Амангельды Иманова [3,8]. П. Новицкий подчеркнул, что Кастеев – чрезвычайно своеобразный художник. Он может разрешать большие эпические темы, хорошо передает просторы казахского края и чувство ритма [3,63].

Кузьмин о картине Кастеева «Тургайский поход»: «Картина сделана очень хорошо и запоминается как одна из лучших картин выставки, не только по мастерству, но и в разработке самого сюжета» [3,77].

Особым вниманием были удостоены работы Абрама Черкасского, профессора живописи, прибывшего в 1941 г. из Украины в эвакуацию, в

последствие оставшегося в Казахстане. Он представил на выставку картину «Комсомольцы-джигиты – будущие гвардейцы» (ГМИ РК.Холст, масло. 171x209). Несмотря на импрессионистические тенденции живописи художника, которые предполагают некую кажущуюся незавершенность, очевидны недоработки композиционного решения: первый всадник с трудом вписывается в формат холста по вертикали. При динамичном решении фигуры юноши, лицо остается застывшим. Но преобладание эмоционального начала раскрывает желание художника передать свои чувства и переживания. И это не осталось незамеченным. Н. Добычина: «Вот настоящий живописец, унаследовавший хорошие традиции нашей живописной школы. Нравится лицо этого молодого казаха, веришь ему – он не предаст. Вещь очень нервная, бьющая в глаза. Темперамент несколько излишне выходит на первый план» [3,11]. П. Новицкий: «...талантливая вещь, но это не освобождает ее от критики. Что удалось автору? Прежде всего, пейзаж, это казахский пейзаж, это горы Казахстана...Центральная фигура... комсомольца, казаха, юноши, который привстал на стременах, ... выражает собой порыв и мужество. Его оранжевая рубаха развивается как знамя. Движение человека передано удачно, но движение лошади – не удачно. Передняя часть лошади отрицает заднюю часть. Третья белая лошадь вообще бесформенна» [3,61].Сам Черкасский говорил, что у него был выбран другой сюжет для картины, «но эти горы, с первого дня моего приезда меня очаровали, не давали мне покоя, и, очевидно, пейзаж был причиной для зарождения этой темы» [3, 24-25]. «Мне многие товарищи говорят, что лошадь безбожно не анатомически нарисована. Это совершенно правильно. Я не признаю рисунок как графический элемент живописи, по моему воспитанию и сложившемуся характеру художника. Я считаю, что в живописи нет рисунка в смысле графичности, есть только форма. За всю свою жизнь я пишу картину первый раз за такой короткий срок, как один месяц и десять дней, т.к. на это время мне была предоставлена мастерская» [3, 24]. Признавая недостатки многих полотен, представленных на выставке, художник предложил приходить и прямо на выставке до прихода посетителей, дорабатывать картины. Сегодня мы не можем не отметить возможное влияние этой картины на молодое поколение казахстанских художников, пришедших в искусство в 1950-1960-е гг. Не от этой ли красной рубахи молодого казаха Черкасского появились красные рубахи на картинах Канафии Тельжанова «Кок-пар», «Свобода» и Молдахмета Кенбаева «Ловля лошади»?

Заслуженно высокой оценки удостоилась и картина молодой художницы Марии Лизогуб, которая только накануне войны, в 1940 г., окончила Киевский художественный институт. Она уже приезжала в Казахстан в 1939 г. для сбора материалов для своей дипломной работы, посвященной Джамбулу. Ее композиция «Подарки гвардейцам» никого не оставила равнодушным. И действительно, без ложного пафоса, вслед за Черкаским, художница поднимает тему фронта и тыла. Она изображает, скорее всего, представителей разных поколений одной семьи, проводивших сына и мужа на фронт. Их фигуры образуют сплоченный круг, который призван символизировать единение, сплоченность, готовность народа, а эта семья как раз и представляет в широком смысле слова народ огромной страны, помочь фронту. Какова же была реакция на эту картину в 1942 г.? Н. Добычина: «Восторженно полюбила Лизогуб казахский народ. Как истинная дочь этого народа, говорит она о его любимых чертах. Характеризуя его эмоциональной гаммой, взятой с любой кошмы национального орнамента, художник вкладывает столько тепла, женственной нежности в эту характеристику, что невольно начинаешь следовать ее чувству. Вот настоящий художник, которому никакие «объективные причины», а их у нее было не меньше, чем у многих, не мешали довести свое произведение до настоящей художественной правды» [3, 10]. Л. Муравин: «Никто на этой выставке не поднялся так, как поднялась Лизогуб. Это не только высокое мастерство, это очень большое чувство и понимание народного образа. Это очень интересная вещь» [3, 84]. И, конечно, мы не можем не привести краткий, но очень профессиональный комментарий замечательного мастера живописи М.Аксельрода: «Хороша работа художницы Лизогуб. В этой картине есть и хорошие качества от старых голландцев, и что-то от современного понимая цвета» [3, 124].

Но основную дискуссию вызвали работы, связанные с реализацией темы подвига 28-ми гвардейцев-панфиловцев. Эта тема была особенно актуальна для Казахстана. И дивизия формировалась в Алма-Ате, и основной состав бойцов – казахи: «Не случайно, а исторически закономерно, что среди произведений живописных, графических и скульптурных на героическую тему, центральное место занимает тема 28 гвардейцев Панфиловской дивизии, защищающих свободу и независимость...Но эта тема центральная и для всего советского искусства, потому что это героических подвиг» [3, 55].

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Разговор сконцентрировался вокруг трех произведений, имеющих практически одно название «28», каждое из которых раскрывало различные аспекты темы, чем и вызвало такую бурную дискуссию. Это работы Б. Белопольского (др. название – «На подступах к Москве». Холст, масло. 266х191), А.А. Риттиха с таким же названием (бытует еще название «Последняя граната». Центральный государственный музей РК. Холст, масло. 200х278) и эскиз скульптурной композиции харьковских ваятелей М. Лысенко и Л. Муравина (60х25х160). Причем картину Риттиха даже не выставили в зале, и она появилась по требованию Баумштейна именно в ходе обсуждения. Поскольку не удалось на сегодня установить, где находятся эти работы, вновь обратимся к стенограмме обсуждения выставки. Уже Н. Добычина в своем выступлении дает описание сюжета и композиции картины Белопольского: «....К глубокому сожалению вещь далеко не закончена, ни цвет, ни фактура не соответствуют внутренней сущности, и ясно, что пока эти два фактора не будут доведены, картина не полноценна. Розоватость колорита размягчает суровость момента, незаконченность фактуры облегчает статуарность фигур» [3, 6].

В полемику вступает П. Новицкий: ««28» Белопольского производит сильное впечатление, в ней есть глубина... с непреклонностью на молодых лицах стоит стена богатырей... которые с необычайной решимостью и стойкостью хотят защищать своими телами Москву. Сила ненависти и сила решимости здесь показаны в фигурах, в группировке... Условность изображения, эпический живописный образ диктуются самой тематикой. Но ведь условность не безгранична, она должна иметь свои пределы. То, что эти бойцы стоят – противоестественно, так они должны сражаться, а не стоять – это допустимо с точки зрения условности искусства, но то, что они стоят, несмотря на всю решимость их лиц и фигур, стоят в бездействии перед врагом, что они слишком позируют перед зрителем, и перед художником, то, что они держат автоматы, как люди, которые держат книгу, или цветок, когда снимаются перед фотоаппаратом, – что не может удовлетворить современного зрителя. Это бездействие, хотя и грозное, хотя и стойкое – нас не удовлетворяет. Чувствуется, что какой-то из них Клочков, какой-то Назаров, об этом можно приблизительно догадываться, но все-таки все они на одно лицо. 28 героев – это 28 характеров, 28 человеческих жизней. Правда, они братья по борьбе, по гибели...» [3, 56].

Достаточно иронично отозвался Кузьмин о скульптурной композиции: «...Я увидел какую-то огромную скалу, или по крайней мере

обломок корабля и взывающих в отчаянии на помощь людей. Действительно, человек на вершине скалы взывает о помощи – снимите меня. Вся группа людей выражает своим видом отчаяние» [3, 72]. Добычина же назвала работу украинских скульпторов большим и тонким искусством, но упрекнула в превалировании изящества в толковании [3, 10]. Многие отмечали динамичность не только композиции, но и каждой фигуры, «каждого мускула человека» [3, 76].

Благодаря Баумштейну, дискуссия оживилась. Именно он первым обратил внимание на работу Александра Риттиха: «Я остановлюсь на одной вещи, она не выставлена, на картине Риттиха. Это ошибка, что не выставлена сегодня, что спорного в этой вещи? Риттих показывает бой в процессе его окончания, Он кончился поражением... Поражение является победой этих 28-ми гвардейцев. Риттих хотел именно этот момент подчеркнуть» [3, 18-19].

Художник из Харькова И. Дайц дает описание картины А. Риттиха в своем выступлении: «Я очень внимательно смотрел ее, и мне сначала не было понятно, чем она меня не привлекла. Картина импозантная и по размеру и по горящим огням, и синему тону, и голубому снегу с отсветами огней: на этом фоне эти фигуры разметающиеся, этот умирающий, хватающийся за грудь; он тянется за гранатой, хочет в последний раз перед смертью метнуть гранату во врага. Это человек, поднявший связку гранат, которую он собирается бросить, эта фигура в глубине – почему они оставляют меня холодным? Почему это меня не волнует? Потому что рационалистично сделано. ...с бесстрастностью летописца рассказано, что люди дрались до последнего, но художник не Нестор, не летописец, художник живой человек, который не только мозгами обсуждает, но сердцем чувствует ...тут рассуждение раньше, чем чувства, и чувства очень мало» [3, 22].

Работая над творчеством этого не простого художника, удалось установить, что несколько его произведений находятся в настоящее время в Центральном Государственном музее РК. И среди них полотно «Последняя граната», которая в какой-то степени соответствует описанию, данному художником Дайцем. К сожалению, Риттих свои картины не подписывал и не указывал их названий, даже на обороте холста. На подрамнике этой картины карандашом написано «копия». И действительно размеры, указанные в каталоге – 200х278, а в ЦГМ РК – 130х190. Либо где-то произошла ошибка, либо это действительно копия.

Но известно, что ни одну картину Риттиха никогда никто не копировал. Вопрос остается открытым.

В продолжении Дайц сказал: «Я считаю, что картина может быть сдержанная по колориту, может быть чрезвычайно логична, образ в ней может быть решен даже статично, как он решен у Белопольского, но в ней должно быть чувство, в котором говорит душа художника, которое должно действовать на зрителя, на одного сразу, на другого постепенно, и снова и снова заставляет зрителя смотреть картину до тех пор, пока чувства художника не войдут в плоть и кровь зрителя и не заставят его чувствовать, мыслить и видеть, так, как этого хочет, как видит, чувствует и мыслит творец картины. ...У Белопольского – это еще не те 28, над этой вещью надо поработать, но эта вещь меня убеждает... Я верю битве титанов Муравина и Лысенко, доходящей до легенды, до мифологической битвы. Я не верю картине Риттиха» [3, 22-23].

Тему разговора продолжил Леонид Леонтьев, который в какой-то степени встал на защиту Риттиха: «Эта тема (28-ми, – прим.авт.) может быть отображена путем аллегории, путем крупных обобщений. Но может быть также путем восстановления сюжета во всей своей конкретности, так чтобы зафиксировать его взволнованно, восстановить конкретный эпизод и не только обобщенную идею...а в некотором бытовом плане» [3,34].

Еще одну точку зрения высказал украинский график С.Беседин. Он поднял вопрос о том, а поймет ли молодое поколение замысел Белопольского: «Неужели все так стояли и молчали, за что рисовали этих 28 человек? И посмотрит картину Риттиха – идет бой, напряженный, большой бой. Здесь он почерпнет что-то. Пусть это плохо сделано... Картина Риттиха – это лубок большого размера. Много технического несовершенства рисунка, свет, композиция, но это путь к решению «28-ми». Она, безусловно, будет привлекать внимание, потому что там есть начало рассказа о 28-ми, там есть содержание. А здесь (у Белопольского, - прим.авт.) – только отдельные фигуры» [3, 107-109].

Упомянутые работы – это, пожалуй, первые попытки воплотить тему 28-ми. И поэтому многие выступающие говорили именно об этом – как подавать этот современный, но уже ставший исторически важным сюжет. Баумштейн: «Мы имеем здесь спокойную уверенность в картине Белопольского, драматизм борьбы у Муравина и Лысенко. И трагидийность в картине Риттиха – там все почти убиты, там несколько человек продолжают борьбу....нужно отталкиваться от этих трех вещей и искать, как дальше претворять тему 28-ми...» [3,18-19].

Но победил в этом споре все-таки Риттих. Уже в 1942 г. его картина, получившая название «Героический подвиг 28 панфиловцев, преградивших путь 50 вражеским танкам на подступах к Москве» была репродуцирована в цвете и вышла тиражом в десять тыс. экземпляров. Также в архивных материалах упоминается и плакат, выполненный Риттихом, с текстом Н. Тихонова: «Нет, героев не сбить на колени, во весь рост они стали окрест, чтобы остался в сердцах поколений Дубосекова темный разъезд». Возможно, речь идет об одном и том же произведении, но под разными названиями [4].

Выставка закрылась 28 августа, проработав фактически полтора месяца. Достойные слова произнес украинский скульптор И. Рык: «Мы съехались сюда из разных городов, из разных республик и для Алма-Аты эта выставка – только пробных камень... Мы познакомились друг с другом не по аттестациям, не по журнальным и газетным вырезкам, которые каждый из нас имеет, а познакомились по своим творческим данным, выявленным в работе... Мы только начинаем спаиваться в настоящий творческий коллектив. Следующие выставки должны, безусловно, дать больший эффект, больший уже потому, что мы, благодаря обмену мнениями и опытом работы, находим... профессиональный, общий язык, осваиваясь с местом, с возможностями места, учимся уже на деле разрешать сложности, связанные с отсутствием материалов, оборудования, помещения и т.д.» [3, 93].

Отношение к этой выставке было особенным, возможно, и требования были повышенными еще и потому, что лучшие работы планировалось отправить в Москву на Всесоюзную выставку, посвященную 25-летию Октябрьской революции, которая также имела название «Великая Отечественная война». Она открылась 7 ноября в залах Государственной Третьяковской галереи и проработала до декабря 1943 г.

Действительно, лучшие работы, а их оказалось 42 (скульптуры – шесть, графики – 21, живописи – 15), были отправлены в октябре 1942 г. в Москву, в частности, картины Б. Белопольского, Л. Муравина, М. Лысенко и М. Лизогуб [5].

В качестве послесловия – несколько слов о дальнейшей судьбе произведений этой выставки.

В 1950 г. директором КГХГ становится Любовь Георгиевна Плехотная. И начала она свою деятельность с очень важной работы – сверки фондов. В результате выяснилось, что целый ряд произведений в годы войны выдали различным организациям, в частности воинским

частям. Мало что удалось найти, но сохранились документы, проливающие свет на дальнейшую историю бытования произведений.

Удалось установить, что картины Б. Белопольского и М. Лизогуб были приобретены товариществом художников КазИзо непосредственно с выставки и переданы в галерею. А затем уже отправлены на выставку в Москву. Но в каталоге московской выставки, который был издан в 1943 г., их фамилии не упоминаются. Какова же судьба этих произведений, вызвавших столь острую полемику на обсуждении?

Картина Лизогуб, как неостребованная руководством галереи тех лет, попала в Новосибирский филиал дирекции выставок и при его ликвидации была принята на баланс Дирекции выставок и панорам в Москве.

Лишь 22 августа 1950 г. стало известно, что картина Лизогуб как собственность Дирекции выставок и панорам (после выставки ей был присвоен новый инвентарный номер, уже московский) была передана на баланс картинной галереи БССР 23 декабря 1946 г. Битва за картину продолжилась и в 1951 г. Но она так и осталась в Минске.

Сложнее и запутаннее обстояло дело с композицией Б. Белопольского. В 1944 г. художник нашел картину в Москве на складе Управления выставок в жалком виде – без подрамника с повреждениями. Оказалось, что Арон Акимович Житомирский, будучи директором галереи в 1944 г., дал указание московской дирекции выставок и панорам выдать автору Белопольскому картину, принадлежащую галерее. По словам художника, он дорабатывал ее и предложил галерее выкупить ее заново по новой цене, учитывая сделанные им переделки. Галерея на это не пошла, да и не было денег, и судьба картины на сегодняшний день неизвестна.

За пределами доклада остались многие достойные внимания произведения. Но работы, на которых был сделан акцент, раскрывают всю проблематику искусства военной поры: об ответственности художников, передающих в своих картинах эмоциональное состояние общества; что первично – содержание или формальные средства воплощения этого содержания; какими средствами передать документальные исторические факты, мысли и чувства людей, живущих на грани жизни и смерти; определить, что самое важное для людей в таких исторически критических ситуациях; как вызвать в их сердцах отклик, ответную душевную реакцию и как не перешагнуть тонкую грань между истинным искусством и дешевыми эффектами помпезных, но бездушных, монументальных полотен.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

1. Республиканская художественная выставка «Великая Отечественная война». Каталог. Вст. ст. П. Новицкого. Алма-Ата, Управление по делам искусств при СНК КазССР Союза советских художников Казахстана, производственно-творческое объединение Казахстана «КазИЗО», 1942. 16с.
2. ЦГА РК. Ф.1736. Оп. 1. Д. 188. Л. 36.
3. ЦГА РК. Ф. 1736. Оп.1. д. 117.
4. Архив Н.С. Мухина. Центр изобразительного искусства ГМИ РК им. А. Кастеева.
5. Приказ №262 Управления по делам искусств от 21 октября 1942 года. Художникам Чайкову И.М., Муравину Л.Д., Лысенко М.Г. и Махтину Ф.О. выдать командировочные удостоверения для поездки в г. Москву на Всесоюзную художественную выставку «Великая Отечественная война» без оплаты командировочных расходов. Срок командировки с 23 октября по 1 декабря 1942 г. Основание: телеграфный вызов Комитета по делам искусств от 13.10. и 20.10.42. ЦГА РК. Ф.1242. Оп.2. Д.182. Л. 294.

Сырлыбаева Г.Н.

**КРУПНЕЙШИЕ ВЫСТАВОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ СОЮЗА
ХУДОЖНИКОВ КАЗАХСКОЙ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. 1942-1943 гг. ВТОРАЯ
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА
«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА».
22 ИЮНЯ 1943 г. АЛМА-АТА**

Ко второй годовщине со дня начала Великой Отечественной войны была организована вторая Республиканская выставка, посвященная этому историческому событию. Также, как и первая, она открылась 22 июня 1943 г. в школе №28. Но по своему характеру это была уже совсем другая выставка. Она показала заметный рост творческой активности художников, расширение репертуара участников.

Каталог был подготовлен, но не издан. Тем не менее, благодаря подвижнической, я бы сказала, миссии Н.С. Мухина, бывшего многие годы секретарем Союза художников Казахстана и всю жизнь собиравшего материалы по деятельности этой организации, сохранились машинописные варианты каталога, которые и дают возможность составить представление о ней.

Вступительная статья была написана известным ленинградским графиком Дмитрием Митрохиным, который на этот раз выступил в роли искусствоведа: «Годы Великой Отечественной войны отмечены небывалым расцветом изобразительного искусства в Казахстане. Приезд в Алма-Ату большой группы художников Москвы, Ленинграда и Украины, пребывание здесь столичных театров и Центральной объединенной киностудии во главе с крупнейшими мастерами советского кино – все это дало толчок дальнейшему подъему художественного творчества во всех областях изобразительного искусства... Самое важное в тех творческих достижениях, в том творческом росте, которыми отмечены работы художников Казахстана, это то, что в трудных и сложных условиях нашего времени они сумели создать ряд монументальных, высокохудожественных произведений, усовершенствовать свое мастерство и обеспечить тем самым дальнейший подъем всего советского искусства в целом»[1,1]. «...Выставка явилась подлинным смотрам творческих сил художников, работающих в Казахстане и крупным событием в культурной жизни республики»[1, 2].

И, конечно, чтобы почувствовать реальное отличие двух выставок, проведем аналогичные подсчеты. На этот раз в выставке участвовал 71 художник, среди которых появились и новые имена. Количество экспонатов – 793! Митрохин в своей статье указывает цифру – 1000 экспонатов, конечно, округляя для большей убедительности данные.

По количественному составу и активности лидировали украинские художники. Их было 20 чел. Увеличилась до 14 участников группа ленинградских художников, прибывавших из блокадного города в 1943 г. Среди них такие известные художники как В. Стерлигов, Т. Глебова, В. Воинов, Д. Митрохин, В. Ушаков, Р. Великанова, П. Зальцман. Двое последних после войны остались в Казахстане и внесли большой вклад в изобразительное искусство республики.

Вторая выставка была задумана более разнообразно по своему тематическому наполнению. Сформировались несколько разделов: «Великая Отечественная война», «Героическое прошлое нашего народа», «Индустрия», «Сельское хозяйство», «Наша Родина», «Театр и кино», «Плакаты, агит-окна и газетные иллюстрации», «Иллюстрации книг для детей».

Ленинградский художник Иосиф Гурвич выразил общее мнение о значении этого события: «Наша выставка – прообраз состояния нашего искусства. ...Не зная на то, что это не Москва, и не Ленинград, и по этой выставке можно делать вывод о состоянии искусства» [2, 60].

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

В рамках выставки удалось организовать ретроспективный показ творчества некоторых художников, что явилось важным моментом и для авторов, и для зрителей. Им представилась возможность показать работы, созданные не только в годы войны, но и в предшествующий период. Некоторым художникам удалось вывезти с собой в эвакуацию небольшое количество своих произведений, и тем самым хоть что-то сохранить, особенно это касалось ленинградских художников, и именно их они продемонстрировали на выставке. М. Липкин, живописец и архитектор, предоставил на выставку небольшие по размерам картины из серии «Ленинград в дни войны», рассказывающие о трагических буднях блокадного города: заснеженные улицы с подбитым трамваем, неотложная операция в холодном и полутемном помещении, семья, собравшаяся вокруг печки-буржуйки... Несколько из них были приобретены Казахской государственной художественной галереей. Серия листов И. Гурвича «Ленинградский фронт» «запоминаются своей суровой правдивостью, полным отсутствием какой-либо прикрашенности. Художник смотрит в лицо войне во всех ее проявлениях, пишет то, что видел на фронте, где дрался с оружием в руках. Драматизм, напряженность и монументальность эпизодов ... оставляют на зрителях сильное впечатление...» [1, 5-6]. Подобные работы давали возможность жителям глубокого тыла, каким была Алма-Ата в те годы, увидеть реалии войны, запечатленные очевидцами.

Особенностью этой выставки можно считать и жанровое разнообразие экспозиции. Особое отношение к портрету объясняется повышенным вниманием к психологическому состоянию человека в экстремальных условиях войны. Среди героев, к чьим образам обращались художники: защитники Родины, работники тыла, деятели культуры и искусства. Особым вниманием были отмечены полководцы, как прошлого, так и времени Великой Отечественной. И. Дайц выполнил графические портреты Петра I и Н. Щорса, Л. Худяк – Александра Невского и адмирала С. Макарова (находятся в ГМИ РК).

Казалось бы, на такой выставке не место пейзажу, но он был представлен очень разнообразно. Эвакуированные художники, никогда не бывавшие до этого в Казахстане, были поражены местной природой и, естественно, у них возникло желание зафиксировать свои впечатления. Многие из них прошли курс лечения в санатории Яны-Кургана, увидели степь, ближе познакомились с образом жизни местного населения. Хотя жанр пейзажа вызвал полемику на обсуждении выставки. Многие

считали, что не время любоваться красотами природы. В частности, Баумштейн высказал свою точку зрения: «На войне стреляют, а раз стреляют, то и убивают. Поэтому на выставке надо больше крови, чтобы зритель пришел и увидел, что идет война. На выставке должны быть боевые темы.... Вы не можете отделяться в настоящее время лирическими пейзажами....» [2, 13]. Но многие и защищали его присутствие на выставке. Всеволод Аверин, харьковский художник: «Нам нужно показать бойцу красоту родины, боец, который будет видеть красоту родины, мирную жизнь страны, пейзажи..., больше будет чувствовать, что он должен защищать» [2, 14]. Трогательно высказался ленинградский скульптор Владимир Богатырев о работах своего коллеги: «Меня трогает и убеждает...Великанова своими пейзажами как стихами» [2, 48].

Также жанр пейзажа был особо отмечен и Митрохиным в своей статье: «Большой и заслуженный успех выпал на долю московского художника М. Аксельрода, выставившего ряд прекрасных пейзажей Яны-Кургана и др. крайне интересных работ. Его пейзажи отличаются своим правдивым певучим колоритом. Столь же хороши и казахстанские пейзажи и зарисовки художников Шавыкина, Месропяна, Каптерева, Кручинина и Мироновой» [1, 5].

В ходе подготовки к выставке группа художников была командирована в различные районы Казахстана для сбора материалов о трудовых буднях работников тыла. В каталоге выставки представлены работы Б. Месропяна, московского художника, который в 1943 г. создал цикл акварелей и гуашей, посвященных Чимкентскому свинцово-плавильному заводу. Харьковский график Лев Худяк побывал в Гурьеве. Среди его работ, представленных в коллекции ГМИ РК, графические листы «Промысел» с изображением верблюдов с всадниками на первом плане и виднеющимися вдалеке нефтяными вышками. Второй лист посвящен работе рыбаков.

Своеобразные графические работы выполнил для выставки С. Беседин: «В рисунках Беседина есть основная задача – добиться живого мира, живой жизни... чтобы добиться этой живой жизни, нужно делать миллион рисунков и ввиду того, что он делает их сотнями, они и выдвинули его» [2, 63]. Графика С. Беседина действительно привлекает динамичностью штриха, усложненными, порой многофигурными композициями, активным использованием игры света и тени, разнообразием сюжетов, среди которых сцена в штабе, изображения солдат в окопах, отражающих атаку немецких танков, минуты отдыха в

пути на фронт с гармошкой. В ГМИ РК находятся восемь карандашных рисунков художника.

Более активно проявили себя и казахстанские художники. «Наибольшее внимание из этой группы привлекают работы заслуженного деятеля искусств Абылхана Кастеева. Бывший пастух, самоучка, с большим незаурядным талантом – Кастеев принес в живопись характерные черты своего народа – любовь к природе, тонкое ощущение красок и острую наблюдательность, позволяющую отметить едва уловимые детали и нюансы. Кастеев хорошо знает казахский быт и умеет видеть жизненную правду. Его полотна, посвященные походам Амангельды Иманову, и, в особенности, портрет оставляют сильное впечатление своей красочностью, экспрессией и динамичностью. Но особенно хороши мелкие работы Кастеева – его этюды маслом и акварелью. Здесь он наиболее гармоничен, и здесь отчетливее всего сказываются его характерные черты – любовь к притушенным гаммам в колорите, к разнообразным оттенкам серых и серо-зеленых тонов» [1, 2-3]. В творчестве первого театрального художника-казаха Ходжикова Кулахмета привлекли внимание его акварели – эскизы костюмов к пьесе «Абай» и «в особенности – его наброски, живо передающие движение лошадей и др. животных» [1, 3]. «Несмотря на известный недостаток живописной культуры в целом, отсутствием необходимой гармонии в красках – большой и заслуженный интерес вызывают работы молодого художника Исмаилова, в частности, серия его акварелей – иллюстраций к казахским сказкам и героическому эпосу, дающих богатейшие возможности для творческой ориентации художников» [1, 3]. Надо сказать, что Исмаилов первым из казахстанских художников обратился к сюжетам из национального эпоса. Уже в 1930-е гг., когда эти темы еще полностью отсутствовали в искусстве республики. Она (эта тема) будет востребована значительно позднее, уже в 1960-е гг. Поэтому акварели Исмаилова имеют исключительное значение в области разработки изобразительными средствами национального литературного наследия. 19 живописных и графических работ подготовил к выставке А. Кастеев, 27 акварелей – Ходжиков и 18 произведений – Исмаилов.

Также в архивных документах сохранились стенограммы обсуждения выставки, которое длилось четыре дня – с 19 по 22 августа 1943 г.

Многие строили свои выступления на сравнении двух выставок. Леонтьев отметил: «...выставка этого года сравнительно с предыдущей интереснее, красочнее и искреннее» [2]. Активное участие в обсуждении

принял Бела Балаш (1884-1949) – венгерский писатель, теоретик кино, доктор философских наук. В 1931-1945 гг. жил в СССР. Давая общую оценку выставке и подчеркивая ее значимость, он сказал: «Если сравнивать две выставки – это огромный рост, это невероятный рост, это огромная сила» [2, 19].

Художники не были ограничены лимитом на экспонируемые работы и получили возможность представлять свое творчество более разнообразно и многогранно. Безусловным лидером по количеству работ становится Александр Риттих, – 68 произведений (из них 42 карандашные зарисовки животноводов для картины «Победители»)! Ему было в 1943 г. 54 года! Видимо, сыграло роль желание реабилитировать себя после критических замечаний, высказанных в ходе обсуждения 1-ой выставки. Но это вызвало обратную реакцию практически у всех экспонентов. Многие отмечали, что такое огромное количество работ сыграло против самого художника, еще более явно обозначились негативные стороны его произведений. Практически весь разговор, достаточно нелицеприятный для художника, на творческой конференции свелся к критике и анализу его работ.

Кто же такой Риттих? Почему именно о нем так много говорили и говорят? В чем его тайна? Он приехал в Казахстан из Москвы в 1933 г. в связи со строительством табачной фабрики, как традиционно считалось, в качестве архитектора. Но документов, подтверждающих этот факт, не оказалось. По приказу его приняли как экономиста-плановика с большими полномочиями. В частности, в отсутствие начальника стройки, он имел право подписывать любые финансовые документы. По окончании контракта в 1935 г. остался с семьей в Алма-Ате. И, по сути, это спасло ему жизнь. В репрессивные годы «неправильная фамилия», учеба в Академии художеств и политехнической школе Мюнхена во время Первой мировой войны могли сыграть свою роковую роль. В 1930-е гг. в Алма-Ате – это был самый профессионально образованный художник, участвовавший во всех выставках этого периода. Недостаток творческих кадров и низкий профессиональный уровень художников позволили Риттиху занять ведущее место в творческом процессе того времени. Авторитет его был достаточно высок. В 1938 г. правительство КазССР направляет его в Москву и поручает исполнение оформительских работ в национальном павильоне Казахстана Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, не привлекая других казахстанских мастеров. Это вызвало недовольство членов СХ Казахстана. Его заочно исключили из состава союза. Но с началом войны Риттих вернулся в Алма-Ату. Известно, что в

1945 г. художник покинул Алма-Ату и в феврале этого же года скоропостижно скончался.

И на этой выставке его критиковали за надуманность, рассудочность, все то, что сегодня называют конъюнктурой, но отмечали его работоспособность и «напористость». Митрохин, в отличие от коллег, достаточно деликатно высказался: «Рядом крупных полотен, посвященных Великой Отечественной войне и героизму советских людей было представлено на выставке творчество хорошо известного художника А. Риттиха. Обилие выставленных им работ и остро злободневная тематика лучше всего говорят о подлинной неутомимости этого мастера, так много сделавшего для Казахстана. Интересно, что именно его картины вызвали наибольшую полемику на выставке, Причиной этого, в известной мере, является некоторая суховатость его картин, с налетом трафаретности и холода в колорите, местами чрезмерной тщательности в разработке деталей, мешающей непосредственности восприятия» [1, 5].

Баумштейн: «Но если будем честно говорить о выставке и говорить о работе художников, то картины Риттиха, которые он, безусловно, не дорабатывает, которые он пишет наспех, но они встречают широкий отклик у посетителей. Я специально ходил по выставке с такими людьми, которые не являются художниками, то Риттих пользуется среди них успехом. Может быть, на картине фронтовик не так держит оружие как полагается... есть в картинах война и это хорошая тема» [2, 13]. И в этом высказывании он обозначил проблему: художники критикуют, зрителям нравится.

Неизвестно местонахождение выставленных работ, хотя сохранились фотографии некоторых из них. Они были случайно найдены в библиотеке ГМИ РК им. А. Кастеева. Естественно, возникает вопрос – неужели все эти работы были выполнены непосредственно к выставке?

Как известно, с 1938 г. художник работал над оформлением павильона Казахской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (далее ВСХВ – Г.С.) в Москве. Четыре работы, представленные на выставке, «Широка страна моя родная», «Сбор семян», «Молодежь на свекле», «Белое золото», думается, что это все-таки эскизы для декоративных панно павильона. По своей тематике они очень близки назначению павильона. Овальный и полуовальный форматы работ характерны скорее для декоративной живописи. Кроме того, мне удалось побывать в архиве Выставки достижений народного хозяйства в Москве, где я с трудом обнаружила фотографию одного из панно Риттиха, которое создано как раз на основе этюда «Широка страна моя родная». Разница

лишь в том, что в одном случае – это пастух с отарой овец, а в другом – тот же пастух, но с группой работающих людей. Кроме того, панно под названием «Уборка свеклы» упоминается в списке работ, выполненных для Москвы. Можно с уверенностью сказать, что перечисленные произведения в качестве эскизов монументальных панно были выполнены еще в 1938 г. для Москвы и перевезены художником в Алма-Ату во время эвакуации.

В 1954 г. на ВСХВ началась глобальная реконструкция всех павильонов союзных республик и Казахской ССР в частности. Оформляли интерьер здания уже другие художники. Скорее всего, панно, выполненные Риттихом, не сохранились. Как и не сохранились вышеназванные работы, экспонируемые на выставке 1943 г. И лишь случайно сохранившиеся фотографии в библиотеке ГМИ РК дают возможность составить представление о них.

Иногда Риттих использовал в своей работе композиционные схемы известных художников, особенно западноевропейских, которые могли быть неизвестны казахстанским художникам. Этот принцип особенно очевиден в картине «Одна из многих», которая вызывает ассоциации с полотном французского художника Э. Делакруа «Свобода на баррикадах».

В 1944 г. 72 работы 26-ти художников, принимавших участие на выставке, были отправлены в Москву, где уже шла подготовка выставки произведений художников союзных, автономных республик и областей РСФСР в Музее искусства народов Востока. И на этот раз все 26 имен упоминаются в каталоге. И А. Риттих в том числе.

Эта выставка показала еще раз атмосферу некой творческой свободы, всегда присутствующей в художественной среде Алма-Аты.

1. Каталог выставки, посвященный Великой Отечественной войне. Рукопись. Авт. вст. ст. Д. Митрохин. Управление по делам искусств при СНК Казахской ССР. Союз советских художников. Алма-Ата, июль 1943, 33 с. Картотека Н.С. Мухина. Центр изобразительного искусства Казахстана. ГМИ РК им. А. Кастеева.
2. ЦГА РК. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 144.

ИСТОРИЯ, РАСКАЗАННАЯ УСТАМИ СПАСЕННЫХ ДЕТЕЙ

Без знания прошлого нет будущего...

История – великая наука, сохраняющая для потомков важнейшие события, факты, биографии выдающихся людей.

История – это безграничное полотно, летопись цивилизации мира. Благодаря ей, мы знаем о рождении и гибели огромных империй, разрушительных войнах, о созидательной силе Человека.

Развитие культуры, науки, техники, победы человеческого разума отражает история. Но она же сохраняет в нашей памяти величайшие злодеяния, истребления народов, боль и страдания.

Устная история...

Это направление в исторической науке приобретает в последнее время все большее и большее значение. История, зафиксированная в летописях, научных трудах, учебниках была бы не полной без устных рассказов, очевидцев происходящего, без личностного отношения этих людей, которые пережили и почувствовали на себе горе и боль, надежду и радость.

К теме войны я обращался неоднократно. Эти фильмы были посвящены к юбилейным датам.

В 1995 г. я участвовал в работе с Маликом Каюмовым - патриархом узбекского и мирового кино, недавно ушедшим из жизни. Фильм «Мы помним» о роли Узбекистана в Великой Отечественной войне был посвящен 50-летию Великой Победы.

Малик Каюмович, фронтовой оператор, видевший войну собственными глазами, чуть не потерявший обе ноги после ранений, хотел рассказать честно, без прикрас, как это было.

Помню наши беседы, длившиеся часами, во время которых я узнавал то, что ни в каких книжках прочитать невозможно. Он рассказывал о встречах с интереснейшими людьми, о строительстве Большого Ферганского Канала, о вскрытии гробницы Тимуридов, которая совпала с началом войны, о боях, о том, как трудно приходилось фронтовым операторам, которые практически шли в рядах наступающих.

Работа с Мастером для меня была хорошей школой, не говоря уже о том, что я много узнал о войне.

Тема меня захватила так, что к 60-летию Победы я уже самостоятельно начал работать над новым фильмом и невольно

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

прикоснулся к теме эвакуированных в Узбекистан детей. Но уже тогда я задумывался, что тема эвакуированных детей, нашедших здесь приют и тепло, – тема отдельного фильма.

Уже тогда меня поразили некоторые цифры и факты, о которых я мало знал. По разным оценкам, на полях сражений погибли от 500 до 600 тыс. солдат и офицеров – узбекистанцев (больше, чем военные потери такой державы, как США).

Наша республика была еще и крепким тылом, одним из центров оборонной промышленности: здесь выпускались танки, самолеты, бомбы и снаряды, здесь выращивался хлопок, из которого не только шили военную одежду, но и производили порох, без которого воевать нельзя. На фронт отправлялось продовольствие, сухари, консервы, сухофрукты. Работали эвакуированные из западных областей страны заводы, на которых за станками стояли в большинстве женщины и дети.

Кроме того, Узбекистан принял более 1,5 млн эвакуированных людей с территорий, охваченных войной, и среди них почти 300 тыс. детей.

Мы поставили задачу рассказать о том времени устами самих детей, увидеть события далекого прошлого как бы их глазами. На первом этапе мы начали поиски этих людей. Мы познакомились с людьми с очень интересными судьбами. Многие из них попали в Узбекистан во время войны. Кто-то потерял родителей в пути, во время бомбежек поезда, другие были слишком малы, чтобы помнить, как их зовут. Каждый из них нашел здесь кров, приют, тепло и ласку.

«Узбеки ни разу не упрекнули нас ни в чем. Жили они бедно, но всегда делили с нами последнюю лепешку. Мы никогда не разделяли людей на нации. Русский или украинец, еврей или узбек... все мы были братья», – это слова одной из героинь фильма Елены Бобер, эвакуированной из Белоруссии.

Другой герой фильма, тогда еще мальчик из Одессы, Александр Любельский скажет: «Ташкент стал для нас городом спасения!».

Именно здесь, в глубоком тылу, обожженные детские сердца словно оттаяли.

Позже мы нашли людей, которые были эвакуированы из блокадного Ленинграда. Они испытали на себе голод, холод, болезни. Почти каждый вспоминал об изобилии фруктов, солнца и добрых людях в стране, куда они попали.

Они делятся и военными впечатлениями – иногда страшными. Блокадники Тамара Соколова и Мария Кузнецова из Ленинграда помнят,

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

как их бомбили, когда ехали по тающему льду «дороги жизни», как погибали едущие впереди. Эвакуированная Майя Шумская из Украины вспоминает, как дотла разбомбили поезд, в котором они ехали на восток, и железнодорожное полотно было усеяно трупами. Теперь я думаю, хорошо, что мы успели снять этих немолодых людей, зафиксировать их живые свидетельства.

Детская память на всю жизнь сохранила счастливое ощущение от запаха лепешки, от солнечного света, от тихого и ясного неба. «Я увидела голубое чистое небо, по которому не летали страшные немецкие самолеты!», - вспоминала Долорес Трахтенберг.

Девочка из блокадного Ленинграда Тамара Шугаева со слезами на глазах и с дрожью в голосе вспоминала как «от голода они съели все цветы, выращенные мамой в горшочках». Эти, словно яркие вспышки, воспоминания детей усиливали, углубляли историю.

Приезжали целыми заводами, фабриками, творческими коллективами. Но кроме этого, к нам люди добирались своим ходом, спасаясь от бомбежек и голода.

Эти рассказы поражают, заставляют взглянуть на вроде бы известные факты с другой стороны... Как вспоминал житель Ташкента, пятнадцатилетний паренек (во время эвакуации, - *прим.ред.*), Виталий Мелкомини: «Обычные люди, мои земляки, сами обремененные семьями, приходили на вокзал, услышав, что нужна помощь привезенным детям. Брели измученных детишек за руки, вели домой, усаживали за общий, очень скромный дастархан, поровну делили хлеб между своими и чужими».

Слушаешь свидетельства этих детей войны и начинаешь осознавать меру добра и высокой нравственности, которыми жили тогда наши матери, отцы и деды. У каждого из героев фильма своя история, личное отношение к тем, кто дал им кров, тепло, пищу, а иногда и свои фамилии, кто воспитал их, дал образование и выпустил во взрослую жизнь.

Подвиги старшего поколения не должны быть забыты. В том числе и тех, кто воспитал военных сирот. У нас в фильме есть кадры памятника кузнецу Шамахмудову и его жене. Шамахмудовы – это олицетворение народного характера, восточного гостеприимства, толерантности, отзывчивости к чужому горю и человеческой доброты. И мы гордимся такой историей!

«Кто скажет, что здесь я на чужбине? Нет, здесь мой дом!», – писала под сенью ташкентских тополей Анна Ахматова.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Известные писатели и ученые, актеры и композиторы работали в военные годы в Ташкенте. Снимались фильмы, вошедшие в «Золотой фонд» киноискусства.

Сложность при монтаже нашего фильма заключалась в том, что надо было выбрать из огромного количества материала самое яркое, самое интересное. Почти все интервью длились около 40 минут. Многое интересное осталось за кадром. Но необходимо было оставаться в формате документального фильма, в его темпоритме.

Особо хотелось бы сказать о специфике съемок интервью, по сути устных историй. Человек, впервые севший перед кинокамерой, чаще всего зажат и стеснен. Настроить его, разбудить в нем воспоминание – задача не из легких.

В работе над фильмом большей частью нам удалось «разговорить» наших героев.

Война закончилась, но многие из беженцев решили остаться. Узбекистан стал для них второй родиной... Сегодня это пожилые люди, за плечами которых трудные военные и послевоенные годы.

Работая над этим фильмом, я осознал, что нельзя снимать такие фильмы с холодным сердцем.

А на обсуждении после одного из просмотров фильма «Дети войны», молодой человек со слезами на глазах сказал: «Я горжусь, что я узбек!».

Для меня, как автора, это было высшей похвалой.

Аннотация фильма «Дети войны»

65-летию Великой Победы посвящается...

Фильм рассказывает о детях, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны из России, Украины, Белоруссии в Узбекистан. Основу фильма составляют интервью с людьми, нашедшими в Узбекистане приют и тепло. Также использована кинохроника военных лет, рассказывающая о роли тылового Узбекистана, его вкладе в общую Победу.

Создатели фильма

Автор сценария – Мастура Исхакова, режиссер – Джасур Исхаков, оператор, продюсер – Сардор Исхаков, монтаж – Анатолий Храмов, музыка – Эола Пак и Румиль Вильданов.

Награды фильма «Дети войны»

Призер конкурса «Русский мир - память сердца», посвященного 65-летию Великой Победы. Режиссер фильма Джасур Исхаков награжден

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Специальным Дипломом жюри международного конкурса «Русский мир - память сердца». Москва 5 мая 2010 г.

Диплом конкурса Телекинофорума Международного кинофестиваля «Вместе». Ялта 9 сентября 2010 г.

Диплом Экспертного совета и Жюри, специальный приз в номинации «За нашу Победу». Национальная премия «Страна» телеканала «Россия». Москва 7 декабря 2010 г.

Фильм «Дети войны» награжден Специальным Дипломом Жюри Ереванского фестиваля Фонда Ролана Быкова для детей и юношества «Я имею права» в номинации «Освещение войны». Ереван 25 октября 2011 г.

Статья Д. Исхакова «История – устами спасенных детей войны» (*oral history и кинематограф*) вошла в сборник Института истории Академии Наук Республики Узбекистан и Представительства Немецкой Ассоциации Народных Университетов 11 DVV (*dvv international*). Ташкент 2011 г.

Немецким Институтом Гете в Ташкенте фильм «Дети войны» отобран в каталог 11 лучших документальных фильмов, посвященных теме Войны. Ташкент-Берлин 2014 г.

Биография режиссера

Джасур Ильхамович Исхаков родился в 1947 г. в г. Ташкенте. Окончил Ташкентский театрально - художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР в г. Москве. Кинорежиссер, сценарист, театральный драматург. Лауреат Государственной премии Республики Узбекистан.

По сценариям Д. Исхакова поставлены художественные фильмы: «Ясные ключи», «В стремнине бешеной реки» (две серии), «Взлет разрешается» («Судьба»), «Прощай, зелень лета!..» (совместно с Э.Ишмухамедовым), «Шок» и «С любовью и болью» (четыре серии совместно с Э.Ишмухамедовым и О.Агишевым). Автор сценариев и режиссер фильмов «Останься!..», «Проклятие золотого коня» (четыре серии), «Охота для настоящих мужчин», фильма-сказки «Приключения в стране Чатранга», «День истины» и др.

Сценарист и режиссер более 30 документальных лент, анимационных фильмов. Автор ряда театральных пьес, рассказов и песен.

**ПЕРЕПИСКА И.Н. БУЛАНКИНА С ДРУЗЬЯМИ
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ
В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

В советском и постсоветском источниковедении Второй мировой войны особое место занимает личная корреспонденция, написанная разными людьми, от рядовых солдат и рабочих до руководителей страны. Письма раскрывают многие аспекты той страшной войны, начиная от межличностных отношений и заканчивая безграничной уверенностью в Победу. Письма дают информацию о социальном, экономическом положении разных слоев населения, самопожертвования во имя Победы.

Целью данной статьи является анализ писем ректора Харьковского университета И.Н. Буланкина в период его пребывания в эвакуации и их значение для исследования взаимоотношений в вузе.

Эти письма были опубликованы в книге, посвященной памяти И.Н. Буланкина [1].

Иван Николаевич Буланкин – выдающийся советский биохимик. Он родился 9 февраля (27 января) 1901 г. в с. Теньки Свияжского уезда Казанской губернии в крестьянской семье. Здесь он год отучился в церковно-приходской школе и в 1912 г. переехал в Казань, где был учеником гравера в типо-хромолитографии. В 1914 г. он возвратился домой и продолжил учебу в Теньковской школе (во время революции она была преобразована в школу II степени с. Теньки). После ее окончания Н.И. Буланкин был призван в Красную армию и служил учителем в учебной пехотной школе Заволжской бригады, дислоцировавшейся в Славянске на Донбассе. Во время прохождения военной службы он также занимал должности председателя Культпросвета и зам.председателя по политобразованию.

Видя тягу красноармейца к учебе, командование дивизии в 1921 г. отправило его в Харьковский институт народного образования (далее – ХИНО, - *прим. авт.*), где он поступил на естественное отделение факультета профессионального образования. После окончания вуза в 1926 г. Николай Иванович продолжает учебу в аспирантуре в секторе общей физиологии кафедры зоологии ХИНО.

Год (1928-1929 уч. год, - *прим. авт.*) И.Н. Буланкин преподает в педагогическом техникуме им. Г.С. Сковороды. В 1929 г. он возвращается

в ХИНО и до конца своей жизни работает в университете (в 1933 г. на базе ХИНО было создано несколько вузов, в т.ч. и Харьковский университет). В разные годы он был деканом биологического факультета, проректором по научной работе, ректором Харьковского государственного университета (далее – ХГУ, - *прим. авт.*).

В 1936 г. Н.И. Буланкину присвоена ученая степень кандидата биологических наук без защиты диссертации. Важным в научной карьере для Николая Ивановича стал 1939 г.: в феврале его избрали членом-корреспондентом Академии Наук УССР, а в сентябре ему присвоили научную степень доктора биологических наук [2, с. 6-7].

Его научная деятельность была посвящена изучению эволюции белка, т.е. проблемам возрастной физиологии и биохимии [3, с. 10].

В июне 1941 г. немцы напали на Советский Союз, и уже в октябре над Харьковом нависла угроза оккупации. Когда гитлеровские войска приближались к городу, И.Н. Буланкин вместе с семьей (женой, тещей и маленькой дочерью) эвакуировался сначала в Щучинск (Казахстан), а затем переехал в г. Томск, где работал в местном университете на должности профессора. После освобождения Харькова Иван Николаевич в конце 1943 г. вернулся в родную alma mater, работая сначала проректором по научной работе, а с 1945-го по 1960 г. – ректором университета. В 1961 г. он умер.

Эвакуация университета проходила в октябре 1941 г., за несколько недель до захвата города немцами. По воспоминаниям сотрудников вуза, тогдашний ректор университета Александр Васильевич Сазонов был в запое - и поэтому все работники ХГУ были предоставлены сами себе [4].

Кроме того, многие работники университета по семейным обстоятельствам предпочитали выезжать самостоятельно или с другими организациями, где работали их родные и близкие. Поэтому война разбросала людей по разным уголкам Советского Союза.

По подборке писем, опубликованных в книге, посвященной И.Н. Буланкину, это прекрасно видно. В сборнике представлены 57 писем (десять – написанных им и 47 – присланных ему) [5, с. 79-89, 238-316]. Ивану Николаевичу писали из Щучинска (Н.П. Барабашов), Кзыл-Орды (Н.П. Барабашов, И.Н. Кравец, М.П. Легавка, А.В. Нагорный), Алма-Аты (И.М. Поляков, Д.С. Шапиро), Катта-Кургана (В.Г. Аверин), Москвы (А.И. Белецкий, Л.А. Булаховский), Красноводска [6] (Р.И. Голубицкая), Уфы (А.В. Палладин, П.П. Будников), Ташкента (М.П. Жукова), Фрунзе [7] (А.М. Утевский), Новосибирская (В.Н. Никитин) и др. [8, с. 238-316].

Сразу хочется отметить, что, оказавшись на новом месте, люди много писали, разыскивая друзей и коллег. В некоторых письмах (особенно 1942 г.) говорилось о том, с кем установлен контакт, а кого еще разыскивают. Даже отправлялись открытки по случайно узнанному адресу в надежде найти знакомого человека – авось придет ответ. В письме от 17 июля 1942 г. Р.И. Голубицкая из Красноводска писала Николаю Ивановичу: «Постепенно, постепенно нахожу своих близких и родных и с радостью перекликаюсь с ними» [9, с. 266]. В то время это был не только межличностный контакт, но и связи со своим прошлым, своим городом.

Тематика писем была разнообразной. И хотя их подборка невелика, она дает достаточно яркую картину взаимоотношений между людьми.

Прежде всего, она показывает, в каких отношениях были корреспонденты: деловых или дружеских.

Среди тех, с кем переписывался И.Н. Буланкин, в основном были коллеги по работе – биологи. Среди них особо выделяется Александр Васильевич Нагорный - учитель и друг. Его письма проникнуты добротой и в то же время много внимания уделяется научной работе. Эпистолярный показывает, что среди друзей Ивана Николаевича были и сотрудники других факультетов. Среди них всемирно известные ученые: астроном Николай Петрович Барабашов, историк Константин Эдуардович Гриневиц, биолог Александр Владимирович Палладин, филолог Александр Иванович Белецкий, а также химик Петр Петрович Будников, политэконом Софья Борисовна Рыбояд и др. Большим другом И.Н. Буланкин являлся филолог Макар Павлович Легавка. Об этом говорит фривольность его писем. И это подтверждает Наталья Ивановна Буланкина, говоря о том, что Николай Иванович и Макар Павлович дружили до последней минуты жизни папы [10, с. 71].

В корреспонденции очень выразительно показаны взаимоподдержка и взаимопомощь. Здесь следует выделить письма директора Института биохимии А.В. Палладина. В своих посланиях он обязательно уведомлял о денежных переводах, о своем стремлении помочь получить дополнительный заработок, выполняя задания АН УССР [11, с. 261, 281, 305].

Но помощь не ограничивалась только деньгами. Выезжая из Харькова, многие ученые оставляли книги, записи, другие какие-то наработки в надежде вскоре вернуться домой. Поэтому часто просили найти и прислать книги, сборники статей, рукописи лекций. Особенно часто за такой помощью к Н.И. Буланкину обращался А.В. Нагорный, работавший в Кзыл-Орде. Здесь был открыт Объединенный Украинский

Государственный Университет (далее – ОУГУ, *прим. авт.*) из сотрудников Харьковского и Киевского университетов. Этот вуз занимает важное место в письмах друзей, особенно большое внимание уделялось нездоровой моральной обстановке, сложившейся в нем.

Объединенный Украинский Государственный Университет был основан 19 февраля 1942 г. Его возглавил ректор Киевского университета А.Н. Русько. Проректорами назначены харьковчане – А.В. Сазонов (по учебной работе) и И.Н. Кравец (по научной) [12, с. 71]. Естественно, между учеными началась конкуренция за должности: и киевляне, и харьковчане хотели усилить свои позиции, заняв важные должности. Возмущенный такой ситуацией М.П. Легавка 25 марта 1942 г. писал: «Теперь у нас положение таково: харьковская профессура, преподаватели читают лекции, плохо или хорошо работают, а настроение им портят киевские ребята во главе с Русько. Расставил своих людей управделами – его, проректор по хозяйству – его, зав. спецотделом – его, все его ставленники. <...>. Как это случилось, что при наличии партбюро из харьковчан – все административные рычаги, кроме деканов, с которыми поневоле пока ничего не сделаешь, ибо киевской профессуры нет, – все в руках Русько?!» [13, с. 271]. Для укрепления своих позиций харьковская профессура начала вызывать в Кзыл-Орду своих коллег. Так, из Щучинска переехал Н.П. Барабашов. Звали в университет и И.Н. Буланкина. Однако со временем решили, что сюда ему ехать незачем. Со временем между харьковчанами, работавшими в ОУГУ, произошел раскол. «Разругались даже старые друзья», – сообщал И.М. Поляков 6 сентября 1942 г. Люди поделились на «сработавшихся» с киевским руководством [14, с. 298-299] и, соответственно, «не сработавшихся».

Летом 1943 г. конфликт между харьковскими и киевскими преподавателями обострился. Связано это было с тем, что пошел слух о намерении Всесоюзного Комитета Высшей Школы оставить на «первое время только Киевский Университет в Киеве» [15, с. 295]. Позже уточнялось, что «через неизвестное время из недр Киевского Ун-та отделить ненужных лиц в Харьк.ун-т» [1, с. 299]. Естественно, это вызвало негодование харьковской профессуры. Кроме того стоял вопрос о продолжении работы ОУГУ, причем некоторые сотрудники планировали пробывать в Кзыл-Орде до 1945 г. [16, с. 298-299].

Нездоровое соперничество между харьковской и киевской профессурой является темой отдельного исследования. Но т.к. в корреспонденции оно занимает большое место, обойти его было

невозможно. А о том, что конфликт был очень болезненным, говорит тот факт, что после возвращения вуза в Харьков университетское руководство было полностью заменено. И, кроме того, А.В. Сазонов в вуз не вернулся и его послевоенная судьба практически неизвестна [17].

Н.И. Буланкина в мемуарах об отце писала, что «нормальной работе мешали не только трудности военного времени, но и подковерная борьба, мелкие бытовые дразги» [18, с. 80].

Кроме производственных вопросов, корреспонденты рассказывали о своей повседневной жизни.

Эта информация дает возможность понять, как жили люди в эвакуации.

Сборы и выезд из Харькова мало описан в представленных в основном письмах 1942-1943 гг. Естественно, что новые проблемы просто заслонили эту тему (а, возможно, она освещена в неопубликованной корреспонденции). Во многих письмах начала 1942 г. говорится о перенесенных болезнях [19, с. 263, 269, 287, 288, 304 и др.]. Это и простуда, и брюшной тиф, и заболевания сердца.

Важное место в переписке занимают питание и ее добыча. Следует отметить, что ученые получали академпаек. Но он был скудным, и его на всю семью не хватало. Приходилось покупать продукты питания на базаре. Интересны цены в советском тылу. Так, в г Вольске картофель стоил 250 руб. пуд (16 кг), мясо 200 руб. (свинина) и 120-180 руб. (говядина) [20, с. 290] (для сравнения в 1942 г. в оккупированном Харькове мясо стоило 350 руб. и 160 руб. (конина), десяток картофелин – 100 руб. [21, с. 89], но не следует забывать, что условия жизни намного хуже). Анализируя доходы эвакуированных в советский тыл ученых, можно увидеть разницу в зарплате в зависимости от места работы. Так, Н.П. Барабашов, работая в Щучинском педагогическом училище, получал 210 руб. в месяц (июле 1942 г.) [22, с. 262], в ОУГУ лаборанту платили 450-550 руб., а декану – 450 руб. [23, с. 273].

Большую помощь в пропитании оказывали выделенные под огороды участки земли и рыбалка. Следует отметить, что рыбу ловили не только мужчины, но и женщины, прекрасно понимая ее значение в рационе питания [24, с. 266].

В нескольких письмах дается описание природы. Причем ее описание можно связать с настроением человека. Так, Р.И. Голубицкая, попав в Красноводск, писала: «Город отвратительный во всех отношениях <...>. Зелени абсолютно никакой. Голые серые скалы и все. Скудная

картина. Спасает нас только то, что мы живем у «самого синего моря» [25, с. 286]. Отношение к природе Казахстана у харьковчан было позитивное. Начальник 1-го отдела ХГУ М.П. Жукова, проживая некоторое время в с. Первомаевка (тогда Ленгерского р-на Чимкентской обл., - *прим.авт.*), писала «изумительно красивое село – сплошной сад и арыки» [26, с. 267].

Важное место для обустройства на новом месте занимают контакты с местным населением. К сожалению, во многих письмах упоминается о негативном отношении к приезжим. Та же М.П. Жукова, восхищаясь природой края, писала, что «жить было ужасно», т.к. местное население настроено негативно по отношению к евреям и коммунистам [27, с. 267]. В то же время И.М. Поляков отмечал: «Принял меня КазГУ хорошо. Обеспечил жильем, едой, дешевыми плодами из учхоза (на рынке сие весьма дорого) и я делю время между 1) работой на плантации с Полей [*доктор биологических наук Полина Васильевна Михайлова*], 2) обмером грызунов в зоомузее, 3) прогулками и беседами» [28, с. 282].

Как видно, отношения между местным населением и эвакуированными были неоднозначными. И к уже известным в историографии причинам такого поведения можно прибавить психологический настрой эвакуируемых, их ностальгия за домом, «чемоданное настроение». О таком расположении духа Ивану Николаевичу писали его друзья: «Скука адская, т.к. здесь у меня нет ни одного товарища, с которым можно было бы поговорить о перспективах [Харьковского] университета», - пишет Н.П. Барабашов 1 июля 1942 г. «С болью в сердце вспоминаю нашу лабораторию, наш город, нашу квартиру», - вторит ему Р.И. Голубицкая [29, с. 266].

Точнее всех это состояние описал А.В. Нагорный: «Два года я нахожусь в состоянии человека, высадившегося случайно на случайном полустанке и ждущего поезда» [30, с. 301].

Практически во всех письмах красной линией проходит ностальгия за родным городом, вера в скорую Победу. Причем уверенность в скором возвращении существовала с первых дней эвакуации. Доктор химических наук Петр Петрович Будников писал: «Все мы уверены, что в 1942 г. сможем возвратиться в свои родные места» [31, с. 265]. Это письмо написано 2 мая 1942 г. И сводки с фронта в эти дни давали надежду. Ведь советские войска зимой 1942 г. сумели освободить часть Харьковской обл. Однако через несколько дней, в том же мае Красная армия под Харьковом потерпела сокрушительное поражение и вынуждена была отступить аж до Волги. Но, несмотря на катастрофу на фронте, вера в

нашу Победу не исчезла, и люди верили, что возвращение домой просто переносится на более поздний срок.

В 1943 г. Харьков освобождали дважды. Первый раз 16 февраля. И харьковчане, узнав об изгнании врага, готовились к возвращению домой. Страшным ударом для них стало известие о сдаче города в марте месяце. И.Н. Буланкин писал своему учителю А.В. Нагорному: «Не будем говорить о постигшей нас потере. Она не является неотвратимой, хотя и горька» [32, с. 242]. И уже в августе 1943 г. Харьков был окончательно освобожден от немецких захватчиков.

22 сентября 1943 г. из освобожденного города И.Н. Буланкин получил письмо от коменданта биологического корпуса Степана Петровича Левченко. В нем описывается жизнь в оккупации: судьба знакомых людей, оставшихся дома, разрушения зданий, грабеж немцами имущества факультета и его сотрудников [33, с. 292].

В конце 1943 г. некоторые работники университета вернулись в Харьков и начали восстанавливать вуз. Среди них был и Иван Николаевич Буланкин. «Возвращенцы» сразу же включились в работу по проведению занятий и инвентаризации университетского имущества. По утверждению С.П. Левченко и И.Н. Буланкина имущество биологического факультета пострадало несильно. Часть имущества немецкие оккупанты вывезли, но многое и осталось. Здание было целым, только без крыши и во многих окнах выбиты стекла [34, с. 263, 293].

Отдельно следует отметить письма фронтовиков И.Д. Шуменко и В.А. Каплана. В их письмах, также как и в корреспонденции находившихся в советском тылу, отражено беспокойство о родном университете. В то же время они рассказывают о своей подготовке к службе в армии.

2 мая 1945 г. выпускник биофака Вениамин Абрамович Каплан вдохновлено писал из Берлина: «Я пишу эти строки в радостный для нас день – в день капитуляции Берлина. Еще пара дней и солнце мира озарит пострадавшую землю» [35, с. 318]. И действительно, через неделю закончилась Великая Отечественная война.

Т.о. возвращение Ивана Николаевича в Харьков можно считать окончанием одного и началом другого этапа его жизни.

Корреспонденция И.Н. Буланкина 1942-1943 гг. помогает исследователю в изучении истории университета, понимании роли отдельных личностей в судьбе вуза. Также она дает возможность изучить проблему повседневной жизни людей, проживавших в советском тылу в годы Великой Отечественной войны.

1. Академик Иван Николаевич Буланкин / Сост. Н.И. Буланкина и др. – Харкова: Изд-во «Автоэнергии», 2003. – 408 с.
2. Там же.
3. Там же.
4. Хворост Л.В. Шляхи в невідоме: Харківська університетська ботаніка і ботаніки в роки Другої світової: як це було [Пути в неизвестное: Харьковская университетская ботаника и ботаники в годы Второй мировой: как это было] / Л.В. Хворост // Университеты. – 2010. – № 4. – С. 42-56.
5. Академик Иван Николаевич Буланкин / Сост. Н.И. Буланкина и др. – 408 с.
6. Сейчас – Туркменбаши.
7. Сейчас – Бишкек.
8. Академик Иван Николаевич Буланкин / Сост. Н.И. Буланкина и др. – 408 с.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Хворост Л.В. Шляхи в невідоме: Харківська університетська ботаніка і ботаніки в роки Другої світової: як це було.
13. Академик Иван Николаевич Буланкин / Сост. Н.И. Буланкина и др. – 408 с.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же
17. Сазонов Александр Васильевич [Электронный ресурс]: http://www.univer.kharkov.ua/ru/general/our_university/rectors?cat=32&ofs=0, свободный (18.08.2016).
18. Академик Иван Николаевич Буланкин / Сост. Н.И. Буланкина и др. – 408 с.
19. Там же.
20. Там же.
21. Харківщина у роки Великої Вітчизняної війни : документи і матеріали [Харьковщина в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы] / Уклад. О. В. Дьякова. — Харьков : САГА, 2010. - 386 с.
22. Академик Иван Николаевич Буланкин / Сост. Н.И. Буланкина и др. – 408 с.

- 23. Там же.
- 24. Там же.
- 25. Там же.
- 26. Там же.
- 27. Там же.
- 28. Там же.
- 29. Там же.
- 30. Там же.
- 31. Там же.
- 32. Там же.
- 33. Там же.
- 34. Там же.
- 35. Там же.

Терушкин Л.А.

**ПИСЬМА РОДСТВЕННИКОВ, СОСЕДЕЙ
И ДРУЗЕЙ В ЭВАКУАЦИЮ – НЕИЗВЕСТНЫЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВА О ХОЛОКОСТЕ**

В Архиве НПЦ «Холокост» за последние лет пять сформировалась пока небольшая (около 30 единиц) коллекция весьма редких по происхождению и содержанию писем. На русском, белорусском, украинском, польском языках. Это письма, рассказывающие, прежде всего, о судьбах евреев на оккупированных территориях, написанные представителями других национальностей из разных регионов России, Украины, Беларуси.

Сразу вспоминается «Черная книга»[1], материалы которой разбиты на три категории:

1. Письма, дневники, показания свидетелей и очевидцев, переданные в редакцию.

2. Очерки советских писателей на основе писем, дневников и рассказов, которые были отредактированы и литературно обработаны этими писателями[2].

3. Официальные материалы ЧГК («Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба

гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР»).

Однако материалы, которые рассматриваем мы, не только не подвергались никакой литературной обработке (они, собственно, никогда не готовились к печати и не были обнародованы). Можно сказать, что не только «советские евреи писали И. Эренбургу», но и представители других национальностей писали знакомым евреям в первую очередь о том, что мы называем сегодня Холокостом. Эти материалы оставались на протяжении почти 80-ти лет печальными семейными реликвиями и единственным свидетельством о гибели родственников, друзей, близких. В отличие от подавляющего большинства корреспондентов «Черной книги», авторы этих свидетельств (писем) - русские, украинцы, белорусы. Они и не могли знать о том, что идет работа над созданием «Черной книги». Во-первых, потому, что некоторые их свидетельства предоставлены ранее, чем стало широко известно о деятельности В. Гроссмана и И. Эренбурга по сбору свидетельств об уничтожении евреев, т.е. в 1942-1943 гг. Во-вторых, эти свидетельства датируются буквально первыми месяцами или даже неделями после освобождения конкретных населенных пунктов. В это время на освобожденных территориях еще только восстанавливалась работа почты, радио, туда только начинали поступать советские газеты, ЧГК еще не начала работать в этих населенных пунктах, да и не было у членов комиссии возможности и задачи учесть подробности гибели каждой еврейской семьи, имя каждой жертвы нацизма. Тем более что в большинстве случаев из этих семей никого не осталось.

Первоначально эта переписка носила сугубо личный характер. Но за каждым из этих писем скрывались подробности конкретных трагедий еврейских семей, впрочем, не только еврейских. Поток подобной переписки постепенно нарастал по мере освобождения Красной Армией оккупированных германскими войсками районов СССР. С лета 1943 г. таких писем становилось все больше. Кстати, встречаются они и в первые послевоенные месяцы 1945 г.

Сегодня мы, конечно, имеем дело лишь с уцелевшими в семейных архивах свидетельствами. Хочется отметить, что эти письма не относятся к непосредственно фронтовой переписке, это не письма евреев-воинов Красной Армии своим родным с известиями о гибели близких. Именно во фронтовой переписке мы чаще всего находим упоминания о

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

преследовании евреев, как о конкретных друзьях, родственниках, знакомых, так и о евреях на оккупированных территориях вообще.

Но данная группа писем имеет целый ряд своих особенностей. Часть переписки инициировалась письмами-запросами родственников из тыловых районов СССР, из эвакуации, иногда с фронта в освобожденные районы на имя тех нееврейских соседей (односельчан, знакомых, сослуживцев), которых знали по довоенной жизни, а так же в адрес местных органов власти. Авторы этих писем-запросов надеялись, что восстановленные органы Советской власти смогут им чем-то помочь, а соседи, которые не эвакуировались, пережили оккупацию, возможно, остались в живых, знают что-то о судьбах их родственников. Очень часто ответы написаны даже на обороте запросов, потому что в освобожденных районах катастрофически не хватало бумаги.

В начале сентября 1942 г. в г. Минеральные Воды было казнено около семи тыс. евреев. В их числе Баумгольц Иоанн Львович (1871–1942), профессор, доктор медицины, один из ведущих врачей и организаторов курортов Кавказских Минеральных Вод. Он упомянут среди жертв в «Сообщении ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае», опубликованном в газете «Известия» 5 августа 1943 г.

Письмо из г. Уфы от 20 января 1943 г.

«Заместителю Народного комиссара Внутренних дел Союза СССР
Комиссару Государственной безопасности III ранга
тов. Чернышеву В.В.

От заместителя главного инженера Главпромстроя Баумгольц А.И
Обращаюсь к вам со следующей просьбой.

При захвате немцами г. Кисловодска оттуда не успел выбраться мой отец, работавший врачом в госпитале, - профессор Баумгольц Иоанн Львович – 75 лет – еврей. С ним его сестра – Иштейн Августина Львовна.

После освобождения Кисловодска мои телеграммы туда, по-видимому, не доходят - и я не имею возможности получить сведения, живы ли они и нуждаются ли в моей немедленной помощи.

Убедительно прошу Ваших указаний запросить через органы НКВД просимые сведения.

Адрес отца г. Кисловодск, Проспект Сталина 14.»[3]

А вот ответ другому родственнику семьи Баумгольц, вероятно, после сложного пути вышеприведенного запроса, поиска и опроса соседей.

«Кисловодск

12 апреля 1943г.

<...>Ваше письмо от 7 марта 1943 г. получил. Поручение Ваше выполнил. Был у гражданки Андреевой - квартирохозяйки Вашей мамы Исштейн Августины Львовны. По словам гр-ки Андреевой Ваш дядя доктор Баумгольц Иоанн Львович, Ваша мама и медицинская сестра, обслуживавшая доктора Баумгольц, Мелания вывезены из Кисловодска 9 сентября 1942 г. вместе со всем еврейским населением города. Числа 4 или 5 сентября 1943 г. немецким ЕК-12 (гестапо) было опубликовано распоряжение, что все еврейское население г. Кисловодска подлежит переселению из Кисловодска в места малонаселенные, но куда не было указано. Этим приказом предлагалось еврейскому населению, подлежащему переселению, взять с собой продовольствия на несколько дней, все ценные вещи и деньги, багаж должен быть не более 20 кг. На все имущество, остающееся в квартирах, должны быть составлены описи, квартира должна быть замкнута на замок. Ключ от замка предлагалось привязать к замку с запиской Фамилия, имя, отчество владельца.

9 сентября к 5 ч. утра предлагалось явиться на товарную станцию для погрузки в вагоны всему еврейскому населению города за исключением метисов и/или семей смешанных браков.

В начале сентября Августина Львовна была больна, причем серьезно; на почве сердечной деятельности у ней были сердечные припадки, и она находилась на постельном режиме.

Доктор Баумгольц И.Л. пригласил из горполиклиники двух врачей, чтоб дать заключение, может ли больная Исштейн А.Л. выехать из города с отправляющимся эшеленом. Врачи нашли больную Исштейн А.Л. настолько слабой, что дали заключение, что Исштейн А.Л. в настоящее время выехать не может впредь до выздоровления, что давало Вашей маме право остаться в Кисловодске. Опасаясь, что потом Августине Львовне придется ехать одной, Ваш дядя Баумгольц рекомендовал ей ехать всем вместе, на что она согласилась. И, т.о., все они были вывезены 9 сентября, направлены в МинВоды, а оттуда, как передают, всех направили на стекольный завод, который находится от станции в 6-7 км, здесь и прерывается нить дальнейшего следования вывезенного из Кисловодска еврейского населения.

Официальных сведений об участии вывезенных немцами еврейских семейств из г. Кисловодска, Ессентуки, Пятигорска и сельских местностей нет. Но упорные слухи передают, что все еврейское население, вывезенное немцами, погибло на Стекольном заводе, здесь их всех

немецкое Гестапо убило. Если получу какие-либо дополнительные данные, незамедлительно сообщу.

Мелания, как преданная медсестра, изъявила желание следовать вместе с доктором Баумгольц, несмотря на то, что она имела право остаться в Кисловодске, т.к. она по происхождению не еврейской национальности.

<...>сочувствую Вашему горю. Я просил гр-ку Андрееву написать Вам лично, т.к. она более осведомлена в вывозе из Кисловодска Вашей мамы, доктора Баумгольц И.Л. и медсестры Мелании, на что Андреева охотно изъявила свое согласие.

П. Аксаков

Мой адрес

Гор. Кисловодск, ул. им. Чкалова, дом 58» [4].

Другое, «встречное» направление подобной переписки письма свидетелей и очевидцев, переживших оккупацию. Это опять же соседи, одноклассники, члены смешанных семей (например, русские или украинские жены, их родственники), няни, которые ухаживали до войны за детьми или стариками. После освобождения они стремились возобновить контакты с еврейскими родственниками и друзьями, писали по старым адресам, пытались найти адреса полевой почты (тех, кто находился в рядах Красной Армии) или каких-то предприятий, учреждений, где работали до войны.

Письмо Вере Моисеевне Бейнусович о гибели ее родителей

«2 июля 1944 г.

Уважаемая Вера Моисеевна!

На нашу долю выпало сообщить Вам страшную весть. Ваши родители погибли от рук немцев 30.7 или 8 42 г. Как именно они были умерщвлены, мы точно не знаем, но их и других их товарищей по несчастью – Краснер Софию Эммануиловну, ее сестру Марию Эммануиловну Краснер вместе со всеми их детьми, Камеровера с женой и др. – вывели по направлению к Лисичанску, говорят, на стадион около Лисичанска, и больше их никто не видел. Погибло столько безвинных и незащитных людей! Все они были труженики, по много десятков лет работавшие в наших лечебных учреждениях, на заводах.

Страшная участь их постигла, тем более страшная, что за несколько дней до своей смерти они знали об (зачеркнуто, - *прим. авт.*) ожидающей их судьбе.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Имущество их было конфисковано, или правильнее, расхищено немецкими жандармами или полицией.

Если Вам будут нужны еще какие-либо сведения или сведения о знакомых, пишите на мое имя.

Уважающий Вас (Подпись неразборчива, - *прим. авт.*)» [5].

Сообщение о гибели Моисея Герцевича Бейнусовича и его жены Гени Якир – родителей Веры (1910-1990) и Анны (1915-1993) Бейнусович было отправлено их земляками из Лисичанского р-на Луганской обл. в Новосибирск, куда сестры Бейнусович были эвакуированы из Ленинграда в 1942 г. Сын А. М. Бейнусович - Евгений (1937 г.р.) перед войной жил на Украине у родителей своего отца - Григория Стрельченко. Там мальчика скрывали весь период оккупации.

Письма свидетелей и очевидцев, как правило, подробны и обширны, в них содержится много мелких деталей и информации о трагедии общих знакомых-евреев. Впрочем, о жизни или скорее выживании не только евреев при нацистском «новом порядке» эти источники также содержат много дополнительной информации.

Письма адресованы евреям, и главной является тема трагедии еврейского населения: как отдельных людей, так и всего населения данной местности. Все авторы писем прекрасно знали погибших, и гибель местных евреев была для них буквально такой же трагедией, как и гибель собственных близких.

Историю семьи Рабинович из Челябинска удалось исследовать достаточно подробно, благодаря тому, что архиве семьи сохранились устные истории, фотодокументы, письменные свидетельства, справки, удостоверения, материалы периодической печати. В данном случае большую работу провели сотрудники Челябинского Еврейского Общинного Дома.

Глава семьи, Яков Иосифович родился в Якутске в 1912 г. (умер 30 сентября 1991 г.) Призван в 1934 г. После службы в Красной армии в 1938 г. закончил Саратовское танковое училище. Был награжден Орденом Красного Знамени за бои на Халхин-Голе в 1939 г.

В 1939 г. на военных учениях в районе местечка Трояново Житомирской обл. Яков Иосифович познакомился со своей будущей женой. Почти сюжет из фильма «Трактористы», не правда ли?

Любецкая Броня Пейсовна родилась 5 мая 1921 г. (умерла 25 декабря 2014 г.) в местечке Трояново.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

В 1940 г он приехал в Трояново, чтобы жениться на своей избраннице. Отпраздновав свадьбу, на которой «гуляло» все местечко, молодая семья уехала в Монголию по месту службы. Там же в мае 1941 г родился сын. Через месяц началась война. Войска покинули расположение городка, оставив семьи без охраны и материального обеспечения.

С грудным ребенком на руках Броня Рабинович хотела ехать к отцу, на Украину. Но с большим трудом сумела выбраться в Красноярский край и далее в г. Якутск, к матери мужа – Рабинович Сарре Ароновне. Она ничего не знала о судьбе своих родственников на Украине и неожиданно, зимой 1944 г., получила письмо от своей подруги украинки, которая пережила оккупацию немцев и видела страшную судьбу евреев в их селе. Все они были расстреляны. Все родственники Брони погибли.

А незадолго перед появлением этого письма произошло невероятное совпадение - именно командиру танкового батальона гвардии капитану 56-й гв. танковой бригады 7-го гв. танкового корпуса 3-ей гв. танковой армии Я. И. Рабиновичу была поставлена задача: взять с боем родное с. Трояново. После освобождения села Якова узнали местные жители. Ему рассказали страшные новости о гибели всех родственников и жизни в оккупации. Он дал адрес жены ее бывшим одноклассникам.

Это письмо Елены Березюк 1944 г. своей однокласснице Броне Рабинович - совершенно уникальный документ времени, в котором - рассказ очевидца о судьбе отдельных людей и местечка Трояново Житомирской обл. В лаконичных строках Энциклопедии «Холокост на территории СССР» и базы данных Музея Яд Вашем – дата и цифры: «осень 1941 г, 360 чел.». В письме: имена, подробности жизни в оккупации, партизанское движение, обстоятельства гибели всех евреев Трояново. Даже одна фраза много значит: «Твой адрес мне дала Брейгель Ита, которая пряталась и спаслась». Значит, были люди, которые, рискуя жизнью, помогали, спасали!

В 1943 г. Якова Иосифовича направили в 56-ую танковую бригаду «Приморский комсомолец» в состав 1-го украинского фронта. Командуя 424 батальоном бригады, он принимал участие в освобождении Киевской, Житомирской обл. от фашистских захватчиков.

В начале 1944 г., вскоре после освобождения местечка Трояново, капитан Рабинович получил ранение и тяжелую контузию, после лечения его направили на учебу в бронетанковую академию в Москву. В период

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

обучения (1944-1947 гг.) Яков Иосифович принял участие в Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.

В 2015г. был сделан фильм «Письмо из Трояново: простая история семьи Рабинович» -это первый опыт записи семейной истории в таком виде. История очень интересная и непростая. За событиями жизни «простых людей» иначе видятся события истории большой страны: история еврейского народа в России до революции и после, Великая Отечественная война - героизм участников, свидетельства о жизни на оккупированной территории, освобождении, уничтожении еврейского населения.

Письмо Броне Любецкой (Рабинович)

«19 февраля 1944 г.

Добрый день дорогая Броничка!

Пишет тебе письмо твоя подруга Лена! Наверное, ты уже про меня забыла за эти два с половиною года, я про тебя, Броня, не забыла и никогда не забуду такую хорошую подругу, как ты. Вспомни, как мы с тобой ходили вместе в школу и вместе делали уроки. Броня, как вспомню, какие были хорошие подруги, а на сегодняшний день многие уехали, многих забрал немецкий фашист - хороших наших девчат - в Германию, теперь издевается над ними. Много еврейских девчат расстрелял. Броня, напишу тебе какие в Троянове новости. Теперь Троянов не похож на местечко, каким было до войны - разбиты все дома евреев, и стоят только печи и где какие дома только знаем, что на этом месте были дома.

Броня, два с половиной года над нами издевается фриц немецкий, расстреливает еврейский и украинский народ. Броня, твоей хаты нет, только место, где стояла хата. Хаты Йоли Хины тоже нет, Баси Йоли нет хаты, Давида Торчина нет хаты, Тепман Сони и Баси нет хаты, также моей нет. Все эти хаты сожжены.

Броничка, когда пришли немецкие сволочи, еврейское население, которое не выехало с этой территории, повыгоняли из домов и согнали в одну хату по пять, десять семей, и были они под фашистским надзором. Всю одежду, а также всю еду позабирали и никуда не пускали, а тем, кто из украинцев даст им продукты, так немецкая сволочь била на месте еврея и украинца. Страшно издевались над еврейским народом. Сначала мужчины работали <...>, а женщины с детьми делали уборку по квартирам. Евреям не было дано право. Когда все сделали немцам, тогда начали расстреливать. Сначала расстреливали мужчин. Каждый мужчина надел<...> повязку на руку, а на руке на повязке синяя звезда. Так

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

издевались над народом. Броня, узнала про то, что ты дала своему дорогому отцу телеграмму, жив ли он? С этой телеграммой в Троянове был твой муж. Я сама его не видела, а мне сказала Грейпель Етя, которая пряталась от фашистского ига.

Броничка, узнав про все это, я попросила у Ити твой адрес, т.к. твой муж ей дал, а она дала мне. Я с великой радостью села писать тебе письмо. Броничка, напишу тебе про то, что твоего отца нет, расстреляли и мать <...>.

Также расстреляли твою дорогую сестричку Веру, которая с Западной приехала в Троянов на смерть. Броничка, страшный суд происходил, когда евреев вели расстреливать на арт-полигон. Броня, Вера спряталась от этих подлых бандитов, они на другой день ее поймали и старого Схириля и увели в каменный погреб. Как она бедная спрашивала - за что вы меня убиваете, что я кому сделала? Как она бедная просила, чтобы ее отпустили, но они ее не отпустили, загнали в лог, где сидела много часов и там расстреляли.

Броничка, расстреляли Гриль Хиву, всю ее семью, Тепман Хаю, сестру Соню, мужа ее, Басю с ее детьми и мужа ее. Хая Тепман, сестра Сони в день накануне рожала дитя, а на другой день вели всех на смерть. Как было тяжело все это перенести, что творил фашистский немецкий фриц. Много наших девчат забрано в Германию проклятую, а многие умерли с голоду.

Проклятый немец издевался над народом: забирал коров, одежду, хлеб, свиней, кур, а если кто не хотел отдавать, то расстреливали. У меня самой забрали корову, поросенка, которого я с таким трудом выкармливала и не пришлось покушать.

Мы очень хотели эвакуироваться из Троянова, но не было ни одного транспорта. Всего можно лишиться на этой территории, которую оккупировал немецкий проклятый паразитизм и Гитлер. Но пришел этот счастливый день 1944 г., и это был первый Новый год, который мы встречали по погребам, по пещерам. Когда отступал немец, мы молились богу и плакали, чтоб скорее пришли дорогие солдаты, которые сейчас бьют врага на всех фронтах. И дождались того дня, когда освободили нас дорогие наши воины Красной армии. Это было 1.01.44 г., когда каждый боец заходил в хату и поздравлял нас с Новым годом. Мы не знали, что от радости делать, мы плакали и гордились, что мы освободились от рабства. И теперь приживаем счастливо и вольно на нашей территории. Броня, опишу тебе как я сейчас проживаю и проживала во время оккупации немцами. Я два года вела домашнее хозяйство и когда стали записывать в

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Германию, так я решила ходить в колхоз на работу - боялась, чтоб меня не записали. <...>пришлось ночевать в зарослях, хлевах, прячась от паразитов, чтоб не ехать в Германию. Три первых раза, когда забирали в Германию, так народ ехал, а когда стали писать письма, что они тяжело страдают от свинячей кормежки. Когда записывали в Германию, то многие прятались, чтоб не ехать к фашистам. Какие способы они ни пробовали, чтоб вывезти нашу молодежь, но в последний момент быстро убегали к партизанам, которые боролись против немцев. Партизаны очень помогали нашим ребятам. Они нападали на поезда и спасали наших ребят от проклятой Германии.

<...> Когда немцы отступали, они их (немецкое население, - прим. авт.) эвакуировали на Запад. Сама я сейчас работаю в Трояновском райкоме комсомола, моя мама занимается всем домашним хозяйством и приглядывает за моим сыном Виталием, которому уже три года. Уже говорит и бегает и вспоминает каждый день про своего отца.

<...> Броничка, письмо кончаю писать, желаю всего наилучшего в твоей жизни. Когда получишь письмо, так, прошу, пиши мне письмо, я буду ждать ответа.

Так же прошу, приезжай ко мне в гости. Привет от мамы и папки Виталия. Все целуют тебя. Ты все пиши, что у тебя и у дочки, все пиши.

Пока до свидания. Целую тебя бесконечное количество раз.

Мой адрес: Украина, УССР, Житомирская обл., Трояновский р-н, м. Троянов. РК ЛКСМУ. Березюк Алёне Григорьевне» [6].

Данное повествование - фактически мини-дневник, описывающий жизнь при нацистском оккупационном режиме. Мы пытаемся сейчас совместно с нашими коллегами в Украине разыскать следы Елены Березюк или ее потомков.

Есть еще одно письмо, найденное в Челябинске при разборе семейного архива Пасманик - письмо от соседей - очевидцев событий гибели семьи Пасманик в Белоруссии. Это письмо адресовано сестрам Берты (Паши), упомянутой в письме - Эмме Моисеевне и Броне Моисеевне Пасманик, которые жили в г. Минске, были эвакуированы в г. Абакан. После войны вернулись в г. Минск. Это все родственники Пасманик Леонида Адольфовича, мужа Пасманик Иды Захаровны, умершего в 2010 г.

«1 августа 1944г.

Тов. Пасманик!

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Вы просите сообщить судьбу Ваших родных. То, что Вы слышали о зверствах немцев, так это правда, но слышать легче, чем пережить все эти ужасы.

Ваши родные: Паша и племянники Яша и Машенька расстреляны 23 февраля 41 г. (так в тексте, правильно - 1942 г., - прим. авт.). Кастрель пытался с несколькими другими мужчинами бежать, но где-то за Дерновичами поймали, привели в Дриссу и там свершили свое подлое дело.

Когда забирали (евреев – зачеркнуто, - прим. авт.), Пашу с детьми и со всеми остальными евреями, то Кастрель был в другом доме, и моя сестра спросила у Паши – бежать ли ему или оставаться вместе? Она дала знак, махнула головой, чтобы Бейлик бежал, а он сидел в это время у Курочкина в доме.

Не думайте, не все были враги (слово вставлено, - прим.авт.). Много было и друзей, но помочь никто не мог. Последние дни жизни были очень тяжелы. Паша приходила очень часто к нам, прощалась за несколько дней до смерти, потому что знали, что скоро начнется расправа и в Барковичах.

В первых числах января 41 г. (так в тексте, правильно – 1942 г., - прим. авт.) я ездила в Бешенковичи искать своих родных и по просьбе Шапира и Паши я заезжала в Уллу. Узнала, что Соню с Фирой постигла та же участь, что и всех, а Вы уехали. Шапирам я правды не сказала, а сказала, что Соня тоже уехала, но Паша мне не верила, она говорила, что я ее жалею, а поэтому правды не говорю. Я ее уверяла, как могла, но она очень плакала.

Мою сестру Марию Вас. 17 августа 42г. расстреляли немцы за связь с партизанами.

Ну пока. Бывайте здоровы.

А. Мартинова» [7].

Письма, как правило, весьма эмоциональны, учитывая, что большинство авторов женщины. Нужно учитывать, что авторы этих писем по два три года жизни в оккупации, не имели никакой возможности для общения (переписки) ни с кем из-за линии фронта. Поэтому в этих письмах явно прослеживается желание высказаться, поделиться всем пережитым, не упустить мелкие подробности, выплеснуть накопившиеся чувства и эмоции. Жители оккупированных районов, особенно сельских, практически не имели никакой достоверной информации о том, что происходит на фронте, а уж тем более в советском тылу. Кажется, авторов писем из освобожденных районов буквально переполняло желание обо всем рассказать и как можно больше узнать. Письма написаны порой

людьми не очень грамотными, плохо владеющими русским языком и для их расшифровки приходится прибегать к услугам тех, кто знает, например, украинский язык.

И вот еще письмо, обнаруженное буквально в сентябре 2016 г. в Москве, так же в одном семейном архиве. К счастью, нам уже удалось уточнить подробности биографий автора и упоминаемых в тексте лиц.

Письмо из Ростова-на-Дону написано 14 марта 1943 г. ровно через месяц после освобождения города.

Автор письма - Зинаида Серпик (до замужества Куклина), русская. Ее муж - Лев Михайлович Серпик, еврей, военврач, на момент написания письма (март 1943 г.) находится на фронте. Послание адресовано родственникам Зинаиды Серпик по мужу - брату мужа Исааку Михайловичу Серпику (в семье его звали Ина, и автор письма так к нему обращается; поэтому имя написано через одно «н» и поэтому «дорогой Ина», (1907-1960), его жене Елене Яковлевне Серпик (в письме - Леся, 1911-1998), их дочери Рене. Они все находились в эвакуации на Урале. Девочке на то время было девять лет; и по этой причине Зинаида начинает свое послание просьбой: «Леся, прочти сначала сама». Другой смысл предостережения в том, что из этого письма Исааку предстоит узнать о гибели матери, сестры и племянника:

«Дорогие Ина, Леся и Реночка!

Очень рада, что Вы все живы, здоровы, и что семья ваша вся в сборе, что Вы были далеко и не видели того, что видела и пережила я. Голова моя поседела.

Немцы превзошли все, что мы могли читать в газетах. К газете мы привыкли, читали в ней эпизоды о сем-то и о ком-то. Сами этих ужасов не переживали и относились к написанному именно как эпизоду. От таких эпизодов голова ни у кого не седела.

Ина, мужайтесь. Поверьте, мне очень больно причинять Вам этими строками горе. А горе большое, неизмеримое. Рано или поздно, но Вы его должны знать. Оттягивать нет смысла, а, может быть, даже было бы вредно. Потом Вы могли бы мне сказать; почему я не сказала правду сразу, и что Вы потеряли время для мщения, для борьбы.

Я много думала, прежде чем написать это письмо, и пришла к заключению, что знать Вы должны всю горькую правду. Правду должны знать все люди, все национальности, все... (следующее слово не читается, - прим. авт.), весь мир. Чтобы не осталось ни одного человека, который бы не знал, что такое германский национал-социализм и фашизм.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Чтобы каждый из нас мог ответить на вопрос наших детей: «Что такое национал- социализм и фашизм в Германии?». Ответ должен быть вполне ясный и определенный - это есть западная... (следующее слово не читается, - прим.авт.), которая несет смерть людям, невзирая ни на возраст, ни на пол, ни на национальность.

Эта чума унесла много жизней, пока свирепствовала эта зараза в оккупированных районах нашей страны. Она же унесла жизнь Мамы и Бети. Дима, вероятно, погиб тоже.

Все евреи, начиная с только что рожденного и кончая глубоким стариком, и все русские жены евреев и их дети расстреляны. Русских людей расстреляно не меньше. Расстреляны: армяне, греки, грузины, калмыки и много людей других национальностей, которыми изобилует наша родина. У... (следующее слово не читается; по смыслу понятно, что речь идет о нацистах, - прим.авт.) логика короткая, как у грабителя и убийцы. Убить и ограбить.

Задача уничтожить людей в России для того, чтобы народ не смог отомстить за все, что они натворили. Ограбить для того, чтобы быть богатыми, независимыми от других стран, быть владыками Мира. Но этому не бывать. Так сказала наше Правительство, так скажет каждый человек нашей страны, так скажет весь мир. Нам нужно быть дружными, как пчелы, в этой совершенно правой борьбе. Пусть среди нас не будет наивных, не веривших в свое правое дело. А среди нас есть еще такие сомневающиеся, хотя их очень мало. Их нельзя даже назвать наивными, а скорей тупоумными, которые понимают свое положение только тогда, когда им не дадут куска хлеба и не направят дуло автомата или в тюрьме не выломают руки и ноги из суставов.

Пусть такие люди уйдут с дороги тех, кто знает, за что он борется. Пусть не мешают нашим беззаветным защитникам родины завоевывать, отстаивать, защищать счастье жизни, даже для таких тупоумных.

Пусть вечно здравствует наша Красная Армия, все народы нашей великой родины, наш полководец тов. Сталин, наше Правительство, которое знает, в чем жизнь и счастье народов нашего союза.

Дорогой Ина, описать все ужасы, весь кошмар, пока здесь были немцы, в одном письме невозможно. Скажу только, что я и дочь моя были бы расстреляны тоже, как и все, если бы попались им в лапы. В течение семи месяцев, каждый час и днем и ночью, я ждала, что вот придут и расстреляют, и это было бы, если бы они оставались здесь дольше. Участь всех оккупированных одна; только одних немного раньше, других

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

немного позже, т.к. кому-то нужно работать на них. Знайте, что оккупация это смерть. И чем раньше будет освобождена Россия, тем больше будет спасено жизней.

Много хотелось бы сказать, что я видела, что пережила за это время, но боюсь утомить Вас, слишком уж большое горе. Надо мужественно пережить все. У Вас есть семья. О жертвах будем помнить вечно. Пусть пролитая кровь погибших возродит в сердцах живых мощную любовь к родине и великую ненависть к убийцам.

О Льве, Фире и моих родных ничего не знаю.

Крепко всех вас обнимаю и целую. Зина.»[8].

Еще несколько относящихся к теме фактов из истории Великой Отечественной войны и из истории данной русско-еврейской семьи. Автор письма Зинаида Серпик пережила обе оккупации Ростова-на-Дону. Город в ходе войны немецкие войска брали (а советские, соответственно, освобождали) дважды. Первая оккупация продлилась всего неделю - с 21 по 28 ноября 1941 г., и за столь короткое время нацисты не успели организовать уничтожение еврейского населения. После того, как Ростов был в первый раз отбит Красной Армией, многие евреи-ростовчане, бывшие в эвакуации, вернулись, посчитав, что опасности больше нет. Это случилось и с Лидией Леонтьевной Серпик (Мамой), которая вместе с некоторыми близкими после 1-й оккупации покинула Ростов - и вернулась в него перед 2-й оккупацией. Вместе с десятками тысяч ростовских евреев (а позже и не только евреев) они погибли 11-12 августа 1942 г. при массовом расстреле в Змиевской балке.

Безусловно, такие письма - ничтожный процент колоссального потока переписки периода 1941-1945 гг. Но в ряду свидетельств о Холокосте, на мой взгляд, они должны занимать особое место. Прежде всего, потому что они написаны буквально по «горячим и кровавым следам» и поэтому содержат вполне достоверную информацию вплоть до мелких деталей-имена погибших, место и время гибели, места захоронения, которые были утрачены или забыты спустя десятилетия. Кроме того, в письмах сохранились имена спасшихся и тех, кто им помогал спастись. Давно уже нет в живых авторов этих писем, но их свидетельства продолжают храниться у потомков адресатов наряду с уцелевшими фотографиями. Семейная история и сопутствующая ей переписка долгое время была почти единственным источником фиксации памяти о фактах и местах уничтожения евреев, особенно для потомков - тех, кто в 1940-1950-е гг. были еще детьми. Важно успеть не только

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

собрать и изучить подобные письма, оцифровать их (бумага не вечна), но записать комментарии, пояснения, т.е. фактически «вторичные воспоминания» (со слов детей и внуков адресатов) позволяющие понять, о ком идет речь в письмах. НПЦ «Холокост» в серии «Сохрани мои письма... Письма и дневники евреев периода Великой Отечественной войны» (Вып. 1-4, 2007-2016) уже публиковал ряд подобных свидетельств, а некоторые использовал при создании выставок. Эти источники надо стремиться активно использовать в публикациях, музейных экспозициях, образовательных программах и пособиях как свидетельства Холокоста и как трагические, но уникальные иллюстрации сущности нацистского оккупационного режима.

1. Черная книга /Под.ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М., 2015.
2. Там же, С. 10-11
3. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Холокост на территории России» Ф.12, Оп. 1, Ед. хр. 65, ЛЛ.1
4. Там же, Ед. хр.66, ЛЛ.1-3
5. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Холокост на территории СССР» Ф.15,Оп. 1, Ед. хр. 59,ЛЛ.1-2
6. Там же, Ед. хр. 125, ЛЛ.1-4
7. Там же, Ед. хр. 126. ЛЛ. 1-2
8. Там же, Ед. хр. 196. ЛЛ. 1-2

Терушкин Л.А., Шатохин В.

ИНИЦИАТИВА ПО СБОРУ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШИХ БЕЖЕНЦЕВ И ЭВАКУИРОВАННЫХ, ПРОЖИВАЮЩИХ В США

Нельзя сказать, что эвакуация евреев СССР в годы Второй Мировой и Великой Отечественной войн оставалась без внимания историков. Однако позволим высказать мнение, что изучение этой проблемы было весьма ограниченным. Т.е. до начала 2000 гг. активно экономические, организационные, транспортные, статистические аспекты. Масштабные, порой грандиозные, что было вполне понятно - только эвакуированных и беженцев насчитывалось по различным источникам и по различным методикам подсчетов от 13 до 17 млн чел., из них до 25 процентов - евреи [1].

В последнее десятилетие в России, Израиле, США, исследователи стали обращаться к социально-политическим проблемам эвакуации (и

резэвакуации, кстати, тоже.). А эти вопросы тем более не могут быть рассмотрены без проблематики межнациональных отношений. Наконец, вполне обоснованно тема эвакуации евреев начала изучаться в контексте истории Холокоста.

Созданы и функционируют организации бывших эвакуированных в разных городах и государствах на постсоветском пространстве. Увы, собирать свидетельства бывших эвакуированных и беженцев они начали довольно поздно - ушли многие поколения. Разумеется, сбор свидетельств, выживших в Холокосте, вполне оправданно «заслонил» тему изучения воспоминаний эвакуированных и беженцев.

В данной статье мы хотели бы поделиться деятельностью, которая направлена на поиск, сохранение и дальнейшее изучение воспоминаний «последних свидетелей» этого исторического события. Но не в Израиле, Европе, России, а, казалось бы на первый взгляд, достаточно географически далеко от мест массовой эвакуации в 1941-1943 гг.

Десятки тысяч бывших граждан СССР проживают в США и Канаде. Среди них еще есть те, кто пережил бегство и эвакуацию в годы Войны и Холокоста.

Но систематическим собиранием их воспоминаний (письменных, аудио-видео), а, как правило, о том периоде у них мало что осталось, почти никто не занимался.

Инициатива В. Шатохина (г. Нью-Йорк) - пример того, как даже частное лицо, не историк по специальности, вполне может организовать и начать такую деятельность.

Вячеслав Шатохин родился в 1961 г. в Ташкенте. Его мать (1930 г.р.) – Хотимлянская (девичья фамилия) София Назаровна была эвакуирована из Полтавы (Украинская ССР) вместе с бабушкой В. Шатохина–Хотимлянкой Марией Наумовной и тетей Хотимлянкой Службой Назаровной. Сначала они приехали в Фергану, затем жили в Ташкенте. В Полтаву после 1945 г. не вернулись, остались жить в Узбекистане. Дед-В. Шатохина - Хотимлянский Назар пропал без вести в составе полтавского народного ополчения в 1941 г.

Отец В. Шатохина - Алексей Васильевич Шатохин родился в Омске.

С 1997 г. В. Шатохин с родителями проживает в США, Нью-Йорк. По образованию он юрист - в 1983 г. закончил Юридический факультет Ташкентского университета.

С 2010 г. В. Шатохин активно занимается темой спасения евреев и детей евреев, в частности, во время эвакуации в Узбекистан.

Сегодня у Шатохина собран архив или, можно сказать, коллекция, участников тех событий, ныне проживающих в США. В последние два-три года мы - Архив Научно-просветительного Центра «Холокост» (Москва) стремимся развивать с В. Шатохиным активное сотрудничество.

Хотелось бы познакомить с рядом материалов из вышеуказанной коллекции.

Из воспоминаний Михаила Ружанского (Бруклин. Нью-Йорк):

«... Июль 1941 г. Уже идут военные сражения на полях нашей страны. Каждую ночь, ровно в двенадцать, появляются немецкие бомбардировщики, сбрасывают свой смертоносный груз на спящий город и безнаказанно улетают. А мы, босоногая пацанва, утром собираем осколки еще теплых бомб, затем с удовольствием плаваем в реке, которая – вот она рядом -, прохладная, небыстрая.

В этот день - мы тоже на речке. Вдруг мы услышали спокойный моторный гул. Я поднял глаза в небо и увидел, словно нарисованные, клинья летящих самолетов. От них отрывались черные капли и устремлялись прямо на нас. Сообразили, что надо бежать. Вблизи находился спиртзавод. Вокруг выкопаны бомбоубежища. Я вскочил в одно из них. Тут же раздались взрывы. Потом я вернулся к воде. Реку не узнать- мутная, грязная, черная. Как и наша последующая жизнь. Одна бомба упала у места нашего купания. Взрывной волной троих ребят выбросило на берег. Впервые так близко я увидел безжизненное тело сверстника, его порванный живот, откуда вываливались кишки и сгустки застывшей крови... Значительно позже в моей памяти вновь всплыла так явственно та первая встреча с войной. Со временем, детские впечатления не исчезли. Они гвоздями вбиты в клетки моего мозга» [2].

«...Нас эвакуировали из Кировограда в Ростовскую обл. и разместили в казачьей станице. Сестры с утра уходили в поле, а мы с мамой и младенцем Мойсеем оставались дома. Мама ночами не спала. Ей казалось, что вот-вот придут казаки и шашками зарубят нас.

Пережив в молодости еврейский погром, в котором принимали участие казаки, она всю жизнь смертельно боялась их.

Войска Третьего рейха быстро продвигались по Украине. И нам снова пришлось уходить. Мы шли днем и ночью, в дождь и стужу. Маленький Мойсей не выдержал жестоких испытаний. Он сгорел от сильного воспаления легких. Свеча его жизни потухла, даже не успев разгореться. Мы похоронили его под яблоней, соорудив над ним небольшой холмик.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

В узбекском колхозе, куда мы прибыли после долгих скитаний, работали уже все - и мал, и стар. Но колхоз не платил денег, не давал продукты. Он начислял трудовни, как и всем колхозникам. Забывая при этом, что у последних имелись собственный дом и приусадебное хозяйство. Мы же впятером ютились в сторожевой мазанке, которая в дождь еще и протекала. И есть нам было нечего. Колхозники - животноводы делились с нами жмыхом, отрывая его у своих подопечных. Продукт этот представлял собой твердый концентрат, отход выжимки жира из семечек разных масличных растений. Я бережно отламывал кусочек и тщательно обсасывал, как собака обгладывает мозговую косточку.

Вдоль дороги, пересекающей аул, росли тутовые деревья. Сладкие, зернистые ягоды шелковицы я съедал в огромном количестве, не ради лакомства, а чтоб заполнить пустую утробу. И все равно не наедался. Хотелось хлеба. Мы сильно голодали и сильно болели. На заболоченных полях, где мы работали, гнездились малярийные комары - переносчики возбудителя тяжелой болезни.

Рядом с нами жили две сестрички с мамой. Они работали на скотном дворе. Заразившись от больных коров, обе девушки заболели бруцеллезом. Болезнь протекала долго и мучительно. И, в конце концов, сгубила их <...>.

Иногда спорят, кто перенес невзгод больше - пережившие Холокост в гетто и лагерях смерти или выжившие в эвакуации. На каких весах можно измерить человеческие страдания и потери? Мучений хватило всем.

Мы, бежавшие от немцев, несмотря на холод и постоянный голод, на лишения и муки, все равно могли выжить. Такая возможность не исключалась.

Узники гетто и концлагерей на оккупированной немцами территории были обречены на смерть» [3].

Численность эвакуированных и беженцев в Узбекистане, а конкретно, в Ташкенте, до сих пор вызывает споры и дискуссии. Но в контексте нашей статьи этот вопрос не так уж принципиален. Понятно, что речь идет о сотнях тысяч людей, с учетом «эвакуационной миграции» - кто-то приезжал, кто – уезжал. Только с Юга России было две волны эвакуированных [4]. Важны человеческие, эмоциональные восприятия и переживания, оставившие неизгладимый след в памяти.

Из воспоминаний Гария Гарелика (Нью-Йорк):

«Когда 22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на СССР, мне было неполных девять лет, я только перешел во второй класс. Жил вместе

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

с родителями в Ростове-на-Дону, в этом городе и родился. Отец работал рабочим на крупнейшей на северном Кавказе обувной фабрике, а мама была домохозяйкой.

В начале войны мы не чувствовали. Город жил своей обычной жизнью. Бои шли где-то далеко на Западе и нам, мальчишкам, казалось, что она скоро закончится, и обязательно мы победим. Ведь в школе нам говорили, что если война, начнется, то она будет проходить только на вражеской территории. Мы бодро распевали «Красная Армия всех сильнее», «Если завтра война, собирайся в поход...» и другие советские патриотические песни... Однако, в жизни получилось все не так просто, как нам казалось...

По радио ежедневно в фронтовых сводках сообщалось, что немецкая авиация бомбит Минск, Киев и др. города. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, гитлеровцам удалось значительно продвинуться в глубь страны... А затем в нашем городе появились и первые беженцы из западных пограничных областей. Среди них оказалась и мамина родная сестра тетя Мира с пятилетним сыном Борей. Ей удалось под вражескими налетами авиации и артобстрела эвакуироваться из столицы Украины. Помогло то, что муж - кадровый военный - находился в действующей Красной Армии... Как и другие беженцы была уверена, что до Ростова немцы не дойдут, а поэтому решила дальше не ехать, поселившись у нас дома.

Между тем, положение на фронтах становилось все более тяжелым.

В середине июля немецкий бомбардировщик, впервые прорвавшись глубокой ночью в ростовское небо, пытался разбомбить железнодорожный мост через Дон.

<...> В начале октября немцы, захватив Таганрог, совсем близко подошли к городу. Участились немецкие авианалеты и артобстрелы...

В этот день, помню, отец пришел домой раньше обычного и собрал нашу семью. Кроме меня и мамы за стол сели мой дедушка-отец папы (ему было лет 75, бабушка умерла за год до начала войны), тетя Мира и сестра отца тетя Хайца, жившая с нами в одном доме. Отец сообщил, что коллектив обувной фабрики, где он работает, будет эвакуироваться в столицу Узбекистана - Ташкент. Сейчас формируется эшелон с оборудованием, станками и сырьем, а там сольемся с местной обувной фабрикой. У нас есть возможность эвакуироваться, всем членам семьи.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Тетя Хайца сразу отказалась, т.к. ее единственный 21-летний сын Наум находился в психоневрологической клинике, а без него она не уедет. Ее поддержал дедушка, заявив, что не сможет оставить дочь одну...

Тогда еще ничего не было известно о массовом уничтожении евреев нацистами.

Дедушка припомнил, как в 1918 г., когда германская армия временно оккупировала Ростов, немцы проявили тогда себя как представители цивилизованной и культурной нации... Поэтому он считал, что в городе оставаться не страшно...

Этот день, 14 ноября 1941 г., помню, был дождливый. В полдень, когда за нами приехала повозка, запряженная небольшой лошадкой, мы уже были готовы. Возница уложил пару наших чемоданов и небольшой узел, в который мама уложила маленькую старенькую швейную машинку Zinger. Мы, прикрывшись от дождя клеенкой и зонтом, поехали по безлюдным мрачным городским улицам. Так и добрались на хоздвор фабрики. На ее территорию напрямую подходила железнодорожная ветка, там и формировался наш эшелон.

Шли последние приготовления к отъезду. К вечеру, наконец, все собравшиеся разместились по вагонам. Это были обычные товарные вагоны, тщательно вымытые, с оборудованными спальными полками.

Как только поезд подошел к железнодорожному мосту, с берега из окон вагонов видно было, как немецкие бомбардировщики сбрасывают бомбы, но благодаря мощному огню наших зенитчиков, ни одна из них цели не достигла. Все они падали мимо моста, взрываясь в реке...

На этот раз все обошлось. Но когда эшелон уже был на полпути к Баку и стоял на станции Кавказская около г. Минеральные Воды, над нами неожиданно низко пролетел вражеский самолет и сбросил несколько бомб. На этот раз не обошлось без жертв. В результате несколько убитых и раненых, среди них была и мама, а отец контужен взрывной волной

Дальнейший наш путь продолжался уже в переполненных вагонах, куда разместили всех пострадавших от бомбежки. Наконец, добрались до Баку, откуда на пассажирском пароходе через Каспийское море прибыли в Красноводск. Дождавшись нашего поезда, прибывшего из Баку на железнодорожном морском пароме, отправились в Ташкент...

Здесь, на вокзале ростовчан тепло встретили представители руководства ташкентской обувной фабрики и общественности. На автобусах всех отвезли к фабричному Дому культуры, где и поселили. Из актового зала убрали кресла, а на их места расставили металлические

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

кровати с железой сеткой. Мест не хватило для всех в самом зале, пришлось ставить кровати на сцене и даже в оркестровой яме.

Беженцам выдали новый комплект чистого постельного белья, а затем отвезли в баню. Это помещение не было приспособлено для постоянного жилья, но все понимали, что это временно.

<...> Постепенно решалась и жилищная проблема. Одни переехали в новый многоквартирный дом, построенный фабрикой, другие ушли в частные квартиры местных жителей, которые тепло принимали беженцев. Моя тетя Мира устроилась работать в военкомат Фрунзенского р-на, который находился на территории парка им. Кирова, где ей предоставили небольшую комнату, в которой мы поселились всей семьей. В парке было много зелени, цветов, небольшое озеро, летний кинотеатр...

Я учился в третьем классе, если память не изменяет, в школе №148. В моем классе почти все ученики были из эвакуированных семей.

В школе было интересно, работало много кружков. Особенно, многие увлекались разведением шелковичных червей. Все очень любили своего молодого учителя-узбека <...> С увлечением изучали узбекский язык. До сих пор сохранились в памяти отдельные узбекские слова. Организовывались для нас экскурсии, посещали Комсомольское озеро, кинотеатр «Искра» в центре города.

Военное время было трудное, голодное, которое чувствовали и дети. В школе ежедневно ученики получали горячие завтраки. А во время школьных каникул в каждом районе по месту жительства работали детские столовые.

В августе 1942 г. мой отец был призван в армию, где вскоре пропал без вести. Лишившись кормильца, мы очень нуждались. Выручила швейная машина, которую мама вывезла из Ростова. При Ташкентском текстилькомбинате открылся цех надомниц, который изготавливал для фронта из специальной ткани чехлы для хранения боеприпасов. Оплата труда была сдельная. На комбинате мама получала готовые выкройки и затем дома на швейной машине застрачивала необходимые места. Вместо иждивенческой хлебной карточки, мама стала получать рабочую, которая увеличивала норму выдачи хлеба.

Для того чтобы больше заработать, маме взялась выполнять двойную норму, хотя это было очень тяжело физически. Ведь швейная машинка была старая с ручным приводом, а при толстой ткани рука во время работы быстро уставала. После школы я торопился домой крутить колесо привода, чтобы помочь маме. Готовые изделия мы укладывали в мешки,

затем шли к остановке трамвая, отправляясь на комбинат, где все сдавали, а назад возвращались с новым грузом...

<...> Питались мы очень скудно, особенно мама.

С первого взгляда Ташкент производил приятное впечатление. Город делился на старый и новый. Бросалось в глаза чередование прошлого с современностью. Старик-узбек, едущий верхом на ослике по пыльной дороге, и глиняные кибитки, женщины в парандже с грузом на голове, средневековая архитектура, а рядом современные многоэтажные дома, асфальтированные улицы.

Узбеки очень гостеприимны и доброжелательны. В этом убедился лично. К нам во двор дома заходила девушка-узбечка лет 20 по имени Зухра. Она продавала козье молоко. Оказалось, что у нее дома маленький ребенок, муж на фронте, проживает по соседству с нами. Девушка подружилась с мамой. Мы побывали у нее в гостях, познакомились с ее родными, которые тепло нас встретили, угостили из своего сада фруктами.

Наша дружба продолжалась долго, пока мы в 1944 г. не вернулись из эвакуации на родину. Перед нашим отъездом Зухра вышила и подарила мне красочную узбекскую тюрбетейку, которую я хранил долгие годы.

Ташкент, который приютил нас в самые тяжелые годы, оставив у меня самые добрые чувства благодарности. Он стал очень родными и близким» [5].

Оставшихся сегодня в живых бывших эвакуированных детей, конечно, очень мало. Но участие В. Шатохина в теле- и радиопрограммах, посвященных спасению евреев-ашкеназов во время эвакуации в Узбекистан, вызывало довольно многочисленные отклики из разных городов США в июле – сентябре 2016г.

4 – 6 ноября в Москве проходил семинар для интервьюеров – участников проекта «Последний шанс», инициированного Еврейским музеем и центром толерантности (Москва) и организованным Центром «Холокост» при участии Института исторических видеосвидетельств «Шоа», основанным Стивеном Спилбергом (Лос-Анжелес, США). Цель проекта - сбор свидетельств еще живущих в России жертв Холокоста.

Стоит ли ждать, когда придется объявлять тоже «последний шанс» для поиска воспоминаний тех, кто пережил эвакуацию?

1. Дубсон В. К вопросу о масштабах эвакуации населения СССР во время Великой Отечественной войны.// Неизвестная эвакуация. Воспоминания

еврейских беженцев. СССР, 1941-1945. Сост. А. Берман, Израиль, 2015, С. 450-460

2. Личный архив В. Шатохина. ед. хр. 20. Ружанский М., С. 1-2

3. Там же, с. 3

4. Терушкин Л. А. Судьбы эвакуированных советских евреев. Южные регионы России. 1941-1943 гг. » // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на Дону, 3–6 июня 2015 г) / (отв. ред. акад. Г. Г. Матишов).- Ростов н/Д, 2015, С.185-192

5. Личный архив В. Шатохина. ед. хр. 31, с. 5

Турсынова Ж.Ж.

ИХ СУДЬБЫ ИЗМЕНИЛА ВОЙНА

С началом Великой Отечественной Войны в Карагандинскую обл. по эвакуации прибыли более 22 тыс. чел. разных национальностей: украинцев, евреев, белорусов, поляков и др. Среди эвакуированных были и дети. В связи с этим Карагандинский облисполком в период 1942-1945 гг. издал ряд Постановлений об улучшении быта эвакуированных детей, открытии дополнительных детских врачебных амбулаторий, дополнительно детских садов, детдомов для эвакуированных детей, детских столовых, о выделении добавочной помощи в промтоварах и др.

Особое внимание уделялось детям школьного возраста. Чтобы не останавливать учебный процесс, были открыты школы с обучением на родном языке, такие как, например, на украинском языке: «к началу нового 1943/44 учебного года обеспечить организацию обучения на родном языке детей -украинцев, эвакуированных из Украинской ССР, открыв для них самостоятельные школы и классы в школах и детдомах с учетом наполняемости 1-7 классов не менее 20 чел. и 8-10 классов не менее 15 чел. учащихся» [1]. Решением Нуринаского райисполкома от 24 сентября 1942 г. в колхозах района были открыты русские классы в казахских школах для 235 эвакуированных детей [2]. В феврале 1945 г. Карагандинский горисполком разрешил «обкому Союза Польских патриотов открыть начальную польскую школу на родном языке обучения с интернатом для учащихся на контингент в 60 чел.» [3].

Великая Отечественная война вызвала значительные изменения в кадрах народного образования в связи с эвакуацией из оккупированных

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

областей большого количества учителей и др. работников народного образования. Они заменили работников народного образования, призванных в ряды Красной Армии. На конец 1943 г. в школах города Караганды числились 469 учителей. Перед педагогами стояла задача вовлечения всех эвакуированных детей в школу. В годовом отчете Карагандинского городского отдела народного образования за 1943 г. указана как основная причина непосещения детьми школы - отсутствие одежды и обуви. Для решения проблем эвакуированных детей «в некоторых школах были организованы мастерские для починки обуви и одежды. В основном во второй половине учебного года по городу было десять мастерских, которые обслуживали школьников. 2 тыс. 658 учащихся получали через столовые дополнительное питание. Все эти дети через буфеты получали сухой завтрак, чаще всего 50 г хлеба» [4].

Для эвакуированных детей в 1942 г. организованы пионерский лагерь и детский санаторий на р. Капыхта: «Санлагерь, расположенный на р. Кокпекты, развернул свою работу 16 июня с.г. и функционировал до 1 октября. Прошло за это время детей 430 чел., проведено ими койкодней 9 тыс. 785. Израсходовано средств 96 тыс. руб. за счет экономии средств местного бюджета. В среднем питание одного ребенка в день составляло 6 руб. 35 коп.» [5].

Помимо детей, эвакуированных вместе с родителями, в Карагандинской обл. были размещены воспитанники эвакуированных детских домов. Так уже в ноябре 1941 г. прибыл эвакуированный украинский детдом, с контингентом учащихся в 201 чел. с полным учительским составом [6].

Эвакуированные детские дома размещали в существующие детские дома. Только в Компанейский детский дом были расселены дети трех украинских детских домов. Кроме этого, эвакуированные воспитанники детских домов были размещены в детских домах Осакаровского и Каркаралинского р-нов Карагандинской обл., а учащиеся Харьковской школы-интерната для глухонемых детей – в Сталинском р-не г. Караганды.

Из письма Карагандинского областного отдела здравоохранения заместителю наркома здравоохранения УССР об эвакуированных детских домах с территории Украины от июня 1942 г.: «...прибыло детей эвакуированных в Карагандинскую обл. 800 чел. из следующих детских домов: Кировоградский детдом, УССР - 190 чел.; Стадницкий д/д, Воронеж - 70 чел.; Утковский д/д, Харьковская обл. - 198 чел.;

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Корсокинский д/д, Курская обл. - 136 чел.; Рыльский д/д, Курская обл. - 80 чел.; Рыльский д/д, дошкольный - 42 чел.; Школа глухонемых г. Харьков - 78 чел. Все дети размещены в четырех детских домах следующих районов области: Осокаровский р-н пос. №№ 5 и 9; г. Караганда – пос. Компанейск, Майкудук; г. Каркаралинск» [7].

В связи с прибытием эвакуированных детдомов и увеличением поступающих детей из детприемников НКВД, все детдома области были переполнены, и в результате возникла бытовая неустроенность детей: «...Обмундированием и постельными принадлежностями детдома обеспечены крайне недостаточно, в детдоме пос. № 5 недостает матрацев, имеется всего одна смена простыней, многие воспитанники спят по двое, постельное белье меняется несвоевременно. Во всех детдомах совершенно недостаточно одеял...Питание во всех детдомах, в интернате школы глухонемых, за исключением Компанейского, организовано однообразно, из-за отсутствия должного ассортимента продуктов питания. Крайне слабо развернута работа пионерских организаций, кружковая работа и художественная самодеятельность среди воспитанников детдомов, со стороны комсомольских организаций не оказывается помощь...» [8].

По состоянию на первое апреля 1944 г. по Карагандинской обл. числилось четыре детских дома с контингентом воспитанников 1 тыс. 291 чел., из них эвакуированных 770 чел., которые прибыли в область с эвакуированными детскими домами в 1941 - 1942 гг. В апреле 1943 г. в Карагандинскую обл. прибыли 50 детей партизан Украины Харьковской и Сумской обл. [9].

Проблемой государственного масштаба стала судьба детей, оставшихся без родителей. 23 января 1942 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял специальное постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», в котором предусматривалось организация приемников – распределителей для детей до 15 лет. Детей от 14 лет и старше направляли на обучение в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища; трудоустраивали на работу в промышленности или сельском хозяйстве, детей до трех лет немедленно отправляли в медицинские учреждения. В одном из пунктов постановления рекомендовалось «широко развивать патронирование детей в семьях рабочих, служащих и колхозников» [10].

Так в Карагандинской обл. при каждом исполкоме создавались женсоветы. Основная задача женсоветов это «забота об эвакуированной детворе, пострадавшей от гитлеровских варваров. Стремление поскорее

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

изгладить в памяти детей следы переживаний, создать для них необходимые материальные условия, окружить их любовью и лаской...Каждый день в наш райсовет приходят славные советские женщины с просьбой помочь им в усыновлении ребенка...Женщины - патриотки нашего района ведут большую работу по сбору детской одежды, школьных принадлежностей. Более 800 предметов - обувь, одежда, постельные принадлежности, а также 14 тыс. руб. собраны в нашем районе для эвакуированной детворы. Женщины - активистки приводят в порядок собранные вещи, заботливо их украшают, шьют. Члены женсовета и депутаты районного совета депутатов трудящихся обследуют условия жизни эвакуированной семьи, где имеются дети, и снабжают нуждающихся всем необходимым. Приняты меры к усилению питания эвакуированных детей. Работает столовая, где дети получают по низким ценам обеды. Проектируется диетическая столовая для дошкольников», - писалось в статье «Искренне, с любовью», опубликованной в газете «Социалистическая Караганда» 25 марта 1942 г. [11].

Масштабы беспризорности и безнадзорности детей в годы войны были настолько велики, что потребовалась политическая воля государства по предотвращению этого явления. СНК СССР 15 июня 1943 г. принял постановление «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». Так, по данным органов милиции, за 1943 г. в Карагандинской обл. задержаны 1 тыс. 138 беспризорников [12].

Задерживаемые беспризорные дети устраивались в детдомах наркомпроса: в пос. Компанейск и Майкудук, в двух детских домах Осокаровского р-на, в Каркаралинском р-не и глухонемые дети – в интернате для глухонемых в пос. Новая Тихоновка, в детском приемнике НКВД в пос. Майкудук и в трудовой воспитательной колонии НКВД пос. Шокай Тельманского р-на [13].

Анализ архивных документов показывает, что Советское государство в годы войны сочло возможным выделить сотни млн руб. на организацию детских учреждений в тыловых районах страны, где бы каждому ребенку обеспечивались умелый уход и нормальное питание, предоставлялась возможность учиться и отдыхать.

- 1.Государственный архив Карагандинской области
ГАКО.Ф.469.Оп.2.Д.1.Л.180.
- 2.ГАКО.Ф.469.Оп.2.Д.24.Л.62.
- 3.ГАКО.Ф.15.Оп.1.Д.185.Л.201-201об.

- 4.ГАКО.Ф.22. Оп.1.Д.37.Л.222-225.
- 5.ГАКО.Ф.469.Оп.2.Д.167.Л.91.
- 6.ГАКО. Ф.18. Оп.1. Д.557. Л.50.
- 7.ГАКО.Ф. 664.Оп.1.Д.18.Л.286.
- 8.ГАКО. Ф.18. Оп.1. Д.610. Л.15-16.
- 9.ГАКО.Ф.1п.Оп.2.Д.503.Л.68,69.
- 10.Справочник по законодательству для прокурорских работников. Том 3 - Москва. 1949 год, С.324 -325.
- 11.газета «Социалистическая Караганда» от 25 марта 1942 года №71 (1686)
- 12.ГАКО.Ф.567.Оп.1.Д.11.Л.451- 452.
- 13.ГАКО.Ф.205.Оп.1.Д.2711.Л.1-8.

Беркун О.Е.

ЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В КАРАГАНДИНСКУЮ ОБЛАСТЬ

Уже на следующий месяц после начала войны в Казахстан стали прибывать эшелоны с эвакуированным с западных территорий СССР промышленным оборудованием и гражданским населением.

В военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г., утвержденном правительством СССР 16 августа 1941. г., были определены районы размещения эвакуированных предприятий из прифронтовых областей, а также было предусмотрено новое строительство военно-промышленных объектов на востоке.

Казахстан оказался одним из главных районов, где было решено разместить десятки перебазированных предприятий. Наличие в республике, созданной в годы довоенных пятилеток многоотраслевой промышленности, разветвленной сети железных дорог, достаточно мощной топливно-энергетической и сырьевой базы, значительного фонда производственных и жилых помещений, и отдаленность Казахстана от фронта - все это позволило эвакуированным предприятиям без длительной подготовки развернуть на новом месте производство продукции для фронта.

К декабрю 1941 г. в Казахстан прибыли 59 промышленных предприятий из 197 запланированных к эвакуации в республику.

В Караганду к этому времени был эвакуирован Ворошиловградский завод им. А. Пархоменко, который разместился на территории мастерских комбината «Карагандауголь». В архивных документах имеются следующие

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

сведения: «Завод им. Пархоменко эвакуирован в Караганду из Ворошиловграда, оборудование и рабочие прибыли 7 января 1942 г. Всего прибыло 55 металлорежущих станков, восемь единиц прессового оборудования, заточные станки, две термических электропечи, химическая и механическая лаборатория и пр. Одновременно прибыло 94 чел. рабочих и инженерно-технических работников завода с семьями. Решением Наркомугля заводу передано помещение и значительная часть оборудования Рудоремонтного завода Каругля» [1].

Уже летом 1942 г. завод им. Пархоменко начал выдавать продукцию, вначале оборонную, а с зимы 1942 г. – горношахтное оборудование. Основная продукция этого периода – шахтные вагонетки, лебедки, насосы, обогатительное оборудование. Продукция завода направлялась на шахты и рудники Карагандинской обл., угольные бассейны Сибири и Дальнего Востока. До Новейшей истории считалось, что в военное время завод изготовлял шахтное оборудование. В 90-х гг., когда рассекретили многие документы, стало известно, что предприятие изготавливало еще и боеприпасы для армии. «По программе 1-го квартала завод должен организовать производство мин М-120, бомб ХАБ200, хиприцепов – ХПЗ, полевых подъемных кранов ППК-41. Мины и бомбы должны выпускаться в массовом количестве, ХПЗ и ППК опытные образцы. На заводе установлено организовать следующие основные цеха: цех №1 – по производству мин М-120, цех № 2 – по производству ХАБ 200 и цех № 4 по производству ППК и ХПЗ, кроме того должны быть цеха: литейный, инструментальный, термический», - докладывал главный инженер завода секретарю ЦК КП(б) Казахстана Шаяхметову.[2]

Правда, завод не был запущен к установленному сроку, и первые плавки металла были почти полностью бракованными.

В декабре 1941 г. цех № 4 завода № 517 - Кольчугинский завод цветного проката им. Орджоникидзе, после эвакуации был размещен в имеющихся свободных зданиях Балхашского медеплавильного завода. По заданию Комитета Обороны, восстановление завода должно было закончиться к 15 февраля 1942 г., однако окончательно завод был пущен 14 апреля 1942 г. При пуске печей «Аякс» выяснилось, что на заводе совершенно нет кварца. «Он был найден в окружающих Балхаш сопках. Доставка его в условиях суровой балхашской зимы за 40 км представляла огромные трудности. Они были преодолены, и в настоящее время завод работает исключительно на этом кварце», - так было изложено в отчете за 1942 г.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Завод в 1942 г. восстановил производство всех сплавов, ранее выпускаемых цехом № 4 Кольчугинского завода, и впервые освоил ряд сплавов, которые раньше производились ленинградским заводом «Красный Выборжец». К концу 1942 г. цех отливал 26 различных сплавов: латунь, томпак, бронза, монель – металл, манганин, нейзильбер, мельхиор и др. [3].

По Карагандинской обл. подконтрольными по выполнению военных заказов явились два завода: завод им. Пархоменко и завод № 517.

В этот период было положено начало разработке молибденовой руды в Казахстане. Выплавка черновой меди за военные годы увеличилась на 203 %. Из каждых 100 т молибдена, добывавшегося во время войны в бывшем СССР, 60 т давали горняки балхашского рудника «Восточный Коунрад». К концу войны промышленность, размещенная в Балхаше, производила треть черновой меди, выплавляемой в СССР, значительную долю продукции из молибдена, цветного проката и вольфрама.

К концу 1941 г. в Карагандинскую обл. поступило оборудование Киевской ТЭЦ, использованное на строительстве КарГРЭС в пос. Самарканд. «Паровая турбина типа АТ-25-1 выпуска 1939 г. первоначально была установлена на Киевской ТЭЦ, проработала около 100 ч., была демонтирована и направлена на КарГРЭС 15 октября 1941 г. Турбина после установки была пущена в работу. Началом нормальной эксплуатации Карагандинской ГРЭС установлено 18 сентября 1942 г., с этого момента начался отпуск электроэнергии потребителям...», - сведения приведены в годовом отчете КарГРЭС по основной деятельности за 1942 г. Одновременно с возведением ГРЭС прокладывались высоковольтные линии. Благодаря вырабатываемой электроэнергии, шахты смогли повысить добычу угля. 60 процентов всего персонала электростанции составляли женщины. [4]

Весной 1942 г. в Караганде, в гараже треста «Карагандауголь» была размещена Артемовская обувная фабрика, эвакуированная из Украины. Пуск первой очереди состоялся в ноябре 1942 г. Было налажено производство мужских и детских полуботинок, в основном текстильные на резиновой и деревянной подошве. Весь объем работ выполнялся вручную. К 1945 г. на 50 процентов раскрой кожаных изделий был механизирован, был увеличен ассортимент выпускаемой продукции [5].

В начале марта 1943 г. из Астрахани прибыл состав с оборудованием кондитерской фабрики. По поручению председателя Карагандинского горсовета фабрике было выделено помещение магазина № 1 облторга. К началу 1945 г. фабрика выпускала четыре вида кондитерских изделий: карамель, помадку, щербет, халву. Было освоено производство таких

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

изделий, как карамель «Кунжутная», «Овощная», «Стахановская», «Панфиловская», «Барбарис», «Фруктовая», халва «Шахтерская», «Орловская», «Гвардейская» и др. В трудные военные годы приходилось проводить максимальную мобилизацию всех внутренних ресурсов. Внедрение рационализаторских предложений позволило получать экономический эффект во время войны [6].

Архивные документы рассказывают, что в годы войны были эвакуированы рыбоконсервные цеха Мариупольского и Керченского заводов. На базе этих цехов возник Балхашский рыбоконсервный завод. Рыболовецкие бригады во главе с Касыкбаевым, Асылбековым добивались замечательных уловов – «400 ц рыбы за однопритонение». Коллектив рыбохолодильного комбината к 24-й годовщине Красной Армии отправил в подарок фронтовикам 150 ц свежемороженой и 200 кг копченой рыбы [7].

В результате колоссальных усилий карагандинцы в кратчайшие сроки смогли перестроить работу всех промышленных предприятий области на военный лад, принять и разместить эвакуированные предприятия, пустить в ход огромные производственные мощности, способные обеспечить основные нужды фронта.

1. ГАКО. Ф.1п.Оп.2.Д.284.Л.28-29.
2. ГАКО. Ф.1п. Оп.2. Д.284. Л.28-29.
3. ГАКО.Ф.596.Оп.16.Д.10.Л. 1-8.
4. ГАКО.Ф.596.Оп.16.Д.8.Л.1-85.
5. ГАКО.Ф.676.Оп.1.Д.2.Л.177-188.
6. ГАКО.Ф.662.Оп.1.Д.4.Л.5.
7. Живицкая О. Дела давно минувших дней //Балхашский рабочий. № 48. 30 ноября 2012 г. - С.2.

Сактаганова З.Г.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Создание специальных эвакогоспиталей в тылу для лечения раненых в период войны началось еще в годы Первой мировой войны, этот опыт был использован и в период Второй мировой войны. Деятельность таких эвакогоспиталей в СССР изучалась как советскими, так и современными

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

исследователями, однако историография проблемы представлена единичными работами [1]. Региональный же аспект данной проблемы в контексте новейшей истории Казахстана так и не стал объектом исследования историков.

В годы войны действовали несколько тысяч эвакуогоспиталей в тыловых районах Союза, из них 76% были сформированы в 1941 г., остальные 24% созданы в 1942-1944 гг [2]. В Казахской ССР в период 1941-1945 гг. число развернутых эвакуогоспиталей составило 155, из них функционировали 113 (73%), 42 эвакуогоспиталя (27%) не развернулись из-за отсутствия условий размещения. Из общего числа функционировавших в Казахстане эвакуогоспиталей 44,5% были местного формирования, 55,5% – прибывшие в порядке эвакуации, причем максимальное количество эвакуогоспиталей пришлось на 1942 г [3].

Исследователь М.А Жакупова выделяет шесть этапов развертывания эвакуогоспиталей на территории Казахстана. Первый этап – организационный – с начала войны по октябрь 1941 г., когда шел процесс подготовки пригодных для госпиталей помещений, оснащение их необходимым хозяйственным и медицинским инвентарем и подготовка медицинских кадров. Самые первые госпитали были сформированы в июле 1941 г. в пяти областях Казахстана, в их числе и Карагандинская. Второй этап выпал на осень (с октября) и зиму 1941 г., именно в этот период в республику стали прибывать первые эшелоны раненых с фронтов. Причем самыми первыми начали свою работу два госпиталя – в Караганде и Петропавловске. Третий этап деятельности эвакуогоспиталей в Казахстане связан с резким ростом числа прибывших госпиталей и раненых в Казахстан. Только за два первых месяца 1942 г. (январь и февраль) в процессе эвакуации в систему Наркомата здравоохранения Казахской ССР прибыли около 70 эвакуогоспиталей на 31,5 тыс. коек, которые были размещены в 13 областях республики. Таким же насыщенным по приему госпиталей был и четвертый этап, начавшийся с весны 1942 г. (с апреля), на территорию республики эвакуогоспитали продолжали прибывать в период наступления гитлеровских войск на Кавказ и Сталинград летом 1942 г. Именно на 1942 г. приходится максимальное количество эвакуогоспиталей в Казахстане. Начало пятого этапа выпало на февраль 1943 г., после разгрома фашистских войск под Сталинградом. Из Казахской ССР на запад после освобождения оккупированных районов шел процесс передислокации эвакуогоспиталей. Последний шестой этап выпал, по мнению исследователя, на январь 1944

по май 1945 г., именно на него выпала плановая передислокация госпиталей из Казахстана и к началу 1945 г. в республике осталось всего 11 госпиталей.

В Государственном архиве Карагандинской обл. (ГАКО) есть ряд документов, позволяющих отследить повседневную жизнь и работу эвакогоспиталей, расположенных в г. Караганде. Причем значительная часть этих документов представляет собой политдонесения от комиссаров эвакогоспиталей о составе, политико-агитационной работе, морально-психологической обстановке и т.п.

Один из наиболее ранних по датировке документов в фондах ГАКО относится к 5 сентября 1941 г. Для выполнения решения постановления ЦК КПК и Совнаркома Казахской ССР от 1 сентября 1941 г. исполкомом облсовета (постановление исполкома подписано заместителем председателя исполкома облсовета трудящихся тов. Костенко) принял решение сформировать на территории Караганды три госпиталя на 800 коек: 200 коек на базе хирургического корпуса в Михайловке, на 300 коек дом партпроса (политического просвещения), 300 коек в здании Акушерской школы в Новом городе. Причем к 15 сентября поставлена задача завершить ремонтные работы для приспособления зданий под госпитали, укомплектовать управленческим аппаратом и обслуживающим персоналом. Все здания должны быть отремонтированы и подготовлены к приему эвакогоспиталей, укомплектованы мягким и твердым инвентарем, инструментами, медикаментами, травматологической аппаратурой и перевязочными материалами за короткий срок к 20 сентября [4, 162-164].

25 сентября 1941 г. специальным секретным приказом военкома Среднеазиатского военного округа присвоены номера эвакогоспиталей, развернутым в Казахской и Узбекской ССР. По Карагандинской обл. – их четыре: в г. Караганде №№ 3970 (на 300 коек), 3971 (на 300 коек), 3972 (на 200 коек) и в г. Балхаше - № 3973 (на 200 коек) [5, 196].

18 октября 1941 г. на бюро Карагандинского обкома партии обсуждался вопрос о помещениях для размещения эвакогоспиталей на две тыс. коек: клуб железнодорожников, железнодорожная больница, строящийся дом службы на станции Караганда-Сортировочная, здание школы в Майкудуке, здание треста «Карагандауголь». Было принято решение о срочном освобождении этих зданий и в связи с острым недостатком помещений для размещения госпиталей срочными темпами достроить здание областной библиотеки и приспособить его, переоборудовав под госпиталь. Для оборудования

госпиталей был забронирован весь рыночный фонд кроватей, а также кровати из общежитий этих организаций [6, 43].

При реализации этого решения обком партии и исполкомы советов отработывают данные вопросы: школа в Майкудуке на 200 коек, здание треста «Карагандауголь» на 600 коек, клуб станции Сортировочная на 500 коек и больница на 100 коек, Балхаш – 200 коек на базе больницы в Коунраде, с. Долинка – 400 коек [7]. Среди документов имеется смета расходов, в которой отражается перечень предметов мягкого и твердого инвентаря, среди которых наряду с рубашками, кальсонами, простынями, пододеяльниками, кроватями, кушетками и т.п. в культоборудовании (наряду с бильярдом и шашками) предусмотрены портреты вождей – 25 шт. на сумму четыре руб., причем эта сумма выделена из 15 руб., отведенных на все культоборудование [8, 193-193 об]. Работа карагандинских эвакогоспиталей находилась (как и абсолютное большинство всех сфер жизнедеятельности советского человека, - *прим. авт.*) под пристальным вниманием партийных органов, причем как медицинское, санитарно-гигиеническое обеспечение, так и состояние политико-воспитательной работы. Отмечена огромная работа врачей и медицинских сестер по восстановлению здоровья раненых, в строй возвратились сотни бойцов. В отчетах обозначено, что в целях сокращения сроков лечения в госпитале широко применялись новые методы лечения огнестрельных ран, таких как глинолечение, рентгенотерапия, переливание крови, была организована лечебная физкультура. Регулярно были организованы консультации лучших врачей города – невропатолога, дерматолога и др. Параллельно отражена и политико-воспитательная работа среди раненых и персонала: изучение приказов И.В. Сталина, лекции на международные темы, о положении на фронте и др. Организован досуг раненых: концерты, игры, выступления самодеятельных коллективов и др. Шефство таких организаций как Карлаг НКВД, завод Пархоменко, Горный институт и др. выражалось, как отмечено в архивных документах, в повседневной помощи в продуктах, создании уюта в госпиталях. Отмечены и проблемные моменты, в первую очередь, связанные с санитарным состоянием корпусов, в частности, второго. Помещение второго корпуса было заражено клопами, в отделении выздоравливающих наблюдается завшивленность. Редко менялось белье, смена раз в две-три недели, отсутствие полотенец, некачественная стирка белья, нерегулярное купание больных и т.п. Большая часть раненых не имела тапочек и ходила босыми,

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

обмундирование раненых не дезинфицировалось, по этим и др. причинам в госпитале возникали инфекции и даже эпидемии [9, с. 74]. Значительное внимание уделено в отчетах о политической работе: чтение лекций, выпуск боевых листов в палатах; зафиксированы случаи пьянства, самовольных отлучек, отсутствия протоколов партсобраний и т.п. Из-за неаккуратного пользования большая часть книг в библиотеке оказалась в состоянии негодности, и раненые были лишены возможности читать художественную литературу. Отмечено, что слабо осуществлялась культурно-массовая работа, которая заключалась лишь в нечастой демонстрации кинокартин, и мало развита госпитальная самодеятельность. В постановляющей части выработаны меры для изменения ситуации: от приведения корпуса в нормальное состояние до выделения 200 пар тапочек для раненых, организации библиотеки в пять тыс. томов книг и узкоплечной киноустановки в госпитале [10, 76 об.].

Среди нерешенных проблем обозначались и более значимые для нормального функционирования госпиталей вопросы. Например, в ноябре 1941 г. военкому Карагандинской обл. отправлено секретное донесение от начальника госпиталя № 3970, что в госпитале не укомплектован штат врачей (был отозван один врач Александров и никем не заменен, - *прим. авт.*), отсутствует заместитель начальника по медицинской части, его заменяет единственный работающий хирург больницы врач Барановская, который из-за перегруженности не успевает справиться с обязанностями. Недостаточно квалифицирован средний медицинский персонал: из шести старших медсестер соответствуют своему назначению лишь трое. Уже в октябре 1941 г. в связи с прибытием новых контингентов раненых, значительно превышающих возможность госпиталя, создалось крайне неудовлетворительное положение с размещением раненых бойцов: значительное количество раненых было размещено на полу [11, 48-48 об.]. Зафиксирован еще ряд проблем: не огорожена территория госпиталя, в силу чего через посторонних лиц в госпиталь поступают раненым спиртные напитки – имелись факты пьянства. Крайне недостаточным является имеющийся транспорт: всего одна машина, шесть лошадей (одна из которых больна), отсутствуют сани и легковой выезд, не хватает горючего. Госпиталь не имеет своей базы стирки, она осуществляется частными лицами, которые не успевают обслуживать: еженедельная потребность составляет в белье 100 шт., а выход чистого белья вдвое меньше – 54 шт. Не хватает двух поваров в столовых, нехватка мягкого (одеял 120 шт.) и твердого (кроватей 40 шт.) инвентаря и т.д. [12, 169-169 об.]

Среди донесений имеются материалы с детализацией девиантного поведения среди медперсонала (медсестер и санитаров) и раненых: пьянство, дебоши и т.д. Фиксация таких случаев также входила в компетенцию комиссаров госпиталей, что и отражалось в их отчетах [13,147].

Данные проблемы становились предметом специального обсуждения на заседаниях партийных и государственных органов и решались с учетом специфики военного времени. За годы войны из госпиталей Казахстана возвращены в строй 55,5% раненых; летальность раненых, поступивших в эвакуогоспитали республики была низкой (0,06-1,2%) при союзном показателе 1,5% [14, 60]. Несмотря на проблемы и трудности, связанные с размещением, укомплектованием госпиталей кадрами, оборудованием, хозяйственным инвентарем, врачи и медсестры, санитары и хозяйственники выполнили задачи, поставленные перед ними в годы войны.

1. Жакупова М.А. Эвакогоспитали Казахстана в годы Великой Отечественной войны. – Алма-Ата, 1985. – 120 с.; Ее же. Тыловые эвакогоспитали Казахстана и Республик Средней Азии (САВО) в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – Астана, 2005. – 272 с.
2. Жакупова М.А. Тыловые эвакогоспитали Казахстана и Республик Средней Азии (САВО) в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). // <http://bibliotekar.kz/tylovyye-yevakogospitali-kazahstana>
3. Жакупова М.А. Эвакогоспитали Казахстана в годы Великой Отечественной войны. – Алма-Ата, 1985. – С. 33
4. ГАКО. Ф. 67. Оп. 3. Д. 128. Л. 162-164
5. ГАКО. Ф. 67. Оп. 4. Д. 101. Л. 196-198
6. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 43
7. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 44; Ф. 67. Оп. 3. Д. 128. Л. 229
8. ГАКО. Ф. 67. Оп. 3. Д. 128. Л. 193-193об.
9. ГАКО. Ф. 3П. Оп. 1. Д. 177. Л. 74
10. ГАКО. Ф. 3П. Оп. 1. Д. 177. Л. 76об.
11. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 108. Л. 48-48 об.
12. ГАКО. Ф. 67. Оп. 3. Д. 155. Л. 169-169об.
13. ГАКО. Ф. 67. Оп. 4. Д. 93а. Л. 147
14. Жакупова М.А. Эвакогоспитали Казахстана в годы Великой Отечественной войны. – Алма-Ата, 1985. – С. 60

*Книга «Город вещих снов»
Григорьева И.А., 2015 г., Усть-Каменогорск*

ЦГА РУз, 1942 г.

Рождественский В.// ЦГА РУз

*Липкин М. «Подбитый трамвай», 1943 г.
// ГМИ РК им. А. Кастеева*

*Исхаков Д.И., 2006 г., г.Ташкент
//семейный архив Исхакова Д.И.*

*Комсомольский билет Сорокина Г.В., 1943 г.
//семейный архив Сорокина Г.В.*

*Семья Минькиных, 1935г.
//Архив Центра и Фонда Холокост*

*В центре Циля Рубинчик, 1935 г.,
м. Свислочь Осиповического р-на Белорусской ССР
//личный архив Рубинчик Ц.*

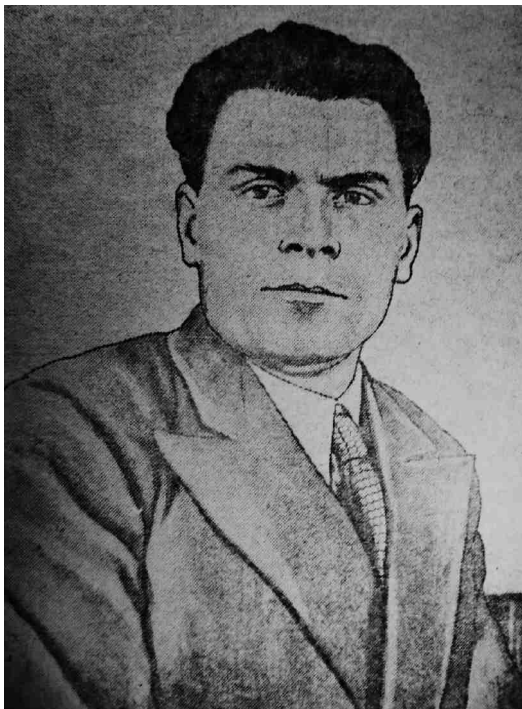

*Надгробие Мины-Эйде Моисеевны Гутерц, 1916 г., г. Семей
//фотография Кац Г.Л.*

*Раввин Богин Ш.А. с женой Хае-Соре, ок. 1910 г., г.Уфа
//семейный архив Богоиной Б.Х.*

«Еврейская жизнь» от 16.01.1920 г., г.Иркутск
//Национальная библиотека в Иерусалиме

*Принцев В.Н., секретарь по партпропаганде
Кустанайского обкома партии 1939-42 гг.//ТАКО*

*Социальный слой еврейской
диаспоры в Узбекистане (1939 г., %)*

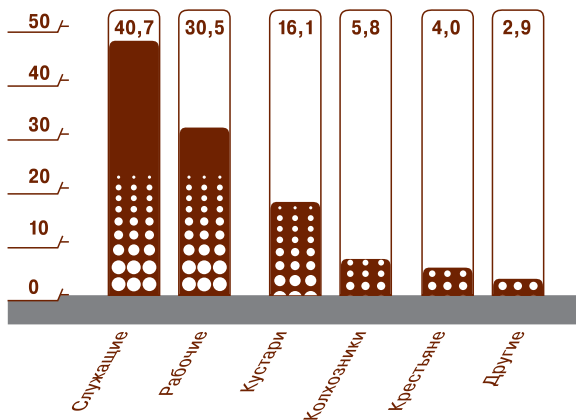

*Таблица к статье Саиповой К. Д.
История польских евреев в годы Второй мировой войны*

*Еврейская синагога, 1918 г., г.Ташкент
//ЦГА КФФД РУз*

*Еврейская школа, 1918 г., г.Бухара
// ЦГА КФФД РУз*

*Израиль-Михаил Коц, ок. 1920 г.
//семейный архив Коца И.А.*

*Тамара Коц, ок. 1910 г., Уфа
//семейный архив Коца И.А.*

*Магазин И.-М. Коца, начало XX в., Уфа
//коллекция Национального музея РБ*

*Евзеров А.М.
//Центральный Сионистский Архив в Иерусалиме*

Берништейн А.Д./газета «Шалом», 2008 г.

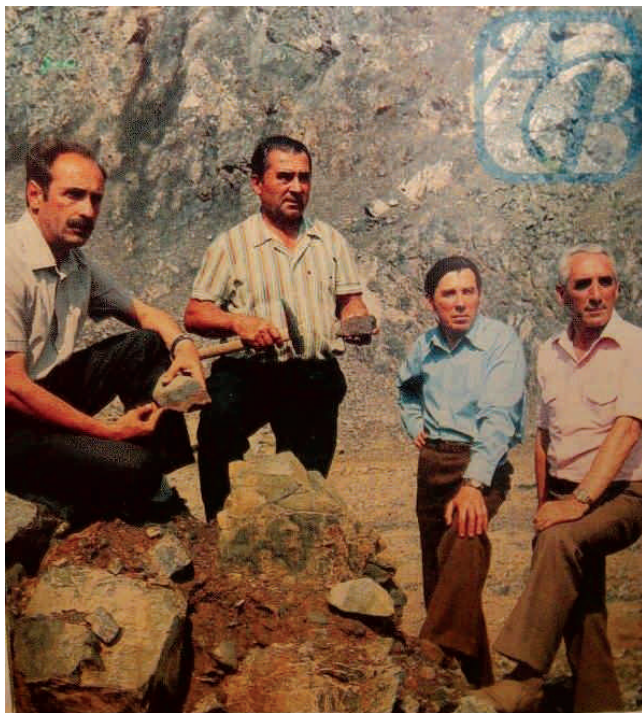
*Вулис Л.А./Кафедра теплофизики и технический физики
физико-технического факультета КазНУ им. аль-Фараби*

*Вайншток Ю.М. конец 1960-х гг., Алма-Ата, «Казахфильм»
//семейный архив Коробкиной Г.Ю.*

*Иссык Н.А. и Иссык В.В., 1958 г.
//семейный архив Иссык Т.В.*

Книжник Е.И. крайний слева, месторождение хромитов «Восход», 1964 г./семейный альбом Книжник Е.И.

Шнайдерман Шпринца (Прокопенко), 1950 г., Уральский детский дом/семейный альбом Прокопенко Л.Я.

*Шнайдерман Шпринца (Прокопенко)
в пед. училище, г. Вольск, 1954 г.
//семейный альбом Прокопенко Л.Я.*

*Внизу слева Прокопенко Л.Я. и Прокопенко В.П.,
утренник в детском саду в Шубар-Кудуке, 1960-е гг.
//семейный альбом Прокопенко Л.Я.*

Участники Международной научно-практической исторической конференции, 16 сентября 2016 г., ЦГА РК

Директор ЦГА РК Актаева Л.С., консул США в Алматы Муди М., председатель Совета Ассоциации «Мицва» Барон А.И., открытие конференции 16 сентября 2016 г., ЦГА РК

*Властимил Самек,
руководитель департамента общественной информации
Организации Объединенных Наций*

Выставка книг, изданных Ассоциацией «Мицва» с 2002 г.

**ИЗ ИСТОРИИ ЭВАКУАЦИИ ЕВРЕЕВ
В г. ЛЕНИНОГОРСК ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ
ОБЛАСТИ ИЛИ ЕВРЕЙСКАЯ САГА СОРОКИНЫХ**

Небольшой городок с необычным названием - Риддер основан в 1786 г. Назван по имени горного офицера Филиппа Риддера, открывшего здесь месторождение полиметаллических руд и заложившего рудник, названный Риддерским. Сегодня это крупнейший индустриальный центр Восточного Казахстана, находится на втором месте после г. Усть-Каменогорска по выплавке свинца, цинка и редких металлов. Территориально расположен в верховьях р. Ульбы у подножия Ивановского хребта, в 120 км от областного центра г. Усть-Каменогорска и 60 км от российской границы. По данным Агентства РК по статистике в Риддере проживает 58 тыс. чел. (2014) [1]. Численность еврейского населения в официальных источниках не указана. По данным Еврейского культурного центра г. Усть-Каменогорска в Риддере зарегистрировано чуть более ста евреев. За свою 230-летнюю историю город неоднократно менял название. Основанный как Риддер, в феврале 1941 г. переименован в Лениногорск. В 1934 г. получил статус города. В 2002 г. по решению Указа Президента Казахстана г. Лениногорск был вновь переименован в г. Риддер [2].

Когда и как начала формироваться здесь еврейская община? Впервые массово евреи появились в Риддере перед Великой Отечественной войной. Это были депортированные и беженцы из центральных и южных районов Польши, занятых немецко-фашистскими войсками. В Государственном архиве Восточно-Казахстанской обл. хранится документ «Список польских перебежчиков, прибывших с территории бывшей Польши, занятой Германией, находящихся в Восточно-Казахстанской обл., г. Лениногорск». Все мужчины из этого списка - евреи. [3, с. 38] По сведениям этого же архива в январе 1940 г. более 300 евреев из Польши и Белоруссии завербовались на строительные работы в трест «Алтайстрой», находившегося в Ульбастрое г. Риддера. [4, с. 59-60] И основная группа, из которой сформировалась в будущем еврейская община, эвакуированные из западных областей СССР в 1941-1942 гг.

История любой страны как мозаика складывается из отдельных человеческих судеб.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Еврейская сага Сорокиных началась в начале XX в. в Черниговской губ. В маленьком г. Сураж Клиновицкого у. прошло детство Сорокина Владимира Романовича (1906-1998). Закончил русскую гимназию, но традиционно знал идиш. В семье кустика - шапочника был пятеро детей. Володя на правах старшего помогал отцу содержать семью, овладел мастерством ремесла отца. В 17 лет с отличием закончил гимназию и вошел в самостоятельную жизнь. Сильный характер, образование, незаурядные природные дарования оратора, организатора, артистичность, трудолюбие, уверенность в том, что он везде, во всем и всегда должен быть первым, лучшим, помогали ему в жизни.

В 1925 г. уехал в г. Брянск, поступил на работу в мастерскую по пошиву головных уборов. Здесь встретился со своей будущей женой - дочерью хозяина мастерской, Любовь Моисеевной. Они прожили долгую жизнь, в которой было все: и радость, и горе. В семье сохранилась легенда, что отец Любы - Моисей Григорьевич Якубович сшил заочно по меркам шапку генеральному секретарю ЦК КП (б) Украины Л.М. Когановичу.

Перед войной молодая чета Сорокиных жила в г. Бежец Брянской обл. К этому времени Владимир Романович вступил в партию, здесь началась его деятельность в качестве народного судьи.

Июнь, 1941г. Брянск бомбили нещадно. Одна из бомб взорвалась во дворе, где жила семья Сорокиных. На месте дома - воронка. Спас глубокий погреб, куда спряталась семья. Вскоре стало понятно - нужно уходить.

На всю жизнь в памяти остались воспоминания о страшных днях эвакуации. Вырвались из Брянска с одним портфелем, в котором были самые необходимые документы. Любовь Моисеевна, одна с сыновьями Гришей и Левой месяц добиралась в товарном вагоне до Узбекистана. Остановились на станции Мирзачуль Сырдарьинской обл. Полуголодные, часто без воды, грязь, вши... - все было.

Владимира Сорокина по состоянию здоровья в армию не призвали. Городскими властями на него было возложено ответственное задание - организация эвакуации и уничтожение документов государственной важности. Из Брянска уезжал одним из последних, но до Узбекистана все же добрался и семья воссоединилась.

Сразу возникли сложности с устройством на работу. Причина, все тот же пресловутый пятый пункт. Говорили открыто: «Ты еврей, для тебя работы нет». Выручили специальность шапочника, полученная в юности, и умелые руки. Удалось устроиться мастером в артель им. Стаханова по

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

пошиву головных уборов. Жили очень тяжело, снимали маленькую комнату, где помещались лишь два топчана. Постоянно голодные, ели чечевицу, воды не хватало. Детей отправляли на уборку хлопка. Григорий, старший сын вспоминает: «Работали до крови в руках...».

В июне 1942 г. семья переезжает в Восточный Казахстан, г. Лениногорск И снова жизнь с нуля. Сыновья пошли в школу, Владимир Романович устроился на работу в эвакогоспиталь № 3989. Некоторое время пришлось работать в лагере № 347 немецких военнопленных, о котором и сегодня помнит старшее поколение горожан.

Вскоре для Сорокина начинается новый этап трудовой биографии, уже казахстанской. В конце 1942 г. его назначают помощником прокурора г. Лениногорска, затем заместителем. С 1944 г. - он прокурор города [5].

В 2007 г. автору статьи удалось встретиться с одним из сыновей В. Р. Сорокина - Григорием Владимировичем (1926-2010). В ходе беседы он поделился своими воспоминаниями о далекой юности.

В Лениногорск приехал вместе с родителями в 16 лет. Учился и работал наравне со взрослыми, как, собственно, и все дети войны. В 1943 г. стал комсомольцем. Но, есть событие в биографии Григория, о котором он вспоминает с неохотой. Но факты и документы - вещь упрямая, и связаны они с в данном случае с проявлениями антисемитизма в военные годы.

Общепринято считать, что Казахстан и антисемитизм понятия несовместимые. Массово, да, но бытовой, существовал всегда. В 1942 г. в связи с прибытием большого количества эвакуированных евреев в Казахстан примеры антисемитизма достигли максимума. Иначе как можно объяснить появление документа от 15 октября 1942 г.

«Прокурор СССР - заместителю председателя СНК СССР А.Я. Вышинскому о борьбе с бытовым антисемитизмом в Казахстане

Совершенно секретно

Прокурор Казахской ССР сообщил, что в Казахской ССР, Алма-Атинской, Джамбульской и Южно-Казахстанской обл. [в] последнее время факты проявления антисемитизма принимают распространенный характер. Так, если в первом полугодии 1942 г. по всей республике по ст. 597 УК РСФСР было предано суду 20 чел., то за время с 1 августа по 4 сентября с.г. только по одной Алма-Атинской обл. предано суду 35 чел., по Семипалатинской - семь, а всего с начала года - 62 чел.

Преступления, направленные на разжигание национальной вражды, приняли разнообразные формы: публичные выступления, оскорбляющие национальное достоинство; избиения на улицах; открытое одобрение

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

политики Гитлера по отношению к евреям; повреждение имущества, отказ от предоставления работы; распространение листовок с призывом не продавать евреям продуктов питания; распространение слухов об убийстве евреями детей».

В августе 1942 г. в Восточно-Казахстанский Обком партии из редакции газеты «Казахстанская правды» было отправлено неопубликованное письмо, автором которого является ученик 8 «б» класса лениногорской школы. На конверте адрес: «Москва. Кремль. тов. Сталину»:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мой пионерский долг обязывает меня сообщить Вам о тех безобразиях, которые творятся здесь, в г. Лениногорске (Риддер). Еврей – неполноценный гражданин. По улице пройти нельзя – раздаются возгласы: «Вот идет жид» или «Бей жидов – спасай Россию!» В кино идти не можешь, а если пойдешь, будешь избит. Заявления, которые подавались в Г.К.К.П(б)К, остаются без действий. Я прошу Вас, дорогой вождь, принять какие-нибудь меры, ведь дальше продолжаться так не может. Желаю Вам здоровья и сил для дальнейшей Вашей жизни, потому что она нужна народам Советского Союза. Да здравствует Великая дружба советского народа. 29 ноября 1942 г.».

Вскоре на имя секретаря ВК обкома КП/б/К из ЦК КП \б/К с пометкой «совершенно секретно» пришло письмо: «...Нужно разъяснить, что злейшие враги человечества фашисты являются злобными антисемитами, что они уничтожили и продолжают уничтожать сотни тысяч ни в чем не повинных людей из еврейского населения. И тот, кто проявляет антисемитские настроения, помогает заклятому врагу человечества – фашизму... В практических мероприятиях... необходимо шире практиковать постановку лекций, докладов на темы о национальном вопросе, о дружбе народов. В лекциях необходимо приводить примеры, факты и цифры, характеризующие героизм на фронте и в тылу отдельных национальностей и в т.ч. евреев». [6, л. 22]

Сегодня письмо хранится в Государственном архиве Восточно-Казахстанской обл. (г. Усть-Каменогорск). Автор письма вспоминал об этом с улыбкой, приговаривая: «Если бы узнал отец, попало бы крепко». Дело в том, что письмо написал Гриша Сорокин, сын помощника прокурора города - В. Р. Сорокина.

Война закончилась, но семья Сорокиных принимает решение остаться в Лениногорске. В 1948 г. Владимир Романович успешно

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

окончил Алма-Атинский филиал Всесоюзного юридического института. Он по праву был в числе лучших городских прокуроров Казахской ССР. Награжден именными золотыми часами от имени Прокуратуры Советского Союза. В послужном списке 14 благодарностей от прокурора Восточно-Казахстанской обл. и прокурора Казахской ССР. 12 лет, более двух конституционных сроков Владимир Романович занимал эту почетную и непростую должность. Неподкупен, честен, справедлив, требователен к себе и сотрудникам, он терпеливо по-доброму учил, воспитывал подчиненных.

С 1956-1959 гг. Владимир Романович работал в тресте «Лениногорсксвинецстрой» в должности помощника строительного Управления ТЭЦстрой. С 1960 - 1976 гг. - начальник юридического бюро Лениногорского полиметаллического комбината, затем, будучи уже на пенсии, в течение трех лет он продолжил работу как юрисконсульт. Одновременно в течение 15 лет выполнял обязанности ректора Университета Правовых знаний, который кстати был признан лучшим в республике.

В 1977 г. имя Сорокина занесено в Книгу Почета г. Лениногорска, а в 1996 г. присвоено звание Почетного гражданина города. Ему было 92 года, когда горожане простились с ним.

Это был человеком разносторонних интересов: любил театр, в молодости был артистом и режиссером самодеятельного театра. Любил симфоническую и эстрадную музыку, много читал, занимался спортом, был интересным собеседником, обладал удивительно тонким юмором. Владимир Романович очень любил свою семью, всю жизнь заботился обо всех. Особая любовь его - внуки и правнуки. «Изюмочки мои», - называл он детей. Его общение с ними было поразительно нежным, умным.

Сын Григорий продолжил семейную традицию. После окончания школы поступил в горно-металлургический техникум Лениногорска, получил специальность горняка. Позже пошел по стопам отца, закончил Алма-Атинский юридический институт. В 1952 г. вернулся в родной город. Работал, как и многие, на полиметаллическом комбинате, 20 лет в лаборатории научной организации и управления труда.

Поразительно то, что в семье Сорокиных всегда помнили о еврейских корнях, хотя особо не афишировали. Знали и иногда говорили на идиш. Истинной хранительницей еврейской традиции, как и положено, была жена и мать - Любовь Моисеевна. На Песах пеклась маца, а приезжим в Лениногорск почетным гостям по заказу готовила фаршированную рыбу. Мало того, она всему научила свою русскую

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

невестку, которая сегодня вспоминает о клецках, черной редьке с медом, подававшейся в качестве десерта в красивой вазочке, медовой коврижке (лакех), кисло-сладком мясе (эссек-флейш). В душе Любовь Моисеевна до конца своих дней оставалась еврейкой.

Григорий Сорокин, автор «сталинского» письма в ходе беседы поделился своими «еврейскими» воспоминаниями. Его детство и отрочество прошли в окружении жизни, где еврейская традиция выполнялась неукоснительно. В памяти остались четкие воспоминания о приготовлении мацы на Песах: «Будучи мальчишкой, я присутствовал при изготовлении мацы. Накануне праздника группа евреев из двух-трех мужчин и пяти-шести женщин занималась выпечкой мацы. По приглашению они ходили из дома в дом, хозяева также помогали. Замешивали тесто мужчины. Женщины выполняли более легкую подсобную работу: раскатывали тесто на больших кусках фанеры. Уже по готовому листу мужчины специальным устройством на длинной ручке с колесиком на конце наносили продольные борозды. Затем готовый лист мацы сажали в раскаленную русскую печь, пекли на поду. Все движения были очень быстрые, отработанные до автоматизма. Пекли на одной стороне. Процесс приготовления занимал целый день. Пекли много. Готовую мацу укладывали в большие корзины, закрывали простынями и убирали на шкаф. Могла храниться целый год. Из мацы делали муку и использовали для приготовления различных блюд. Взрослые учили своему ремеслу детей» [7, с. 13 - 15].

В 2010 г. Григория Сорокина не стало. Он никогда не забывал о своих еврейских корнях и был удивительно скромным человеком. При нашей единственной встрече мало говорил о себе. Больше о своем отце Владимире Романовиче. Очень просил написать о нем. Думаю, я выполнила его просьбу, пусть это будет моим подарком к юбилею. 26 июля 2016 г. В.Р. Сорокину, почетному гражданину г. Лениногорска исполнилось бы 110 лет.

1. Агентство Республики Казахстан по статистике. Этнодемографический сборник Республики Казахстан 2014 С. 18-19 // электронный ресурс - <http://www.stat.kz>
2. Указ Президента Республики Казахстан от 28 июня 2002 года № 900 «О переименовании города Лениногорска Восточно-Казахстанской области»

3. Зулкашева А. Польские граждане на территории Казахской ССР (1941-1942 гг.) //История. память. Люди. Материалы V международной конференции 28 октября 2010, г. Алматы.- Алматы, 2011
4. Крутова. Н. К вопросу об антисемитизме в Восточном Казахстане в XIX - начале XX вв. // Этнокультурное взаимодействие народов в трансграничном пространстве Северной Азии: сборник научных статей. - Барнаул, 2013
5. Риддерский историко-краеведческий музей. Воспоминания Н.В. Сорокиной, 2006 г.
6. ГАВКО Ф. 1п, Оп.1, Д.1547
7. Крутова Н.В. Еврейский Песах в традиции и воспоминаниях // Вестник культуры – Усть-Каменогорск: Изд. Управление культуры Восточно-Казахстанской области, 2009 - № 4

Серовайская Ю.Я., Тевелева Т.М.

**ВОЕННОЕ ДЕТСТВО БЕЖЕНКИ ИЗ ВЕЛИЖА
ТАМАРЫ МЕНДЕЛЕЕВНЫ ТЕВЕЛЕВОЙ**

«Никто не забыт, ничто не забыто».

Ольга Бергольц

*«Почти два года держалась передовая по берегам Двины, и все
время здесь шли ожесточенные бои. Велижу
выпала роль мельницы войны...».*

Евгений Савинов (поэт)

Мой доклад на нашей прошлой конференции 2014 г. «Александр Григорьевич Бордюков и увековечивание памяти жертв Велижского гетто» получил важное жизненное продолжение [1]. Во-первых, благодаря руководителю проекта А.И. Барону и М.С. Макаровой (редактор сборника), книга материалов VII Международной научно-практической конференции «История. Память. Люди», посвященной 20-летию Ассамблеи народа Казахстана, была отправлена в г.Велиж, причем, как в Велижский историко-краеведческий музей (МБУК «Велижский музей»), так и самому А. Г. Бордюкову – человеку, благородным делам, подвижничеству которого был посвящен мой доклад. И Александр Григорьевич незамедлительно откликнулся. В письме от 12 июля 2015 г. он просил публично выразить его благодарность за присланный сборник. «Я получил книгу «История. Память. Люди», где есть Ваше выступление

обо мне и моей общественной деятельности... Пожалуйста, уведомите отправителя, что я получил книгу и поблагодарите за их необыкновенно приятный, дорогой и ценный подарок для меня и моей семьи» [2].

Во-вторых, уже на стадии подготовки того доклада, я обращалась к А.Г. Бордюкову и к директору Велижского музея Л.А. Качулиной с просьбой сообщить мне сведения о некогда живших и ныне живущих в Алматы выходцах из г.Велиж. В ответных письмах они рассказали о семье М.М. Красинца и сестрах Малых (Тевелевых). При этом мои корреспонденты написали, что в настоящее время из алматинцев они поддерживают связь только с последними. Я припомнила тогда, что упоминания о сестрах Малых (Тевелевых) и их поездке в Велиж с целью получения сведений о своих близких – деде, бабушке, отце и тете, погибших в Велижском гетто в годы Великой Отечественной войны, я встречала много лет назад в статье Эллы Максимовой, напечатанной в еще союзной газете «Известия» [3]. Произшедшим затем знакомством я обязана А.Г. Бордюкову и Л.А. Качулиной.

За истекшее время мы познакомились с Тамарой Михайловной (Менделеевной) Малых (Тевелевой), и я побывала у нее дома. Ее младшая сестра Раиса Менделеевна Тевелева, с которой она проживала все последние годы, скончалась в августе 2015 г.

Тамара Михайловна рассказала, что долгое время у нее не было свидетельства о рождении и поэтому еще в детстве ей записали отчество «Михайловна», а «Малых» – это фамилия ее первого мужа. Получив необходимые документы уже в зрелом возрасте, она обрела свое настоящее отчество и девичью фамилию. Поэтому в дальнейшем будем называть ее Тамарой Менделеевной Тевелевой.

Тамара Менделеевна родилась 8 декабря 1931 г. в г. Велиж Смоленской обл. РСФСР. К началу войны ей было полных девять лет, и она успела закончить третий класс средней школы. А вот ее младшая сестра Рая, родившаяся 1 сентября 1934 г., пойти в школу еще только собиралась и в сентябре 1941 г. надеялась стать первоклассницей.

Во время нашей беседы я задала Тамаре Менделеевне вопрос, является ли она беженкой. Ее ответ записала дословно: «Официально у меня такого статуса никогда не было. Но, как же я не беженка, если в Велиже погибли все мои родные и близкие по отцовской линии, немцы сожгли наш дом (сгорел дотла), и мы бежали из Велижа в чем были, без вещей и документов, по льду Западной Двины». И как бы в подтверждение своих слов она достала и прочитала справку, которую

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

получила из Велижского музея. Заметим здесь, что в маленьком г. Велиж историко-краеведческий музей выполняет отчасти функцию ЗАГСа и, по возможности, выдает справки гражданам по утраченным во время войны документам. А эта справка, полученная из Велижского музея, является столь важным историческим и трагическим документом, что мы приведем ее текст полностью.

«Справка

Настоящая дана Малых – Тевелевой Тамаре Менделеевне (Михайловне), проживающей в г. Алматы, Казахстан, в том, что она со своими родными находилась на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории с 13 июля 1941 г. по 20 сентября 1943 г.

Ее родственники : дедушка Тевель Шлемович Тевелев 1884 г.р., бабушка Сара (Цира) Исааковна Тевелева 1889 г.р., отец Мендель Тевелевич Тевелев 1908 г.р., тетя Эсфирь Менделеевна Тевелева 1920 г.р., погибли при уничтожении еврейского гетто 28–29 января 1942 г.

Малых (Тевелева) Тамара Менделеевна (Михайловна) спаслась.

Основание: Акт о злодеяниях фашистов на территории Велижского района Смоленской обл., фонд № 2434. – Список №1 – Список №2 бывших узников Велижского гетто.

Справка выдана музеем МБУК – «Велижский музей» 23.10.2012 г.»

В справке указан весь период оккупации Велижа немецко-фашистскими войсками – с 13 июля 1941 г. по 20 сентября 1943 г.

И Тамара Менделеевна, насколько ей позволяла память, принялась подробно рассказывать о своем довоенном детстве в Велиже и о родных, безвинно, трагически погибших там в гетто. И время такое далекое, давно ушедшее, стало близким. Как будто сомкнулись десятилетия между тем прошлым и настоящим, ожили реалии – события и эпизоды из 30-х – 40-х гг. уже прошлого века.

Вот ее дедушка Тевель Шлемович Тевелев работал матросом на лайбах (лайбы – термин велижский, местный; лайбами велижане называли баржи, перевозящие грузы по Западной Двине, - *прим. авт.*). Он оставил о себе добрую память. По воспоминаниям Тамары Менделеевны, дедушка – очень хороший человек, везде брал ее с собой. С ним она ходила по Западной Двине от Велижа до Витебска и обратно. Бабушка Сара (Цира) Исааковна Тевелева, девичью ее фамилию внучка Тамара никогда не знала, не работала и была домохозяйкой. У Тамары Менделеевны осталось впечатление, что бабушка ее недолюбливала, а к сестре Рае относилась немного лучше. Но,

несмотря на эти детские обиды, бабушку ей также жалко, как и остальных погибших родных. С бабушкой и дедушкой проживала их незамужняя дочь Эсфирь, которую девочки Тамара и Рая звали почему-то Тося. К началу войны ей исполнился 21 год. Двоюродная сестра бабушки Фаня тоже жила у них. Отец Тамары и Раи, Мендель Тевелевич Тевелев еще до войны закончил Лесотехнический техникум, по устным воспоминаниям Тамары Менделеевны, в Витебске, а в мемуарах значится, что в Ленинграде. Его сферой деятельности было лесное хозяйство, и работал он таксатором – учетчиком леса, древесины в велижском Леспромхозе. Жили они все вместе, по представлениям того времени, в добротном деревянном доме, состоящим из общей большой комнаты, спальни, кухни и сеней. Их дом за номером семь находился на Спартаковской ул. рядом с Витебским большаком на большой стороне Велижа (Большак – тракт, большая непроселочная дорога, связывающая город с др. населенными пунктами, - *прим. авт.*). От него до центра Велижа было квартала полтора.

Я спросила Тамару Менделеевну, остался ли кто-нибудь в живых от семьи Тевелевых, кроме них самих. Оказывается, выжил только родной младший брат отца – Герц Тевелевич Тевелев. Он сражался тогда на фронте в действующей армии, в мирное время сохранил приверженность военной профессии, дослужился до звания полковника. А средний брат отца – Соломон Тевелевич Тевелев тоже был призван в армию и погиб. В живых осталась их мама Лариса Николаевна, по национальности – русская. О маме Тамара Менделеевна рассказала, что тогда она была деревенской, простой, совсем неграмотной девушкой. За их отца Лариса вышла замуж совсем молодой. Оказывается, родители сестер были в разводе. Поэтому получилось так, что Тамара воспитывалась в семье отца, у бабушки и дедушки, а Рая жила с мамой у родной сестры Ларисы – Нины в г.Торопец Калининской обл. (ныне – Тверская обл., - *прим. авт.*).

И вот в это самое лето, в начале июня 1941 г., мама отправила Раю в Велиж погостить у бабушки и дедушки. Здесь всех их настигла война. Когда Тамара в первый раз увидела немецкий самолет в мирном небе над Велижем и услышала рев его мотора, она так напугалась, что убежала из города, бежала много верст, не оглядываясь, куда глаза глядят, не останавливаясь, через лес и оказалась в деревне «Широкое». Уже потом деревенский мужик на телеге отвез ее обратно в Велиж. Рассказывая обо всем этом, Тамара Менделеевна невзначай обронила: «Вообще-то мы с Раей написали небольшие воспоминания о нашем военном детстве. Они у меня где-то есть. Только кому это сейчас надо?». И тогда уже я поведала ей о наших научно-

практических конференциях, проводящихся в Алматы с двухгодичной периодичностью, в центре внимания, изучения и исследования которых судьбы беженцев, эвакуированных людей, истории их жизней. Понимая, как важны эти воспоминания для нашей общей исторической памяти, я убедила Тамару Менделеевну непременно их отыскать. Ведь они с сестрой не только очевидцы, но и чудом спасшиеся, вернее, спасенные, жертвы трагических, велижских событий. Не случайно, московский автор, уроженец Велижа, Шевель Голанд подарил им свою книгу с такой дарственной надписью: «Уважаемым землячкам, Тамаре Михайловне, Раисе Михайловне Тевелевым, чудом спасшимся узникам Велижского гетто. От автора Голанда ШеВЕЛЯ Мордуховича. 17.02.2013г., г. Москва». Название этой книги: «Велижское гетто. Смоленская обл. XI.1941–I.1942 (по материалам Велижского судебного процесса 1960 г.)» [4]. Труд Ш.М. Голанда заслуживает отдельного, самостоятельного рассмотрения, тщательного и внимательного изучения. Вся его книга, от эпиграфа, в качестве которого послужили слова Михаила Яковлевича Гефтера (1918–1995) – «Память о гибели евреев нужна России», до последних строк Послесловия, является рукописным обелиском жертвам Велижского гетто, памятником, напоминающим о трагедии еврейского народа в годы Великой Отечественной войны.

В мой следующий визит к Тамаре Менделеевне мы уже вместе читали их совместные с сестрой воспоминания «Военное детство», и в процессе этого чтения она кое-что добавляла, комментировала, а я слушала, уточняла, записывала, чтобы не утратить события, факты, штрихи, и привести их в подстрочнике.

Но прежде, чем перейти к воспоминаниям сестер Тевелевых, восстановим по историко-краеведческой литературе, как складывались события и обстановка начала Великой Отечественной войны на велижской земле. В первые дни июля 1941 г. линия фронта вплотную приблизилась к Велижу, но, как отмечают историки, краеведы и очевидцы, это не вызывало в нем паники. 4 июля к городской пристани причалил пароход с двумя баржами, в которых были эвакуированные женщины и дети из западных р-нов Белоруссии. И утро среды 9 июля 1941 г., началось, как обычно, «... с гудков лесо- и льнозаводов, которые призывали рабочих на смену. Домохозяйки проводили скот на выгон. Рабочие и служащие разошлись по своим рабочим местам. Дети отправились на Двину. День выдался солнечным и теплым» [5].

Не знали и не ведали тогда велижане, что 9 июля танковая армия немецкого генерала Г.Гота получила приказ нанести удар в направлении

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Велижа частями 20-й танковой дивизии. Этому предшествовал массированный налет немецкой авиации на Велиж.

«В 12 часов дня 14 немецких самолетов Ю-88 на малой высоте вдоль правого берега Двины через леспромхоз вышли на город. Запоздало завывла сирена на ратуше, а первые бомбы сыпались на город... Всего 20 мин. понадобилось фашистам, чтобы уничтожить часть города от пляжа до Черного ручья. Разрушив малую сторону, самолеты принялись за большую. Город превратился в громадный костер. В 16 ч. бомбовый удар повторился. В результате этих налетов сотни велижан были убиты, ранены. Тысячи людей остались без крова. Убитых хоронили 10 июля...» [6].

На маленький г. Велиж надвигалась танковая армада в 450 танков и бронемашин. Части советской 19-ой армии, под командованием генерала И.С. Конева, отступали с боями. Одними из последних защитников Велижа были бойцы истребительного комсомольского батальона народного ополчения, сформированного только 3 июля 1941 г. Они приняли на себя неравный бой и встретили немецкие танки ружейно-пулеметным огнем [7]. 13 июля 1941 г. в 10 ч. утра Велиж был полностью оккупирован немецко-фашистскими войсками.

С первых же дней оккупации начался геноцид еврейского населения Велижа. «В конце сентября 1941 г. все еврейское население города было переселено в гетто на ул. Жгутовскую (ныне – ул. Курасова. Ул. Жгутовская была переименована в 1974 г. и названа ул. Курасова в честь генерал-лейтенанта В.В. Курасова (1897–1973), командовавшего 4-й Ударной армией с марта 1942 г. по апрель 1943 г., Героя Советского Союза (1965), - прим. авт.). Территория гетто была обнесена колючей проволокой, по углам располагались сторожевые вышки. Основная масса людей разместилась в помещении свинарника... С наступлением холодов в гетто начался голод. Каждый день от голода умирали более десяти чел.» [8].

Через четыре месяца фашисты уничтожили всех узников гетто, замученных физическим трудом, изнуренных условиями жизни, страдающих от холода и болезней, заморенных голодом, самым бесчеловечным жесточайшим образом. «Когда в конце января 1942 г. войска 4-й Ударной армии с боями стали приближаться к Велижу, фашисты решили уничтожить гетто. 28-го января каратели с группой местных полицаев во второй половине дня прибыли на территорию гетто, всех узников загнали в помещения, окна и двери забили досками, облили строения бензином и подожгли. Пытавшихся бежать из этого горящего

ада расстреливали из пулеметов и автоматов. К утру 29 января гетто было уничтожено...» [9].

До сих пор не удалось установить точную цифру погибших в гетто граждан Велижа. Считается, что в живых осталось немногим более трех десятков человек [10].

И в этом пекле войны, в городе, где зверствовали немецко-фашистские захватчики, в гетто на ул. Жгутовской, вместе со своими родными оказались две велижские девочки – сестры Тамара и Рая. Вот что они вспоминают о своем детстве и обо всем этом в мемуарах, написанных в 2012 г.

«Военное детство

От имени сестер Тамары и Раисы, в девичестве Тевелевых, повествование ведет старшая из них – Тамара Менделеевна Тевелева (Малых).

Наше довоенное детство проходило в г.Велиж Смоленской обл. Велиж - небольшой городок, раскинувшийся по обе стороны Западной Двины. Нам казалось тогда, что Петр Лещенко пел именно про наш Велиж:

«Помню городок провинциальный,
Тихий захолустный и печальный.
Церковь, базар, городской бульвар,
И среди мелькавших пар искал и видел
Знакомый, родной силуэт,
Синий берет, синий жакет...»

(Это была песня «Таня – Танюша», хорошо известная в предвоенное время. Тамара Менделеевна помнит, что в Велиже распевали тогда и такую песню: «Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый. Развейся чубчик на ветру. Раньше «Чубчик» я тебя любила. И теперь забыть я не могу...», - *прим. авт.*).

Вместе с тем Велиж был центром всего Велижского р-на, в нем к 1941 г. было четыре средних школы, педучилище, школа медсестер, школа специалистов сельского хозяйства, два клуба, летний «зеленый театр», библиотека, краеведческий музей. Промышленность представляли кирпичный завод, леспромхоз, крахмалопаточный завод, сыроварня и различные промартели [11]. Велиж с др. городами связывала судоходная р. Западная Двина, большаки – Витебский и Смоленский.

Летом, накануне войны, мы жили большой семьей на ул. Спартакоской, в доме № 7, рядом с Витебским большаком. В ее составе были дедушка, бабушка, отец, его сестра, сестра бабушки и мы – Тамара и Рая. Наша мама гостила у родственников в г.Торопец.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Хорошо помню день объявления войны. Бабушка Сара (Цира) Исааковна, тетя Эсфирь (сестра отца), Фаня – двоюродная сестра бабушки и мы – девочки, сидели на диване, подавленные известием о войне. Бабушка плакала – плохие предчувствия ее не обманули. Состояние старших передалось и нам.

Через день–два хлынул поток беженцев по Витебскому большаку. В нашем дворе остановились на постой человек десять–15. Вскоре они двинулись куда-то дальше. Числа 23 или 25 июня начался массированный налет авиации (В исторической и краеведческой литературе датой первого массированного налета немецкой авиации на Велиж считается 9 июля 1941 г., - *прим. авт.*). Казалось, что все небо стало черным, началась бомбежка. Бомбы летели на город с оглушительным визгом, похожим на ржание лошадей. Я в страхе побежала за людьми за город. Бежала по полю, по ржи, по лесу, падала, спотыкалась. Остановилась в какой-то деревне, в 7 км от города. Потом уже на попутной телеге вернулась в Велиж. Эта бомбежка мне до сих пор снится, просыпаюсь в страхе. Оказалось, много народу погибло в окопах, которые люди рыли для своего спасения, а правобережье города горело несколько дней.

Мы с сестрой плакали, умоляли взрослых уехать из города. Но куда и на чем можно было уехать? Автобусы до войны не ходили, железной дороги не было, нет ее и сейчас.

Очень хорошо помню отступление наших войск. Жители стояли молча вдоль большака, по которому в сторону Смоленска ехали военные машины и шли строем бойцы Красной армии. После небольшого затишья в город также организованно вошли немцы, в основном на машинах и мотоциклах (В устных воспоминаниях Тамара Менделеевна к этому добавила: «Немцы наступали «красиво» и страшно, четкими рядами с автоматами наперевес, в сопровождении небольших легких танков (мы их называли «танкетками») со стороны Смоленского и Витебского трактов. Получается, что с июля 1941 г. мы жили «под немцами», в оккупации», - *прим. авт.*). Им оказал сопротивление только небольшой отряд велижских комсомольцев, который был уничтожен.

Начался «новый порядок», установленный немецкими оккупантами. Следует сказать, что из 11,5 тыс. чел. населения города третью часть составляли евреи.

(Данные о численности населения г. Велиж накануне войны противоречивы, и, чаще всего, приводятся суммарно, т.е. общая цифра жителей города и Велижского р-на. Точно известно, что в 1914 г.

население города составляло 14 тыс. 831 чел., в т.ч. было 7 тыс. 362 мужчин и 6 тыс. 469 женщин [12]. Но стоит обратить внимание на другую трагическую цифру: по неполным данным Акта от 5 августа 1944 г. Велижской районной чрезвычайной комиссии по расследованию совершенных злодеяний и нанесению ущерба немецко-фашистскими захватчиками городу и району 19 тыс. 391 житель пропали без вести, были расстреляны, повешены, замучены, заживо сожжены и уморены голодом...[13], - *прим. авт.*).

По профессиональной деятельности евреи были в основном ремесленниками – столярами, шорниками, пекарями, портными... Наш дедушка Тевелев Тевель Шлемович работал старшим матросом на лайбе (баржа), на которой возили по р. Двине пеньку (прядельное волокно из конопли, - *прим. авт.*), лес (по Западной Двине сплавляли лес разного предназначения: деловую древесину, пиловочник экспортный и дровяную древесину, - *прим. авт.*), мед, хлеб и льняное семя в Ригу, а оттуда, в Витебск и Велиж, везли селедку, соль, сахар, табак, бакалейные товары.

Отец Тевелев Мендель Тевелевич до войны закончил Лесотехнический техникум в Ленинграде и работал таксатором (учетчик леса) в Леспромхозе. Бабушка Сара Исааковна и ее двоюродная сестра были домохозяйками. Эсфирь (сестра отца) незадолго до войны окончила среднюю школу. Я перешла в третий класс, сестра еще не училась. Два родных брата отца – Соломон и Герц в самом начале войны были призваны в армию.

Естественно, «новый порядок» фашистов коснулся и нашей семьи. Евреев обязали носить, как мне помнится, желтые круги – лоскуты, которые нашивались на одежду. Массовых зверств мы сначала не видели и не ощущали. Были единичные случаи избиения евреев, два раза казнили через повешение пойманных партизан, возможно, были и расстрелы, т.к. слышались одиночные выстрелы. Мужчин евреев стали привлекать к тяжелым физическим работам.

Первой трагедией в нашей семье стал арест отца. Сестра запомнила, как его забирали, и что бабушка упала тогда на пол, потеряв сознание, и только шевелила рукой, как будто искала что-то на полу. Дедушка подолгу молился. Отца с тех пор мы больше не увидели...

Вскоре забрали дедушку и его долго держали в полицейском участке, недалеко от нашего дома. Дедушка там очень болел. Первое время мы с сестрой носили ему передачи, а примерно через месяц его куда-то перевели, и мы его тоже больше не увидели.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

В сентябре 1941 г. более чем 1 тыс. 500 евреев загнали в гетто, устроенное в пустых домах, в которых раньше жили выселенные оттуда русские жители, и в свинарнике. Мы с бабушкой и с сестрой отца оказались в гетто. Внутри простынями разгородили немного места, сделали что-то похожее на купе. Нас не кормили. Родственница по маминой линии – Полина (мама была русская) приносила нам еду. Со временем порядок в гетто становился все строже. Хорошо помню, как однажды Полина пришла и позвала нас погулять. Куда она нас отвела, трудно сказать. Что-то помнится, что первое время нас с сестрой держали у соседей в чулане или в подвале (Рассказывая об этом, Тамара Менделеевна заметила: «Спасибо, что соседи не выдали. А ведь такие случаи были», - прим. авт.). Через какое-то время Полина нас забрала и скрывала. Мы с ней находились в опустевшем доме бабушки и бабушки.

(Понимая, какую невероятно большую роль сыграла Полина в судьбе Тамары и Раи, ведь фактически это она их вызволила из гетто, я расспросила ее о Полине. Фамилию Полины она никогда не знала. Со слов Тамары Менделеевны, Полина была простая, деревенская женщина лет 25–30-ти, русская по национальности, мягкая по характеру, добрая и добавила: «она мне нравилась». Из деликатных соображений, ради памяти мамы и отца, сестры в своих воспоминаниях написали, что она была родственницей их мамы. С согласия Тамары Менделеевны, пишу, что в действительности Полина была второй женой их отца. Отдавая дань ее светлой памяти, скажем, что Полина совершила поступок гражданского мужества, даже подвиг, спасая детей своего мужа от первого брака. Она сильно рисковала своей жизнью, ведь по «новому порядку» фашистов, основанному на политике геноцида, русскому населению категорически запрещалось общаться с евреями, даже встречаться на улице. А она носила им в гетто еду, спланировала их побег и, каким-то чудом, уловив момент, сумела вывести девочек из гетто, прятала их в чуланах и подвалах, не оставляя в своих заботах, а затем поселилась с ними в осиротевшем отчем доме своего мужа, их отца. Дальнейшая судьба Полины девочкам осталась неизвестной, - прим. авт.).

Вместе с нами жила еще одна беженка из Витебска с дочерью.

Бесчинства фашистов в городе набирали силу. Помню, как сгоняли людей в центр города смотреть на повешенных партизан. Их долго не разрешали снимать, не давали похоронить. Однажды на нашей улице немцы избивали палками и дубинками немощного старика. Он весь согнулся и только закрывал голову руками. Как-то мы увидели, как немцы

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

зимой вели босого парня, без шапки в овраг, оттуда потом раздались выстрелы. Все это наслаивалось страхом на наши детские души.

Примерно в ноябре к нам из Торопца пришла мама. Как ей удалось пробраться в Велиж, она не рассказывала. Мама потом с соседями ходила по деревням меняла вещи на продукты: на муку, картошку, пшеницу, сало, мороженое молоко, постное масло. Нам казалось, что вкуснее затирухи (крупные крошки теста, отваренные в кипятке, - *прим. авт.*), картошки в мундире с постным маслом, ничего не бывает. Однажды она раздобыла вяленую соленую рыбу. Эту рыбину многократно варили и, т.о. какое-то время это заменяло нам соль.

В конце января, ближе к вечеру, со стороны Витебского большака немцы начали бить прикладами окна домов, выгонять на улицу людей, гнать их к центру, а дома стали поджигать. Мы с мамой и беженками из Витебска пробрались через заборы и огороды к кирпичному дому, в котором до войны жил зубной врач, а в войну в нем поселились полицейские. Хорошо помню, как мы забрались в сарай. Вокруг горели дома, летели головешки и искры. Рядом в сарае мычала корова. На рассвете мы перебрались в пустой дом, в котором на наше счастье, оказалось много хлеба, мед, молоко и др. продукты. Голодные, мы с радостью приступили к поглощению съестного. Но вдруг, с замиранием сердца, мы услышали, как раздались шаги на крыльце. Мы сели на диван, дети посередине, матери – по краям и, видимо, решили – будь, что будет. На пороге появился человек с окриком: «Есть здесь кто?». Мы не сразу сообразили, что это был русский боец, их было двое. Мы к ним кинулись, начали их обнимать, целовать, плакать от радости. Оказалось, что со стороны Витебска в город вошли наши войска. Бойцы посоветовали нам в целях безопасности перебраться на Сибирскую ул., что мы и сделали, запасшись продуктами.

На ул. Сибирской скопилось много народу. Поползли слухи, что немцы заколотили и сожгли много людей. Страшно было это слышать. К сожалению, слухи были обоснованными. Все наши родные и близкие по папиной линии погибли во время пожара, учиненного фашистами в гетто. Каким-то образом там оказались наши дедушка и отец. Это случилось 28 января 1942 г.

В самом Велиже обстрелы и бомбежки не прекращались. Немцы начали повторное наступление. Была беспорядочная стрельба. Фашисты разбивали стекла домов прикладами, поджигали дома. Город горел. Следует заметить, что Велиж несколько раз переходил из рук в руки.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Только в сентябре 1943 г. его окончательно освободили войска Красной Армии. Поэтому пришлось уходить, вернее, бежать из города. Из горящего города в ужасе бежали жители. Много народу собралось на кладбище, в польском костеле. Западная Двина уже была подо льдом, и некоторые смельчаки пытались перебежать по льду через реку на другой берег, где были наши. Но в бегущих фашисты начали стрелять с двух сторон – с Витебского большака и с моста в центре Велижа.

Неожиданно, ближе к вечеру, пошел снег сплошной стеной. Все увидели в этом спасение, и тогда народ побежал через реку. Мы бежали на противоположную сторону Двины, к своим. Мама тащила тяжелый баул и держала за руку Раю. У меня в руках тоже были вещи. В какой-то момент моя сестра упала и вырвалась из маминой руки, но мама успела схватить ее за полу пальто, так и протащила волоком по льду (Тамара Менделеевна не упоминает здесь, что в это время стояли сильные, трескучие морозы, свыше 30°. И вообще вся зима 1941–1942 г. была очень холодной, - *прим. авт.*). Останавливаться нельзя было ни на одну минуту. Народу бежало так много, что могли затоптать...

На этой стороне Двины немцев не было. Но вскоре мы оказались в прифронтовой полосе. Здесь снова начались бои. Здесь мы слышали, как с грохотом стреляют наши «Катюши». И тогда все беженцы двинулись в г.Торопе. У нас там до войны проживала с семьей сестра мамы. Мы шли по дороге пешком и местные жители, жалея нас, варили нам затируху или жидкую толченую картошку. Потом все люди рассеялись, кто куда... А мы снова оказались в пути. Разоренные Смоленские и Калининские дороги! О них народ пел грустные, заунывные песни, поэты слагали стихи и их показывали в документальных хрониках военных лет.

(На Смоленщине в это суровое время в качестве военных корреспондентов побывали писатель Илья Эренбург и поэт Константин Симонов (газета «Красная звезда»). Стихотворение К. Симонова: «Ты, помнишь, Алеша, дороги Смоленщины, как шли бесконечные злые дожди...» – оно обо всем пережитом там мирными жителями и советскими воинами-освободителями [14], - *прим. авт.*).

А мы шли по ним в распутицу, в грязь, где пешком, где ехали на попутных телегах и грузовиках. Только к весне добрались мы до г. Торопец. Надо сказать, что мы были оборванные, босые, грязные, голодные. Такое «путешествие» никогда не забудешь. Из Торопца нас уже эвакуировали в далекий Казахстан, в с. Мерке Джамбульской обл., где ранее обосновались две сестры нашей мамы со своими четырьмя детьми.

Переполненные поезда шли на восток без расписаний. На остановках можно было постоять в очереди и запасть кое-чем из еды и кипятком. На одной из таких остановок поезд неожиданно тронулся, и наша мама отстала от него. В вагоне поезда мы остались одни без взрослых.

В Свердловске (ныне – Екатеринбург) нас с сестрой сняли с поезда и отправили в эвакупункт, где нам сделали пропарку, стрижки, хорошо покормили и с сопровождающей отправили в детский дом им. Павлика Морозова в г. Тавда. С детдомом того времени связаны воспоминания о непосильном труде – мытье полов, таскание жердей на растопку печей, сельхозработы на своем подсобном хозяйстве – от посевов семян и клубней, до уборки ржи, картофеля, моркови, гороха. Мы были постоянно голодными, недоедали и от голода даже воровали на пристани капусту, макуху (спрессованный жмых из семян масленичных растений, - *прим. авт.*), тащили с окрестных огородов все, что только можно было съесть. Но и учились в школе, пели в хоре, выступали в эвакогоспиталях. Нашими шефами были, как это не покажется странным, заключенные из мужского лагеря «Восток-Ураллага» (один из лагерей ГУЛАГа – «Архипелага ГУЛАГа», - *прим. авт.*). В хоре мы пели с ними – мужские голоса сливались с детскими, получалась замечательная полифония. Я была отличницей, за что на Новый год получала по два подарка и меня брали на экскурсию в Свердловск.

В 1946 г. нас, наконец, каким-то образом нашла наша мама. И мы поехали в Казахстан, в с. Мерке Джамбульской обл., где остались жить на несколько лет.

Заканчивая эти воспоминания, не могу не рассказать о подвижнике Бордюкове Александре Григорьевиче. Это он создал с работниками Велижского музея инициативную группу по восстановлению памяти о погибших советских воинах и евреях – мирных гражданах Велижа. Благодаря ему, в буквальном смысле из тлена и пепла, вернулись тысячи имен. Он наладил переписку со многими их родственниками. Родственники погибших в боях воинов и жителей Велижа еврейской национальности, расстрелянных и заживо сожженных, как и мы, до сих пор приезжают в Велиж, кладут цветы к Мемориальным плитам и обелискам.

Александр Григорьевич сохранил и дал нам некоторые фотографии наших погибших родных. От него же мы с сестрой узнали, что жив наш дядя – родной брат отца Тевелев Герц Тевелевич (А.Г. Бордюков с ним состоял в переписке, - *прим. авт.*).

В Велиж мы, уже будучи алмаатинцами, ездили три раза. К дяде, которого не видели 58 лет, в Нижний Новгород съездили в декабре 1998 г. В свои 86 лет наш дядя, полковник, еще преподавал в Дорожном техникуме. У него было много друзей. К нему при нас приходили люди с подарками. Поскольку он был уже вдовцом и человеком преклонного возраста, друзья приносили ему, кто картошку, кто варенье, кто грибы, кто квашеную капусту. Он ушел из жизни в 2000 г. Его дочь и внучка живут в Москве. С обретенной кузиной мы постоянно переписываемся. С А.Г. Бордюковым тоже держим связь, иногда посылаем немного денег (в письмах к Ю.Я. Серовайской Александр Григорьевич не раз просил: «Передайте, пожалуйста, Тамаре Менделеевне, чтобы денег она нам больше не присылала. Они ей самой нужны». Но она всегда возражает: «Что они там имеют? Скоро 9 мая. Надо в Велиж на Победу нашим отправить», - *прим. авт.*). Списались мы с музеем «Яд ва Шем» (Национальный Мемориал Катастрофы (Холокоста) и Героизма – «Яд ва Шем» («Память и Имя»), созданный для увековечивания памяти о шести млн евреев, погибших в годы Второй Мировой войны (Иерусалим, Израиль), - *прим. авт.*), отправили им анкеты о наших родных и их фотографии. Пусть их имена будут увековечены в Музее Холокоста».

На этом заканчивается повествование сестер Тевелевых об их военном детстве, ведущееся от имени Тамары Менделеевны. И перо снова переходит в руки другого автора доклада для того, чтобы кратко рассказать, как сложилась ее дальнейшая жизнь. После окончания средней школы в Мерке Тамара поступила в Казахский государственный университет им. С.М. Кирова в Алма-Ате. В 1955 г. она успешно закончила экономический факультет университета. Это был второй выпуск экономфака. Тамара Менделеевна стала хорошим специалистом – экономистом широкого профиля. Ее везде, где она работала, рекомендовали на руководящие должности. В многопрофильной Артели им. Панфилова Тамара Менделеевна была руководителем плановой группы, на алмаатинском Хлебозаводе №4 (на Копальском тракте) – начальником планового отдела. Много лет проработала Тамара Менделеевна на должности зам.директора по экономике и социальным вопросам в Объединении по переработке пластмасс «Кызыл-Ту», которое позднее было преобразовано в Объединение «Казахстан Сауда», где она снова была и начальником планового отдела, и начальником отдела труда, затем – зам.директора по экономике и социальным вопросам. Несколько лет по специальности, по приглашению организации, она трудилась в

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

г. Усть-Каменогорск. Везде Тамара Менделеевна пользовалась заслуженным уважением. О ней говорили: «Еврейская голова».

Уже наладилась и ее личная жизнь. После развода с первым мужем (Малых), она встретила хорошего человека, казаха по национальности – Мауткана Нургалиевича Амандосова. Он был военным – полковник КГБ, усыновил ее единственного сына – Сергея, дал ему свою фамилию. Но верна пословица: «Трудное детство никогда не кончается». В мирное время сын Тамары Менделеевны – Сергей Маутканович Амандосов, 1950 г.р., погиб во время прохождения службы в армии в г. Червоноград Львовской обл. Официальная причина его смерти – «острая сердечная недостаточность». В отличие от многих своих сверстников, Сергей сам стремился служить в армии. Он был абсолютно здоров. Расследования по его гибели не проводилось. Тамара Менделеевна и Мауткан Нургалиевич ездили за ним в военную часть во Львов. Сына похоронили в Алма-Ате. Тамара Менделеевна нашла в себе силы пережить и это безутешное горе.

Тамара Менделеевна пишет в воспоминаниях, что трижды побывала в Велиже. В первый раз, еще в 50-ые годы – одна. Была в командировке в Москве. Потянуло в родной город детства и поехала поездом из Москвы на Смоленск, оттуда автобусом в Велиж. Познакомилась тогда с директором Велижского музея Л.А. Качулиной, а она ее повела домой к Александру Григорьевичу Бордюкову. Во второй раз, отправились с мужем – Маутканом Нургалиевичем. Ему Велиж очень понравился, и он даже неожиданно предложил: «Давай здесь останемся». «А где жить будем?», – только и ответила Тамара Менделеевна. На месте дома Тевелевых был построен уже совсем другой дом. В Велиж «понаехали» жители окрестных сел и деревень. Правда, соседка со Спартаковской улицы ее все же узнала. В третий раз, ездила в Велиж с сестрой Раисой Менделеевной, и было это в 1995 г.

В одну из этих поездок, в какую именно не помнит, она познакомилась с будущим автором книги «Велижское гетто...» Шевелем Мордуховичем Голандом, который до войны со своими родными проживал в Велиже на ул. Прировской (ныне – ул. Энгельса). Вся семья Голанда в составе: Голанд Фишель Юдович, 1870 г.р., Голанд Хая-Нися Лейзеровна, 1874 г.р., их внук – Голанд Рем Семенович, 1930 г.р., Голанд Татьяна Фишелевна, 1907 г.р. – погибла в Велижском гетто 28 января 1942 г. В книге Ш.М. Голанда на основе документов – протоколов допросов с показаниями чудом спасшихся узников гетто, очевидцев – жителей г. Велиж, а также бывших полицейских-карателей, рассказывается о страшной участи почти двух тысяч велижан. И

как тут еще раз не вспомнить русскую женщину Полину, успевшую вовремя вырвать и освободить двух девочек – Тамару и Раю из этого ада.

Пусть как можно дольше проживет в нашем городе Алматы замечательная женщина Тамара Менделеевна Тевелева . Пожелаем ей здоровья, а мудрости, доброты, чувства юмора ей не занимать. А как бы без этого она иначе выжила после таких испытаний.

Все время, пока мы с Тамарой Менделеевной занимались докладом , меня не покидало ощущение , что семьи, вернее, даже рода Серовайских и Тевелевых были знакомы или могли быть знакомы на протяжении нескольких поколений.

Вот смотрю на фотографию своей бабушки Ревекки Ефимовны Серовайской (урожденная Кривошеева), 1888 г.р., в пору ее молодости. На ней она запечатлена вместе со своей мамой Рахиль Менделеевной и сестрой Циви Ефимовной. Они – велижанки. Очень давняя фотография. К сожалению, на ней нет даты ни типографской, ни рукописной. На лицевой стороне добротного картона, на который она наклеена, каллиграфическим, изящным почерком, почерком XIX в., серебряными чернилами написано: «Велижъ» и «М.А. Тевелевъ» и еще в обрамлении есть вензель: «Т и М». А на обороте – крупная надпись на фоне цветочного орнамента: «Фотография М.А. Тевелева. Велижъ». Значит, моя бабушка снималась в фотографии, принадлежащей родственнику Т.М. Тевелевой, вряд ли ее однофамильцу... И, возможно, живя в маленьком городке, они были хорошо знакомы и общались. Было это на уровне поколения прадедов Тамары Менделеевны, в первое десятилетие XX в.

Много лет спустя, во время Великой Отечественной войны, в Велижском гетто находились и также погибли родной старший брат моего дедушки Давида Самуиловича Серовайского – Арон-Иосиф Самуилович Серовайский, 1870 г.р., его жена Ревекка Борисовна Серовайская, 1870 г.р., и их дочь Маня Ароновна (Иосифовна) Серовайская [15]. Не исключено, что и они были знакомы в мирное время, а в тесноте бараков гетто на Жгутовской ул. как-то общались, обменивались ловом и взглядом с родными Тамары Менделеевны. Всех их постигла общая трагическая участь 28 января 1942 г.

Вот уже год 1950-й. Из Москвы в Алма-Ату, в августе 1950 г., по распределению Минвуза СССР, приезжает вместе с семьей участник Великой Отечественной войны, только что защитивший в МГУ им. М.В. Ломоносова диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук Яков Давидович Серовайский, 1912 г.р. Он – уроженец Велижа и послан был

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

сюда министерством для работы на кафедре всеобщей истории (должность – старший преподаватель) исторического факультета Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. И в это же самое время, в августе 1950 г., из Мерке в Алма-Ату отправляется выпускница средней школы Тамара Тевелева с тем, чтобы в качестве абитуриентки поступать на экономический факультет КазГУ им. С.М. Кирова. Яков Давидович даже не подозревал, что на соседнем факультете, причем, в этом же учебном корпусе, учиться его землячка. Он очень дорожил встречами со своими земляками на фронтах ВОВ и в мирное время. И, конечно, узнай он о студентке Тевелевой и ее судьбе в те годы, наше знакомство с семьей Тевелевых состоялось бы раньше на десятилетия.

Возможно, были и еще какие-то, неизвестные мне контакты и причудливые совпадения жизненных путей и судеб Серовайских и Тевелевых. И только нам с Тамарой Менделеевной, в третьем поколении, довелось познакомиться лично.

1. Серовайская Ю.Я. Александр Григорьевич Бордюков и увековечивание памяти жертв Велижского гетто // История. Память. Люди. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 19 сентября 2014 г., г.Алматы / Ред.кол. Л.С. Актаева, А.И. Барон, Н.П. Кропивницкий, ред. М.С. Макарова. – Алматы, 2015.–532 с. – С. 430–448.
2. Письмо А.Г. Бордюкова – Ю.Я. Серовайской. 12 июля 2015 г., г. Велиж.
3. Максимова Э. Дам Вам в доме моём память и имя // Известие, 7 апреля 1999, – С.4.
4. Голанд Шewelъ. Велижское гетто. Смоленская область. XI.1941 – I.1942 (по материалам Велижского судебного процесса 1960 года). – М.: Дом еврейской книги, 2012. – 160 с. (300 экз.).
5. См. Велиж. Страницы истории.../ Под ред. Н.А. Казакова. – Велиж, 1995. – 83 с. – С.25; Из истории Велижа и района. / Под ред. Н.А. Казакова; рец. А.Г. Бордюков и Л.А. Качулина. – Смоленск, 2002. – 279 с. – С. 176.
6. См. Из истории Велижа и района. Указ. изд. – С. 176–177.
7. См. там же. – С. 177–180.
8. Велиж. Страницы истории... Указ. изд. – С. 32.
9. Там же. – С. 32–33.
10. Из истории Велижа и района. Указ. изд. – С. 233.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

11. Подробнее о развитии промышленного производства, торговли в Велиже и сельском хозяйстве в Велижском районе см. История Велижа и района. Указ. изд. – С. 137–170.
12. Из истории Велижа и района. Указ. изд. – С. 236–237.
13. См. Велиж. Страницы истории. Указ. изд. – С. 64–65. Серовайская Ю.Я. Александр Григорьевич Бордюков и увековечивание памяти жертв Велижского гетто // История. Память. Люди. Указ. изд. – С. 439.
14. Подробнее об этом см. Серовайская Ю.Я. Братья Серовайские на фронтах Великой Отечественной войны // «Бекмаханов окулары» аясындағы «Е.Б. Бекмаханов және тарихи тұлғаларды тану мәселелері» атты халықаралық ғылыми конференция. Материалдары. 20–21 ақпан. 2015 жыл, Алматы қ. – Алматы: «Қазақ университеті», 2015. – 158 б. – Б. 38–39.
15. Серовайский А.-И.С. и Серовайская Р.Б. значатся в Списке жертв Велижского гетто – Списке Бордюкова, а имени и фамилии М.А. Серовайской в Списке Бордюкова нет // Письмо А.Г. Бордюкова – Ю.Я. Серовайской. 30 мая 2015 г., г. Велиж. Однако по сведениям, которыми располагал мой отец – Я.Д. Серовайский, его двоюродная сестра Маня Ароновна (Иосифовна) Серовайская также погибла в Велижском гетто.

Салык Г.Д.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ АКМОЛИНСКОГО РЕГИОНА ОБ ЭВАКУАЦИИ И БЕЖЕНЦАХ

Многие годы госархив Акмолинской обл. собирает и бережно хранит документальные свидетельства о Великой Отечественной войне. И среди них материалы об эвакуации и эвакуированном населении в наш регион, которые свидетельствуют о крупномасштабном перемещении в начальный период войны с Германией и последующие годы из угрожаемой зоны населения, промышленных предприятий, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья и др. материальных ресурсов. Такие действия правительства и государства позволили сохранить основную экономическую базу и промышленный потенциал в целом страны, и явились одним из факторов, обеспечившим победу в войне.

Казахстан - одна из республик, которая приняла уже в 1941 г. – 24 тыс. 258 чел., в т.ч. из РСФСР 10941; Украины – 6 тыс. 620; Белоруссии – 5 тыс. 159; Карело – Финской ССР – 550; Литвы – 231; Латвии – 294; Эстонии – 158; Молдовы – 113; Крымской АССР- 11 тыс. 181, др. регионов СССР – 181. Все были размещены в различных районах республики, в Северном Казахстане

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

(Акмолинская, Кустанайская, Павлодарская, Северо – Казахстанская) – 22 тыс. 524.

Одной из легендарных страниц Великой Отечественной войны является осуществленная нашими соотечественниками массовая эвакуация промышленных предприятий из прифронтовых районов на Восток.

В течение трех мес. войны (июль – сентябрь) было эвакуировано в этом направлении 1 тыс. 360 крупных предприятий. С июля по декабрь было вывезено – 2 тыс. 593 предприятия, из них – 308 в Казахстан и Среднюю Азию. Только в Казахстан в 1941 г. было перемещено 76 заводов и фабрик.

В 1941 – 1942-е гг. в Акмолинскую обл. были эвакуированы: Мелитопольский станкостроительный завод им. ОГПУ, впоследствии – Государственный союзный завод № 317, был размещен в г. Акмолинске. Из распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР об организации в Акмолинске завода по выпуске военной продукции: «...организовать в помещениях педтехникума в г. Акмолинске производство 45мм осколочных снарядов, используя для этой цели оборудование эвакуированного Мелитопольского завода им. ОГПУ, и обеспечить их выпуск в октябре – 10 тыс. шт. и ноябре 50 тыс. шт...».

На станции Макинск был расположен завод им. Ленина. Осенью 1941 г. коллектив Кокшетауского механического завода по – братски принял в свою семью эвакуированных рабочих и оборудование Подольского завода швейных машин (завод №621), активно участвовал в их обустройстве и размещении на новом месте. Уже в январе 1942 г. завод выдал первую продукцию для фронта.

Были эвакуированы из г. Воронежа – сельхозбанк и коммунальные банки и размещены в г. Акмолинске, а также Полтавский кожевенный, каучуковый заводы. В г. Атбасар прибыла Рязанская фабрика «Победа Октября», в Акмолинск Московская обувная фабрика «Буревестник» и т.д.

В Акмолинский центр был эвакуирован и Ворошиловградский драматический театр. Решение исполкома Акмолинского областного Совета депутатов трудящихся гласит: « - разместить прибывающий драматический театр на площадке Акмолинского театра...обязать исполком горсовета ... изыскать в 5-тидневный срок помещение для размещения 100 чел. артистов... театра»

Рассекреченные архивные документы свидетельствуют об огромной титанической работе сотни тысяч людей, которые, преодолев множества чрезвычайных ситуаций, в предельно короткие сроки восстановили промышленные объекты. Были подготовлены необходимые

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

производственные помещения для размещения оборудования и изыскан жилой фонд для расселения рабочих и административно – технического персонала. По данным Северо – Казахстанского эвакуационного отдела на 10 декабря 1941 г. наибольшее количество эвакуированного населения приняли Кокшетауский р-н – 2 тыс. 469 чел., тогда Северо – Казахстанской, ныне Акмолинской обл. К середине 1942 г. в Акмолинскую обл. прибыло 55 тыс. чел. из прифронтовых районов. Так, в соответствии с постановлением исполкома СКО «Об обеспечении жилой площадью семей красноармейцев и эвакуированных», была установлена временная жилищно-санитарная норма всех жилых помещений г. Петропавловска, г. Кокшетау и районных центров в четыре кв. метра на человека, к 1943 г. на человека приходилось 2,3 кв. м. Из секретного в то время материала: «В ваш район прибудет на станцию Кокшетау 1,5 тыс. эвакуированного населения из прифронтовой полосы, поэтому вам необходимо заранее наметить колхозы, совхозы, а также предприятия, где будут заняты на работе члены семей эвакуированного населения...принять самые решительные меры своевременной подготовки к приему эвакуированных, размещению их для работы в лучших колхозах, МТС, совхозах и промпредприятиях... обеспечить питание, быструю перевозку, а также санитарно – медицинское обслуживание...».

Эвакуация населения сыграла особую роль в формировании многонационального состава населения Северного региона. Были эвакуированы десятки тысяч людей из западных областей СССР, что явилось источником пополнения населения региона в рассматриваемый период. Также стали прибывать переселенцы разных национальностей в 1941 по 1944-е гг. В начале осени 1941 г. в область были депортированы немцы из республики Поволжья, Саратовской и Сталинградской обл.

В 1944 г. выселены чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, греки, из Грузии – турки, курды. По данным Управления комитета по правовой статистики и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК по Акмолинской обл. общее число депортированных составило около 83 тыс. чел.

Редкие экземпляры архивных документов повествуют нам о прошедших великих и отчаянно трудных годах наших регионов, их вкладе в Победу. Акмолинцы и кокшетаусцы не только помогали фронту всем, чем могли, они принимали переселенцев, раненых, которых лечили в госпиталях. По данным справочника дислокации госпиталей в годы Великой Отечественной войны, который находится в военно-

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

медицинском музее МО СССР, в Кокшетауском регионе базировалось в 1941 – 1945 гг. десять госпиталей.

В годы войны в г. Кокшетау были размещены госпитали №2447 на 420 коек и №2396 на 400 коек, № 3604. На территории Акмолинской обл. действовали следующие эвакуогоспитали – это в Акмолинске, Атбасаре, Сталинском, ныне Аккольском, Щучинском р-нах. В госпитале №3006 г. Атбасаре лечили раненых немецких военнопленных. На тогдашней территории Кокшетауской обл. кроме прочих были два госпиталя для военнопленных под №1054, где лечились пленные солдаты, поступившие из Караганды. Они там работали на шахтах, другая часть военнопленных поступала в госпиталь из Тамбовского распределительного лагеря. Данный госпиталь просуществовал с 23 ноября 1941 г. по 1946 г. Архивные документы подтверждают, что «в госпитале лечились немецкие военнопленные, были также румыны, итальянцы, венгры, югославы, японцы и испанцы». В июле 1941 г. в Казахстан началась эвакуация видных советских ученых.

Место пребывания ученых по распоряжению правительства был выбран курорт Бурабай. Ученых насчитывалось вместе с семьями 150 чел. Среди ученых были историк, академик А. Тюменев, китаевед, академики - В.Алексеев, Баранников, И. Шмальгаузен, Л.Л. Мендельштам, С. Бернштейн и др. Крупной фигурой среди ученых был выдающийся академик В.И. Вернадский. Ученые свой труд вкладывали в общее дело Победы. Работали на оборонную промышленность, многие открытия находили немедленное применение. Так, под руководством жившего в Боровом академика С. Берштейна, было подготовлено пособие по определению местонахождения судов по радиопеленгам и многие другие открытия.

Кроме основных своих работ, над которыми упорно трудились ученые, они проводили большую работу и среди населения и воинов Красной Армии, читали лекции, проводили доклады и беседы. Бурабай, куда не доносился гром сражений, сразу же пленил ученых. В.И. Вернадский записывает в дневнике: «Я здесь уже второй год и нахожусь, учитывая военное время, наше положение прекрасным...».

Как отмечено, что река истории, это как река времени, течет, наполняя животворной силой родники нашей памяти. И поэтому хранить память о прошедших временах, людях – это тоже дело государственное.

«Величие народов и государств заключается не только в создании чего-то нового, но и в сохранении и восстановлении старого, чем можно гордиться, что следует считать культурным наследием и что можно

завещать потомкам», - такими словами академика Магжана Исина хочу закончить свою статью.

1. (Эвакуация советского населения в Казахстан Жангутин Б.О. (1941 – 1942г.г.) / «Новый исторический вестник» - 2005. -№14. – с.73-84).
2. (Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941 – 1945). Материалы научно – практической конференции 2005 года. – М.: Академия, 2007. – 720с.).
3. (ГААО. Ф.П-1. Д.159.Л.183-185)
4. (ГААО. Ф.268. О. 3. Д.29. Л.235).
5. (ГААО. Ф.П-97. О.1. Д.152.Л.6).
6. (ГААО. Ф. 711. Оп.2. Д. 60).
7. (ГААО. Ф.1525. О.1. Д.157. Л.1-3).

Солдатова О.Н.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕСОЮЗНОГО НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА МЯСНОЙ
И МОЛОЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В КАЗАХСТАНЕ
В ГОДЫ ЭВАКУАЦИИ. 1941-1943 гг.**

Начавшаяся Великая Отечественная война нарушила привычную мирную жизнь граждан СССР. С началом военных действий перед страной встали сложные задачи по перестройке экономики на военный лад. Для нормального обеспечения производства необходимо было решать важные задачи по изысканию дополнительных трудовых ресурсов, способных заменить рабочих и специалистов, ушедших на фронт, обеспечить повышение производительности труда и спасти промышленное оборудование. Уже 27 июня 1941 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» в р-ны Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азии [1, 51-52]. Казахская ССР стала одной из республик, в которой разместилось большое количество эвакуированных предприятий. Наряду с учреждениями оборонной промышленности, в республику эвакуировались и научно-исследовательские организации, которые обеспечивали научно-техническое сопровождение деятельности предприятий, занимавшихся материально-техническим, вещевым и продовольственным снабжением армии. Одним из таких НИИ был Государственный институт по проектированию предприятий мясной и

молочной промышленности («Гипромясомолпром») Наркомата мясной и молочной промышленности СССР.

Документы института отложились в фонде Государственного института по проектированию предприятий мясной промышленности «Гипромясо» Министерства мясной и молочной промышленности СССР, находящегося на постоянном хранении в филиале Российского государственного архива научно-технической документации (Ф.Р-128). Они поступили в Центральный государственный архив научно-технической документации СССР (ныне – филиал РГАНТД) из Центрального государственного архива народного хозяйства СССР (ныне – Российский государственный архив экономики) в 1982 г. в соответствии с письмом Главархива СССР № 4/83 от 9 января 1981 г.

В фонде института имеются управленческая документация и документы по личному составу, включая период 1941-1943 гг., когда на базе института «Гипромясо» в 1941 г. произошла реорганизация контор по проектированию предприятий мясной промышленности, до этого самостоятельно действовавших в структуре Наркомата мясной и молочной промышленности СССР. В состав документов входят отчеты по основной деятельности института, бухгалтерская отчетность, протоколы общих собраний коллектива и производственных совещаний, планы и отчеты о проектно-изыскательских работах, приказы и переписка руководства института по основной деятельности, приказы по личному составу, учетные карточки ИТР и др. документы. К сожалению, часть проектной документации за интересующий нас период не сохранилась, а другая - имеет ограниченный круг доступа. Физическое состояние документов удовлетворительное. Носителем информации выступает не очень хорошего качества бумага, пожелтевшая от времени, частично с угасающим текстом. Документы представлены как подлинниками, так и копиями. Иллюстративный материал отсутствует. Информационная насыщенность документов хорошая и дает возможность изучить и проанализировать деятельность института в годы Великой Отечественной войны, в т.ч. и за период эвакуации его в Казахстан.

Институт «Гипромясомолпром» был образован в соответствии с решением Государственной штатной комиссии при СНК СССР от 25 сентября 1941 г. № 2080 и приказом наркома мясной и молочной промышленности СССР П.В. Смирнова (Смирнов Павел Васильевич (1894-1954) - нарком (министр) мясной и молочной промышленности СССР в 1939-1946 гг., - *прим. авт.*) о реорганизации проектных контор

«Гипромясо» и «Гипрохолод» № 745 от 1 октября 1941 г. (По некоторым непроверенным данным к конторе «Гипромясо» кроме «Гипрохолода» была присоединена и контора «Гипромолоко», - *прим. авт.*) [2, 123]. Начальником вновь созданного института был утвержден И.М. Киппер до этого возглавлявший «Гипромясо». Его заместителем остался А.М. Эпштейн, а главным инженером с правами заместителя начальника назначили директора реорганизованной конторы «Гипрохолод» И.С. Бадилькеса (Бадилькес Исай Савельевич (Целевич) – д.т.н., проф., ученый в обл. холодильной техники, зав. лабораторией ВНИИ холодильной промышленности министерства мясной и молочной промышленности СССР (1950), имеет авторские свидетельства на изобретения, - *прим. авт.*) [3-6].

До этого, еще 4 июля 1941 г., в соответствии с решением правительства самостоятельные конторы «Гипромясо» и «Гипрохолод» были эвакуированы сначала в Омск, а затем в Алма-Ату. Часть оборудования и персонала осталась в Москве, где действовала оперативная группа. По плану эвакуации переезд из Москвы в Омск должен был занять восемь дней и столько же из Омска в Алма-Ату. В действительности же эти переезды нарушили нормальную работу организаций на гораздо более длительный срок. Так, например, «Гипромясо» в Омске три раза меняло помещение, что весьма отрицательно сказалось на ее работе в течение всего июля. Обе конторы прибыли в Омске до 4 октября.

Объединение контор проходило как в Москве, так и в Омске и их окончательное объединение, по указанию главного инженера отдела капитального строительства наркомата Михеева, должно было завершиться к 1 ноября 1941 г. [7, 121]. До утверждения нового устава конторы продолжали работать, оставаясь самостоятельными юридическими лицами. В Москве объединением занимался И.М. Киппер, а в Омске – И.С. Бадилькес. В Алма-Ате почти весь октябрь ушел на приспособление выделенного помещения для вновь созданного института и разрешение жилищного вопроса, сложившегося вначале исключительно тяжело. Большинство сотрудников жили в непригодных помещениях, а порой и под открытым небом. Это обстоятельство повлияло на выпуск проектно-сметных материалов. Образовавшуюся задолженность по разработке технической документации пришлось перекрывать в ноябре-декабре 1941 г., когда сотрудники института приступили непосредственно к проектно-изыскательским работам.

В течение двух месяцев им предстояло выполнить большой объем работ по мясокомбинатам: реконструкция мясокомбината в Киргизии (г. Фрунзе) [7, 100]; окончание составления генеральной сметы строительства мясокомбината в Улан-Удэ [7, 88]; мясокомбинатов в Алтайском крае (Камень-на-Оби, Рубцовск и Барнаул), Свердловской обл. (в Ирбите) и Чкаловской обл. (г. Орск); Омского мясотреста (в Называевке); проектов для предприятий сыртреста Ойротской автономной обл. (в с. Майма, Чибит, Абай и Яконунур), льдосоляных холодильников в Сталинске и Прокопьевске (Новосибирская обл.) и приспособления под холодильники жилого дома и одного из цехов на Новосибирском мясокомбинате, а также льдозавода в Алма-Ате; выпуск проекта типового десятитонного ручного маслозавода для Новосибирской обл. и др. [7, 48-49]. В декабре 1941 г. были начаты работы по составлению проектов реконструкции мясокомбинатов в Петропавловске и Новосибирске, холодильника в Ташкенте [7, 27].

Однако в работе «Гипромясомолпрома» в этот период были недостатки и проблемы, связанные с проектными работами и отрицательно сказывавшимися на деятельности института. Проектирование было длительным и не всегда выдерживались договорные сроки. Недостаточно внимания уделялось выполнению типовых проектов и решений, а также применению инструкций о проектировании в условиях военного времени. С другой стороны, не все заказчики оплачивали выполненные работы, встречались случаи отказа с их стороны. Многие сотрудники были призваны в ряды РККА, а часть специалистов отвлекалась на лесозаготовки. Институт постоянно испытывал дефицит инженерно-технических работников, и оставшиеся ведущие инженеры-проектировщики вели по несколько проектов сразу, что влияло на качество проектирования.

Плохо обстояло дело и с трудовой дисциплиной, учет прихода и ухода работников велся слабо, имели место прогулы и опоздания на работу. Многие сотрудники пренебрежительно относились к выполнению правил внутреннего распорядка, содержанию рабочего места и т.п. [7, 75]. Несмотря на то, что к декабрю 1941 г. «Гипромясомолпром» уже два месяца находился в Алма-Ате, помещение технического архива не было оборудовано и не закрывалось. Около 100 ящиков с документами не были разобраны, а то, что было разобрано, не проинвентаризировано [7, 38].

Несмотря на сложности, возникшие в связи с переездом и реорганизацией, годовой план работы института за 1941 г. был выполнен, а производительность труда проектировщиков составила 113,2% [8, 7].

В соответствии с указаниями П.В. Смирнова и приказами его заместителя И.А. Кузьминых (Кузьминых Иван Алексеевич (1902-1970) - советский государственный деятель, первый зам. наркома (министра) мясной и молочной промышленности СССР (1939-1946), министр мясной и молочной промышленности СССР (1946-1953), - *прим. авт.*) от 13 декабря № 23, от 25 декабря № 42 и от 26 декабря № 46 в плане работ на 1 квартал 1942 г. в числе первоочередных работ были определены: реконструкция Петропавловского, Новосибирского, Троицкого, Орского, Сталинградского, Курганского и проектирование Куйбышевского, Уфимского, Иркутского, Улан-Баторского и Алма-атинского мясокомбинатов, а также окончание проектов по Павлодарскому заводу сухого молока, Куйбышевскому маслокомбинату, Назаровскому молочно-консервному заводу, Ташкентскому холодильному и Семипалатинскому комбикормовому заводам. Основные проектные работы по мясокомбинатам выполнялись на местах за исключением Омского, Троицкого, Уфимского, Улан-Баторского, Алма-атинского. В Алма-Ате осуществлялись проекты Павлодарского завода сухого молока, Куйбышевского маслокомбината, Назаровского молочно-консервного завода и Семипалатинского комбикормового завода [7, 5].

Для более четкой организации проектно-изыскательских работ на 1942 г. распоряжением Наркомата мясной и молочной промышленности № 338 [9, 165] от 30 декабря 1941 г. руководством конторы были установлены помесечные графики выпуска проектов и назначены их главные инженеры. Основные работы 1942 г. были сосредоточены на подготовке проектов расширения действующих предприятий и цехов, строительстве новых или приспособление имеющихся цехов при действующих предприятиях, а также подготовке типовых проектов и проектов для построенных организаций. Только в Алма-Ате были выполнены типовые проекты районных мясокомбинатов малой мощности; трех колбасных цехов упрощенного типа производительностью 1, 2 и 4 т колбасных изделий в сутки; стандартного ручного маслоказеинового завода сборной конструкции для переработки 500 т молока в год; заводов консервированного масла, сухого обрат и пахты для переработки 3 тыс. т молока в год, сгущенного молока с сахаром и сухого молока на 25 т в сутки каждый, сухого льда на 1 т в

сутки; брынзосырохранилища на 15 т; холодильников на 1 тыс. и 400 т и сушилок для крови.

Кроме того, институт подготовил значительное количество типовых проектов для строительства мясных, молочных и холодильных предприятий (скотооткормочные пункты, базы дорастивания скота, птицекомбинаты, индейководческие фермы; подвалы для хранения сыра; молочные домики и молокозаводы на 3 т в смену; склады мясных консервов, клеевые заводы, повозочные мастерские и т.д.). Разработка типовых проектов имела большое значение для строительства предприятий мясной и молочной промышленности. Так, по льдосоляным холодильникам была осуществлена привязка к площадкам не менее чем по 50-ти строительством. Типовые проект на низовые молокозаводы были размножены в количестве 200 экземпляров, ледники - свыше 1 тыс. 100, повозочные мастерские – 100 экземпляров и т.д. [8, 17]. Особо следует отметить эффективность типовых проектов, разработанных институтом «Гипромясомолпром» в Алма-Ате.

В условиях военного времени, в основном проводились работы оборонного значения. Сюда относилось проектирование:

- цехов пищевых концентратов при Орском, Курганском, Омском и Петропавловском (Казахстан) мясокомбинатах;

- расширение колбасных цехов для увеличения производства стойких сортов колбас при Орском, Петропавловском, Омском, Уральском (Свердловская обл.) и Троицком (Московская обл.) мясокомбинатах;

- расширение консервного завода при Курганском мясокомбинате, для которого был выполнен в ударном порядке (в течение 1 мес.) сложный проект приспособлений эвакуированного оборудования Урюпинского консервного завода в недостроенном холодильнике Алма-тинского мясокомбината;

- расширение холодильников и усиление холодильного оборудования при Курганском, Уральском, Петропавловском, Троицком, Новосибирском и Чкаловском (ныне - Оренбургском) мясокомбинатах, Челябинском и Ташкентском холодильниках, Шадринском (Курганская обл.) птицекомбинате, маслозаводах в Усть-Каменогорске и Семипалатинске, мясокомбинатах в Джамбуле и Чимкенте в Казахстане; нового холодильника для Омского маслостреста и др.

- проектирование завода сухого льда и жидкой углекислоты в Свердловске на базе эвакуированного оборудования московского завода «Сухой лед», льдозавод с абсорбированной установкой, позволяющей

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

изготавливать оборудование на месте без применения качественного машиностроения для Турксиба при станции Алма-Ата, льдозавод для НКПС на базе эвакуированного оборудования в столице Киргизии Бишкеке;

- молочно-консервные комбинаты в Назарово (Новосибирская обл.) и Куйбышеве на базе эвакуированного из Сталинградской обл. Суворовинского завода;

- спецзаводы Мясомолмаша в Новосибирске и № 20;

- мыловаренные цеха при Джамбульском, Алма-атинском, Новосибирском и др. мясокомбинатах;

- цеха брикетированных комбикормов при Балашовском (Саратовская обл.), Куйбышевском (Новосибирская обл.) и Семипалатинском (Казахстан) комбикормовых заводов;

- кондитерская фабрика в Алма-Ате на базе эвакуированной московской фабрики им. Бабаева.

Кроме того, в институте было начато проектирование новых мясокомбинатов в Челябинске и в Алтайском крае (Славгород), комбикормовых заводов в Закавказье, консервного завода в Киргизии (г. Ош).

Изготовление большинства проектов производилось с выездом бригад проектировщиков на места, где оно шло параллельно с выдачей рабочих чертежей строительству для немедленного начала работы. Специалисты института оказывали непосредственную помощь при монтаже на предприятиях Орска, Чкалова, Улан-Удэ и др. городов СССР. Проектирование консервного завода в Алма-Ате выполнялось в большей части на строительной площадке. Инженеры «Гипромясморпрома» участвовали также в монтаже, пуске завода и устранении неполадок в первый период работы.

Институт выполнял работы и специального назначения, требовавшие серьезной научно-технической проработки и применения новейших технологических методов. К ним относится холодильная установка для промораживания грунтов при нефтепромыслах в Лениногорске; барометрическая камера и холодильная установка при глубоко низких температурах (до -660) для авиапромышленности; цеха производства гибких шлангов для нужд вооружения на базе отходов мясокомбинатов и др.

Для упрощения проектирования, минимальных затрат на оборудование и экономии дефицитных стройматериалов в институте были разработаны подробные инструкции о проектировании в условиях военного времени.

В целях изжития громоздкости проектных материалов и ликвидации ненужной затраты рабочего времени, что удорожало стоимость и увеличивало сроки проектирования, были разработаны нормали холодильного, колбасного, комбикормового и молочного оборудования; строительного проектирования, изоляции холодильников и холодильных трубопроводов. Для эффективного учета технико-экономических факторов, решающих рациональный выбор тех или иных проектных решений рассчитаны технико-экономические показатели объектов строительства в молочной и холодильной промышленности.

В проектирование были внедрены рационализаторские предложения и новые технологические процессы, из которых заслуживали внимание: использование старых соляных шахт в Соль-Илецке для хранения продуктов емкостью 8 т; цеха концентратов в Семипалатинске и при мясокомбинате в Орске; холодильная установка для завода № 166; бесканальная воздухоохладительная установка, разработанная начальником холодильного сектора А.П. Шефером и инженером этого же сектора М.А. Филиновым, а также др. сотрудниками института [8, 170б.].

Годовой план 1942 г. институтом «Гипромясомолпром» был выполнен на 113,3% при производительности труда в 101,9%, а себестоимость проектных работ снижена на 350,3 тыс. руб. (13,1%) [10, 10,13]. Так, в проектах Омского колбасного завода, Алма-атинского холодильника, Уфимского и Куйбышевского мясокомбинатов, Ташкентского и Челябинского холодильников, Куйбышевского в Новосибирской обл. маслокомбината, Павлодарского завода сухого молока и Балашовского комбикормового завода была достигнута экономия 1 тыс. 428 т цемента, 315 т металла, 2313 м куб. торфолеума (прессованный материал из торфа, употребляется для изоляции и легких построек, - *прим. авт.*), 634 т гудрона, 12,5 тыс. м куб. рубероида, 8,8 м кв. пергамента, 170 т хлебомассы. В проектах Омского, Уфимского и Троицкого мясокомбинатов и Ташкентского холодильника установочная холодильная мощность была снижена на 1 тыс. 300 ккал, сэкономлено 5 компрессоров и 70 т труб. Общая экономия составила 600 тыс. руб. [10, 5-7]. При проектировании мясокомбината для Славгорода, в котором было принято одностадийное решение и широко использовались местные материалы, экономия составляла по сравнению с довоенными предприятиями аналогичной мощности от 23% до 90%.

Для активизации рационализаторской работы в январе 1943 г. в институте была внедрена инструкция «О вознаграждении за изобретения,

технические усовершенствования и рационализаторские предложения», утвержденная Постановлением СНК СССР № 1904 от 27 ноября 1942 г., согласно которой в зависимости от полученной годовой экономии авторам новшеств определялся соответствующий размер премии [11, 7-14]. Так, при сумме годовой экономии до 1 тыс. руб. автору изобретения полагалось 30% от экономии, но не менее 200 руб., за техническое усовершенствование – 25%, но не менее 150 руб., а за рационализаторское предложение – 12,5%, но не менее 100 руб. При сумме годовой экономии свыше 1 млн руб. вознаграждение составляло уже соответственно 2%+21 тыс. руб., но не более 200 тыс. руб. за изобретение, 1%+11 тыс. руб., но не более 100 тыс. руб. за техническое усовершенствование и 0,5%+5,5 тыс. руб., но не более 25 тыс. руб. за рационализаторское предложение [11, 10].

В начале 1943 г. в связи с улучшением положения на фронтах институт начал готовиться к эвакуации. До переезда в Москву он должен был завершить большой объем работ, начатых в Алма-Ате, по расширению и реконструкции существующих предприятий в Сибири и Казахстане. Необходимо было завершить проектно-изыскательские работы по Чимкентскому городскому молзаводу и переводу двигателей на газовое топливо в Талды-Кургане и Мулалы; проектные задания на льдозавод в Луговой, по сушке овчин при мясокомбинате, подъемника для ящиков на консервном заводе и по кондитерской фабрике в Алма-Ате; льдозаводам в Коканде (Узбекистан) и Новосибирской обл. (водоснабжение мясоконсервного завода в Куйбышеве и холодильная установка в Кривошеково); техно-рабочий проект Уральского консервного цеха и др. [11, 40-41].

Кроме этого, институт работал по ряду проектов, связанных с перебазировкой эвакуированных с запада предприятий и оказанию технической помощи по монтажу и строительству предприятий на базе эвакуированного оборудования, а также заканчивал проекты цехов, организованных на действующих предприятиях в Орске, Энгельсе и др. городах страны по выработке специальной продукции для нужд Красной армии [7, 10].

Т.о., деятельность института «Гипромясомолпром» в годы Великой Отечественной войны была полностью переключена на работу, имеющую непосредственное отношение к обороне страны. Менее чем за два года пребывания института в Казахстане его инженерам удалось изготовить значительное количество проектов по реконструкции, приспособлению действующих и строительству новых предприятий мясной и молочной

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

промышленности в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Алтайском крае, Новосибирской и Свердловской обл., г. Омске, Орске, Куйбышеве и др., что позволило государству пополнять и сохранять продовольствие, предназначенное для обеспечения Красной армии. Институт выполнял задания по проектированию и организации цехов по производству пищевых концентратов, пенициллина, медицинских препаратов, боеприпасов и др. Уже в 1943 г. «Гипромясомолпром» приступил к выполнению проектных работ, связанных с восстановлением разрушенных войной предприятий мясной промышленности в Украине (Киевский, Днепропетровский, Одесский мясокомбинаты и др.) [12, 11].

Институт пробыв в эвакуации с октября 1941 г. по июнь 1943 г., когда окончательно реэвакуировался из Казахстана в Москву [11, 53]. Его сотрудники своим самоотверженным трудом внесли большой вклад в Победу советского народа над фашистскими захватчиками.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р-5446. Оп.Зас. Д.6.
2. Филиал Российского государственного архива научно-технической документации (Филиал РГАНТД). Ф.Р-128. Оп.2-7. Д.9.
3. Филиал РГАНТД. Ф.Р-128. Оп.2-7. Д.10.
4. Филиал РГАНТД. Ф.Р-1. Оп.6-5. Д.885.
5. Филиал РГАНТД. Ф.Р-1. Оп.15-5. Д.1670, 3288.
6. Филиал РГАНТД. Ф.Р-1. Оп.60-5. Д.180.
7. Филиал РГАНТД. Ф.Р-128. Оп.2-7. Д.9.
8. Филиал РГАНТД. Ф.Р-128. Оп.1-6. Д.7.
9. Филиал РГАНТД. Ф.Р-128. Оп.2-7. Д.15.
10. Филиал РГАНТД. Ф.Р-128. Оп.1-6. Д.8.
11. Филиал РГАНТД. Ф.Р-128. Оп.2-7. Д.18.
12. Текущий архив филиала РГАНТД. Дело фонда № Р-128.

Аупенова А.У.

ЗАВОД № 517: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭВАКУИРОВАННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОБЪЕКТА НА КАЗАХСТАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

После начала Великой Отечественной войны из г. Кольчугино Владимирской обл. в г. Балхаш на территорию Балхашского медеплавильного завода (БМЗ) эвакуирован цех № 4 завода им. Серго

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Орджоникидзе. Технологическое оборудование этого цеха и эвакуированная часть литейного и вспомогательных цехов составила основу 517 завода. По постановлению Государственного Комитета Оборона (ГКО) восстановление завода должно было закончиться к 15 февраля 1942 г., а 1 апреля 1942 г. освоены полные производственные мощности. Эти сроки, а также сроки монтажа и пуска в эксплуатацию отдельных основных станов и агрегатов, установленные «Наркомцветметом», не были выдержаны по двум основным причинам – из-за задержки оборудования в пути следования и позднего получения цемента. Но, несмотря на тяжелые климатические условия и трудности в материально-техническом снабжении, военный промышленный объект в кратчайшие сроки вошел в рабочий ритм.

Основная часть оборудования прибыла в период с 29 декабря 1941 г. по 1 февраля 1942 г. В марте и первой половине апреля 1942 г. перерабатывался только металл из незавершенного производства, вывезенный из г. Кольчугино. Большинство станов цеха № 3 были уже пущены в работу с 1 марта 1942 г. 7 марта 1942 г. вступили в строй первые печи «Аякс» цеха № 1. С 15 марта пущены станы № 2 и 3 цеха № 2. 25 марта пущен головной агрегат цеха № 2 – стан «Трио». Отжиговые печи и шарнирный кран в цехе № 2 пущены 14 апреля 1942 г. Эта дата считается окончанием монтажа завода, т.к. с пуском печей отжига представилась возможность подачи заготовок цеху № 3 и выпуска листовой продукции.

Завод № 517 располагался на трех не связанных между собой территориях. На одной из них размещались цех № 1, цех № 2, цех № 4, цех № 5 и складское хозяйство, на второй – цех № 3 и безгаражная стоянка, на третьей – цех № 6 и отдел кадров завода [1, с. 497-498].

На площадке ремонтно-механического цеха БМЗ, где должен был разместиться завод цветного проката, закладывались фундаменты под стан «ТРИО» и другое сложное прокатное оборудование. «Уже в марте 1942 г. заводчане дают долгожданный прокат, столь нужный стране. Поистине чудо было сотворено руками строителей Балхаша и Кольчугино, за два с половиной месяца восстановивших завод, который стал выдавать на новом месте столько же проката, сколько на прежнем, из которого делали гильзы для патронов и снарядов. Так Балхаш стал в годы войны крупным оборонным бастионом...» [2, с. 28].

Рабочих, инженеров и служащих завода № 517, эвакуированных в г. Балхаш в 1941 г. из г. Кольчугино Владимирской обл., было 622 чел. (без

членов семей): И.Е. Шаров – директор, Д.А. Буровое – заместитель директора, И.И. Додонов – главный механик завода, И.Т. Румянцев – главный энергетик завода, А.Ф. Евсеев – парторг ЦК ВКП (б) завода, И.В. Сиренов – председатель завкома, Е.И. Бухарина и В.Н. Чуваков – заместители председателя завкома и др.

Строительные работы по восстановлению завода проводились «Прибалхашстройтрестом», монтажные – спецмонтажом БМЗ, в котором работали исключительно рабочие и инженерно-технические работники (ИТР), прибывшие из г. Кольчугино. Коллективы строителей и монтажников при восстановлении завода показали образцы самоотверженности и подлинного трудового героизма. Работы велись на открытом воздухе, при морозах – 40-45 градусов и пронизывающих ветрах, достигающих 35 м в сек. Многие строители и монтажники в этих условиях по несколько суток подряд не покидали рабочие места.

Для характеристики темпов восстановительных работ достаточно привести один пример с монтажом стана «Трион». «В г. Кольчугино в 1928 г. этот стан под руководством немецких специалистов монтировался восемь мес. В Балхаше силами рабочих и техников завода монтаж закончен за 12 дней» [3, л. 1 об.]. После монтажа и пуска основного технологического оборудования завод столкнулся с рядом трудностей по освоению мощностей, преодоление которых потребовало большого напряжения сил со стороны рабочих и командного состава завода. Это, прежде всего, отсутствие некоторых видов оборудования; как отмечало руководство завода в своем отчете - на получение недостающего оборудования рассчитывать было нельзя и приходилось при очень ограниченных возможностях ремонтно-механического цеха, подчас за счет изготовления запасных деталей для действующих станков, изготавливать все необходимое собственными силами.

Обеспеченность рабочей силой в течение 1942 г. колебалась в пределах 80-90%. Недостаток рабочей силы усугублялся отсутствием рабочих по болезни, доходившим в отдельные месяцы до 14 % [4, с. 77].

К концу 1942 г. штат рабочих завода № 517 в незначительном количестве пополнен за счет мобилизованных из Енисейска ограниченно-годным составом, из которых многие по состоянию здоровья были отпущены, другим была предоставлена более легкая работа и, таким образом, это пополнение достаточно эффективно использовать не представилось возможным. По категории ИТР имела недостаток, главным образом, по аппарату заводууправления и планово-

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

экономического персонала цехов за отсутствием работников соответствующих специальностей. Мастера производства укомплектованы из числа лучших рабочих – стахановцев. Благодаря наличию основных кадров – кольчугинцев, отдавших производству энергию, инициативу и накопленный опыт, завод смог справиться с поставленными перед ним задачами по восстановлению завода и освоению его мощностей.

Энергетическое хозяйство завода на новом месте создавалось на базе ТЭЦ БМЗ. Особыми трудностями в восстановлении завода было то, что все привезенные трансформаторы и кабели в условиях Балхаша оказались по своим характеристикам неподходящими - и заводом были приняты меры к изысканию необходимых трансформаторов и кабелей в Казахстане. Вопрос подбора кабелей в основном разрешен путем снятия резервных кабелей на БМЗ посредством их выемки из грунта и прокладки на новом месте.

Печи для нагрева и отжига металла построены с учетом максимального снижения потребления мазута и замены его электронагревом. Если на бывшем Кольчугинском заводе прокатное производство имело девять мазутных и три электрических печи для отжига, то в условиях Балхаша отжиг велся на девяти электрических печах и на двух мазутных.

Вновь освоен выпуск следующих сплавов, которые в Кольчугине не вырабатывались:

1. Бронза ОФ-6,5 в листах и лентах.
2. Бронза А – 7 в лентах.
3. Бронза ОЦС-4-4-4 в полосах.
4. Марганцовистая медь в листах и лентах.

Освоен выпуск лент и полос сплава ЛС-64 путем прокатки болванок, тогда как на Кольчугинском заводе эти ленты изготавливались только на прессованной заготовке. Налажено массовое производство лент медных и томпаковых, которые цехом № 4 Кольчугинского завода не изготавливались.

В области технологических процессов завод встретился с непредвиденными трудностями. Главнейшей из них было агрессивное влияние балхашской воды на цветные металлы и сплавы, выражавшееся в том, что листы, полосы и ленты после обычного травления и промывки начинали быстро темнеть, терять внешний вид (цвет и блеск), особенно тяжело это сказывалось на выходной продукции. Работы заводской

лаборатории, продолженные профессором Казахского Горно-Металлургического института Лайнером В.И., привели к применению отравных ванн с хромпиком. К испытанию и применению этих ванн завод перешел в 1943 г. Одновременно с этим по просьбе завода НКЦМ поручил Гипроцветметобработке разработать вопрос о светлом отжиге цветных металлов и сплавов для Балхаша. За полгода 1942 г. завод от Гипроцветметобработки ответа не получил. С аналогичным запросом руководство завода обратилось в Казахский Горно-Металлургический институт к профессору С.И. Губкину.

Во исполнение заданий ГЦМО и НКЦМ завод проводил целый ряд исследовательских работ, связанных с выяснением вопроса о возможности применения балхашской меди из конвертора в шихту ответственных сплавов, таких как ОСНАЗ № 2, Л-70, ЛТ-90. Под наблюдением завода в конверторе металлургического цеха БМЗ были сделаны опытные плавки и разлиты в штыки, непосредственно, использованные в шихте. Из этой меди выплавлены опытные партии сплавов ЛТ-90, Осназ № 2 и Л-70.

По годовому производственному плану завод должен был выпустить изделий 18 тыс. т на сумму 32700 тыс. руб. в неизменных ценах 1926-1927 гг. По сумме квартальных планов выпуск определялся в 17 523,15 т на сумму 32 406, 2 тыс. руб.; по сумме месячных оперативных заданий, которыми завод в своей практической деятельности руководствовался, выпуск планировался в 17 519, 35 т на сумму 32 635 тыс. руб., фактический выпуск за 1942 г. по заводу составил 18 264, 90 т на сумму 34 564,73 тыс. руб.

Выпуск всех сплавов, вырабатываемых ранее на Кольчугинском заводе и на заводе «Красный выборжец», был возложен только на 517 завод. Большой объем выпуска специальных сплавов не мог не отразиться на выполнении плана по отдельным из них, особенно в первые месяцы – в период освоения завода [5, с. 46].

К концу 1942 г. в цехе № 1 отливало 26 различных сплавов: латунь Л-62, латунь Л-68, латунь ЛС-59, латунь ЛС-64, латунь ЛС-74, латунь Л-70, томпак ЛТ-90, бронза СП-4-3, бронза ОФ 6,5, бронза АМЦ-9-2, бронза эвердур, бронза А-7, бронза ОЦС 4-4-4, бронза Б/2, бронза Б/1, монель-металл, марганец, нейзильбер, никель, кремнистый никель, мельхиор, константан, марганцовистая медь, марганцовистая латунь, кадмий, круга фосфористой бронзы. Обработывающие цеха, кроме этих сплавов выпускали красную медь из болванки, получаемой со стороны.

Ветеран труда С.К. Каукербек в своей статье отмечает: «Выпускаемая в военные годы продукция называлась «Патронка», «Капсюлька», в ней очень нуждался фронт... Прокатчики Балхаша объявили себя мобилизованными на весь период войны и поклялись трудиться по-фронтовому: «Одна тонна меди – это 150 снарядов!...» [6, с. 2].

На базе завода № 517 в настоящее время функционирует Балхашский завод по обработке цветных металлов («ЗОЦМ») – «это единственное в Республике Казахстан предприятие цветной металлургии, специализирующееся по выпуску круглого и плоского проката из цветных металлов на основе меди» [7].

1. Аупенцова А. У. Деятельность Балхашского завода обработки цветных металлов в годы Великой Отечественной войны // Научный журнал «Молодой ученый». - 2015. - № 4.- 534 с.
2. Там, где рождается медь... (Под общей редакцией Н.Т. Махмудова и Э.Ф. Исаевой) - Алматы, «КА-media», 2007 – 108 с.
3. Государственный Архив Карагандинской области. Ф. 596. Оп. 16. Д. 10. 66 л.
4. Аупенцова А.У. Славные боевые страницы истории завода № 517 г. Балхаш Карагандинской области в годы Великой Отечественной Войны // «Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление». Мат. Межд. науч.-практ. конф. - Усть-Каменогорск, 2015. – 621 с.
5. Аупенцова А.У. Некоторые аспекты производственной деятельности завода № 517 г. Балхаша Карагандинской области в 1942 году // Сборник статей и докладов республиканской научно-теоретической конференции: Великая Отечественная война. Уроки истории. – Караганда: 2015. - 276 с.
6. Каукербек С. Без прошлого нет будущего // Газета «Балхашский рабочий». – 2001. – 25 июня (№ 57).
7. АО «ЗОЦМ». История // <http://www.zocm.kz/index.html>. Дата обращения: 24.08.2016 г.

Буриева Х.А.

ДОКУМЕНТЫ ФОНДА № 314 ЦГА РУз КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ II МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проблема эвакуации населения в годы Второй мировой войны является актуальной на протяжении уже нескольких десятков лет, ее решение дает

возможность освещения малоизученных аспектов, связанных с переселением, размещением, трудоустройством, дальнейшим возвращением на родину людей с районов, где особенно ожесточенно происходили военные действия. Исследованием данного вопроса занимаются как специалисты различных научных отраслей, так и любители, среди которых немало родственников и близких эвакуированных. Создаются коллективные работы, научные сборники, статьи, тезисы, организовываются конференции международного и регионального характера, встречи и беседы с участниками войны, с людьми, участвовавшими в процессе эвакуации, с теми, чьи судьбы были переплетены с войной и ее последствиями. Однако следует отметить, чем глубже в историю уходят военный и послевоенный периоды, тем меньше остается очевидцев и участников событий, которые могли бы представить факты о реальности изучаемой тематики. А в настоящее время все более востребованным становится написание реальной истории, основанной на достоверных источниках. Ввиду этого, ценными материалами, содержащими информацию о событиях военных лет, являются документальные сведения, хранящиеся в фондах архивов и музеев различных стран.

Одним из крупных архивов Среднеазиатского региона является Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), в фондах которого содержатся сведения о различных исторических процессах, происходивших не только в Узбекистане, но и на территории соседних стран. Информацию о событиях военных лет можно встретить в материалах органов управления, таких как Совнарком, Верховный Совет, Кабинет Министров, Исполкомы, где она представлена в виде постановлений, распоряжений, отчетов и др. нормативных и управленческих документов. Также в отдельных фондах, хранящих документацию по различным отраслям народного хозяйства, содержатся сведения, касающиеся той или иной сферы развития отраслей именно в военный период. Эти материалы, в определенной мере касаются темы войны, и ввиду этого требуют аналитического подхода и ознакомления с множеством архивных дел. Фондом, непосредственно принадлежащим теме эвакуации населения, является фонд № 314 Исторического отдела ЦГА РУз, анализу материалов которого посвящается данная статья. В частности, в рамках статьи, будет представлен обзор нескольких документов, содержащих наиболее конкретные факты.

Фонд № 314 называется «Уполномоченный управления по эвакуации населения при Совете Министров УЗССР», содержит 423 документа и состоит из одной описи. Это Управление по эвакуации было образовано

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

на базе Переселенческого отдела, действовавшего в 1939–1953 гг. «17 ноября 1939 г. Постановлением СНК УзССР образован Переселенческий отдел при СНК УзССР. Постановлением ГКО № 7150 от 26 сентября 1941 г. на базе Переселенческого отдела было образовано Управление по эвакуации населения при СНК УзССР» [1].

В фонде № 314 имеются: протоколы производственных совещаний, годовые планы, отчеты о работе Переселенческого отдела. Докладные записки о ходе хозяйственного устройства, о размещении эвакуированных промышленных предприятий, учебных заведений, учреждений, эвакуированных граждан, переселенцев из Крыма, Грузии по областям УзССР, состоянии внутриреспубликанского переселения, о мероприятиях по улучшению освоения Голодной степи, а также переписка об освоении новых земель, о ходе строительства жилых домов для переселенцев, о предоставлении льгот переселенцам. Особо следует отметить, что в данном фонде имеются документы, содержащие материалы о количестве семей и лиц, прибывших в республику, нормативных актах, касающихся работы органов по эвакуации, совещаниях Эвакоуправления, также статистические сведения о расселении эвакуированных по областям из различных регионов прифронтовых территорий. Но, к сожалению, они не охватывают весь эвакуационный период, все территории, принявшие эвакуированное население, также не все протоколы заседаний сохранены, и ввиду малого количества дел, не дают полного представления о процессах, связанных с эвакуацией. Тем не менее, имеющаяся в документах информация дает возможность провести анализ деятельности Эвакоуправления, ознакомиться с основой организации работы органов по эвакуации населения, определить успехи и недостатки в их работе, получить информацию о статистике и движении эвакуированного населения по республике. Ниже остановимся на характеристике нескольких дел данного фонда.

Дело № 37 – «Постановление № 187 Совета Эвакуации при СНК СССР «Об утверждении положения и штатов Управления по эвакуации населения» [2]; на листах 1-7, 49-57 этого документа имеются тексты одного постановления, двух положений и одного распоряжения, касающиеся Совета по эвакуации и Эвакогруппы. В частности, Постановление № СЭ 187 гласит об утверждении Положения об образующего при Совете по Эвакуации руководящего органа – Управления по Эвакуации населения – и четырех Приложений к данному Положению. Согласно этому нормативному документу Управление по эвакуации населения имеет штат в 66 чел.,

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

организуется по следующей структуре: Отдел по эвакуации, Отдел трудоустройства, Отдел бытового обслуживания, Центральное справочное бюро, Управление делами и возглавляется Начальником Управления, который имеет трех заместителей. В Положении указано, что: «Начальник Управления по Эвакуации населения руководит всей деятельностью Управления, издает в пределах своей компетенции приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, постановлений и распоряжений Правительства и Совета по Эвакуации и проверяет их исполнение» [3]. Управлению подчиняются Местные органы Управления в лице его Уполномоченных в соответствующих республиках, краях, областях и в отдельных городах, как в местах эвакуации, так и в местах расселения эвакуируемых; в свою очередь, при Уполномоченных имеется штат с работниками в количестве десяти чел. В данном Положении четко определены задачи Управления по эвакуации, его структура, должностные обязанности Уполномоченных при Управлении, в зависимости от характера региона эвакуации, приведена классификация областей, в которые производится эвакуация населения, приведены статистические сведения об областях, городах, районах, где организуются аппараты Уполномоченных.

Далее в деле № 37, на листе 55, приведен текст Распоряжения № 15482 СЭ Совета по эвакуации от 23 декабря 1941 г.: «Утвердить представленное Управлением по эвакуации населения Положение «Об отделе переселения колхозных хозяйств Управления по эвакуации населения при Совете по Эвакуации». Зам. Председателя Совета по Эвакуации К.Памфилов» [4]. В настоящем Положении указаны задачи Отдела Переселения колхозных хозяйств, особенности организации его деятельности и делопроизводства, функции Местных органов – переселенческих отделов, состоящих при Совнаркомов республик и облисполкомах [5]. В целом, документ № 37 фонда 314 содержит ценную информацию о нормативной базе Совета по эвакуации и его структурных подразделений, что дает возможность ознакомления с основой организации деятельности органов эвакуации и глубже понять мотивы характера проводимой ими работы в годы войны.

Дело № 56 называется «Сводки о размещении эвакуированного населения». На листах 116-120, 135-136, 147-154, 169, 176-182, 191-198 написаны Докладные записки инспекторов, представленные Уполномоченному Эвакоуправлению по УзССР. В докладных записках инспекторов, направленных Уполномоченному Управлению эвакуации населения в УзССР, заместителю Председателя Совета Народных

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Комиссаров Узбекской ССР, представлены: сведения о работе Эвакопунктов в г.Ташкенте, Самаркандской, Бухарской и Ферганской обл., о количестве принимаемого и опрашиваемого в день эвакуированного населения, о трудоустройстве прописанных граждан, о квартирном обеспечении, бытовом устройстве эвакуированных, о состоянии общественного питания, о размещении эвакуированных детских домов. Например, в «Докладной записке о состоянии работы, связанной с устройством эвакуированного населения по Самаркандской обл.» отмечается, что запланировано было разместить по районам и городам области 70 тыс.чел., по совхозам – пять тыс., по другим организациям – четыре-пять тыс., всего по области – 80 тыс. чел., но на 1 января 1942 г. всего было принято и размещено 113 тыс. 310 чел. [6]. Особо подчеркивается, что факт приема населения сверх плана приводил к ряду проблем, связанных с питанием, расселением граждан, оказанием медицинской помощи и санитарных услуг эвакуированным, а также обеспечения их жильем, работой и бытовыми условиями; однако у принимающей стороны не оставалось иного выхода, как принимать поступающее население и оказывать ему необходимую помощь. В данной записке также содержится информация о детских домах, организованных в Самаркандской обл. в результате принятия шести эвакуированных детдомов и одного интерната (Табл. 1).

Таблица 1

**Сведения об эвакуированных детдомах в Самаркандскую обл.
(январь 1942 г.) [7]**

<i>№</i>	<i>Наименование детдома</i>	<i>Количество прибывших</i>	<i>Место устройства</i>
1.	Житомирский детдом	140 чел.	Самарканд
2.	Детдом из Сумской обл.	52	Самарканд
3.	Детдом из Ворошиловоградской обл.	130	Самарканд
4.	Детдом из Ворошиловоградской обл., ст.Баранская	142	Самарканд
5.	Детдом из Курской обл. ст.Кароча	115	Самарканд
6.	Детдом из Сталинской обл.	130	Самарканд
7.	Интернат Испанских детей	170	Самарканд
	Кроме того размещено по детдомам области	190	Самаркандская обл.
	В с е г о :	1069 чел.	

В целом, в деле № 56 имеется довольно разнообразный материал, связанный с эвакуированным населением, позволяющий более реально представить условия жизни принимавшегося в республику населения, проводимую непрерывную работу по размещению, обеспечению кровом, питанием, одеждой, бытовыми услугами, выявить некоторые проблемы в работе Эвакопунктов, большей частью связанные с поступлением большего, чем планировалось, эвакуированного населения, а также и с другими трудностями сурового военного времени.

Дело № 60 называется «Сведения о количестве семей и лиц, эвакуированных в области УзССР». На листах 24-32, 35-36, 42-54 представлены таблицы со статистическими сведениями эвакуированных в Бухарскую, Хорезмскую, Ферганскую, Ташкентскую обл. Особенно примечательны таблицы в данном документе, где собраны количественные данные об эвакуированном населении в Ферганскую, Бухарскую и Хорезмскую обл., где информация представлена по осенним месяцам 1941 г., что позволяет выявить динамику в росте числа прибывающих в республику граждан, в т.ч., по полу, возрасту, национальной принадлежности. Обобщая данные нескольких таблиц, можно представить сведения об эвакуации следующим образом. (Табл. 2).

Таблица 2

Сведения об эвакуированных гражданах по областям УзССР [8]

	<i>По Бухарской обл. (на 15 октября 1941 г.)</i>	<i>По Ферганской обл. (на 15 октября 1941 г.)</i>	<i>По Хорезмской обл. (на 1 сентября 1941 г.)</i>
Всего	2697	9265	232
из них:			
мужского пола	1209	4194	93
женского пола	1488	5071	139
из них:			
мужчин в возрасте 16-59 лет	798	2991	42
женщин в возрасте 16-54 лет	981	3670	99
детей до 7 лет	368	1363	23
детей 7-15 лет	379	1070	54

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

из них по национальности:			
русских	131	1158	197
украинцев	188	890	8
белорусов	51	207	3
греков	1	7	
евреев	2275	6774	20
поляков	19	70	
латышей	5	53	1
литовцев	1	7	-
болгар	2	3	-
эстонцев	1	27	-
татар	1	23	-
молдаван	3	22	-
армян	-	3	-
узбеков	-	2	-
немцев	14	5	-
грузин	-	5	-
к.фин	-	2	-
чехославаков	-	6	-
венгерцев	-	1	-
китайцев	-	-	3

В рассматриваемых таблицах данного документа содержатся и сведения о регионах, отправивших эвакуированное население в республику. Это такие, как: Московская, Ленинградская, Смоленская, Воронежская, Николаевская, Житомирская, Одесская, Белостокская, Кировоградская, Полесская, Гомельская, Орловская, Львовская, Подольская, Курская, Ярославская, Псковская, Горьковская, Свердловская, Челябинская, Архангельская, Черниговская, Синецкая, Станиславская, Сумская, Днепропетровская, Киевская, Витебская, Минская, Запорожская, Вологодская, Западно-Белорусская, Пензенская, Новгород-Волынская, Молдавская ССР, Литовская ССР, Латвийская ССР, Эстонская ССР.

Статистические материалы дела № 60 играют важную роль в изучении территориального вопроса эвакуации, как отправляющих регионов, так и принимающих районов, в выявлении количественного, национального и половозрастного состава эвакуированного населения в 1941 г.

Дело № 61 – «Статистические сведения эвакуированных по УзССР»; в нем имеются некоторые сведения о прибытии и размещении

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

эвакуированного населения в целом по республике. Привлекает внимание таблица с данными Эвакопункта и сведениями Облисполкомов. (Табл. 3).

Таблица 3

**Сведения о прибытии и размещении эвакуированного населения
в Узбекской ССР**

<i>Наименование областей</i>	<i>План размещения</i>	<i>Всего прибыло и распределено по данным Эвакопункта на 20/XII-41 г.</i>	<i>Учтено в области по данным Облисполкомов на 15 XII-41 г.</i>
Прибыло /учтено/	525000	596119	503973
в т.ч. по областям:			
г.Ташкент	2900	45167	45167
Ташкентская	73000	43209	23959
Самаркандская	81000	56341	89617 на 1/XII
Андижанская	73000	102226	74000
Ферганская	79000	77631	79896
Наманганская	62000	80770	55437
Бухарская	84000	120214	108540
Хорезмская	22000	2330	4617 на 1/XII
Кара-Калпакская АССР	12000	31662	21777
Сурхан- Дарьинская	10000	12569	963
Совхозы	-	5000	-
Кроме того прибыло с предприятиями и организациями в организационном порядке		80000	
ВСЕГО:	525000	677119	503973

Из таблицы прослеживается некоторая разница в количественном соотношении в сводке Эвакопункта и Облисполкома. Это объясняется в самом документе следующим образом:

«Данные Облисполкомов о количестве прибывшего в области эвакуированного населения значительно отличаются от количества отправленного по следующим причинам: Облисполкомы дают сведения

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

на основании списков эвакуированных, поступивших из районов, которые отстают от учетных данных Эвакопунктов, чем создается разрыв между количеством прибывшего и учтенного эвакуированного населения. Кроме того часть эвакуированного населения уклоняется от направления по намеченному плану. Прибывающее в УзССР эвакуированное население распределяется по областям республики, в соответствии с планами, утвержденными СНК УзССР». Здесь также примечено, что «В общее количество прибывшего и распределенного эвакуированного населения не входят семьи военнослужащих, семьи сотрудников НКВД, а также работники предприятий и учреждений, прибывших вместе со своими предприятиями и учреждениями » [9].

Из представленных таблиц в деле № 61 можно также получить информацию о количестве эвакуированного населения, а также о его половозрастном и национальном составе. Однако следует отметить, что такого характера подробные данные в деле имеются лишь по Ташкентской обл. (в т.ч. и по г. Ташкенту) на 1 октября 1941 г., зафиксированные в форме таблицы. (Табл. 4)

Таблица 4

Количество лиц, прибывших в Ташкентскую обл. на 1 октября 1941 г. (за сентябрь месяц) [10]

	<i>в с е г о</i> <i>по Ташкентской обл.</i>	<i>в т.ч.</i> <i>по г. Ташкенту</i>
Всего	19542	15400
из них:		
мужского пола	7065	5150
женского пола	12477	10250
из них:		
мужчин в возрасте 16-59 лет	3849	2507
женщин в возрасте 16-54 лет	8634	7031
детей до 7 лет	3018	2505
детей 7-15 лет	2544	2032
из них по национальности:		
русских	4968	4583
украинцев	2034	1673

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

белорусов	355	192
греков	5	6
евреев	11465	8348
поляков	128	85
латышей	68	48
болгар	5	11
эстонцев	2	-
татар	113	108
молдаван	32	-
армян	176	176
узбеков	29	29
немцев	43	43
прочих	119	110
Всего с начала приема эвакуированного населения	30371	

Анализ документа показывает, что сведения, собранные в нем, позволяют проследить картину приема и распределения эвакуированного населения по областям республики за период до середины декабря 1941 г. и сделать соответствующие выводы по рассматриваемому вопросу проблемы эвакуации.

Дело № 62 – «Сводки о движении эвакуированных граждан. Переписка с областями, РИКаи о размещении эвакуированного населения», содержит информацию о штатном расписании Эвакопунктов в городах Узбекской ССР, а также о направлении эвакуированных граждан через Ташкентский эвакопункт в районы республики на март, апрель 1942 г. Например, приведен текст письма от государственной Штатной Комиссии при Совнаркоме СССР заместителю председателя Совнаркома УзССР от 9 октября 1942 г. следующего содержания: «Государственная Штатная Комиссия при СНК СССР утверждает штат для эвакуированных пунктов в городах: Ташкенте, Коканде, Самарканде, Когане и станции Урсатьевской Узбекской ССР в количестве 58 единиц с месячным фондом заработной платы 19 тыс. 670 руб. Приложение: Штатное расписание на двух листах». Согласно штатному расписанию в Эвакопункте г. Ташкента должны быть девять штатных единиц: начальник, инспектор (3), бухгалтер, регистратор-учетчик, заведующий

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

снабжением, уборщица (2), а в Эвакопунктах остальных четырех регионов должны были работать следующие: начальник эвакопункта, инспектор (2), комендант, бухгалтер, регистратор-учетчик, заведующий снабжением, уборщица (2), сторож (2) - итого 11 штатных единиц [11].

Особый интерес представляют статистические данные о направлении эвакуированного населения через Ташкентский эвакопункт. Так, в марте месяце 1942 г. отсюда были направлены в различные районы республики 1480 чел., а в апреле – 700. В качестве пунктов приема указаны следующие районы: Шурчинский, Денаусский, Сарыассийский, Гиждуванский, Яккобагский, Каракульский, Нарпайский, Пахтакорский, Хатырчинский, Керменинский, Кара-Дарьинский, Паст-Даргомский, Беговатский. Здесь же отмечено, что из Ленинграда эвакуированных было 3 тыс. 857 чел., но не указаны сроки эвакуации [12]. Анализ материалов дела № 62 рассматриваемого фонда свидетельствует о том, что из документов его можно подробнее узнать о расположении Эвакопунктов в УзССР и их структуре, а также ознакомиться со статистическими данными и территориальной организацией расселения эвакуированных граждан, проходивших через Ташкентский эвакопункт.

Подводя итоги проведенного анализа материалов фонда № 314 ЦГА РУз, целесообразно отметить, что в данном фонде имеются сведения об осуществлении мероприятий по эвакуации, главным образом, касающиеся периода с осени 1941 г. до начала 1942 г., и в более меньшем количестве представлены данные на 1942 г. Представленные документы содержат интересный материал о составе эвакуированного населения, о территориях, причастных к делу эвакуации, об организации государственного управления процессом эвакуации и деятельности уполномоченных органов, о проводимой непрерывной работе в деле обеспечения условий жизни для прибывавшего из прифронтовых районов населения на Узбекскую землю в годы Второй мировой войны.

1. Путеводитель по фондам ЦГА УзССР. – Ташкент, 1988. – с.14.
2. ЦГА РУз, фонд 314, опись 1, дело 37.
3. Там же, лист 50 об.
4. Там же, лист 55.
5. Там же, лист 55-56.
6. Там же, дело 56, листы 147-154.
7. Там же, лист 169.

8. Таблица составлена на основе фактов из следующих источников: ЦГА РУз, фонд 314, опись 1, дело 60, листы: 24-32, 41-53.
9. ЦГА РУз, фонд 314, опись 1, дело 61, лист 164.
10. Там же, лист 125.
11. Там же, дело 62, листы 12-14.
12. Там же, листы 183-184.

Давранова Ю.У.

МАРШАЛ ТЫЛА – ЮСУПОВ У.Ю.

Вторая мировая война оставила неизгладимый след в памяти народов мира. В Узбекистане нет семьи, которой бы не коснулась эта трагедия с последствиями – сотни тысяч вдов и сирот, обездоленных людей и обожженных войной судеб. Война 1941-1945 гг. против фашизма считается самой беспощадной, тяжелой, сокрушительной и кровопролитной. Война, навязанная миру фашизмом, с первых дней стала войной освободительной и священной. В ней участвовали все народы б. Советского Союза, в т.ч. и народ Узбекистана.

Узбекский народ вместе с др. народами противостоял фашизму, его сыновья на землях России, Белоруссии, Украины боролись с врагом. В тяжелейших условиях работал узбекистанский тыл. В сроки, которые и сейчас кажутся фантастическими, в Узбекистане были размещены предприятия, эвакуированные с оккупированных территорий. Старики, женщины и подростки занимали рабочие места у станков, совершая подвиги героического труда. За годы войны Узбекистан дал фронту тысячи самолетов, авиамогоров, авиационных бомб. Население Узбекистана постоянно оказывало помощь фронтовикам.

В данной связи хотелось бы особо выделить организаторов и руководителей работы тыла в Узбекистане, чьи талант и трудолюбие создали возможность в кратчайшие сроки организовать работу эвакуированных предприятий и начать давать продукцию для фронта. Одним из таких руководителей был Усман Юсупович Юсупов [1]. Он поставил перед собой и возглавляемым им аппаратом, перед всем узбекским народом задачу номер один – перестроить всю работу республики под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!».

В первые дни войны У.Ю. Юсупов, как и весь народ Узбекистана, руководствуясь патриотическим порывом, просил направить его на фронт, на передовую. Только из аппарата ЦК Компартии Узбекистана ушло на

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

фронт более 20% ответственных работников, а У.Ю. Юсупову было отказано. Ему объяснили, что наиглавнейший фронт для него – это тыл. В годы войны Узбекистан сформировал пять национальных кавалерийских дивизий и несколько отдельных стрелковых бригад. Г. Ташкент и область в числе других [2] направляли посильную помощь, в т.ч. 99 дивизию, 89 стрелковую бригаду, в составе которых было 900 чел. старшего поколения и три тыс. молодых людей.

Уже в декабре 1941 г. в г. Самарканд были эвакуированы и размещены высшие учебные заведения г. Москвы – Плановый институт, Инженерно-экономический институт, Сельскохозяйственная Академия им. Тимирязева, Художественный институт, Зоотехнический институт. Из Ленинграда – Художественная Академия, Институт кинорежиссеров. Из Киева – Художественный институт, из Харькова – Педагогический институт, Художественный институт. Из Одессы - Военно-медицинская Академия, Военно-ветеринарная Академия, Артиллерийская Академия, Академия химической защиты Красной Армии.

Эвакуированный в Ташкент Авиационный завод им. Чкалова с оборудованием и людьми, во главе с директором завода Яруниным был в кратчайшие сроки дислоцирован в городе, оказана необходимая помощь, в т.ч. и жильем. Несмотря на то, что с жильем в Ташкенте и так было трудно, для рабочих эвакуированного Авиационного завода оно было предоставлено в ближайшие сроки.

Параллельно с организацией тыловых мероприятий У.Ю.Юсупов организовывал регулярную поддержку боевого духа советских воинов, сражавшихся на фронтах войны. Были организованы мероприятия, в т.ч. сбор подарков для воинов, в котором активное участие приняли жители, все предприятия Ташкента, сельские жители областей Узбекистана.

В декабре 1941 г. из Ташкента отправился большой железнодорожный состав с новогодними подарками, письмами к защитникам Москвы. Первую делегацию на фронт было поручено возглавить Председателю Президиума Верховного Совета УзССР Юлдашу Ахунбабаеву. Делегация состояла из 18 чел., которые везли на фронт 40 вагонов с продовольствием, одеждой, фруктами, сувенирами для воинов.

В декабре 1941 г. организациями Красного полумесяца в Узбекистане было подготовлено три тыс. медицинских сестер запаса, 1 тыс. 223 врача полевой хирургии.

Благодаря грамотной организации работы тыла У.Ю. Юсуповым, к концу декабря 1941 г. уже 300 фабрик и заводов Узбекистана

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

перестроились на военный лад и выпускали вооружение, боеприпасы, снаряжение для фронта; были смонтировано и введены в эксплуатацию около 50 эвакуированных промышленных предприятий.

Под руководством У.Ю. Юсупова велась активная работа по активизации всех сил страны, в т.ч. и научного потенциала Узбекистана для нужд фронта. При Ташкентском индустриальном институте была организована Среднеазиатская Центральная научно-техническая лаборатория, приступившая к разработке актуальных научно-технических проблем, связанных с нуждами обороны страны. В г. Чирчик уже в декабре 1941 г. начались занятия на курсах «Выстрел» Среднеазиатского военного округа по подготовке офицерских кадров. А всего за годы войны на этих курсах прошли подготовку десять тыс. офицеров [3, с.94].

Следует отметить самоотверженный труд У.Ю. Юсупова по приему и размещению эвакуированных в Узбекистан предприятий, людей, особенно детей. Исключительные организаторские способности, личные человеческие качества, такие как гуманизм, гостеприимство, человеколюбие и, наконец, трудолюбие, присущие менталитету узбекского народа, а также отдельным людям, помогли организовать четкую и бесперебойную работу тыла, мобилизовав все возможности народа и республики в целом. Уже в декабре 1941 г. были созданы Республиканская, областные и районные комиссии по оказанию помощи эвакуированным детям.

Продолжалась эвакуация в Узбекистан, а особенно в Ташкент, из Москвы и Ленинграда многих научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, в т.ч.: Почвенный, Сейсмологии, Истории мировой литературы им. А. М. Горького, Истории материальной культуры, мирового хозяйства и политики, Пулковская обсерватория и др. Все эти институты прибывали с сотрудниками, оборудованием. В кратчайшие сроки они были обеспечены необходимыми помещениями, оборудованием, жильем для сотрудников.

Хотелось также отметить чуткую заботу и внимательное отношение руководителя Узбекистана к семьям военнослужащих и инвалидов войны. Под неутомимым руководством У.Ю. Юсупова, благодаря его неиссякаемой энергии, уже в конце 1941 г. для их семей были отремонтированы 40 тыс. квартир, заготовлены 25 тыс. кубометров дров, выданы 280 тыс. пудов зерна, 1 тыс. 250 голов скота, 22 тыс. комплектов одежды [4, с.98].

Большая работа проводилась У.Ю. Юсуповым по приему и размещению в Ташкенте культурных учреждений Москвы и Ленинграда. Уже в конце 1941 г. на Ташкентской киностудии были созданы такие художественные

фильмы, как: «Морской ястреб», (реж. В. Браун), «На зов вождя» (реж. З. Сабитов) – о трудовом подвиге женщин во Второй мировой войне, «Мать» (реж. Л.Луков) – о патриотизме женщин во Второй мировой войне, «Последняя очередь» (реж. Г. Пасин) – о героизме советских летчиков. В январе 1942 г. комедией В. Гусева «Весна в Москве» начал свою работу эвакуированный в Ташкент Московский театр революции. 12 января 1942 г. спектаклем «Тевье-молочник» начал свою работу эвакуированный из Москвы Государственный еврейский театр [5, с.105].

Развивая патриотические качества у детей, а также взрослого населения, У.Ю. Юсупов активно использовал творческий потенциал деятелей литературы и искусства, как узбекских, так и эвакуированных. Например, 12 января 1942 г. в Ташкенте состоялась встреча отличников ташкентских школ с героями войны, писателями и артистами. Выступили А. Толстой, Х. Алимджан, К. Чуковский, А. Райкин. Участники встречи приняли обращение ко всем школьникам Узбекистана с призывом крепить дисциплину, глубже овладевать знаниями, готовить себя к защите Родины [6, с.106]. В январе 1942 г. коллектив Ташкентского русского драматического театра им. М.Горького, откликнувшись на призыв Московского театра им. Вахтангова собрать средства на постройку эскадрильи «Советский артист», отчислил для постройки самолетов двухдневный заработок и решил сыграть несколько неплановых спектаклей, чтобы внести еще 25 тыс., призвав все театры Узбекистана последовать такому примеру. Для поддержки этой инициативы были проведены различные мероприятия. Например, 8 февраля 1942 г. в Ташкенте состоялся концерт, в котором приняли участие М.Жаров, Л. Русланова, М.Миронова, Ю.Левитан, М. Гаркави, М.Александрович и др. известные артисты. Весь сбор от концерта был перечислен в фонд строительства противотанковой эскадрильи «Советский артист» [7, с.119].

Таких мероприятий было организовано талантливым руководителем республики У.Ю. Юсуповым немало. К ним можно отнести и различные научные сессии, конференции, проведенные узбекистанскими учеными совместно с эвакуированными научными центрами Москвы и Ленинграда.

О мероприятиях, проводимых в этом ключе по инициативе руководителя республики можно говорить много, об этом свидетельствуют и многочисленные архивные данные, скомпонованные в Книге Памяти Узбекистана. У.Ю. Юсупов оставил неизгладимый след в памяти узбекского народа как неутомимый труженик, талантливый и трудолюбивый организатор тыловых работ, воспитательной и

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

просветительной работы среди населения, которые внесли заметный вклад в дело Победы во Второй мировой войне. И поэтому в памяти узбекистанцев У.Ю. Юсупов останется как человек с незаурядными способностями, именуемый с любовью, уважением и почитанием как «Маршал тыла».

1. Усман Юсупов – род. в 1900 г. в с. Каптархона Ферганской обл., 1937-1950-е гг. Первый секретарь ЦК КП Узбекистана, Председатель Совета Министров Узб. ССР, он приложил огромные усилия, чтобы превратить Узбекистан в один из мощных арсеналов Красной Армии. Скончался в 1966 г.
2. От трудящихся Наманганской обл. уже 30 декабря 1941 г. в фонд обороны поступило 1754 тыс. руб.
3. Книга памяти. Республика Узбекистан. - Ташкент: Главная редакция Энциклопедий, 1995. - 540 с.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.

Иофе В.Г., Петровская В.А.

ИЗ ИСТОРИИ ЭВАКУАЦИИ В УЗБЕКИСТАН. (НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И ОТРАЖЕНИЕ НА ПОЛКАХ АРХИВОВ И НА ЭКРАНАХ КИНО...)

«В суровые годы войны на полях сражений и на трудовом фронте ярко проявились нерушимая дружба и высочайший патриотизм наших народов, завоевавших в едином строю общую Победу. Великое наследие Победы является сегодня важной духовной ценностью, нравственным ориентиром для послевоенных поколений по установлению справедливого и безопасного мира», - справедливо говорится в Обращении глав государств - участников СНГ к народам государств – участников Содружества и мировой общественности в связи с 70-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. [1]. В 1995 г. в Узбекистане издана книга «Хотира» («Память»), в которой перечислены фамилии свыше 450 тыс. узбекистанцев - участников войны с фашизмом. С тех пор изданы 36 томов, выходят дополнения и отдельные книги воспоминаний, в

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Узбекистане с 1996 г. действует Фонд «Нуроний» - по социальной поддержке ветеранов [2].

Хочется обратить внимание на несколько малоизвестных страниц из истории эвакуации в Узбекистан в трудные военные годы...

Из 308 промышленных предприятий, эвакуированных в Среднюю Азию и Казахстан, вузов, 22 НИИ, две библиотеки из России, Белоруссии, Украины...; в одном только Ташкенте работали только 375 работников тогдашней союзной Академии Наук, в Ташкент были эвакуированы сотрудники знаменитой Пулковской астрономической обсерватории [3]. Были здесь в эвакуации и многие деятели культуры [4]. С октября 1941 г. при правительстве Узбекистана действовал Республиканский Комитет помощи раненым и больным воинам [5].

Как видно из докладной записки заместителя нарком здравоохранения Узбекистана А.Я.Карасева Председателю Центрального Комитета помощи раненым М.З.Мирза-Ахмедову о сети эвакогоспиталей в республике от 9 декабря 1944 г., к концу 1944 г. в Узбекистане работали 12 эвакогоспиталей на 6 тыс. 050 коек; основная масса их находилась в Ташкенте (четыре эвакогоспиталя на 2 тыс. 659 коек) и в Самарканде (пять эвакогоспиталей на 2,4 тыс. коек), госпиталь на 400 коек действовал в Андижане и на 200 коек - в Кагане [6].

Только в Государственном Архиве г. Ташкента имеется много фондов, связанных с эвакуацией [7].

Но совершенно особая страница в истории эвакуации и помощи эвакуированным – это вопрос эвакуированных детей. Их был много. Особенно тяжелые и трагические страницы - эвакуация из блокадного Ленинграда [8]. И, если дети из Ленинграда нашли приют на узбекской земле, где их встретили как родных - в этом большая заслуга жителей Узбекистана. Как отмечал Посол РФ в РУз В.Л.Тюрденев – «чувство благодарности живет в наших сердцах, и мы отдаем дань мужеству и стойкости и, конечно же, гостеприимству узбекского народа» [9]. В Узбекистане была создана Республиканская комиссия по оказанию помощи эвакуированным детям в их устройстве и размещении. Большую роль в организации работы комиссии играла зам.наркома просвещения Узбекистана Е.В. Рачинская. Как отмечалось комиссией, в Ташкенте на индивидуальное воспитание в семьи рабочих, служащих и колхозников взяты 765 детей, собрано по Ташкенту 54,4 руб. для помощи детям, 36 тыс. предметов детской одежды; только в девяти колхозах Янгйюльского р-на Ташкентской обл. были организованы детские дома; в Бухарской

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

обл. взят на воспитание 631 ребенок, собрано 269 тыс. руб. и 17,5 тыс. предметов детской одежды; на предприятиях и организациях созданы 25 филиалов детских домов [10]. Очень знаменит был в Ташкенте детдом №22, который возглавила (и возглавляла до конца жизни) А.П. Хлебущкина. 6 августа 1942 г. Совнарком Узбекистана принял, например, специальное постановление о размещении 5,1 тыс. учащихся эвакуированных ремесленных и железнодорожных училищ из Краснодарского края (2,8 тыс. - в Ташкенте, 600 - в Самарканде, 500 - в Андижане, 500 - в Коканде, в Беговате (Бекабаде) - 490 и в Янгйюле - 300 чел., были определены конкретные помещения для постоянного или временного размещения (в школах, на фабриках, в кинотеатрах, мастерских, клубах и др.) [11].

Согласно справке Управления детскими домами Наркомата просвещения Узбекистана об общем количестве эвакуированных в Узбекистан за подписью зам. Нач.Управления детдомов Гузенко целиком детдомов от 9 сентября 1942 г. в Узбекистан было эвакуировано 68, в них было 9,6 тыс. детей; при этом в существующие детдома было размещено 6,7 тыс. детей, а всего в детдомах Узбекистана в это время находилось 16,3 тыс. детей, причем управление ставило вопрос об увеличении нормы дневного питания ребенка [12]. Согласно письму председателя правительства Узбекистана А.Абдурахманова от 15 сентября 1942 г. об устройстве детей, оставшихся без родителей за период с октября 1941 г. по 1 сентября 1942 г., 15 сентября 1942 г. из прифронтовой полосы в Узбекистан прибыло всего 78 детских домов с 9 тыс. 918 детьми; из них десять были влиты в существующие, а 18 расформированы. Всего в Узбекистане к этому времени работали 50 эвакуированных детдомов; дети школьного возраста пошли в школу с 1 сентября, а там, где детдома были далеко от школ, открыты специальные классы; при 30 детдомах созданы пошивочные, трикотажные, столярные или иные мастерские, через центральный эвакуопункт, работавший в Ташкенте, прошли 29 тыс. 650 детей и подростков, прибывших одиночками или группами. Прибывшие «не организовано» дети в возрасте до 14 лет в количестве 5,4 тыс. чел. отправлены в детдома Наркомпроса; подростки 14 лет и старше - на работу в колхозы и совхозы - 5 тыс. 204 чел.; на предприятия промышленности и кулспромкооперации - четыре тыс. чел.; на учебу в ФЗО и ремесленные училища - 4 тыс. 038 чел. Остальные дети дошкольного и школьного возрастов переданы на воспитания семьи, коллективы и т.д. [13].

Особо надо сказать еще об одной традиции, прямо связанной как с эвакуацией, так и сохранением памяти, духовного наследия. В Узбекистане сложилась замечательная традиция-постановка историко-документальных и историко-художественных (но основанных на документах, реальных событиях) фильмов, посвященных одной из многих, но и трагической и особенно благородной теме - это фильмы, посвященные детям, оказавшимся (и спасенным) в тяжелые военные годы на узбекской земле, особенно детям блокадного Ленинграда. Первым среди них был получивший широкую известность в годы т.н. «оттепели» фильм знаменитого узбекского режиссера Шухрата Аббасова (по сценарию Р. Файзи) «Ты не сирота». Киноповесть основана на реальных событиях [14]. Прототипы героев картины - ташкентский кузнец Ш. Шамахмудов и его жена Бахри Акрамова - в годы Великой Отечественной войны усыновили и удочерили 15 детей разных национальностей, эвакуированных в Узбекистан из разных уголков СССР. Этот факт впоследствии стал широко известен. В 1980 г. был поставлен еще один художественный фильм на эту тему «Ленинградцы, дети мои...» режиссера Дамира Салимова. Действие фильма происходит в 1942 г., в тяжелые времена Из блокадного Ленинграда и др. прифронтовых городов в Среднюю Азию эвакуируются десятки тыс. осиротевших детей. Им дают приют в узбекских семьях и детских домах. Одна из тех, кто принял сирот и дал им тепло и заботу, - Хадича Батырова. Она не рассталась со своими подопечными и после окончания войны, став директором детского дома и второй матерью для своих воспитанников. История об этом душевном подвиге, о непростых взаимоотношениях Хадичи с ее воспитанниками и стала стержнем данного киноповествования. В ролях в фильме были заняты Т. Шакирова, Т. Юсупов, Л. Лемке, И. Подмарев, Ю. Черевкова, Л. Виролайнен и др. [15].

А уже в годы независимости по этой теме поставлены два историко-документальных фильма. Режиссер одного из них - известный режиссер, сценарист, актер Дасур Ильхамович Исхаков; по его сценариям снято более 30 документальных фильмов, шесть мультипликационных картин, ряд сюжетов для сатирического киножурнала, он и автор ряда театральных пьес, рассказов и песен, получивших немало призов и наград, он - Лауреат Государственной премии Республики Узбекистан. Но автор сценария это фильма - его жена – Мастура Исхакова. Это фильм – «Дети войны». Консультантами при постановке его на студии PR-Media Tashkent были известный историк Василий Ануфриевич Костецкий и композитор и

общественный деятель Станислав Петрович Мансуров-Ковригенко (сам из «детей войны», воспитывавшийся и выросший в детском доме).

Сам режиссер вспоминает о фильме: «К теме войны я обращаюсь не впервые. В 1995 г. снимал картину, посвященную 50-летию Победы во Второй мировой войне. Она была основана на хроникальных кадрах. Через десять лет, в 2005 г. я снял ленту о ветеранах, посвященную уже 60-летию Победы. Во всех этих фильмах как одна из страниц присутствовал эпизод - рассказ о тех людях, которые были эвакуированы в Среднюю Азию из оккупированных фашистами территорий – Украины, Белоруссии, части Прибалтики, Молдавии. По разным данным Узбекистан принял 1,5 млн чел. Это огромное количество людей, и среди них – почти 300 тыс. детей. Эта тема, судьбы людей, потерявших родину, но приобретших настоящую, любящую семью, меня всегда волновала, и вот в этом году вышел фильм, посвященный именно таким людям – квинтэссенция всего наработанного мной. Когда замысел начал воплощаться, мы стали искать людей, приехавших в Ташкент в годы войны. И нашли. Это были эвакуированные со всех уголков бывшего Советского Союза - из Запорожья, Украины, блокадного Ленинграда. Большинство людей, которые стали героями фильма, провели свое детство в детских домах. И их когда-то защитили. Все они в картине называют Узбекистан своей второй родиной. Я не заставлял говорить людей, которых снимал, для них не было подготовлено плана работы, не был написан сценарий. Все их фразы, рассказы – это просто поток памяти, и прерывать этот поток сухим и бесцеремонным вмешательством было бы по меньшей мере неразумно и нетактично.

К теме Второй мировой войны художники подходили очень часто. Взять, например, картины «Ленинградцы-дети мои», фильм Шухрата Аббасова «Ты не сирота». Но в последнее время это стало забываться, стираться. А я считаю, что о таких вещах нужно говорить постоянно, помнить. Особенно в наше время, когда существует дефицит человечности, нравственности. Это гордость узбекского народа, который проявил геройское великодушие, гостеприимство, широту души в невыносимо тяжелые годы.

Уходят уже дети войны. Самым молодым из них - уже за 80. То, что я успел их запечатлеть, тоже станет документом времени, также, как и сейчас - военные хроники. В этом задача кино – сохранить для поколений память, святыне вещи, тем более такого характера. На премьерный просмотр фильма было приглашено около пяти детских домов. Дети

смотрели фильм на одном дыхании, а я сидел сзади и наблюдал за реакцией. И увидел – им интересно, а значит, я снимал не зря» [16].

А «Непокоренные» - такое название получила работа начинающих кинематографистов молодежного крыла Русского культурного центра Узбекистана, рассказывающая историю 30 ветеранов Великой Отечественной войны, участников обороны и жителей блокадного Ленинграда. Съемки фильма были завершены в феврале этого года. В картине участники тех страшных событий рассказали о невероятной стойкости ленинградцев, которая спасла город вопреки всем человеческим возможностям, вопреки голоду, холоду и бомбежкам фашистов. Сегодня эти люди, пережившие ту страшную трагедию, живут в Узбекистане.

Посольство России в Узбекистане направило документальный фильм в Правительство Санкт-Петербурга, откуда он был передан в Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Со словами благодарности за оказываемое внимание к ветеранам войны и жителям блокадного Ленинграда в адрес Русского культурного центра обратился председатель Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга А.В. Прохоренко. Он подчеркнул, что через трагедии отдельных жизней в этом фильме удалось показать весь ужас фашизма [17].

В Ташкенте в 2015 г. прошел не только ряд круглых столов к 70-летию Победы, посвященных памяти героического, хотя и трудного времени, - 1941-45 гг., но и международная научно-практическая конференция, организованная Представительством Россотрудничества в Узбекистане и Ташкентским филиалом Российского Гос. Экономического Университета им. Г.В.Плеханова. На конференции с приветствиями и докладами выступали чрезвычайные и полномочные послы в Узбекстане: РФ В.Л. Тюрденев, ФРГ - Найтхарт Хефер-Виссинг, Руководитель Представительства Россотрудничества в Узбекистане д.и.н., проф. В.Н. Шулика; Президент Академии военных наук, глава Военно-исторического общества России генерал армии М.А.Гареев, Ректор Филиала РГЭУ им. Плеханова К. Абдурахманов. Председатель Объединения воинов-ветеранов и инвалидов Узбекистана Т. Мурадов, проф. Н.Хакимов, ученый секретарь Национального Конгресса историков Казахстана проф. З. Кабульдинов, главный редактор агентства «Подробно. Уз» А. Тешаев, почетными гостями конференции были представители дипломатических миссий, аккредитованных в Узбекистане, в т.ч. Беларуси, Казахстана,

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Таджикистана, Азербайджана, Турции и др., многие общественные деятели, известные артисты, деятели науки и культуры...[18].

И вот уже совсем недавно в Узбекистане завершилась съемка документального фильма «Большое сердце Ташкента» о судьбах не менее 1,5 млн чел., которые в годы войны были эвакуированы в Узбекистан из России, Белоруссии и Украины.

Он был подготовлен большой творческой группой во главе с автором сценария, известным узбекским журналистом, режиссером и сценаристом Борисом Бабаевым (активным деятелем ассоциации бухарских евреев). Режиссером картины, снятой на ташкентской студии «Фаввора Фильм», стал Хаджи-Мурат Валиев.

«Фильм рассказывает о тяжелой судьбе людей, бежавших от войны, от фашистских карателей и палачей в Узбекистан. Здесь их приняли с распростертой душой, несмотря на то, что жизнь была тяжелой, узбеки делились и кровом, и последней лепешкой. Среди эвакуированных было как минимум больше 200 тыс. детей, свыше 300 тыс. евреев, которые приехали целыми семьями», - рассказывал корреспонденту Sputnik автор сценария Борис Бабаев. В фильме об этом рассказывают непосредственные участники тех событий, среди которых немало известных персон: народный артист России Иосиф Кобзон, скульптор, заслуженный деятель искусств Узбекистана Яков Шапиро, эвакуированный в детстве в Узбекистан Аркадий Нисневич и др.

Также свое отношение к этим событиям высказывают послы Германии, Израиля., России в Узбекистане, глава представительства ЮНЕСКО в республике Криста Пикат, дочь поэта Гафура Гуляма - Олмаз Гулямова, автор романа «На солнечной стороне улицы» Дина Рубина, заслуженная артистка Узбекистана, телеведущая Галина Мельникова, народный артист России Юрий Стоянов.

«Еще один очень важный послыл в фильме дает посол Германии в Узбекистане Найтхарт Хефер-Виссинг, который говорит о том, что опыт Узбекистана в работе с таким огромным числом эвакуированных может быть полезен в качестве примера для стран Европейского союза, которые сегодня также столкнулись с большим числом беженцев», - подчеркнул Борис Бабаев.

По словам Бабаева, в фильме использован богатейший архивный материал той эпохи - фотографии и документальные кадры, ярко демонстрирующие то дружелюбие, которое проявил узбекский народ к беженцам. Работа над фильмом продолжалась более полугода. Он стал

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

первым в своем роде международным проектом в Узбекистане по этой тематике, с узбекской творческой группой работали операторы из США, Израиля и др. стран. В фильме затронуты и вопросы эвакуации в Узбекистан еврейского населения [19].

1. Цит. по «Поклонимся великим тем годам. Вклад узбекистанцев в победу над фашизмом 1941-1945. Обращение глав государств - участников СНГ к народам государств – участников Содружества и мировой общественности в связи с 70-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Ташкент, 201. - с.4.
2. Хотира китоби. Книга памяти Республика Узбекистан. 1941-45. Ташкент 1995; Хотира. В 36-ти тт. Т. с дополнениями 1996-2014.
3. Василий Костецкий. Поклонимся великим тем годам, 2015. с.10.,17,22.
4. Имена Корнея Чуковского, Фаины Раневской, Николая Погодина, Соломона Михоэлса и многие др. имена выдающихся деятелей культуры - бывших здесь в эвакуации, известны (и мы о них писали). Но все ли знают и сегодня, что именно здесь, в Ташкенте, прозвучало впервые по радио для актрисы Валентины Серовой – находившейся в эвакуации в Ташкенте – знаменитое стихотворение Константина Симонова «Жди меня». И что здесь вместе со своими родителями –известными артистами Мариной Мироновой и Александром Менакером - провел часть детства знаменитый потом Андрей Миронов, жил здесь с матерью и в будущем известный, ушедший недавно от нас артист Михаил Светин. См., например, Василий Костецкий. Указ.соч. сс.223-223.
5. Там же, с.16.
6. ААПУ ф.58 оп.29 д.243 л.1.
7. В них много интересных документов, прямо связанных с эвакуацией. Среди них: Постановление СНК УзССР № 1665 от 11.11.12941 г. «Об обеспечении жилплощадью эвакуированного населения» ГАГТ ф.10,оп.18; Распоряжение СНК УзССР №1404 от 2.10.1941 г. «По обслуживанию эвакуированных детей» ГАГТ. Ф.10,оп.18,д.26,л.418; Постановление СНК УзССР № 454 30.03.1943 г. «Об эвакуированном оборудовании» ГАГТ оп.18, д.34, л.245; Постановление СНК УзССР № 74 от 20.01.1942 г. «О проведении письменного учета эвакуированного населения в УзССР и организации работы учетно-статистического бюро уполномоченного эвакуоуправления в УзССР» ГАГТ, ф.10,оп.18, д.36.л.1; Сведения о расселении эвакуированных заводов по г.Ташкенту за 1942 г. ГАГТ, ф.10,оп.18,д.36,л.1; Списки эвакуированных граждан из г.Ленинграда и Ленинградской обл. ГАГТ,ф.10,оп.18, д.37 б и далее; Списки эвакуированных заводов и общежитий по расквартированию

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

граждан за 1942 г. ГАГТ, ф.10,оп.18. д.36 б и далее; Списки эвакуированных граждан из разных городов России за 1943-1944 гг. ГАГТ, ф.10,оп.18,д 37 г и далее; Постановление СНК УзССР № 1388 от 13.11.1944 г. «о выделении средств на достройку дома гр. Шамахмудова» ГАГТ,ф.10, оп.18, д.40. л.120 и др.

8. В 2015 г. в Посольстве РФ в Республике Узбекистан было вручено 49 памятных знаков «В честь 70-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады». Их получили дети города на Неве, эвакуированные в годы войны в Узбекистан, который стал им второй Родиной. На Волгоградском мемориальном кладбище захоронена и капсула с Пискаревского кладбища Санкт-Петербурга, где захоронены семь тыс. выходцев из Узбекистана, защищавших Ленинград и павших на его земле.

9. Цит. по: Василий Костецкий. Указ. соч. с. 41.

10. ЦГА РУз, ф.Р-837, оп.32, д.3691, лл. 4-7.

11. ААПУ ф.58,оп.18, д.46, лл.142-144.

12. ЦГА РУз, ф.3-837,оп.32,д.3418, л.51.

13. ЦГА РУз, ф.Р-837, оп.32, д.3418,лл.39-40.

14. Главные роли исполняли в снятой на «Узбекфильме» картине: О. Джалилов, Л. Сарымсакова, Л. Луппиан, Р. Пирмухамедов. Фильм получил широкую известность и был удостоен многих премий (премии кинофестиваля в Ленинграде в 1964 г. «За лучший сценарий», приз Международного кинофестиваля во Франкфурте-на-Майне в 1963 г., а режиссер Шухрат Аббасов был удостоен за этот фильм и фильм «Абу Райхон Беруни» Государственной Премии Узбекистана в 1974 г. и др.).

15. Название фильма полностью повторяет заголовок стихотворения поэта – акына Джамбула (Жамбыла) Джабаева в переводе Марка Тарловского, также посвященного жителям блокадного Ленинграда.

16. <http://www.generation.uz/content/2491> А вот другая беседа о том же с режиссером: Судьбы детей войны, рассказы и воспоминания о том времени – это и есть главная тема фильма.

- Это ваша первая картина о войне?

- Третья по счету. Я работал с патриархом узбекского, да я думаю, и мирового кино, Маликом Каюмовым, недавно ушедшим из жизни. В 1995 г. я участвовал в работе над его фильмом о роли Узбекистана в Великой Отечественной войне. По разным оценкам, на полях сражений погибло от 500 до 600 тыс. солдат и офицеров узбекистанцев (больше, чем военные потери такой державы, как США). Наша республика была еще и крепким тылом, одним из центров оборонной промышленности: здесь выпускались танки, самолеты, бомбы и снаряды, здесь производился хлопок, из которого не только шили военную одежду, но и производили порох, без

которого воевать нельзя. На фронт отправлялись сухари, консервы, продовольствие, сухофрукты. Работали эвакуированные из западных областей страны заводы, на которых за станками стояли в большинстве женщины и дети. Молодое поколение всего этого не знает. Малик Каюмович, фронтовой оператор, видевший войну собственными глазами, чуть не потерявший обе ноги после ранений, хотел рассказать честно, без прикрас, как это было. Помню наши беседы, длившиеся часами, во время которых я узнавал то, что ни в каких книжках прочитать невозможно. Понятно, что в фильме ничего этого нет. Но есть позиция в построении фильма, выборе документальных кадров. Мы использовали фронтовую хронику, и от многих кадров Малик Каюмович Каюмов отказывался, считая их приукрашенными.

Работа с Мастером для меня была хорошей школой, не говоря уже о том, что я много узнал о войне. Тема меня захватила так, что к 60-летию Победы я уже самостоятельно начал работать над новым фильмом и невольно прикоснулся к теме эвакуированных в Узбекистан детей. Но фильм был о воинах – узбекистанцах и тружениках тыла. К большому сожалению, картина до зрителя не дошла, осталась на полках хранилища. Но уже тогда я задумывался, что тема эвакуированных детей, нашедших здесь приют и тепло – тема отдельного фильма.

- Чем она вас привлекла?

- По официальной статистике наша республика приняла в те годы около 1,5 млн людей, в том числе почти 300 тыс. детей. Приезжали целыми заводами, фабриками, творческими коллективами. Но кроме этого, к нам люди добирались своим ходом, спасались от бомбежек и голода. Помните повесть Александра Неверова «Ташкент – город хлебный»? Она вышла в 1925 г., и рассказывала о мальчишках, отправившихся в сказочный Ташкент за хлебом, чтобы спасти от голодной смерти родных. Книга была очень популярна, и про «хлебный город» знали многие. С начала войны в Среднюю Азию везли эшелонами детей, родители которых погибли, воевали или остались на оккупированной территории. И вот такой эпизод. На станцию прибывает поезд, и в одном из вагонов обнаруживают мертвых детей. Дорога дальняя, на каком-то пункте забыли открыть и покормить. И тогда первый секретарь ЦК Узбекистана Усман Юсупов говорит: «Все, больше дети никуда не поедут. Останутся здесь. Прокормим!». Конечно, это было волевое решение, идущее вразрез с полученным указанием. Но по-человечески я его понимаю. Кто знает, чем могла закончиться для измученных детей дальнейшая дорога?

В Узбекистане их приняли по-особенному. Я далек от того, чтобы сравнивать наше гостеприимство с другими республиками Средней Азии, где тоже находили приют тысячи и тысячи эвакуированных людей. В те годы все работали на фронт. Но я хотел рассказать о своей стране, ставшей родиной для тысяч сирот. Один из героев картины называет Узбекистан «страной спасения». Эти рассказы поражают, заставляют взглянуть на вроде бы известные факты с другой стороны... Обычные люди, мои земляки, сами обремененные семьями, приходили на вокзал, услышав, что нужна помощь привезенным детям. Брли измученных детишек за руки, вели домой, усаживали за общий, очень скромный дастархан, поровну делили хлеб между своими и чужими. Все эти рассказы есть в фильме. Слушаешь свидетельства этих детей войны и начинаешь осознавать меру добра и высокой нравственности, которыми жили тогда наши матери, отцы и деды. Я не режиссировал, не подсказывал, да это и невозможно сделать. У каждого из героев фильма своя история, личное отношение к тем, кто дал им кров, тепло, пищу, а иногда и свои фамилии, кто воспитал их, дал образование и выпустил во взрослую жизнь

Они делятся и военными впечатлениями – иногда страшными. Блокадники, дети из Ленинграда помнят, как их бомбили, когда ехали по тающему льду «дороги жизни», как погибали едущие впереди. Эвакуированные из Украины вспоминают, как дотла разбомбили поезд, в котором они ехали на восток, и железнодорожное полотно было усеяно трупами. Теперь я думаю, хорошо, что мы успели снять этих немолодых людей, зафиксировать их живые свидетельства.

Работая над этим фильмом, я осознал, что нельзя снимать такие фильмы с холодным сердцем.

На международном конкурсе «Русский мир - память сердца», посвященном 65-летию Великой Победы, было представлено более 700 фильмов из многих стран. Документальный фильм «Дети войны» из Узбекистана (производство Piar-Media Tashkent и Республиканский Общественный Фонд «Аллея памяти») стал призером конкурса, награжден поездкой в Москву и Специальным Дипломом жюри. Было отмечено, что фильм наполнен высоким гуманизмом, поднимает важную тему традиционных дружеских отношений между народами. Фильм рекомендован для показа на ТВ каналах России.

- А что для вас война?

- Война затронула почти все семьи в Узбекистане, в т.ч. и мою. Два брата моей матери отправились на фронт и погибли. Один был прекрасный художник, подавал большие надежды. Другой мой дядя

увлекался писательством. Они ушли совсем молодые. Третий брат, дядя Санджар, вернулся, мы его звали дядей Сашей. Он был разведчиком, прошел всю войну, был награжден орденами и медалями. Но потом попал в штрафбат, награды все отобрали. Воевал до конца войны, вернулся. Уже в 70-ые годы обратился в военный архив в Подольске, и его восстановили в правах, вернули все ордена. Я хорошо помню его рассказы, мы на них, можно сказать, выросли. Он никогда специально не заводил разговоров: «Вот, сейчас я расскажу вам про войну». Как и многие фронтовики, он не любил ее вспоминать. Рассказывал к случаю, как-то, нечаянно. Как в атаку поднялись 600 чел., а после атаки в живых осталось 17. И вот теперь я понимаю, через что он прошел. Подвиги старшего поколения не должны быть забыты. В т.ч. и тех, кто воспитал военных сирот. У нас в фильме есть кадры памятника кузнецу Шамахмудову и его жене. Шамахмудовы – это олицетворение узбекского народного характера, наших обычаев гостеприимства, толерантности, отзывчивости к чужому горю и человеческой доброты. И мы гордимся такой историей!

- Вы собираетесь продолжать эту тематику?

- Скорее всего, да. Ведь с детьми войны происходило много чего уже в мирной жизни. Многие переехали в США, на землю «обетованную», Израиль, в др. страны. Но до сих пор они вспоминают свою вторую родину, Узбекистан, с благодарностью и нежностью. Я лично знаю этих людей. А многие остались жить в Узбекистане. Картина так и кончается: «В фильме снимались жители Ташкента», и идет перечисление героев нашей картины. Все со своими судьбами, со своей историей. Столько всего интересного связано с ними, что уложить в одну картину невозможно.

- Вы показывали картину в российском посольстве. Как его смотрели зрители?

- Да, просмотр оказался премьерным. «Дети войны» показывали в канун Дня Победы. Была сильная реакция. Основная часть зрителей – люди нашего, послевоенного поколения. Многие не могли сдержать слез. И никто не ушел с показа. Я понял, что эта тема востребована.

- Где можно увидеть фильм?

- На международном конкурсе «Русский мир-память сердца», посвященного 65-летию Великой Победы, картина «Дети войны» получила специальный приз жюри. Председатель жюри Вячеслав Никонов, он же Президент фонда «Политика», посмотрев фильм, рекомендовал его для показа на телеканалах России. Будут показывать картину на Украине, в Белоруссии. Кроме этого, Фонд «Русский мир» выставит его на своем сайте.

<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1275598800>

17. http://www.aloqada.com/News/2014/04/04/v_uzbekistane_snyali_dokumentalnyy_film_o_vyzhivshikh_v_blokadnom_leningrade;

<http://uzvoice.com/news/kultura/624-v-uzbekistane-snyali-dokumentalnyy-film-o-vyzhivshih-v-blokadnom-leningrade.html>

18. См. Василий Костецкий. Поклонимся великим тем годам... Ташкент, 2015. - с.281-284. Некоторые интересные материалы были опубликованы в Узбекистане в последние годы также в работах: А.А. Голованов, И.М. Саидов. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом в Х частях. Самарканд. 2006, В.А. Костецкий Помним, гордимся. 1941-1954.Ташкнт, 2010.

19. Хотя фильм вышел совсем недавно, он уже получил широкие отклики, и во многих интернет- источниках появились материалы о новой интересной работе кинодокументалистов Узбекистана..См.например:

vesti.uz, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1465367580>,

<http://ru.sputniknews-uz.com/culture/20160607/2976033.html>;

<http://mytashkent.uz/2013/10/06/boris-babaev-aksakal-zhurnalistiki>;

<http://farishta.uz/culture/culture-news/2576-v-soyuze-bukharsko-evrejskikh-pisatelej-ssha-prezentovali-knigu-uzbekistan-nash-dom-rodnoj>;

<http://journalist.uz/?p=82>;

<http://www.aloqada.com/News/2016/06/11/v-uzbekistane-snyat-film-ob-evakuirovannykh-v-gody-voyny>;

<http://podrobno.uz/cat/calche/v-uzbekistane-snyat-film-ob-evakuirovannykh-v-gody-voyny/>;

<http://www.aloqada.com/m/News/2016/06/11/v-uzbekistane-snyat-film-ob-evakuirovannykh-v-gody-voyny>.

Ишанходжаева З.Р.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УЗБЕКИСТАНА (САГУ) В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

За почти столетнюю историю своей деятельности Национальный Университет Узбекистана сыграл и продолжает играть большую роль в жизни народов Средней Азии, став центром образования, науки и культуры в регионе. Одной из исторических заслуг Университета является формирование узбекской и среднеазиатской интеллигенции, также велика его роль и в создании Академии Наук Узбекистана, крупных

научных центров и др. учреждений образования, науки и культуры во всей Средней Азии и за ее пределами.

Основанный в 1918 г., к началу 40-х гг. XX в. Среднеазиатский Государственный Университет (САГУ) уже был одним из крупнейших учебных и научных учреждений, оказывающим ощутимое влияние на рост экономики и культуры во всем Среднеазиатском регионе. На пяти действующих тогда факультетах – историческом, физико-математическом, химическом, биологическом и почвенно-геолого-географическом обучалось более двух тыс. студентов, 103 аспиранта. В начале 1941 г. научно-педагогическую и воспитательную работу в САГУ осуществляли 38 профессоров, из которых 19 докторов наук, 51 доцент, 42 из них кандидаты наук [1]. Многочисленный коллектив университета плодотворную учебную и научно-педагогическую работу сочетал с активной общественной деятельностью.

Принимая активное участие в общественно-экономической и культурной жизни страны, Университет не стоял в стороне и в тяжелые для человеческой цивилизации годы Второй мировой войны. Известие о начале войны и вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз были встречены негодованием и возмущением в университетском коллективе. На университетской спортивной площадке сразу же собрался митинг, где собравшиеся профессора, доценты, преподаватели и студенты, служащие и рабочие выразили свое возмущение против фашистских захватчиков. В речах выступавших – руководителя Д.Ф. Железнякова, декана химического факультета И.П. Цукерваника, начальника военной кафедры П.Ю. Французова, доцента биофака А.С. Шаталиной, студентов Убайдуллаева, Кирсанова, Абакумова и др. выразили уверенность, что враг будет разбит [2].

В первые же дни войны, 28 июня 1941 г., профессорско-преподавательский состав, ученые университета В.И. Романовский, И.А. Райкова, Т.А. Сарымсаков, Т.З. Захидов, Ш.Т. Талипов и др. выступили через газету «Правда Востока» с заявлением о своей полной готовности выполнить любое задание правительства «отдать все знания и силы и, если понадобится, свою жизнь для победы над обнаглевшим врагом» [3]. Эта статья позволяет сегодня сделать вывод, что ученые Университета, как и все трудящиеся республики, как и весь народ страны, с первых же дней войны проявили высокую сознательность, патриотизм и преданность своей Родине.

С первых же дней войны ВУЗы Узбекистана начали перестройку деятельности на военный лад. Учебный год начался 1 августа 1941 г., ректор САГУ С.Д. Муравейский, исходя из особенностей момента, охарактеризовал основные аспекты работы коллектива Университета, в т.ч. усилить трудовую дисциплину, активизировать воспитательную работу и мобилизовать коллектив Университета на самоотверженный труд для победы над фашизмом. Коллективу Университета пришлось столкнуться с целым рядом проблем, которые необходимо было решать не откладывая. Сложности, возникшие в этот период, заключались в мобилизации и добровольном уходе на фронт 70% профессорско-преподавательского состава Университета. Первыми ушли добровольцами И.И. Романов, Д.И. Лобашев, П.Л. Черенцов [4]. Кроме того, в ряды Красной Армии было призвано более половины состава студентов, почти все работники механической, слесарной, столярной и переплетной мастерских и многие служащие университета. Оставшиеся в университете преподаватели и студенты, сотрудники активно включились в общенародную борьбу против общего врага – фашизма.

Трудности военного времени решались оперативно, под руководством ректората коллектив САГУ перестроил свою работу в соответствии с требованием новых реалий. В целях быстрой подготовки специалистов учебные планы были переведены с пятилетнего обучения на трехлетние. Из них были изъяты некоторые вспомогательные предметы, вместе с тем на всех факультетах вводился ряд дисциплин оборонного значения. Например, на физико-математическом факультете студентам читались курсы военной метеорологии, теории вероятностей в применении к военному делу, военной акустики, основ внешней и внутренней баллистики, теории крыла и винта, устройства самолета. На химическом факультете изучались анализ отравляющих веществ, физические и химические основы устройства противогазов и газозащит, токсические свойства отравляющих веществ, химия взрывчатых веществ и др. Военное время ставило жесткие условия, и руководство Университета было вынуждено объединять некоторые кафедры, факультеты, а в ноябре 1941 г. Узбекский Государственный Университет (г. Самарканд), был объединен в САГУ [5]. Под военные нужды были отданы студенческие общежития. Начиная с 7 февраля 1942 г. в помещении университета начал учебные занятия Московский Авиационный институт [6]. Все это вместе обеспечивало необходимую военную подготовку выпускников университета.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Помимо учебной была также перестроена и научно-исследовательская работа кафедр. Коллектив САГУ оказывал фронту помощь не только разработкой теоретических вопросов, но и практически – изготовлением важных видов оборонной продукции, а также специальных химических реактивов, дефицитных медикаментов, необходимых как для фронта, так и для мирного населения. В связи с этим необходимо отметить, что кафедра органической химии фактически явилась одной из зачинателей и организаторов химико-фармацевтической промышленности республики [7]. Нехватка людских ресурсов сказывалась везде, многие студенты совмещали учебу в университете с работой на производстве, работали на предприятиях оборонной промышленности, заменяя ушедших на фронт рабочих [8].

Активно изучалось в этот период военное дело. Под руководством военной кафедры профессорско-преподавательский состав университета изучал различные профили: готовились стрелки, телефонисты, радисты, военные переводчики, политработники. Особое внимание уделялось подготовке медицинских сестер. Для этого были созданы специальные курсы под руководством проф. Л.В. Ошанина и А.С. Шаталиной [9]. Значительно расширилась созданная еще до войны школа снайперов при военной кафедре. Здесь прошли обучение снайперы А. Филиппов, В. Вознесенский, брат и сестра Скляровы и др. Всего за короткий срок эта школа выпустила 200 снайперов. Полученная в университете военная подготовка значительно помогла призванным в Красную Армию в их военной службе, были награждены и отмечены многими правительственными наградами.

Начиная с августа 1941 г. в Узбекистан начали прибывать эвакуированные профессора и студенты [10]. Многие сотрудники САГУ вместе с прибывшими учеными были привлечены на ответственные участки работы, в их числе были И.К. Додонов, Н.М. Мирошхина, Т.З. Захидов, А.Т. Туляганов. Также в эти сложные годы коллектив САГУ шефствовал над тремя военными госпиталями, преподаватели и студенты читали раненым бойцам лекции, проводили литературные вечера, организовывали выставки, книжные передвижки и библиотеки популярных книг, проводили субботники по уборке госпиталей, починку белья. Коллектив САГУ принимал активное участие во всех мероприятиях, направленных на оказание помощи фронту – сбор средств в фонд обороны (к августу 1943 г. сотрудниками и профессорско-преподавательским составом было собрано 68 тыс. руб. деньгами и 47 тыс. руб. облигациями), сбор теплых вещей для Красной

Армии, сбор средств на постройку эскадрильи «Мопровец Узбекистан», на оказание помощи населению Ленинграда, сбор подарков для воинов Красной Армии и др.

Для развертывания и усиления пропагандистской работы среди населения было создано специальное агитбюро из числа авторитетных и опытных преподавателей. Поначалу работу агитбюро возглавил ректор С.Д. Муравейский, после его отъезда в Москву – проректор М.Г. Кадек [11]. На всех факультетах Университета работали коллективы, насчитывающие 100 агитаторов и пропагандистов. Был организован специальный семинар, на всех старших курсах с 1943 г. проводились занятия объемом в 20 часов, посвященных войне против захватчиков. Согласно отчету САГУ только за 1942-1943 учебный год в эвакуогоспиталях было прочитано 319 лекций, проведены вечера Пушкина, Горького, Маяковского. Подарена библиотека из 200 книг, проведено 11 выставок, восемь книжных передвижек, проведено 1250 посещений больных с беседами. В агитпункте при железнодорожной станции «Ташкент» в среднем за месяц читалось десять лекций [12].

Ученые САГУ продолжали свои научные исследования – физики занимались спектральным анализом и его промышленным применением, разработкой методов по определению влажности хлопка-сырца и волокна, принимали активное участие в работах по восстановлению мощных ртутных выпрямителей, кафедра аналитической химии наладила производство некоторых реактивов, необходимых для оборонных предприятий, кафедра минералогии, изучая новые виды для нужд оборонной промышленности, выдвигала идею создания в Узбекистане собственной черной металлургии на базе среднеазиатских железорудных месторождений.

Несмотря на трудные условия, в годы войны происходило дальнейшее развитие университета. Отдельную роль в этом играли эвакуированные в Ташкент крупнейшие ученые Москвы, Ленинграда и др. центральных городов страны. На кафедрах исторического факультета работали такие видные ученые академики и члены-корреспонденты как Б.Д. Греков, В.И. Пичета, А.Ю. Якубовский, В.В. Струве, Р.Ю. Виппер, Е.А. Косминский, А.Д. Удальцов, профессора М.В. Нечкина, С.Н. Валк, Б.Е. Штейн, И.И. Полосин, А.В. Предтеченский, Н.Н. Степанова, А.И. Анекштейн, Л.И. Зубок, М.В. Левченко, И.П. Петрушевский.

Это позволило улучшить качество преподавания исторических дисциплин, разработать целый ряд новых, ранее не читавшихся

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

спецкурсов и спецсеминаров, расширился диапазон научных исследований. Также активно работали ученые эвакуированных научных центров и на филологическом факультете.

Академик Е.Д. Бертельс возглавил кафедру узбекской филологии, кафедру русской филологии - академик Н.К. Пиксанов, кафедру западноевропейской литературы – член корреспондент Академии наук СССР В.М. Жирмунский. Членами этих кафедр являлись проф. А.К. Боровков, Д.Д. Благой, Б.С. Мейлах, И.И. Векслер, доценты И.А. Кашкин, Е. Б. Тагер и др [13].

В 1943 г. была организована кафедра романо-германской филологии, первым заведующим был член-корреспондент Академии наук СССР В.Ф. Шишмарев.

Большим достижением в русле развития научных исследований и подготовки специалистов в 1942 г. было открытие на факультете аспирантуры и в 1942-43 учебном году начались защиты диссертаций.

Также приехавшие из Москвы. Ленинграда и др. центральных городов ученые, такие как академики АН СССР С.М. Липатов, Л.М. завкафедрой физиологии и биохимии растений Благовещенский, математики - академик АН СССР И.Г. Петровский, профессора Б.В. Гнеденко, Н.Н.Мейман, Е.Е. Слуцкий, физики: профессора С.Я. Лившиц, А.С. Компанеец, географ – проф. В.М. Четыркин, химик-неорганик – проф. А.М. Жарковский и др. активно занимались научной деятельностью, внося свой неоценимый вклад в развитие науки и образования [14].

Включение эвакуированных ученых в учебный и научный процесс САГУ позволило укрепить научный потенциал ВУЗа, в 1942-1943 г. в университете значительно увеличилось количество кафедр. К концу учебного года было уже шесть факультетов и 48 кафедр.

Укрупненный видными учеными профессорско-преподавательский состав САГУ и студенты оказывали помощь фронту своими сбережениями. Крупные суммы были собраны на строительство танковой колонны, бронепоезда «Узбекистан», самолета «Комсомолец Узбекистана», эскадрильи «Советский Узбекистан» и т.д. Несмотря на всю сложность эпохи, учебная и научная жизнь не останавливалась ни на минуту - происходило дальнейшее расширение и развитие университета. В 1944 г. в САГУ был вновь создан восточный факультет. Первоначально он имел три отделения: ирано-афганское, турецкое, уйгурское. Несколько позднее возникают отделения арабской филологии и истории стран Востока. К преподаванию на восточном

факультете были привлечены ученые-востоковеды, находившиеся к тому времени в Ташкенте: члены-корреспонденты АН СССР М.С.Андреев, Е.Э. Бертельс, профессора И.П. Петрушевский, А.А. Семенов, А.Н. Болдырев, А.К. Боровков, Л.З. Писаревский и др. [15]. Следует отметить, что участие эвакуированных в Ташкент ученых, как же говорилось выше, позволило расширить университет и к концу 1945 г. он уже включал в себя восемь факультетов (исторический, филологический, восточный, географический, биологический, геолого-почвенный, физико-математический и химический) и 55 кафедр, в числе которых было семь межкафедрских.

Профессорско-преподавательский состав университета к концу войны насчитывал 246 чел. Среди них 42 профессора, 99 доцента, 51 старший преподаватель. В составе профессуры было девять академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР и Академии наук УзССР, 15 заслуженных деятелей науки Узбекистана. Среди них М.С. Андреев, Е.Э. Бертельс, Н.Л. Корженевский, Н.А. Кайзер, Е.П. Коровин, Н.И. Лебединский, Н.Г. Маллицкий, М.Е. Массон, А.А. Семенов, М.А. Орлов, А.С. Уклонский, И.П. Цукерваник, Т.А. Сарымсаков, В.И. Романовский, А.Ю. Якубовский, С. У. Умаров, Н.Н. Назаров, А.Г. Саади [16]. Значительные успехи в 1941-1945 гг. были достигнуты в области исследовательской работы, определяющую роль в которой сыграли складывающиеся на протяжении всей истории университета, а также при активном участии эвакуированных в Ташкент видных ученых из научных центров Москвы и Ленинграда и др. городов, научные школы и направления, возглавляемые ведущими учеными САГУ.

Ученые САГУ в годы Второй мировой войны трудились над освоением новых территорий, в экспедициях на пустынных пастбищах, в области изучения сельскохозяйственных вредителей, проводили исследования в области физики и геофизики, синоптической и динамической метеорологии (с 1 ноября 1943 г. на вновь образованную кафедру синоптической метеорологии утвержден проф. В.А. Джорджио) [17] и др., теории вероятностей, математической статистики и математического анализа, истории, археологии, филологии и др. направлениях. Также существенную помощь оказали многим диссертантам ученые Москвы и Ленинграда и др. центральных городов, находившиеся во время войны в Ташкенте.

Т.о. в период Второй мировой войны САГУ совместно с эвакуированными в Узбекистан учеными – академиками, профессорами и доцентами, а также и эвакуированными студентами, внес ощутимый

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

вклад в достижение победы над общим врагом человеческой цивилизации – фашизмом. Несмотря на трудности военного времени, университет значительно вырос и расширился, добился серьезных результатов в развитии учебной, научно-исследовательской работы, в подготовке специалистов и высококвалифицированных научных кадров. В настоящее время Университет, продолжая свою миссию, выполняет задачи по повышению качества образования молодежи, проводя научные исследования на высоком уровне, в соответствии с мировыми стандартами.

1. Государственный архив г. Ташкента, ф.38, оп.1, д. 544, л. 45.
2. Архив Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека; Приказы по САГУ за 1941 г.
3. Там же, с.51
4. П.Л. Черенцов - преподаватель Университета с первых дней войны ушел на фронт, за проявленное мужество был награжден орденом Ленина. В боях за оборону Москвы пал смертью храбрых.
5. Архив Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Приказы по САГУ за 1941 г.
6. Архив Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Приказы по САГУ за 1942 г.
7. Там же.
8. Очерки истории Ташкентского Университета, Т.,Узбекистан, 1980, с. 89.
9. Архив Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Приказы по САГУ за 1941 г.
10. Там же.
11. М.Г. Кадек – после освобождения Латвии в 1944-1949 гг. работал ректором Латвийского государственного университета им. П. Стучки.
12. ЦГА РУз, ф. 94, оп. 5, д. 4280, л. 16.
13. Очерки истории Ташкентского Университета, Т.,Узбекистан, 1980, с. 88.
14. Биографические справки ученых, Т. Узбекистан, 1990, с.38.
15. Очерки истории Ташкентского Университета, Т.,Узбекистан, 1980, с. 90.
16. Очерки истории Ташкентского Университета, Т.,Узбекистан, 1980, с. 90.
17. Архив Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Приказы по САГУ за 1943 г.

ПОМОЩЬ УЗБЕКИСТАНА ЭВАКУИРОВАННЫМ ДЕТЯМ В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

Несмотря на то, что очень много написано о Второй Мировой войне, тем не менее еще достаточно много фактов остаются неизвестными для широкого круга, и многие документы архивов не исследованы.

В истории Узбекистана военный период является одним из важнейших в судьбе народа, т.к. из 6,5 млн населения 1,5 млн приняли самоотверженное участие на фронтах войны, остальное население, в основном старики, женщины и дети, трудилось в тылу, тем самым также приближая победу.

Незабываемые страницы славной истории узбекского народа составляют героические подвиги узбекистанцев в тылу, которые в тяжелейших, суровых условиях военного времени, сами лишённые нормальной человеческой жизни, проявили гуманизм и сострадание, человечность, доброту и милосердие по отношению к эвакуированным в Узбекистан народам. Эвакуация имела невиданные ранее масштабы. За годы войны Узбекистан принял более 1 млн эвакуированных из России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики, в т.ч. более 200 тыс. детей-сирот [1]. В трудных условиях военного времени узбекистанцы разделяли с ними жилье, делились куском хлеба, чтобы накормить прибывших, тем самым были спасены сотни тысяч жизней эвакуированных людей.

Еще до начала массовой эвакуации, с августа месяца 1941 г., после начала войны, в республику стали прибывать тысячи людей, покинувших временно оккупированные врагом территории. Об этом свидетельствует созданная в республике 10 июля 1941 г. специальная комиссия при СНК, начавшая заниматься учетом и размещением прибывавших людей. По ее подсчетам к 1 сентября 1941 г. только из Украины прибыли 5 тыс. 717 чел. В октябре-ноябре их число возросло до 54 тыс. 029 чел. [2].

С октября 1941 г. началась массовая эвакуация детей в Узбекистан. В республику с прифронтовой полосы, из разрушенных городов и сел стали прибывать сотни составов с эвакуированными людьми, где большей частью были больные голодные дети, и возникла проблема их расселения. Эвакуация детей в Узбекистан (кроме тех, что приезжали с родителями) проходила двумя путями: во-первых, прибывали организованные железнодорожные эшелоны с детьми, и, во-вторых, имел место

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

стихийный поток детей, прибывших одиночками и группами. В ноябре 1941 г. в Узбекистан прибыли 22 тыс. эвакуированных детей, из них 9 тыс. 420 детей прибыли с детскими домами, а остальные одиночками. Большинство прибывших детей составляли мальчики – 69%. По возрастному составу в числе прибывших одиночками и группами преобладает возраст 15-16 лет – 48,5%, подростков 17-18 лет – 18%, детей школьного возраста от 8 до 14 лет – 31% и дошкольников – 2,5%. Больше половины всех прибывших детей круглые сироты – 51%, остальные, как правило, имеют одного из родителей, но место пребывания их не знают. У большинства отцы на фронте [3].

Требовалась большая оперативная работа по устройству и размещению эвакуированных детей и подростков, а затем их обучению и воспитанию. Большой задачей перед руководством республики стала организация детских домов для размещения вновь прибывших детей. Особенно, если учитывать, что в республике до войны было лишь два-три детских дома, имевших собственные здания. Поэтому эвакуированные дети размещались в таких приспособленных помещениях, как колхозные клубы, чайханы, здания школ. Руководство Узбекистана во главе с руководителем Усманом Юсуповым принимало все возможные меры, чтобы принять эвакуированных детей и обустроить их. Наркомпросом республики в октябре 1941 г. был создан Центральный детский эвакуопункт [4]. Он находился на территории железнодорожного вокзала г. Ташкента. Здесь дети проходили санитарную обработку, получали питание и ночлег в ожидании устройства их дальнейшей судьбы. На эвакуопункте круглосуточно дежурили педагоги. Для питания детей к эвакуопункту была прикреплена одна из ближайших столовых. Неподалеку был открыт карантинный детский дом на 200 чел., куда направлялись дети для проверки состояния здоровья в целях санитарно-эпидемического контроля состояния детских домов, школ и училищ. Здесь дети находились от двух до четырех недель [5]. Часть детей, прошедших через детский эвакуопункт, была направлена на учебу в ремесленные школы, школы ФЗО и железнодорожного училища, 4 тыс. 519 чел. устроены на работы в предприятия, колхозы и совхозы, 2 тыс. 278 чел. переданы на воспитание в семьи рабочих, служащих, колхозников и на коллективное воспитание в детские сады, школы, колхозы и т. д. [3].

В декабре 1941 г. были созданы республиканская, областные, городские и районные комиссии для руководства устройством эвакуированных детей. Решением республиканской комиссии в январе 1942

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

г. были созданы следующие подкомиссии: по учету выявления и устройству детей, по организации шефства над детскими домами, по культурному обслуживанию и организации вечеров в пользу детей, по сбору одежды, по организации детских домов в колхозах и совхозах [3, л. 1].

Большая часть работы на эвакуационных пунктах выполнялась на общественных началах женщинами – педагогами. В помощи эвакуированным детям активно участвовали сотрудники детских домов Узбекистана. Например, директор Ташкентского детского дома №22 Антонина Павловна Бабушкина неоднократно, рискуя своей жизнью, выезжала вместе с медработниками в прифронтовые районы для эвакуации детей сирот. Много детей ею привезены из Москвы, Ленинграда и Минска. Крайне истощенными были дети из блокадного Ленинграда. Этим крохотных детишек кормили с ложки и вливали в них собственную кровь, чтобы довести их до детского дома. Обескровленные, сами чуть живые, сотрудники детского учреждения оберегали сирот и проявляли о них неустанную заботу как о собственных детях. Благодаря самоотверженной работе воспитателей и жителей махалли, постепенно оттаивали ребячьи сердца. Около 500 обездоленных, осиротевших детей принял детский дом №22 за годы войны [6].

За год с 1 октября 1941 г. по 1 октября 1942 г. в Узбекистан были эвакуированы 43 тыс. детей из 78 детских домов. 50 детских домов были сохранены в качестве самостоятельных. Они были размещены в городах Узбекистана: четыре - в Самаркандской обл., девять - в Наманганской обл., пять - в г. Ташкенте, 13 - в Андижанской обл., десять - в г. Фергане, девять - в Бухарской обл., 28 детских домов были ликвидированы, а дети размещены в существующие детские дома, интернаты и др. детские учреждения [7]. С образованными новыми детскими домами в общей сложности по данным 1942 г. в республике находились 154 детдома, из них в 69 детдомах находились эвакуированные дети [3, лл. 15-20].

По сообщению Евгении Рачинской, зам. Наркомпроса, осуществлявшей руководство и координацию работы по устройству эвакуированных детей, к концу 1941 г. количество детских домов в республике выросло на 50%, а воспитанников в них на 80% [8].

Благодаря архивным документам можно проследить динамику изменения числа детских домов в Узбекистане [8]. Сеть детдомов до войны, начиная с 1936 по январь 1941 г., непрерывно сокращалась в связи с ростом благосостояния народа. В соответствии с этим сокращался и контингент воспитанников. Если накануне войны в республике

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

существовали 107 детских домов, а число их воспитанников составляло 12 тыс. детей, то к 1944 г. наблюдаем увеличение сети детских домов и числа воспитанников в них почти в два раза - соответственно до 215 детдомов и 27 тыс. 450 детей в них. Возрастание числа детдомов до 1943 г. происходит за счет прибытия в Ташкент в марте 23 польских детских домов с 1 тыс. 995 воспитанниками. Кроме того, были открыты 34 новых детских дома [8]. Начиная с 1945 г., количество детдомов и контингента начинает уменьшаться. Одной из главных причин уменьшения числа детских домов в республике состоит в том, что в большинстве дети из детских домов были возвращены в свои города и области, откуда были переселены, после их освобождения. В частности, в июле 1945 г. 11 детских домов переехали из республики в свое прежнее место расположения - в Украину.

Детским учреждениям уделялось особое внимание. Каждый детский дом был взят под контроль. Со стороны милиции областей, районов, города и школ оказывалась регулярная гуманитарная помощь. Были созданы специальные столовые в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Коканде, где ежедневно десятки тысяч бесплатных обедов получали эвакуированные дети и дети фронтовиков. Только республиканская комиссия в течение года (с 1 октября 1941 по 1 октября 1942 г.) израсходовала на бесплатное питание детей в столовых 192 тыс. руб. и 153 тыс. руб. на молочное питание через детские консультации [9].

Областные комиссии проводили большую работу по сбору средств в фонд помощи эвакуированным детям. Так, Ферганская областная комиссия в течение июня 1942 г. собрала 214 тыс. 384 руб., Бухарская – 269 тыс. руб. В республике в течение 1942 г. и первой половины 1943 г. было собрано 3 млн 500 тыс. руб. и большое количество продуктов питания и одежды [9].

Особое внимание республика уделяла оказанию медицинской помощи, оздоровлению детей, которые в этом нуждались. К числу таких детей относились эвакуированные дети и дети фронтовиков. Несмотря на тяжелое экономическое положение в республике, правительство особое внимание обращало охране здоровья эвакуированных детей. Во многих областях за счет народных средств были организованы специальные оздоровительные дома. В санаториях Узбекистана получали лечение в течение 1942 г. 4 тыс. эвакуированных детей, в 1943 г. - 10 тыс. В сравнении в 1937 г. на восстановление здоровья ослабленных детей было

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

израсходовано 33 млн руб., в 1941 г. - 75,5 млн руб., а в 1943 г. - 107 млн руб. [3, л. 32].

Судьбой эвакуированных детей занимались не только государственные ведомства. Самое душевное участие в их устройстве принимали обычные граждане Республики Узбекистан. На призыв собрания женского актива г. Ташкента 2 января 1942 г. «Развернем в Узбекистане всенародное движение по оказанию помощи эвакуированным и беспризорным детям. Пусть каждая семья рабочего, колхозника, служащего, интеллигента, пусть каждое предприятие, колхоз и совхоз примут деятельное участие в устройстве и воспитании» [10] откликнулись сотни жителей Узбекистана. Ежедневно из детских приемников распределителей и детских домов республики рабочие, служащие и колхозники брали на воспитание детей, потерявших родителей. Узбекистанцы усыновляли детей, делая их полноправными членами своих семей. Семья кузнеца Шоахмада Шоахмудова усыновила и удочерила 14 детей разных национальностей, став примером для многих. Возвратившийся с войны инвалид Хамид Самадов из Каттакургана (Самарандская обл.) приютил 13 детей, колхозница Фатима Касымова взяла в свою семью десять детей и обогрела всех теплом своего сердца. Таких примеров было множество, что свидетельствует о сознательной участии народа, беспредельной готовности помочь людям всем, чем можно в столь трудное военное время [11].

В конце 1942 г. в целом по республике было усыновлено 5 тыс. 542 ребенка (из них 4 тыс. 672 в городах и 870 в сельских районах). При этом, 98,5% семей не получали пособия в размере 50 руб. в месяц, установленного от 23 января 1942 г. Дело в том, что эти семьи оформляли опеку над детьми как членов своей семьи и добровольно отказывались от каких бы то ни было государственных пособий [12].

Наряду с воспитанием детей, оставшихся без родителей, в семьях, детских домах, массовый характер приняла также работа по воспитанию и обеспечению детей на коллективной основе. Газета «Правда Востока» сообщала, что трудящиеся Узбекистана организовывали интернаты и детские дома на безвозмездной основе. Например, Ташкентский областной «Заготхлоптрест» (управляющий Шамшидов) организовал в помещении своего клуба интернат для 25 эвакуированных ребят. Воспитанники интерната обеспечены всем необходимым, ребята посещают школы. Деньги на их содержание работники треста вносили из своей зарплаты. Другой пример: детский сад Наркомзема воспитывает у

себя 11 эвакуированных ребят. В одном только Ташкенте 643 семьи и 69 коллективов взяли на воспитание эвакуированных детей [13].

В чрезвычайных условиях войны Узбекистан не был готов принять огромное число эвакуированных детей. Для их размещения не хватало зданий, соответствующих санитарно-гигиеническим нормам, одежды, питания. Несмотря на это, благодаря бескорыстной помощи узбекского народа, была осуществлена деятельность по размещению, обеспечению продовольствием и одеждой, восстановлению здоровья эвакуированных детей, а, самое главное, были спасены жизни сотни тысяч детей.

Высокую оценку человечности, доброты, взаимовыручки узбекского народа дала Анна Ахматова, которая в годы войны, как и многие другие литераторы, оказалась в эвакуации в Ташкенте. В своих воспоминаниях она писала: «В Узбекистане и без того многодетные семьи, и они усыновляли, удочеряли русских, белорусских, украинских, молдавских, греческих сирот, давали приют беженцам, делились с ними последним куском хлеба, сахара, последней пиалой плова или молока» [5].

1. История Узбекистана. – Ташкент: Fan va texnologiya, 2011. – С. 267.
2. Вклад трудящихся Узбекистана а победу в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Х. Ш. Иноятов. – Ташкент: Фан, 1975. – С. 41.
3. ЦГА РУз. Ф. Р-837, оп. 32, д. 3691, л. 23.
4. Узбекистан в годы Великой Отечественной войны. – Ташкент: Фан, 1966. – С. 161.
5. Флыгин Ю. С. Гуманитарная миссия Узбекистана: спасение жизни детей. – Алматы, 2012. - С. 160.
6. Исхакова М. Хлебушкина Антонина Павловна. См. Письма о Ташкенте <http://mytashkent.uz/2010/10/26/hlebushkina-antonina-pavlovna-2>
7. ЦГА РУз, фонд 94, опись 5. д.4697, л.57.
8. ЦГА РУз, фонд 94, оп. 5. д.4425, л. 21.
9. Узбекистан в годы Великой Отечественной войны. – Ташкент: Фан, 1966. – С. 161.
10. Правда Востока - 1942 г. - № 4 – (6 января).
11. Бабаджанов Х. Б. Эвакуация детей в Узбекистан: условия, проблемы и помощь (1941-1945). – Алматы, 2012. – С. 157.
12. ЦГА РУз, ф.- 94, оп. 5, д.4217, л.1.
13. Лучше организовать помощь эвакуированным детям // Правда Востока - 1942 г.

ПРИИССЫККУЛЬЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ЭВАКУАЦИЯ, БЕЖЕНЦЫ, ПЕРЕСЕЛЕНИЕ)

Значение Великой Победы над германским фашизмом для всего последующего развития мирового сообщества огромно, однозначно неосценимо.

Это была Великая Победа в жестокой войне, принесшая много горя на землю, обесценившая само понятие - человеческая жизнь. С первых дней войны исык-кульцы, как и все кыргызстанцы со всеми народами СССР встали на защиту Родины, как на фронтах, так и в глубоком тылу. С начала войны по сентябрь 1944 г. было призвано из Киргизии 363 тыс. 144 чел., т.е. каждый пятый житель. На всех фронтах Великой Отечественной войны сражались кыргызстанцы. Среди 28 воинов – героев – панфиловцев были воины - исыккульцы - Герои Советского Союза – Ананьев Н.Я., Г.Е. Конкин, И.В. Москаленко, Г.А. Петренко, Г.М. Шемякин. Героями Советского Союза стали исыккульцы - Д. Асаналиев, К Жаркымбаев, В. Кайкин, П.Ф. Колесников, Е.Г. Курочкин, Е.Е. Михайленко, Е.Б. Пасько, В.И. Сухов, А. Титов, К. Усенбеков. Полными кавалерами ордена Славы стали - Н.Г. Глотов, А. Карымшаков, Н. Осмонов, Д.А. Темляков. Воины-исыккульцы сражались в рядах партизан. Дважды Герой Советского Союза С.А. Ковпак писал: «среди наших бойцов были и киргизы, это прекрасные джигиты, меткие стрелки...». Это было сказано о Джапаре Джамбаеве, уроженце с. Джаны-Арык Пржевальского р-на и Ишенкуле Бейшеналиеве из с. Сокулук. В составе 7- ой Ленинградской партизанской бригады 2-го партизанского отряда воевал командир роты – Аширбай Коенокзов из с. Токтоян Пржевальского у. (в 1941-42 гг. разведчик панфиловской дивизии). Имена героев носят населенные пункты, школы, улицы Прииссыккуля.

Война прервала мирный труд исыккульцев. Резко возросла нагрузка в колхозах. В 1941 г. на одного трудоспособного в колхозах области приходилось 5,7 га посевов, 1942 г. - 6,7 га, 1943 - 8,9 га. В связи с тем, что военнообязанные ушли на фронт, основной рабочей силой в колхозах и совхозах, промышленных предприятиях стали женщины, старики и дети. Главной задачей было обеспечение армии и населения продовольствием, промышленности - сырьем, фронта - подготовленными людскими резервами.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

Поднялось патриотическое движение женщин «Заменить на производстве мужей, отцов, братьев, ушедших на фронт». В кратчайшие сроки женщины овладевали ранее «мужскими профессиями». Женщины вышли в шахты, стояли за станками, стали водить поезда и т.д.

В 1941 г. по Иссык-Кульской области в фонд обороны было выдано 995 ц мяса, 1,8 тыс. ц зерна, 4,4 тыс. ц картофеля, 379 кг меда, 560 кг масла. Общая сумма денежных средств, поступивших в фонд обороны от населения Иссык-Кульской обл. с начала войны по 1 января 1945 г., не считая сельхозпродуктов, составила 21 млн 956 тыс. руб.

В 1942 г. по области было собрано 13 млн руб. на вооружение Красной Армии. На создание эскадрильи «Солнечный Киргизстан» труженики Прииссыккуля за один день собрали свыше 3 тыс. руб. К июню 1944 г. в Тонское районное отделение Госбанка на счет фонда обороны поступило от граждан 52 тыс. руб. и было сдано облигаций на 63 тыс. руб. 18 тыс. руб. внесли на строительство самолетов колхозники колхоза «1 мая».

На строительство танковой колонны колхозники Джети-Огузского р-на собрали 1 млн 500 тыс. руб. и передали в хлебный фонд Красной Армии 55 тыс. пудов зерна из своих личных запасов. Отдельные колхозники вносили крупные суммы денег в размере 25 - 30 тыс. руб. Балыкчинский р-н собрал на строительство танков и самолетов – 340 тыс. руб. деньгами и 665 тыс. руб. облигациями госзаймов. Работники народного образования области собрали 172 тыс. 327 руб. деньгами и 146,3 тыс. руб. облигациями на строительство боевого самолета «Учитель Иссык-Куля». В целом на строительство боевых самолетов было внесено 2 млн 860 тыс. руб. и облигаций на 3 млн 450 тыс. руб.

В 1941 г. еще задолго до начала холодов жители области начали собирать теплую одежду и обувь, осенью было собрано 2 тыс. 314 комплектов одежды и обуви. Депутаты местных советов обеспечили теплой одеждой по одному бойцу. К 1 декабря 1941 г. было собрано и сдано для армии еще 1 тыс. 119 полушубков, 1 тыс. 171 меховых или ватных жакетов, свитеров, шерсть, шкурки сурков, лис, мерлушек. За 1942 г. было собрано более 46 тыс. теплых вещей. Отправлялись на фронт индивидуальные посылки, подарки с письмами. К новому 1942 г. труженики г. Пржевальска отправили более 300 посылок общим весом 39 тыс. 995 кг. В движении «Помощь фронту» активно участвовали пионеры и школьники. В 1943-44 гг. ученики собрали 71 кг цветного металла, 16 тыс. 547 кг черного, отправлено на фронт 235 посылок и собрали на

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

постройку самолетов 99 тыс. 012 руб. В 1944-45 гг. – 4 тыс. 370 кг металлолома, и вместе с учителями в фонд обороны 123 тыс. 235 руб. и облигаций на сумму 247 тыс. 610 руб. Проводились сбор и сушка лекарственных трав. Школьники приняли участие в операции «Колосок», в результате которой только учениками одной школы с. Сары - Камыш собрано 18 ц колосьев.

В годы Великой Отечественной войны движению «Помощь фронту» содействовали и профессиональные союзы, особенно, в оказании помощи семьям фронтовиков и эвакуированным. Массовым стало шефство кадровых рабочих и колхозников над новичками.

Комсомольцами и молодежью Иссык-Кульской обл. был создан комсомольский фонд обороны. Молодежь в ночное время очищала бросовые земли от камней, засеивала пшеницей поля, ремонтировала инвентарь. Силами молодежи было засеяно за один месяц 1944 г. для семей фронтовиков 300 га зерновых, вспахано 270 га индивидуальных огородов, собрано 8 тыс. 988 руб. в фонд обороны. Молодежь г. Пржевальска в фонд восстановления г. Сталинграда собрало более шести тыс. руб. Комсомольцы и молодежь Иссык-Кульского р-на собрали более 50 тыс. руб. на строительство танковой колонны.

В 1944 г. область приняла участие в отправке в освобожденные от фашистской оккупации районы крупных партий скота: шесть тыс. лошадей, три тыс. голов КРС, 35 тыс. овец и коз. Перегон скота после тщательной ветеринарной обработки был начат 10 апреля. Все годы войны продолжалась мобилизация населения в ряды Красной Армии.

Проводилось обязательное всеобщее обучение военному делу граждан, организовывались учебные центры по подготовке групп самозащиты, пулеметчиков, снайперов, стрелков, младших командиров, кавалеристов, истребителей танков. Кроме этого среди населения проводились занятия по

противовоздушной и противохимической обороне. В этом свою роль сыграл ОСО АВИАХИМ, первичными организациями которого в 1942 г. было подготовлено 17 тыс. 156 чел.

Еще до войны Кыргызстан был связан с трудящимися г. Ленинграда. В годы предвоенных пятилеток Ленинград взял шефство над молодой республикой, содействовал ее быстрой индустриализации. Станки и машины, изготовленные на ленинградских заводах, устанавливались на новых предприятиях. Многие кыргызстанцы получили образование в ленинградских Вузах. В годы войны было решено отправить

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

ленинградцам, зажатым в кольцо блокады, помощь в виде продуктов. Четыре эшелона с подарками были отправлены в блокадный Ленинград. В их числе была помощь и иссык-кульцев. Первая делегация прибыла в Ленинград в самое тяжелое время в феврале 1942 г. (50 вагонов муки, мяса, риса, фруктов и овощей).

Крепкими узами были связаны трудящиеся Кыргызстана с моряками Балтийского флота, в частности с командирами и матросами подшефного линкора «Октябрьская революция». Эта дружба возникла в 1933 г., когда правительство Кыргызской Республики приняло Постановление о шефстве над линкором.

В апреле 1943 г. начато строительство филиала завода № 175 им. С. Кирова оборонной промышленности. Была проведена мобилизация на завод квалифицированных рабочих, слесарей, токарей, плотников, механиков для строительства торпедно-пристрелочной станции на оз. Иссык-Куль. Для проведения строительных работ было мобилизовано 500 строительных рабочих.

Приезжающий инженерно-технический персонал и их семьи расселились в с. Михайловка Тюпского р-на, в пос. Пристань, где позднее в 1944 г. возник поселок городского типа Пристань-Пржевальск. Были брошены большие резервы на строительство, благодаря чему уже 25 ноября 1943 г. директором

завода представляются к награждению работники завода за выполнение Постановления Совнаркома СССР по пуску филиала завода в установленный срок в нормальную эксплуатацию. А в 1946 г. 211 чел. представляются к награждению медалью «За доблестный труд за годы Великой Отечественной Войны».

За 1941г. и пять мес. 1942 г. теплоходами «Иссык-Куль», «Советская Киргизия», «Пятилетка», «Комсомол», принадлежавшими Иссык-Кульскому пароходству Наркомата речного флота, было перевезен 865 тыс. т грузов: продовольствие, скот, лесоматериалы. За годы войны на озеро сошли со стапелей пять большегрузных барж. Продолжалось большое транспортное строительство. Было завершено сооружение железной дороги Кант-Рыбачье. На строительство этой дороги было мобилизовано решением Иссык-Кульского обкома партии 300 чел. трудоспособного городского и сельского населения. За военные годы завершено строительство высокогорной дороги Барскаун-Бедель, чем была решена задача переброски военных грузов на границу с КНР. Дорога

была закончена силами колхозников местных колхозов, а также бойцов и офицеров пограничной комендатуры и отдельной саперной роты.

В годы войны Пржевальск на несколько лет превратился в один из крупных в республике научных и вузовских центров. Здесь работали эвакуированные вузы - Николаевский кораблестроительный институт, Ленинградский ветинститут, Фрунзенский Киргоспединститут. Из Николаевского кораблестроительного института прибыли восемь профессоров, 20 доцентов, 212 студентов, учебные занятия начались с 1 февраля 1942 г. в помещении сельскохозяйственного техникума. В 1943–44 учебном году Николаевский кораблестроительный институт выпустил 154 специалиста.

Киргоспединститут им. М. Фрунзе переехал в Пржевальск осенью 1941 г., что дало возможность своевременно начать учебные занятия. Часть студентов и преподавателей ушли на фронт. Из 1 тыс. 087 студентов прибыли в Пржевальск 670. Студенты были размещены в общежитиях и на частных квартирах. В 1942 г. было выпущено 109 специалистов. Коллектив пединститута помимо своей основной работы – подготовки специалистов, был занят на заготовке трав, уборке урожая, часть студентов трудились на строительстве железной дороги через Боомское ущелье, занимались сбором теплых вещей, подарков и отправкой их на фронт.

Большая помощь в налаживании научно-педагогической работы оказана эвакуированными профессорами Берковым, Рудашем, Рачковским, Любищевым, доцентами Сахарным, Потапчиком и др. Преподавателями пединститута были С.Ильясов и Н.А.Батманов, впоследствии академик, Б.Уметалиева - ныне проф. КГУ, А.Хасанов - член-корреспондент республиканской Академии наук. Директором института был Султан Арбаев.

За три года работы в Пржевальске находившиеся в эвакуации вузы, несмотря на многочисленные трудности, выпускали сотни учителей, ветврачей, зоотехников, кораблестроителей и механизаторов. Институты оказывали большую помощь предприятиям г.Пржевальска, колхозам и совхозам области. Ученые, преподаватели, писатели были частыми гостями трудовых коллективов, они читали о героических подвигах Советской Армии на фронтах, о самоотверженной работе в тылу.

Все хозяйства области нуждались в квалифицированном ремонте автомашин, тракторов, комбайнов, молотилок, сеялок и других

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

прицепных механизмов. В этом важном деле большую услугу оказал известный кораблестроитель доктор технических наук Павленко.

Донецкий музыкальный театр был эвакуирован в г. Пржевальск и открыл свои гастроли народной украинской оперой «Запорожец за Дунаем». За 2,5 года пребывания в Иссык-Кульской обл. коллектив театра проделал значительную работу, показал 300 спектаклей, которые посетили около 100 тыс. чел. Были показаны такие спектакли как «Наталка Полтавка», «Севильский цирюльник» и даны 132 концерта. Иссык-Кульский обком партии и облисполком ходатайствовали о награждении 20 работников театра Почетными грамотами Верховного Совета Кирг. ССР.

При общении с незнакомым жанром как оперный спектакль по началу воспринимался местной публикой с трудом, но постепенно зритель стал понимать и духовно обогащаться. Приезд и постановки оперного театра явились крупным событием Прииссыккулья.

Иссык-Кульский драмтеатр сезон 1941-1942 г. открыл театрализованным «Оборонным концертом». Ставились одноактные и просто пьесы о войне К. Симонова «Русские люди», «Кто как поступил» К. Джантошева. В 1940-1946 гг. в оформлении спектаклей Пржевальского драмтеатра принимал участие художник С. Мохов. В годы войны здесь жили и работали эвакуированные известные советские художники Ф.К. Лехт, Ф.И. Невежин, Г. Гопоненко, П.Т. Мальцев, болгарский скульптор Валев В.Ц., эвакуированные из Москвы.

Эвакуированный Ленинградский ветинститут занимался улучшением постановки ветеринарного дела в области, производственной, научно-исследовательской работой, подготовкой кадров. Институтом организована ветамбулатория, ученые реализовывали свою научную деятельность по двум направлениям: по искоренению различных болезней домашних животных, такие как инфекционный мастит, ящур, а также болезней пчел. Научные работники выезжали в колхозы, совхозы проводили со специалистами на местах консультационную работу.

Свой вклад в дело подготовки кадров для оборонной промышленности внес эвакуированный в г. Пржевальск Николаевский кораблестроительный институт, который прибыл 24 декабря 1941 г. Профессорско-преподавательский состав института за активную деятельность в деле оказания помощи промышленности и сельскому хозяйству Кирг. ССР - был представлен к наградам Почетной грамотой Президиума Верховного Совета СССР и Кирг. ССР. Во время войны

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

институт выпустил 280 высококвалифицированных специалистов, четыре выпуска инженеров было в г. Пржевальске. В Николаевском кораблестроительном институте занятия велись с трех ч. дня до 11 ч. ночи, до этого времени здание было занято педагогическим техникумом, а в воскресенье - занятия трактористов и комбайнеров.

Свой вклад в общее дело внесли эвакуированные из прифронтовой полосы семьи рабочих, служащих и военнослужащих. Эвакуированные прибывали из прифронтовой полосы, а также прибывали самотеком отдельные лица и семьи.

На 12 ноября 1942 г. в секретной докладной председателя исполкома облсовета депутатов трудящихся Тугельбаева Т. отмечается, что для проживания из местностей временно оккупированных противником прибыло семей общей численностью 8 тыс. чел. и 1 тыс. 894 инвалидов. Исполкомом принимаются меры по организации учета, создания условий, устройства на работу в колхозы, совхозы и предприятия области. Предполагалось первоочередное устройство эвакуированных семей руководящих партийных, советских работников, семей начальствующего состава Красной Армии, флота, войск НКВД, НКГБ.

Всем прибывшим по месту работы выдавались единовременные пособия. В связи с тем, что большинство прибывших остро нуждались в одежде, не говоря о пропитании и жилье, предлагалось 30-40% поступающих товаров предоставлять эвакуированным и инвалидам без промтоварных карточек. За 1943 г. на предприятия промышленности и различные организации устроено 667 чел.-инвалидов, в сельское хозяйство – 1 тыс. 959 чел., обучены разным специальностям 88 чел. (пчеловодство, шоферы, сапожное ремесло). За 1942 г. только по Пржевальскому р-ну размещено и трудоустроено в колхозах раненых бойцов 726, эвакуированных 435».

Подлинно сердечная забота проявилась к эвакуированным детям. В Прииссыкулье прибыли дети блокадного Ленинграда, Киева, Евпатории и др. Часть их разместили в ранее существовавшие детдома. Стали создаваться новые детские дома. Так в списках Чонсаройского детского дома имеются сведения о родителях детей, откуда они прибыли. Сведения об отце в основном – РККА., о матери-умерла или нет, находится в заключении. Такие же сведения есть и об обслуживающем персонале детдомов - многие учителя, воспитатели видимо приезжали вместе с детьми, в записях откуда прибыл также написано – «Ленинград, Москва, Ростов и тд. Есть и записи о национальности детей. Так в списках

воспитанников Темировского, Саруйского детского дома дети в основном русские, евреи, кыргызы, украинцы, финны. В годы войны на территории области было семь детских домов. Разрабатываются режимы дня для детей - на летний период – солнечные ванны, обязательный тихий час, купание, прогулки. Вводится четырехразовое питание, для нуждающихся в усиленном питании – пятиразовое. В детдомах шла работа по переселению родных детей вместе, а также поступивших из одного города. Т.к. уже позднее встал вопрос о возвращении детей на Родину. Об этом свидетельствует переписка отделов народного образования Исык-Кульской обл. с отделами образования городов, освобожденных от фашистов. Много сирот и безнадзорных детей трудящиеся нашей области взяли на воспитание до возвращения с фронта их родителей. Массовым явлением стало усыновление осиротевших детей. Взяв на усыновление и удочерение малолетних детей, впоследствии обнаруживалось, что живы родители, родственники. Приемные родители и дети не желали расставаться, и тут, конечно, не обходилось без трагических моментов. Свидетельством тому нижеследующий документ от 31 мая 1946 г.

«Исык-Кульский облОНО отвечает тов. Эйдимиллер, что Сауша Анна Владимировна рождения 1934 г, бывшая воспитанница Саруйского детдома Исык-Кульской обл., в 1942 г. была удочерена колхозником Джельденовым Соромбаем. Сейчас девочка категорически изъявляет желание остаться на месте, новые родители также упорно не желают с ней расстаться. Поэтому Вам придется прибыть самим и решить вопрос с соответствующими органами». В 1942 г. более тысячи детей находились в детских домах области.

Принимались меры по расселению, обеспечению всем необходимым, а также трудоустройству спец. переселенцев. Так отменяется ранее принятое решение Исык-Кульской ОК КП о выделении дома для инвалидов и освобождении его для спецпереселенцев. Семьи переселенцев, в основном балкарцы и ингуши, находились в тяжелых условиях, некоторые были размещены в помещениях, совершенно непригодных для жилья. Из 716 семей только 198 были обеспечены жильем. Были выделены фонды муки, крупы, зерна. В соответствии с постановлением Совнаркома выдавался скот, производились ремонт и строительство жилья, изготовление и раздача обуви и меховой одежды, обращено внимание на медицинское обслуживание, выявление детей сирот, определение в школы.

Евразия XX в.: эвакуация, переселенцы, беженцы

В связи с увеличением населения возросла нагрузка на медицину, образовательные учреждения. Перед медицинскими работниками стояла задача борьбы с различными инфекционными заболеваниями и возвращение в строй Красной Армии раненых, инвалидов. Так по Пржевальскому р-ну проведено профилактических прививок в 1942 г. на 50% больше намеченного. В целях предупреждения вспышек инфекций проводилось подворное обследование, разъяснительная работа, построено пять новых бань, дезкамеры, расширена сеть частных бань. Перед учительством стояла задача организации нормальной работы школ, охват учебой всего школьного контингента детей.

Хотя со времени окончания войны прошло уже много лет, выросли поколения знающих о ней только по учебникам – до настоящего времени в архивы поступают различные запросы, связанные со Второй мировой войной - о подтверждении фактов эвакуации, пребывания в детских домах, а также о подтверждении работы в тылу, получении медалей За доблестный труд в годы войны. Так в 2015 г. нами было выдано три справки о пребывании в детских домах жителям Кыргызстана, бывшим детям блокадного Ленинграда, благодаря чему им удалось получить соответствующие решения суда.

На протяжении последних трех лет архивы Иссык-Кульской обл. проводят работу по инициативному комплектованию документами участников войны, узников концлагерей, блокадников. Издан сборник документов “Иссыккульцы в годы войны” по фондам областного архива, ежегодно в местных газетах, радио, телевидении публикуются материалы, связанные с Великой Отечественной войной. Но несмотря на эти мероприятия, еще есть масса документов, требующих дальнейшего изучения.

1. Великая Отечественная война 1941-1945 Энциклопедия М 1985
2. Керимбаев С. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941-1945 Фрунзе 1985
3. Коммунистическая партия Киргизии в годы Великой отечественной войны Сборник документов Фрунзе “Кыргызстан” 1985
4. Табышалиев С. Ленинский комсомол Советской Киргизии в годы Великой Отечественной войны М 1951
5. Усупов М. Партийное строительство в Киргизии в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе, 1980
6. Иссыккульский областной госархив Ф137 ОП 1 Д137Л157, Ф 112оп1 д87 л9, Ф174 оп1 д220 л230

9. Центральный Государственный Архив Политической Документации КР
Ф 1402 ОП 1 Д 104 Л 3

10. Иссык-кульский областной госархив ф 174 оп 1

Д 407 л 40-42,10-32,д335 л 263,д242 л13,д400л125-126, д484 л12,д520
л19,д 521 л1,66,д628 л18,д487 л 114, Ф 93 оп 1 д232 л 3-5,д231 л96, Ф 279
оп 1 д 295 л 57,51

13. Иссыккульская правда № 70 от 9 июля 1942г.

14. На ленинском посту от 22 июня 1942г.

15. Иссык-кульская правда № 55 от 11 июля 1943г.

16. Иссыккульская правда от 13 октября 1944г.

Потемкина М.Н.

**ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ СЕМЬИ МИНЬКИНЫХ
(возвращение евреев из эвакуации по материалам личных
воспоминаний).**

Вторая мировая война породила масштабные перемещения населения. Это были не только военнослужащие, но и мирное население. Одним из таких миграционных потоков стало возвращение на прежние места жительства эвакуированного населения.

Попытки беженцев вернуться на прежние места жительства предпринимались уже в декабре 1941 г. после разгрома фашистских войск под Москвой, но они носили единичный характер и не поощрялись властями. Военные поражения Красной Армии весной – летом 1942 г. привели к возобновлению эвакуации. Коренное изменение положения на фронтах и начало освобождения территории нашей страны от фашистских оккупантов способствовало эскалации так называемых «чемоданных» настроений.

По данным Переселенческого Управления при СНК РСФСР за 1943 г. было реэвакуировано около 1 млн чел., за 1944 г. – более 2 млн чел., за 1945 г. – более 1 млн 200 тыс. чел., за 1946 г. – 441 тыс. 729 чел., за 1947 г. – 131 тыс. 781 чел. [1]. Т.е., очевидно, что пик массовой реэвакуации населения пришелся на 1944-1945 гг.; основные перемещения происходили в летний период, зимой из-за холодов реэвакуация приостанавливалась. Если учитывать территории б. республик СССР, а также стихийные перемещения эвакуированных, то цифры будут выше.

Абсолютное большинство беженцев стремилось вернуться на «малую родину». Причинами для реэвакуации стали тяжелые

материально-бытовые условия жизни на новых местах и желание вернуться туда, где оставались близкие люди и дом. Уехать хотели даже те, у кого на родине не осталось в живых родственников, никто их не ждал, а жилище было уничтожено или разрушено. Самуил Минькин вспоминает: «Мы бегали провожать отъезжающих и завидовали им белой завистью. Появилась надежда скорого возвращения домой. Мама написала письмо в Мстиславль, Мстиславский горсовет, нам сообщили, что наш новый дом сожгли немцы при отступлении. Хотя нам некуда было ехать, нас тянуло на родину с невероятной силой» [2].

Вследствие большого скопления пассажиров на станциях и затруднений в приобретении билетов, имелись случаи спекуляции билетами и взяточничества. За пять месяцев 1946 г. военным трибуналом ЮУЖД (железнодорожный и водный транспорт с 1943 по май 1948 гг. находились на военном положении) за взятки были привлечены к судебной ответственности девять проводников вагонов [3]. По законам того времени за взятку в 100 руб. человек мог быть осужден на три–пять лет лагерей. Ухудшилась и криминогенная обстановка: кражи вещей эвакуированных были нередкими.

На территории, освобожденной от оккупации, пассажиры часто были вынуждены находиться под открытым небом. По данным на октябрь 1945 г., из 77 вокзалов 58 разрушены, 52 из них не восстановлены [4].

Что касается медико-санитарного обслуживания пассажиров и обеспечения их продовольствием, то по личным воспоминаниям и документам той эпохи можно проследить положительные изменения по сравнению с эвакуационными перевозками 1941 г. Самуил Минькин, вспоминая бесконечные вокзалы и пересадки из поезда в поезд по дороге из эвакуации, упоминает о продуктах, полученных на продуктовые талоны. Это, то черные сухари, то американская тушенка, то макароны, а иногда полное горячее питание в столовой: «Нам как семье фронтовика выдали талоны на завтрак и обед в железнодорожной столовой. Наш поезд отправлялся в Мичуринск после обеда. Этот день мы панствовали – плотно позавтракали и пообедали мясными блюдами, на десерт даже был компот» [5].

Проследим путь из эвакуации на родину семьи Минькиных. Итак, место отправления – село Буденовка Михайловского р-на Джамбульской обл. Это Восточный Казахстан, недалеко от границы с Монголией и Китаем. До родного города Мстиславля Могилевской обл. Белорусской ССР – около 5 тыс. км. Поскольку мама Самуила Минькина работала в колхозе, то для отъезда не нужны были специальные разрешения, ехали

они в небольшой белорусский городок, поэтому для въезда туда тоже не нужны были специальные пропуска. Выехали Самуил с мамой и сестренкой в марте 1944 г. «Около сельсовета мы взобрались на грузовик. Провожать нас пришло много народа».

Основным средством передвижения на дальние расстояния в СССР 1940-х гг. был железнодорожный транспорт. Передвижение по стране больших людских потоков приводило к нехватке мест в вагонах, ухудшению санитарно-эпидемической обстановки на железнодорожных станциях, недостатку питьевой воды и продуктов питания в пути. Пассажирские поезда отправлялись сильно перегруженными, люди ехали на крышах, подножках, а также на товарных поездах. При проходе поездов под мостами и путеводами происходили случаи увечий и гибели пассажиров.

На железнодорожной станции в Джамбуле, чтобы попасть на вокзал, необходимо было пройти санпропускник (помещение, предназначенное для дезинфекции одежды, обуви и тела). «Санпропускник был обыкновенной баней, только там, в раздевалке, было специальное отделение, куда в окошко нужно было отдать всю связанную одежду, кроме обуви, а после, как помоешься, в этой же раздевалке получить из другого окошка свою одежду уже обеззараженной – поджаренной, и на выходе взять справку».

Люди много дней стояли в очередях за билетами, эшелоны в основном с военными и военной техникой проносились мимо <...>. Через станцию Джамбул один раз в сутки проходили скорые поезда Алма-Ата – Москва и Фрунзе – Москва, но попасть на них не было никакой возможности, поскольку действовала негласная социальная иерархия. «Они (т.е. поезда) останавливались, но, ни один человек не сходил и не садился. Солидные люди ехали в спальных вагонах, и мне было завидно, что у нас нет такой возможности ехать, как они». Конечно, следует учитывать, что реэвакуация членов семей номенклатурных партийных и государственных работников производилась в более комфортных условиях. Относительно организованно происходило возвращение на малую родину сотрудников, перемещавшихся с предприятиями или учреждениями.

На поиски способа сесть в какой-нибудь эшелон, идущий в западном направлении, ушло почти две недели. Был выбран самый простой и вполне легальный способ: будучи женой фронтовика, мама Самуила Минькина требовала билет на поезд, делая акцент, внимание именно на это обстоятельство. «Каждый день мама стала ходить к коменданту, она так ему надоела, что он, наконец, предложил ей вариант достать билеты

на поезд Алма-Ата – Ташкент с пересадкой на станции Арысь. Он сказал, что Арысь – крупнейший железнодорожный узел в Средней Азии и там формируются составы. Нам было все равно, лишь бы быстрее уехать...». На билетах не были обозначены ни места, ни время отправления поезда. «Нам сказали, что люди ждут неделями, и неизвестно, когда будет сформирован состав, на проходящие же поезда билеты не продают, и проводники не открывают вагонов. Обязательно надо было пройти санпропускник, обратиться к коменданту, зарегистрироваться, получить хлебные и продуктовые карточки...».

Люди приспособивались к ситуации неопределенного ожидания. Спали на вокзале вповалку на цементном полу, все жались друг к другу и, если кто-то открывал дверь, пассажиры начинали ругаться. Плохо было спать около двери или в проходах. Днем пассажиры перебирались в привокзальный садик, сидели семьями, готовили еду.

Наконец, где-то около четырех часов дня по радио объявили, что на шестой путь пришел сформированный пассажирский поезд для эвакуированных. Люди схватили вещи и бросились к поезду. Вдоль всего состава штурмовали вагоны. Поезд был сформирован из пригородных вагонов, проводников не было, с вещами, расталкивая друг друга, люди взбирались на ступени. Толкаясь и пролезая через двери и окна вагонов, самые шустрые пролезали внутрь, захватывая места. Утрамбовав поезд до отказа, все стали ждать отправления, но эшелон простоял еще сутки. Такое отсутствие расписания было типичным для железнодорожных перевозок военной поры. Поезд шел примерно неделю, то долго простаивая на разъездах, то проносясь без остановок мимо крупных станций. Приехали в Воронеж. Чтобы попасть на Смоленское направление, необходимо было на пригородных поездах с пересадками попасть на станцию Мичуринск. Это заняло еще двое суток. В Мичуринске снова начались походы к коменданту, просьбы и мольбы... «Комендант поднял голову и долго смотрел на нас. Я понимал, что мама чувствует себя неловко... Вид у нас был не очень привлекательный: мы были грязными, оборванными, голодными и не выспавшимися после того, как валялись на вокзалах на голом цементном полу. У меня, как говорила мама, торчали только глаза и уши». Комендант выписал «литер» (документ на право бесплатного или льготного проезда на транспорте), дал талоны на обед на два дня и посадил семью Минькиных на ближайший поезд. На поезде в относительном комфорте (если это слово вообще можно применить к вагонам военной поры) доехали до Смоленска.

Оставалось еще чуть более 100 км. Но найти транспорт оказалось нелегким делом и заняло еще десять суток. Пригородным поездом добрались до станции Починок, стали искать машину, которая ежедневно возила почту в Монастырщину. Но тут сестра Маня заболела сыпным тифом, и ее увезли в больницу. Пришлось задержаться на месяц до Маниного выздоровления. И вот, наконец, в конце мая на почтовой машине семья Минькиных добралась до Монастырщины (в 40 км. от родного Мстиславля). Поскольку их дом сгорел, они остались жить у родственницы. Первый день на родине автор воспоминаний описывает так: «К нам подошла женщина, мне она была незнакома. Она стала всматриваться в лицо мамы и произнесла: «Ци ты жива?»» [6].

Судьба семьи Минькиных во многом типична для многих тысяч реэвакуантов. Чтобы попасть домой, люди преодолевали огромные расстояния, затрачивали на эту дорогу недели, а то и месяцы, испытывали голод, холод, неудобства в пути. Основным транспортом передвижения оставались железные дороги, государство не всегда, но все же обеспечивало реэвакуантов питанием, медицинской помощью и проездными документами. Многое зависело от человечности и честности комендантов, начальников эшелонов, эвакупунктов, местных переселенческих управлений. Решающую роль играл фактор межличностной коммуникации: способность объяснить, убедить, разжалобить; широко использовался канал подачи жалоб. Главным аргументом была принадлежность к категории «семья военнослужащего».

Находясь длительное время вдали от линии фронта и получая информацию только из советских подцензурных источников (сводки Совинформбюро), люди не представляли масштабов разрушений на тех территориях, которые попали под оккупацию и через которые проходила линия фронта. Показывая процесс возрождения районов, освобожденных от фашистской оккупации, советские средства массовой информации романтизировали и приукрашивали действительность. У людей, находившихся в эвакуации, это, на наш взгляд, порождало иллюзии о том, что по возвращении «домой» их ждут лучшие условия жизни.

Поэтому по возвращении на места прежнего местожительства в западных регионах СССР, многие вспоминают о пережитом потрясении. Например, С. Минькин так описывает свои впечатления от вида железнодорожной станции Воронеж весной 1944 г.: «Утро было солнечное. Я вышел из здания вокзала, и меня охватил ужас: вокруг стояли многоэтажные коробки с черными глазницами окон, нигде в округе не было видно ни одного целого дома. От одноэтажных

деревянных построек остались только печи с обвалившимися трубами. Уходившие вдаль улицы были все в развалинах. Это был первый пострадавший от войны город, который я увидел...» [7]. Похожее впечатление производил и Смоленск: «Вокзал был разрушен. Вокруг виднелись разрушенные многоэтажные дома, весь город стоял в развалинах, только виднелись золотые купола монастыря над Днепром. Переходные мосты через железную дорогу были взорваны, искореженные фермы висели над рельсами. Кое-где дымились вагоны, и догорали разрушенные дома. Нам сказали, что прошлой ночью была бомбежка. Эта картина произвела на нас угнетающее впечатление, мы поняли, что попали в передфронтовую зону» [8].

Торопясь вернуться домой, реэвакуанты иногда прибывали в только что освобожденные населенные пункты. Случалось, что линия фронта отодвинулась всего на несколько десятков км. Люди вновь слышали звуки артиллерийской канонады и должны были спастись от бомбежек.

Особенно тяжело было возвращаться домой лицам еврейской национальности. Ведь большинство евреев возвращались фактически на кладбища и не находили в живых никого из родственников. Кроме того, послевоенные годы на Украине и в Белоруссии характеризовались всплеском антисемитизма [9]. О царивших среди евреев настроениях вспоминают очевидцы-реэвакуанты: «Одни люди приезжали, другие – уезжали. В основном это были евреи, которые остались в живых и возвращались из эвакуации в свои городки и местечки. Там мы постоянно слышали рассказы о трагедии, постигшей еврейский народ, узнали, как немцами и полицией проводились массовые расстрелы на оккупированной территории, как русская жена спасла своего мужа-еврея и своих детей. Или наоборот, как жена пошла и сдала своего мужа, чтобы спасти детей, а потом немцы расстреляли и мужа и детей ее, и она сошла с ума» [10]. В этих рассказах люди освобождали свою душу, чтобы найти в себе силы жить дальше. Психологическое состояние людей было разным: от радости оттого, что остались живы до отчаяния от пережитых потерь и полного безразличия к окружающей жизни.

Т.о., абсолютное число эвакуированных вернулось на прежние места жительства в конце войны и первые послевоенные годы. Потоки реэвакуации носили как организованный, так и неорганизованный характер. Реэвакуация носила более организованный и безопасный характер, чем эвакуация в начале войны, но, тем не менее, сопровождалась ситуациями криминального характера, травматизмом и материально-бытовыми трудностями. На реэвакуационный процесс

оказывала влияние социальная и профессиональная стратификация среди эвакуированного населения. В процессе пути домой и по приезду на «малую родину», люди испытывали стресс от масштабов послевоенной разрухи.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 327. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Д. 10. Л. 17; Д. 19. Л. 81.
2. Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть // Архив Центра и Фонда «Холокост». С. 39.
3. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). ПФ. 288. Оп. 10. Д. 289. Л. 75.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 604. Л. 93–97.
5. Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть // Архив Центра и Фонда «Холокост». С.40-53.
6. Там же. С.40-53.
7. Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть // Архив Центра и Фонда «Холокост». С. 45.
8. Там же. С. 45.
9. Прощенок Т.В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие): дис... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2000. – С. 71.
10. Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть // Архив Центра и Фонда «Холокост». С.50-51.

ХОЛОКОСТ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА: ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ

Известный израильский историк и философ, один из ведущих специалистов по Холокосту Иегуда Бауэр сказал: «Память о Холокосте необходима, чтобы мы и наши дети никогда не были жертвами, никогда не были палачами, никогда не были сторонними наблюдателями» [1, с. 17].

В настоящее время все больше и больше исследователей из стран б. Советского Союза, стран ближнего и дальнего зарубежья обращаются к проблеме сохранения истинной исторической памяти о Холокосте.

Казахстанские исследователи одними из первых приступили к научной разработке темы эвакуации и беженцев во время Второй мировой войны. Крупнейшим научным проектом в сфере изучения наследия эвакуации людей, промышленных объектов, учреждений культуры в военные годы в Центральную Азию и Западную Сибирь стала Международная научно-практическая историческая конференция, которая проводится Ассоциацией еврейских национальных организаций Республики Казахстан «Мицва» и РГУ «Центральный государственный архив» министерства культуры и спорта Республики Казахстан с 2002 г. в г.Алматы.

В 2014 г. тематический диапазон научных докладов заметно расширился, и на седьмом заседании конференции участники предоставили итоги работы, посвященные увековечиванию памяти жертв Холокоста («Холокост был предсказан в Риге», «О музее Рижского гетто и Холокоста в Латвии», - В. Решетов (Рига), «А. Г. Бордюков и увековечивание памяти Велижского гетто», - Ю. Я. Серовайская (Алматы)) [2, с. 235, 472, 424]. Т.о. сохранение памяти о Холокосте является новым и приоритетным направлением в деятельности казахстанских ученых-историков.

К сожалению, в последнее время все чаще можно услышать разные трактовки и нелицеприятные высказывания, сомнения (и даже сожаления) об итогах Великой Отечественной войны, в т.ч. оспаривается число жертв Холокоста, ставится под сомнение существование масштабного геноцида еврейского народа.

Для выявления общественного отношения к Холокосту в г.Усть-Каменогорске сотрудниками Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника было проведено социологическое исследование «Что я знаю о Холокосте?». Основным методом исследования был выбран метод анкетирования. Для более объективного отражения проблемы исследование проводилось в несколько этапов, в разных по возрасту и социальному статусу группах населения. Возрастной состав респондентов – от 17 до 65 лет и старше. Согласно «теории развития личности Эрика Эриксона» все респонденты были поделены на пять возрастных групп: 17-19, 20-25, 26-40, 41-64, 65 лет и старше. Опросы проводились анонимно, с учетом уровня образования респондентов. Репрезентативная выборка составила 392 респондента (таблица 1).

Табл. 1. Распределение респондентов по уровню образования
(% к числу опрошенных)

Уровень образования респондентов	Возраст респондентов, лет				
	17-19	20-25	26-40	41-64	65 и старше
Начальное	2,8	1,4	1,7	7,7	29,1
Среднее	97,2	22,2	10,4	21,2	37,4
Неполное высшее (бакалавриат)	-	58,2	33,1	8,3	18,2
Высшее (магистратура)	-	18,2	54,8	62,8	15,3

Как показали данные исследования, именно респонденты первой возрастной категории в своем большинстве затрудняются дать четкий ответ о том, что такое Холокост, и, следовательно, не могут высказать своего отношения к нему.

Распределение ответов на вопрос относительно собственного мнения о Холокосте:

- Холокост был, его трагедию нельзя оспаривать – 24 %;
- Холокост был, но в меньших масштабах, количество жертв преувеличено – 19 %;
- Холокост был, но с учетом военного времени и общих человеческих жертв – это не трагедия – 38 %;
- Холокоста не было, данные о жертвах – фальсификация – 2 %;
- Не высказали никакого мнения – 17 %.

Из ответов, выявляющих установки респондентов, относительно трагедии Холокоста можно выделить две устойчивые точки зрения:

- Холокост нельзя отрицать: это противоестественно; все попытки опровергнуть существование Холокоста – циничны, это акт неуважения, как к жертвам, так и тем, кто остановил Катастрофу; в стране, где живут потомки победителей, тех, кто уничтожил фашизм – такие разговоры недопустимы.
- индифферентность: Холокост был, но не такая это трагедия для человечества, как ее преподносят; что такое шесть млн жертв по сравнению с 27 млн советских людей, погибших в годы войны; Холокост рассматривается только как «трагедия еврейства», но геноциду подвергались и другие «не арийские» народы – белорусы, армяне, украинцы, цыгане и др.; слишком много шума вокруг Холокоста; было и было, пора уже успокоиться и жить дальше и т.д.

Т.о., данные социологического исследования приводят к выводу, что события Холокоста не занимают подобающего места в коллективной памяти народа. В целом следует отметить довольно равнодушное отношение к данной теме, но, тем не менее, активных противников, оспаривающих историческое значение Катастрофы нет.

Одной из причин, почему в современном мире возникает двойственное отношение к Холокосту, мы видим в недостаточном освещении данной темы в школьных учебниках и учебных пособиях. Нами был осуществлен анализ современного школьного учебника истории, по которому обучаются казахстанские школьники.

С историей Второй Мировой Войны казахстанские школьники знакомятся в девятом и десятом классах общеобразовательных школ. Преподавание истории Холокоста осуществляется на уроках Всемирной истории в десятом классе. Отдельных учебных часов на изучение данной темы не отводится. Анализируя учебники по предмету «Всемирная история» в учебнике для учащихся десятого класса, в общем тексте, посвященном капитуляции Германии и распаду фашистского движения в странах Европы, было обнаружено одно черно-белое фото: «Жертвы фашистских лагерей» [3, с. 108]. Ни о том, кто и почему стал этими жертвами, что с ними случилось, и какова их численность, нет ни одного пояснения. Также нет ни термина «геноцид», ни термина «Холокост». Т.о., учащиеся, окончив курс общеобразовательной школы, даже не знакомы с данным историческим фактом. Лишь в обновленных учебниках по данной дисциплине появляется абзац текста, разъясняющий Холокост [4 с.267], [5 с.196]. Не известными остаются для учащихся и такие

понятия как «Бабий Яр», «Хатынь», «Освенцим» и др., отражающие тему Холокоста.

Несмотря на то, что данная тема психологически тяжела для восприятия и осмысления в подростковом возрасте, до учащихся необходимо донести, к чему может привести желание одной нации доминировать над другой. Это, несомненно, требует от преподавателя специальной подготовки, материалов, адаптированных к конкретному предмету, классу, теме, а главное - готовности и желания учителя заниматься этой темой сверх программы [6, с. 307–308]. Предупреждая вопрос об изучении данной темы в ВУЗах, следует пояснить, что в государственном ВУЗе Восточного Казахстана готовят специалистов-историков бакалавров и магистров только по специальности «История Казахстана».

Подводя итог проведенной работы, можно сделать следующие выводы:

- общественное отношение к Холокосту в Казахстане стало изменяться с начала XXI в. - неоднозначное отношение к Холокосту у молодежи формируется под влиянием фильмов, Интернета и т.д.;- память о Холокосте в современном Казахстане сохраняется точно (Этнокультурные объединения, Хэсэды, община), но постепенно происходит его забывание.

Данное исследование показывает, что включение в содержание школьного учебника темы «Холокост» вызвано необходимостью учитывать историческое наследие Катастрофы в воспитании толерантной молодежи, живущей в многонациональном государстве.

К счастью на территории Казахстана не было лагерей по уничтожению мирных граждан (аналогичных в Европе, - *прим. ред.*), но нельзя сказать, что эта трагедия не коснулась нашего народа. В Казахстане нашли спасение от страшного огня Катастрофы тысячи еврейских, польских белорусских, украинских семей. До сих пор потомки спасшихся хранят память о своих близких, которым спастись не удалось. Холокост, который принес страдания и потери многим народам, занимает особое место в сердцах и памяти казахстанского народа, а, следовательно, является и частью казахстанской истории.

1. Альтман И.А., Гербер А. Е., Полторак Д.И. История Холокоста на территории СССР. / Уч. пос. - Москва, 2001. – 80 с.
2. История. Память. Люди. // Материалы VII Международной научно-практической конференции. - Алматы, 2014. – 532 с.

3. Чупеков А., Кожамет-улы К. и др. Всемирная история / Школьный учебник для 10 класса естественно-математического направления общеобразовательных школ. – Алматы: «Мектеп», 2006. – 242 с.
4. Чупеков А., Кожамет-улы К. и др. Всемирная история / Школьный учебник для 10 класса естественно-математического направления общеобразовательных школ. – Алматы: «Мектеп», 2014. – 298 с.
5. Чупеков А., Кожамет-улы К. и др. Всемирная история / Школьный учебник для 10 класса гуманитарного направления общеобразовательных школ. – Алматы: «Мектеп», 2014. – 302 с.
6. Баркаган М. Проект преподавания истории Холокоста «Помнить, чтобы не повторилось» // Материалы конференций и семинаров, 2009–2014. – Рига, 2015. – 420 с.

Баршай А.З.

ПРАВЕДНИЦА НЕОНИЛА: ДУША БОЛИТ И ЗА ПОГИБШИХ, И ЗА ЗАБВЕНИЕ

Неонила Львовна Цыганок – учитель истории из г. Осиповичи Могилевской обл. Белоруссии – не спасала евреев в годы войны, не была партизанкой или подпольщицей, не участвовала в акциях против фашистов. Она и не могла ничего этого делать просто потому, что родилась только через 11 лет после окончания Второй мировой войны. И, тем не менее, я бы с полным правом назвал Неонилу праведницей народов мира. Ведь спасти от забвения не одну, а сотни еврейских душ, загубленных в страшные годы немецкой оккупации, восстановить имена героев, спасавших евреев, реконструировать историческую правду, которую многие не знают или хотят забыть, – все это тоже требует большого мужества, праведности, сердечного участия, силы, упорства и ответственности. Именно спасением еврейских душ от забвения упорно занимается хорошая русская женщина, мать двоих детей, одна из лучших учителей-историков Белоруссии - Неонила Цыганок (Волнушкина).

Она и ее друзья-ученики взялись за это непростое, можно даже сказать хлопотное, дело совершенно бескорыстно, по велению души, по зову совести. И за неполные три года успели сделать столько, что этого с лихвой хватило бы на средней руки научно-исследовательский институт, работающий за зарплату и премиальные. Впрочем, все по порядку.

История эта благодаря чуду Интернета сама приплыла мне в руки. И было бы непростительно не рассказать о ней людям.

Итак, однажды на мой электронный адрес пришло письмо следующего содержания: «Уважаемый Александр! В июльском номере газеты «Авив» прочитала Вашу статью «Баршай, Габай, Мартинсон...». В этой статье меня заинтересовала информация о Вашем очерке, посвященном белорусским партизанам Белле и Михаиле Баршай. Я долго искала Ваши координаты - и вот случайно через Интернет нашла адрес Вашей электронной почты. Надеюсь, Вы простите мне мою смелость, ведь я пишу совершенно незнакомому человеку, и поможете в поисках. Дело в том, что я уже несколько лет занимаюсь проблемами Холокоста в Осиповичском р-не Могилевской обл. В настоящее время собираю материалы о Праведниках народов мира... Пожалуйста, помогите мне, если можно. Я хотела бы получить текст Вашего очерка из «Вестей» за 2006 г., а также адрес Беллы. Если Вы мне ответите, я пришлю Вам более подробную информацию о своей работе.

Еще раз извините за беспокойство.

С уважением, Неонила Цыганок,

учитель истории СШ-2 г. Осиповичи, методист районного отдела образования».

Я, естественно, сразу же ответил незнакомой женщине, сообщив, что мой очерк о Белле и Михаиле Баршайх «Военно-партизанский роман» действительно был опубликован в трех выпусках приложения к газете «Вести» «Ветеран и воин» - 26 апреля, 10 и 17 мая 2006 г. Там говорится и об учительнице Нине Яковлевне Лысюк, спасшей семью Баршаев от немцев и полицаев. Я послал Неониле этот свой очерк, а также статью о расстреле евреев в Свислочи – одном из местечек Осиповичского р-на, родовом «гнезде» Баршаев. Дал я и адрес Беллы Баршай-Ароновой и ее дочери, которые живут в Кирьят-Гате.

Очень скоро поступил ответ от Неонилы с благодарностью за присланные материалы и подробным отчетом о проделанной работе, а также двумя статьями ее учеников о Холокосте. Привожу с некоторыми сокращениями педагогический «отчет» Н.Цыганок.

Изучение и преподавание темы Холокоста: опыт педагога

Позвольте немного рассказать о себе. Мне 52 года, я по образованию историк. Работаю методистом в районном отделе образования г.Осиповичи и преподаю историю в средней школе № 2. Мой педагогический стаж 30 лет. Как методист, оказываю помощь учителям Осиповичского р-на в преподавании истории, проведении научно-

исследовательской и краеведческой работы. Под моим «крылом» - 55 учителей истории, а также работники Клуба детского и юношеского туризма и краеведения.

В 2006 г. я решила восстановить события Второй мировой войны, связанные с судьбой еврейского населения Осиповичского р-на. Это была совершенно не изученная страница нашей истории, и я понимала, что это несправедливо. Я спросила у своих учеников, хотят ли они изучать Холокост. Сначала согласились две девочки - Новик Вита и Зайцева Лера. В школах нашей республики о Холокосте говорят очень мало. Я решила восполнить этот пробел и начала с того, что показала своим ученикам фильмы «Пианист», «Список Шиндлера», «Жизнь прекрасна» и др. Ребята прочитали также несколько книг, посвященных Катастрофе еврейского народа. Все это произвело на детей такое сильное впечатление, что они решили создать лекторскую группу для рассказа о Холокосте своим сверстникам. В нее вошли семь учащихся десятого класса. Вместе с ними мы подготовили текст, который сопровождался показом слайдов через компьютер, и прошли по многим школам города. Нас слушали более 500 учащихся восьмого-11 классов. Для большинства из них это был первый подробный рассказ о Холокосте. Многие были просто в шоке от того, что они узнали. Мы выступали также перед рабочими вагонно-ремонтного завода в г. Осиповичи и перед членами Краеведческой школы в Исторической мастерской г. Минска.

Одновременно с работой лекторской группы я со своими ученицами Витой и Лерой искала свидетелей Холокоста в нашем районе. Мы нашли четверых евреев, переживших эту трагедию, записали их воспоминания. Более 40 белорусов рассказали нам о том, что происходило с евреями в годы войны. Большую помощь мне оказала моя семья – муж Василий и сын Дмитрий. Они на машине моего отца (своей у нас нет) возили меня по деревням района, где я записывала воспоминания очевидцев Холокоста и делала фотографии. Я объехала почти все деревни и сделала около 200 фотографий обычной «мыльницей». Материал, собранный нами, члены лекторской группы использовали для создания передвижной выставки-экспозиции «Холокост: память и предупреждение», состоящей из девяти тематических планшетов. Эта выставка сопровождает выступления лекторской группы постоянно. По итогам этих исследований была написана первая научно-исследовательская работа «Незабываемое (из истории Холокоста в Осиповичском р-не)». С ней мы участвовали в пятом Международном конкурсе работ школьников, студентов и

преподавателей, проводимом Российским центром «Холокост» (Москва). Наша работа получила диплом второй степени (авторы работы: В.Новик и Л.Зайцева). В январе 2007 г. мы были приглашены на церемонию награждения в Москву.

В ходе работы по изучению Холокоста у нас установились тесные связи с сотрудниками музея истории и культуры евреев в Минске. Я организовала экскурсию в музей для учеников девятого-десятого классов, а затем мы прошли по территории бывшего Минского гетто. Побывали в театре им. Янки Купалы на спектакле «Поминальная молитва» по мотивам произведений Шолом-Алейхема, ребята написали отзыв о спектакле, который опубликовали в районной газете.

Ведя работу с детьми, я поняла, что нельзя оставить в стороне и взрослое население нашего города и района, в том числе учителей. Мне хотелось, чтобы о трагедии еврейского народа узнали как можно больше людей, и чтобы эта трагедия никогда не повторилась. Я выбрала два направления:

Публикации статей в районной газете (мои статьи были первыми за 60 лет издания газеты, в которых открыто говорилось о трагедии еврейского народа нашего района).

Работа с учителями-историками:

Пригласила на встречу с нашими учителями-историками директора Музея истории и культуры евреев Белоруссии, председателя республиканского фонда «Холокост» Инну Герасимову. После встречи организовала районный конкурс рефератов и поисково-исследовательских работ школьников «Холокост: история и современность». Основная его цель – пробуждение у молодежи интереса к малоизвестным страницам Второй мировой войны, привлечение педагогов и учащихся к изучению событий Холокоста в нашем районе. В конкурсе приняли участие 13 школ города и района (всего у нас 25 школ).

Подготовила районную конференцию школьников «Холокост: история и современность». В ее проведении принимали участие педагоги ряда школ, а также учащиеся – члены лекторской группы. Звучала еврейская музыка, была организована выставка, рассказывающая об ужасах Катастрофы, выступали старожилы нашего города – жертвы и свидетели Холокоста. Это было очень проникновенное мероприятие, которое произвело на всех огромное впечатление.

У нас в районе собрана целая видеотека художественных и документальных фильмов по Холокосту. Один из наших любительских фильмов сняла моя ученица, член лекторской группы, а смонтировала учительница школы, в которой я работаю. Он посвящен открытию нового памятника на месте расстрела в 1942 г. еврейских детей из санатория «Крынка». Деньги на памятник дал единственный уцелевший из этих детей – Владимир Свердлов, проживающий сейчас в Минске.

В общей сложности за первый год работы нам удалось сделать следующее: установить имена, фамилии, род занятий 208 евреев, проживавших до войны в г. Осиповичи; восстановить фамилии погибших во время войны 78 евреев, имена которых отсутствовали в книге Памяти Осиповичского р-на; уточнить фамилии погибших в деревнях Лапичи, Липень, Дараганово, Гродзянка и составить новые таблицы со списками жертв Холокоста в Осиповичском р-не; уточнить списки уроженцев и жителей г. Осиповичи и Осиповичского р-на еврейской национальности, которые подверглись необоснованным репрессиям и затем были реабилитированы; заполнить и отправить через музей истории и культуры евреев (Минск) в Яд ва-Шем 16 листов свидетельских показаний о жертвах Холокоста в Осиповичском р-не.

В то же время была еще одна страница истории Холокоста, которая по-прежнему оставалась «белым пятном». Речь идет о деятельности Праведников народов мира, людях, которые с риском для себя и своих близких спасали евреев в годы Второй мировой войны. В 2007 г. с Витой Новик и Лерой Зайцевой мы начали работать над темой «Праведники и спасители Осиповичского р-на».

В Осиповичском р-не восемь официально признанных Праведников народов мира. Но *об этих людях никто ничего не знает*. Никто – это, прежде всего, официальные лица нашего района. В некоторых случаях не знают об их наградах даже родственники героев. Могилы Праведников в запустении. За могилами ухаживают спасенные или их родственники, не имеющие достаточно средств, чтобы обновить памятники. Пытаясь как-то изменить ситуацию, я написала статью в «Авив» (она была опубликована в июньском номере за 2008 г.). Статья называется «Не частный вопрос». Я предлагала, чтобы государство, которое присваивает награды, помогло привести могилы Праведников в порядок. Нужно провести анализ состояния таких могил и выделить средства, чтобы заказать и укрепить на обелисках памятные таблички с текстом о совершенном этими людьми подвиге. А там, где необходимо, – отремонтировать памятники. Реакции

на мою статью нет до сегодняшнего дня. Официальные лица из еврейской общины и посольства Израиля молчат.

Я же решила обратиться к официальным лицам нашего района, прежде всего, к председателю райсовета. Все ему рассказала, показала статью в «Авив» и предложила самим изготовить такие таблички. Александр Викторович Пузик очень внимательно меня выслушал, прочитал наши работы и обещал помочь. Но после консультаций с «другими официальными лицами» сказал, что, поскольку звание Праведника присваивает Израиль, мы не можем изготовить и прикрепить таблички. Их аргументы: это звание не является официальным у нас в республике, его присваивает иностранное государство, для нас все это как бы «на общественных началах». На ремонт памятников денег нет, да и выделить их нельзя по вышеназванной причине. Но вот ухаживать за памятниками мы можем. С этого года он пообещал внести памятники Праведникам нашего района в список воинских захоронений (пусть и неофициально), дать указание председателям поселковых Советов взять этот вопрос под контроль. Я также побеседовала с председателями поселковых Советов, директорами школ, руководителями школьных музеев и договорилась, чтобы ученики местных школ помогали в уходе за могилами.

Мы с моими ученицами написали для областного конкурса научно-исследовательскую работу «Невоспетые герои», в которой рассказали о пяти из восьми Праведников. Двоих к тому времени не смогли разыскать – это Кирилл и Нина Ракович (сейчас я уже нашла их дочь и продолжаю писать работу).

Мне казалось самым важным описать их характеры, образ жизни, мировоззрение, т.е. ответить на вопрос, почему они вообще это сделали. Сложность была в том, что никто не знал, где живут родственники этих спасителей. За время написания научной работы «Невоспетые герои» мы установили 15 неизвестных до этого случаев оказания помощи евреям в Осиповичском р-не; собрали богатый фактический материал о жизни, деятельности и личных качествах Праведников и спасителей Осиповичского р-на и сделали его доступным всем желающим; начали сотрудничать с музеем Яд ва Шем в Израиле и восстановили дело о присвоении Алексею Денисову звания Праведник народов мира, нашли его родственников в г. Калинин (Ян Комиссарчик), Израиле (Роман Комиссарчик, Светлана Миготина), Толочинском р-не Витебской обл. (Алина Жарская), узнали новые факты о жизни и гибели А. Денисова и его семьи; по нашему

ходатайству и в связи с наличием доказательств в декабре 2007 г. Алексею Денисову было присвоено звание Праведник народов мира.

К «отчету» учительницы была сделана приписка:

Уважаемый Александр! Надеюсь, Вы не расцените это письмо как «похвалу» и желание с моей стороны «набить себе цену». Я написала для того, чтобы Вы представляли, что делается в нашем районе по Холокосту. Поскольку во многих случаях этой работой занималась я сама, приходится писать о себе. Но были и другие учителя, которые тоже занимались Холокостом. В частности, на Второй республиканский конкурс работ школьников, студентов и преподавателей мы отправили три исследовательских работы, за что удостоились грамоты за второе место и двум дипломам.

С уважением, Неонила Львовна Цыганок.

К письму Н.Цыганок приложила две работы своих учениц - Виты Новик и Валерии Зайцевой - «Трагедия, которую не ждали» и «Невоспетые герои», а также большие таблицы со списками и сведениями о гражданах еврейской национальности, проживавших до войны в Осиповичах, и о евреях, погибших в годы войны в городе и местечках Осиповичского р-на. Большую часть этих сведений разыскивали авторы работ.

Хочу привести несколько фрагментов из статьи белорусских школьниц, а ныне студенток, Виты Новик и Леры Зайцевой, написанных ими под руководством Неонила Цыганок.

Трагедия, которую не ждали

(Из истории Холокоста в Осиповичском р-не)

Могилевская обл., в т.ч. Осиповичский р-н, вошла в зону армейского тыла группы армий «Центр». В район прибыли айнзатцкоманды, зондеркоманды, тайная полевая полиция (ГФП), полиция безопасности и СД, жандармерия и другие карательные органы. Неограниченная власть принадлежала немецким военным полевым и местным комендантам. Чтобы заручиться поддержкой местного населения, была создана районная управа во главе с бургомистром, на территориях бывших сельсоветов – волостные управы, в каждую деревню назначены старосты. Для поддержания своего порядка и борьбы против партизан и подпольщиков гитлеровцы создали вспомогательную полицию порядка. В районе начались массовые обыски, аресты, расстрелы...

С приходом фашистов в Осиповичах была проведена регистрация евреев. Было создано гетто. На территории Беларуси, как и вообще СССР, были созданы закрытые и открытые гетто. Открытые гетто возникали в местечках со значительным еврейским населением, где его выселять и затем охранять было нецелесообразно. Кроме того, они возникали и в мелких населенных пунктах, где немецкие власти не могли организовать охрану закрытого гетто. В открытых гетто евреям предписывалось не покидать своего населенного пункта и не посещать общественных мест. В этих гетто евреи, так же, как и в закрытых, выполняли принудительные работы, обязаны были носить еврейские опознавательные знаки, платить контрибуцию.

Судя по воспоминаниям очевидцев, в Осиповичах существовало гетто открытого типа. В него входили улицы Коммунистическая, Чумакова, Октябрьская, Горького, Рабоче-Крестьянская, Полевая, Калинина, Серова от ул. Р. Люксембург до ул. В. Хоружей и полностью улицы К.Либкнехта, Красноармейская, Социалистическая, Революционная, К.Маркса, Промышленная, Протасевичская. Те, кто жил в северной части города и других местах, были переселены в этот район на ул. Октябрьскую и Промышленную (сейчас - Голанта). Жители других национальностей из своих домов не выселялись. В городе была введена карточная система, по карточкам выдавали в день по 100 г. хлеба. Евреи обязаны были носить на левой стороне груди и спины желтые латы круглой формы диаметром восемь-десять см., им было запрещено посещать общественные места: базары, кино, учить детей в школе и т.д. Было запрещено разговаривать с белорусским населением, ходить по тротуарам, выходить за границы гетто, на улицах собираться больше чем по три человека. За невыполнение всех этих ограничений наказание было одно – расстрел.

Каждое утро все трудоспособное население гетто выводилось на тяжелые физические работы по разбору разрушенных казарм, домов, на железнодорожную станцию и другие объекты. При гетто был организован юденрат (еврейский совет). Этот совет состоял из трех человек. Одним из них был Эфроим Хавкин, который до войны работал главным бухгалтером военторга. Эти люди были назначены немецкой комендатурой по рекомендации бургомистра г. Горанина, который до войны был техником-строителем Управления военно-строительных работ №76 в Осиповичах. Известно, что члены юденрата по заданию немецкого начальника гетто проводили регистрацию евреев.

Осенью 1941 г. началось массовое уничтожение еврейского населения. Еще живы в нашем городе свидетели тех страшных дней.

Подберезкин И.П.: «Я видел, как вели евреев. Их собрали на Чумакова, потом повернули по К.Либкнехта и прямо в ворота и в городок (имеется в виду Южный военный городок, - *прим. авт.*). Немцев было мало, а больше полицаи. Снегу еще не было, в руках у людей были маленькие узелки. Мы смотрели из-за забора, а Бабиниха говорит: «Вот, сначала евреев, а потом и нас поведут».

Верещагин Л.Т.: «В октябре 1941 г. (уже пошел снег) я видел, как со стороны Южного военного городка по Красноармейской (ныне Абросимова) ехало саней десять-15 немцев, все вооруженные. Проходящие люди говорили: евреев расстреляли».

Аббакишонов Н.Н.: «Я сама видела, как евреев вели на расстрел. Шла толпа людей. В основном в телогрейках с желтыми нашивками. Больше мужчин, но были и женщины с детьми. Шли по Рабоче-Крестьянской в сторону переезда, к польскому кладбищу. Мне кажется, что это было раннее утро. Пору года не помню. Мама услышала стоны, сказала: «Евреев ведут на расстрел». Я вышла на улицу. Сопровождали их полицейские и один немец. Люди шли молча, только стонали. Их было много, человек сорок. Минут через 30 мы услышали выстрелы. Я в ту сторону никогда не ходила, боялась».

В книге «Память. Осиповичский р-н» сказано, что в Осиповичах евреев расстреливали дважды. 11 октября 1941 г. под видом отправки на работу все трудоспособное население гетто было загнано в Южный военный городок и там расстреляно. В гетто остались женщины с детьми и старики, они были расстреляны 5 февраля 1942 г. Всего погибли 420-440 чел. Однако встречи и опрос свидетелей ясно свидетельствуют: расстрелов было больше. Называют не только военный городок, еврейское кладбище, но и пос. Советский, «Треугольник» (так называют у нас район ул. Р. Люксембург – Люлькова – Луговая, - *прим.авт.*).

В 1942 г. началось массовое уничтожение евреев и в местечках Осиповичского р-на. И это не случайно. 20 января 1942 г. в пригороде Берлина Ванзее был вынесен смертный приговор всему еврейскому населению Европы. Именно здесь состоялось совещание высших представителей ряда министерств гитлеровской Германии под руководством Гейдриха, которое приняло кровавый документ, определивший, что «окончательное решение еврейского вопроса» должно охватить всю Европу (вкл. и Советский Союз), где проживают 11 млн евреев.

В Дараганово примерно половина еврейских семей не успела эвакуироваться. Осенью 1941 г. все они были собраны в неохраняемое гетто по ул. Песчанка, а их дома и имущество захватили полицейские. В январе 1942 г. по деревне разнесся слух, что кто-то убил за службу в комендатуре немецкую переводчицу. Недавно удалось установить, что на самом деле она была выдана немцам, как еврейка. Позже ее перевезли в Осиповичи, где и расстреляли. Имя ее осталось неизвестным. Некоторые жители говорят, что она до войны работала учительницей немецкого языка в Дарагановском детском доме.

Приблизительно в мае-июне 1942 г. в Дараганово прибыл карательный отряд СС из Бобруйска в составе 30 чел. Полицейские начали собирать из гетто на Песочной евреев и по пять человек подводили к выкопанной в лесу, на север от местечка, большой яме. Тут каратели заставляли людей раздеваться до нижнего белья и потом расстреливали. Имущество погибших было разграблено немцами и полицейскими.

Не должны быть забыты и еврейские дети, погибшие в мае 1942 г. от рук фашистских злодеев в дер. Крынка. Вот как это случилось. На левом берегу р. Птичь в бывшем поместье помещика Дарагана до войны располагался детский санаторий «Крынка». В нем лечились и отдыхали дети, больные туберкулезом. Там работал большой персонал: врачи, медсестры, няньки и т. д. Детей туда завозили на полтора-два месяца.

В начале войны в санатории насчитывалось 450 ребят разных возрастов. Когда началась война, детям старше 12 лет позволили самим пойти домой. Все остальные остались в санатории ждать родителей. На третий день основная масса обслуживающего персонала покинула санаторий.

Вскоре пришли фашисты, и порядки резко изменились. Детей заставляли убирать помещение, приносить воду с речки, мыть посуду, заготавливать дрова и т.д. Кормили уже хуже. Еще разрешали гулять. Позже из Осиповичей привезли еще 40-50 еврейских детей. Всем им было приказано носить желтые шестиконечные латы. В период с октября до декабря 1941 г. немцы завезли сюда детей из всех детских домов Осиповичского р-на.

После медосмотра, проведенного немцами, питание стало очень скудным. Жить стало невыносимо. Выдавалось по 100 г. хлеба на ребенка, кормили картошкой и свеклой. Зимой к голоду добавился и холод. Первыми стали умирать девочки, затем и мальчики. Особенно много погибло в январе 1942 г.

Весной 1942 г. состоялся расстрел. Детей еврейской национальности привели на край леса за дер. Крынка. Там их уже ждали немцы и вырытые крынковскими жителями ямы. Двое немцев подводили детей группами по восемь-десять чел. и кидали их в яму, а третий немец из автомата расстреливал их.

Были убиты 82 чел., с ними трое взрослых женщин. Среди уничтоженных 15 деток ясельного возраста.

Не меньшая трагедия постигла и еврейское население местечка Гродзянка. До войны здесь евреев проживало больше, чем белорусов. В большинстве своем семьи были многодетные, родители работали в леспромхозе, магазине, аптеке, на складе. Дети ходили в школу. Между собой говорили на идиш, с одноклассниками – по-белорусски. Отношения с односельчанами поддерживали хорошие, но особенно тесно дружили между собой. Их хорошо помнят в селе и сейчас. Нина Игнатьевна Татур рассказывала нашему научному руководителю Н. Л. Цыганок о своих одноклассниках Малке Винокур, Довиде Бейлине, Иде Аранчук, Сорке, чья мама работала в пекарне и пекла очень вкусный хлеб. Навсегда запомнилось Нине Игнатьевне, как Горелик выкопал цементный колодец. До этого все колодцы в местечке были деревянные, пропускали болотную воду. Вся школа бегала смотреть на это чудо.

Немцы вошли в Гродзянку 1 июля 1941 г. Чувствовали себя хозяевами: ехали на мотоциклах, рукава закатаны, ботинки кованые, все здоровые, рослые. Автоматы наперевес. Искали военных. Через некоторое время сюда прибыли полицейские, начали устанавливать «новый порядок». Большинство евреев остались в Гродзянке. Уехали только мужчины (просачивалась информация о Германии), женщин и детей, надеялись, не тронут. Но не тут-то было. Очень скоро их согнали в бывший дом Винокура (он был длинный, деревянный, напоминал казарму). Огородили забором. Вокруг стояли охранники (и немцы, и полиция). Называли это место «жидовский кагал». Евреи, как и везде, носили желтые звезды на спине. Односельчане их жалели, помогали, чем могли. Маленький брат Нины Татур Костя (ему было в то время десять лет) лазил через отбитую доску в заборе, носил евреям хлеб, печеную картошку. Оля Близнец (Ковалева) навещала свою подругу Дору. Так прошли зима, лето... Ольга Ивановна Ковалева и сейчас не может без слез вспоминать то страшное утро: «Это было зимой. Выпал снег, евреев везли на санях. Подводы курсировали несколько раз. Им сказали, что повезут на Запад, чтобы забрали ценные вещи. А на самом деле выкопали огромную

яму на деревенском кладбище, ставили на ее краю евреев и расстреливали в упор. Полиции сгоняли белорусов, чтобы шли смотреть. Мы на кладбище не пошли, но видели все в окно, они ехали мимо нашего дома. Моя мама рыдала на весь дом. Всего здесь погибли 119 евреев.

Одним из наиболее пострадавших оказалось местечко Липень. До войны здесь проживало очень много евреев (по переписи 1926 г. из 762 жителей 441 были евреи – 52%). О довоенной жизни местечка мы узнали из воспоминаний Софьи Лившиц и Владимира Касперского. Софья Павловна рассказывает, что все дома стояли вперемежку. Евреи и русские жили рядом. Местные жители – белорусы, поляки разговаривали с евреями по-еврейски, а евреи с ними могли общаться по-белорусски, по-польски. Национальной розни не было. После закрытия еврейской школы все дети стали учиться в белорусской. Жизнь в школе была очень интересная. Ребята, как и взрослые, не думали о национальности, вместе учились, отдыхали. Софья Павловна участвовала в школьной агитбригаде. У нее до сих пор прекрасная память, и мы записали частушки, которые ребята сочиняли по различным поводам.

После начала войны некоторые евреи смогли эвакуироваться, в т.ч. и семья Софьи Павловны Лившиц. Семья Касперских, как и многие другие, осталась в местечке. Из сохранившихся в семье Касперских документов и из воспоминаний Владимира Александровича мы узнали о том, что, войдя в Липень, фашисты в здании почты устроили комендатуру, поставили шест, наверху закрепили флаг со свастикой и орла. Устроили собрание, после чего евреям приказали нашить нашивки. Их согнали в несколько домов в центре деревни, где была установлена специальная охрана. С первых дней стали расстреливать на мосту через Свислочь: ставили за перила, толкали и стреляли, чтобы человек не мог выплыть. Многих небольшими партиями уводили в лес и расстреливали. Через некоторое время, примерно в августе 1941 г., партиями по два-три и более человек под конвоем полицейских и фашистов мужчин, женщин и детей пригнали в большой дом, который стоял на месте, называемом «Галени». И здесь была установлена охрана с пулеметами. Конвоирование проводилось несколько дней подряд до полного заполнения дома. Затем дом облили бензином, подожгли и стали бросать туда гранаты. Людей, пытавшихся выбежать из дома, расстреливали из автоматов и пулеметов.

В Липени расстреляно и сожжено 214 мирных жителей еврейской национальности. В числе расстрелянных – и бабушка Владимира Александровича Касперского Раснер Эся Израилевна. Самому Владимиру

Александровичу вместе с родителями и сестрой Раей удалось уцелеть. Много трудностей пережили они, пока не попали в партизанский отряд. Мы с В.Касперским съездили в деревню Липень, и он показал нам свой дом, в котором жил до войны, а также место расстрела евреев из Липенского гетто. На месте расстрела стоит памятник, который находится почти в огороде одного из домов. Страшно подумать, что здесь когда-то были убиты люди.

28 октября 1942 г. секретарь Осиповичского подпольного комитета КП(б)Б Р. Голант в докладной записке на имя секретаря Бобруйского подпольного межрайкома КП(б)Б И. Кардовича сообщал: «По Осиповичскому р-ну всего имеется населения 59 тыс. чел., еврейского населения нет...».

Жуткая запись. Не верится, что в одночасье исчез целый народ. Исчезли люди, которые любили, растили детей, трудились, отдыхали, пели песни, ставили спектакли... Исчезли... Но разве произошло наводнение? Извержение вулкана? Разверзлась земля? Нет! Их уничтожили такие же люди, у которых тоже были семьи, дети. Это не укладывается в голове. Безгранична человеческая жестокость.

Но разве евреи не могли спастись? Мы все время думали об этом. Почему они так безропотно шли на смерть? Мы пытались найти ответ в рассказах свидетелей тех страшных событий. Удалось ли нам это?

Не знаем. С одной стороны, да, а с другой – нет. Было очень трудно рассчитывать на спасение в обстановке всеобщего страха. Если на всех столбах висит объявление «За укрывательство еврея – расстрел», а у тебя самого дети, да и ты еще не готов умирать... Не знаем... Кроме того, не все было так уж замечательно в отношениях с евреями, как нам сейчас иногда рассказывают. Например, Нина Никитична Аббакшонов вспоминает: «Наши еврейскую нацию не очень любили. Говорили, они лентяи, в колхозе работать не хотят. Они хитрые, все больше в парикмахеры норовят, в фотографы. В Осиповичах во всех магазинах заведующими и продавцами были евреи. Особенно деревенские так говорили...». Это тоже могло быть причиной, по которой не спаслись.

А. В. Повидайко во время войны жил в деревне Татарка. У них в 1939 г., после «освобождения» Западной Беларуси, поселились четыре семьи польских евреев. Местные их знали плохо, это были новые люди. Еще в деревне жила семья директора торфопредприятия «Татарка» Хайкина. Он сразу ушел в армию, а жена с детьми остались. Первое время евреи работали на немцев, возили из леса дрова на кухню. Ездили они без

охраны. Александр Васильевич вспоминает, что очень удивлялся – почему они не убегут? А ему взрослые говорили: «Евреи боятся леса, поэтому не идут в партизаны».

Но мы-то сейчас знаем, что до лета 1942 г. никаких партизан в Осиповичском р-не не было. Небольшие группы партийных работников (среди них были евреи, например, Р. Голант) скрывались в районе дер. Гродзянка, иногда совершая единичные вылазки против фашистов. Поэтому правильно сказала Ольга Ивановна Ковалева: «А куда им было бежать? Партизан еще не было. У нас в деревне все очень жалели евреев. Их дома стояли пустые, только некоторые занимали полицаи». И потом, спрятать нужно было не одного-двух, а сотни людей. Сделать это в условиях военного времени практически было невозможно.

И все-таки помогали. Мы можем уже сейчас привести фамилии десятков людей, которые помогали, спасали часто совсем незнакомых им людей от верной гибели. Это и Леонид Денисов, и семья Екатерины Хлус из дер. Зборск, и В. Санкович, и Н. Астапович, и Е. Гладкая, которые не получили за свои подвиги никаких наград, и Лидия, и Михаил Михадюки из Дараганово, и Александра Звонник, ставшие Праведниками народов мира. А сколько еще просто безвестных людей, о милосердии которых никто до сих пор не знает!

Да и сказать, что евреи не сопротивлялись, мы тоже не можем. Из воспоминаний бывшей узницы Осиповичского гетто С. Г. Утевской нам известно, что «из-под расстрела трое самых отважных и смелых бежали: это были Хавкин Эфроим, Дурец Миша и Файн Яша. Немцы стали стрелять по убегающим. Хавкина Эфроима фашистская пуля достала, и он погиб, а молодые 16-летние парни Дурец и Файн убежали в лес. Они попали в партизанский отряд, где пробыли до освобождения».

Поразительный факт мы узнали, беседуя с Владимиром Ивановичем Санковичем. Вот что он нам рассказал: «Моя жена Лариса Сафроновна до войны работала в Осиповичской больнице. Хорошо знала врачей Чернецкого Григория и его жену Фаину. Молодые, еще не было детей. Они ушли в детский санаторий «Крынка» с началом войны. Потом подруга жены Ася Дубовик, фельдшер, говорила, что они покончили с собой. Сначала Григорий повесил жену, а потом и сам повесился. Оставили записку: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Тяжело узнавать такие факты, но появляется гордость, что эти люди жили на нашей Осиповичской земле.

Поэтому сказать, что евреи не сопротивлялись, мы не можем. Мы привели факты только по нашему району, а сколько их по всей Беларуси! Просто силы были слишком не равны. Поэтому евреи погибли. Но погибли они с честью...

Кто она – Неонила Цыганок?

Вторая присланная мне работа учениц Неонила Львовны - «Невоспелые герои» - о людях, спасавших евреев в годы войны. В ней немало удивительных историй, потрясающих примеров человеческой порядочности и мужества, которые открылись перед юными исследователями Холокоста. Она стоит того, чтобы опубликовать ее отдельно. Мы сделаем это в другой раз.

А я написал Н.Цыганок короткое письмо:

Дорогая Неонила, здравствуйте!

Получил все Ваши материалы и, действительно, не пожалел затраченного на их чтение времени. Огромное спасибо Вам и Вашим замечательным девочкам за вашу подвижническую работу по восстановлению истории трагедии еврейского, да и белорусского народов в черные годы войны. Поражают трагические события, о которых Вы узнали в результате поисков и о которых с такой болью и сердечностью написали. Низкий поклон и душевная благодарность Вам за Ваше доброе и пытлиное сердце, уважаемая Неонила!

Уже того материала, который Вы мне прислали, достаточно, чтобы оценить сделанное Вами. И все-таки хотелось бы более подробно узнать о Вас: о Ваших родителях, о том, какой отпечаток наложила на них война; о том, что побудило Вас взяться именно за эту трагическую тему; о Ваших учениках и помощниках - что двигает ими и т.д.

Всего Вам доброго, Неонила, успехов и удачи!

Очень скоро Неонила прислала мне подробный и очень интересный рассказ об истории своей семьи, о родителях и о себе самой. Из экономии журнальной площади приведу лишь выжимки из ее рассказа.

Воспоминания о родителях

Мои родители – русские люди, волею судьбы оказавшиеся после войны в Беларуси. Мама, Варвара Григорьевна Никифорова (по мужу Волнушкина), родилась и выросла в Брянской обл. В детстве она пережила большую трагедию. Ее мать вышла замуж очень рано, в 16 лет,

по большой любви за мужчину старше ее по возрасту. Семейная легенда утверждает, что он был грек, капитан дальнего плавания. К 27 годам у моей бабушки было уже трое детей – все девочки. Ее муж был очень ревнив, и однажды в порыве гнева застрелил свою жену. Остались три сироты, старшей из которых, Прасковье, было лет 12, младшей, Раисе, не было и года, а моей маме – три.

Мама попала в детский дом. Потом оказалась на улице. Бродяжничала, ела на помойках очистки...нельзя словами передать то, что ей довелось пережить. Когда Прасковья вышла замуж, она взяла к себе сестру и их двоюродного брата Гришу. Дома у сестры моя мама выполняла очень много черной работы. Папа не была ласковой, а вот муж ее очень жалел сирот. Мама вспоминала, что он никогда их не наказывал и не ругал.

Перед самой войной семья тети Паши, спасаясь от голода, переехала в Минск. Когда началась война, эвакуироваться не успели. Отрывочно помню из рассказов мамы, что дядя - Демьян Иванович Савин - был связан с подпольщиками, возил в лес партизанам радиодетали. И дома у него всю войну был радиоприемник. Еще я хорошо помню историю про то, как они спасли женщину-еврейку от расстрела. Правда, когда мне рассказывали эту историю, я и предположить не могла, что сама займусь Холокостом. Поэтому ничего не записывала, а сейчас спросить подробности не у кого. Знаю только, что всю войну эта женщина прожила у моих дяди и тети. Риск был огромный, но ее никто не выдал.

Когда мама окончила семь классов, ее отправили в Брянск учиться в фельдшерскую школу. Было очень тяжело, потому что голодно. Мама жила в общежитии одна как перст. Часто падала в голодные обмороки. Но очень прислушивалась к советам, которые ей давали добрые люди. Однажды учительница физкультуры сказала: «Варя, не горбись, тебя замуж никто не возьмет». И с тех пор мама до глубокой старости (ее не стало в возрасте 85 лет) держала спину прямо, как дворянка. Вообще мама любила говорить, что у нас в крови течет семь золотников дворянской крови.

Мама была девушкой смелой и рискованной. Училась она очень хорошо. После окончания фельдшерской школы по направлению поехала во Владивосток. Было это в 1939 или 1940 г. Стала работать в горздравотделе. Поступила заочно в медицинский институт в Новосибирск. Учиться тоже было нелегко. Сестра Прасковья отказывалась помогать, говорила: «Мы простые, а ты хочешь в докторши попасть?» В 1941-м началась война. Один старый доктор, многому маму научивший, предложил ей пойти работать врачом на корабль, который по ленд-лизу доставлял

товары в СССР. Мама мало в этом понимала, родных никого не было рядом – согласилась. Ей было все равно, где работать.

Конечно, многое пришлось пережить. Идет караван судов, рвутся бомбы. В корабль впереди попали, за тобой – тоже, кто же следующий? Мама считала, что ее, сироту, Бог уберет от смерти. Но и за границей она многого насмотрелась. Была в Канаде, в США. Рассказывала много интересных эпизодов... Мама всегда говорила, что жить так, как живут в Америке, мы не будем никогда. Папа был убежденный коммунист, спорил с ней до хрипоты, но переубедить не мог.

Мама в молодости была очень красивая. Худенькая. Высокая. Стройная. Очень любила петь, отлично танцевала. Однажды зашла в США на танцплощадку, а там конкурс бальных танцев. Мама, конечно, этих танцев не знала, нигде ведь специально не училась. И вдруг ее приглашает танцевать какой-то американец. Они так «зажигали», говоря современным языком, что взяли первый приз! Мама этим очень гордилась.

После войны учиться в институте не смогла. Однажды качаясь в гамаке, упала, отбила почку. Была очень серьезная операция, после которой оставаться на Дальнем Востоке было невозможно. Мама уехала к сестре в Белоруссию. В то время и Прасковья, и младшая, Раиса жили в Барановичах. Рая воевала, всю войну была санинструктором. Умерла в относительно молодом возрасте от воспаления легких, которое врачи пропустили.

В Барановичах мама пошла работать врачом в училище строителей. Свою работу очень любила, с детьми дружила, часто ходила к ним на вечера. На один из вечеров пригласили военный оркестр. Мой отец в нем служил, играл на трубе. Он сразу заметил маму, потому что часто видел ее в автобусе, когда ехал на службу (он был сверхсрочник). Словом, они встретились в училище на танцах. Папа пригласил маму танцевать, и они начали встречаться. Поженились в 1953 г.

В Осиповичах мы оказались в 1961 г., отца перевели сюда служить. Он был к этому времени старшина, дирижер военного духового оркестра. Мама стала работать старшей медсестрой в больнице, потом по состоянию здоровья перешла в детсад, тоже старшей медсестрой. Отсюда и ушла на пенсию. В саду ее очень ценили и уважали сотрудники, а дети просто любили. Я ни от одного человека, который знал маму, не слышала о ней плохого слова. Интересная история произошла у нас дома. Связана она с моим мужем.

Я уже довольно долго с ним встречалась (но о свадьбе речь не шла), мама знала, что зовут его Василий, но ни разу не видела. И вот как-то я

готовлюсь к урокам, никого не жду, вдруг звонок в дверь. Мама пошла открывать. Слышу радостные возгласы: «Васенька! Васенька!». Что такое? Выбегаю в прихожую, а там мама с моим кавалером обнимаются и «вспоминают былое»! Оказывается, он ходил в ее детский сад и хорошо помнит любимую «медичку». Думаю, в эту минуту судьба наша и была решена. Дело быстро пошло к свадьбе. А мама потом смеялась: правильно, мужа дочери нужно воспитывать с детства.

Мой отец, Лев Николаевич Волнушкин, со своими друзьями с первых дней войны стал думать, как убежать на фронт. И однажды им подвернулась удача. Они оказались в составе одного из пехотных полков, базировавшихся под Ленинградом. Штаб полка находился во дворце Марли в Петергофе, а линия фронта проходила по улице, на которой стоял до войны дом отца. Сначала отец попал в разведку, но потом детей запретили использовать для сбора разведданных (отцу в 1941 г. было 15 лет, он 1926 г. рождения). И стал мой папа обычным пехотинцем, сыном полка. Воевал на Невской Дубровке, чудом в составе немногих остался жив. После переформирования был отправлен в Нижний Тагил учиться на механика-водителя, и всю войну потом воевал на Т-34 (чем несказанно гордится до сегодняшнего дня).

Отец награжден многими медалями и орденом Отечественной войны. В боях на озере Балатон получил тяжелое проникающее ранение в легкие, осколки там сидят и сейчас. Папа мой, Слава Богу, жив, он инвалид Великой Отечественной войны второй группы. Отец оказал на меня колоссальное влияние в плане политическом. Он всегда любил историю, много читал, мы с ним вели долгие споры и разговоры. Чувствует он себя относительно неплохо, живет один, но очень часто общается с нами. Мы живем буквально в двух минутах ходьбы друг от друга.

А теперь – о себе

Я одна дочь в семье. Родилась в 1956 г. в Барановичах. Но родиной своей считаю Осиповичи, потому что вся моя сознательная жизнь прошла здесь. В детстве и ранней юности была очень застенчивая. Играла всегда одна. Была молчаливая, но в детском саду и в школе друзья были. Я со всеми могла найти общий язык, ни с кем не ссорилась, не конфликтовала. Школу полюбила сразу, тем более, что мне очень повезло с первой учительницей, Ольгой Филипповной Лукьяненко. Мы с ней остались друзьями на всю жизнь. Именно ее пример подтолкнул меня к мысли стать учителем. Сколько себя помню, всегда мечтала о профессии

учителя. Училась хорошо, особенно по гуманитарным предметам. Любимыми были русский язык и литература. По этим предметам я была первая ученица в классе.

В седьмом классе нас начали принимать в комсомол. Поскольку я подходила по возрасту и успеваемости, то вступила одной из первых. Создавалась организация в классе, нужно было избрать секретаря. И хоть в пионерах я активисткой никогда не была, обстоятельства сложились так, что выбрали меня (из вступивших я лучше всех училась – это было определяющим). Так я оказалась в гуще событий. Хочешь – не хочешь, а участвовать надо. Постепенно втянулась. «Шестеркой» никогда не была, списывать давала, горой стояла за «униженных и оскорбленных» - меня избрали секретарем комитета комсомола школы. У нас было около 300 комсомольцев. Представляете, какую «школу жизни» я прошла? Постепенно избавлялась от застенчивости, училась выступать перед аудиторией...

Отец очень хотел, чтобы я поступала на истфак. Поступила в БГУ (Белорусский Государственный Университет) с первой попытки, хотя конкурс был огромный – 15 чел. на место! В университете ничем особенным не выделялась, училась как все. Думала о науке, но поддержки не было, поэтому поехала по распределению домой – в Осиповичи. Три года проработала в СШ-4 учителем, а потом меня перевели в СШ-2 заместителем директора по воспитательной работе (честно скажу, эта работа мне нравилась, но у меня не сложились отношения с директрисой). Через восемь лет я опять ушла в учителя. А с 2001 г. стала работать методистом в отделе образования. У меня высшая квалификационная категория.

Историей Катастрофы начала заниматься относительно случайно. Руководитель белорусского фонда «Холокост» Инна Герасимова проводила в Минске семинар для педагогов нееврейских школ. Мне стало интересно, и я поехала туда посмотреть, что же это такое. Мне показалось, что люди искренне преданы идее, увлечены делом, которым занимаются, ищут единомышленников. Да и тема представляла интерес, потому что была «белым пятном» в истории Осиповичей. Так я начала ее изучать. А поскольку, все делаю очень серьезно, вот что из этого вышло.

Думаю, в основе всей моей жизни лежит семья. Я имею в виду моих родителей. И мама, и отец очень честные люди. Они тоже относились к работе с полной отдачей. Этот пример был у меня всегда перед глазами. Во всех моих начинаниях они меня поддерживали. Только (скажу честно, что мне скрывать?) отец не приветствует мои занятия Холокостом. Он видит, как много я трачу усилий, и какую (не совсем адекватную) это

вызывает реакцию у руководителей фонда «Холокост» в Минске. Его постоянный вопрос: «Зачем тебе это надо?» Действительно, я забросила семью, детей, день и ночь в поездках, за компьютером и т.д. В школе и районе не мешают, но и не понимают моей увлеченности этой темой. А двоюродная сестра прямо говорит: «Бросай ты этих евреев!».

Я же не могу бросить. Душа болит и за погибших, и за забвение. Буду пока работать. А что двигало моими учениками? Думаю, сначала желание получить хорошую отметку. Потом втянулись, стало интересно. Тоже стала болеть душа. То, что, уже будучи студентами, они согласились выступить в Минском еврейском доме с лекцией о Холокосте, говорит о многом. Я Вам писала, что это было 16 ноября 2008 г. Так, как нас принимали здесь, не принимали нигде. Я просто не знала, как себя вести и что говорить. Нам устроили десятиминутную овацию. Пожилые (если не сказать старые) люди и молодежь стояли перед нами и плакали. Такое не забывается...

Такая вот «исповедь» Неонилы. А теперь пусть каждый сам для себя решит – праведница она или нет.

Баршай А.З.

ЦИЛЯ РУБИНЧИК: ЛЕГЕНДА И БЫЛЬ

Ее спасли воля к жизни, люди и...окопы Наполеона Бонапарта

Я ЗВОНЮ В МИНСК...

Историю юной еврейской девушки, которой удалось выпрыгнуть из машины и спастись от немецкого расстрела в местечке Свислочь, я впервые услышал ровно 60 лет назад, летом 1952 г.

В тот год мы с мамой приехали в ее родные места, чтобы навестить моего дядю, а ее старшего брата - Меира Баршая, который вместе с семьей вернулся из эвакуации и фронта в Свислочь, в собственный дом. Мне в то время было 11 лет.

Вот тогда-то в небольшом деревянном и очень гостеприимном доме дяди Меира я краем уха и услышал от взрослых рассказ о Циле Рубинчик, которой чуть ли не единственной в Свислочи посчастливилось вырваться из расстрельного рва. Никаких подробностей этой истории никто не знал, и удивительная эта девушка Цили казалась фигурой почти легендарной.

Было известно, что она выжила, пережила оккупацию и живет где-то в Белоруссии...

С тех прошло, промчалось, пролетело шесть десятилетий. Умерла моя мама – Мара-Гита Баршай - благословенна память ее. Из Киргизии, где мы прожили полвека, я с семьей переехал в Израиль. Благодаря моему очерку о нашей дальней родственнице Белле Баршай-Ароновой, бывшей узнице гетто и белорусской партизанке, со мной через интернет познакомилась учительница истории из г. Осиповичи Неонила Львовна Цыганок. Эта удивительная женщина глубоко и основательно занимается историей Холокоста на территории Осиповичского р-на, куда входит и местечко Свислочь - родовое гнездо нашей семьи. Я рассказал своей новой знакомой о легендарной девушке из Свислочи, без большой, впрочем, надежды на то, что Неониле удастся отыскать следы Цили Рубинчик, тем более разыскать ее саму. Каково же было мое удивление, когда через некоторое время Неонила Львовна сообщила мне адрес и телефон Цили Рубинчик, с которой она собиралась через несколько дней встретиться в Минске, где та живет последние 50 лет.

И вот я сам с волнением набираю номер в Минске и слышу молодой звонкий голос Цили, которая говорит со мной, как со старым знакомым, более того, как с родным и близким человеком. Разумеется, мы с ней совсем не знакомы и никогда не виделись. Но она знает всех свислочских Баршаев, она помнит мою маму, которая пела на сцене самодеятельного театра в помещении пожарного депо, она помнит дядю Меира, его жену Хану и очень хорошо знает его сыновей, моих двоюродных братьев – Льва и Михаила Баршаев. Оказывается, Цили дружила с ними, а ее сестра Нина училась в одном классе с Мишей. Цили называет их ласково «Левочка» и «Мишенька», просит дать ей их координаты и передать им от нее свой сердечный привет...

Боже мой! Неужели я говорю с той самой полумифической Цилей, о которой узнал 60 лет назад! Не может быть! Но ведь мне и мои кузены ничего не рассказывали о ней. А она вот - жива и здорова, оказывается! Слава Богу! Сколько же ей должно быть лет? Сейчас посчитаем: так, в 1941 г. девчонке «стукнуло» 16, сейчас завершается 2012 г. (на момент разговора, - *прим.ред.*). Значит, Циле сегодня 87!

- До 120, вам, Цили! - говорю я ей.

- Можно и до 119, - звонко, по-молодому смеется она, - скажут, на год раньше старушка ушла...

«Помню, что летела, летела и прилетела...в яму»

Рассказываю Циле, что слышал о ней в 52-м: вроде бы она выпрыгнула из кузова машины, которая везла евреев на расстрел, убежала в лес, скиталась там и так выжила.

- Нет, я из машины не убежала. Когда меня приволокли в сельуправу, куда сгоняли всех евреев, я потеряла сознание. Мне казалось, что все люди стоят на головах. Ногами вверх, головами вниз. Я только помню, я что-то летела, летела и... прилетела. В яму прилетела. Вот так... Но ничего, я еще держусь... А подробно, как все это было, я рассказала Неониле Львовне. Она все записала. Она тебе, наверное, прислала...

Да, запись рассказа Цили Рубинчик Неонила Цыганок мне прислала, и теперь, приступая к изложению Цилиной жуткой одиссеи, я буду пользоваться ее записями.

«До войны, - рассказывает Цилия, - все мы – большая семья Рубинчиков - мама, папа, пять моих сестер – Сара, Геня, Нина, Клара, Фаня, брат Миша и я - жили в местечке Свислочь Осиповичского р-на Могилевской обл. Из всей нашей семьи в живых после войны остались только трое – наш отец и я с сестрой Ниной. Сестра Сара 21 года погибла с ребенком в Минском гетто. А мама в 41 год, Миша в 18, Геня – в 16, Клара – в четыре и самая младшая сестренка Фанечка – в два годика были расстреляны немцами 14 октября 1941 г. – день массового убийства евреев в Свислочи...

В том же году в местечке погибли мамины родители, ее сестра Фаня с четырехлетней дочкой Розочкой, мамин брат Абба Литвин, двоюродные сестры и братья с мамин и папин сторон и их семьи - всего более 30 чел.

Маму звали Этя Рубинчик (девичья фамилия Литвин). Она была учительницей польского языка. Но, как я помню, она уже не работала. Ее отец – мой дедушка - Айзик Литвин был когда-то богат. Он имел свои швейные мастерские. Был женат вторым браком, маму воспитывала мачеха. Но отношения их не сложились, и дедушкин брат забрал маму в свою семью, в дер. Селиба Березинского р-на. Сначала она жила у дяди, а потом отец отправил ее в Варшаву. Там она закончила гимназию. По окончании учебы мама вернулась в Свислочь, где и вышла замуж.

Мой папа Гиллер Рубинчик - по профессии инженер-строитель. В 1940 г., после финской войны 1939 г., он как строитель и коммунист был направлен на сооружение оборонных укреплений на белорусско-польскую границу в г. Скидель Гродненской обл. С начала войны мы его не видели, он домой так и не смог приехать. Оттуда он был эвакуирован.

Наша семья не была религиозной. Папа коммунист, а мама - ни туда, ни сюда. Дед мой выпекал мацу. Мы забежим к нему после школы, нам дают горячую мацу, мы бежим дальше. До войны наша семья жила нормально. У нас было свое хозяйство, дом, корова, держали курей, свиней, кроликов, засеивали сотки, был у дома и огород с садом. Мы, дети, помогали маме по хозяйству. Все умели делать: вязать, вышивать, играть в шахматы, у нас дома был даже шахматный стол. Всему нас учили родители. Наши дети учились в школе на хорошо и отлично. Зимой ходили на лыжах, коньках, все было как будто безоблачно.

В Свислочах до войны было три школы - еврейская, польская, белорусская. Все в отдельных зданиях. На той горе, где стоит замок, была еврейская школа. Учились на идиш. Сейчас я читать не могу, а вот пишу очень красиво и правильно. Но никогда не знала, где ставить знаки препинания.

А в школу я пошла в пять лет. К этому времени уже читала и писала по-русски, по-белорусски и на идише. Папа работал в школе преподавателем политехнизации (сейчас это называется труд). Меня взяли в школу, но без метрики, без ничего. Собственно говоря, я свою метрику так не видела. Потом, в 1945 г. мне ее восстанавливали без меня, и имя отца написали Гилья, поэтому я Гильявна. А год рождения поставили – 1925-й, но на самом деле, я думаю, я моложе, 26-го или даже 27-го года рождения. Но так записали, потому что я после войны выглядела старше своих лет.

Нас с сестрой Геней всегда считали двойней, но мы были неодинаковые. Ну, правда, я ни на кого не похожа. Не знаю почему, но меня жалели больше всех в семье. Я такая была переборливая. Меня не тронь! Всегда приходили к маме жаловаться: Цылька побила. «А чего ты ко мне лезешь? Ты меня не трогай, и я вас трогать не буду». Вот такая я была. Боевая. Если б я такая не была, я бы с ямы не вылезла.

Перед войной я закончила девять классов, хоть по возрасту и была самая младшая. Первый и второй классы – за год, третий и четвертый – за год. В восьмом классе я уже перешла в другую школу, в поселке.

Самая старшая моя сестра Сарра родилась в 1922 г. Она окончила еврейский педагогический техникум в Минске и осталась работать в школе. Мамина двоюродная сестра жила в Минске на ул. Революционной, 13. Домик во дворе, трехэтажный. У нее и осталась после учебы Сарра. Вышла замуж за Илью Соловейчика, он тоже работал в школе. Мы знали, что она беременна, поэтому я могу предположить, что во время войны она

родила ребенка и погибла вместе с ним в Минском гетто. Никаких следов сестры после войны мы не нашли.

Ее муж Илья и его сестра Бэлла в то предвоенное лето работали в пионерском лагере в Острошицком городке. Он – директор, она – воспитательница. Когда начали бомбить, они пешком пошли на железную дорогу и как-то смогли уехать. И вывезли всех детей. С ними и Нина наша спаслась. Нина, которая живет сейчас в Америке, отдыхала в пионерском лагере в Острошицком городке. В эвакуации была в Мордовии. Она нашла папу и вместе с ним вернулась после освобождения в Свислочь.

А муж Сарры Илья Соловейчик потом погиб на фронте. Это мы узнали уже после войны.

«Я помню, в чем была одета...»

День 22 июня 1941 г. - воскресенье - перевернул все.

У нас, в местечке Свислочь по воскресеньям был базар. Со всех деревень приезжали, торговали лошадьми, зерном, мукой, мясом, посудой и разным другим товаром. Что хочешь, можно было купить. Даже китайцы торговали. Вот у меня на фотографии довоенной (она одна чудом сохранилась) приколки две – это китайские. Это я помню хорошо.

У моего дяди Аббы Литвина был радиоприемник. Он жил недалеко от базара. Знаете, как в местечке? Открывают окно, включают радио, и все соседи слушают (мало у кого тогда были радиоприемники). Вот по этому приемнику и передали, что началась война. Я даже помню, в чем была одета в тот день. На мне было светлое такое платьице, реглан отстроченный, с отделочкой. На ногах – балеточки, прорезиночки с голубой каемочкой. Мне Игнат Лопатин говорит: «Ты слышала? Там у твоего дяди что-то по репродуктору говорят». «Ну, слышала». «А что ты слышала?» «Война!» Ой, война, война! Что тут началось! Все всполошились, плачут, кричат! Некоторые успокаивают себя, мол, где та Германия, а где мы! Для нас это ничего.

В понедельник папа из Скиделя позвонил председателю сельсовета Моше-Йоше Липскому. Просил сказать семье, чтобы мы эвакуировались. Но нам этого никто не передал.

26 июня начали бомбить. Со стороны р. Свислочь у мостов разорвались бомбы. Было это ближе к вечеру. Мама с детьми - в одну сторону, я, как всегда, – в другую. Они ушли, а я утром прихожу домой – никого нет. Все хозяйство на мне: корова, поросята, кролики. Кормить же надо. И тут начали грабить магазины. Ну и я с ними. Патоки принесла, муки, крахмал принесла. С промтоварного магазина приперла лампу.

Напротив нас жили Яновские. Ганна и ее братья Миша и Гриша. У Ганны был муж Иван. И был сынок Мишка. Он был мой ровесник. Мамы нет, так я уже к ним прибиваюсь. А 28 июня как начали бомбить! Такая стрельба! И тут гроза! Я у них переночевала. Наутро пошла домой.

И, как обычно, побежала к деду. Смотрю: что такое? Возле его дома стоят машины. Что за машины? А потом смотрю: с крестами машины. И солдаты не наши. Я к деду: «Дедушка! Кто это?». А он мне говорит: «Немцы пришли. Ты, может, не пойдешь домой?». Но как не пойти домой?

Недалеко от нас Мац построил перед войной дом, но еще не жил в нем. Смотрю: этот дом заняли немцы. А кухню поставили прямо у нас во дворе. Они мне есть давали. Какой-то суп, в котором плавало копченое сало. А я очень любила копченое сало. И шоколадки давали. Эти не трогали никого. Простояли они у нас около недели, а потом ушли. Значит, немцы вошли в Свислочь 29 июня 1941 г.

Я пекла себе хлеб и продолжала каждый день бегать к деду. Мы с Ларисой Зенюк (русская девочка, моя подруга) и другими детьми видели, что машины менялись, каждый день были разные.

Первым в Свислочах немцы убили русского человека - Паршина. Он пошел в туалет на улицу, увидел немцев, испугался, побежал, его и застрелили. Убили прямо во дворе его дома. Это было сразу, как только немцы пришли.

А потом появились полицаи. Бургомистром стал Бондарь Николай со своими сыновьями. Он наш, местный. Я его знала, как облупленного. Он клал кирпичные печи. Яновские были его племянники. Их мать, и Бондарь-бургомистр были родные брат с сестрой.

Полицаи заняли здание сельского Совета. Председатель сельсовета Моша-Йоша Липский пришел, как всегда, на работу, а они его выволокли, издевались, били плетьюми, а потом застрелили. Я этого не видела, но все в местечке говорили об этом.

Был у нас в школе учитель военного дела Шидловский. Он тоже стал полицаем.

Надо было, чтобы кто-то работал в госпитале. Там уже полно раненых немецких солдат. Воду надо принести, а в местечке был только один большой колодец. И вот Шидловский собрал детей (я, Изя Авсиевич, он сейчас живет в Америке, в Бруклине, мои двоюродные сестры Сара Дущиц и Лена Китайчик, Лариса Зенюк, Соня Полищук) и велел нам убирать у немцев в госпитале. Мы чистили картошку, мыли полы, приносили воду с колодца. Мы с Изей воду и таскали. В основном

работали дети. Была у нас учительница, Софья Абрамовна Ионис (по мужу – Шер), вела немецкий язык, она тоже с нами работала. Работу делаем, и уходим.

Нас заставляли носить желтые шестиконечные звезды на рукавах, чтобы было видно издали, что ты – юде. На еврейских домах полицаи прибавляли желтые шестиконечные звезды. Этой работой занимались Лузанов Иван, Кобылянец Василь (наш сосед по дому), Бондарь Николай (бургомистр), его племянники: Гриша и Миша Яновские и др., уже забыла, как их фамилии. Но евреи оставались в своих домах, их никуда не переселяли.

Уже с 3 июля 1941 г. полицаи стали брать «на работу» еврейских мужчин, но с «работы» никто не возвращался. Они их просто сжигали. Сжигали! Убивали и сжигали. За мостом, за Березиною. В престольные праздники (русские или еврейские, без разницы) – погромы. Брали мальчиков, стариков и детей. Так было и в июле, и в августе, и в сентябре.

Закрываю глаза и вижу, как ведут мужиков и маленьких мальчиков (человек 25) в «Древище». «Древище» – это такое место изумительной красоты. Там река, обрыв, деревья, а дальше уже еврейское кладбище. На «Древище» все отдыхали, купались. Было бы не обидно, если бы там немцы были. А так, кто вы думаете? Полицаи! Наши, местные! Батура, Саша Болбас, Саша Бурневич, комсомольский руководитель до войны (его судили, мы с ним даже на очной ставке в 1949 г. были), Саша с Виркова, высокий такой. Кто-то еще шел. Это было все на моих глазах! Было это в августе 1941 г., вечером. Повели их, там был ров большой, и расстреляли. После войны эти кости собрали, а также и другие места захоронений, и перенесли на еврейское кладбище.

На моих глазах убили Зельцер Гиту с ребенком. Ее застрелил полицейский Саша из Вирково, а ребенка взял за ножки и убил ударом о стенку кирпичного дома.

Потом собрали всех женщин-евреек, которые были замужем за русскими и сказали, что поедут они в Осиповичи. Кажется мне, что это было в сентябре. Как потом выяснилось, довезли женщин до Липеня, с моста сбросили в реку Свислочь и уже в воде расстреляли сверху, с моста.

Дедушку моего тоже убили. Это было в июле 1941 г. Он пошел в туалет на улице, и там его заловили полицаи. Забрали его, и он пропал, не было его уже больше. А бабушку убили во дворе позже.

Мама вернулась с детьми только в конце июля. Оказывается, она была в Старом Селе у наших знакомых, потому что под Могилевом

немцы им перерезали дорогу. Они не успели уйти. В августе пришел домой брат Миша, который учился в Минске в политехническом институте на первом курсе. Учеба была платная, и он перевелся на заочное отделение. А до института успел окончить курсы бухгалтеров и работал в Латвии (или Литве, не помню точно) в военном городке. Когда они эвакуировались, их возле Могилева разбомбили, и он пришел домой пешком. Брата мы прятали в сарае среди дров.

Однажды русские женщины взяли меня с собой в деревню, чтобы обменять вещи на хлеб и другие продукты. Когда мы возвращались по мосту через Березину, за нами ехали машины с немцами. Черные плащи, кресты на машинах. Их было много. А свислочские, которые жили у реки, воду брали в реке, потому что у них не было ни одного колодца. И вот еврейский мальчик Крумер, ему лет 11 было, нес на коромыслах два ведра воды. Немцы повыпрыгивали из машин, тут и полицаи возле них. Какой-то пацан русский, лет семи (не знаю, чей), кричит: «Юде, юде!». Немцы за Крумером, а он с этими ведрами к себе во двор, но не успел. Они его схватили, и в кузов машины кинули. Это было на моих глазах. И других людей они хватили, и полицаи им помогали. А я побежала не домой, а к Люде Носковой – своей подружке. Ее мама Ольга Степановна Долгопятая и ее тетя Домна Степановна Строк сразу же меня взяли в дом: «Не выходи, не выходи!». Потом Люда вышла, сказала, что уже никого нет, и я пошла домой.

«Самый последний погром»

13 октября 1941 г. вечером была очень сильная стрельба. Я утром выхожу, смотрю: машина стоит, Юзик Пигулевский шофер, и людей очень много на машине (в 1948 г. его судили, я была в Бобруйской тюрьме с ним на очной ставке, а затем, так же в Бобруйске, я выступала свидетельницей на суде).

На машину, куда еврейских женщин погрузили, лезли другие женщины, сдирали платки с голов, вырывали серьги из ушей, и все кричали: «Юде капут». (После окончания войны, когда я вернулась в Свислочь, они – мои соседи, говорили: «Понимаешь, такая была ситуация, всех вас все равно убили бы, а зачем пропадать добру». Мало им имущества, которое они пограбили в еврейских домах. Я, когда вернулась в Свислочь после освобождения, на улице в присутствии многих людей сорвала зимнее пальто моей сестры с Лариски Тесленок, сорвала серое крепдешиновое платье, я не стеснялась и не боялась, пусть знают, что чужое, добытое предательством, не навеки).

Вернулась в дом, а мама мне говорит: «Прячься где-нибудь». Я побежала на Березинскую ул. Меня встречает Манька Назарович: «Что ты тут бегаешь! Вашу Розочку уже взяли, иди, пусть и тебя тоже возьмут». Я тогда оттуда и во двор к Яновским (однофамильцы тех, что нашу семью выводили на расстрел). Здесь наш сарай, а тут этого Васи Яновского сарай, и между ними небольшое расстояние. И решетчатый забор. Я забилась в угол. И смотрю, заходит в наш двор эта Ганна Яновская, ее братья Миша и Гриша, ее муж Иван, ее сынок Мишка и жена брата Марфа. И сразу в сарай! Вывают моего брата Мишу. Потом маму вывели с детьми, моими сестренками. Слышу Марфа кричит по-белорусски: «Так это еще не все! А где же Цылька ихняя! Так это же еще не все!» И повели их. А я все это наблюдаю. Хорошо так, правда? Вот так.

Я стою, уже стемнело, вышел этот Вася Яновский (у них были сороковины по бабушке, которая умерла), видит, что я стою. Говорит мне: «Цыленька, иди в сарай, замерзнешь». А я была одета: все на мне было одето, и юбки, и платья, и бурочки с галошиками. Дал мне кусок хлеба. Захожу в сарай – лежит раненая в живот Бася Файнберг, она была заведующая магазином лесосплава. И говорит мне: «Циленька, дай мне галошки, а то мои ноги замерзли». Я одела ей галошки на ноги. Кто-то там еще лежал, но я не знаю, кто именно.

15 октября утром я решила уходить, и пошла к тете Фене (это сестра Мани, жены дяди Аббы, он женился на русской). Пришла к Фене (надеялась: родственница, спрячет), но она меня прогнала.

Тогда я спустилась вниз к реке, думаю: переплыву. Плавала я отменно. Подхожу к берегу, и вдруг кто-то хватить меня за руку! А это полицаи Кобылянец Вася. Полицаи стояли около реки, караулили, чтобы никто не сбежал. Он нарвался на меня. Я так кричала, что после войны, когда я пришла в Свислочь, Маня Бурак, сказала, что мой крик у нее до сих пор звенит в ушах. А кричала я Ваське Кобылянцу: «Я с тобой еще рассчитаюсь!» Так он меня за руку дотянул до сельсовета, это примерно полкилометра. И когда он меня уже на крыльцо толкнул (а я все кричу), там стоял Петя Лузанов – недавний школьник – так он мне по руке как дал прикладом от винтовки!

Ввели меня в сельсовет, а там уже полным-полно людей. Люди стояли «на головах». Вот это я хорошо помню. А потом вдруг потеряла сознание. Кто и как меня на машину кинул, этого я не знаю. Во-первых, замерзшая, во-вторых – перепуганная, не знаю, как и что. Как переехали через мост, я тоже не помню. Смутно помню, что на машине был выстрел.

Помню, что я летела. Это они меня вкинули в яму, где были уже убитые. Вот и все.

Маму мою с четырьмя детьми убили на день раньше, 14 октября 1941 г., в тех же ямах, куда и меня бросили.

«Как я осталась в живых»

Этого не знает никто. Очнулась я, когда было уже темно, и чувствую, что кто-то на мне лежит и какая-то тупая боль в левом предплечье. Это я упала на чьи-то кости. Я с трудом выкарабкалась из-под убитых людей, оглянулась – нигде никого. Везде тишина.

Начала выбираться. Но они же нас раздевали, одежду верхнюю снимали. Раздевали там, где убивали. С некоторых прямо на машине стаскивали. Не помню, что на мне было, но помню, что была вся в крови. Бурочки на мне остались (а холодно, 15 октября было уже холодно). В общем, я оттуда выбралась. Там лужица какая-то была, я в ней обмылась и пошла через железную дорогу. Мы туда часто ходили в лес за ягодами, за грибами.

Я перешла дорогу, смотрю – здание какое-то. Его разбомбили, раньше это была школа. Я тогда – под печь. Полежала-полежала под печью, посидела-посидела, вылезла и думаю: пойду в деревню. Иду в деревню, встречаю мужчину. Он как закричит: «Ай, девочка, идем со мной!» Я не очень-то и хотела идти, но он меня схватил за руку и повел за собой. Их домик стоял недалеко от этой самой школы. Привел меня в сарай и привязал к саням. Закрыл дверь и оставил одну. Ночью слышу, кто-то открывает сарай. Бабушка подошла, запричитала: «А мое ты дитятко, это ж бандюга, ен учора забил Грышку Рымара, ен и цябе забье». Отвязала меня: «Идзема, мая дзетачка, уцякай адсель. Ен жа бандыт, убийца!» А кто такой Гришка Рымар? Его отец делал хомуты, по-белорусски это «рымар». А Гришка этот, фамилия, кажется, Эпельман, учился со мной в одной школе. Он, видимо, тоже вылез где-то, и попался на этого дядьку. Я говорю: «Бабушка, мне нужно на Вирков, там у меня знакомые. Как пройти?» Она согласилась меня проводить.

Перешли мы железную дорогу, и я пошла на Вирков. Сколько-то прошла, и вижу маленький домик. Думаю, дай-ка я зайду в этот домик. Захожу. Там дедушка один. Стала просить его, чтобы он пустил меня погреться. Он пустил меня, велел залезать на печь. Отогрелась немного и говорю: «Мне нужен Фесько, Василь или Иван. Где они живут?» Он примерно рассказал мне и пошел в сарай перебирать картошку. Я поднялась и вижу: чье-то пальто лежит. Напялила это пальто на себя

(крови на мне уже особенно не видно) и иду. Только вышла, слышу, кричат: «Вон жидовка побежала, жидовка побежала!» А тут немцы. Я развернулась и назад! А быстрая была, физкультурой занималась, вообще была шустрая. Заскочила в хату, и опять на печь. Видела через окно, как немцы побежали в сарай, избili старика, затем зашли в сенцы, открыли двери в дом. Оглянулись - на них смотрели только иконы - и произнесли на немецком языке: «Никого нет».

Когда старик вернулся в дом и увидел меня на печи, он долго молился перед иконами на коленях и благодарил Бога, что не знал, что я вернулась в дом. До сих пор не могу понять, что это было: знамение Божье? Или просто суждено мне было остаться в живых, чтобы потом рассказать людям?

Я пошла к Фесько Ивану, они любезно меня приняли, поплакали о гибели моих родных. Это были наши знакомые, один из них работал у папы на пекарне. Накормили, одели меня во все деревенское: свитку на кудели, лапти, юбку, кофту и платок. Голову завязали белой занавеской, на ноги – анучи. Бурочки нельзя было одевать, потому что они в крови были. Переночевала в сарае, не хотела ночевать в доме. Провели меня, сказали идти в Старое Село, там Федор и Василь Фесько, братья Ивана. Они были пастухами, всегда ночевали у нас, мы их считали своими друзьями.

Пришла я в Старое Село (это Кличевский р-н), но они на порог меня не пустили. Дядька Федор и его дочь Таня сказали, что они боятся, как бы кто-то не подсказал, что они прячут еврейку.

Я и пошла. А через дорогу от них жил Умец Антон (он Антон, а она Антонина). У них дочка еще была. Антонина мне говорит: «Иди сюда. Туда больше не ходи, нечего тебе там делать. Днем будешь уходить в лес, а на ночь приходить к нам». Какой-то сухой сыр она мне давала. Из лесу я выглядала, где у кого баня топится. Где у кого свиньи. Есть очень хочется, что ты будешь делать? Попроюсь в сарай, положу в рот, что свиньи не доели, и снегом закусывала. Так я и жила. Спала в сараях, спала в стогах. Как теперь помню: такая луна светит, а на лугу стог сена, и гавкают собаки. Что это волки, откуда мне знать? Я туда вошла, и все. Потому что приезжали часто полицаи, так куда ж мне?

Плохо мне здесь было, и пошла я в Вольницкий Бор. Это такой небольшой поселочек, несколько хат было, не больше десяти. Там жила Кулешовка, у нее было шесть девок. Если муж Кулеш, то она Кулешовка. Если муж Михась, то она Михасиха. Если он Гриша, она Гришиха. А то, что она Ольга, то никто так не звал. Это в деревне так принято было.

Однажды, когда я была у этой Кулешовки, приехали полицаи. Я на печи сидела. Стали спрашивать, есть ли чужие. Она стала ругаться, что своих кормить нечем, а они еще чужих ищут. И по-матери их, по-матери.

В деревне жил Шендер. Не знаю, может, тоже кличка. Семья Шендеров, и сын Иван у них был большой. Шендеры всегда меня приглашали: «Приходи, девочка, только не днем, а вечером приходи». Я прихожу, смотрю, два мальчика: Гольник Генка и Полищук, моей мамы двоюродного брата сынок, 1932 г. рождения. Мы в Свислочи на одной Березинской улице жили. Я спрашиваю: «Как вы, ребята, здесь оказались»? Они отвечают, что на лодке уплыли. Давно уже скитаются. Они предложили втроем ходить, но я отказалась. Объясняла, что вместе нам не выжить, надо ходить по одному. Потом они говорят: «Шендер пригласил нас на ужин, приходи и ты».

Я согласилась, но сама ушла в Старое Село. Я ходила с места на место, чтобы на одном месте не быть. Зашла к Грецким. У них девочки были. Они знали, что я еврейка, и чья, тоже знали. Мама ведь там жила, поэтому они все знали. Да и сколько там людей, в Старом Селе?! Ходили к нам на базар еще до войны. На лодке переплывут Свислочь, вот и на базаре. Что там - полтора километра от реки. Тут прибегает Грецких старший сын: «Мамочка! В Вольницком Бору полицаи». Потом оказалось, что старший сынок деда Шендера, Иван, был бандитом. Побежал в Свислочь, это недалеко, пять километров. И рассказал немцам и полиции, что у них прячутся еврейские дети. Долго ждать непрошенных гостей не пришлось. В этот же вечер немцы в сопровождении полицаев приехали в село и забрали мальчиков. Их допрашивали, и они сказали, что Цылька тоже здесь. После войны я узнала, что этих детей сбросили с моста в реку Березина.

Грецкие меня тут же отправили в лес. Ушла я в лес. Там были еще окопы Наполеона Бонапарта, когда он шел по Березине. Я в эти ямы спряталась. Слышу, едут по дороге и кричат: «Цылька, выходи!» Да, думаю, так я тебе и вышла! Долго я в этой яме сидела, замерзла. Реснички просто все снялись, и ноги отморозила. Когда вернулась, они меня на печь посадили. Как стала отходить, это же убитый можно: на ноге огромная дуля вздулась.

Сказали они мне: надо тебе уходить. Ну что делать! И стала я ходить по деревням, как пастух по рядовкам. И в Михалове была я, и в Равках была, и в Челнах была, и была я в Кобылянке, и была в Людском, и в Топило, и в Кургане я тоже была... Когда я пришла в Людское (потом назвали Новое Село), меня одна семья пустила ночевать. Дали мне меда и

хлеба кусочек. Хлеб я съела, а мед не тронула. Когда-то я объелась меда в детстве. Они мне возле печи постелили такой прилавочек, а хозяйка говорит: «В субботу наш Гришка приедет, он же в Свислочах работает в полиции. Он придет, а ты такая красивая девочка». Так, думаю, хорошо, что ты сказала мне. Я ночью лапти на ноги – и давай деру. До Топило добралась, а потом до Нового Острова.

И так я ходила, ходила, ходила, и однажды дошла до Пилиповки. Спрашивают меня: ты откуда, девочка? А я отвечаю: «Я из Минска, из детского дома. Детский дом разбомбили, иду в Могилев». Они мне говорят: «Тут волки, тут не ходи». Но я все равно пошла, наверное, в Загрядье зашла (не помню, столько деревень обходила). И две бабушки пригласили у них побыть, отправили меня на печь, посмотрели на мои ноги, смазали гусиным жиром. А у меня волдырь с ноги не сходит. Я хотела его проколоть, чтобы вода сошла. А вшей было – сколько хочешь! Белые с черными головами.

Но я, когда по деревням ходила, смотрела, у кого баня есть. Я обязательно залезу в баню, вымоюсь, вытряхну все на печку, вытряхну – и все. В деревнях же замков не было, а колышек такой и клямка. Вода оставалась, и печка горячая. Волосы были длинные, а одна прядь – белая. Меня еще Фесько спрашивали, не лишей ли у меня на голове. Поседела, пока в яме была.

Я бабушкам сказала, что зовут меня Валя (фамилию у меня никто не спрашивал) и всю свою легенду. Утром одна из женщин (ее звали Анна), говорит мне: «Куда мы сейчас пойдем, на дорогах беспокойно, вряд ли ты дойдешь до Могилева. Хочешь, я тебя отвезу в деревню Запрудье к своей свояченице Геле, у нее дочка Танька, ей три года, но она не ходит, будешь ей помогать по хозяйству». Я была рада этому приглашению.

Сказать, что я была очень похожа на еврейку, нет. У меня чисто русская речь, правда, седые волосы могли выдать, но я всегда носила на голове платок, к тому же я помнила, что в нашей школе была девочка тоже полуседая, говорили, что она больная.

Тетка Анна на санях меня завезла в Запрудье к Геле. Геля меня полюбила. И, хотя я не умела хорошо ходить за ребенком, но вязать, чистить картошку, стирать я могла. У Гели я прожила недолго, где-то около двух недель. Однажды вечером Геля пришла с улицы и говорит: «Слышала я, что ты жидовочка? Забьют меня, тебя и Таньку. Иди от меня».

А к этой Гельке приходили Паркаловы - Евдак (Евдоким) и Люба (ее все звали Евдациха). Дочка Евдацихи мне и говорит: «Папа сказал, чтоб

мы тебя забрали». Я и перешла к ним. В семье Евдокима ко мне хорошо относились. Мы даже спали вместе – две его девочки и я. У них был такой черепок чугунный (как теперь помню), и были гуси. Они резали этих гусей, варили. На кусочке хлеба кусочек сала – так он давал мне первой! А брат Евдака Федька служил в полиции. Вот он приходит и говорит: «Если ты жидовка, то я тебя прибую». Я ему говорю: «Сам ты жид!» «А почему?» «А ты черный, значит, жид!» «А где ты жила?» «В Минске, в детском доме». «А где был детский дом?» А было когда-то кино – «11 июля». Показывали Минск, кинотеатр. Я и говорю: там-то и там. Он говорит: «Да, там был детский дом!». А Евдак ему и говорит: «Отчепись ты от этого дитяти, не трогай ты ее».

Недалеко на пригорочке стоял маленький поселок Голубок. В конце декабря 1941 г. приходит оттуда дедушка, с черной бородой (еврей пришел, думаю я). Тоже просит отдать им меня. Говорит, что у его дочери Саши мальчик-инвалид и еще двое маленьких. Одному три месяца, другому – два года, а этот сидит в кресле. Хозяева мои говорят: «Если она хочет, пусть идет. Как мы можем ее отдать?» Я согласилась. Это был Ялинский. А дочка его – Александра Скрипко. Назавтра она пришла за мной и привела к себе. Я назвалась Валей. Домик был маленький (как эта моя комната). Тут и печка, тут и все. Стоял на пригорочке, и все деревни и поля – как на ладони. Прихожу, смотрю: на печке сидит Шапиро Цилия, свислочская зубной врач. И показывает, чтоб я молчала. Наутро она ушла. Говорили, что добралась до партизан, но они ее убили. Партизаны тоже убивали. Убивали без всяких разговоров. Вот Рубинштейна, учителя, который был в партизанах, они тоже его убили. Послали в разведку, а за ним пошел другой и убил его, и все. Это правда, так, как сегодня у нас среда! Я неправду говорить не буду. Мне рассказали люди, которые были в этом отряде. Убили за то, что они евреи. Какая разница! И полицаи грабили и убивали, и партизаны убивали и грабили...

Стала я жить у этой Саши. Дед прямо влюбился в меня. Такая девочка, и на русском языке говорит! А жена его – баба Ганна: «Адправь яе, бо яна наш хлеб есць!» А дед говорит: «Она ж зарабатывает». Дрова я колола, огород городила, строгала, ездила в лес с Сашей и дедом, рубили деревья. Я вязала за хлеб. Платок свяжу – пуд или ячменя, или овса, или жита. А Маня, сестра Саши, болела и до войны лежала в Минске в больнице. Потом вернулась домой. С Маней мы подружились. У Саши был Витька, на несколько лет моложе меня, инвалид детства. Я его все время таскала. Такой был умный парень! Разговаривал, а ходить не мог. И

еще двое малышей - Пашка, 1939 г., и Володя, 1941 г. рождения. После войны родились Рая и Коля. Паша живет в Запрудье, Коленька где-то в Перми, Рая живет в Осиповичах на Белорусской, 28. А Витя вскоре после войны умер в доме инвалидов.

Стали появляться партизаны. Отряд Орлова, а там и Изох Иван, тоже с Кличевского р-на. Они спалили дом Феди-полицая, брата Евдака, вместе с самим Федором и матерью его.

Однажды Маня приходит и возмущается: вот эти партизаны, забрали ботинки на шнуровке! И что-то еще забрали. Я спрашиваю: «А кто был?» Она отвечает: «Калинин из Людского». «Ну, так пойдем, заберем у него». Это же надо! Ну, ума не было! Собрались, пошли к его жене. Она сказала, что их отряд в деревне Топило. Мы ей рассказали, зачем пришли. Она запрягла коня, и мы поехали. Я пошла к начальнику отряда. В общем, позвали его, вытрясли все из его мешка и отдали нам. Жена уехала, а мы пешком пошли. Недалеко, километров двенадцать, что ли. После войны я сама себе удивлялась за этот поступок.

Или еще вот случай. Как-то с девочками зашли мы к знакомой девочке Гельке Дыбаль, она была старше меня, а отец ее в тюрьме отсидел. Приходим к ним, и что я там вижу? На этой Гельке платье, которое с меня сняли, когда убивали! Узнала я его по юбке. Она такая была расклешенная, и пуговички тут. Серая юбка. Моя мама была портниха хорошая, даже мундиры шила когда-то. Меня учили делать штопку. Хотя я была уже в восьмом классе, а ума еще не было, так я взяла, на этом платье (на новом платье!) сделала зеленую штопку. С одной стороны зеленую штопку, а с другой стороны – красную штопку. И на ней это платье со штопками!

Там еще интересней было. Когда эта Гелька в пальто пошла в Кургане на танцы, там кто-то узнал на ней свое пальто, и люди сорвали его с нее. Оказывается, отец ее украл это пальто. И она бежала домой голая по холоду.

Однажды ночью отец Гельки, его звали Аркадий Дыбаль, с какими-то людьми пришел к нам, к хозяйке. Она прятала сало под полом. Я узнала сразу его, этого Аркадия. Но хозяйке ничего не говорила. Они пришли, будто партизаны, и забрали это сало.

Таких было много, которые грабили под маской партизан. И партизаны грабили. И полиция грабили, и власовцы приезжали – грабили. И все грабили. Кому не лень. Без грабления ничего не было.

Часто меня спрашивают: как ты все это помнишь? Я так не помню, но когда закрываю глаза, я все это вижу. Еще мне иногда говорят: ты это выдумываешь! Нет! То, что было – то было.

«Нас спаслось только пятеро»

Слышим мы, что-то такое гремит. Говорят, что в Челнах немцы. Мы все собрались (я, Маня, Валька Жукова, тетка Дарья – это все родственники Ялинские, Катя-невестка с дитем маленьким) и пошли в лес. Саша с детьми дома осталась. Долго там прятались, пока нам не сказали, что это красные. Конечно, мы все были очень рады, что наши вернулись.

Все дома расстрелянных евреев заняли свислочские жители, и все вещи разобрали. Если скажут, что эти дома стояли пустые – это вранье, вранье и еще раз вранье! Все дома были заняты. Некоторые дома сгорели во время войны, а остальные все были заняты.

Потом я пришла в Свислочь уже одна, нашла тетю Маню, жену дяди Аббы. Она русская, точнее, белоруска, и дети ее остались живы – Люда и Валя – они сейчас живут в Киселевичах. Она говорит: «Девочка, вы кого-то ищете?» Я говорю: «Вас, тетя Маня». Она меня не узнала, я сама ей сказала, как меня зовут. А тут зашла какая-то соседка и говорит: «Она на еврейку не похожа, она врет. Теперь так принято - врать». Потом признала меня, конечно. Побывала немного у нее. Ночевать я ходила в свой дом, хотя там жили чужие люди - Астрашевские.

В декабре 1944 г. вернулись в Свислочь из эвакуации папа и сестра Нина.

Нас было пять человек, спасшихся при расстреле 14-15 октября 1941 г. Это я, Изя Авсиевич, наша учительница Софья Адамовна с дочкою (1940 г. рождения) и Нина Файнберг. Все, больше никого не знаю, кто б остался в живых. Мать с отцом Изи перед войной переехали в Бобруйск, а он оставался у бабушки. Все его родные, кто был у бабушки, погибли, а он выжил. А сейчас в живых нас только двое: я и Изя Авсичевич. Он живет в Бруклине. В 1994 г. я была у него в гостях...

Жизнь после войны

В 1946 г. я закончила бухгалтерские курсы в Минске. Там познакомилась с моим будущим мужем. Он был старше меня на девять лет, фронтовик. Он тоже еврей, по фамилии Финкельштейн. Абрам (Аркадий) Финкельштейн. Я свою фамилию не меняла. Детей у нас не было.

Папа после войны женился на русской женщине, построил себе домик в Елизово и стал там жить, а мы остались в нашем доме в Свислочи. Сначала я работала счетоводом-кассиром в сапожной артели в

Слободе. Потом ее соединили с корзиночной артелью, а затем - с бондарной. Я там продолжала работать, позже стала бухгалтером.

Пошла в вечернюю школу в Елизово, в 11-й класс. Это было в 1953 или 1954 г. Нужно было пешком ходить за семь километров. Приходилось ходить одной. Однажды молодые парни и девки оделись в белые простыни и с палками бегали ночью на кладбище. Они меня сильно напугали. И я перестала ходить в школу. В 1958 г. организовалась вечерняя школа в Свислочи. Я опять пошла в 11-й класс и даже была председателем учкома.

В 1962 г. у меня умер муж, и в 1963 г. я переехала в Минск. Поступила в техникум строительных материалов на заочное отделение. Еще я училась в университете экономических знаний при горкоме партии. Работала инженером по организации и нормированию труда на заводе железобетонных изделий. 2 июля 1963 г. я пришла на завод, а ушла 1 августа 1989 г. В настоящее время на пенсии, живу в Минске».

На этом запись воспоминаний Цили закончилась. А дальше мы говорим с нею уже по телефону.

- Как вы живете сейчас, Цили, не одиноко ли вам? - спрашиваю я ее.

- Хорошо живу, - отвечает она. – У меня все есть, квартира хорошая, пенсия. Я не одна живу, а с телевизором. У меня много друзей хороших. И в доме есть хорошие друзья. Вот на четвертом этаже подруга живет. Ее дочка зимой мне все приносит из магазина. Я зимой из дома стараюсь не выходить, скользкоты боюсь. Сестра моя Нина живет в Америке, в Бруклине. У нее муж умер, но есть две дочери, внуки и внучки и даже правнуки. Я у нее уже три раза была. И ближе к зиме снова полечу, потому что летом в Нью-Йорке жарко, мне тяжело. Я тебе скажу, у нас в Белоруссии все есть, что есть в Америке, а наши продукты даже лучше, чем в Америке. Мне здесь хорошо, и я никуда не хочу уезжать из Минска. А Левочке и Мишеньке передай привет, скажи, я их очень люблю. У меня есть дома их фотографии и фото их родителей – дяди Меира и тети Ханы...

P.S. Пока я работал над этим очерком, Цили Рубинчик полетела-таки в Америку, в гости к своей сестре Нине Гавлиной, где пробыла несколько месяцев. Там же - в Нью-Йорке, в Бруклине живет и тот самый «Мишенька» - Миша Баршай, мой двоюродный брат, о котором говорила Цили. Через полвека разлуки, сестрам удалось встретиться с другом своей юности. Как прошла эта волнующая встреча, о чем говорили, смеялись и плакали трое немолодых людей, можно только догадываться...

**СПАСЕНИЕ ОТ ХОЛОКОСТА: ЕВРЕИ ИЗ ПОЛЬШИ
И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ РЕСПУБЛИК ССР
В ТАШКЕНТЕ В ДОКУМЕНТАХ МЕСТНЫХ АРХИВОВ**

В условиях угрозы жизни проводимой гитлеровцами политики Холокоста тысячи евреев из западных областей СССР, оккупированных германскими войсками, прибывали в Ташкент. В результате такого потока численность еврейского населения города достигла 200 тыс. На территории СССР по последним данным к началу войны проживало около 4 млн 855 тыс. евреев (без учета еврейских беженцев из Польши и Румынии, но с учетом территорий, присоединенных с сентября 1939 г.), 4 млн 95 тыс. проживали на территориях, которые позднее были оккупированы нацистами. В тыл было вывезено примерно до 1,4 млн евреев.

По данным ЦСУ СССР, из учтенного по спискам на 15 сентября 1941 г. эвакуонаселения (кроме детей из эвакуированных детских учреждений) доля евреев была равна 24,8% (на втором месте после составлявших основную часть рабочих на заводах русских – 52,9%). В материалах Еврейского антифашистского комитета содержится утверждение: «В Узбекистан, Казахстан и др. среднеазиатские республики эвакуировались в начале Отечественной войны около 1,5 млн евреев». По данным Совета по делам эвакуации на начало декабря 1941 г., евреи составляли уже 26,9% от всех эвакуированных. Всего по данным Центрального справочного бюро, действовавшего при Совете по эвакуации, предварительным результатам переписи эвакуонаселения и др. источникам, из угрожаемой зоны удалось переместить в тыловые районы различными видами транспорта примерно 17 млн чел. Советское правительство для спасения евреев предоставляло транспорт. Еврейских колонистов в Крыму эвакуировали столь заблаговременно, что они были в состоянии вывести весь скот и сельскохозяйственные орудия. Кишинев был занят немцами 16 июля 1941 г., из 65 тыс. евреев, которые проживали в городе к началу войны, вглубь СССР успели эвакуировать 52 тыс. [1].

Эвакуация перед наступающими немцами шла не только по железной дороге, на грузовиках и легковых автомобилях, переполненных евреями и их движимым имуществом (нередко везли и мебель, пианино), но частично и на лошадях. Немцы бомбили железные дороги и большие

шоссейные дороги, а по проселочным дорогам ехать было сравнительно безопасно. Поэтому немало евреев предпочли этот способ эвакуации, как хоть и медленный, но зато безопасный. Луис Левин (Louis Levine), президент Американского Еврейского Совета по помощи России, после своей поездки в Советский Союз заявил 30 октября 1946 г. в Чикаго: «В начале войны евреи были одними из первых, кого эвакуировали из западных областей, находившихся под угрозой оккупации. Два миллиона евреев были таким образом спасены». Эта цифра подтверждается Дэвидом Бергельсоном (David Bergelson), который написал в выходящей на идише Московской газете *Ainikeit* 5 декабря 1942 г.: «Благодаря эвакуации, большинство (80%) евреев Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии были спасены» [2]. При подсчете еврейского населения надо учесть более полумиллиона мобилизованных в армию военнообязанных евреев и евреек, а также обязательную эвакуацию мобилизационного резерва молодежи в возрасте 14-16 лет [3].

Евреи прибывали в Узбекистан, спасаясь от фашистской угрозы уничтожения, из Белоруссии, Украины, западных областей России и Польши. Первым условием успешной эвакуации была возможность воспользоваться транспортным средством. Наиболее эффективным транспортом, учитывая расстояния, о которых идет речь, был поезд. Однако для того, чтобы попасть на него, надо было получить разрешение на эвакуацию. Если человек или семья не принадлежали к категориям населения, которым был дан приоритет в эвакуации, получить такой документ было трудно. Уже в эвакуации без этого документа также было невозможно получить продовольственные карточки, без которых практически не существовало способа добыть пропитание. Миллионы людей эвакуировались без разрешений и документов. Они фактически самостоятельно добирались до тыла. Иногда удавалось получить разрешение по дороге. Многие получали соответствующие документы уже в местах эвакуации, найдя работу. Даже те, кто получал карточки, жили трудно. Так, на неработающего человека, как правило, полагалось 200 г. хлеба в день. Более «привилегированным» категориям, а также детям в детских учреждениях полагалось 600 г. в день. Работающие, как правило, получали от 600 до 800 г. в день. Именно этим объясняется тот факт, что большинство подростков в эвакуации, начиная с возраста 12-13 лет, стремились попасть на работу. Физические условия жизни были разными. Так, сотрудники эвакуированных предприятий часто жили в бараках, а первое время даже в палатках по многу человек. Нередко семья

занимала трехэтажные нары по количеству членов семьи, отделяясь от других жителей барака простынями. На более поздних этапах строили картонные и деревянные перегородки. В других местах людей селили по уплотнению. Т.е. к семье в квартиру подселяли еще одну семью. Те, кто мог, снимал себе жилье, часто за ценные вещи, привезенные из дома. Те, у кого были в тылу родственники и знакомые, как правило, предпочитали обращаться к ним [4].

Следует заметить, что основная масса вообще эвакуированных в Ташкент, по официальным каналам, были жители Москвы и Ленинграда – 56% от общего числа эвакуированных. Часть населения добиралась из западных областей СССР собственными силами. Здесь же находились многие тысячи евреев-беженцев из Польши (часто высланные в 1939 г. в Сибирь). В первые же дни войны большая часть беженцев эвакуировалась в Ташкент и Самарканд. Некоторые из беженцев писали письма, призывая знакомых к переезду в Среднюю Азию. Позднее много евреев прибыло в Ташкент из Белоруссии, с Украины, восточных областей России. В Ташкенте эвакуированных встречали порой прямо на вокзале и часто распределяли по семьям местных жителей. Отдельным интересным вопросом является участие евреев в армии В.Андерса, формируемой польским эмигрантским правительством на территории Узбекистана (под Чирчиком) и Казахстана [5].

Значительная часть польских евреев была направлена на Ташкентский текстильный комбинат. Жить пришлось в наспех построенных общежитиях барачного типа, которые были мало приспособлены для нормального существования. Находились они на полуказарменном положении, мало отличавшимся от режима, установленного для сосланных сюда на поселение по приговору суда. Положение этой группы эвакуированных было более сложным [6].

Как отметил журналист - политолог М. Давидзон в статье «Преданное братство», опубликованной в тель-авивской газете «ВЕСТИ» в июле 2005 г., «детям повезло: директором детдома, где оказались дети польских евреев, был бывший фронтовик, который, как умел, облегчал их участь» [7].

Среди эвакуированных евреев был ряд известных позднее в Узбекистане людей: М.Л. Вайс - преподаватель латинского языка в Польше, позднее один из руководителей Главного Архивного Управления Узбекистана; с Украины - видный затем работник МВД Узбекистана С.И. Клевицкий; проректор Финансово - Экономического института Н.Хацкевич.

В Ташкент был эвакуирован ГОСЕТ (возглавлявший его С.М.Михоэлс поставил несколько пьес в местных театрах, а в апреле 1942 г. стал художественным руководителем Узбекского театра оперы и балета), киностудии, где работали режиссеры М.И. Ромм, И. Хейфиц, А. Г. Зархи, Л. Трауберг, Гр.М. Козинцев и многие актеры - евреи; многие евреи приехали в составе педагогов Ленинградской Гос. Консерватории; в городе разместился ряд научных учреждений и вузов, среди сотрудников которых было немало евреев, в их числе Ленинградский Текстильный Институт.

В 1941–43 гг. в Ташкенте жил писатель и поэт (позднее репрессированный) П.М. Каганович (Дер Нистер). Евреи в целом играли в годы войны весьма заметную роль в экономике и культурной жизни Ташкента, среди них было много научных работников и деятелей искусства: композиторы М. Штейнберг, Б. Зейдман, С. Юдаков Г. Мушель, М. Левиев, режиссер А. Гинзбург, художники В. Зеликов, И. Вальденберг, В. Рыфтин, скульптор Я. Шапиро. В конце войны и, особенно, после ее окончания, многие выехали за пределы Узбекистана, но немалая часть - особенно потерявших всех близких, дома и т.д. - оставались в Ташкенте, Самарканде и др. городах Узбекистана, и в послевоенные годы играли активную роль в жизни республики. После окончания войны часть эвакуированных вернулась вместе с родителями в Польшу, а часть осталась в Узбекистане и успешно трудилась до распада СССР в различных сферах экономики, культуры, народного образования республики. Среди них Майя Слуцкая, которая окончила в 1951 г. в Ташкенте исторический факультет местного университета, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук и долгое время работала в одном из вузов республики. При всех негативных сторонах сталинского режима в СССР тогдашний Советский Союз был для евреев-беженцев единственной альтернативой по сравнению с гитлеровской Германией.

В архивах Узбекистана хранятся документы, в которых отражены процессы эвакуации в Узбекистан беженцев из Польши, из восточноевропейских республик СССР - Украины, Белоруссии, западных областей РСФСР. Обычно материалы по эвакуации централизованно концентрировались в отношении всех эвакуированных с предприятиями, организациями, а также приезжавших в Узбекистан в эвакуацию семьями в специальной централизованной комиссии (а детьми, потерявшими родителей, занималась специальная комиссия во главе с У.Юсуповым и зам.наркома просвещения Узбекистана Е.В.Рачинской). В их числе есть

материалы и по еврейским семьям. Далее по мере того, как эвакуированные семьи расселялись по городам Узбекистан, материалы их учитывались на местах и в настоящее время находятся в областных архивах Узбекистана и Городском Архиве г. Ташкента. Специальные материалы, выделенные в особую группу, хранятся в Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан [8]. Большой интерес представляют в этом плане материалы фонда № Р-314, Опись №7 «Переселенческого управления при совете министров УзССР» на 29 листах. Опись составлена в 1971 г. Содержит список документов за 1939-1953 гг., список документальных материалов разных объемов. Количество единиц хранения 194, в т.ч. «Годовые и квартальные отчеты об исполнении расходной сметы по республиканскому бюджету областных переселенческих управлений». Фонд № Р-864, опись № 1-2 «Учетно-справочного бюро при управлении милиции Народного комиссариата внутренних дел Узбекской ССР» - на шести листах. Эта опись составлена в 1942 г. и содержит список документов за 1941-1942 гг. Содержит список документальных материалов разных объемов в среднем от десяти до 400 листов. Количество единиц хранения 32 в первой части описи и 144 во второй. Опись включает в себя такие дела как, например: «Переписка с Центральным справочным бюро», «Приказы, инструкции и директивные материалы», «Отчеты, сметы, докладные записки, рапорта и акты», «Телеграммы по розыску эвакуированных граждан», «Списки на эвакуированных граждан из прифронтовой полосы, февральский подворный учет 1942 г.» [9]. Сохранилось немало и семейных архивов. Среди еврейских семей, бежавших от угрозы Холокоста на Украине, были приехавшие, например, из Харькова и Одессы, семьи Клевицких, Хацкевичей, Миренских и др. Так, например, Русак Мира Моисеевна приехала с родителями в эвакуацию молодой девушкой, окончила физмат Среднеазиатского Гос. Университета. Вышла замуж за Бориса Иегудовича Русака, сам Б.И.Русак учился в том же САГУ, был довольно известный в Ташкенте физик-теоретик и методист, заведовал кафедрой сперва методики преподавания физики, потом теоретической физики в Таш.Гос.Педагогическом Институте им.Низами, автор и научный редактор ряда книг. М.М.Русак преподавала в ряде школ, потом -уже после кончины мужа, защитила диссертацию и стала кандидатом педагогических наук (по методике преподавания), работала в Ташкентском Гос. Университете, преподавала общую физику. Они имели двух сыновей, родившихся уже в Ташкенте. Старший - Марк Борисович

Русак, 1950 г.рожд., холост, окончил Мос. Консерваторию, известный в Узбекистане специалист - музыковед., кандидат искусствоведения, преподавал в Ташкентской Консерватории, в муз-школе-лицее им. В.А. Успенского при Консерватории и сейчас - в Муз-Худ. колледже. Младший сын Юрий Борисович Русак окончил мехмат ТашГУ, преподавал там же, канд. физ.мат.наук, в 1992 г. с женой и двумя детьми уехал в Австралию, жил в Сиднее, сейчас в Канберре, работает программистом.

Семен Ильич Клевицкий и его жена Александра Григорьевна Кун тоже были эвакуированы. С.И. Клевицкий был офицером, начальником производственного отдела Управления мест заключения (исправительно-трудовых учреждений) МВД Узбекистана. Их единственный сын Георгий Семенович Клевицкий окончил Ташкентский Политехнический Институт по специальности «Геофизические методы разведки» геолфака, работает руководителем подразделения производственного объединения «Узбекгеофизика» (партия обработки сейсмоматериалов).

Арон Иович (Ионович) Хацкевич тоже был эвакуирован с женой и братом жены из Харькова в 1941 г., был главным бухгалтером треста «Узбексвязьстрой» и в др. местах. Его жена Анна Наумовна Миренская была бухгалтером, скончалась в середине 90-х гг. Их старшая дочь - Нелли Ароновна Хацкевич - до выхода на пенсию учитель младших классов. Их сын – Борис Аронович Миренский (1948-2003 гг.) - известный юрист, полковник, доктор наук, профессор.

Способствовали развитию культуры Узбекистана композитор Р.Глиэр, мастера кинематографии М.И. Ромм, И.Е. Хейфец, и др., находившиеся в эвакуации [10].

Ряд представителей эвакуировавшихся в Узбекистан еврейских семей приняли активное участие в войне с фашизмом на фронтах. Среди них – получившие звания Героя Советского Союза Владимир Борисович Прыгов (семья эвакуировалась из Киева, на ст. Зирабулак Самаркандской обл., сам В.Б.Прыгов окончил находившееся в Самарканде Харьковское танковое училище); Семен Григорьевич Гельферг (уроженец Киева, семья приехала в Ташкент из Одессы); Миля Лазаревич Фельдштейн (из Харькова) [11] и др. Большинство эвакуированных жило скудно, многие с собой мало что смогли привезти, но в Узбекистане началось всенародное движение по оказанию помощи прибывшим - сбор вещей и денег, организация эвакуопунктов, детдомов, интернатов, предоставление ночлега. В первые месяцы войны приехавших нередко встречали прямо на вокзале и распределяли по семьям

местных жителей, многие узбекские семьи делились жилищем, проводилась большая работа по вопросам трудового устройства, организации медико-санитарной помощи, обеспечения топливом и т.д. Имеются многие воспоминания С.Барановской из Витебска., семьи Сруля Леманова из Одессы, Ф.Н.Шамаевой и др.[12] о большой помощи, оказанной им в Узбекистане, о дружбе и сотрудничестве с населением Узбекистана в трудные военные годы.

Через Центральный детский эвакупункт прошли вместе с детьми др. национальностей 4 тыс. 306 еврейских детей [13]. Спасшиеся от фашистского изуверства, специалисты – евреи работали активно на многих эвакуированных предприятиях. Так, например, большой вклад в организацию работы в Ташкенте Запорожского Карборундового завода играли и люди еврейской национальности: главный инженер Р.И. Коропова, инженеры С.Д. Шарфман, А.М. Бродский, А.М. Гуревич, Б.Я. Ортенберг, А.И. Эйдель, М.Р. Бердичевский, П.И. Зилбер и др. [14]. На территории Узбекистана работали многие выдающиеся музыканты-исполнители - евреи и др., находившиеся в эвакуации. Во время войны приезд эвакуацию не только спас артистов еврейских театров, но и сами театры продолжали в годы войны творческую деятельность в Узбекистане – причем не только знаменитый Московский ГОСЕТ во главе с С.М. Михоэлсом [15], но и ГОСЕТы из Киева, Харькова, Одессы и Львова, а также еврейские театральные ансамбли под руководством Сиди Таль (Биркенталь), Клары Юнг, и Анны Гузик [16].

Среди эвакуированных были и прославленный шахматист, знаменитый гроссмейстер Соломон Флор, из оккупированной гитлеровцами Чехословакии и другой известный шахматист и шахматный композитор из Ленинграда - Виталий Чеховер.

Несмотря на то, что в годы войны имели место тенденциозные порой подходы к еврейскому населению, были случаи репрессий против эвакуированных евреев [17], в целом эвакуация в Узбекистан была спасительной для многих евреев, которым грозили ужасы Холокоста, и в Национальном Архивном Фонде Узбекистана немало интересных материалов, рассказывающих об этом.

1. 12 Jews Survive in Kishinev Where 65.000 Lived Before War 13.000 Murddered,
2. Ainikeit 5 декабря 1942 г.
3. <http://rud.exdat.com/docs/index-663041.html?page=6>

4. Эвакуация евреев СССР во время Второй мировой войны// http://www.yadvashem.org/yv/ru/education/learning_environments/families/evacuacion.asp

5. Израэль Гутман Евреи в АРМИИ АНДЕРСА сформированной в СССР.// http://yadvashem.org.il/yv/ru/pdf/yad_vashem_studies/gutman.pdf
См.Межэтнические отношения в довоенной Белоруссии; Гитлин Семен. Исторические судьбы евреев Средней Азии. Появление в регионе. История. Исход. - Тель-Авив-2008, - с.691.

6. Б. Соловьев, эвакуированный из западных областей СССР в узбекский г. Джизак и имевший возможность общаться, отмечал, что советские власти далеко не всегда помогали беженцам из Польши (См. С.Шварц. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952, с.190-191. Ц.по кн. С. Гитлина. Национальные меньшинства в Узбекистане, Тель- Авив, 2004, с.590). Из оказавшихся в этом городе польских евреев на работу относительно быстро устроились специалисты и квалифицированные рабочие. Но большинство их маялось долго. Одиноких стариков и старушек, а также тяжело больных направляли в инвалидные дома. (Б. Соловьев. Моя мама и польские евреи. Еврейский камертон. Ежедневное приложение к газ. «Новости недели», 21 марта 2002, Тель- Авив. Цитир. по кн. С. Гитлина.Национальные меньшинства в Узбекистане. Тель- Авив, 2004, с. 592). Он, будучи в 1944 г. в одном из таких домов, отмечал: «Среди жильцов барака были больные с нервными отклонениями, сердечники, калеки и др. несчастные. Но в этом доме медицинских работников не было. Лекарства в аптечке были из числа т.н. «общего назначения», да и тех не хватало. В этом кишлаке, расположенном недалеко от Джизака, не было даже медпункта. Только раз в месяц приезжал врач с медикаментами, а остальное время его заменяла медсестра. Благодаря настойчивости эвакуированной С. Винарской, местные власти выделили инвалидному дому определенную долю вещевых и продуктовых посылок, полученных от американских еврейских организаций специально для депортированных в Узбекистан» (см. там же). Как отмечалось в докладе одного из беженцев Р.Эрлиха Американскому Еврейскому Комитету: «польские евреи сначала рассчитывали обеспечить свое существование, работая в качестве рабочих на промышленных предприятиях, в колхозах, кооперативах ремесленников. Но вскоре они убедились, что регулярный заработок, который им обеспечивал этот труд, не спасает их от угрозы голодной смерти». Автор доклада, ссылаясь на одного из им опрошенных, приводит

его рассказ: «Я поступил на работу в хлопковый совхоз. За вычетом подоходного и военного налогов, удержаний на правительственный заем, мой заработок достигал 150-180 руб. в мес. На эти деньги можно было прожить лишь несколько дней. Я взял поэтому дополнительную ночную работу. Во время эпидемии я рыл могилы и делал гробы. Я собирал тряпки и шил из них обувь и домашние туфли, которые продавал на рынке» (Цит. по книге С. Гитлина. Национальные меньшинства в Узбекистане. Тель-Авив, 2004, с.591). В то же время, разумеется, следует учитывать сложные и противоречивые пути адаптации польских беженцев к нелегким условиям военного времени. В сентябре 1941 г. на узловую станцию Каган, находящуюся в Бухарской обл. Узбекистана, прибыл состав с детьми польских беженцев, в числе которых были выходцы из семей евреев- офицеров Войска польского. Доставив детей в г. Бухару, местные власти распределили их по узбекским кишлакам, в детские дома закрытого типа, ранее предназначавшиеся для сосланных в эти края детей репрессированных ответственных работников. Эти детские дома находились под особым контролем территориальных органов НКВД, но снабжались продовольствием из фондов иностранной помощи СССР.

7. См. Гитлин Семен. История евреев Средней Азии. Тель-Авив, 2008, с. 678

8. ЦГА РУз ф. Р-314, Опись №7, ф. Р-864, опись № 1, 2

9. См. ЦГА РУз Ф. Р-314, опись №7; Ф Р-864, опись № 1-2

10.Кадырбаев А.. Узбекистан//Central Eurasia.Com// <http://www.central-eurasia.com/uzbekistan/?uid=1121> CM так же Cv/nfr;t <http://apfomin.livejournal.com/30620.html>; Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 306-312.; Швейбиш С. Эвакуация и советские евреи в годы катастрофы // Вестник Еврейского университета в Москве. (М.; Иерусалим) 1995. № 2 (9). С. 53 и др.См. также Ибрагимов А.Ю., Участие народов Узбекистана в войне с фашизмом (1941-1945 г.) // История Узбекистана / Авт. коллектив Раджапова Р.Я. (рук). – Ташкент: «Укитувчи», 1995. – С. 205, 207, 213,220-221

11.См.Свердлов Ф.Д.Евреи генералы Вооруженных Сил СССР/Краткие биографии/М.1993,СС.148-149,268.;Гитлин Семен. Исторические судьбы евреев Средней Азии. Появление в регионе. История.Исход.,-Тель-Авив-2008;СС. 666,668.

12. Гилин Семен. Указ. Соч. СС.675-677.

13. Гилин Семен. Указ соч. сс.677-678 Известная семья Бахри и Шаахмеда Шамахмудовых усыновили и воспитали 14 детей различных

Страницы Холокоста

национальностей: русских, узбеков, украинцев, молдаван, евреев, татар, казахов. Когда их спросили, почему усыновили детей разных национальностей, они ответили: «Не знаем, не выбирали... Весь народ - один народ».

14. Гитлин Семен. Указ.соч.С.679.

15. Как известно, здесь С.М.Михоэлсом созданы новые постановки, в т.ч. «Король Лир» В.Шекспира. Михоэлс помогал в подготовке спектаклей Театру оперы и балета и узбекскому драматическому театру им.Хамзы, а сам Михоэлс в Московском ГОСЕТе поставил узбекскую драму К. Яшена и ВА. Умари «Хамза№,а вместе с режиссером Уйгуном спектакль «Муканна», посвященный знаменитому восстанию против арабского ига. Целый ряд артистов и работников театра были награждены в Узбекистане. См. ЦГА РУз ф.Р-847, оп.32. д.4123, лл.98-100,ф.Р-2454, оп.1 д.957.л.171.Вексельман Макс.Московский государственный еврейский театр (декабрь 1941 - сентябрь 1943 гг.)С.М. Михоэлс в Ташкенте//Семь искусств. №3(16).М.2011.; Еврейский театр в Ташкенте http://www.liveinternet.ru/users/lida_t/post305027313/; Григорий Нисенбойм. Археолог духовной культуры//электронный журнал «Здесь и живем»// <http://www.arad-plus.com/izrailskie-fotografy-v-arade-grigor/>

16. Гитлин Семен.Указ.соч. с.683

17. Например, дело эвакуированного из Молдавии (Бессарабии) И.И. Левинзона главврача в годы войны Рометановской больницы в Бухарской обл. по обвинению в антисоветской агитации, реабилитированного уже в 1945 г. См.ЦГА РУз. ф.Р-2424 оп.1, д.2026 л.103,106-106 об. Но, как сказал один из эвакуированных польских евреев: «Мы поняли, что из двух зол судьба уготовила меньшее: лучше в сталинском Союзе, чем нацистская Германия. В условиях, когда в Европе было уничтожено шесть млн евреев, польские беженцы смогли остаться в живых». См: С. Гитлин. Исторические судьбы евреев Средней Азии. Тель-Авив. 2008, с. 689.

Решетов В.П.

ДЕТИ ХОЛОКОСТА. ЧУДО СПАСЕНИЯ

Когда они рассказывают о своих судьбах, часто звучит слово «чудо». Действительно, иначе трудно объяснить, как можно было спастись еврейскому ребенку в условиях нацистской оккупации, когда, казалось, весь мир против тебя, все обстоятельства и условия жизни ведут к

неминуемой смерти. И все же - кого-то неизвестные люди вынесли из гетто, кого-то спрятали соседи, кого-то приютили в монастыре... Все эти потрясающие, невыдуманные рассказы довелось услышать недавно в Варшаве, в Обществе «Дети Холокоста» в Польше, которое отмечает в этом году 25 лет со дня основания.

Александра Лелива-Копыстыньска:

Имена у нас всех - польские. Все просто: мы когда-то изменили свои имена, чтобы спастись. Я вспоминаю, что моя мама, сидя за столом, раз за разом писала биографию от начала до конца, чтобы запомнить, если кто спросит, кто ты такая. Повторяла одну и ту же историю, чтобы не ошибиться. Девичья фамилия мамы Беднарска – прекрасная польская фамилия. А настоящая – Ваксенбаум. С этой фамилией выжить было бы невозможно. А моя девичья фамилия – отец был поляком – Олсовович. Таким образом, я наполовину еврейка.

Почему мы организовали эту ассоциацию? Это случилось в 1991 г. Опубликовали объявление в газете, и люди начали звонить в редакцию и становиться членами организации. Очень важную роль в создании этой организации сыграл главный раввин Польши Михаэль Шудрих. Он обратился к первым членам нашей организации и помог им поехать в Соединенные Штаты Америки.

Иоанна Соболевска:

- Я принадлежу к матерям-основательницам этой организации. У меня был друг в Варшаве. Я училась в Советском Союзе. И он тоже учился в Советском Союзе. У нас одна и та же профессия – агроном. И друг сказал мне: знаешь, в Варшаве есть одна знакомая, которая в те же годы училась в СССР в Одессе, ты можешь найти ее. Она вернулась после учебы в Варшаву и пошла в Еврейский исторический институт. А потом решила создать организацию детей, спасенных от Холокоста. И это случилось благодаря Фонду Лаудера. Этот фонд начал помогать восстанавливать еврейскую жизнь в Польше. Фонд организовал наш визит в США, на второй конгресс спасенных детей. Нас было вначале 19 таких детей и трое Праведников мира, кто спасал евреев. Теперь известны 1 тыс. 600 чел. – в США, и др. странах – спасшихся в годы Холокоста. Вернувшись в Польшу, мы основали эту организацию.

Барбара Гура:

- Я была в Варшавском гетто, наверное, в течение 18 месяцев. У каждой из нас была своя история. Но говорить о том, что было после, нельзя без того, чтобы не говорить о том, что было во время Холокоста.

Кристина Будницка:

- Расскажу о себе кратко. Я происхожу из предвоенной многодетной, религиозной, традиционной семьи. Была восьмым, самым младшим ребенком. Родилась в еврейском квартале в Варшаве, можно сказать, в гетто. После трех с половиной лет в гетто вышла по подземным каналам в город. И выжила - единственная из всей семьи. Шестеро братьев, сестра, родители... все погибли... Просто для меня случилось чудо. Отец был столяром, делал укрытия, чтобы мы скрывались. Мне было семь лет, когда началась война. Потому я все помню. Когда война кончилась, мне было почти 13. Сейчас мне 84 года, я родилась в 1932 г. Мое имя при рождении - Хена Кучер. А теперь меня зовут Кристина Будницка. Имя сменила, когда вышла из гетто. Кто-то дал мне это имя и фамилию, т.к. никаких документов у меня не было. После войны оказалась в детском доме безо всяких бумаг. И мой опекун - тот человек, который меня спасал, потом погибший в Варшавском восстании, дал мне свою фамилию.

Я пережила и Варшавское восстание, восстание в гетто, все пережила... А имя - первое, что пришло в голову, когда меня спросили, «Девочка, как тебя зовут?». И так оно осталось. Не вышла замуж, нет детей, нет семьи... Не скандалю, не грущу... - добавляет она.- У меня хорошие гены...

Еще одна судьба, еще один рассказ спасенной еврейской девочки, с невероятными открытиями страниц ее биографии.

Три года назад с ней сделал интервью корреспондент польского издания журнала «Ньюсуик». Это интервью прочитала женщина, директор библиотеки пани Алина, сама родом из Опочна, из места, откуда была и Ядя; и она узнала в героине публикации ту самую еврейскую девочку, которую в годы войны отдали в знакомую ей польскую семью. Она написала автору интервью, журналисту, что помнит ту прекрасную Клару, красивую девочку с курчавыми волосами. Такое волнующее письмо. И журналист, конечно, помог установить контакт с Ядвигой. Что это, как не чудо?!..

Но это не все. Пани Алина при встрече рассказала Кларе-Яде, что у нее есть картинка, нарисованная ее мамой, точнее, копия. И она знает кого-то, у кого есть оригинал. Это было пару лет назад. Передача картины состоялась в той библиотеке, у пани Алины: это было так волнующе!.. Наконец дочь смогла дотронуться до вещи, к которой прикасалась ее мама...

Ядвига Галанзка:

- У меня ничего не осталось из семейных реликвий. Но маму помню. Пани Алина сказала, что знала меня и моих родителей и попросила мой телефон. Мы связались.

На картине пейзаж - маленькая такая сельская мельничка, которой уже нет. А на интернет-страничке Пиньчовая нашла фотографию той самой мельнички.

Пани Ядвига показывает драгоценную реликвию.

- А вот подпись моей мамы – РГ, 1941 г. – Регина Гросс. Мама была художницей. Моя двоюродная сестра, с которой мы не так давно познакомились в Израиле, рассказала, что мама была художницей, и пани Алина подтвердила это. При встрече прозвучал ее вопрос, знаю ли я, кем была моя мама. Когда я приехала в Пинчов со своей семьей – с сыном, дочкой и внуком, она показала, где стояла та мельничка, и где стояла моя мама, с какого места смотрела и рисовала.

Пани Ядвига – как и многие дети Холокоста – человек с тяжелой судьбой. К своему настоящему имени Клара Гросс она шла более полувека. В годы войны ее нашли на дороге между Пиньчовом и Богучицами – кто-то вынес ее из гетто в Пиньчове. Полуторалетняя Клара попала к польской женщине, ставшей ее приемной матерью. Пани Клара до сих пор не хочет, чтобы в Польше звучало ее нынешнее имя – она по-прежнему боится своей приемной матери. Боится, что она ее найдет. Ей самой было то ли год, то ли полтора, как ее отдали приемной матери, вспоминает она. И многие годы приемная мать ничего ей не говорила о происхождении.

Правда, пани Клара вспоминает, что мачеха часто кричала ей, что ты «мерзкая жидува» (жидува – очень оскорбительное слово в Польше, по отношению к евреям, – *прим.авт.*). И бывало так, что за малые провинности собирала вещи девочки в узелок и говорила – «Уходи! Никто тебя не примет. Ты ведь - жидува!...». - Так с самого детства я знала, что я –жидува. На вопрос, кто это – жидува – Клара Гросс поясняет: кто-то очень плохой, кого никто не принимает.

Пани Клара, будучи ребенком, ходила в костел, была крещена в католичестве. И все же называла ту женщину мамой. А она ребенка - Ядей (уменьшительное от Ядвига, - *прим. авт.*). Что не мешало ей временами обзывать девочку. И Клара Гросс до девяти лет была уверена, что эта полька была мамой. Пани Клара вспоминает тот момент, когда однажды

притулилась до нее, как дитя к матери, а та сказала: «Ты не мой ребенок!»).

Клара часто слышит о том, что должна все же быть благодарна. Но она не может преодолеть своего чувства. Судьба Клары-Ядвиги в доме приемной матери развивалась по законам драмы. В жизни той самой польки были мужчины, она пила, расходилась. Девочке часто говорила, что она дармоедка...

Ее же, конечно, уже нет на этом свете, но Клара по-прежнему боится обещания мачехи найти ее и жить с ней... Клара говорит, что та все время ей снится...

После множества злоключений, смены мест и условий жительства пани Клара, будучи еще подростком, связалась с культурным обществом евреев в Польше. Там ей помогли найти жилье, дали карманные деньги, работу в общине и записали в вечерний лицей. Только в 1995 г., когда ей было уже больше полувека, она узнала имя своего отца, матери, деда. И только не так давно выяснила, где родилась.

Когда она поехала в ту деревню, в которой жила во время оккупации, приехала, вошла в один из домов, назвала имя тех, кого искала. Оказалось, что в этой деревне людей с подобной фамилией много. Покажите самых близких к этому дому, попросила она. Показывают – там. Идет, видит: стоит здание и при нем такой барак небольшой. И она вдруг говорит: «В нем мы и жили!». Невероятно, как это запомнилось!..

Клара вошла во двор. Навстречу ей хозяин, она и говорит – вот такое необычное дело. Он отвечает – «Так вы и есть, та самая Ядя?!...». Это был брат того мужчины, что ее приютил. Начался разговор. А потом он привез нас на ту дорогу, на то место, откуда ее взяли. По его словам, тогда она стояла и повторяла: «Мама плакала, тетя плакала...». Наверное, была договоренность о том, что оттуда Клару должны были забрать... А потом оказалось, что месяцем раньше до приезда пани Клары умер ее приемный отец. Еще позже его брат сказал, что кто-то ее тут разыскивал из Израиля. Ей принесли конверт с письмом из Израиля, датированный еще... 1968 годом!.. Словом, ей удалось связаться со своей двоюродной сестрой.

- Здорово, что теперь у меня есть семья, - говорит Клара Гросс. - Всю жизнь чувствовала себя одинокой, ненужной. А тут оказалось, что меня искали!..

Катажина Андреев:

- Мне было 14 лет - отец мне все время говорил: вот будет тебе 14 лет – расскажу тебе что-то важное. Что можно мне важного рассказать?

Откуда дети берутся?!.. Отец усадил меня и рассказал о семье. Что я родилась в гетто в 1942 г. В возрасте трех месяцев вынесена оттуда не своим отцом, а полицейским. Несколько недель укрывали меня в каком-то доме. Было опасно. Люди, которые помнили мою маму перед войной, знали, что она еврейка, отец же был поляком. И, что очень важно: несколько недель меня укрывал офицер вермахта, немец, в немецком квартале. Он был мужем польки, подруги моей мамы.

Как только мой отец нашел другое место укрытия - в Люблинском воеводстве, в такой глухой деревне, он вывез меня, и все время до конца войны я провела под опекой людей в той деревне, а мама пряталась в другом месте. Отец приезжал из Варшавы на велосипеде, не знаю, наверное, раз в неделю... Привозил деньги и возвращался, доставлял листовки, иногда - оружие для Армии Крайовой.

Как кончилась война, мы встретились. Моя мамочка никогда не хотела рассказывать о прошлом. Все, что я знала тогда, знала от отца. Мама также не хотела жить в Прушкове. Хотя род моей мамы из Прушкова. И хотя там остался и дом, мама поехала один-единственный раз, в 70-каком-то году, когда приехала ее приятельница из Канады – жена того самого немца. Тогда они вместе поехали в Прушков. Это была тема табу.

Удалось мне с мамой все же поговорить. Ирония судьбы, что с мамой удалось поговорить об этом за три недели до ее смерти. Она рассказала о прадеде, очень важном человеке из нашей семьи – он был основателем еврейской общины в Прушкове, одним из двух приобретателей земли под киркут – еврейское кладбище. На территории своего приобретения, на свои деньги он построил деревянную синагогу и микву (бассейн для ритуального омовения, – *прим.авт.*). Это был прадед, он умер то ли в 14-м, то ли в 17-м году. И таким образом и в годы войны, и после я была счастливым ребенком – у меня были оба мои родителя. Но это не мешало мне до боли тосковать о моих дедах и тетках, ведь не сохранилось ни одной фотографии. Я ведь не знаю, как выглядели мои деды и тетки.

Еще знаменательный факт: мой отец ведь вывел из гетто и младшую сестру моей мамы. Но она через два дня настояла, что ее место вместе с родителями, и вернулась в гетто. И никогда ни я, ни моя мама не узнали, при каких обстоятельствах они погибли. Именно поэтому я пришла в общество детей Холокоста.

Я обратилась в Еврейский институт с просьбой и вопросом, есть ли какой-то след смерти и какие-то подробности смерти членов моей семьи.

И оказалось, что общество детей, спасенных от Холокоста, – это мое место, я сюда пришла и теперь – среди своих. Необычно волнующе для меня до сегодняшнего дня, что оказалась там, где могу говорить все о том, кем мы были. Этим я обязана своему отцу. Потому что моя мама считала, что никогда не будет хорошего времени для евреев. Таким образом хотела меня уберечь...

Я думаю, что после всего, что пережила моя мама, она все время жила с невероятным ощущением вины, что выбрала жизнь. Ведь все погибли. И та ее сестра, что имела шанс спастись, она была очень семитская, считала, что ее место с родителями, а моя мама все же выбрала жизнь.... Родители поженились в ноябре 1939 г., была война. Отец думал, что таким образом спасет маму. А я родилась в 1942-м. Было ли это правильно?.. Я понимаю маму. Это было, безусловно, чудо. Конечно, у нас было и замечательное время. Мы все себя чувствовали достаточно безопасно. Но это очень зыбко.

У меня постоянно в памяти слова моей мамы... Мы с моей 20-летней дочкой поехали в Штаты на краткое пребывание, и, прощаясь с мамой, с полным ее согласием, она даже финансировала эту поездку. Последним ее напутствием было: езжайте и вообще не возвращайтесь. Это было для меня невероятным шоком. Год 1981-й. Это был июнь. И можете себе представить, что я со своей дочкой долетела до Соединенных Штатов 28 июня, а моя мама умерла 29-го... Как будто исполнила миссию. То, что должна была сделать... Эта новость застала меня в США, и у меня тогда не было возможности сразу вернуться. Я нарушила обещание, которое дала моему отцу, когда мне было 14 лет. Но, думаю, что грех мой прощен. Была огромная семья из нескольких десятков человек, а выжила только моя мама, ну и я, как наследница, родившаяся во время войны.

Я замужем вот уже как 56 лет, у нас есть дочка, которая живет в Соединенных Штатах, ей 29 лет. Она там осталась после учебы. И еще. У меня есть младшая сестра, у которой тоже дочка. И та тоже осталась в Штатах. Таким образом, я как бы исполнила просьбу мамы.

«Мы всю жизнь ищем такие нити в прошлое, такие следы. Живем и ищем – это две наших одинаковых активности!», – так считают дети, спасенные от Холокоста.

**АННА СТУПНИЦКА-БАНДО:
«Я НЕ ПОМНЮ, КАК ВЫШЛИ ИЗ ГЕТТО...»**

В Польше за годы обретенной независимости очень тщательно занимаются историей. Создан и успешно работает Институт национальной памяти, открываются мемориалы и памятники не только героям борьбы за независимость – членам Армии Крайовой, но и тем, кто, рискуя своей жизнью, спасал в годы нацистской оккупации евреев. С одной из тех, кто признан в Израиле музеем Яд-Вашем Праведником среди народов мира, председателем общества Поляков-спасителей евреев Анной Ступницкой-Бандо я познакомился на церемонии открытия первого в Польше музея полякам, спасавшим евреев, в дер. Маркова на юго-востоке страны. Она любезно согласилась в эксклюзивном интервью рассказать о себе и перипетиях жизни в годы Второй мировой войны.

- Меня зовут Анна Ступницка-Бандо. Во время немецкой оккупации жила в Варшаве, на Жолибоже (р-н Варшавы, – *прим. авт.*), на ул. Мицкевича, 25 с мамой и бабушкой. Моя мама, по профессии учительница, во время оккупации не работала по своей профессии, только лишь занималась пропиской и административными делами в разных домах – на Жолибоже, в Старом городе и частично в Варшавском гетто. И потому имела пропуск для двух персон, и иногда брала меня с собой для того, чтобы в школьной папке проносить хлеб и мармелад для такой, какой-нибудь замеченной мамой, очень бедной многодетной семьи, часто, с семерыми детьми.

Ну, и однажды мама сказала мне, что завтра выведем еврейскую девочку. Вошли мы, как обычно, в это гетто, неся такие книжки для документов по прописке, похожие на те, что в школе бывали. Потом мама занялась какими-то своими делами. Через какое-то время в комнату, где мы были, пришел мужчина с девочкой. Это был Хилларий Альтер со своей дочкой Лилианой. И было такое очень грустное прощание, которое запало мне в сердце... Даже через столько лет, говоря об этом, вспоминаю это, и плакать хочется. Скорее всего, девочка не представляла себе, что отца она больше не увидит, а он – знал, что наверняка уже никогда они не увидятся...

Ну, они попрощались, и мама сказала нам: поменяйтесь верхней одеждой. Была зима, (а это был конец января 1941-го или начало февраля 1942 г.), и на нас были зимние пальто. И мы поменялись этими пальто.

Она одела мое школьное темно-синее, с таким очень бордовым воротничком и берет с эдельвейсом. Это была нарядная одежда, я в ней ходила еще до войны повседневно. А я надела ее пальто зеленого, очень яркого цвета. И, конечно, моей мамочке казалось, что оно бросается в глаза. Дала нам те книжки подмышки – ей одну, мне другую. И сказала – решительным шагом пойти недалеко, к проходной, с высоко поднятой головой. Так мы и сделали. Прошли мы с теми книжками к проходной, с высоко поднятой головой.

Для меня это было страшным переживанием, – я даже не помню того момента, как мы оказались за границей гетто. Там нас должны были ждать условленные дрожки. Но, к сожалению, из-за этой нервотрепки я не смогла найти этих дрожек, – они должны были быть где-то на боковой улице. Ну, через какое-то время немножко остыла, нашла те самые дрожки – и мы поехали на Жолибож, где бабушка ждала нас к ужину. А мама, не знаю, каким образом, вернулась на следующий день. С той поры Лилька стала моей сестрой. Мама сделала ей документы на свое гражданское имя. Ее звали Крыся (уменьшительное от Кристина, – *прим. авт.*) Войтекувна, и через все эти годы до конца войны мы жили в двухкомнатной квартире на Жолибоже.

Но кроме Лильки, периодически приезжал к нам парень – Рышард Гринберг, который был у моей тетки в Средместье (р-н в центре Варшавы, – *прим. авт.*). Как только там было что-то небезопасно, он садился в дрожки и приезжал на Жолибож, к нам. Ну и мама ему также оформила документы на имя Рышарда Лукомского.

Кроме этого ежедневного гостя у нас бывал доктор Николай Боренштейн из Лодзи, хирург-гинеколог, которому мама также сделала документы на имя Николая Борецкого. С этим именем он и остался после войны.

Все, конечно, кроме Лильки, сохранили те фамилии, которые приняли. Выжили все. Были моменты хуже, были лучше... Было такое обычное житье, знаете, – тяжелое. Мама должна была зарабатывать на себя, на меня, бабушку, да и на Лильку. Но как-то мы все же пережили все – и Варшавское Восстание, и эвакуацию, и пятидневное пребывание в Прушковском нацистском лагере, и трехдневный вывоз в заплombированных вагонах для скота – без крыши. Потом нас из этих вагонов выбросили где-то на юге Польши, под Миховым, в таком имении – имении семьи Крашевских. И там мы прожили, вместе с Лилькой, до конца войны.

Вернулись мы в Варшаву. Лилька обратилась в еврейскую общину. С помощью общины она нашла свою тетку, жившую во Франции, потом вышла замуж и след ее потерялся. Понимаете, она сменила фамилию. Девичья фамилия была Альтер, а вышла замуж за Видлера, тоже спасенного еврея из Кракова. Мы с мамой искали ее через Красный Крест, но нам отвечали, что неизвестно, что с ней случилось, даже имени не нашли. Но все же удалось нам найти друг друга. И до сегодняшнего дня созваниваемся – она живет во Франции, в Компьене, поддерживаем контакт.

Я была у нее в Париже, месяц провела на экскурсиях. А она не хотела приезжать в Польшу, потому что впадает в депрессию: понимаете, такие переживания... родители погибли... Но все как-то прошло – все не было так плохо, дети не понимают до конца трагедии, ведь жили не в подвале, прятались не во рвах. Мы жили обычно, в двух комнатах с кухней, хоть и тяжело. Ну, что там могло случиться?!..

Лилька приехала на открытие музея истории польских евреев в 2013 г. После стольких лет, с 1945 г. для нее это было страшное переживание. Поехали мы на Жолибож, увидели тот дом, вышли мы на тот дворик... Во времена оккупации нам казалось, что этот двор – большой; и там такая горка была, с которой мы вечерами, после наступления темноты, съезжали на санках. А оказалось, что эта горка не была так велика!..

Переписываемся, говорим по телефону... Я врач по профессии. Когда она мне звонит, что-то ей советую.

Все мы все же пережили войну...

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

Мухамеджанова В.А.

ОБ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ ЕВРЕЕВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В Средней Азии - прежде всего в Узбекистане и Таджикистане - проживает этническая группа бухарских евреев, которую можно отнести к этноконфессиональной группе. Эта группа представляет часть еврейского народа, культурно-бытовое своеобразие которого, вследствие изоляции от окружающего мира, связано с религией - иудаизмом. Отнесение бухарских евреев к этнографической группе, будет не совсем правильно, т.к. не сохранены полностью особенности языка, культуры, быта еврейского народа.

Проживающие сегодня на территории Узбекистана и соседних государств Среднеазиатского региона представители еврейской диаспоры принадлежат к двум основным этнографическим группам внутри еврейства. Представители первой группы принадлежат к бухарским евреям (бухори, исроил, яхуди) – одной из древнейших еврейских общин, сформировавшейся более двух тысяч лет назад [1]. Другая группа образовалась сравнительно поздно, в XIX-XX вв. и связана с проникновением в Среднюю Азию миграционных потоков в ходе вхождения региона в эпоху существования Российской империи, а затем и Советского Союза. Она в основном представлена евреями – ашкенази.

Время появления еврейского населения в Средней Азии точно не установлено до сих пор. Легенда, популярная в среде бухарских евреев, утверждает, что их предки были принудительно выселены ассирийцами из Израильского царства в 722 г. до н. э. в местность под названием Хадор. Данную местность сами бухарские евреи отождествляют с Бухарой. Однако историческая наука подвергает сомнению идентичность Хадора и Бухары.

До арабского вторжения Средняя Азия была населена различными народами, которые исповедовали множество религий. Она являлась поликонфессиональным регионом, в котором сосуществовали буддизм, индуизм, зороастризм, христианство, иудаизм и всевозможные синкретические культы. В ранний исламский период крупнейшим центром еврейской жизни в Средней Азии был Самарканд. Великий

История Еврейских Общин

еврейский путешественник XII в. Бенджамин из Туделы писал, что в Самарканде проживает не менее 30 тыс. евреев. Евреи жили и в других крупных городах региона: Бухаре, Мерве, Термезе, Балхе, Герате, Нишапуре и Ургенче. Многие среднеазиатские евреи стали известны в исламском мире как врачи и ученые. Один из них был Сагль Аль-Табари, родом из Табаристана (у Каспийского моря, около 800 г.), который славился в арабо-исламском мире как врач и математик. Он перевел на арабский язык «Альмагест» греческого астронома Птолемея. Некоторые евреи достигли большого почета при тюркской династии Газневидов (X-XI в.), которые доверили им управление рудниками в Балхе и Хорасане. Евреи также служили таджикской династии Саманидов (X в.) и хорезмшахам (XII-XIII вв.). В начале XIII в. в ходе монгольского завоевания Средней Азии были уничтожены многие древние еврейские общины. Сохранилась община Бухары, куда стекались уцелевшие евреи. С тех пор Бухара становится центром Среднеазиатских евреев. Жалкие остатки некогда великих общин также уцелели в Балхе, Мерве и Хорезме. Монгольское вторжение отрицательно повлияло на жизнь евреев Средней Азии. К XIII в. относится начало упадка еврейства в Средней Азии, которое продолжалось, хоть и с небольшими перерывами, до конца XVIII в. Этот прирост населения стал возможным благодаря высокой рождаемости и эмиграции евреев из Афганистана, Ирана, Турции, Палестины и даже Йемена в Среднюю Азию [2]. В XVIII в. в Бухаре начинают селиться сефардские евреи, которые после изгнания из Испании в 1492 г. бежали в исламские страны. К 1865 г. бухарские евреи проживали почти в каждом городе Средней Азии. Побывавший в Бухаре в середине XIX в. офицер английской армии Александр Бернс насчитал там до четырех тысяч евреев, в то время как венгерский путешественник Арминиус Вамбери установил еврейское население эмирата в десять тыс. В Бухаре евреи жили в двух кварталах города, известных как Новая Махалля и Старая Махалля. Второй по величине общиной после бухарской была община Самарканда [3]. Махаллаи Яхудиен - «Еврейский квартал», ставший известным после революции как квартал «Восток» - был заселен в Самарканде исключительно евреями. Этот квартал существует до сих пор. Бухарские евреи официально получали российское подданство при условии вступления в купеческие гильдии. В связи с этим, в Туркестан (Самарканд, Ташкент, Коканд) в конце XIX в. начинается сильная иммиграция евреев из Бухары и Хивы [4]. Самыми известными и богатыми среди этих мигрантов были семьи и династии: в Коканде - братья Вадьяевы,

История Еврейских Общин

Потеляховы, Симхаевы, в Ташкенте - Довидовы, в Самарканде – Муллокандовы, Калантаровы. Другие были: Календаревы, Пинхасовы, Ходжабековы, Рубиновы, Фузайловы, Иглановы, Ягудаевы и многие др.

В настоящее время лишь немногие семьи бухарских евреев, оставшиеся главным образом в Бухаре, Самарканде, Ташкенте, Коканде, напоминают о существовании в регионе некогда многочисленных еврейских общин. Но для тех, кто покинул Среднюю Азию, особое значение приобрело осознание места своей этнической группы в среднеазиатском историко-культурном пространстве. Об этом свидетельствует, в частности, множество научно-популярных публикаций, книг по истории и культуре, мемуарной литературы, которые издаются в основных странах нынешнего проживания бухарских евреев - США и Израиле - и по их инициативе [5]. Значительное место в такого рода литературе занимают истории семейных династий и биографии людей, проявивших себя в различных областях науки, искусства, общественной деятельности.

Определение названия евреев, проживавших на территории Средней Азии в различные времена, интерпретировалось по-разному и зависело от следующих факторов:

- от территории и города, где проживали евреи (средне - и центральноазиатские, хивинские, самаркандские, бухарские);
- от определения правового статуса органами власти (туземные, местные майда миллат - национальное меньшинство).

С конца 80-х - середины 90-х гг. XX в. и по настоящее время в науке и публицистике стал употребляться единый термин, определяющий название евреев, проживающих на территории Узбекистана, Таджикистана и выехавших отсюда в другие страны – «бухарские евреи». На еврейско-таджикском диалекте говорят все среднеазиатские евреи, подавляющее большинство евреев Ферганы, Ташкента говорят также на узбекском языке. Основная масса владеет русским языком. Затем, с XVIII в., евреи перешли на таджикский и создали язык, вошедший в научную литературу как еврейско-таджикский.

Граждане Узбекистана имеют полное право гордиться собой за те примеры великодушной и либеральной политики, которые они продемонстрировали человечеству, примеры, достойные подражания. Все обладают в равной мере свободой совести и правами граждан. Ныне это более не простое выражение терпимости, при котором один класс людей предоставлял другому право воспользоваться их неотъемлемыми правами. К счастью, правительство Узбекистана, которое не предоставляет санкции

История Еврейских Общин

предрассудкам и содействия притеснениям, требует от тех, кто живет под его защитой, только чтобы они проявляли себя добропорядочными гражданами и предоставляли ему в случае необходимости свою действенную помощь.

1. Калонтаров Я. И. Бухарские евреи, Душанбе, НАА 1995. С. 3
2. Калонтаров Я. И. Бухарские евреи, Душанбе, НАА 1995.
3. Рубен Назарьян «Бухарские евреи в Самарканде: история и современность» ж-л «Евреи Евразии» № 2(6) апрель-июнь 2014
4. Очильдиев Давид «История бухарских ереев» (с 586г.до н.э. до сер.XIXввека.) США. 2000.
5. См. там же

Ейльман Л.С.

ПО СЛЕДАМ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ ВОСТОЧНЫХ ЕВРЕЕВ-МИЗРАХИ

В пятидесятых гг. XX в. Советский Союз дружил с коммунистическим Китаем. В эти времена я был студентом московского института цветных металлов и меня поселили в общежитие «Коммунка» в одну комнатку с китайским студентом Сюй цин Сяном. Вечерами мы беседовали на разные темы: «Сюй, почему бы тебе не подобрать подругу сердца среди наших девушек?». «У них много носа на лице!». И Сюй повесил над моей кроватью плакатик китайской красавицы в ярком шелковом платье. А как китайцы научились ткать шелк?

«О, это интересная история. Дочь императора госпожа Си Лин ши нашла в саду кокон шелкопряда. Когда она пила горячий чай, то случайно этот кокон она уронила в чай. Она попыталась вытащить этот кокон из чая, ухватившись за конец нити и так расплела кокон. В 92 г. уже новой эры при династии Хань в Китай прибыли еврейские купцы. Они были одеты в хлопчатые одежды. Императору хлопковый материал понравился, и он попросил их организовать в Китае производство хлопковой материи. До них в Китае производили только конопляную материю плетением. Она грубоватая, а женщины императорского дома хотели носить мягкие, нежные одежды. Вот одна из них придумала сваривать коконы шелкопряда и разматывать их в нить. Технологию ткачества материи использовали ту, с помощью которой уже делали хлопковую ткань.

Производство шелковой нити шелка и его крашение требует терпения - вот евреи и использовали трудолюбие китайских женщин».

«И много ли сейчас живет евреев в Китае?», - спрашиваю я.

«В Шанхае, Харбине жуют евреи, прибывшие из России уже в этом веке, а древних евреев очень много. Мы их зовем «Хакка» - пришельцы. Они говорят на старокитайском, у них бороды гуще, чем у китайцев. Стараются не смешиваться с местным населением, а после нашей революции вошли в ряды руководителей партии: Джоу энлай и его друг Дэн сяо пин! Они очень умные! Евреи считают, что Бог сделал человека из глины. Глиняного человека он положил в печь, чтоб глина затвердела, но передержал его в печи и получились негры. Тогда Бог повторил свой эксперимент и недодержал глиняного человека в печи и получились светлокочие люди- Хакка: евреи. И только в третий раз у Бога получились слегка желтокожие люди: китайцы».

На мой вопрос «а в Японии есть ли евреи и дружат ли они с китайскими евреями?» Сюй цин Сян ответил, что не знает.

Много позже я познакомился с работами ряда японских ученых. Существует гипотеза, которая подтверждается и исследуется многими учеными и профессорами о том, что японцы – это потерянное колено Израиля. Согласно этой гипотезе, потерянные колена, кочуя с Запада на Восток, прошли по Шелковому пути, пересекли Поднебесную империю, вышли к Корейскому полуострову, и оттуда перебрались в Японию. В настоящее время в Японии развернулось религиозное движение Мануя. Создатель этого движения профессор Тесимо утверждает то, что евреи оказали значительное влияние на религию японцев - синтоизм. Он полагает то, что первые евреи прибыли в Японию еще во II в. д.н.э. по возникшему в то время Великому шелковому пути. Его утверждения основаны на религиозных обрядах синтоизма, схожими с обрядами древнего иудаизма. Эти евреи принесли в Японию изображения львов (В Японии нет львов, и японцы не знакомы со львами), повлияли на архитектуру синтоиских храмов, познакомили со знаком цветочного солнца и многое др. Синтоизм - это религия, которая считает, что растения, животные, насекомые имеют душу. Растения не могут кричать, поскольку у них нет рта и легких, но они чувствуют опасность. Души умерших живут в горах, поэтому гора Фудзиама священна!

Второе прибытие евреев Тесимо относит к III в.н.э. В Японию прибыл отряд воинов в 3,6 тыс. чел. из китайской еврейской общины. Они познакомили японцев с ткачеством шелка, поэтому за ними закрепилось имя

История Еврейских Общин

хада — челнок. Евреи познакомили китайцев с хлопковой одеждой, производством хлопковой нити, ткачеством с помощью челнока. До прибытия евреев в Китай там носили плетенные конопляные одежды и шкуры. Так что производство китайского шелка основано на привезенной евреями технологии ткачества. Третья волна евреев прибыла в Японию уже в VIII в. и ознакомила японцев с несторианским вариантом христианства. Внимательно изучил японский язык лингвист Иосиф Айдельберг. Он нашел в японском языке около трех тыс. корней ивритских слов.

Попробуем перейти к оценочным расчетам. Если по еврейскому летосчислению 5718 г., то по современному христианскому - 1957-й. Это означает, что 5718 лет назад был сотворен Адам, причем зрелым мужчиной, и в том же году он женился на Хаве — Еве. Мы знаем, человечество имеет прирост 1-4% в год. Этот прирост в 4% учитывает биологический тупик размножения, который испытывают некоторые супружеские пары и смертность. Возьмем малое - 1 %. Следовательно, за сто лет количество людей удваивается. Простая формула может нам дать A - число людей, произведенных от одной пары. Примем, что « A » есть количество людей по прошествии 5717 лет. Тогда $A=2$ в степени $5717/100=2$ в степени 57,2.

Но это число во много раз больше числа людей, живущих на Земле! Значит, Танах прав: был Всемирный потоп, Каин убил Авеля, были моры и войны! Теперь подсчитаем какое количество потомков могло быть сейчас в Японии от еврейских воинов, прибывших в Японию в III в. Применим нашу формулу: $A=2$ в степени $1700/100=2$ в степени 17. Каждый воин, женившись на местной женщине, произвел бы 262 тыс. чел., а весь отряд произвел бы около 942 млн чел. к настоящему времени. Японцев сегодня куда меньше. И их не обошли стороной беды!

Здесь возникают три предположения.

1. Если цифра 3,6 тыс. указана верно, то в Китае была куда более многочисленная еврейская община: поскольку этот отряд прибыл в Японию из Китая. Мы располагаем сведениями о китайской еврейской общине в г. Кайфень. В X – XII вв. она якобы насчитывала всего пять тыс. чел., но Чингисхан заказал ремесленникам этой общины миллион стрел и десятки тыс. луков. Кайфыньские луки довольно сложной конструкции и требуют значительных трудозатрат. Поэтому в Кайфыне жило куда большее население и, следовательно, более значительное количество ремесленников. Куда исчезло население этого города? Сейчас в Китае живет тридцати миллионный народ «хакка», который считает себя

потомками евреев. Китай считает их коренными китайцами, но говорящими на старокитайском языке, а местное население называет «хакка» - пришельцами, возможно с севера (из Кайфыни) на юг в провинции Фуцзянь, Гуандун, Гонконг, Тайвань и даже Австралию и Океанию. Каково их происхождение? Только массивные, глубокие генетические исследования населения Китая могут помочь в решении этого вопроса. Но не поздно ли генетикам искать следы событий тысячелетней давности? Да и кому это нужно теперь? Но ведь возникло движение Мануя в Японии, и оно привлекает внимание к себе все больше молодежи!

2. Возможно часть потомков еврейского отряда, прибывшего в Японию, не осталась в Японии, а расселилась вдоль Великого шелкового пути. В поддержку этого предположения говорят исследования происхождения казахских аргынов и киргизов. Эти народы еще при Петре I были объединены в киргиз-кайсацкую орду и считают себя потомками евреев и японцев.

3. Великий шелковый путь был становым хребтом экономики древнего мира. Эта торговая артерия проходила через территорию разных народов и должна была охраняться, как конвоем, так и гарнизонами крепостей, расположенными вдоль этого пути. Великий шелковый путь привел к необходимости строительства Великой китайской стены, которая служила дорогой купеческим караванам. На это ее назначение указывают размеры стены. Она в высоту от трех до шести метров, но в ширину до девяти метров! Кочевникам легко было сделать подкоп под стену или подставить лестницу. Эта стена не была преградой и для воинов Чингисхана.

Возникновение Шелкового пути было результатом образования Великой Империи Александра Македонского на Востоке. Союзники Македонского: евреи поняли всю выгодность военной имперской защищенности от грабителей для торговли и увлеклись торговлей, расширив торговые связи вплоть до Японии. Великий шелковый путь так же служил источником информации и притягивал к себе более высоким уровнем жизни. Поэтому возникли поселения евреев - мизрахи вдоль этого пути в Бухаре, Самарканде, вплоть до Крыма. Поскольку Шелковый путь сложился значительно позже изгнания десяти еврейских племен Ассирией, то первыми купцами скорее всего были прибывшие из империи Македонского восточные евреи из Персии: мизрахи, которые поселились в Китае и Японии еще во II в. д.н.э. Вторая волна мизрахов из Персии прибыла в Китай в VII в. во времена правления династии Тан и обосновалась в г. Кайфынь. Возможно, не растворившиеся в людском

История Еврейских Общин

море некоторые пропавшие еврейские колена приняли участие во всемирной торговле и присоединились к мизрахам.

Michael Pollack "The jews of Kaifeng", N.Y.,1984.

Гены аборигенов

Сквозь песчаные бури,
Проливные дожди,
Купаясь в дорожной пыли,
Свой караван купцы вперед вели.

Шелка китайских мастериц,
Снадобья горного Тибета,
Шкуры барсов и тигриц,
Пряности индийского лета.

Перстни дивной красоты,
С изумрудами браслеты,
Сверкающий золотом булат,
Которому каждый воин рад.

После многих дней пути
Как хорошо в теплый дом прийти!
Как хорошо у городских ворот,
Когда купца подруга ждет!

Елда! Моя елда!*-
Уста шептали теплые слова.
Но на Запад зовет дорога:
Встреч и прощаний еще будет много!

Сумрачные леса, топи болот,
Разбой бродяг, грабеж воевод,
Любопытство гонит северянку
На базарную полянку.

Аборигены! Ваши гены необыкновенны.
В них память о купеческой империи евреев,
О времени, когда еврейских генов жгут,
Объединял народы, что в Евразии живут.

Жители придорожных городков
Не могли обойтись без ивритских слов.
Иврит влился в язык аборигенов,
Как сплелись и наши гены.

* Елда - на иврите девочка, а в древнерусском: мужской орган любви:
(археологолингвистика).

Каганович А.Б.

СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ БУХАРСКИХ ЕВРЕЕВ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЯ [1]

Семейные предания – древнейший способ передачи исторической информации. У многих этносов они стали основой эпоса. Невозможно встретить народ без семейных преданий. Большое влияние на семейные предания оказывала и оказывает среда. Она определяет положительную концепцию предания и его мораль. Запись предания материализует его в качестве исторического источника. Только мизерная часть преданий была записана в средние века (V-XV в., согласно западной классификации). Например, в Японии предания были записаны в VIII в. в сборнике «Манъёсю». Большая часть записанных преданий не дошла до нас из-за войн и пожаров.

Истоки преданий различны: в основу одних легли легенды, сказки, в основу других - действительные события. Более всего сохранялись предания правящей семьи в государстве, какой-то его части, или наиболее авторитетных семей среди какого-то этноса. Такие семьи ревностно добивались принятия своей концепции восприятия исторических событий в качестве общенациональной или даже государственной коллективной памяти. Приведу несколько примеров. Составленный в Киеве в 1037 г. на основе преданий древнейший русский письменный памятник истории свод «Повесть временных лет» впоследствии много раз редактировался и корректировался с целью формирования «правильной» концепции

русской истории и роли правящей династии Рюриковичей в ней. Воспоминания основателя Империи Великих Моголов Захир ад-дина Мухаммеда Бабура (1483 - 1530), известные как «Бабур-наме», включают в себя множество преданий. Одна из главных целей произведения – легитимировать свое сакральное право Тимурида на управление Трансоксанией во время войны с Шейбанидами. А в узбекской летописи «Шайбани-наме», также основанной на семейных преданиях - своя правда. И историкам повезло, что обе доктрины сохранились.

Семейные предания занимали большое место в духовной культуре всех среднеазиатских народов. Благодаря семейным преданиям дошел до нас один из самых длинных в мире эпосов – киргизский Манас. В 1920-х гг. со слов сказителя Саякбая были записаны более полумиллиона строк.

Не стали исключением и бухарские евреи. Шлемо-Хаим Ашероф в своей книге пересказывает услышанное еще в молодости предание о том, что раввин Бухары Бенъямин вместе с сыном Иегудой и еще десятью уважаемыми евреями были сброшены с башни по приказу эмира. Все остались живы, но Бенъямин от полученных ран скоро скончался [2]. Известно, что до 1870-х гг. в Бухаре практиковалось сбрасывание именно со знаменитой «башни смерти» – минарета Калян (Манораи Калон, - *прим.авт.*). Навряд ли кто из жертв мог уцелеть, учитывая, что по последним официальным замерам его высота составляет 46,5 м. Однако нельзя оставить это предание совсем без внимания, тем более что другой автор, Менахем Эшель (Ачильдиев), сообщает имена сброшенных: Пинхас Гадоль, Калантар Коса, Элиягу Коса, Бенъямин, Яков Кази, Авраам Коса, Мошиах, Аарон Махикор, Яков Ядгар, Пинхас Пшихбаз, Баба Каландар. По мнению Эшеля, это произошло во время правления эмира Музафара (1860-1885) [3]. Но, если бы такое из ряда вон выходящее событие произошло в этот период, оно бы нашло отражение в архивных материалах (таких как: прошения и жалобы бухарских евреев, справки, докладные записки) царской администрации, собиравшей сведения обо всем происходящем в эмирате.

Любая этническая история нуждается в своих легендарных героях. У бухарских евреев эту функцию исполняют три основные фигуры – раввин Йосеф Маман, раввин Ицхак-Хаим Коэн Рабин и глава самаркандской общины Моше Калонтаров (или Калантаров по ряду дореволюционных источников). Возвеличиванию этих фигур в той или иной степени способствовали их потомки. В коллективной памяти бухарских евреев крепко закрепилась вера в то, что Маман (1752-1823) буквально спас

общину от обращения в ислам. Однако в 1990-х гг. среди историков возникли сомнения в спасительной роли Мамана. Борьба Мамана с поселившимся в Бухаре раньше йеменским выходцем раввином Захарией Мацлиахом и текст *ктубы* (брачный договор у евреев), написанной в 1791 г. в Бухаре, показывают, что ситуация была не так плоха.

Кроме рава Мацлиаха, над которым Маман одержал победу, породнившись с лидерами бухарской общины, авторитетным раввином в Бухаре был Бенъямин бен Авраам. Он, а не Маман, подписал известное письмо к шкловским евреям в 1802 г. Письмо подписано от имени бухарской общины [4]. Затем долгое время в имеющихся источниках нет никаких упоминаний о нем. Наконец, он появляется среди лиц, подписавших *ктубы* в 1821 и 1830 гг. Видимо, именно он фигурирует среди сброшенных с «башни смерти». К сожалению, мы знаем о нем очень мало.

Еще одной незаслуженно забытой личностью в бухарско-еврейской истории стал Яков Самандар. Между тем он был первым книгоиздателем в общине. Сподвижник Мамана, отчаявшись собрать для общины достаточное количество религиозной литературы, он в 1819-1820 г. издал для нее в Ливорно (Италия) книгу «Седер атарат недарим». На титульном листе книги главным раввином Бухары указан Пинхас ha-Гадоль, а не его учитель Йосеф Маман. На этом издательская деятельность Самандара не закончилась. В 1833 г. он издал для общины книгу в Шклове «Таргум шени», а в 1836 г. в Вильно - «Седер тефила сфарадим» [5]. Немало сделал для общины и духовный раввин бухарских евреев Туркестанского края в 1904-1912 гг. Шломо Тажер, имя которого до недавнего времени тоже почти было забыто.

Сын Пинхаса Гадоль, Ицхак-Хаим Коэн Рабин (1848-1896), согласно утверждениям потомков, стал главным бухарским раввином в 1866 г., когда ему было всего 18 лет. Этой версии следует и Гиора Фузайлов. Столь раннее назначение он объясняет обширными знаниями мальчика [6]. И, действительно, Ицхак-Хаим был очень способным учеником. Но даже если он тогда и был призван раввином, то отнюдь не главным. К сожалению, мы располагаем лишь фрагментарными сведениями о религиозном руководстве общиной в это время. Но и они дают несколько иную картину. Так, согласно сведениям газеты «Джуиш хроникл» за 1886 г. тогда скончался главный раввин Бухары и бухарской иешивы Шамай [7]. И после него некоторое время эта должность оставалась незанятой, как пишет посетивший Бухару в 1887 г. еврейский путешественник Нахум Леви Ицхак Абрек. А про Ицхак-Хаима он пишет, что тот вершит раввинский суд. Безусловно, это

свидетельствует о его большом авторитете [8]. О том, что в 1888 г. у евреев в Бухаре еще не было главного раввина, и что интеллектуалы (в том числе у Ицхак-Хаим) не располагали никакой властью, писал неоднократно бывавший там еврейский журналист Шмуэль Моше Ривлин [9]. И лишь с 1889 г. Ицхак-Хаим Коэн Рабин стал фигурировать в источниках в качестве главного раввина.

Остановимся на Моше Калонтарове (1815-1878). В 1863 г. Моше вместе с двумя спутниками ездил через Одессу в Иерусалим, а возвращался уже через Западную Европу. Его широкий кругозор отмечали русские путешественники, посещавшие впоследствии Самарканд. К сожалению, кроме семейных преданий о его жизни до завоевания Самарканда в 1868 г. почти не сохранилось никаких других источников. А к семейным преданиям нам следует относиться с известной долей осторожности. Согласно записям английского миссионера еврейского происхождения Джозефа Вольфа, самаркандским калантаром в 1832 был Авез Бадал Алафда [10]. Он и подписал первым купчую в 1843 г. из 31 покупателя по переводу востоковеда Василия Вяткина [11].

По-видимому, калантаром (старостой, калантар - букв. наибольший) самаркандских евреев он становится не на своем 22 году, как утверждали и продолжают утверждать потомки, а несколько позже – не ранее начала 1850х гг. Попутно отмечу, что везде в Средней Азии, где проживала община бухарских евреев, местные мусульманские правители предпочитали предоставлять ей автономию, не столько из милости, сколько с целью переложить на ее руководителя калантара фискальные обязанности, важнейшей из которых был сбор налогов. При передаче налога именно он, а не каждый еврей-налогоплательщик (как иногда можно встретить в работах некоторых авторов), получал символическую пощечину. Подобным же образом армянские общины в Персии тоже платили подати через своих калантаров. Поэтому и среди них встречаются сегодня носители фамилии Калантаров или Калонтаров.

Неизвестно, откуда взята приписанная известному российскому антропологу Самуилу Вайсенбергу (1867-1928) цитата о том, что при Моше ни один еврей не был обращен в ислам и о том, что он сам не принимал ислама во время мусульманского восстания в 1868 г. [12]. В действительности в статье «Евреи в Туркестане» за 1912 г. Вайсенберг пишет о Моше со слов его сына Давида Калонтарова буквально следующее: «Лет 70 тому назад он, по просьбе самих евреев, купил в собственность самаркандской еврейской общины участок земли,

распланировал его и устроил на нем «махаллу», еврейский квартал. До того самаркандские евреи жили разбросано среди мусульман, следствием чего являлись частые столкновения между ними, кончавшиеся во многих случаях невольным переходом евреев в мусульманство. Моисей Калонтар построил (или перестроил?) также большую синагогу и соорудил в центре квартала пруд для общественного пользования. Когда Самарканд был взят русскими войсками и главные силы через некоторое время ушли, толпы туземцев осадили оставшийся в цитадели незначительный русский гарнизон... Джура-бек велел схватить раввина Баруха Фузайлова и Моисей Калонтара и повел их в качестве заложников со своим войском. Фузайлов был вскоре убит, Калонтар же отделался раной, так как согласился притворно принять ислам...» [13]. На обращение Моше в ислам во время этих событий указывают и несколько архивных документов канцелярии туркестанского генерал-губернатора.

Авторы статьи «Легенды и правда о Моше Калонтаре» безосновательно приписывают и Менахему Эшелю (Ачилди) следующую фразу: «...благодаря помощи евреев-мужчин, в том числе Моше Калонтара, русские смогли продержаться до подхода главных сил генерала Кауфмана, уничтоживших бандитов» [14]. Между тем у Эшеля в книге «Галерия» говорится только о выполнении группой бухарских евреев окопных работ для русской армии [15]. Зато авторы статьи не обратили внимание на такое важное сообщение Эшеля, что сразу после прихода русских войск во главе с Константином фон Кауфманом самаркандские чала вернулись в иудаизм. Их наличие косвенно указывает на продолжение обращений в ислам и во время калонтарства Моше. Разумеется, в крепости Моше во время восстания не был, а иначе не попал бы в руки Джура-бека. Шлема Хаим Ашероф (1899-1972) пишет, что оказавшиеся в крепости бухарские евреи оказывали посильную помощь, и в частности помогали передвигать артиллерийское орудие [16]. Но и эта помощь, увы, не подтверждается шестью-семью опубликованными воспоминаниями бывших русских осажденных, а также отчетами командира крепости.

Также как и поздние руководители Хабада сакрализировали основателя именно Любавичской ветви, также Давид Калонтаров в этом и, очевидно, других свидетельствах пытался еще больше возвеличить роль Моше в качестве организатора еврейского квартала в Самарканде. Как же сформировался этот квартал? Как показывают найденные в ташкентском государственном архиве другие купчие крепости, купленная в 1843 г.

земля составила лишь часть будущего квартала. Он не мог вместить всех евреев проживавших уже в городе и продолжавших туда переселяться из Бухары по причинам, которые требуют отдельного рассмотрения и выходят за рамки данного эссе. Бухарские евреи продолжали приобретать смежные с образованным кварталом участки земли. В 1858 г. купил небольшой участок за 200 тенге сам Моше, а в 1861 г. полтора танапа (3,750 кв.м) купили за 1594 тенге еще 13 семей бухарских евреев. Но самый большой участок из двух танапов (пять тыс.кв.м!) за 4,5 тыс. тенге приобрел в 1862 г. Иегуда Калантар, сын Якова. Очевидно, последнее приобретение было сделано для перепродажи или строительства общественных зданий [17].

Кто же этот покупатель? Иосиф Калонтаров в книге «Моше Калонтар» упоминает Иегуду Калантара, называя его сыном Якуба Урганчи – сводным братом Моше Калантара [18]. В действительности он был не сводным братом, а единоутробным - оба были рождены от одной матери. К 1862 г. ему было около 36 лет. Из этого крупного приобретения земли в Самарканде следует, что Иосиф Калонтаров заблуждается, отвергая утверждения потомков Иегуды Калантара, что он был правой рукой Моше. Он также отвергает их утверждения, что Иегуда замещал Моше во время упомянутой двухлетней поездки в Палестину и потом в Европу. Свою позицию Иосиф Калонтаров аргументирует ссылкой на Менаше Абрамова, который утверждает, что Иегуда, якобы, тоже был в этой поездке. На самом деле хорошо известно из интервью одесской еврейской газете в 1863 г., что двумя спутниками Моше были бухарец Пинхас Бен Авад Аль Рахман Насиа и Иегуда сын Авеза Бадал Бая [19]. Вероятно, последний – сын предшественника Моше на должности калантара. Поэтому Иегуда Калантар вполне мог замещать своего брата Моше.

Еще один пример – семейная легенда об Элияу Чульпа. Согласно ей после захвата русской армией Самарканда в 1868 г. евреям якобы приказали внести две тысячи тилля под угрозой погрома. Бухарско-еврейская община под руководством того же Моше Калантара выбрала Чульпу для передачи денег. Чтобы не пострадать при передаче денег тот вырезал отверстие в двери подвала, где заперся с семьей. В назначенный день в еврейский квартал пришли два русских солдата. Один из них прострелил Чульпе руку, в то время как тот протягивал через отверстие мешок с деньгами. Такой ценой находчивый Чульпа спас общину от погрома [20]. Эта легенда содержит два очень важных элемента – самопожертвование и благополучное спасение. Она подчеркивает важное

место в общине основателя семьи и его героизм. Отметим лишь, что этот рассказ не имеет под собой никакой исторической почвы, поскольку у русской армии, руководимой Константином Кауфманом, в 1868 г. сложились добрые отношения с самаркандской еврейской общиной [21].

Эта история – еще один пример того, как архивные и печатные источники могут опровергать одни семейные предания и легитимировать другие. Но для конкретных родов такие семейные легенды успешно выполняют свою социальную нагрузку. Мифологизация ее основателя подымает самосознание рода и создает основу для претензий на важное положение в общине его потомков. Принадлежность к героическому роду сплачивает потомков на почве гордости за предка и сакральной памяти о нем.

1. Это исправленная и дополненная версия одноименной статьи, опубликованной в *The Bukharian Times*, 2015, no. 712, pp. 34-35.
2. Шлемо-Хаим Ашероф, *Ми-Самарканд ад Петах-Тиква* (Тель-Авив: Брит Йоей Бухара, 1977). - с. 95.
3. Менахем Эшель (Ачильди), *Галерия – Дмует шель рашей Йагодут Бухара* (Яффо: Бейт тарбут ле-Йегудей Бухара бэ-Исраэль, 1965). - с. 39-41.
4. Соломон Бейлин, Переписка между бухарскими и шкловскими евреями 1802 г., *Пережитое*, 1910, т. 2. - с. 274-280.
5. Подробнее см. Альберт Каганович, Первый бухарско-еврейский книгоиздатель Яков Самандар (1793-?) и его книги, *Studies in Caucasian, Georgian, and Bukharan Jewry: Historical, Sociological, and Cultural Aspects* (eds. G. Akhiezer, R. Enoch and S. Weinstein), (Ariel: University of Samaria, 2014), pp. 213-217.
6. Гиора Фузайлов, *Йагодут Бухара: Гдолея вэ-Минг`агея* (Ирушалаим: Мисрад Хинух, 2008). - с. 137.
7. *The Jewish Chronicle*, 1.06.1886, p. 3.
8. Нахум Леви Ицхак Абрек, га-Йагудим бе-Азия га-Тихона, *Гайом*, 14 июля 1887 г. - с. 2-4.
9. Шмуэль Моше Ривлин, Михтавим ми-Бухара, *Га-Мелиц*, 29 августа 1888 г. - с. 3095.
10. Joseph Wolff, *Researches and Missionary Labours among the Jews, Mohammedans and other sects* (London: James Nisbet & CO., 1835), p. 190.
11. См. копию купчей в: Залман Амитин-Шапиро, *Очерк правового быта среднеазиатских евреев* (Ташкент-Самарканд: Узбекское государственное издательство, 1931). - с. 41-43.
12. *The Bukharian Times*, 2016, №711, с. 34.

13. Самуил Вайсенберг, Евреи в Туркестане, *Еврейская старина*, том 5 (1912). - с. 395-396.
14. *The Bukharian Times*, 2016, №711 - с. 34.
15. Эшель (Ачильди). - с. 65, 74-75.
16. Ашероф. - с. 10-11.
17. Подробности см.: Альберт Каганович, *Друзья поневоле: Россия и бухарские евреи, 1800—1917* (М.: Новое литературное обозрение, 2016). - с. 48-49.
18. Иосиф Калонтаров и Борис Исхаков, *«Моше Калонтар»* (Нью-Йорк, б.и. 1999). - с. 274.
19. Хадашот бе-гвуль Исраэль, *Га-Мелиц*, 26 апреля 1862. - с. 451-457.
20. Илья Чульпаев, Семейное предание об Элияу Чульпа, *Менора*, 2016, №755. - с. 12.
21. См. об этом подробно: Каганович, с. 76-83.

Волкова Т.П.

ПОЛИТИКА МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕВРЕЯМ СЕМИРЕЧЬЯ В К. XIX. – Н. XX ВВ.

Еврейское население, мигрировавшее на восточные окраины Российской империи, по присущим им характерным чертам и функциям может быть отнесено к торговым меньшинствам.

В течение XX в. в научной среде разрабатывалось несколько теорий о «торговых меньшинствах», «торговых народах» или иначе – «посреднических меньшинствах». Исследователи выделяют ряд признаков торгово-этнических меньшинств: 1. этническая и этноконфессиональная общность; 2. наличие неких идентифицирующих национально-культурных особенностей; 3. пришлость, неавтохтонность; 4. наличие объединяющей системы внутренних связей - религиозных, клановых, семейных и т.п.; 5. выполнение торгово-экономических и посреднических функций [1]. «Торговые народы» различного этнического происхождения известны с древности, но их роль особенно возрастает в эпоху рыночных преобразований [2]. Таким образом, тема «торговых меньшинств» актуальна и в настоящее время.

Говоря о XIX в., следует отметить, что традиционному аграрному обществу, недостаточно подвижному в силу ряда причин, для выполнения торговых, посреднических и связующих функций требовалась мобильная группа, как правило, иноэтническая и пришлая. В случае если статус

подобной группы был даже не вполне легален, чиновники закрывали глаза на подобные обстоятельства, ибо «торговые меньшинства» были нужны принимающему обществу и местным властям. Однако «с переходом аграрных обществ в новую фазу - индустриальную - меньшинства теряют монополию на знания и умения, овладение которыми теперь необходимо населению в массовом масштабе» [3]. Если меньшинствам до этого момента удавалось успешно интегрироваться в принимающие общества, то их представители могли занять другую экономическую и социокультурную нишу, если нет - власти переходили от политики покровительства к политике изгнания.

По подобному сценарию пошло развитие отношений местных властей к еврейскому населению, расселившемуся в Семиречье.

После завоевания Центральной Азии в состав империи были включены новые обширные территории. Семиреченская обл. была учреждена в 1867 г. и входила в составе Туркестанского генерал-губернаторства.

Миграция еврейского населения (ашкенази) в Семиречье, как и в целом в Туркестанский край, шла в основном в связи с военными завоеваниями региона российской армией в 60-70-е гг. XIX в. Евреи, отслужившие в войсках положенный срок, на основании законов того времени расселялись в городах и селах Семиречья [4; с. 12].

В этот период местные власти более чем лояльно относились к инфильтрации еврейского этноса в Семиреченскую обл. Эта покровительственная позиция властных органов объяснялась необходимостью заселения недавно занятых империей местностей Центральной Азии европейскими этносами. Кроме того, власти ощущали острую потребность в квалифицированной рабочей силе, каковую по отдельным позициям могли возместить представители еврейского населения.

Первым губернатором Семиреченской обл. и первым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска в 1867 г. стал генерал Г.А. Колпаковский, который особенно способствовал расселению евреев на управляемой им территории. Именно благодаря его покровительству здесь на юге Казахстана был создан редкий прецедент для казачьих войск. В 1877 г. в станице Саркандской Сергиопольского у. пять евреев, в основном из бывших военнотружеников, были приписаны к казачьему сословию. Получив торговые свидетельства, они занялись торговлей хлебом. В 1903 г. в станице жили уже 14 еврейских семей, включавших 44 чел. Их численность составляла 1,4% от всех жителей станицы. Все они обладали законным правом проживания в станице как отставные воинские

История Еврейских Общин

чины или же их дети [5; л. 19 об., 35]. В н. XX в. состав еврейской общины уменьшился, но она просуществовала в станице, насколько можно проследить, вплоть до 1918 г [6; с. 178].

Продолжая свою политику, 14 мая 1888 г. Г.А. Колпаковский издал специальный циркуляр, по которому все евреи, проживавшие в Семиречье до 1888 г., не подлежали выдворению [7; л. 7]. Переселение же новых лиц было ограничено. Общее количество евреев на территории Семиречья и Степного края по переписи 1897 г. было менее 2% от всего населения [4; с.17]. В Семиреченской обл. в 1897 г. проживали 310 евреев, в 1904 – 351, а в 1911 – 460.

Представленная ниже таблица составлена на 1904 г. по сведениям о вероисповедании поданными уездными и областными чиновниками области. Данные включают всех лиц, исповедовавших иудаизм.

**Население иудейского вероисповедания
в Семиреченской обл. в 1904 г. [8; л. 4,7,13,15,16,21].**

Города и уезды	Всего	В т.ч. Мужчин	В т.ч. Женщин
г. Верный	108	62	46
Верненский у.	73	40	33
Копальский у.	66	36	30
Лепсинский у. (нет сведений)	-	-	-
г. Джаркент	84	64	20
Джаркентский у.	нет	нет	нет
г. Пржевальск	20	14	6
Пржевальский у.	нет	нет	нет
г. Пишпек	нет	нет	нет
Пишпекский у.	нет	нет	нет
ИТОГО	351	216	135

Можно подсчитать, что в 1904 г. общее количество евреев по отношению к более миллионному населению области составляло 0,03%. Как видно из таблицы, 60% еврейского населения области проживало в городах. Кроме того, для Семиреченской обл. было характерно расселение евреев и в

сельских местностях, что не вполне типично. Так, в Копальском у. жили 66 евреев обоего пола; из них в казачьей станице Саркандской – 44 чел., на казачьих выселках Аксуйском и Царицынском – пять и два чел. соответственно; в крестьянских селах Гавриловское и Луговое – 14 и один чел. В Верненском у. евреи жили в казачьих станицах Больше-Алматинская (39 чел.), Мало-Алматинская (20 чел.), Софийская (пять чел.), а также в казахской Тургенской волости (девять чел.) [8; л. 7, 13, 15].

Среди евреев Семиречья были представители разных профессий и видов деятельности: предприниматели, медики, юристы, музыканты, мастеровые и даже знаменитый верненский фотограф Абрам Лейбин [9; с. 53-56].

Но наиболее важной для того времени функцией, которую возлагала на представителей еврейского этноса местная администрация, стала торговля. Стоит отметить, что торговля, в том числе и посредническая с соседними странами Азии, приносила наибольший доход для слабо развитой экономики края. Однако торговые операции, в частности, разъездные и караванные, были сопряжены с большим риском и требовали определенных навыков. В подобной обстановке власти привлекали и поощряли деятельность другой группы еврейского этноса – среднеазиатских евреев [10; с. 278]. По признаку подданства на территории Семиречья они разделялись на туземных и иностранноподданных. Администрация Семиреченской обл. сделала ставку на близость среднеазиатских евреев к автохтонному населению Туркестанского края и использовала их в качестве посредников в первые десятилетия своего утверждения на новых землях. Численность среднеазиатских евреев на территории области была невелика, но из Семиречья они расселились далее в города Степного края, заняв значительную нишу в торговле и ростовщических операциях. Ряд специальных постановлений центральных и местных властей первоначально создавал для среднеазиатских евреев довольно благоприятные условия ведения бизнеса. Некоторое время их положение в крае было даже более льготным по сравнению с евреями-ашкеназами. Характерно то, что на фоне ужесточения с 1881 г. государственной политики к евреям в Европейской России, местные власти как Степного, так и Туркестанского краев, в целом не изменили своего отношения к своему еврейскому населению.

Положение обеих групп еврейского этноса в Семиречье стало одинаково бесправным с конца 90-х гг. XIX в. Как известно, это было связано с поворотом государства к политике дискриминации и сегрегации

в отношении евреев на всей территории империи. Тезис «о вредной для народа деятельности евреев» стал повсеместным и универсальным. В виде многочисленных вариаций присутствует эта формула и в документах Семиреченского губернатора. С января 1893 г. начинается выселение из Семиречья евреев-ашкеназов, а с 1910 г. – среднеазиатских евреев.

Однако местные власти по-прежнему нуждались в услугах мобильной группы-диаспоры, что привело к попытке сделать своим проводником другой этнос – татар.

Татары, наряду с представителями других этносов (сарты-узбеки, русские), в отдельных сферах деятельности и районах области составляли успешную конкуренцию евреям, как среднеазиатским, так и ашкеназам. В частности, меновая торговля с казахами в некоторых уездах полностью была под контролем татарских купцов. Учитывая это, а также изменение государственной политики в еврейском вопросе, власти Семиреченской обл. с санкции центральных властей начинают поддерживать татар-торговцев. Это хорошо прослеживается по результатам визита Военного министра в Туркестанский край в 1901 г., когда он отклонил все ходатайства евреев, но поддержал аналогичные прошения татар. Его резолюция более чем показательна: «Будут полезны». В целом проникновение татарского капитала в Туркестан было поддержано председателем Совета министров П. Столыпиным и министром финансов П. Барком [11].

Однако в н. XX в. линия местных властей на поддержку отдельных диаспор как мобильных торговых групп отошла на второй план в условиях роста конкуренции со стороны русских и иностранных промышленников. Утвердившись на новых рубежах, империя ужесточала внутреннюю политику. Необходимость в посреднических функциях «торговых меньшинств» отпала.

1. Барзилов С. Торгово-этнические меньшинства в общественно-политической жизни провинциального города // <http://www.saratoff.ru/articles/ross/13/446>
2. Дятлов В. «Торговые меньшинства» Зарубежного Востока: некоторые подходы к изучению этнических конфликтов в современной России // http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_diatl.htm
3. Палютин Е.В. «Торговые меньшинства»: некоторые вопросы теории. Восприятие в общественном мнении (на примере г. Иркутска) // http://ecsocman.hse.ru/data/961/659/1219/7_vypusk_4.pdf

4. Волкова Т. Особенности образования еврейской диаспоры в Казахстане // Из истории евреев в Казахстане. XIX – начало XX в. Вып. I. – Алматы: КазгосИНТИ. – 2001. - С. 7 - 24.
5. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК). Ф. 44. Оп. 1. Д. 1801.
6. Волкова Т. Формирование еврейской диаспоры в Казахстане // История еврейского народа: Материалы Шестой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. – М.: Центр «Сэфер». - 1999. - С. 174 - 188.
7. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 540.
8. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 48531. В. Проскурин приводит другие данные за этот же период по всей Семиреченской обл. – 496 чел. См.: Проскурин В. Евреи в Семиречье // Из истории евреев в Казахстане. XIX – начало XX в. Вып. I. – С. 52.
9. Об этом см.: Проскурин В. Указ. Соч. С. 51 – 62.
10. Об этом см.: Волкова Т.П. Бухарские евреи в дореволюционном Казахстане // История. Память. Люди: Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Алматы, 2015. – С. 276 – 286.
11. Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана // http://www.ca-c.org/journal/11-1997/st_13_kaganovich.shtml

Сайфулмаликова С.С.

ТАШКЕНТТЕГІ ЕВРЕЙЛЕР ТАРИХЫНАН (XIX ғ. ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫ XX ғ. БАСЫ)

XIX ғасырдың 60-жылдарында Ташкенттің Ресей ықпалына өтуі қаланың полиэтникалық құрамы, діни және тілдік топтардың арақатынасын үлкен өзгерістерге түсірді. Бұрын Ташкент аймағында бұхарлық еврейлер ғана тұрса, енді орыстық еврейлердің қоныстануымен қалада ашкеназ бен сефарди бөлінісімен бірге діни, тілдік, әдет-ғұрып, салт-дәстүрлерінде де өзіндік бөліністері бар тұрғындар қалыптасты. Ташкенттегі еврейлер иудаизм, христиан, мұсылмандық дінді ұстанды. Бұхарлық еврейлердің негізгі бөлігі иудаизмді ұстанғанымен олардың арасында күшпен мұсылмандықты қабылдағандар да болды.

Бұхарлық еврейлердің арасындағы мұсылмандық дінді қабылдағандары шала деп атады. Олардың мұсылмандықты қабылдауына қатысты архив деректерінде ерікті, еріксіз түрде қабылдағандар деген мәліметтер келтіріледі.

История Еврейских Общин

1901 жылы Ташкент қаласында тұратын шалалар Айша Бибі, Може Исаак, Ибраим Якубов, Давид Ягуда Зиркеевттерді отбасымен қаладан кері Бұхараға қайтарылатындардың тізіміне кіргізді. 1900 жылдан бастап бұхарлық еврейлердің Сырдария аймағына қоныстану құқын шектеді, өйткені олардың қысқа мерзім аралығында облыстағы санының көбейіп кетуіне байланысты болды. Сырдария облысының әскери губернаторына жазған хатында жоғарыда аталған шалалар өздерінің шала аталуының негізгі себептерін және Ташкентті орыстар алғанға дейін-ақ қалаға қоныстанғаны жөнінде жазды [1,50-6].

«Мұсылмандар еврейдің әрекетін жазықты деп санаса, дінге қарсы әрекет деп жазаланды. Күнәһар деп саналған еврей құсбегіне жеткізілді, оның алдында екі таңдау жолы тұрды, үш мұсылманның куәгерлігімен дарға асылу немесе көпшіліктің алдында «Құдайға шүкір мен мұсылманмын» деп мұсылмандықты қабылдаумен өз күнәсін жуу. Осындай жолмен мұсылмандықты қабылдаған отбасы мұсылман деп жарияланып және сенім, дәстүрге қатысты кеңес алу үшін молдаға жіберілді. Мұндай жолмен мұсылмандықты қабылдаған еврейлер шала аттанды, яғни жартылай еврей, жартылай мұсылман [1,50-6].

Мұсылмандықты қабылдаған барлық шалалар сыртқы тұрпы мұсылман болғанымен, барлық жан-дүниесімен еврей болып қалды. Шала мешітке барып мұсылманға қатысты барлық шараларды орындағанымен, өз үйінде сенбі күні қараңғылықтың түсуімен еврей дәстүрімен Егов Құдайына сиынып, өз әрекетіне кешірім сұрады. Егер де еврейдің бұл әрекеті мәлім болып қалса, отбасымен оларды дарға асатын, ал бұрын биік мұнарадан иттердің талауына лақтырылатын.

Шалалар ерекше орамдарда(квартал) бөлек тұрды және тек өз арасында отбасын құрды. Оларға мұсылмандар да, еврейлер де қыздарын бермеді, алғашқылар олардың мұсылмандығына сенбесе, екіншілер мұсылмандықты қабылдады деп кінәлады. Аймақты орыстар жаулағанға дейін олардың Бұхара, Самарқандтан бөлек баратын жері де болмады, айналасының барлығы мұсылмандар болатын, сондықтан да олар өздерін білмейтін жерлерге қашты. 1866 жылдардан кейін орыстардың ықпалына өткен Түркістан, Ташкент қашқан шалалар үшін ең қолайлы қоныстанатын аймаққа айналды [1,50-6].

Давид Ягудеев және әйелдерді санамағанда 36 еврей ерлер, Ташкентті орыстар алғанға дейін-ақ, Бұхарадан қашып Ташкентке келді. Ташкенттегі еврейлердің тізімі жасалғанда, қаланы орыстар алғанға дейінгі, тұрғындардың қатарында олардың есімдері болмады.

Ташкенте тұратын Давид Ягудеев Зиркеев 42 жаста, 12 жасында шала аттанған. Бұхарадан Самарқандқа қашып, онда Әлике Абрамовка 8 жыл қызмет жасаған, кейін Ташкентке қоныс аударған. Оның әйелі Хамра еврейдің қызы. Балалары Иуда, Сара, Синора [1, 51-6]. Жоғарыдағы бұхарлық еврей шалаларға қатысты мәліметтер олардың еріксіз түрде мұсылмандықты қабылдағанын және Бұхараға кері оралуға олардың наразы болғандығын көрсетеді.

1902 жылғы Түркістан генерал-губернаторлығының мәліметі бойынша Самарқанд облысындағы шала еврей 15 отбасы-59 адам, Сырдария облысы бойынша 9 отбасы-28 адам, Ферғана облысы бойынша 5 отбасы деген мәліметтер көрсетіледі [1, 109-об].

Еріксіз түрде мұсылмандықты қабылдаған еврейлермен бірге өз еріктерімен мұсылмандықты қабылдаған еврейлерге қатысты мәліметтер 1903 жылы Ресей империясының Бұхарадағы саяси агентінің ақпаратында кездеседі. Оның мәліметі бойынша өз еркімен мұсылмандықты қабылдаған еврейлер: 1) Ибн Ямин Бильбилев, 2) Нисин Барухов, 3) Абдурахман Рубинов, 4) Исхак Дауыт Кашиев, 5) Израил Юсупов, 6) Пенхас Израилев, 7) Абраам Ядгаров, 8) Абраам Хаим Дустов, 9) Израил Фазил Калантаров, 10) Нисан Якубов, 11) Арон Абрамов, 12) Илья Хаим Пенхасов [1, 127-п]. Автор жоғарыдағы 12 адам мұсылмандықтан бас тартып иудейлікті қабылдаса олар шала емес «муртад» аталды деп мәлімет жазған.

Бұрынғы Сырдария облысының аумағы Ресей аймағына өткеннен кейін, орыстық еврейлер де бұхарлық еврейлер де өз синагогасын, мектептерін ашуға мүмкіндік алды. Деректерде аймақта орыстар жаулағанға дейін Ташкент, Самарқандта бұхарлық еврейлердің өз синагогалары болған деген мәліметтер келтіріледі. Аймаққа қоныстанған орыстық еврейлер Ташкентте өз ғибадат үйлерін, мектеп, синагогаларын ашуға алғашқы келген кезден-ақ әрекет етті, бірақ алғашқы әрекеттері нәтижесіз аяқталды.

1871 жылы Түркістан генерал-губернаторлығына раввин дәрежесін бекіту және бұл қызметке бұрынғы унтер-офицер Зельмановичті қою жөнінде өтініш түсті. Түркістан генерал губернаторы фон Кауфман раввин дәрежесін бекітуге өз келісімін бермеді [2, 10-11-бб].

1872 жылы маусымда жүргізген тергеу ісіне сәйкес Қазан мешанині Филипп Гаврилов православие дініне қатысты әрекеттерді орындамағаны үшін жауапқа тартылды. Тергеу барысында үкіметтің рұқсатынсыз еврейлердің екі қоғамының пайда болғаны анықталды; біріншісі көпес

Азик Бровершан басқарған «Еврей қоғамы», екіншісі бұрынғы қатардағы жауынгер Берко Магнетштейн басқарған «Презрение» қоғамы және бұрынғы унтер офицер Мовша Зельмоновичтің раввин қызметін атқарғаны. Бұл қоғамдар өз діндес еврейлеріне айыппұл салып отырған, өз мөрлері бар және сайлау жүргізіп отырған [2, 10-11-бб].

Сырдария облысының әскери губернаторы майор Эйлер облыстағы әскери сот комиссиясына Ф. Гаврилов, А.Бровершан, М.Зельманович, Б. Магнетштейн, көпес Герша Фридманға қатал полициялық бақылау қоюға тапсырма берді[2, 10-11-бб]. А.И.Добросмыслов орыс еврей қоғамының ғибадат үйінің XIX ғасырдың 70-жылдарында пайда болғандығы, бірақ 1876 жылы еврей қоғамы мен еврей солдаттарының арасындағы келіспеуге байланысты еврейлердің ғибадат үйі жабылып қалды- деп көрсетеді [3,205-6].

1882 жылы Ташкентте жеке меншіктегі еврей мектебі ашылды, мектептің негізгі табыс көзі оқуға төленетін ақы (4 руб.) және еврей қоғамынан төленетін жәрдемақйдан тұрды. Мектептің жылдық табысы 1100 руб. болатын. Мектепте орыс еврейлерінің балалары оқыды. Мұғалімдер саны 2, 1884 жылы оқушылар саны 39 ұл, 11 қыз болды. Мектепте ежелгі еврей тілінен бөлек, орыс тілі оқытылды [3,205-6]. 1888 жылы еврейлерге қатысты Сырдария облысының басқармасына түскен мәліметке сүйенсек, Ташкенттегі 1882 жылы жеке меншіктегі еврей-орыс мектебін ашқан Борух Моисеев Каценельсон болған. Борух Моисеев Каценельсон науқасына байланысты әскери қызметтен босатылып, 1883 жылы әскердегі запасқа кірген, Тавриялық мешан Мелитополь губерниясынан шыққан [4, 43-б]. 1883 жылдан осы мектепте өзі мұғалім болған. 1888 жылғы мәлімет бойынша Каценельсон мектебінде 44 ұл бала, 16 қыз бала оқыған. Каценельсон өзіне берілген балалармен сабақты жақсы жүргізіп, жақсы нәтижелерге жетуде деп көрсетіледі. Кейбір мәлімет бойынша Каценельсон үйінде еврейлердің жиі жиыны өтіп отырған, оны жақтаушылар өзіне оны басшы етіп алған, соңғы кездерде Ташкенттегі еврейлер екі топқа бөлініп алды. Жиындар Каценельсон үйінде және ғибадатханада түнде өтеді деген мәліметтер беріледі [4 43-47- бб]. Қаражаттың жетіспеуіне байланысты кейін мектеп жабылып қалды деп көрсетіледі [3, 205].

1885 жылы Ташкентке келген Могилев мешанині Леиб Циперсон және Зусин Зевлиннің бастамасымен еврей Адисманның үйінде еврей мектебін ашты. Олар бұл мектепті ашуда Түркістан өлкесінің училищелерге қатысты бас инспекторының келісімін алғанымен, бірақ

облыстық әкімшіліктің келісімін алмай ашқан болатын, кейін бұл мектеп те жабылып қалды. Мектепте 10 еврей баласы оқыды [5, 1-2 бб].

1888 жылғы мәлімет бойынша Ташкенттің орыс бөлігінде ғибадаттық мектеп -2, ғибадат үйі-2, оның біреуі орыстық еврейлерге, екіншісі бұхарлық еврейлерге тиесілі болған. Соңғысына екі мектеп қарап, раввині болмаған. Орыс еврейлері арасында Діни басқарма құрылып, ол староста, қазынашы, ғалымдарнан тұрды [6, 332- бб].

Ташкенттегі орыс, бұхарлық еврейлердің ғибадатхана, синагога, мектеп ашу ісі, діни Басқарма құру әрекеттері 1857 жылы қабылданған Жарғыға сәйкес жүргізілуі тиіс болды. 1857 жылы қабылданған «Шетелдіктердің діни ұстанымына қатысты Жарғының» 1069 бабына сәйкес барлық еврейлер тұрақты жиналатын синагога, ғибадаттық мектеп үйінде 3 жыл сайын 1070 бапқа сәйкес Діни Басқарманың сайлауын өткізіп отырды. Діни басқарма құрамына; 1) дінге, рәсімдерге қатысты сенім, күмәндерге түсінік беретін ғалым; 2) синагога немесе мектептің старостасы; 3) қазынашы кірді. Осы үш адамнан Діни Басқарма құрылды. 1072 бапқа сәйкес Діни басқарма мүшелігіне раввин де кірді. 1071 бапқа сәйкес Діни басқарма мүшелері және дұғаға жиналатын қауым мүшелерінің келісімімен жергілікті раввинге қосымша ғалымның, кейде ғалымға қосымша раввиннің қызметін атқаруға да мүмкіндіктер берілді [7,198-199 б].

1894 жылы 14 наурызда Ташкенттегі Еврей қоғамының Діни Басқармасы басқарма мүшелерінің 3 жылдық мерзімінің бітуіне байланысты сайлау өтетінін жариялады. Діни Басқарма 1894-1897 жылға сайлау жүргізіп және сайлаудың болатын күнін қаладағы 2-ші полицмейстерге хабарлап, сайлауға полициялық биліктің бір мүшесі қатысуы тиіс болды [8, 2-б].

1894 жылы староста қызметіне сайлауға түскен Рацульский-29 жақтаған дауыс, 7 қарсы дауыс, Мирошников -17 жақтаған дауыс, 19 қарсы дауыс, Шистерг -9 жақтаған дауыс, 29 қарсы дауыс, ал қазынашыға сайлауға түскен Дружнин -31 жақтаған дауыс, 6 қарсы дауыс, Хваловский 25 жақтаған дауыс, 11 қарсы дауыс, ғалым қызметіне сайлауға түскен Зельманович 29 жақтаған дауыс, 7 қарсы дауыс, Хасидович- 12 жақтаған дауыс, 25 қарсы дауыс жинаған. 1894 жылы 16 наурыздағы сайлаудың қорытындысы бойынша ғалым орнына Зельманович 29 дауыспен, староста орнына Рацульский 29 дауыспен, қазынашы орнына Дружнин 31 дауыспен сайланған [8, 3-4 бб].

XIX ғасырдың соңында Ташкентте бұхарлық және орыс еврейлерінің өз синагогалары ашылды. 1890 жылы Юсуф Давыдовтың жеке

синагогасы, 1896 жылы орыс еврейлерінің және түземдік еврейлердің синагогасы [3,321-б].

1903 жылы Ташкентте тұратын 48 бұхарлық еврей орыс еврейлерінен бөлек өз ғибадат үйін ашуға рұқсат беруге өтініш білдірді. Олар өз өтініштері жөнінде былай деп жазды: «1303, 1308 баптарға сәйкес, діни түсінік бойынша секталарға бөлінгенде бір түсінік бойынша ғибадаты жағынан қабылдауға келмесе, барлық мінәжат етушілер бір синагога келгенде бөлек ғибадат қоғамын құрады. Еврей дініндегілер екіге бөлінеді: ашкеназ және сефарди. Алғашқысына Европада тұратын барлық еврейлер, екіншісіне Азияда тұратын еврейлер кіреді. Ашкеназдар германдық еврейлердің ұрпағы Моисей түсінігіндегі өз ғалымдары мен раввиндерінің түсіндіруімен заңдылықты қабылдағандар. Сефарди испандық еврейлердің ұрпағы олар өз ғалымдарының түсіндірумен дінді қабылдағандар. Барлық еврей оқитын Шульхон-Орух заңдылықтарының әрбір шыққан басылымдарында екі паралелді бағыттағы түсінік беріледі [9, 3-4 бб].

Осыған байланысты Ташкенттің азиаттық бөлігінде тұратын еврейлер және Ташкенттегі еврейлер қоғамы ғибадат үйлеріндегі раввиннің болмауына байланысты некелесу, ажырасу, сүндетке отырғызу, қайтыс болған адамды шығару, малды сою, құсты тамаққа пайдалану кезінде көп қиындыққа кездесетінін, осыған байланысты Барух мулла Гадаевты раввин ретінде сайлап, Діни басқарманың мүшелері ретінде 2 гилдияның көпестері Пинхас Абдурахманов, Нейман Мурдахан Замровты тағайындаған [10, 7-б]. Ташкент қаласының бастығы бұхарлық еврейлерге Барух мулла Гадаевты раввин дәрежесінде бекітуге және әр түрлі ақша жинауға рұқсат бермейтінін хабарлады [10 6-б]. Бұхарлық еврейлерге кейін өз раввиндерін сайлауға мүмкіндік берілді.

1890 жылы Юсуф Давыдовтың жеке меншіктегі синагогасы жанынан жеке меншіктегі еврей мектебі ашылды. 1909 жылғы мәлімет бойынша мектепте 40 ер бала білім алған. Мектептегі оқу ақысы 35 руб., жалпы шығыны 1400 руб. Мұғалімдер саны 1 болды [3, 215-б].

1900 жылы жеке меншіктегі орыс-түземдік еврей училищесі ашылды. Мектептің негізгі қаражат көзі ауқатты ата-аналардың оқуға төлеген қаражаты, мектеп үшін ұйымдастырылатын концерттер мен кештерден құралды. 1906 жылдан бастап қазына жылына 600 руб. қаражат бөлді. Мектепті ұстау шығына жылына 3500 руб. құрады. Мұғалімдер саны 4 болды [3,208-б]. 1909 жылы 50 ер бала, 25 қыз бала оқыған. Оқу ақысы 46 руб., 66 тиынды құрады [3,216-б]. Бұл мектепте түземдік еврей балаларының саны 5-10% құрады. Мектеп бағдарламасы приходтық халықтық училищелердің

бағдарламасына жақын болды, курс төрт жылдық болатын. Мектептің қажетін бақылау үшін еврей қоғамы өз ортасынан 10 адамнан тұратын мектеп комитетін жыл сайын сайлап отырды [3,208-б].

1903 жылы бұхарлық еврейлердің балалары үшін равин Шоломо Моисеев Тажераның бастамасымен жеке меншіктегі училище ашылды. 1909 жылғы мәлімет бойынша 37 ер бала, 3 қыз бала оқыған. Оқу ақысы 40 руб. болды. Сабақ беретін мұғалім саны 2. Мектепті ұстау шығыны 1600 руб. болды. [3,216-б]. Мектепте оқитын еврей балаларына үйірме, қоғамдар қолау көрсетіп отырды. Мысалы, 1902 жылы Ташкентте құрылған Түркістан еврей ханымдарының үйірмесі білім алушы еврей жастарына материалдық жағынан қолдау көрсетіп отырды [3, 242-б]. А.И.Добосмыслов «Ташкентте тұратын ұлттардың арасында еврейлер сынды ауызбірлік пен өз жақынына көмек көрсету байқалмайды. Осы жағынан алғанда істі қалай жүргізу қажеттігін біз олардан үйренуіміз қажет», - деп жазады [3, 242-б].

1. ӨРОМА, 1-қор, 13-т, 212-іс.
2. ӨРОМА, 36-қор, 1-тізбек, 879-іс.
3. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк - Ташкент. 1912 - 320 с.
4. ӨРОМА, 36-қор, 1-тізбек, 2896-іс.
5. ӨРОМА, 36-қор, 1-тізбек, 2648-іс.
6. ӨРОМА, 36-қор, 1-тізбек, 3085-іс.
7. Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Т.11. часть 1. Уставы, духовных дел иностранного исповедания. Санктпетербург. В типографии второго отделения собственной его императорского Величества канцелярии. 1857 - 264 стр.
8. ӨРОМА, 17-қор, 1-тізбек, 15070-іс.
9. ӨРОМА, 17-қор, 171-іс.
10. ӨРОММ, 36-қор, 1-тізбек, 879-іс.

Кац Г.Л.

СТАРИННОЕ ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ – ЭТО ЧАСТЬ ИСТОРИИ ОБЩИНЫ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ПЕРИОДА XIX-XX вв. СЕМИПАЛАТИНСКА

В настоящей публикации речь пойдет о монументальных еврейских надгробиях на территории г Семипалатинска рубежа XIX-XX вв., которые

История Еврейских Общин

представляют для еврейской общины и краеведов Семипалатинска историческую и научную ценность, и, пожалуй, для всего Казахстана - уникальный краеведческий материал.

Жители г. Семей помнят панорамный кинотеатр «Мир», который, к сожалению, снесен, а рядом уже много лет функционирует школа №38, неподалеку от нее находится древнее еврейское кладбище общей площадью две тыс. кв/м. Общее количество захороненных составляет 361 чел. Концом XIX в. (1892, 1898, 1899 гг.) датируются четыре захоронения, к началу XX в (1900-1917 гг.) относятся 11 могил. На период 20-30 гг (1919-1938 гг.) приходятся 27 захоронений.

Данный период характерен событиями решительной борьбы с религиозными «предрассудками», что в конечном итоге влекло за собой сложность традиционных религиозных обрядов, в т.ч. и ритуальных.

Но наряду с этим есть и другая причина такой низкой цифры этого периода. Ситуация состоит в том, что в эти смутные годы множество людей «пропало» без суда и следствия, и конечно, без официальных ритуальных похорон.

Множество еврейского населения г. Семипалатинска находилось в разряде так именуемых «лишенцев».

Так статистика выглядит в цифрах: большое число захоронений – 89 - приходится на годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

К их числу относится как «местное» еврейское население, так и эвакуированные из прифронтовой полосы на территорию Восточного Казахстана.

Оставшееся основное число могил- 64% - датируется началом послевоенного времени и до 70-х гг. XX в.

Кстати, и мой отец, Лев Лазаревич, участник Великой Отечественной войны, который в мирное послевоенное время внес большой вклад в развитие легкой промышленности г. Семипалатинска, похоронен в 1967 г. на территории данного кладбища, которое было закрыто после этой прискорбной даты буквально через три года. Вспоминая годы до полного закрытия погоста, хочу заметить, что местные органы власти совместно с еврейской общиной содержали его в нормальном состоянии, вовремя проводился ремонт ограждения, территория внутри кладбища содержалась в надлежащем виде, погост постоянно охранялся сторожем, поэтому не было случаев вандализма, краж могильных ограждений. А что сейчас происходит с кладбищем - остановлюсь в конце публикации.

История Еврейских Общин

В данное время полностью обследована территория старого еврейского кладбища нашего города. Осуществлена фотофиксация 13 ед. старинных еврейских надгробий, 12 из которых - традиционные иудейские мацевы и одно надгробие в виде саркофага. В этом перечне выявлена стела с культовой символикой: изображением шестиконечной звезды Давида, храмового семисвечника - миноры, Скрижалей завета. Наряду с иудейскими стелами на старом еврейском кладбище нашего города сохранились удивительные по красоте монументальные надгробные памятники.

Начало XX в., о чем, собственно, хочу рассказать читателям, потому что память о людях – вечна – ведь в свое время они при жизни внесли свой вклад в развитие страны, будучи учителями, врачами, специалистами, разных отраслей, развивали науку города, создавали шедевры искусства.

Старожилы помнят, как случилось, что в Семипалатинске, на Южной границе Российской империи в месте столь отдаленном, где традиционно проживала еврейская диаспора, появилось и сохранилось еврейское кладбище.

На тот период в городе была самая большая по численности еврейская община, имелся и еврейский молитвенный дом - синагога. Без всякого сомнения, здесь существовало погребальное общество, которое осуществляло похороны согласно традиции.

Во второй половине XIX в. было основано кладбище, и первоначально оно занимало небольшую территорию, которая была обнесена каменным забором. Шли годы, численность евреев в городе увеличилась, росло и кладбище.

Особенно большой «скачок» в статистике произошел в годы Второй мировой войны, когда в город на Иртыше прибыло большое количество евреев, эвакуированных из прифронтовой полосы.

Городские власти на заседании горисполкома от 26 апреля 1945 г. приняли решение расширить кладбище, прирезав к нему с западной стороны свободную площадь. В результате образовалась «новое» еврейское кладбище, проработавшее до 70-х гг. XX в. Позже большая часть захоронений была прекращена по ряду объективных причин, а именно утраты вековых традиций упокоения евреев, выросших в советском обществе.

Зачастую евреев хоронили уже по законам и обрядам советского времени на общем городском кладбище. А старое еврейское кладбище постепенно разрушалось и пришло в упадок.

История Еврейских Общин

Как указывалось выше, число захороненных составляло 361 чел., у большинства установлены даты рождения и смерти, определены ряд и место могилы.

Наиболее интересными являются исследования надгробий рубежа XIX-XX вв, не так их и много.

В 1962 г. инициативная группа из членов еврейской общины (И.Л. А.Л. Светлицкие, И.М. Кременецкий, Р.З. Мостинский) провели трудоемкую и серьезную работу по сохранению, как самого погоста, так и его истории.

Потребовалось два месяца для тщательной уборки святого места, многие старинные надгробия и оградки были отреставрированы, молодая поросль и старые деревья вырублены, мусор вывезен за пределы кладбища.

А.Л.Светлицкий составил планы старой и новой территорий кладбища, завел новую с учетом старых записей книгу регистрации умерших.

В ней учтены захоронения на момент середины 1962 г. Самое раннее отмечено 1892 г., последняя запись датируется 1970 г. Из-за плохой сохранности могильных памятников, многие захоронения остались безымянными. К сожалению, на сегодняшний день чертеж кладбища, выполненный С. Велковским, утерян, в ходе научных командировок по линии Восточно-Казахстанского музея-заповедника десять лет назад была проведена фотофиксация сохранившихся и наиболее интересных надгробий.

Еврейское кладбище города сохранило монументальное еврейское надгробие общегородского типа. Появление на еврейском кладбище памятников общегородского типа вполне объяснимо.

В жизни евреев за пределами черты оседлости очень быстро стирался всякий оттенок этничности, остались только религия и самопознание. Можно предположить и обосновать ряд причин появления на еврейском кладбище города надгробий, далеких от традиционных.

Надгробие выполнялись в ряде случаев алтайскими камнерезами. Подрядчиками выступали камнерезы из Колывани, что в Алтайском крае. Изделия колыванских мастеров высоко ценились и поставлялись в разные Российские города.

Так вот, евреи Семипалатинска выступали в роли заказчиков алтайских камнерезов. Специалисты-этнографы обнаружили на кладбище надгробие Иосифа Добровольского (1850-1907 гг.), выполненное в

традиции того времени с фирменным клеймом на торцевой стороне надгробия.

Памятник Давида Абрамовича Купера (1907 г.) имеет свое особенное отличие. При выполнении среднего яруса мастер использовал элементы древнерусской архитектуры, завершив его закомаром, украшенным цветочной розеткой. Одна из ниш «тумбы» заполнена текстом на русском языке: «Вечный покой дорогому отцу и мужу».

Оригинально выполнена венчающая часть в виде стилизованной вазы с фитоморфным орнаментом, заканчивается конструкция главкой.

Давид Абрамович Купер был купцом первой гильдии, этим и объясняется богатое декорирование надгробия.

Элементы древнерусской архитектуры просматриваются в памятниках: Златы Лейбовны Вакс (1915 г.) и Мины- Эйды Гутерц (1916 г.). В том и другом аналогичное исполнение завершения средней части надгробия в виде русского закомара раннемосковской архитектуры. Первый из них имеет оригинальное оформление ниши фигурной рамкой, содержащей надгробный текст. Надгробие З.Л. Вакс выгодно отличается оформлением торцевых сторон с просматривающимся силуэтом трансформированной базы античной колонны.

На сегодняшний день кладбище считается закрытым, но ветшалый забор далеко не всегда служит препятствием для тех, кто время от времени тревожит покой усопших. В результате чего своеобразный памятник еврейской культуры страдает не только от времени, но и от рук вандалов. Сохранить это культурное наследие - долг любого и живущих на земле Прииртышья.

В завершение хотелось обратиться от имени руководства еврейской общины г. Семей к жителям города, работникам различных рыночных структур, изыскать возможные спонсорские финансовые средства для сохранения памятника древней культуры еврейского народа, а именно восстановления кладбища, частично реставрировать ряд уникальных погостов ритуальной архитектуры, пожалуй, уникальной по ценности, для памяти жителей города на Иртыше.

ИСТОРИЯ УФИМСКОЙ СИНАГОГИ

Шел 1915 г... Толпы беженцев и отселенных из западных губерний Российской Империи появились в Уфимской губ. Значительная часть из них были по вере иудеями. Учитывая это, губернские власти разрешили строительство на собранные общиной средства новой каменной синагоги рядом со старой деревянной. Так появилось это здание, ставшее одной из достопримечательностей и памятником архитектуры нашего города.

Еврейская община стала формироваться в нашем регионе с 1859 г., когда почти ежегодно отдельные категории евреев в соответствии с указами Александра II начали получать право жительства вне черты еврейской оседлости – купцы первой гильдии, отставные николаевские солдаты, ремесленники, многих из которых приглашались специально [1]. Они понимали, что дальний переезд, отрыв от родных мест, привычного образа жизни чреватой быстрой ассимиляцией, и стремились сохранить себя в иудаизме и иудаизм в себе. Этому могла способствовать только синагога.

В «Еврейской энциклопедии» Брокгауза и Ефрона указано, что еврейский молитвенный дом в Уфе был основан еще в 1855 г. Он предназначался для отправления религиозных потребностей кантонистами и временно приезжавшими сюда купцами еврейской национальности [2].

В 1896 г. было разрешено его официальное существование. К этому времени в Уфимской губ. проживали около 700 евреев, половина из которых - в Уфе [3].

Первоначально синагога располагалась в деревянном здании по ул. Ханыковская, 54 (ныне — ул. Гоголя, 58, - *прим. авт.*), построенном к этому времени на средства еврейской общины. Рядом находилась двухэтажная каменная школа.

Согласно семейным преданиям и воспоминаниям старожилов, обязанности раввина выполнял переехавший из Минска с семьей в 1876 г. чулочных дел мастер мой прадед Лейба (Леонтий) Аронович Голынка, снимавший квартиру рядом с синагогой. Семья Голынка держала кошерную столовую для холостяков [4].

В 1900 г. выбранным общиной и утвержденный властями казенным раввином стал провизор Герман Левитан. С 1901 по 1914 г. общественным раввином был зубной врач Меер Иосифович Аптекарь.

В Уфимских адрес-календарях печатались в отдельные годы, наряду с другими, даты еврейских праздников в иудейском и христианском летоисчислениях [5].

Ул. Гоголя. 100 лет назад

Открытие в 1915 г. каменного здания стало событием огромной важности не только для общины. В городе появилось прекрасное здание, в декоративном убранстве которого были произвольно использованы элементы классицизма, барокко, модерна, византийского и неорусского стилей.

Синагогальный комплекс состоял из двухэтажного двухсветного молитвенного храма, двухэтажного здания, где находился хедер и жили служители культа и учителя. Старое здание было переоборудовано под общежитие для бесплатного проживания стариков. Здесь же находилось помещение, где работал резник, и миква [6]. Неподалеку, на углу нынешних ул. Свердлова и Карла Маркса находился магазинчик, где продавали кошерное мясо.

Значительную роль в организации и сборе средств для этого строительства сыграл переехавший в Уфу из Астрахани с восемью детьми двухметровый красавец Мендель Янкелевич Буждан, сын раввина, внук николаевского солдата [7].

Постепенно в центре Уфы в пределах нынешних ул. Заки Валиди, Цюрупы, Революционной, Зенцова стал образовываться район компактного проживания евреев, особенно много их жило неподалеку от синагоги: в Электрическом переулке, примыкавшем к электростанции Коншина, ул. Большой Успенской, Бекетовской, Каретной, которые в народе называли «еврейскими» [8].

Здесь жили простые, набожные, трудолюбивые, законопослушные, физически крепкие люди, располагались их мастерские и лавочки. Объединяло этих людей не только совместное проживание, но и язык, религия, социальный уровень, образ жизни. Состав населения не мог быть стабильным: кого-то выселяли, кто-то сам срывался с места в поисках лучшего положения.

Состоятельные образованные евреи, селившиеся на Центральной, Большой Казанской, Александровской ул., также принимали участие в жизни еврейской общины, оказывали материальную помощь, заступались за выселяемых.

В Уфимской губ.

В 1914–18 гг. уфимским раввином был Шимен Абрамович Богин (1859-1918), потомки которого до сих пор живут в Уфе [9].

История Еврейских Общин

В первые послереволюционные годы существовал Совет Уфимской еврейской общины, который возглавлял общественный раввин Исаак Марголин, в 1920 г. мобилизованный в отряд особого назначения.

В годы Гражданской войны в Уфимскую губ., где была относительно спокойная жизнь, и сосуществовали различные партии и течения, устремлялись бесконечные потоки беженцев, жертв белого (а порой и красного) террора, размещавшиеся в 1919 г. в синагоге.

Уфимский еврейский временный комитет помощи жертвам войн развернул еще в конце 1917 г. «очаг». Были оборудованы амбулатория, богадельня, два «детских» очага, уфимское общественное еврейское училище с библиотекой [10].

В 1919 г. при Уфимском Губкоме РКП (б) была организована еврейская секция, создавшая комиссию по окончательной ликвидации еврейской общины. Коммунисты считали, что она является «очагом клерикальной реакции, препятствующей проведению диктатуры пролетариата среди еврейских трудящихся масс». Были опечатаны и запрещены к изучению книги на древнееврейском языке [11].

«Поп, мулла, раввин миром мазаны одним!»

В 20-е годы под влиянием атеистической пропаганды молодое поколение отходит от религии.

«Поп, мулла, раввин миром мазаны одним!», - распевали, носясь по улицам, уфимские мальчишки.

Постановлением БашЦИКа от 29 декабря 1929 г. синагога подлежала закрытию. 6 января 1930 г. состоялись приемка помещения и передача имущества еврейского молитвенного дома, в состав которого входили в числе прочего 12 свитков Торы с принадлежностями, две серебряных скрижали, две попоны для лошадей, употребляемых во время похоронной процессии, катафалк с летним и зимним ходом, водокачальная пожарная машина.

Все это было передано еврейской общине по описи. Здание бывшей синагоги, дощатый сарай с ключами от последних были приняты представителем союза Безбожников [12].

В это же время начинают закрывать церкви и мечети, а служителей культа подвергают репрессиям.

Уфимский «цадик»

Почти 70 лет видную роль в жизни уфимской еврейской общины играл сапожник Самуил (Шмуэль) Мовшевич Гершов, прибывший в Уфу в 1915 г. вместе с женой и шестью детьми. Из многочисленных

История Еврейских Общин

воспоминаний людей возникает образ подлинного цадика, «святого человека», как называли его уже при жизни [13].

23 октября 1931 г. он обратился к председателю Башкирского ЦИКа с жалобой, в которой писал о том, что (приводится с сокращениями, - прим. авт.):

«Наступил 1929 г., а с ним вместе наступил резкий жилищный кризис. БашЦИК вначале отобрал школьный двухэтажный дом, выселив учителей-евреев, а в 1930 г. и каменную двухэтажную синагогу передал НКВД, попросив предоставить верующим др. помещение. Но НКВД 19 августа 1930 г. известил, что свободных помещений не имеется. Поэтому просим БашЦИК сделать соответствующее распоряжение о возврате нам нашего единственного во всей республике старого молитвенного дома по ул. Гоголя.

БашЦИКу остается сказать свое авторитетное решение, совершив акт справедливости и законности» [14].

Тем не менее, в том же году в каменном здании с витражами, на которых были изображены шестиконечные звезды Давида (!), расположился клуб им. одного из руководителей НКВД республики Матвея Погребинского. Синагоге повезло больше, чем Погребинскому, застрелившемуся в 1937 г., дабы избежать ареста. Бывший молельный зал и двухэтажный жилой дом были соединены заключенными ГУЛАГа, а после войны пленными немцами сделан пристрой. Так возник театральный комплекс, в котором находились Башгосфилармония, открытая в 1939 г. по инициативе композитора Г.С. Альмухаметова, и Русский драматический театр [15].

После закрытия синагоги молились по домам и чаще всего у Гершовых. «Органы» требовали, чтобы он перестал устраивать молельни, но он настаивал, чтобы вернули синагогу и по-прежнему собирал «миньян» (кворум из десяти мужчин, необходимый для чтения молитвы).

Гершов прекрасно понимал, что синагога поддерживала бы стремительно уходящую самосознание и духовность в среде менее ассимилированных евреев.

В годы Великой Отечественной войны, когда культовые здания временно передавали верующим, она поддерживала бы эвакуированных и беженцев из бывшей «черты оседлости».

Община перешла на полуполюгальное положение: подпольно молились, пекли мацу. В конце 1940-х гг., в ответ на требование выдачи

религиозных книг, члены общины упаковали их в ящики и глубоко закопали на еврейской части Ивановского кладбища [16].

Десятилетия спустя

В 1986–87 гг. здание было перестроено, но и сегодня большое фойе сохраняет, по словам архитектора М.П. Мазина, планировку и основные архитектурные элементы синагоги: балкон с фигурными окнами, где раньше молились женщины, балюстраду второго этажа с точеными столбиками-балясинами. Оказавшись в бывшем молитвенном зале, восхищаешься настоящей храмовой акустикой, любишь полукруглой алтарной частью, где когда-то находился у восточной стены арон-кодеш, ковчег со свитками Торы, закрывавшийся вышитой завесой - парохетом. Горел здесь когда-то «постоянный светильник».

«Весной 1992 г. делегация еврейской общины обратилась к мэру Уфы М.А. Зайцеву с просьбой предоставить помещение для синагоги. Прочитав жалобу Гершова в БашЦИК, он спросил: «Его расстреляли?». Удивительно, что он прожил еще 51 год и не был репрессирован ни в 1937–38, ни в 1950–53 гг.

«Умер Самуил Гершов в 1982 г. 102 лет, окруженный детьми, внуками, правнуками», - писал в газете «Вечерняя Уфа» в статье «Где помолиться бедному еврею?» его внучатый племянник Владимир, в то время депутат уфимского городского Совета [17].

Когда филармонию посетили гости из Израиля, представители администрации полушутя-полусерьезно спросили: «Отбирать пришли?».

В первые годы деятельности клуба любителей еврейской культуры «Штерн» (потом «Кохав», - *прим. авт.*) здесь проводились праздничные мероприятия.

В начале второго тысячелетия здание было перекрашено: бурый цвет заменили светло-зеленым, более нарядным, но исторически неточным.

Весной 2008 г. огромное новое здание синагоги открыло свои двери. Но, это – уже другая история...

1. Записано со слов краеведа Г.Ф. Гудкова в 1993 г.
2. Еврейская энциклопедия. Изд. «Брокгауз и Ефрон». СПб. Репринтное издание. Терра. Москва. СПб., 1991. Т. XV. С. 144.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. XLV. Уфимская губерния. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. 1904. С.39.
4. Записано со слов И.М. Захаровой в 1997 г.
5. *Шкурко Э.А.* Евреи в Башкортостане: полтора века истории». Уфа:

«Аэрокосмос и ноосфера», 2007. С.

6. *Латыпова В.В., Любимова О.И.* и др. Дорога к храму. – Уфа. 1993. С. 78–79.

7. Записано со слов В.Д. Дильмана в 1997 г.

8. Записано со слов Б.С. Вагнер в 1997 г.

9 Записано со слов Б.Х. Богоиной в 1997 г.13.

10. ЦИА РБ. Ф. Р-107. Оп. 3. Д-22. Л. 22–27.

11. ЦГАОО РБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 259. Л. 1-2..

12. ЦИА РБ. Ф. Р-394, Оп.2. Д-2336. Л. 7–9.

13. Записано со слов Б.С. Вагнер в 1993 г.

14. В. Гершов «Где помолиться бедному еврею?» Вечерняя Уфа. 1992 г. 3 сент.

15. Записано со слов М.П. Мазина в 2005 г.

16. Записано со слов А.А. Гартмана в 1997 г.

17. *В.И. Гершов.* «Где помолиться бедному еврею?» Вечерняя Уфа. 1992 г. 3 сент.

Туркинец М.Л.

СИОНИСТСКОЕ ОКНО: КОГДА СИБИРЬ ЕЩЕ НЕ БЫЛА СОВЕТСКОЙ

«Газета – это не чтение от скуки. Газета – наши глаза и руки!» Эти известные слова поэта Владимира Маяковского вспомнились при знакомстве с сионистской прессой Сибири. Мне открылся незнакомый мир, иная планета досоветского периода, когда на страницах газет угадывались глаза, устремленные в сторону страны Израиля, а руки сжимались в нетерпении сделать что-то для еврейской страны.

Кто же стоял у руля этих сионистских газет? Какими они были, какова была их роль в распространении сионистских идей на просторах Западной и Восточной Сибири? Как менялись цели и задачи за несколько лет их существования: с 1917 до 1920 г.?

В 1917 г. произошли три события, разделившие историю российского еврейства:

- февральская бескровная революция, давшая надежду на установление свободы и демократии в России;
- октябрьский большевистский переворот, позже pompезно названный Великой Октябрьской социалистической революцией;

История Еврейских Общин

- провозглашена Декларация Бальфура, согласно которой Палестина объявлена национальным очагом еврейского народа. Это было письмо министра иностранных дел Британии, лорда Бальфура к одному из лидеров британского еврейства лорду Лайонелю Ротшильду. Благородная идея британского министра появилась как итог многолетних усилий сионистских кругов - и это вселило уверенную надежду и у евреев российского еврейства, и многих стран в приближение создания еврейского государства – воплощение идей сионизма.

Перенесемся в Сибирь, в г. Томск. С 1915 г. в Томском университете учится Александр Евзеров. Родился он в 1894 г., в городе Прилуки на Украине.

Его дядя, Иегуда Цви, один из первых сионистских проповедников, разъезжал по городам России и призывал поддержать сионистское движение. Александр окончил гимназию в Одессе [1]. Еще в 1890 г. состоялось учредительное собрание «Общества по вспомоществованию евреям земледельцам и ремесленникам Сирии и Палестины» [2]. Одним из первых членов этой сионистской организации, известной под кратким названием «Одесский комитет», был и Иегуда Цви [3].

Затем Александр учится на юридическом факультете Петербургского университета. В Петербурге Евзеров знакомится с видными сионистами - с Авраамом Идельсоном и Зеевом Жаботинским - соредакторами петербургской сионистской газеты «Рассвет». Под влиянием этих незабываемых лет Евзеров проникается сионистским духом идей Теодора Герцля.

Авраам Идельсон и Александр Евзеров создают Всероссийский союз еврейской студенческой молодежи «Гехавер», что в переводе с иврита означает «товарищ». Идельсон становится его главой, а Евзеров - секретарем. В 1914 г. они начинают издавать всероссийскую газету «Еврейский студент» [4].

С 1915 по 1920 гг. Александр Евзеров учится на юриста в Томском университете. Он не только прилежный студент, но и убежденный сионист. Он начинает активно действовать [5]. Вместе с ним учится Зиновий Шкундин, уроженец Черниговской губ., так же будущий юрист и сионист [6].

В том же историческом 1917 г. Александр Евзеров вместе со Шкундиным становятся соредакторами первой сибирской сионистской газеты «Известия Временного Западно-Сибирского районного Комитета Сионистской организации», первый номер которой выходит 25 октября 1917 г. Несмотря на удивительное совпадение, в этом номере нет ничего

об октябрьских событиях в Петрограде, у газеты четкое сионистское направление: в ее заголовке слева шестиконечная звезда, в центре которой изображено слово «Сион» на иврите, а справа цитата из материалов первого сионистского конгресса в Базеле в 1897 г.: «Сионизм стремится создать правоохраненное убежище для еврейского народа в Палестине». Само название газеты отражает четкие цели и задачи: активная пропаганда сионизма в западно-сибирском регионе.

С первых же строк читатель оказывается в гуще сионистских событий всей Сибири, речь идет о подведении первых итогов напряженной работы, которая велась в течение нескольких лет: «Мобилизация личного состава сионистской организации почти закончена. Сибирское еврейство порвало цепь старой национальной пассивности и заявило открыто о своей готовности стать под наши бело-голубые знамена для активной работы на ниве возрождения народа. Данные о росте нашей организации в Сибири говорят сами за себя красноречивее всяких ламентаций» [7.] Перед нами неоспоримый факт: «сибирское еврейство осознало себя сионистским» [8].

Бело-голубое знамя – это символ сионистского движения, принятый на первом сионистском конгрессе в 1897 г. в Базеле. Вся территория Сибири разделена на два региона – Западный и Восточный. Центр Западного региона – г. Томск, а центр Восточного – Иркутск.

Контакты между разными городами Западной Сибири осуществляют инструкторы, которые объезжают многие города и создают прочную сионистскую сеть от Кургана до Каинска. В первых рядах инструкторов – сам Александр Евзеров. Как верный командир под бело-голубым знаменем, он организует людей в различных структурах, как солдат - в различных подразделениях. Создаются клубы, библиотеки, проводятся лекции. Все это посвящено одной задаче - сионизация евреев Западной Сибири.

А как же снабжать литературой все эти клубы и библиотеки? Газета информирует читателей о том, что Районный комитет Западной Сибири приобрел у издательства «Вестник Сибирских Евреев» типографию с полным оборудованием и начал выпускать популярные брошюры по различным вопросам еврейской и сионистской жизни. Издана брошюра Зеева Жаботинского «Что такое Базельская программа», брошюра Лейба Яффе «Гора Ловчен». Решено открыть в Томске книжный склад, и заказы на книги разосланы по еврейским книгоиздательствам.

В Мариинске на различных курсах и кружках евреи с 14 лет и старше изучают иврит, историю сионизма и палестиноведения в рамках

История Еврейских Общин

программы общества «Гехавер», созданной в Петербурге Идельсоном и Евзеровым, перенесенной на сибирскую почву и пустившей богатые всходы. Дети от семи до 14 лет входят в детский кружок «За дело». Средний возраст детей – девять лет. Члены кружка обязаны изучать язык иврит и еврейскую историю [9].

«Известия» публикуют хронику сионистских действий, которая включает не только систему сионистского еврейского образования, но и связь с др. сионистскими организациями, поддерживающими еврейских поселенцев в Палестине. Так, в Боготоле состоялся еврейский вечер, сбор с которого составил 200 руб. Весь сбор отправлен Одесскому Комитету на нужды палестинских евреев.

В Ново-Николаевске устроен большой сионистский концерт, сбор с которого составил пять тыс. руб. Там открывается сионистский клуб с библиотекой-читальней.

В Татарске небольшая еврейская община официально не присоединилась к сионистской организации, но проводила активную национальную работу. Александр Евзеров приезжает в Татарск в июле 1917 г., созывает собрание и предлагает создать сионистскую организацию - и почти вся еврейская община г. Татарска вступает в состав сионистской организации. Открыта еврейская школа им. Герцля в рамках отделения всероссийского движения Тарбут [10] В ней учатся 60 детей, с ними работают два учителя для старшего и младшего возраста. Учеба идет только на иврите. И здесь есть сионистская библиотека-читальня с книгами «по еврейскому вопросу и палестиноведению» [11].

Во второй половине июля 1917 г. в Петрограде состоялось предварительное совещание представителей еврейских политических партий и общественных течений по вопросу созыва еврейского съезда. Кроме представителей столицы, в нем участвуют делегаты др. крупных городов с еврейским населением не менее 50 тыс. чел.: Одессы, Екатеринослава, Харькова, Москвы, Киева, Бердичева, Минска, Гомеля, Витебска, Бобруйска, Елизаветграда, Кременчуга. Предполагалось, что будущий съезд должен сыграть роль учредительного собрания еврейства России, так чтобы его решения легли в основу требований, которые евреи предъявят Всероссийскому Учредительному Собранию [12]. Томские сионисты послали и своего представителя. Решения совещания были руководством к действию в Западной Сибири: «Словом устным и печатным нужно неразрывно связать сотни тысяч нам сочувствующих с делом Сиона, приучить их к будничной, повседневной, кропотливой, но и

История Еврейских Общин

великой творческой сионистской работе. Надо забросать еврейский народ сотнями изданий, миллионами экземпляров листовок и книг. Надо дать ему услышать живое сионистское слово!» [13]. Поэтому и разъезжает Евзеров по городам Западной Сибири и создает сеть сионистских организаций и учреждений.

С 29 октября по 2 ноября 1917 г. в актовом зале Томского университета проходит Первый Западно-Сибирский Съезд Сионистской организации. Присутствуют 27 депутатов из 13 городов, среди которых Мариинск, Ново-Николаевск и др. города, куда приезжал Евзеров. Он избран одним из председателей президиума, выступает с приветственной речью. Чувствуется, что это одна из центральных фигур на сионистском фронте. Резолюции съезда призывают к четкой организации всей сионистской структуры. Уточняются географические границы Западно-Сибирского региона – Акмолинская обл., Тобольская губ., Семипалатинская обл., Томская и Алтайская и Енисейская губ. [14].

Вся эта работа проводится свободно, стремительно расширяется, приобретает четкую и стройную структуру.

До января 1918 г. газета еще выходит. Ее страницы еще «дышат» сионизмом: заявление-декларация министра иностранных дел Британской империи лорда Бальфура о создании в Палестине национального очага еврейского народа, мечты о создании Всероссийской еврейской общины, корреспонденции с разных мест Западной Сибири. Последний, четвертый номер выходит в январе 1918 г. Главные темы - подготовка к Учредительному собранию, агитация за Сионистский список № 6.

Решение о проведении Учредительного собрания в мае 1918 г. было принято еще Временным правительством. Там должна была решиться судьба России – какая форма власти будет в стране. Но в октябре 1917 г. власть захватили большевики. Глава Временного правительства Александр Керенский бежал за границу. Министры Временного правительства были арестованы большевиками и заключены в Петропавловскую крепость. Несмотря на все это, подготовка к Учредительному собранию продолжалась в еврейских общинах по всей России и также в Сибири [15].

Учредительное собрание состоялось 5 января 1918 г. в Петербурге. Первый день стал последним. Учредительное собрание разогнано большевиками [16].

Газета «Известия Временного Западно-Сибирского районного Комитета Сионистской организации» закрывается. Появляется газета

История Еврейских Общин

«Сионистская мысль». Это та же газета, только прежнее название превратилось в подзаголовок. Значит, большевики еще не добрались до Сибири. Сионистское окно еще открыто, и через него сибирские евреи пристально смотрят в сторону страны Израиля. Год рождения и завершения «Сионистской мысли» - 1918. Вышло всего шесть номеров. Сохранился последний пятый - шестой номер «Сионистской мысли» [17]. Редактор газеты – Александр Евзеров. Главные задачи новой газеты: расширить рамки информативной газеты «Известия» и создать двухнедельный сионистский журнал, в котором будут следующие отделы: политический, среди других национальностей, к международной постановке еврейского вопроса, палестинский, общинное строительство, литературный фельетон. Высказано намерение привлечь лучшие сионистские силы к участию в журнале [18].

В 1918 г. в Томске созван Сионистский съезд Западной Сибири и главой Центрального Сионистского регионального бюро избран Моисей Новомейский – уроженец Сибири, талантливый инженер и промышленник. Через несколько месяцев Новомейский становится во главе Еврейского Национального Совета, избранного им на созванном съезде общин в Иркутске. Один из членов этого Совета - Александр Евзеров [19].

Одна из главных тем – выборы делегатов на Всероссийский Еврейский Съезд. Если посмотрим на результаты выборов от разных партий, то увидим уверенное преимущество сионистов во всех городах, представленных в газете. Победа сионистов на выборах – это первые результаты систематической и активной работы по распространению идей сионизма на сибирских просторах.

Вспомним, что это 1918 г., идет гражданская война. Адмирал Колчак воюет за обладание Сибирью. Он пытается создать Сибирскую республику. Избрана Сибирская Областная Дума, делегатами которой избраны Евзеров и Шкундин. Они входят в комиссию по национальному вопросу [20]. Вместе с сионистскими мыслями появляется новая идея, рожденная реалиями этого сурового времени, – идея Автономии Сибирского еврейства. Это не измена сионизму, а попытка временной еврейской структуры в Сибири с возможностью национального и общественного самоопределения. Была избрана Сибирская областная Дума, разогнанная большевиками 25 января накануне открытия [21].

Тоска по Сиону чувствуется с каждой страницы газеты. Уже меньше корреспонденций с мест о сионистской работе, хотя все еще есть сионистские вести: «В Омске организован кружок студентов «Цеирей-

Цион (Молодежь Сиона). Клубок вошел в связь с Томским «Цеирей Цион», которая снабжает Омскую группу литературой и руководит работой омских товарищей».

Зиновий Шкундин, председатель Томского Бюро Фракции и вместе с Евзеровым соредатор газеты, выезжает в целях агитации и организации в гг. Новониколаевск, Каинск, Барабинск и Петропавловск [22]. Продолжается сбор денег в пользу Национального фонда для закупки еврейских земель в Палестине, уже не в рамках сионистских мероприятий, а во время свадеб или торжественных обедов [23]. Удивительно, как они еще существуют, эти упрямые сионисты!

Последний еврейский еженедельный общественно-политический и литературный сибирский журнал уже не называется сионистским. Это «Еврейская жизнь». Хотя по-прежнему на обложке журнала тот же лозунг из Базельской программы. Но как же она далека от действительности!

Первый номер выходит в феврале 1919 г. в разгар гражданской войны, в Иркутске, в Восточной Сибири. Каждый номер журнала стоит 1 руб. 80 коп., в киосках железных дорог – 2 руб. Жизнь дорожает: каждый номер «Известий» стоил 35 коп., цена «Сионистской мысли» «выросла» до 50 коп. А «Еврейская жизнь» уже подорожала почти в два раза! Кроме того, редакция предлагает публиковать платные объявления, за текст которых не несет ответственности. Надо выжить!

9 ноября 1919 г. в Томске закрылся Третий Всесибирский сионистский съезд с участием представителей организаций Урала, а через два месяца, 11 января, в Иркутске открылся Первый съезд еврейских общин Сибири и Урала. Бессменный редактор всех сионистских сибирских газет и журналов Александр Евзеров пишет подробный отчет о работе этих съездов, о продолжении работы на благо Палестины, об эмиграции в еврейскую страну. В то же время, делегаты съезда не замкнулись на своих сионистских мечтаниях. Были приняты декларации протеста против жестоких еврейских погромов, которые прокатились по Польше, Украине, Белоруссии, и оставили после себя море крови. Сибирско-уральское еврейство видело в этих погромах еще одно неоспоримое доказательство, что евреям нужна своя страна. Статья Евзерова заканчивается словами: «Тьма голуса (галута, изгнания) рассеивается. Занимается долгожданная заря. Первые лучи ее – пробуждение воли единого еврейства» [24].

Сионистское окно, которым является журнал «Еврейская жизнь», уже не информирует своих читателей о развитии сионистского движения.

История Еврейских Общин

Речь уже идет о проблемах страны Израиля, о необходимости организации еврейского труда, о повышении эффективности еврейских рабочих, о лучшей организации еврейского труда в различных областях сельского хозяйства [25].

В феврале 1919 г. выходит первый номер журнала «Еврейская жизнь». Он выходил ровно год, в феврале 1920 г. прекратил свое существование. На первой странице январского номера в 1920 г. внизу лаконично отмечено: «В связи с политическим переворотом журнал не мог выйти своевременно». Очевидно, власть большевиков уже приблизилась к окончательной победе в Сибири. Вероятно, это один из последних номеров. В нем еще есть статьи из сионистской жизни Европы, например, послание доктора Макса Нордау, известного сионистского деятеля, американскому сионистскому съезду. Публикуются вести из Палестины, рассказывается о состоянии медико-санитарного дела в еврейской стране. Все это выглядит как луч надежды в страшное время, которое переживает сибирское еврейство вместе со всем еврейством России.

Подробности закрытия журнала «Еврейская жизнь» неизвестны. Зато известно, что Александр Евзеров и Моисей Новомейский, два видных сионистских лидера Западно-Сибирской сионистской организации, пытаются открыть новый сионистский журнал «Сибирь-Палестина». Их отчаянная попытка терпит крах. Большевики, которые утвердили свою власть в Сибири, запрещают все сионистские организации и их печатные органы. Александр Евзеров и Моисей Новомейский оставляют Сибирь и пробираются в Китай, оттуда – в страну Израиля. Их активная и плодотворная деятельность на благо еврейской страны, куда они так настойчиво звали читателей сионистских газет, – темы отдельных статей.

Их третий соратник Зиновий Шкундин, как видно, не сумел уехать, судьба его неизвестна. Может быть, его имя значится в расстрельных списках ЧК в Томских архивах? Сионистское окно захлопнулось навсегда для него и для многочисленной армии сибирских евреев, воодушевленной идеями Сиона под бело-голубыми знаменами.

1. Центральный Сионистский Архив, А 458/27, Воспоминания А.Галина о Александре Евзере.
2. Очерк деятельности общества вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине за 10 лет существования (от апреля 1890 до апреля 1900), Одесса 1901, стр.4
3. Davar, 1959, 7 december, p.2.

История Еврейских Общин

4. Центральный Сионистский Архив А 458/27 Фрагменты биографии А.М.Евзерова
5. Центральный Сионистский Архив А 458/27 Фрагменты биографии А.М.Евзерова
6. О.Помозов, День освобождения Сибири, Томск 2014, стр.236.
7. Ламентация, в переводе с латыни означает жалоба, сетование, Словарь иностранных слов под редакцией И.В.Лехина, Ф.Н.Петрова, М., 1955, стр. 391.
8. Известия Временного Западно-Сибирского Районного Комитета Сионистской Организации, № 1, 25 октября 1917 г., стр. 1
9. Известия Временного Западно-Сибирского Районного Комитета Сионистской Организации, № 1, стр.3
10. Тарбут (Культура в переводе с иврита) – Организация по распространению ивритского образования, в рамках которой были создана сеть учебных заведений «Тарбут». В начале 20 века до второй мировой войны в странах Восточной Европы были созданы школы «Тарбут». В 1907 году российские власти разрешили открытие «Общества любителей древнееврейского языка (Ховевей Сфат Хаэвер). С приходом к власти Временного правительства в марте 1917 года общество любителей древнееврейского языка было реорганизовано в организацию «Тарбут». В конце 1917 года в России было создано 200 учебных заведений «Тарбут». Это были детские сады, народные школы, гимназии, ремесленные школы, учительские семинары. Языком преподавания был иврит. После Октябрьской революции 1917 года вся сеть учебных заведений «Тарбут» была закрыта, а язык иврит был запрещен. Enziklopedia lemadei Hahevra, vol. 5, Merchavia 1970, p.942
11. Известия Временного Западно-Сибирского Районного Комитета Сионистской Организации, № 1, стр.4-5
12. И.Маор, Иерусалим 1977, История сионистского движения, стр.84
13. Известия Временного Западно-Сибирского Районного Комитета Сионистской Организации, № 1, стр.5
14. Известия Временного Западно-Сибирского Районного Комитета Сионистской Организации, № 2, стр.5
15. Г.Слиозберг, Дела минувших дней : записки русского еврея, Париж 1934., том 3, стр.360, 362.
16. Архив русской революции, издаваемый И.Гессеном, том XIII, Берлин 1924, стр.66
17. И.Яшунский, Еврейская периодическая печать в 1917 и 1918 году, Петроград 1920, стр. 20.
18. Сионистская мысль 1918 № 5-6, стр.3

19. Центральный Сионистский Архив, Личный архив А.М.Евзерова, Статьи А 458/36
20. О.Помозов, День освобождения Сибири, стр. 173, 236.
21. Сионистская мысль., 1918, № 5-6, стр. 4-6
22. Сионистская мысль., 1918, № 5-6, стр. 30
23. Сионистская мысль., 1918, № 5-6, стр. 32.
24. Например, собрано на свадьбе у т. Лемберга 50 рублей.
25. Еврейская жизнь, 1919, № 1, стр. 9.
26. Еврейская жизнь, 1919, № 38, стр. 10

Ярков А.П.

ЕВРЕИ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Территориальные «границы» изучаемого в данной публикации вопроса очерчивают пространство как, собственно, сибирских (Тобольская, Томская, Иркутская, Енисейская) губерний, так и Акмолинскую, и Семипалатинскую обл. Степного генерал-губернаторства (Степного края), поскольку его столицей являлся г. Омск. К тому же значительная часть этих земель входила в Омский и Иркутский военные округа, где военнообязанными (и мобилизованными в Действующую армию) были многие евреи. В этом, объединенном политически, экономически, культурно, пространстве людские потоки спокойно «перетекали», находя для себя «нишу»: дочь тюменского музыканта Л.В. Купицкая стала медиком в Петропавловске [1], а омич по рождению, отставной солдат З.С. Будинский поселился в станице Надеждинской (ныне г. Иссык) [2].

Не владеем более поздними данными, но по переписи 1897 г. в Сибири около 8% живших здесь 34 тыс. 477 евреев работали в сельском хозяйстве, около 28% – в промышленности и ремесленном производстве, 38% – в торговле, 6% (в иных городах 15-20%) занимались перевозками, 5% являлись слугами или поденщиками, 4,5% служили в армии; 3% – представители свободных профессий, служащие госучреждений и общественных организаций [3]. Примерно схожей ситуация оказалась и в Казахстане (проживали около 5 тыс. чел.), но с тем отличием, что давно жили среднеазиатские евреи - яхуди, в силу знания местных языков весьма успешные в торговле и ремесле. К тому же в Степном крае яхуди

находились на положении иностранноподданных, имея от того иммунитет против неправовых действий местной администрации [4].

Для ашкенази, напротив, более близким становился русский язык, поскольку условия жизни и утилитарные потребности формировали билингвизм, но сохранялся местечковый диалект. В меньшей степени это характерно для детей кантонистов, в силу дисперсности расселения их родителей более русифицированных.

Несмотря на существовавшие правила в поселении (преимущество и финансовую поддержку от государства получали христиане), в 1911 г. один из чиновников замечал: «В губерниях и областях Сибири и Степного Края промышляет громадное число евреев, что тем более поразительно, что права их на жительство в Сибири более ограничены, чем в Европейской России» [5]. Синагоги появились в Семипалатинске, Верном, Петропавловске (в 1910 г. –1,1% населения).

Там существовали специфические институты: кагал и похоронное братство, система налогообложения, традиции воспитания и образования, пищевые запреты и праздники. Но и в отдаленных местностях еврейская жизнь существовала, например, а отдаленном Джаркенте – на уровне микросреды, особенно в части соблюдения религиозных установок. Меньше всего их придерживались живущие в городах из тех, кто разделял либеральные ценности, стремился к обновлению, идеи которого провозгласили лидеры движения «Хаскала».

Власти Российской империи в то время пытались регулировать «еврейский вопрос» повсеместно, противясь получению высшего образования евреями (тем самым получавшим право свободного перемещения за «черту оседлости»). Так, Министерство народного образования потребовало от руководства вузов «навести порядок» – из-заувеличения численности студентов-евреев. В 1914 г. в Томске в университете и технологическом институте их принимали по жребию, но исходя из квоты в 5%.

Эта часть евреев была открыта новациям, активно включаясь в миграционные процессы (в 1881–1914 гг. в него включились 2,4 млн евреев мира). Понятно, что культура еврейских новоселов из западных российских губерний была основана на несколько иных ценностях, чем культура их сибирских соплеменников.

Как считают ученые, уже к началу XX в. «сформировался особый культурно-психологический тип сибирских евреев. Они переняли нравы и обычаи русского населения Сибири, почти не отличались от него в

История Еврейских Общин

одежде, архитектуре и убранстве жилищ, говорили на местных диалектах русского языка (лишь немногие хорошо знали идиш или иврит), зачастую не выполняли мицвот (в т.ч. законы кашрута), не соблюдали субботу и праздники.

Тем не менее, евреи Сибири сохраняли национальное самосознание и тягу к культуре своего народа, редки были случаи перехода в христианство или вступления в браки смешанные. Евреи Сибири радушно принимали странствующих маггидов, охотно жертвовали деньги на строительство синагог и на благотворительные учреждения (особенно для Эрец-Исраэль). Гордясь своим происхождением, евреи Сибири обладали к тому же присущим большинству сибиряков чувством собственного достоинства и, как правило, энергично противостояли любым проявлениям антисемитизма» [6].

Последнее суждение спорно, хотя П.В. Вологодский и писал после томского погрома 1905 г., что «...еврейский вопрос никогда не имел в Сибири такого острого значения, какое он имеет в Европейской России» [7].

Несмотря на существовавшие ограничения, самые крупные общины (данные 1913 г.) сформировались в Омске (3 тыс. 692 еврея), Томске (3 тыс. 497), Боготоле (1 тыс. 608), Новониколаевске (1 тыс. 177), Тобольске (971) [8]. В каждом из этих городов обстоятельства жизни евреев имели как общий (для страны), так и частный характеры. Этот парадокс отражает две стороны изучаемого вопроса, когда ситуации личная и социально-политическая пересекаются в судьбах конкретных людей. Так, 1 августа 1914 г. для каинского мещанина И. Бельского важнее оказался вопрос о недопуске его сына Аарона (за счет «еврейского лимита») в казенную гимназию [9], нежели начавшаяся война, «перевернувшая мир».

Степень включения приезжих в жизнь местных общин была различна. К тому же выкрестов становилось больше именно вдали от мест компактного проживания евреев. Маргиналы из уголовников, отбывавшие наказание в Сибири и Казахстане, оказывались на их фоне более приближенными к еврейству и иудаизму, поскольку посещали (с разрешения полиции и жандармерии) синагоги или моленные комнаты, как, например, в Тобольской каторжной тюрьме №2. Не отказывались они и от гуманитарной помощи соплеменников.

«Неизвестной» война 1914–1918 гг. была только для советской историографии, считавшей, что все граждане СССР «родом из Октября 1917 г.». Соответственно, евреи Сибири и Казахстана оставались ее почти неизвестными героями и жертвами. В Ялуторовском (резервном)

хранилище Российского архива древних актов хранится более семи млн учетных карточек боевых потерь Первой мировой войны, которые будут оцифрованы и выложены в общий доступ к 2018 г. Это поможет выявить и судьбу тех евреев, что призваны в Действующую армию, развеивая миф, что «евреи отсиживались в тылу», а если и призывались на фронт, то оказывались рядовыми участниками глобальных явлений и не проявили себя в подвигах.

Между тем, иркутский адвокат Г.Б. Патушинский, как прапорщик ополчения, добился «высочайшего» разрешения на перевод в отправляющийся на фронт сибирский стрелковый полк, «чтобы вырвать свободу еврейскому народу». Он позже даже был отмечен многими наградами, в т.ч. ордена св. Владимира IV-й степени [10]. Менее благополучно сложилась судьба призванного из Томска П.И. Закшевера, который недолго повоевал, а затем оказался в германском плену. Освобожденный в 1918 г. французами, он долго не мог вернуться на родину из-за начавшейся на родине Гражданской войны [11].

По мнению А.А. Машкевича «...еврейская диаспора в Казахстане была в большей степени «экстравертна», открыта, чем еврейское население «черты оседлости» [12]. Очевидно, что эта оценка не может характеризовать всю совокупность евреев Казахстана, в которую включены «традиционалисты» и «обновленцы», но тенденции к инновационной модели жизни просматривались. Это движение захватило и женщин – первой фельдшерлицей в Петропавловске в 1914 г. стала М.А. Хаймович [13].

Заметим, что была еще одна группа евреев: интернированные – подданные Германии, Австро-Венгрии, а их перемещение в Азиатскую часть империи связано с циркуляром Главного штаба от 25 июля 1914 г., т.е. накануне войны. Под его действие подпали все лица призывного возраста, а также заподозренные в шпионаже, не взирая на конфессиональную и этническую принадлежность, социальный статус, пол, возраст, длительность пребывания в Российской империи, укорененность в экономической и культурной структуре мест проживания. Для государственной власти важнее было достичь цели – «предотвращения массового выезда за границу и вступления в ряды враждебных армий».

Для большинства подданных Российской империи из числа евреев Сибири и Казахстана коллаборационизм был чужд, а первоначально, как и многие в стране, они публично выражали верноподданнические чувства.

История Еврейских Общин

Так, 15 августа 1914 г. в томской синагоге «в присутствии нижних чинов иудейского вероисповедания, вступающих в действующую армию, состоялось торжественное богослужение, после которого прошла еврейская манифестация с портретами Государя Императора и национальными флагами. Возле здания городской думы манифестанты исполнили государственный гимн» [14]. Да и многие ссыльные из «Всеобщего еврейского рабочего союза Литвы, Польше и России» (Бунд) поддержали решение своих лидеров – защищать Отечество.

Сложное положение оказалось у таких, как Е.Г. Пестун - в 1910–1911 гг. одного из руководителей красноярской организации РСДРП (в 1912 г. приговорен к 12 годам каторжных работ на Акатуе и в Александровском центре) и, одновременно, активиста Бунда [15]. Дело в том, что иной позиции – пораженческой, придерживались члены РСДРП /б/, что оказались в сибирской ссылке или на каторге. В разные годы ими были: М.Р. Бейлин, В.М. Броннер, Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий и др. Но круг их сторонников среди местных жителей оказался невелик, иногда из-за унижительного отношения к «аборигенам».

Впрочем, ситуации случались разные: сосланный на поселение революционер И. Цугель стал в с. Кукуй Иркутской обл. крестьянином, но шестерым детям дал не только образование, но и политические установки – его дочь вошла в 1916 г. в кружок «Юные социал-демократы», где познакомилась с якутом М.К. Амосовым – позднее одним из партийных руководителей Казахстана и Киргизии [16].

Активность в пропаганде пораженческих настроений проявил присяжный поверенный В.Я. Гуревич, высланный в Енисейскую губ. в 1914 г. Он был арестован 5 апреля 1916 г. за агитацию «среди трехтысячной массы рабочих Красноярских железнодорожных мастерских... с целью воспрепятствовать выполнению заказов на государственную оборону» [17].

После отмены «черты оседлости» в августе 1915 г. изменилось как внешнее отношение к евреям, так и ускорились многие внутридиаспоральные процессы. С одной стороны, увеличилось переселение (в т.ч. вынужденное) евреев в Сибирь и Казахстан, а местным губернаторам под страхом наказания запретили их выселять. С другой стороны, евреи стали полноценными участниками региональной социальной жизни. Только число петропавловских медиков пополнили в то время М.С. Бамдас, М.М. Левина, С.Р. Эпштейн и др., существенно обогнав в численности соплеменников – предпринимателей [18].

В Сибирь к октябрю 1915 г. прибыли 105 тыс. беженцев из прифронтовых регионов, которых переправляли из других мест. Так, в феврале 1916 г. в Тюмень прибыли 150 евреев-беженцев из Пензы. В донесениях чинов полиции отмечалось, что «расширение черты еврейской оседлости не отразилось на местной жизни и прибывших евреев незаметно. Они, наоборот, стремятся из Сибири в Россию и сибирские города на линии железных дорог, где идут крупные и успешные торговые обороты» [19].

Психологическое давление (дискомфорт) от шока переезда усугублялось, когда эти люди сталкивались с особенностями климата, патриархальных норм и чуждых правил поведения. Не меньше настораживалось принимающее сообщество, видя в приезжих источник ухудшения своего положения. Внешние антропологические отличия, поведение и прежние стереотипы усугубляли ситуацию: «С ростом цен и ухудшающимися условиями жизни было связано и обострение «еврейского вопроса». По слухам, именно евреи были виноваты в намеренном повышении цен с целью наживы, а «будирующий» элемент возбуждал недовольное население к повсеместному еврейскому погрому. Евреев обвиняли в том, что, пользуясь поддельными удостоверениями, они производят закупку хлеба и лошадей в любом районе империи, чем способствуют повышению цен и затрудняют деятельность правительственных чинов» [20].

Заостренные внешними обстоятельствами и внутрорегиональными проблемами, антисемитские настроения в Красноярске и Новониколаевске привели к погромам. Впрочем, 7 мая 1916 г., в Красноярске разгромили не только 40 «еврейских», но и 11 «русских» лавок. Человеческих жертв удалось избежать, но были раненные и избитые, в т.ч. начальник железнодорожного жандармского отделения ротмистр Игнатов, который мужественно защищал евреев. В оправдание енисейский губернатор Я.Г. Гололобов указал назначительное число высланных евреев «за шпионство, мошеннические поставки для армии и проч., когда всем стало известно, что в числе спекулянтов, поднимающих цены на предметы потребления, главную роль играют евреи с их банками, то среди населения, даже безразлично относившегося к евреям, стала возникать и все более возрастать враждебность к ним» [21].

Известно из более поздних исследований, что все перемещаемые лица в новом месте «изобретают» новые идентичности, которые должны помочь (и помогали) преодолеть травму перемещения из привычной

История Еврейских Общин

политической, географической, языковой среды. Немалую роль в этом процессе отводилось политическим, этническим и конфессиональным институтам, тем более в условиях определенных «послаблений». Так, осенью 1915 г. возникла «Иркутская бундовская группа» из 20 чел., поддерживавшая связи с однопартийцами, которых к сентябрю 1917 г. в Сибири и на Дальнем Востоке насчитывалось 13 групп с численностью от десятка до ста чел. [22]. В Томске возникло Еврейское студенческое общество [23]. Оно столкнулось с тем, что в 1916 г. объявлено, что из-за превышения процентной нормы набора 209 студентов-евреев на 1916/1917 учебный год не будет. Напротив, замыкались в этнической среде, но активизировались подпольные кружки Поалей-Циона, Сионистской социальной рабочей партии, отделений Еврейского комитета помощи жертвам войны и культурно-просветительских организаций.

Особое место в жизни общин играли предприниматели, поскольку на их помощь рассчитывали нуждающиеся материально и в духовном плане. Получивший 10 октября 1915 г. военный заказ владелец жестяной мастерской иркутянин Хейфец воскликнул «Дай Бог успеха нашему делу! От гранат, если позволят обстоятельства, перейдем к другим заказам» [24].

Летом 1916 г. вспыхнуло восстание коренных жителей Средней Азии и Казахстана, связанное с Повелением «О привлечении мужского инородческого населения для работ по благоустройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а также для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». Жестокость отличала всех участников восстания, а ее жертвы, в т.ч. среди евреев -многочисленны. Жертвами оказались и яхуди, которых из Казахстана направляли на предприятия Иркутска, Томска, Бийска, или отправляли на тыловые работы Западного фронта.

Заслуживает отдельного анализа «еврейская составная» военнопленных. На январь 1917 г. на территории Омского военного округа находилось 199 тыс. 077 военнопленных Австро-Венгерской, Германской и Турецкой армий, но различаемы местными жителями на «славян» и «немцев». Н.И. Загороднюк отметила, применительно к Тобольской губ.: «В своих письмах первые чаще всего отмечали доброжелательное отношение как военных, так и мирного населения: «Пользуемся свободой: посещаем театры, кинематографы, кофейни, рестораны и дома терпимости... Офицеры днем проводят время за шахматами, картами, музыкой, пением, а то просто попивая чай. Военнопленные, раньше капризничавшие за чайным столом, теперь

забывали о кофе и решают обязательно увезти с собой из России самовары... Солдаты коротают время за изучением ремесел: резного, картонажного, волосяного и проч., а долгие зимние вечера скрашивают хоровым пением и игрой на самодельных музыкальных инструментах... Как офицерам, так и солдатам предоставлена возможность частных заработков. Офицеры дают уроки иностранных языков и музыки, врач имеет широкую практику, нижние чины продают свои кустарные изделия из кости (кольца, шахматы, птицы), некоторые служат в конторах, на фабриках, в мастерских... Еще лучше отзывы идут от низших чинов из деревень. Совсем другое отношение было к немцам, отчасти к евреям» [25]. Поскольку к 1916 г. многие группы военнопленных стали вообще бесконвойными, то это облегчало контакты с единоверцами из сибиряков – по субботам все приходили в синагоги. Находясь в городе, пленный все же должен был иметь нарукавную повязку с литерами «В.П.».

Встречались на улицах пленные со своими врагами – по полю битвы. Дело в том, что в Сибири и Казахстане на излечении находились многие раненные, частью демобилизованные «по болезни или ранению» или направленные в запасные полки для обучения новобранцев.

В 1915 г. было разрешено принимать в учебные заведения участников и детей фронтовиков, независимо от происхождения, что отразилось как на уровне общего образования, так и специального. Например, из-за огромной потери офицерского состава в военные учебные заведения и на краткосрочные курсы стали принимать и евреев, «не считаясь с существующими иными ограничениями».

Кроме того, с 7 февраля 1916 г. стали призывать в армию и состоящих под судом или следствием, и даже отбывавших наказание. В 18-м Сибирском стрелковом запасном полку, например, служил старший унтер-офицер Бланкштейн. Между тем, в месте его прежней ссылки – в Нарыме в сентябре 1916 г. эсдеки и эсеры создали «Военно-социалистический союз» для координации усилий по проведению революционной агитации. Вошел в союз и представитель томской организации РСДРП И.Л. Наханович. Во втором составе этого союза были: А.В. Шотман, В.Д. Вегман, А.И. Рыков, Б.И. Гольдберг, а в Новоиколаевской группе состоял А.Ф. Клеппер.

По целому ряду причин часть евреев Сибири и Казахстана приветствовала свержение монархии, поскольку появилась надежда на гражданское равенство. Уже в феврале 1917 г. было объявлено о выпуске в Томске «Вестника сибирских евреев», а сами они оказались одной из

социально активных групп населения. Член тобольской городской Думы А.И. Рендель организовал «Союз евреев», озаботившийся открытием светской еврейской школы [26].

Зажиточные евреи отрицательно отнеслись к Октябрьской революции. Между тем как члены радикальных социалистических партий активно участвовали в установлении советской власти в районах Сибири и Казахстана. В губернских и областных организациях большевиков даже возникли еврейские партячейки.

Гражданская война еще больше разнесла на разные стороны «баррикад» евреев, а после падения советской власти в Сибири (летом 1918 г.) широкий размах приобрело движение за национально-культурную автономию еврейских общин. Но уже в стороне от процесса находился вышеупомянутый Г.Б. Патушинский, ставший министром юстиции Российского (по сути лишь Сибирского) правительства. В принципе, он мог оспорить распоряжение начальника тобольского гарнизона, запретившего въезд в город «лицам еврейского вероисповедания» как политически «неблагонадежными» [27], но не стал этого делать.

А между тем Первая мировая война еще продолжалась... В досрочно демобилизованный М.Ф. Хацкевич успел вернуться домой – в Тюмень, где даже сшил костюм для ... В.И. Ленина, поскольку в 1941 г. в сибирский город эвакуировали саркофаг из московского мавзолея.

1. Виткин М.П. Евреи Северо-Казахстанской области (фрагменты из истории). Петропавловск, 2012. - с. 49.
2. Гринберг И.Э. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. Алматы, 2009. – с. 17.
3. <http://www.eleven.co.il/article/13784>.
4. Волкова Т.П. Бухарские евреи в дореволюционном Казахстане // История. Память. Люди: материалы VII междунар. конф. Алматы. 2015. – с. 283.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 597. Л. 16.
6. <http://www.eleven.co.il/article/13784>
7. Дело о погроме в Томске в 1905 г. (Отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. - с. 89, 93-94.
8. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Новосибирск, 2009. - с. 516.
9. Сулимов В.С. Прием евреев в школы Западной Сибири в период Первой мировой войны // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги: материалы науч.-практ. конф. Тюмень, 2013. - с. 65.
10. Звягин С. П. Министр юстиции Г.Б. Патушинский. Красноярск, 2001.- с. 13.

11. Гринберг И.Э. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. Алматы, 2009. – с. 71.
12. Машкевич А.А. Евреи и мир. Штрихи к портрету еврейской цивилизации. Т.1. Алматы, 2006. – с. 52.
13. Виткин М.П. Евреи Северо-Казахстанской области (фрагменты из истории). Петропавловск, 2012. – с. 44.
14. Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск, 1999. – с. 69.
15. Курусканова Н.П. Бундовцы в Сибири в начале XX века // Вестник Полоцкого госуниверситета. Серия А. №9, 2013. – с. 100.
16. Маликова С.З. Жена руководителя: о Раисе Израилевне Цугель // История. Память. Люди: материалы материалыVмеждунар. конф. Алматы. 2011. – с. 175-176.
17. Медведева Н.Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири (1905–1917 гг.). Абакан, 2006. – с. 63–64.
18. Виткин М.П. Евреи Северо-Казахстанской области (фрагменты из истории). Петропавловск, 2012. – с. 45.
19. Ключева В.П. Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – нач. XX в.) // «Приезд и водворение в Сибири воспрещается...» Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004. – с. 23.
20. Шишкина С.Ю. Линии конфликтов в имперской России в условиях социальных конфликтов (подходы и практики в современных региональных исследованиях). Омск, 2009. – с. 178. 208.
21. Бердников Л.П., Лони́на С.Л. Два века красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск, 2003. – с. 236, 237.
22. Нам И.В. Объединенные организации и Бунд в Сибири в 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни Советской Сибири. Томск, 1992. – с. 42.
23. Ищенко О.В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX–начало XX вв.). Омск, 2010. – с. 457.
24. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 гг. и Сибирь. Новосибирск, 2015. – с. 104.
25. Загороднюк Н.И. Депортация населения в годы Первой мировой войны // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1996. Тюмень, 1998. – с. 94-95.
26. Солодова Т.И. Активизация еврейского населения в послереволюционные годы в Тобольске (по материалам местных газет) // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги: материалы науч.-практ. конф. Тюмень, 2013. – с. 81.
27. Там же. – с. 83.

**«ПРЕСЕКАТЬ ВСЯКИЕ ПОПЫТКИ РАЗЖИГАНИЯ
АНТИСЕМИТИЗМА»**

**Деятельность Коммунистической партии (большевиков)
Казахстана с антисемитскими настроениями в тылу в годы Великой
Отечественной войны (на примере Кустанайской обл.)**

Вплоть до конца XX столетия архивные документы о борьбе с антисемитизмом в годы Великой Отечественной войны хранились под грифом «Совершенно секретно». Казахская ССР стала местом массовой эвакуации, в т.ч. еврейского населения, поэтому данный вопрос остается весьма актуальным.

Современные исследователи указывают на широкие географические границы районов, где советским властям пришлось столкнуться с проблемой увеличения уровня антисемитизма в первый год войны. При этом особо выделяется тот факт, что местные партийные и государственные органы власти различными способами стремились нейтрализовать возникшие антиеврейские настроения. Примеры приводятся разного характера, когда не ограничивались только пропагандистской работой. Так, на Урале, при рассмотрении на заседании бюро Курганского ГК ВКП(б) в ноябре 1941 г. «вопроса о политической работе с эвакуированными» отделу пропаганды и агитации было поручено «организовать пропаганду дружбы народов и разъяснение контрреволюционной сути шовинизма и антисемитизма». Решением бюро Лебяжьевского РК ВКП(б), состоявшегося в июле 1942 г., «за проявление антисемитизма из партии был исключен бывший председатель райпотребсоюза Кольев», причем секретари первичных партийных организаций были обязаны «обсудить данный вопрос на закрытых партсобраниях и принять меры к пресечению подобных настроений и действий» [1].

Один из показательных документов военного времени (опубликованный на сайте фонда Александра Н. Яковлева) – письмо прокурора СССР В.М. Бочкова заместителю председателя СНК СССР А.Я. Вышинскому 15 октября 1942 г. «о борьбе с бытовым антисемитизмом в Казахстане». В письме, со ссылкой на данные прокурора Казахской ССР, сообщалось, что «в Казахской ССР, Алма-Атинской, Джамбульской и Южно-Казахстанской обл. [в] последнее

время факты проявления антисемитизма принимают распространенный характер». Сравнительный анализ за 1942 г. показал резкий рост антисемитских настроений, что отразилось в увеличении преданных суду. В первом полугодии 1942 г., как отмечается в письме, «по всей республике по ст. 597 УК РСФСР было предано суду 20 чел.», и при этом обращается особое внимание, что «за время с 1 августа по 4 сентября с.г. только по одной Алма-Атинской обл. предано суду 35 чел., по Семипалатинской - семь, а всего с начала года - 62 чел.». Прокурор СССР В.М. Бочков указал, что преступления, «направленные на разжигание национальной вражды, приняли разнообразные формы». Среди них значились: «публичные выступления, оскорбляющие национальное достоинство; избиения на улицах; открытое одобрение политики Гитлера по отношению к евреям; повреждение имущества, отказ от предоставления работы; распространение листовок с призывом не продавать евреям продуктов питания; распространение слухов об убийстве евреями детей».

С одной стороны, прокурор СССР отмечает, что «в основном антисемиты, преданные суду, являются деклассированным элементом, раскулаченные и лица, имеющие судимость», но с другой стороны указывается, что «имеют также место факты предания суду за антисемитизм членов и кандидатов партии и комсомольцев». Конечно, таких лиц было весьма незначительно («по Алма-Атинской обл. привлечено к уголовной ответственности членов и кандидатов партии - 3, комсомольцев - 2»), но сам такой факт настораживал. На основе проведенных органами прокуратуры дел партийные органы отчитались о соответствующих мероприятиях: ЦК КП(б) Казахстана «провел совещание», а на местах «обкомами партии даны указания об усилении агитмассовой работы» [2].

В годы Великой Отечественной войны среди эвакуированных в Кустанай было значительное количество лиц еврейской национальности, поэтому вопрос о противодействии проявлениям антисемитских настроений в Кустанайской обл. был не меньше, чем в южных областях Казахской ССР. По приказу Наркомата легкой промышленности СССР за № 520 от 4 июля 1941 г. и решению Кустанайского облисполкома от 7 сентября, в Кустанае была размещена швейная фабрика «Большевичка», эвакуированная из Херсона. До 10 сентября пришло оборудование с 327 работниками и членами семей, среди которых подавляющее большинство были евреи. На предприятии через год работало 544 человека, в основном

женщины. 30 сентября 1941 г. в Кустанай прибыло оборудование мелькомбината Наркомзага г. Новые Свижары, также с частью своих кадров и членами их семей. 1 ноября городские власти приступили к размещению радиостанции Наркомсвязи из Харькова. Секретным решением Эвакосовета и Комитета обороны СССР от 29 октября 1941 г. на базе эвакуирующихся в Кустанай заводов искусственного волокна Наркомтекстиля г. Клина и Каменска был организован завод № 507 (с 20.3.1942 №507-а) по выпуску пороха. Он стал единственным в городе предприятием союзного подчинения по разряду распределения выпускаемой продукции. В Карабалыкский р-н* Кустанайской обл. (о котором идет речь в документах) 13 октября 1941 г. был эвакуирован из г. Егорьевска завод «Комсомолец» на центральную усадьбу Кустанайского зерносовхоза, в конце 1941 первая его продукция – артиллерийское вооружение пошла на фронт [3].

Список реэвакуированных преподавателей Кустанайского учительского института им. Амангельды Иманова в годы войны (1944-1945 гг.), входящих в список «номенклатурных научных работников», значилось 17 чел., и 11 из них были лица еврейской национальности (из них девять докторов и кандидатов наук, доцентов и профессоров украинских и белорусских вузов) [4]. В настоящее время, по архивным материалам установлено, что в Кустанай были эвакуированы видные представители научной и творческой интеллигенции из столицы Украинской ССР Киева: научные работники республиканского музея Т.Г. Шевченко, артисты Киевского еврейского драматического театра, члены Союза писателей Украины (киевского отделения). Среди эвакуированных из Украинской ССР и Белорусской ССР партийных и советских работников, учителей и врачей, так же была значительная доля именно еврейских специалистов. Этот вопрос требует дальнейших научных изысканий.

Здесь так же надо учитывать тот факт, что в Кустанайскую обл. с началом Второй мировой войны были перемещены в 1939 – начале 1940 гг. евреи – польские граждане (которых трудно относить к категории депортированных и в документах их официально называли беженцами с «территории бывшей Польши»). При этом евреи размещались по всем районам области, где велся их строгий учет. Так, в одном Мендыгаринском р-не в списке значилось 29 лиц еврейской национальности только одних польских граждан [5, 6]. С началом Великой Отечественной войны, в результате эвакуации летом-осенью

1941 г., численность евреев в Кустанайской обл. увеличилась в многократном размере.

В областном архиве были сданы на хранение две папки с аналогичными делами, имеющие один и тот же титульный лист: «Дело № (...) по обвинению (...) по статье 59-⁷ УК РСФСР по факту антисемитской пропаганды». Совпадает в обоих случаях начало и окончание рассматриваемых дел: «Начато 21.VIII.42 г. Окончено 8. IX.42 г.». Различались только подзаголовки, имеющие уточняющий характер. В одном случае как «семизм – представ. иудейской религии», а в другом как «семизм – религиозное понятие иудейской религии». Интересно, что в обоих делах вначале указывался термин «антисемитизм», но затем «анти» зачеркивали - и оставалось просто – «семизм» [10, 11].

Несмотря на бытовой характер противоречий, возникших между эвакуированным еврейским населением и хозяев домов, куда были вселены еврейские семьи, расследование велось строго по закону, пройдя все необходимые инстанции. В первом деле 20 листов, в другом 31 лист, вкл. все справки, запросы в адресный стол, заявления, протоколы допросов свидетелей (с выяснением, «что им известно о антисемитизме со стороны ...»), протоколы очных ставок, переписка между нарсудом и горпрокуратурой, постановления «о возбуждении уголовного преследования» и постановления «о прекращении дела». В итоге все это заняло 19 дней, и в конечном итоге на обложке каждого дела крупными буквами, размашисто было надписано – «Прекращено 8.X.42 г.». Документы, в которых значилось, «что антисемитизм со стороны (...) не доказан», завизировали «нарследователь Веникова» и «прокурор г. Кустаная Баранов». Учитывая тот факт, что прокуратурой города Кустаная за 1942 г. было возбуждено только два уголовных дела, среди жителей города антисемитские настроения не получили широкого распространения.

Тем не менее, партийные органы строго требовали проведения соответствующей пропаганды и действенных мер по предотвращению любых попыток антиеврейских выступлений. Особо обращается внимание, что с одной стороны «известны факты проявления со стороны отсталой части населения антисемитизма» [7], но с другой стороны, «антисемитские факты не находят должного отпора со стороны актива и руководящих работников» [8].

Предлагаемая публикация документов из фондов Государственного архива Костанайской обл. (ГАКО) освещают противодействие

История Еврейских Общин

проявлениям антисемитизма со стороны ЦК Коммунистической партии (большевиков) Казахстана и органов прокуратуры Кустанайской обл. во время эвакуации (с осени 1941 г. до лета 1942 г.). Данные документы позволяют показать проведение официальной политики советских и партийных органов, как на республиканском, так и на местном уровне.

Документ 1.

Коммунистическая партия (большевиков) Казахстана Центральный Комитет

24/11-1941 г.

№ 17209

Кустанайский ОК КП (б)К

Секретарю по пропаганде и агитации

тов. Принцеву (Принцев Василий Николаевич – секретарь Кустанайского обкома КП(б)К по партпропаганде (19 августа 1939 г. – 12 июня 1942 г.), - *прим. авт.*).

ЦК КП (б)К за последнее время стали известны факты проявления со стороны отсталой части населения антисемитизма, не советского отношения к евреям, эвакуированным из прифронтовой полосы в нашу республику. Некоторые партийные организации, не придавая серьезного значения проявлениям антисемитизма, не ведут с ним настоящей борьбы, не разъясняют населению контрреволюционной сущности антисемитизма, забыли указания В.И. Ленина, что «только совсем темные, совсем забытые люди могут верить лжи и клевете, распространяемой против евреев, кто сеет ненависть к другим нациям» (Ленин, том 24, стр. 203).

Германский фашизм, стремясь расколоть наш тыл, принимает все меры к тому, чтобы возбудить национальную рознь между народами, чтобы посеять темную, злобную ненависть к евреям, натравить на них другие народы. Для этой цели в тыл забрасываются шпионы, диверсанты, провокаторы, которые используя отсталую часть населения и отсутствие, в ряде мест, политико-массовой работы, сеют провокационные слухи, разжигают национальную рознь и антисемитизм.

ЦК КП (б)К обязывает обкомы, горкомы, райкомы и всех руководителей парторганизаций усилением массово-политической работы и прежде всего среди коммунистов и комсомольцев пресекать всякие попытки разжигания антисемитизма, разъяснять его контрреволюционную сущность. Надо добиться, чтобы каждый коммунист,

комсомолец, каждый честный советский гражданин, где бы он ни встречался с фактами проявления антисемитизма, – в доме, в очереди, в трамвае, в столовой, в индивидуальной беседе сумел бы показать, что всякий распространяющий антисемитские настроения, сеющий недоверие к евреям, пренебрежительно относящийся к ним, является прямым пособником врага.

Одновременно парторганизации должны разъяснить трудящимся, что в рядах нашей Красной армии не мало евреев-красноармейцев, политработников, командиров, самоотверженно защищающих свою родину, борющихся за нее до последней капли крови:

В боях с немецко-фашистскими захватчиками проявили отвагу и смелость евреи: проф. Ленинградского университета Орест (не разб. – Д.Л.); политрук Коц Абрам Израилевич; Мильдур Иосиф Майшерович; (не разб. – Д.Л.) Лев Исаакович; Шуфер Лев Аронович; награжденные советским правительством орденами и медалями.

В прошлой войне с белофиннами прославился герой Советского Союза – старший лейтенант – еврей – Д.Л. Маргулис. Самоотверженную и беззаветную храбрость проявил красноармеец-еврей, поэт Арон Копштейн, погибший под ураганным огнем белофиннов, спасший раненного товарища. Сотни, тысячи героев евреев прославили силу оружия Красной армии, не менее славны имена евреев героев социалистического труда.

За выдающиеся изобретения в авиапромышленности присвоено звание социалистического труда В.Г. Шпитальному. За выдающиеся достижения в области организации серийного производства новых типов танков присвоено звание героя социалистического труда директору Кировского завода – инженеру И.М. Зальцману.

Предлагаем организовать ряд лекций и докладов на тему о дружбе народов СССР в период освободительной войны, о Ленинско-Сталинской национальной политике, о морально-политическом единстве нашего народа.

ЦК КП (б)К обращает особое внимание секретарей обкомов, горкомов и райкомов на необходимость самой тщательной проверки тех коммунистов и комсомольцев, которые поддаются антисемитским настроениям, привлекая к партийной ответственности носителей и распространителей антисемитизма.

Секретарь ЦК КП (б)К (не разб. – Д.Л.)

Коп. ист. Черновика [7].

**ВСЕМ ПРОКУРОРАМ КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛ.
Прокурору Карабалыкского р-на**

За последнее время, как в районах области, так и особенно в г. Кустанае** оживились антисемитские настроения со стороны враждебных и отсталых элементов. Антисемитизм в условиях отечественной войны со злейшим врагом советского народа является тягчайшим преступлением, враждебные элементы, распространяя антисемитизм, пытаются внести раздор в ряды советского народа.

С этой целью они опорочивают еврейское население, унижают евреев, обзывают их разными непристойными унижительными словами, стараясь вызвать неприязненное отношение и недоверие окружающих к евреям, характерно, что антисемитизм проникает и в среду детей, особенно в школах, где иногда сами учителя дают повод к распространению антисемитизма.

Имеется ряд случаев, когда враждебные элементы создают невыносимые условия для проживания еврейскому населению, что вызывает со стороны последнего справедливое негодование и жалобы в центральные органы.

Между тем, еврейский народ вместе со всем советским народом активно борется с озверевшим врагом, а в рядах героев советского союза и орденоносцев, мы часто видим мужественных сынов еврейского народа, которые не щадя своей жизни с оружием в руках борются с врагом.

Особенно нетерпимым является, когда антисемитские факты не находят должного отпора со стороны актива и руководящих работников, не понявших изменившейся обстановки и того, что проявление антисемитизма является тягчайшим преступлением перед родиной и выгодно только нашему врагу-фашизму.

Некоторые прокурорские работники оказались в хвосте этих антисемитских настроений и проглядели деятельность этих враждебных элементов.

История Еврейских Общин

Бывший горпрокурор Суворов (Суворов Михаил Алексеевич – прокурор г. Кустаная 1939-1941, 1944-1945 гг., - *прим. авт.*), имея заявления граждан об антисемитских проявлениях в городе, не принял никаких мер к враждебным элементам и все заявления подшивал в наряд.

В целях немедленного пресечения всяких антисемитских проявлений:

ТРЕБУЮ от всех райпрокуроров решительной борьбы с антисемитизмом, лиц, уличенных в антисемитизме немедленно арестовать и привлекать к уголовной ответственности, дела об антисемитизме заканчивать в пятидневный срок, в каждом деле информировать меня спец. донесением.

Горпрокурору тов. БАРАНОВУ (Баранов Александр Венедиктович – прокурор г. Кустаная 1942-1944 гг., - *прим. авт.*) пересмотреть все заявления граждан об антисемитизме и виновных немедленно привлекать к ответственности.

Предупреждаю всех прокуроров, что борьба с антисемитскими проявлениями в настоящее время должна стоять в центре внимания каждого нашего работника, и всякое ослабление этой борьбы прокуроров будет расцениваться как преступление.

ПРОКУРОР КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛ. (*подпись – Д.Л.*) /ЛАЙ/

(Лай Петр Иванович – прокурор Кустанайской обл. 1942-1944 гг., - *прим. авт.*)

отп. 28. VIII. 42 г. [См.: 8].

Документ 3.

Секретно

ВСЕМ ПРОКУРОРАМ КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛ.

Прокурору Карабалыкского р-на

Имеющиеся в прокуратуре области данные свидетельствуют о том, что за последнее время участились случаи антисемитских проявлений в ряде районов и в самом г. Кустанае.

Антисемитизм, есть прямое проявление враждебной антисоветской деятельности фашистских агентов, врагов народа и др. Профашистских элементов, направленных на подрыв сталинской политики, дружбы народов СССР, а поэтому с антисемитизмом должна быть проведена беспощадная борьба по всем линиям и главным образом по линии судебной репрессии.

История Еврейских Общин

Антисемитские проявления имеют место в нашей области, которые выражаются под разными видами, как например:

В г. Кустанае проживает семья эвакуированных по фамилии Кац (по национальности евреи), эта семья поселена на жительство в дом некой Борисенко, она же ТЕРКО, которая, питая вражду и ненависть к еврейской нации, избрала метод действия антисемитизма и нежелание иметь в своем доме поселенной семьи Кац – Борисенкова взяла ночник из-под больного старика Каца и вылила на последнего.

Эти проявления антисемитизма и под видом других подобных проявлений идут исключительно на руку нашим врагам и агентам фашизма.

Исходя из вышеизложенного ПРИКАЗЫВАЮ:

1. потребовать от органов милиции, усиления оперативных мероприятий по выявлению фактов антисемитских проявлений, в каких бы формах это ни проявлялось, и виновных неуклонно привлекать к уголовной ответственности по ст. 59-7 ч. 2 УК РСФСР.

В эту оперативную работу должны безусловно включаться и оперативные работники прокуратуры,

2. Все возбужденные дела об антисемитизме должны расследоваться следователями прокуратуры или квалифицированными следственными работниками милиции, в десятидневный срок и качественно. По всем делам этой категории прокуроры обязаны повседневно руководить следствием и присутствовать при допросах обвиняемых.

3. Все эти дела должны рассматриваться в судах и в кратчайший срок с обязательным участием прокуроров в качестве гособвинителей.

4. О всех возникших антисемитских проявлениях в районе немедленно сообщать в облпрокуратуру, письменной докладной, а по окончании дела высылать в облпрокуратуру обвинительное заключение суда по делу.

5. Ежемесячно письменно информируйте облпрокуратуру о наличии проявлений антисемитизма в районе.

Одновременно предупреждаю о безосновательном возбуждении дел этой категории преступлений.

ПРОКУРОР КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛ.: /ЛАЙ/

НАЧОТД ПО НАДЗОРУ ЗА РКМ. ПОМОБЛПРОКУРОРА:
/ДЕМЬЯНЦЕВ/ [8].

*Карабалыкский р-н – район в Кустанайской (Костанайской) обл. На 1 января 1940 г. в районе кроме пос. Бурли было 105 населенных пунктов, девять аулсоветов, шесть сельсоветов, два поселковых совета рабочих поселков, население района было более 26,0 тыс. чел. Из технических средств связи было два телеграфа и 83 телефона. В полукилометре от пос. Бурли было летное поле, там садились самолеты, в районе три железнодорожные станции: Тогузак, Магнай, Тамерлан. Действовали: опытная станция, техникум, училище. Имелся детский дом. Сеть культпросвет учреждений: 14 клубов, 17 изб-читален, 13 красных уголков, шесть библиотек, 15 школ. Тогда же в районе появились первые детские сады и ясли, была аптека и больница, три врачебные амбулатории и восемь фельдшерских пунктов.

**Кустанай – областной центр Кустанайской обл. с 1936 г. В паспорте Кустанайской обл. Казахской ССР накануне войны давались «общие сведения: территория города равна – 72 кв. км, население на 01.01.1940 г. – 38,2 тыс. чел., казахи составляют 32% к общей численности населения, расстояние от центра города до железной дороги станции Кустанай – 2 км., общее протяжение городских дорог – 70 км, в т.ч. 0,8 км. шоссе». В городе действовали «29 промышленных предприятий, в основном пищевкусовой отрасли». Основными промпредприятиями города являлись: «Электро-станция. Кирпичный завод. Столярно-мебельная мастерская. Типография. Мясокомбинат. Гормолзавод. Мельница № 6. Хлебокомбинат. Восрремонтная мастерская». Кроме того, в городе имелось пять мельниц [11].

1. Потемкина М. Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // <http://www.istorya.ru>.

2. Прокурор СССР – заместителю председателя СНК СССР А.Я. Вышинскому о борьбе с бытовым антисемитизмом в Казахстане. Документ № 5. [15.10.1942]. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 373. Л. 123. Копия. // Государственный антисемитизм СССР. Усиление антисемитизма (бытового и чиновного) и ответная реакция. Фонд Александра Н. Яковлева. **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** fond/issues-doc/68361.

3. Легкий Д.М., Каратаев А.В. На фронте и в тылу // Кустанай – Костанай: очерки истории. Т. 2. (с 1936 по 2013 гг.). Костанай: Костанайполиграфия. 2013. – 800 с. Коллект. монография. Легкий Д.М., Каратаев А.В., Алексенко М.А., Самаркин С.В., Терновой И.К., Черныш П.М., Ибраев Е.Е., Нурмухамбетов Г.Т.

История Еврейских Общин

4. Легкий Д.М. Роль эвакуированных учёных в становлении высшего образования в Кустанайской области в годы Великой Отечественной войны. // История. Память. Люди. Материалы VI международной научно-практической конференции 19 сентября 2012 г. Алматы. 2013. – С. 119-129.
5. Легкий Д.М. Сведения о евреях – польских гражданах в архивах Кустанайской области // История. Память. Люди. Материалы VI международной научно-практической конференции 19 сентября 2012 г. Алматы. 2013. – С. 240-254.
6. Легкий Д. М. Депортация польских граждан в Казахстан в начале II мировой войны (на примере Кустанайской обл.) // Из истории депортации поляков в Казахстан в период II мировой войны. Б.: Посольство Республики Польша в г. Астана. 2013. – 234 с. – С. 100-174.
7. ГАКО. Ф. 72-П (Кустанайский обком партии). Оп. 6. Д. 59.
8. ГАКО. Ф. 1558 (Кустанайская областная прокуратура). Оп. 1. Д. 10.
9. ГАКО. Ф. 1581 (Кустанайская городская прокуратура). Оп. 2. Д. 16.
10. ГАКО. Ф. 1581. Оп. 2. Д. 21.
11. ГАКО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 142.

Саипова К.Д.

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКИХ ЕВРЕЕВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Последнее десятилетие XX в. стало временем исчезновения на этнической карте Средней Азии среднеазиатских или бухарских евреев, а для еврейского мира - самой крайней, восточной его диаспоры. Массовая эмиграция бухарских евреев, происходившая в эти годы, привела к тому, что из нескольких десятков тысяч человек, проживавших в Узбекистане - основной стране их расселения в Средней Азии, в настоящее время осталось не более нескольких десятков семей, сосредоточенных преимущественно в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Маргилане, Коканде. Разные причины удержали или пока удерживают их от отъезда, у одних это связано с семейными обстоятельствами, у других - с коммерческими интересами, некоторые заняты поддержанием синагогальной жизни, уходом за еврейскими кладбищами. Но для каждого вопрос эмиграции остается открытым.

В Узбекистане проживают евреи различных этнолингвистических групп (ашкенази, яхуди, горские (таты), грузинские, крымчаки, караимы),

отличающиеся друг от друга по происхождению, языку, традициям, территориям компактного проживания и т. д. [1].

Впервые языковая принадлежность евреев в Туркестане была зафиксирована в 1897 г. во время всеобщей переписи населения. Разделение евреев по этническим общностям в деловых бумагах произошло в первые годы Советской власти и официально было закреплено во время переписи населения в 1926 г.

Кроме того, еще до революции в Туркестане евреи подразделялись на европейских, или ашкеназских (русских, украинских, польских, молдавских, белорусских, венгерских, румынских, австрийских, немецких, литовских, американских, израильских и др.) и на азиатских (яхуди, афганских, персидских, турецких и др.).

В советский период азиатские иудеи ассимилировались в одну этнокультурную бухарско-еврейскую общину и стали составной частью восточных евреев. К ним относятся также этнокультурные общины горских и грузинских евреев. Наиболее урбанизированной является грузинская.

Осенью 1941 г. в связи с начавшейся советско-германской войной Кремль вынужден был пойти на возобновление контактов с бежавшим в Лондон польским эмигрантским правительством, возглавляемым г-ном Сикорским. На основе подписанного в Москве советско-польского союзного договора граждане Польши смогли выехать из районов депортации и переехать в республики Средней Азии, в числе которых был и Узбекистан.

Разумеется, это не было решением трагедии, в которой оказались польские евреи. Значительная их часть была направлена на Ташкентский текстильный комбинат. Жить пришлось в наспех построенных общежитиях барачного типа, которые мало были приспособлены для нормального существования. Более того, польские беженцы постоянно испытывали серьезные материальные трудности, которые были вызваны сложными условиями военного времени. Как отмечалось в докладе одного из беженцев Р.Эрлиха Американскому Еврейскому Комитету: «Польские евреи сначала рассчитывали обеспечить свое существование, работая в качестве рабочих на промышленных предприятиях, в колхозах, кооперативах ремесленников. Но вскоре они убедились, что регулярный заработок, который им обеспечивал этот труд, не спасает их от угрозы голодной смерти» [2].

За вычетом подоходного и военного налогов, удержаний на правительственный заем средний заработок достигал 150-180 руб. в мес.

История Еврейских Общин

На эти деньги можно было прожить лишь несколько дней. В то же время следует учитывать сложные и противоречивые пути адаптации польских беженцев к нелегким условиям в стране. В их сознание прочно вошли воспоминания о депортации в Сибирь и Печорский край и это, в свою очередь, способствовало росту стремления беженцев покинуть СССР и вернуться в Польшу.

В сентябре 1941 г. на узловую станцию Каган, находящуюся в Бухарской области Узбекистана, прибыл состав с детьми польских беженцев, в числе которых были выходцы из семей евреев-офицеров Войска польского. Доставив детей в г. Бухару, местные власти распределили их по узбекским кишлакам, в детские дома закрытого типа, ранее предназначавшиеся для сосланных в эти края детей репрессированных ответственных работников. Эти детские дома находились под особым контролем территориальных органов НКВД, но снабжались продовольствием из фондов иностранной помощи СССР.

После окончания войны часть из них вернулась вместе с родителями в Польшу, а часть осталась в Узбекистане и успешно трудилась до распада СССР в различных сферах экономики, культуры, народного образования республики. Среди них Майя Слуцкая, которая окончила в 1951 г. в Ташкенте исторический факультет местного университета, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук и долгое время работала в одном из вузов республики. Однако далеко не у всех эвакуированных детей так благополучно сложилась жизнь в Узбекистане. Многие не выдержали знойного климата, антисанитарных условий, тяжелых инфекционных болезней и были захоронены в республике [4].

Несмотря на многие негативные стороны жизни и быта польских евреев в годы Второй мировой войны на территории СССР, даже антисоветские настроенные беженцы из западных районов признавали, что Советский Союз был для них единственной альтернативой по сравнению с гитлеровской Германией.

1. Этнический атлас Узбекистана. – Ташкент, 2002. – С.90-91.
2. Емельяненко Т.Г. Бухарские евреи: судьбы диаспоры. // ЭО, 2009.- №5. – С.15.
3. Депортация польских евреев. // АРАД, 2011.
4. Советский Союз. Евреи в Советском Союзе в 1922-1941 гг. – М.: КЕЭ, том 8. – С.158-159.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Шкурко Э.А.

УФИМСКИЙ НЕГОЦИАНТ И ЕГО ПОТОМКИ

Морозным днем 20 декабря 2013 г. в конце ул. Степана Кувыкина в Уфе в направлении ул. Менделеева бежал очередной олимпийский факелоносец, мужчина средних лет. Он бежал, и ему не верилось в реальность происходящего: он в городе, где жили его предки, где родился его несчастный дед, братья и сестры деда, где умерла ровно 100 лет назад прабабушка Тамара, красивая богатая женщина, мать пятерых детей, фотографии которой хранятся в семейном альбоме [1].

Накануне в сумерках с известным уфимским краеведом Анатолием Чечухой он побывал на Сергиевском кладбище в Старой Уфе, где увидел старинное черного гранита надгробие, установленное первоначально прадедом, как он позже узнал, на Ивановском кладбище в центре города и перенесенное при его сносе в 1966 г. на Сергиевское.

Фотографию памятника он получил раньше, когда нашел Анатолия Львовича и обратился к нему с просьбой разыскать в Уфе следы его предков. Я знала это надгробие, при посещении кладбища всегда обращала внимание на его изысканную форму и имя известной в дореволюционной Уфе купчихи.

Единственная в городе дипломированный преподаватель иврита Инесса Брусиловская перевела текст, написанный по-древнееврейски.

Текст из Талмуда, традиционный для еврейских надгробий гласил: «Нищие и убогие... приходящие и уходящие всплеснули руками. Кто поможет нам... они кричали. Избавитель их не поднялся на небеса. Кто не пробудится от твоей смерти, посетил это чудо. И нет ему исследователя, кто благословил там, на небесах небесных, доброе имя твое здесь в воде. Она женщина молодых лет (38 лет, - прим. авт.) госпожа Тамария дочь раввина Эльханана Коц, скончалась 21 кислева 5673 г.» [2].

Внизу большими буквами - стандартная для надгробий, заканчивающая эпитафию аббревиатура «пусть ее душа будет связана с жизнью».

Почему фамилия и прадеда и девицы Тамары одна и та же? Может, они состояли в родстве? Отца Тамары звали Эльханан Коц (имя, упоминаемое в Танахе, означает «Бог сжалился», так звали воина царя Давида, выигравшего ключевую битву с филистимлянами, а фамилия эта встречалась в белорусско-

прибалтийских регионах Российской Империи, - *прим. авт.*). Фамилия, знатная, говорящая о принадлежности к кознам, потомкам первосвященника Аарона, служившего в Иерусалимском Храме [3].

Правнука Тамары, Игоря Александровича Коца, удивило и ужаснуло то, что фамилия прабабушки была выбита с одной стороны, а с другой – фамилии каких-то Гольдбергов и Гельфанд. Но, неизвестные Гольдберги сохранили памятник, не сбили старую надпись, и, верится, перенесли останки прабабушки в расположенную рядом братскую могилу, ведь перенос останков был очень трудоемкой и затратной процедурой, не говоря уже о моральном аспекте. Спасибо им хотя бы за это.

После кладбища они с Анатолием заглянули ко мне на огонек, т.к. я жила неподалеку. На обложке подаренной мной книги (поистине «рояль в кустах») оказалась фотография здания с большой вывеской, в котором в первые десятилетия XX в. находился магазин часовых и ювелирных изделий его прадеда, мужа Тамары Израиля-Михаила (Михеля) Мовшевича Коца [4].

Уфимцам хорошо знакомо это здание на углу ул. Коммунистической и Мустая Карима, в прошлом Бекетовской и Большой Успенской.

Израиль-Михаил родился 6 июля 1875 г. в Шавли (сейчас Шауляй) Ковенской губ. Когда ему было 13 лет, семья переехала в Оренбург, где он начал учиться часовому делу. С 1898 г. служил часовым мастером на Самаро-Златоустовской железной дороге. Потом перебрался к дяде в Уфу, где открыл свой магазин. Кстати, в уфимском историческом архиве в 1900 г. значился еще один часовой мастер Коц – Герт Мовшевич, очевидно, брат прадеда [5]. А жил Израиль-Михаил с женой и детьми вначале на Центральной (ныне Ленина) в доме Паршина, потом – на Александровской (Карла Маркса), 20. Анатолий Львович нашел фотографии этого, уже не существующего дома, владелицей которого была Тамара [6].

В декабре 1913 г. Тамара ушла из жизни. Отчего, сегодня узнать невозможно, архивные дела за тот год, по-видимому, не сохранились. После смерти жены Израиль женился на ее сестре, 25-летней Ксении, которая помогла поднять детей [7].

Он был активным членом уфимской еврейской общины, помогал беженцам Первой Мировой, входил в состав различных комиссий Еврейского Благотворительного комитета помощи жертвам войны (по питанию, обеспечении дровами, во главе представителей молодежи, хотя ему в это время уже 40 лет), возглавлявшегося доктором И.М. Шефтелем,

секретарем которого был раввин М.О. Аптекарь. Он жертвует значительные денежные суммы [8].

Дом на Александровской, 20, был продан владельцу магазина готового платья, члену кружка сионистов Элему Гурину. Акт купли-продажи был оформлен, судя по записи в окладной книге 25 октября 1917 г. [9]. Остается удивляться, как без мобильной связи, интернета, телефона удалось так вовремя избавиться от недвижимости. Или угроза переворота витала в воздухе?

В 1919 г. Израиль Коц с младшими детьми и женой Ксенией, опасаясь погромов, покинул Уфу, и отправился на восток. Осели в Харбине.

Старший сын Израиля Миня (Моисей), 20-летний парень, три мес. прослужил фельдшером в армии Колчака, потом, в 1920 г. в РККА инструктором-дезинфектором.

Миничка Коцини, по словам друзей и подружек, оставленных на память на студенческих фотокарточках 1919 г., «славный вечно-веселящий и вообще очаровательный, известный инструктор по организации кабаре в Сибири «Пойдем, пойдем, мой дружок», поступил в Хабаровский, а в 1922 г. закончил уже Томский мединститут [10].

Может, потому решил стать врачом, как его брат Борис и сестра Полина, что хорошо помнил смерть матери. Только брат и сестра обучались в бельгийском городе Льеже.

Из Хабаровска в 1921 г. он съездил в Харбин на два мес., отвез к отцу Полину и др. брата Леву, поработал там помощником врача в городской амбулатории и вернулся из сытого Харбина в Томск, чтобы доучиться и жениться на любимой девушке, тоже студентке мединститута.

Потом Моисей Коц работал санитарным врачом в Крыму, Костроме, Владивостоке, Хабаровске. Писал доклады и научные труды по организации санитарного дела. В Хабаровске у Мини и Сары родился сын Александр.

Не мог он и предполагать, что пребывания в Харбине, городе много раз переходившим из рук в руки – русские, китайские, японские – и ставший приютом российской эмиграции, подаренный правительством СССР китайцам в 1950 г., будет достаточно для обвинения и высшей меры...

Моисея арестовали 21 октября 1937 г. на глазах десятилетнего Саши, который так никогда и не узнал о судьбе отца, и еще пять лет после амнистии, до извещения о посмертной реабилитации, ждал его возвращения.

Игорь, внук Мини, всегда хотел узнать правду о судьбе деда, «пепел Клааса стучал в сердце».

Страшное открытие произошло в 2010 г. Миня, старший сын Израйля Коца, родившийся в Уфе в 1899 г., постановлением НКВД СССР от 28 декабря 1937 г., «работавший краевым госсанинспектором Хабаровского крайздраводела и ассистентом кафедры гигиены Хабаровского медицинского института, осужден к расстрелу» по знаменитой 58-й статье.

Семье сообщили, что он умер в 1941 г. от «абсцесса легкого». Бабушка Сара, врач-гинеколог, ждала его, брак оформила с замечательным человеком, ставшим ей надеждой и опорой и заменившим ее сыну отца, только узнав о смерти мужа. На самом же деле Моисей был расстрелян после четырехмесячных допросов в 1938 г.

В деле Игорь увидел фотографию деда Мини, замученного допросами и пытками, узнал об истории и уфимских корнях своей семьи. Он переснял дело деда в Хабаровском архиве. На допросах он ничего не подтвердил и не признал. «По харбинским делам не требовались доносы, - объяснили вежливые лубянские женщины. - Слово «Харбин» было синонимом слова «расстрел». Из Постановления Президиума Хабаровского краевого суда от 22 августа 1958 г.: «В деле нет никаких доказательств, свидетельствующих о том, что КОЦ совершил какое-либо преступление.

Постановление НКВД СССР от 28 декабря 1937 г. в отношении КОЦ Моисея Израйлевича отменить и делопроизводством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления».

Там, на Лубянке, он прикоснулся к подписи деда в деле. Показалось, что, спустя десятилетия он чувствует тепло его руки. И младший сын Андрей, которого он туда привел с собой, сделал то же самое, потому что такое надо не просто знать, а почувствовать.

Александр избрал профессию инженера-железнодорожника, водил составы, дослужился до инженер-капитана тяги. Веселый, всеобщий любимец Сашка Коц женился на Татьяне Терешенковой, детском враче. Оба они ушли из жизни, прожив чуть более 40 лет, оставив сиротами 15-летнего Игоря, и старшую сестру Наташу. Чемодан их писем, только спустя 40 лет, он собрал в своей книге «Здравствуйте, дорогие наши!», дополнив комментариями, архивными материалами, интервью [11].

В 2011 г. Игорь встретился с 86-летним сослуживцем прадеда Тедди Кауффманом, знавшим Израйля, Бориса, брата деда Мини. И тот, и другой руководили Харбинской общиной выходцев из России, пользовались уважением соотечественников.

От него он узнал, что в Харбин Михаил эмигрировал в марте 1919 г., где в 1920-м г. открыл магазин часовых и ювелирных изделий.

Одновременно был представителем фирмы «Женева» или «Ланжин» на углу Китайской и Ямской, снимал квартиру в центре города.

Он был самоучка, не получивший русского образования, но грамотно говоривший по-русски. Древнееврейский знал только, чтобы читать молитвы.

Человеком Михаил был деловым, жестким и твердым коммерсантом, все деньги вкладывал в дело. Люди порой не соглашались иметь с ним дело. Его никогда не видели вместе с женой. Наверно, никогда он не смог оправиться от страшной потери.

Израиль - Михаил попытался вмешаться в личную жизнь двоих своих сыновей, посчитав, что это – мезальянсы. Ведь невестой Бориса была дочь главного раввина Варшавы, недостижимая величина, круто, мол, слишком, как сказали бы сегодня, а Лева, наоборот, женился на очень бедной девушке, опять – неровня. Примирили их только внуки. Наверно, и ему пришлось нелегко, когда он женился на дочери раввина и увез ее в неизвестность, где не только сумел выжить, но и создать доходное дело.

Он прожил долгую жизнь, а умер на чужбине, в Гонконге, где очутился, направляясь в Австралию к сыну после смерти Ксении. Было ему тогда 84 года. Его внук Александр, сын Льва, прислал из Сиднея два письма и много фотографий, в т.ч. могилы. Пожилой австралиец Алекс Коц сидит на корточках возле мраморной плиты, на которой выбито «Gone but not forgotten» - «Ушел, но не забыт».

Борис Коц жил в Харбине с отцом, участвовал в его деле. В период 19-23 гг. проживал в Льеже. Сестра Полина Зелаковская там же выучилась на врача, жила в Шанхае, лечила детей.

Красавица Фаня, работавшая машинисткой в харбинской общине, в 1922 вернулась в Томск, чтобы закончить институт. В 1937 г. арестовали и осудили на пять лет лагерей ее мужа Илью Жарковского, заместителя директора Уральского индустриального института. Возможно, спасаясь от репрессий, Фаня оказалась в Ленинграде, и пять лет спустя разделила судьбу 900 тыс. ленинградцев [12].

XX в. разбросал потомков уфимского негоцианта Израиля-Михаила Коца по всему свету, и не последними людьми они стали в своих новых отечествах.

Сын Бориса Самуэль, родившийся в Харбине любимец своего деда Михаила, умерший в 2010 г. в американском штате Мериленд, - стал выдающимся ученым-статистиком с мировым именем, автором сотен научных работ.

А его сын Дэвид, будучи Генеральным инспектором Комиссии по ценным бумагам США, буквально взорвал с присущим ему «агрессивным стилем работы» финансовую «пирамиду» Мэдоффа, заработавшего 65 млрд долларов и вовлекшего высших чиновников. Видать, пошел в прадеда.

Игорь Александрович побывал в Холоне под Тель-Авивом на могиле Бориса, брата деда Мини, похороненного рядом с женой, дочерью главного варшавского раввина, против брака с которой протестовал Израиль-Михаил. Он положил на могильную плиту Бориса две гвоздики и фотографию его брата Моисея. Так братья встретились 90 лет спустя.

На Пискаревском он помянул Фаню. Ну, а в Хабаровске, как оказалось, он много раз проходил совсем рядом с братской могилой, где захоронены деда Миня и еще 12 тыс. несчастных. А совсем близко – могилы бабы Сары и его родителей [13]. Встретились-таки.

И вот, наконец, он в Уфе и смог поклониться Тамаре.

Наталья стала хирургом, живет и работает в Хабаровске. Сам Игорь Александрович занимался велоспортом, но стал журналистом, закончив Хабаровский университет, где встретил Таю, которая рядом с ним почти 40 лет. Они работали на Дальнем Востоке, и уже давно живут в самом центре Москвы. Он – редактор крупнейших российских изданий, сегодня – шеф-редактор журнала «Родина».

Сын Александр после службы в ВДВ был принят на работу в «Комсомольскую правду» спецкором, передавал репортажи из Чечни, искал неразорвавшуюся атомную бомбу в уральской тайге, спускался на палубу затонувшего «Адмирала Нахимова», побывал в чернобыльском городе-призраке Припяти», участвовал в подъеме АПЛ «Курск», эвакуации детей-заложников из захваченной террористами школы в Беслане. В 2008 г. в Северной Осетии был тяжело ранен. Обо всем этом он написал в книге «Успеть в номер» [14]. Обладатель множества наград, среди которых - медаль «За отвагу», медаль к ордену «За заслуги перед Отечеством», Международная премия им. Юлиана Семенова в области экстремальной геополитической журналистики, дважды лауреат премии им. Артема Боровика [15]. И сегодня он на передовой, ведет репортажи из Украины, Сирии.

Младший, Андрей, сотрудничает с «Российской газетой», «Вечеркой», ведет репортажи из Крыма.

Право несения олимпийского огня Игорь Коц получил как бывший главный редактор «Советского спорта», и выпала ему Уфа, город его предков. И маршрут его пролегал всего в каких-то четырех кварталах от

того места, где стоит надгробие Тамары, умершей ровно 100 лет назад, день в день. В этом незнакомом ему ранее городе вдруг ожили дома и улицы, на фоне которых сквозь пелену времени он различил лица прадеда и прабабки, деда, его братьев и сестер. И факел Олимпиады в его руках стал факелом памяти, поминальной свечой для всех известных и неизвестных ему предков.

Настало время собирать камни...

1. Эмма Шкурко. Факел памяти. Журнал «Уфа». № 5, 2014. С. 70-73.
2. 7 декабря 1913 г.
3. arc.familyspace.ru/catalog/Кос
4. Шкурко Э.А. Евреи в Башкортостане: полтора века истории». — Уфа: «Аэрокосмос и ноосфера», 2007. — 227 с.
5. ЦИА РБ. Ф. И-9. Оп.1. Д.628. Л. 64.
6. Записано со слов краеведа А.Л. Чечухи в январе 2014 г..
7. Записано со слов И.А. Коца в декабре 2013 г.
8. ОТЧЕТ УФИМСКАГО ЕВРЕЙСКОГО КОМИТЕТА ПОМОЩИ ЖЕРТВАМ ВОЙНЫ.
(с 1-го апреля 1915 г. – 1 января 1917 г.). Уфа. Центр. Типогр. «ПЕЧАТЬ», Александровск. Ул., д. № 18. 1917.
Из фондов Национальной библиотеки РБ им. Заки Валиди. С. 3, 13, 17, 21, 28, 51, 86.
9. Записано со слов краеведа А.Л. Чечухи в январе 2014 г.
10. Записано со слов И.А. Коца в январе-феврале 2014 г.
11. Игорь Коц. Здравствуйте, дорогие наши!/ Игорь Коц – ПЛАНЕТА. 2014. 360 с.
12. Записано со слов И.А. Коца в январе-феврале 2014 г.
13. Записано со слов И.А. Коца в январе-феврале 2014 г.
14. Коц А. И. Успеть в номер: сборник репортажей специального корреспондента «Комсомолки» / Александр Коц. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2009. — 217 с.
15. ru.wikipedia.org/wiki/Коц

САМУИЛ (ШМУЭЛЬ) ХАИМОВИЧ АГУРСКИЙ

В Павлодаре похоронен человек, о котором не принято вспоминать – слишком неоднозначна его роль в истории советского народа и, в частности, в судьбе советских евреев. Это был человек, финансировавший из США советское правительство. Человек, проводивший экспроприацию собственности евреев. Человек, развернувший в РСФСР борьбу с иудаизмом и ивритом. Человек, которого убила созданная им же система. Таким был сосланный в 1939 г. в Павлодар и умерший в ссылке революционер, советский историк Самуил (Шмуэль) Хаимович Агурский.

Родился Самуил (Шмуэль) Хаимович Агурский 29 апреля 1884 г. в Белоруссии, в г. Гродно. Всю свою жизнь он был «профессиональным евреем», т.е. постоянно работал в каких-либо еврейских организациях. В юности это был еврейский социал-демократический союз и Бунд (Всеобщий союз еврейских рабочих в Литве, Польше и России).

За эту деятельность Агурского преследовала царская охранка. С 1906 по 1917 гг. Шмуэль Хаимович жил в эмиграции, сначала в Великобритании, потом в США, где работал портным, а также писал статьи для социалистических газет, издававшихся на идише.

Живя в Чикаго, Агурский стал соорганизатором Еврейского рабочего института для евреев-эмигрантов из стран Восточной Европы. Агурский, никому неизвестный в России, ни своим образованием, ни революционными заслугами, прибывший из США, как корреспондент американской еврейской газеты, примкнул к большевикам и довольно быстро поднялся по партийной лестнице. Тогда ему было 33 года.

Шмуэль Хаимович неоднократно общался с Владимиром Лениным. Об этом пишет в своей книге «Пепел Клааса» его сын – Михаил (Мэлиб) Агурский:

«...я узнал, что известный журналист Савва Дангулов собирает и публикует материалы о связях Ленина с Америкой. Я позвонил ему и спросил, знакома ли ему фамилия отца. Он ничего не знал о нем, но сразу согласился приехать. Он честно воспользовался тем, что я ему рассказал, и через некоторое время опубликовал об отце очерк в «Дружбе народов», упомянул его в «Правде» и включил в сборник своих очерков «Двенадцать дорог на Эгль». Видно было, что он копался в закрытом архиве Ленина и читал записи беседы отца с Лениным».

Люди и судьбы

В декабре 1917 г. Шмуэлю Агурскому, как журналисту, было предложено издавать в Петрограде еврейскую советскую газету. Соломон Шварц в своей книге «Антисемитизм в Советском Союзе», изданной в Нью-Йорке в 1952 г., утверждает, что в те годы «огромное большинство еврейской революционной и демократической общественности относилось резко отрицательно к большевизму».

В качестве доказательства Шварц цитирует воспоминания самого Агурского, опубликованные в его книге «Еврейский рабочий в коммунистическом движении»: «Мы приняли предложение, немедленно приступили к работе и хотели осуществить этот план. Но это была одна из труднейших задач. Правда, денег было достаточно - в первый раз в истории еврейского социалистического движения деньги не играли роли при создании газеты. Но этого отнюдь нельзя было осуществить, т.к. еврейская социалистическая интеллигенция была против Октябрьской революции, не хотела принимать участия в какой-либо работе и к тому же страшно саботировала каждую попытку тех, кто хотел работать и помогать укреплению достижений Октябрьской революции. В Ленинграде нельзя было найти еврейских писателей, кто сотрудничал бы в газете, защищающей советскую власть. (Стоит отметить, что газета, которую мы хотели тогда издавать, не могла быть коммунистической партийной газетой, но лишь органом, поддерживающим советскую власть). Нам удалось найти двух политических эмигрантов, которые были известны, как журналисты и уважаемые работники еврейского рабочего движения в Англии. Это были А. Кантор, бывший секретарь Лондонского «Еврейского Рабочего Фонда» и секретарь совета Лондонских еврейских трэд-юнионов, и А. Шапиро, известный лондонский анархист. С этими двумя сотрудниками мы приступили к изданию первой еврейской газеты, которая должна была начать популяризовать идеи Октябрьской революции в еврейских массах».

Потом Шмуэль Агурский работал под руководством Сталина в Народном комиссариате по делам национальностей, был членом коллегии Еврейского комиссариата. Затем был в числе организаторов и руководителей Еврейской секции ВКП (б), созданной в советское время наряду с другими национальными секциями.

Официально Евсекция задумывалась для распространения коммунистической идеологии среди евреев на их родном языке, но вскоре прояснилось ее истинное назначение – разрушение религиозных и культурных основ еврейства. Евсекция должна была выковать из евреев

людей советского типа – без религиозных и национальных предрассудков, вывести их из-под влияния раввинов и отдать под управление советской власти.

Укрепить свой авторитет в революционной России Агурскому помог его американский коллега - журналист-социалист Альберт Вильямс, активный участник Октябрьской революции, скооперировавшись с которым в феврале 1918 г. Агурский организовал «Интернациональный легион в помощь Красной армии» и смог привлечь советскому правительству финансовую поддержку из США.

Как пишет Электронная еврейская энциклопедия: «В начале 1920-х гг. неоднократно (иногда нелегально) посещал США, участвовал в создании компартии США, собирал средства в поддержку Советской России (формально - для помощи голодающим Поволжья)».

2 декабря 1918 г. Агурский был направлен в Могилев, из которого красноармейцы только что выбили Белую гвардию. Вот как он описывает этот период в своей книге «Еврейский рабочий в коммунистическом движении (1917–1921)», вышедшей в Минске в 1926 г.:

«Прибыв в Могилев, мы стали ходить по клубам и принимать участие в дискуссиях для того, чтобы ознакомить рабочих с основными задачами революции. В субботу 7 декабря 1918 г. мы созвали большое собрание, на котором говорили о роли еврейских рабочих в Октябрьской революции. В тот же день состоялось второе собрание, на котором была организована еврейская секция, и было постановлено основать Еврейский Комиссариат».

В июне 1919 г. Шмуэль Хаимович от имени Комиссариата по еврейским национальным делам вместе с Иосифом Сталиным подписал декрет «О закрытии Центрального бюро еврейских общин». В документе говорилось: «Учитывая позорную политику, направленную на затемнение классового сознания еврейских трудящихся масс... и вредное антипролетарское воспитание... Центральное бюро еврейских общин и все еврейские общины с их отделениями... закрыть навсегда. Все средства, а также живой и мертвый инвентарь передать местным комиссариатам».

Т.о., деньги еврейских общин были конфискованы большевиками на вполне законных основаниях. Подписав данный декрет, Агурский нажил себе среди евреев немало врагов. Не добавила уважения и его активная борьба с иудаизмом и древнееврейским языком иврит, взамен которого он пропагандировал более молодой идиш. Т.о., в религиозных кругах евреев

того времени он снискал себе дурную славу выслуживающегося перед советской властью выскочки.

Вот пример того, какими методами Агурский вел борьбу с раввинами, резниками и кашрутом из статьи Якова Басина «Советская власть в борьбе с «опиумом для народа», которая была опубликована в журнале «Мишпоха» № 10 за 2001 г.:

«Известны публичные процессы над раввинами и резниками, проходившие параллельно в нескольких городах. Некоторые носили откровенно фальсифицированный характер. Например, суд по обвинению минских резников в убийстве витебского коллеги... Суд в Минске начался 28 февраля 1925 г. Процесс получил название «Шохтим-трест» (Трест резников). С самого начала просматривалась ничем не прикрытая провокационная цель процесса - дискредитировать идею использования кошерной пищи. Материалы процесса широко освещались в прессе, по радио, с театральных подмостков... В газетах публиковались фотографии убитого молодого человека, приводились выступления прокурора, деятелей евсекции С. Агурского... Речи были полны возвышенной риторики: «На скамье подсудимых сидят не рядовые преступники, а представители тех, кто на протяжении сотен лет во имя религии сосал кровь еврейского народа» (С. Агурский). Среди виновных в преступлении назывался минский раввин Глускин. Каково же было смущение, когда выяснилось, что процесс фальсифицирован, никто не был убит, это - провокация, предполагаемый убийца Мойшке Хомон подставлен уголовным розыском, а его показания просто выбиты. Но властей это совсем не обескуражило, и пропагандистская кампания продолжалась с тем же напором. Трое резников получили сроки».

В годы гражданской войны, а точнее – в 1918-1919 гг., Самуил Агурский был комиссаром по еврейским делам Витебской губ., редактором одной из первых большевистских газет на идиш «Дер фрайерарбетер». В двадцатые годы работал в Истпарте ЦК компартии Белоруссии, затем переехал в Москву, где был в 1930 - 1933 гг. директором Испарта (Комиссия по истории Октябрьской революции) при Московском комитете ВКП (б).

В 1934 г. Агурский был назначен на должность директора Института еврейской пролетарской культуры и заместителя директора Института национальных меньшинств АН БССР. В 1936 г. он уже член-корреспондент АН БССР. К тому времени Агурский опубликовал более 30 научных работ по истории революционного движения в Белоруссии, в

т.ч. четыре монографии. Его восхождение по научной и партийной карьерной лестнице оборвалось в 1938 г.

Как считает Федор Ковалев, член Союза журналистов Казахстана, что Шмуэль Агурский стал жертвой созданной и обслуживаемой им же системы. (В ходе своих изысканий он наткнулся на свидетельства очевидцев революции 1917 г. и по-другому взглянул на эти события, по-другому оценил роль, которую в них сыграло мировое еврейство. Это были свидетельства не каких-то оголтелых антисемитов, а самих евреев). Октябрьская революция в России изначально задумывалась идеологами коммунизма, как начало Мировой революции, которая поможет установить коммунизм во всем мире. Поэтому из-за границы в Россию были направлены деньги и специалисты (в основном евреи). Однако, в 1925 г. на 14 съезде ВКП (б) Иосиф Сталин резко изменил политический курс молодого государства, отказавшись от участия в Мировой революции, ограничившись «построением социализма в одной стране».

При таком повороте событий, все иностранные агенты в правительстве стали неудобны и даже опасны. Сначала Сталин руками евреев-коммунистов-интернационалистов уничтожил еврейские общины. А потом взялся и за самих своих еврейских прислужников. Поистине дьявольский замысел.

В 1935 г. был закрыт академический Институт еврейской культуры, который до последнего времени возглавлял Агурский. В январе 1938 г. прекратил деятельность еврейский отдел Белорусской государственной публичной библиотеки им. Ленина.

И в том же 1938 г. против Агурского было сфабриковано обвинение в принадлежности к некоей еврейской фашистской организации, а также поставлена в вину вредительская деятельность в Академии наук Белоруссии. В 1939 г. Шмуэль Агурский был приговорен к пяти годам ссылки в Казахстан. Все это время он жил в Павлодаре. В последние годы своей жизни Шмуэль Агурский ударился в изучение древнееврейской истории, однако судьба вернулась к нему бумерангом. Весной 1947 г. на непродолжительное время он смог нелегально побывать в Москве и узнать возможность пересмотра его обвинения, попутно увидевшись с семьей. Однако, выяснив, что пересмотр дела невозможен, он вернулся к месту ссылки, где вскоре и умер.

В 1956 г. дело по обвинению Самуила Агурского было прекращено, а сам он реабилитирован посмертно.

Люди и судьбы

Работы Самуила Агурского:

Статья Самуила Агурского о Бунде рядом с ленинскими материалами М.И. Ульяновой, ноябрь 1929 г.

Предпринял попытку научно-литературной критики отдельных аспектов бундовской интерпретации революционного движения в Белоруссии. Автор работ по истории революционного движения в Белоруссии, редактор сборников материалов «1905 в Белоруссии» (1926), «Октябрь в Белоруссии» (1927).

Опубликовал более 30 научных работ, в т.ч. четыре монографии.

Основные работы:

- «Дер идишерарбетер ин дер комунистшербавегунг (1917–1921)» Еврейский рабочий в коммунистическом движении (1917-1921).(пер. с идиш). - Мн.: Гос. изд-во Белоруссии, 1926., 244 с.

- Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863-1917). - Мн.: Белгосиздат, 1928., 348 с.

- Московский пролетариат на баррикадах. 1905 г. - М., ОГИЗ - Московский рабочий, 1930

- «На историческом фронте: против идеализации Бунда» (идиш, М., 1930)

- Октябрьские бои в Москве. - М., Мособлпартиздат, 1932

- Борьба за Октябрь в Москве. - М., Моспартиздат, 1933

- Ленинская «Искра» в борьбе против Бунда. - Мн.: ДВБ, 1934.

- «Поалей-сионизм как агентура буржуазии и английского империализма» («Большевик Белоруссии», 1934, №5).

Каральник Б.В.

ИММУНОЛОГИЯ В СССР. ВКЛАД УЧЕНЫХ – ЕВРЕЕВ

Иммунология давно стала одной из наиболее быстро развивающихся областей науки. У сменяющихся поколений исследователей иногда не хватает времени оглянуться назад, к истокам фундаментальных прорывов даже в своей области. Иммунологам, особенно в постсоветских странах, нелишне напомнить о вкладе предыдущих поколений исследователей в развитие иммунологии.

Несмотря на известные сложности, в бывшем СССР, как и в других странах, в развитие иммунологии внесли весомый вклад исследователи еврейской национальности. В этом кратком напоминании я хочу

остановиться на роли нескольких ученых, чьи работы определили возможность многих последующих прорывов в иммунологии – науке и ее практических приложениях. При этом использованы воспоминания Г.И. Абелева [1], Б.Б.Фукса [2] и своих, к сожалению, кратких встреч с некоторыми из этих ученых.

Лев Александрович Зильбер – выдающийся ученый, иммунолог, вирусолог и онколог мирового уровня. Впервые я узнал о нем в свои школьные годы, прочтя роман В.А. Каверина «Открытая книга», не зная, как много в ней автобиографического материала. Не знал и того, что Каверин – брат Л.А. Зильбера, а имя писателя – литературный псевдоним. Когда я стал заниматься микробиологией, узнал, что Л.А. Зильбер возглавлял научную экспедицию 1937 г. в дальневосточную тайгу, в результате работы которой был открыт вирус клещевого весенне-летнего (дальневосточного) энцефалита и пути заражения им людей. Но сразу после экспедиции его посадили в тюрьму за «содействие диверсии японцев, распространявших этот вирус на Дальнем Востоке», дали десять лет. Его друзья (З.В. Ермольева – первая жена Льва Александровича, впоследствии автор советского пенициллина, известный писатель Ю.Тынянов и младший брат - В.А. Каверин) предпринимали с риском для себя усилия для освобождения ученого. Возможно, это способствовало освобождению Л.А. уже в 1939 г. Но в 1940 г. Л.А. Зильбера арестовали снова и осудили по 58-й статье. В лагере он сначала работал врачом, потом в тюремной химической лаборатории («шарашке»), где он имел возможность работать на экспериментальных животных.хлопоты друзей продолжались, Зильбера освободили перед окончанием войны. Хотя почти всю войну Зильбер провел в заключении, уже после войны ему вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне».

Наука всегда была смыслом его жизни [3], даже в застенках он оставался ученым, именно в те годы у него родилась идея о роли вирусов в возникновении рака. Лев Александрович стал основоположником онковирусологии и онкоиммунологии [4-6]. Мне посчастливилось встретиться со Львом Александровичем в 1963 г. в Институте эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи АМН, где он работал. Лев Александрович нашел время для встречи со мной уже на следующий день после моей просьбы. Были две причины, по которым я искал этой встречи. Тогда меня, наряду с выполнением плановой научной темы, заинтересовала способность эритроцитов связывать различные вещества, незадолго до этого я прочел две публикации французских авторов об

иммунологическом механизме связывания эритроцитами антигенов. А Лев Александрович давно обнаружил связывание эритроцитами в организме дифтерийного и столбнячного токсинов. Хотелось узнать его мнение, стоит ли работать в этом направлении. Вторая причина - с директором Ужгородского института эпидемиологии, микробиологии и гигиены, где я тогда работал, отношения как-то не сложились – он даже отказывался подписывать направления в журналы для публикации моих работ. Я хотел показать Л.А. последнюю подготовленную статью. Его секретарь строго предупредила: «Лев Александрович очень занят. У вас только десять мин».

На мой вопрос о возможной роли эритроцитов в иммунитете он сказал «Нет, сейчас нужно заниматься лимфоцитами». Но когда я рассказал ему о результатах французских авторов, он сказал «Молодой человек, если эти результаты будут подтверждены независимыми исследованиями, не обращайтесь на то, кто бы что ни говорил, и работайте».

Эти слова меня поразили: он не считал свое мнение непререкаемым. Это качество большого ученого, оно встречается далеко не всегда. По второй моей просьбе – статью он прочел сразу же и сказал, что ее нужно отправить в журнал, но не в тот, в который я предполагал, а в международный, который тогда издавался в Праге. Я растерянно сказал, что у меня нет направления с места работы. Он тут же позвонил в московское представительство редакции журнала, сказал, что рекомендует эту работу к печати. Этого оказалось достаточно. Статью опубликовали.

А я на всю жизнь запомнил эту встречу (она продлилась около 30 мин), высоконравственную позицию выдающегося ученого и до сих пор жалею, что, работая в научных институтах Министерств здравоохранения, не смог реально заниматься этим направлением. Единственное, что удалось сделать, это подготовить и опубликовать в начале 90-х гг. обзор «Эритроциты, их рецепторы, иммунитет».

В 1966 г. на IX международном конгрессе по микробиологии в Москве я слушал доклад Льва Александровича, в котором была выпукло показана связь мечниковской фагоцитарной теории и последующего развития иммунологии. В том же году Льва Александровича не стало, он умер на работе, в своем кабинете.

После смерти Л.А. Зильбера работы по онкоиммунологии и онковирусологии продолжили его ученики, отделом руководил Гарри

Израилевич Абелев, возглавляемый им отдел успешно работал. В отделе сохранялись заложенные Л.А. Зилбером традиции – атмосфера дружной и интенсивной работы и равноправного отношения всех сотрудников друг к другу. Но директор института О.В. Бароян, как это нередко бывает, считал, что основой его авторитета является страх всех сотрудников перед ним. На этой почве отношение администрации к отделу становилось нестерпимым.

После долгих сложностей, напрямую мешавших работе, Г.И. Абелеву вместе со своими сотрудниками пришлось перейти в Центр онкологии, который создал Николай Николаевич Блохин. В этом центре лаборатории, созданные Л.А. Зильбером, смогли плодотворно работать [1]. С Гарри Израилевичем уже позже мне удалось встретиться в Институте экспериментальной онкологии этого Центра, хотелось обсудить полученные нами результаты по взаимодействию сорбированных иммуноглобулиновых препаратов с различными лимфоцитами. По этой же причине я пришел и к Роальду Соломоновичу Незлину в Институт молекулярной биологии. Обе встречи оставили приятное впечатление, несмотря на то, что оба исследователя этим конкретным вопросом не занимались. И Роальд Соломонович, и Гарри Израилевич откровенно об этом сказали, но отнеслись ко мне очень благожелательно.

С Ароном Евсеевичем Гурвичем мне встретиться не пришлось, но по литературе я знаю о его и Р.С. Незлина принципиальном вкладе в иммунологию, они открыли закодированность молекул антител в генах и сообщили об этом на конгрессе по онкологии 1964 г. в Москве. По воспоминаниям Бориса Борисовича Фукса, присутствовавшего на этом конгрессе, многие американские и европейские ученые - участники конгресса после этих докладов поспешили, до окончания конгресса, вернуться в свои лаборатории, чтобы срочно взяться за работу. Переоценить значение этого открытия для дальнейшего развития иммунологии невозможно. Развивая эти исследования, многие иммунологи получили в дальнейшем Нобелевские премии.

Нужно вспомнить и о Г. Свет-Молдавском, впервые доказавшем существование особых лимфоцитов – натуральных киллеров, которые уничтожают клетки человека и животных, пораженные инфекционными возбудителями, и раковые клетки, а также Б.Б.Б. Фукса, внесшего значительный вклад в изучение подавления иммунитета клетками злокачественных опухолей.

Значение исследований этих ученых нужно оценивать не только по роли их открытий для развития фундаментальной иммунологии и онкоиммунологии, но и по практическим следствиям их работы для сегодняшней медицины. Только немногие примеры: дальнейшее развитие вирусогенетической теории онкологических заболеваний привело к созданию профилактических вакцин: папилломавирусных против рака шейки матки и ряда других локализаций; вакцины против гепатита В, предупреждающей развитие рака печени. Сегодня разрабатывают лечебные вакцины против рака и иммуногенетические методы лечения онкологических больных. Стоит привести еще один пример практических следствий достижений, которые стали возможными благодаря фундаментальным открытиям иммунологов и последующих достижений молекулярной биологии: в США уже успешно лечат острые и хронические лейкозы у детей и взрослых, создавая и применяя индивидуальную генетическую модификацию их Т-лимфоцитов. Стоимость такого лечения меньше, чем химиотерапии и трансплантации, а эффективность, судя по опубликованным результатам трехлетнего применения, более высокая.

1. Г.И. Абелев «Школа Льва Александровича Зильбера в вирусологии и иммунологии рака». В: «Вопросы истории естествознания и техники». М. 2002 г. №1. С 136 – 158.-Г.И. Абелев «Драматические страницы истории отдела вирусологии и иммунологии опухолей» Там же №2. С 313-355.
2. Б.Б. Фукс Принципиальные достижения в лечении раковых больных путем генной модификации их Т-лимфоцитов// In: Massachusetts' club of Russian-speaking scientists. Сборник «Второе дыхание». Информационный бюллетень "Intellect". 2015. - №31.-с.111-115.
www.russianscientist.org/archiv_1.htm
3. «Лев Александрович Зильбер (1894 - 1966). Жизнь в науке». М.2004 г.
4. Л.А. Зильбер «Вирусная теория происхождения злокачественных опухолей». М. 1946 г. (примечание - это первая монография по онкоиммунологии).
5. Л.А. Зильбер, Г.И. Абелев «Вирусология и иммунология рака». М. 1968 г.
6. Л.А. Зильбер «Вирус-генетическая теория возникновения опухолей». М. 1968 г.

БИНЬЯНЕЙ ГАУМА – СИОНИСТСКИЙ ЗАМОК НАРОДА

Все, кто побывал в Иерусалиме, хорошо знают одно из самых больших и красивых в городе зданий, которое называется на иврите Биньяней Гаума (Здания Нации). Название здания в множественном числе не преувеличение: это целый комплекс различных залов, вспомогательных помещений. Здесь проводятся международные сионистские конгрессы, конференции, выставки, книжные ярмарки, театральные спектакли. Здесь состоялся конкурс Евровидения. Недавно здесь прошла многотысячная свадьба девушки по имени Сарра Литман, отца и брата которой накануне ее свадьбы зверски убили террористы. Весь Израиль пришел поддержать осиротевшую семью.

Просторные залы здания позволяют осуществить самые смелые и оригинальные проекты. Легкий и элегантный силуэт этого комплекса является неотъемлемой частью иерусалимского пейзажа.

В этом году Биньяней Гаума исполнилось 60 лет. История его создания связана с именем Александра Мануиловича Евзерова, который мог бы сказать, используя слова известной советской песни: «А без меня здесь ничего бы не стояло!». А какое отношение все это имеет к теме конференции? Самое прямое: Александр Евзеров известен как сионистский общественный деятель в Западной Сибири с 1915 по 1920 гг.

Александр Евзеров (1894-1973 гг.), уроженец г. Прилуки, что на Украине, учился в Петербургском университете на юридическом факультете, продолжил юридическое образование в Томском университете с 1915 г. Затем стал известным адвокатом. Один из активных руководителей западно-сибирского сионистского движения. С 1917 по 1920 гг. - редактор нескольких еврейских газет в Сибири: «Известия Временного Западно-Сибирского Районного Комитета Сионистской Организации», «Сионистская Мысль», «Еврейская жизнь». В 1920 г., после прихода большевиков, сумел перебраться в Китай. Там он создал еще одну газету «Сибирь-Палестина». Там же организовал отправку трех групп репатриантов в Палестину, связавшись с британским консулом в Китае, который и подписал все необходимые документы. Сам он вошел в последнюю, третью группу [1]. 12 июня 1921 г. в семь часов утра пароход «Ниппон» отправился в страну Израиля [2]. В своем стихотворении «Мой путь» Евзеров утверждает:

«Я не бежал. Бегут без цели.

А я ушел. И знал куда.

Иные дали голубели.

Иная грезились мечта» [3].

Где бы ни был Евзеров, везде он создавал, организовывал, объединял, придумывал. Человек активный, неутомимый, настоящий «фонтан идей».

Приехал в страну Израиля в 1921 г. Сначала работал строительным рабочим по прокладке дорог в составе «сибирской группы» [4], трудился на цитрусовых плантациях. Вскоре заболел тропической лихорадкой, лежал в больнице. Друзья посоветовали Александру уйти со стройки, не рисковать здоровьем, найти другую работу [5]. Он переезжает в Тель-Авив-Яффо в 1923 г. В том же году создает и возглавляет газету «Торговля и промышленность» [6]. 1 января 1923 г. выходит первый номер [7]. В газете публикуются материалы в помощь будущим или уже существующим владельцам бизнесов и небольших предприятий [8]. Год спустя, в 1924 г. Евзеров создает акционерную кампанию под тем же названием «Торговля и промышленность» для организации выставок израильской продукции.

Палестина в то время была сельскохозяйственной страной. Не было ни торговли, ни промышленности, и сами идеи новой кампании вызывали недоумение и насмешки. Но недаром Теодор Герцль сказал: «Если захотите – это не сказка!». Евзеров с его сибирской «закалкой» был привычен создавать, не бояться новых идей, смело и решительно претворять их в жизнь. В рамках кампании Евзеров организует выставки. Первая выставка с успехом прошла в 1924 г. в Тель-Авиве, на бульваре Ротшильд. В 1925 г. состоялась выставка в Вене, столице Австрии. Всего с 1923 по 1939 гг. организованы семь ярмарок израильской промышленности под названием «Ярмарки Востока» в Израиле и зарубежом [9]. Эти красочные, яркие, воистину восточные ярмарки привлекли множество народа, их помнят до сих пор. А эмблемой ярмарок был летающий верблюд, созданный по эскизу известного архитектора Арье Эльханани. Это может служить иллюстрацией характера самого Евзерова – неисправимого оптимиста, который мог заставить «взлететь» даже такое медлительное животное, как верблюд!

Прошло восемь лет. По решению Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. Израиль должен был стать самостоятельной административной единицей под управлением ООН. После арабо-

израильской войны 1948-49 гг. Иерусалим разделен на две части: восточная отошла к Иордании, западная - к Государству Израиль.

Менахем Усышкин, один из видных сионистских деятелей страны, председатель Еврейского Агенства «Сохнут» вспоминает: «Город был расколотый и израненый. Из разделенного города жители уезжали в другие города, например, в Тель-Авив. А другие не торопились сюда приехать». Что же будет с Иерусалимом? И как раз в это время в 1949 г. Евзеров переехал в Иерусалим, чтобы поставить город на ноги [10].

Мечтатель и фантазер, Евзеров выносил и «родил» свою мечту. Кто знает, когда впервые появилась она - эта сияющая сионистская мечта? Может быть, во время бесконечных поездок по снежным просторам Западной Сибири с рассказами и лекциями о далекой еврейской стране? Созданные им библиотеки, клубы, кружки по изучению языка иврит, еврейской истории – все это было лишь сионистской прелюдией к главному - жизни и созиданию в стране Израйля!

Вот тогда, наверное, он и размечтался об огромном сионистском замке в святом городе! Но ведь мечтать – это одно. А надо уметь еще поверить самому и заставить поверить других в истинности твоей идеи. А убеждать Евзеров умел, как вспоминал Менахем Усышкин [11]. В 1949 г. Евзеров озвучил свою давнюю идею о Дворце Нации и поделился ею с Давидом Бен-Гурионом, первым премьер-министром молодого государства. Сумел убедить в необходимости проекта.

В 1949 г. Иерусалим стал официальной столицей Израйля - и сюда переехали израильский парламент-Кнессет, правительство, министерства. Здание укрепило бы статус столицы, превратило бы город в крупный промышленный, научный, культурный центр [12]. В том же году было принято правительственное решение о начале строительства. Заложен краеугольный камень на месте будущей стройки. Евзеров возглавил две кампании по руководству стройкой. Одна из них называлась «Биньяней Гаума – Здания Нации», а другая – «Кампания выставок».

Строительство «Дома Конгрессов», как называли тогда новый объект, началось в 1950 г. В 1953 г. деньги на стройку закончились. У новостройки оказалось много противников. Посыпались упреки в слишком дорогом проекте для бедной страны. Это стало темой в прессе, мол, зачем нам нужен этот Колизей! Это ведь «Свалка Нации», «Позор Нации». Град критики в прессе обрушился на голову Евзерова. Но он не сломался, не впал в отчаяние. В те нелегкие для него дни у него родилась блестящая идея: развернуть выставку в честь пятилетия создания

государства Израиль и назвать ее «Покорение пустыни». Ведь Евзеров был королем выставок, умел и любил их создавать. Он говорил о себе, что родился для создания выставок. В его послужном списке было 50 выставок в Израиле и зарубежом [13].

Сказано-сделано! В том же году, 22 сентября 1953 г. в Иерусалиме открылась международная выставка «Покорение пустыни». Множество павильонов, которые элегантно скрывали недостроенные стены здания, в то же время раскрывали перед восхищенными посетителями все чудеса торговли, промышленности, сельского хозяйства, сотворенные талантом и умением, руками израильтян. В течение трех недель здесь перебывало полмиллиона чел., не менее половины жителей страны. Символом выставки стал рисунок, на котором изображена поднятая рука с нежным цветком розы на желтом песчаном фоне [14]. Выпущена специальная марка с этим рисунком. Это иллюстрация тех чудес, которые раскрывались на пустынных землях с помощью умелых еврейских рук.

На открытии присутствовала вся элита молодой страны: политики, ученые, художники, артисты, музыканты, заграничные гости. Все были поражены, как много сделано за пять лет. И куда это подевались все критики?! Наверное, они были заняты рассматриванием многочисленных павильонов!

Выставка прошла, нашлись деньги, на которые здание достроили. Александр Мануилович не сломался, выстоял, добился воплощения своей идеи в жизнь [15]. Это был поразительно энергичный человек! В 1955 г. по предложению тогдашнего премьер-министра Моше Шарета он стал ответственным при правительстве за область туризма. Уже витали в воздухе идеи новых выставок : три тыс. лет Иерусалиму. Одновременно развертываются выставки, посвященные Иерусалиму, в Афинах и Стамбуле – это столицы государств, владевших когда-то страной Израйля. При этом Евзеров не оставлял заботы о любимом детище – строительстве Биньяней-Гаума [16].

Мало кто помнит сейчас, как «рождался» Дворец нации. Зато помнят имя Александра Мануиловича в самом комплексе. Об этом позаботились дети Александра Мануиловича, дочь Мануэла и сын Габи. Они написали письмо руководству комплекса, в котором напомнили о том, что именно энергия и оптимизм их отца привели к созданию этого великолепного дворца. Они напомнили, что еще в 1974 г., в первую годовщину смерти Евзерова было принято решение о наречении одного из залов его именем. Письмо написано 11 марта 1990 г. [17]. Теперь среди многочисленных

Люди и судьбы

залов есть зал, который носит имя Александра Мануиловича Евзерова. Руководство Биньяней Гаума выполнило это справедливое решение – присвоить имя Евзерова - сионистского мечтателя, который «во глубине сибирских руд» не только «хранил гордое терпенье», как писал Александр Сергеевич Пушкин, но не боялся мечтать и умел претворять свои мечты в жизнь.

О своей любви к стране Израйля Евзеров пишет в стихотворении «Мой путь»:

«И, пусть была полуживая,
С тобой нам быть или не быть...
Ведь ту, что строили, страдая,
Не разлюбить и не забыть!».

1. Центральный Сионистский Архив, Личный архив А.М. Евзерова, А 458/27.
2. <http://www.jewsofchina.org/JewsOfChina>.
3. Центральный Сионистский Архив, А 458/43, Стихи А.М. Евзерова.
4. Об этой «сибирской группе», к сожалению, ничего не известно. Это члены трех групп, которые отправил Евзеров в страну Израйля, прошедшие специальную подготовку, скорее всего, в Китае, откуда приехали. Они были готовы к любому труду в существующих нелегких условиях. Воспоминания А.М. Евзерова о Моисее Новомейском, А 458/36.
5. Davar, Friday 16, 1953, p.1.
6. Центральный Сионистский Архив, Личный архив А.М. Евзерова. А458/27.
7. Это словосочетание «Торговля и промышленность» дало название министерству, которое так и называется «Министерство Торговли и промышленности».
8. Mischar veTaasiya, Januar 1923 (Торговля и промышленность). Газета выходила до 1933 г. на языке иврит.
9. П.Гольдштейн, Мир судится добром, Иерусалим 1980, стр.95-96.
10. Центральный Сионистский Архив, Личный архив А.М. Евзерова, А 458/27.
11. Центральный сионистский архив, Личный архив А.М. Евзерова, А 458/27.
12. Davar, April 13, 1950, p.1.
13. Davar, October 16, 1953, p.1.
14. Каталог, Всемирная выставка «Покорение пустыни», Иерусалим 1953 г. (иврит).

15. Менахем Усышкин, глава Еврейского агентства «Сохнут» вспоминал, что дал часть денег на окончание строительства. Центральный Сионистский Архив, А 458/27.

16. Моше Шарет и его наследие, 30/10/1953, личный дневник, <http://sharett.org.il>.

17. Центральный Сионистский Архив, А 458/36 Биньяней Гаума.

Ульман А.И.

И В АЛМА-АТЕ ОН ОСТАВАЛСЯ ОДЕССИТОМ

До сих пор имя проф. Александра Давидовича Бернштейна хорошо помнят сотрудники Академии спорта и туризма, в научных кругах медиков и биологов, среди еврейской общины Алматы, но особенно с теплотой и уважением говорят о нем те, кому этот в высшей степени неординарный человек помогал использовать мощь организма для достижения высоких результатов в спорте.

Александр Давидович прожил 91 год. Этим долголетием он подтвердил материалы своих научных изысканий, продемонстрировал умение в сложных житейских ситуациях моментально находить необходимое, единственно верное решение. Уже сами вехи его биографии могут на все сто процентов оправдать выше приведенную оценку. Он видел и познал многое. Жизнь дореволюционной России, остроконфликтную, полуразгульную, пропитанную соками жизнеутверждающего юмора, одесскую действительность эпохи гражданской войны и начала НЭПа, динамизм и каток репрессий конца 20-30-х гг., тяготы Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет, время хрущевской оттепели, период т.н. «развитого социализма».

Когда смотришь записи в его «Личном деле», содержащем 94 листа, то там мелькает поистине калейдоскоп городов, исследовательских учреждений и учебных заведений. Сам этот калейдоскоп – показатель не столько стремления «к перемене мест», сколько умение супер обостренным чутьем улавливать мельчайшие флюиды опасности и вовремя уходить из-под удара. Но при всем том, неизменные труды по исследованию физиологии человека и их связь с потенциями организма.

Конечно, все, о чем шла речь, значимо для создания образа человека эпохи. Но этот образ, естественно, будет не полным, если под него не

подвести необходимую базу фактов и сведений той действительности, которая сформировала столь незаурядную личность.

Сын преуспевающего врача Давида Бернштейна – Александр появился на свет в славной Одессе на исходе XIX в. – в 1899 г. Отец постарался, чтобы его чадо получило хорошую образовательную подготовку, и Саша Бернштейн был зачислен в одну из пяти т.н. казенных гимназий, в которых существовала 12-процентная норма для евреев. Он покинул стены этой гимназии за год до захвата власти большевиками – в 1916 г. и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Дерптского (Юрьевского) университета, известного своими богатыми научными традициями. Правда, через год Александр перевелся на медицинский факультет. Здесь за годы упорной учебы он получил фундаментальную подготовку для занятий на смежных направлениях медицины, биологии, химии и физики.

Разразившаяся гражданская война, своими неожиданными конвульсиями вынудила Александра покинуть размеренный и чинный Тарту и перебраться в шумную, но родную Одессу. Здесь он продолжил учебу в медицинском институте. Закончив его в 1922 г., он становится ассистентом кафедры патологической физиологии. Целых семь лет было отдано работе на этой кафедре, но одновременно Александр совершенствует свои познания в области аналитической химии и физико-химической биологии под руководством проф. Коншина и Рубинштейна. Пожалуй, последний во многом определил научные интересы Бернштейна, и он целый год (1929) трудится в Украинском химико-биологическом институте под руководством академика Паладина.

Мы не располагаем конкретными данными и не можем с точностью сказать по направлению, рекомендации или иным соображениям А. Бернштейн в 1930 г. переезжает в Оренбург, где возглавляет кафедру патологии и физиологии в местном зооветеринарном институте. В этом же году в возрасте 31 года он утвержден профессором, что в той среде – биологов, химиков, медиков, как правило, проходило на десять-15 лет позже.

Судя по всему, Москва заметила и оценила достоинства молодого исследователя и профессора. Александр Бернштейн решением президиума Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина переводится в состав ведущих сотрудников академии, закрепив за ним лабораторию физиологии размножения.

Два года работы в Москве, в то бурное время, когда страна едва оправилась от штурма коллективизации, а Иосиф Сталин начал готовить

великую чистку правящей партии и общества, стали великим уроком и назиданием для Александра Давидовича.

Аналитик по складу ума он с теплотой вспоминает тех, кто привил ему вкус и интерес к пониманию и осознанию малейшей угрозы. Анкетные данные сухо иллюстрируют этот момент в судьбе Александра Давидовича. Из Москвы он перебирается в Курск, затем в Омск, потом в Иваново. Судя по всему, город ткачих – Иваново его очаровал, и Александр Бернштейн задержался в нем на целых десять лет. Здесь он влюбился в свою студентку-красавицу Веру и вторично женился.

В характеристике, выданной 12 марта 1949 г. в связи с переходом на новую работу, руководство Ивановского медицинского института отметило: «Профессор Бернштейн А.Д. проработал свыше десяти лет в Ивановском медицинском институте в должности заведующего кафедрой биохимии. За время работы в указанной должности он проявил качества первоклассного лектора и энергичного, крупного научного исследователя. Руководимая им кафедра выполнила за истекший срок свыше 40 научных работ...».

Эзопов язык характеристики сухо передает итог того, что было сделано в поистине нечеловеческих условиях голодного тыла воюющей страны и в первые послевоенные годы. И даже в этих условиях коллектив кафедры не прекращал научных изысканий, которые находили практическое применение в размещенных в городе нескольких госпиталях, откуда медслужбы непрерывно черпали пополнение выздоравливающих бойцов для фронта. Тогда же был сформирован и солидный научный задел, что послужило основой подготовки целой группы кандидатов и докторов наук.

Александр Бернштейн мог теперь спокойно оставить кафедру новому поколению исследователей. Отчасти это было связано еще с двумя факторами. В 1948 г. он выпустил в «Медгизе» - крупном специализированном московском издательстве небольшую по объему книгу «Против универсализма и упрощенчества в медицине». Собственно он доказывал в ней старую истину – что хирург должен быть хирургом, специалист по легочным болезням – пульмонологом, по глазным – офтальмологом. Для него главным был профессионализм, а не верхоглядство. Естественно, что подобный подход вызвал появление немалого числа обиженных, которые решили использовать начавшуюся в стране по указанию «отца народа» политическую компанию по борьбе с «безродными космополитами» для расправ со

своими соперниками и неугодными. Своим сверхчутьем Александр Давидович это понял, и он переходит на работу в Пятигорский фармацевтический институт, где избирается на должность заведующего кафедрой биохимии. Но его противники не утомились и по надуманным причинам его через два месяца «в порядке дисциплинарного взыскания» освобождают от этой должности. Более того, лишают права участвовать в конкурсах на замещение любых должностей во всех медицинских вузах тогда единой страны.

Справедливости ради следует отметить, что вскоре приказом Министерства здравоохранения его назначают заведующим экспериментальным отделом Пятигорского бальнеологического института.

В этом курортном городе Александр Бернштейн проработал почти два года. В ту пору, именно на Северный Кавказ была переориентирована деятельность многих лечебно-оздоровительных и связанных с ними научно-исследовательских центров. Сам Бернштейн считал своим долгом исследователя дать этим центрам и учреждениям более надежные данные и рекомендации по восстановлению здоровья участников войны и тружеников тыла.

В целом Кавказские минеральные воды, в т.ч. Пятигорск, становятся объектом особого внимания высшего руководства страны еще и потому, что там, на водах лечилась и набиралась сил главным образом партийно-советская элита. Работы же Бернштейна целенаправленно доказывали – защитные функции организма используются недостаточно полно, необходимо понять, как же их включить в действие, как свести до минимума присущие организму патологии. Собственно, он вел борьбу за жизнь людей, за их долголетие и в этом находил свое предназначение.

Однако, еще с конца 1947 г. в советской биологической науке обострилась борьба между сторонниками печально знаменитого Трофима Лысенко, и теми, кто стоял за подлинно научные контакты, за науку, которая развивается не в вакууме отрешенных идей, а в среде противостояния мнений.

Как получилось, что высшее партийное руководство страны не поняло той простой истины, что монополизм Лысенко противоречит самому духу гегелевской диалектики, а стало быть, духу марксизма, сказать трудно. В обществоведении ответ пока до конца не дан. Скорее всего, И.Сталин, занятый другими делами, в эту деталь не вникал, а его т.н. философы-помощники Г.Ф. Александров, П.Ф. Юдин и др. были

недостаточно подготовлены и не смогли разглядеть в своих доводах взрывной механизм самоуничтожения.

Постараемся пояснить нашу мысль.

Великая Отечественная война доказала советскому руководству, что идейной константой победы был патриотизм, а отнюдь не пролетарский интернационализм. Шаблонно мыслящие советские идеологи приходят к выводу, что интернационализм не нужен, а его либеральное толкование – космополитизм враждебно в силу того, что оно отрицает патриотизм под флагом идеи, что любой человек – это гражданин мира (космоса).

Противопоставление патриотизма и космополитизма идеологи решили распространить далеко за пределы общественнознания и стали навязывать свое понимание биологам, химикам, физикам, математикам, языковедам и т.д. Эта в высшей степени порочная кампания нанесла огромный вред советской науке и стала орудием гонений и расправ с теми, кто продолжал отстаивать идею сохранения научных контактов, ибо наука не имела и не имеет идейно-политических, территориальных и иных границ.

Весной 1951 г. – в самый разгар сталинского государственного антисемитизма Бернштейн перебрался в Алма-Ату. Здесь он поступил на работу в Казахский государственный институт физической культуры в качестве заведующего кафедрой физиологии. Но и здесь он становится объектом травли бюрократов от науки, нашедших себе нужных клезнуков.

В ректорат поступает постановление ученого совета Пятигорского бальнеологического института, где ставятся под сомнение данные исследований проф. Бернштейна, и делается попытка приклеить ему ярлык противника советской науки. Заметим, что это постановление было принято год спустя после отъезда Бернштейна в Казахстан и в основе своей укладывалось в кампанию борьбы с «безродными космополитами», которая, следует прямо сказать, носила антисемитский характер.

Четыре страницы машинописного текста постановления по сути своей представляют собой сведение счетов с оппонентами по отдельному конкретному факту. Бернштейн с одним из своих сотрудников написал письмо Министру здравоохранения СССР, где ставился вопрос о нецелесообразности ставки на радоновое лечение во всех городах курортной зоны Северного Кавказа. Обосновывал он это тем, что сам по себе радон полезен определенной группе лиц, но противопоказан другим.

Эти доводы Бернштейна оппоненты решили взорвать приклеиванием ярлыка космополита.

К чести ректора института физической культуры Хамзы Мухамеджанова надо отметить, что он отбросил в сторону пятигорскую клевету и дал возможность Александру Давидовичу заниматься своими делами. И он с энтузиазмом окунулся в научно-исследовательскую и учебно-методическую работу.

Человек изумительного педагогического мастерства и глубокого и оригинального мышления сразу стал всеобщим любимцем. Его лекции слушали студенты и специалисты. Профессор-эрудит, как всегда говорил без конспекта, вдохновенно объяснял актуальнейшие проблемы физиологии спортсмена.

Бернштейн выступает на научных конференциях, симпозиумах, практических семинарах с докладами и сообщениями о результатах своих изысканий. Это имело место в Москве, Ленинграде, Киеве, Ташкенте. Наряду с этим он опубликовал большое число статей и подготовил две превосходные монографии - «Человек в условиях среднегорья» и «Физиологические основы питания спортсменов», которые по сей день являются для многих тренеров настольными пособиями в их повседневной работе по подготовке новых поколений казахстанских спортсменов.

Общепризнано, что, если научные идеи длительное время остаются на вооружении той или иной группы общества, то они современны по своей сути, а значит верны. И далеко не случайно обе монографии получили положительную оценку многих ведущих специалистов не только Казахстана, но и ряда зарубежных стран.

Мы уже вели речь о том, что Александр Давидович на любом участке своей научно-исследовательской деятельности заботился о новом поколении тружеников науки. Так было и в Алма-Ате. В числе его учеников следует назвать к.б.н. А.К.Нурмаханова, десятикратного чемпиона Казахстана по боксу, наставника сборной команды республики на олимпийских играх в Атланте; к.пед.н. М.У.Хвана, создавшего проблемную научно-исследовательскую лабораторию «Высокогорье и спорт» и подготовившего 117 конькобежцев высокого класса; д.б.н. А.С.Иванова, многие годы возглавлявшего лабораторию медико-биологического обеспечения подготовки спортивного резерва и опубликовавшего более 250 работ по физиологии и биохимии спорта.

Люди и судьбы

В 1969 г. в возрасте 70 лет Александр Бернштейн вышел на пенсию, оставаясь бодрым физически и молодым в душе человеком. Вскоре он уехал из Алма-Аты.

Когда начали рушиться стены железного занавеса, Александр Давидович решил побывать на исторической родине. В Израиле его остановка затянулась на десять лет. Оттуда он переехал в США, где наверняка с гордостью и грустью вспоминал об Алма-Ате, где за 18 лет работы создал школу своих последователей.

В заключение остается только сказать, что неутомимый труженик А.Д. Бернштейн – одессит в полном смысле слова. Остроумец, всегда и везде был душой компании, любил друзей и никогда не оставался равнодушным к красивым женщинам.

Опубликовано в Республиканском Еврейском вестнике «Давар» (*прим. ред.*)

Енисеева-Варшавская Л.Л.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Мне было бы, наверное, легче и короче по времени написать об отце строго документальный материал, и это, конечно, дало бы определенное представление о нем и его времени. В идеальном виде это выглядело бы так:

Лев Игнатьевич Варшавский – историк-публицист, литературный и театральный критик, киновед. Родился 2 июня 1904 г. в Петербурге. Отец - Игнатий Самойлович Варшавский (1859-1919), юрист. Мать - Роза Исааковна (1872-1942), домохозяйка. Окончил факультет общественных наук Ленинградского университета. В 1918 г. работал в Главной книжной палате. В 1919-1920 - рабочий Трудовой коммуны. Имея блестящее семейное воспитание, владел восемью иностранными языками, благодаря чему его в 1921 г. принимают на работу переводчиком в секретариат Коминтерна. Вместе с тем он становится личным секретарем Карла Радека - члена ЦК РСДРП, одновременно члена Исполкома Коминтерна. 1926-1928 - зав. кабинетом иностранных языков Военно-политической академии. 1928-1937 - журналистская работа. Печатался в «Ленинградской правде», «Известиях», «Красной Звезде», «Красной газете». Редактор ЛенОГИЗа. 1938 год – арест. В 1939-м приговором суда выслан в Алма-Ату. 1940-1941 - старший научный сотрудник библиотеки им. А. С. Пушкина. Декабрь 1941 г. - январь 1946 г. - уполномоченный

Союза писателей Казахстана и председатель русской секции Союза писателей Казахстана (нештатно). Устраивал жизнь и быт эвакуированных деятелей культуры. 1946-1948 - научный сотрудник, и.о. зам. директора по научной части библиотеки им. А. С. Пушкина. Начиная с кампании космополитизма 1948 г. по май 1958 на работу нигде не брали. В 1958 г. по приглашению Шакена Айманова Варшавский пришел на студию «Казахфильм», где до последнего дня своей жизни руководил сценарной мастерской. Умер 23 мая 1967 г. в Алма-Ате.

Вот, собственно, и весь сказ того самого назывного плана, который именуется биографической справкой. И если она, эта справка, кого-то устроит, то, значит, я уже выполнила свою задачу. Но, влекомая желанием наполнить каждую строку этого сообщения более конкретным жизненным содержанием, я с позволения составителей этой книги хотела бы расширить рамки обусловленного нами объема и рассказать об отце так, как сделала бы это, сидя за большим, вмещающим множество друзей столом в нашей всегда открытой для гостей квартире. Рассказать с любовью к нему и величайшей признательностью за все, что он дал мне и всем соприкоснувшимся с ним людям.

Итак, начну с казахстанского периода, а точнее с ухода отца из жизни, вместе с которым ушел целый мир. Это сразу же и очень обостренно почувствовали многие. Духовное сиротство ощутили его ученики - выпускники и учащиеся сценарной мастерской при киностудии «Казахфильм», а также друзья - писатели, актеры, художники, кинематографисты, журналисты, музыканты...

«Вы знаете, он так много сделал для нас, - призналась мне много лет спустя Людмила Ярошенко, актриса Академического русского театра драмы им. М. Ю. Лермонтова, а потом театра «Ромен». - Знать театр - еще мало, надо любить его, болеть его болями, радоваться его радостями. Мне кажется, я обязана Льву Игнатьевичу тем, что выросла в актрису. В рецензиях на наши спектакли он не просто делал разборы, проставляя оценки, как в школьном классе по пятибалльной системе. Он предугадывал в наших начинаниях завтрашние возможности. Верил в нас, подсказывал путь, по которому идти. А это куда ценнее восторгов и похвал».

Да, отец был внимателен к каждому проявлению человеческих способностей и таланта. В лирической веренице юношески подражательных строк моей подруги - студентки-первокурсницы Тамары Мадзигон он высмотрел одну: «Косят сумерки срезы домов». Извлек из

Люди и судьбы

вороха виршей, стряхнул есенинский налет и сказал: «Это - твое. Так надо писать. Ты будешь поэтом». Слова его сбылись.

Люди благодарны за внимание к ним. В разных городах Советского Союза приходилось мне встречать живущих этим чувством его друзей и учеников. Сколько радости, скажем, принесло понимание ими того, что именно дала так называемая «академия Варшавского», то бишь, сценарная мастерская студии «Казахфильм», которой он руководил. Многие ее слушатели стали драматургами, режиссерами, киноведами, операторами. А сколько туда ходило народу, не связывавшего свою жизнь непосредственно с кино! Для духовного наполнения.

Сам прекрасный педагог, создавший свою систему, свой творческий стиль занятий, он приглашал участвовать в подготовке молодых специалистов видных деятелей кино. Приезжали Абрам Роом, Михаил Блейман, Юлий Райзман, Михаил Папава, Николай Крючечников, Михаил Вольпин, Николай Кладо и др. крупнейшие мастера кино. Мастерская была для него любимым детищем. Занятия шли в студии, продолжались у нас дома. И даже будучи в больнице в безнадежном состоянии, он настаивал, чтобы к нему пускали его учеников. Готовились творческие работы к конкурсу во Всесоюзном государственном институте кинематографии (ВГИК), и он очень заботился, чтобы ребята достойно себя показали на нем. Его лекции были классическим образцом даже для вгиковцев. В них было плотно сконцентрировано основное ядро институтской программы, которую он во время занятий начинал своей эрудицией. Его школа основывалась не только и не столько на требовании знания конкретностей, сколько на воспитании интеллекта, развитии мышления.

Несомненно, он обладал талантом педагога. Вот один, казалось бы, малопримечательный случай. Отец очень любил марки, и каждое новое приобретение было для него огромной радостью. Он называл это «поймать рыбку». Каждый день он заглядывал в филателистический отдел книжного магазина, а по воскресеньям отправлялся на «рыбную ловлю». Однажды он заметил, как у витрины долго в скованной нерешительности топчется мальчик.

- Ты что, не знаешь, какую марку выбрать?
- Нет, я смотрю.
- Для интереса?
- Нет, я коллекционер.
- Коллекционер - это хорошо. А сколько марок в твоей коллекции?
- Это будет первая.

Н-н-нда! Первая! Это было серьезно. И вот уже оба, старый и малый, забыв обо всем на свете, выбирают самую главную, самую первую марку, которая положит начало будущей коллекции. И когда, наконец, она трепетно легла на мальчишечью ладонь, то, как награду за увлеченность, отец торжественно вручил ему еще с десятков марок.

Это был один из наглядных уроков доброты. Доброты, которая проявлялась во всем. Если кого-то покидал близкий, он утешал: «Не говори с печалью нет, но с благодарностью - были». Любил повторять: «Относитесь к людям хорошо, пока они живы». Старался не судить, а рассудить, не затрагивал болезненных струн, ждал, когда человек откроется сам.

Досадно, что сам он многого о себе так и не узнал. Уже после смерти его пришло неожиданное письмо от Бориса Неверова, сына известного по книге «Ташкент - город хлебный» писателя Александра Неверова. Борис Александрович просил сообщить о том, как сложилась судьба его бывшего воспитателя. Ему это было нужно для книги воспоминаний «Полвека в Москве», где «несколько страничек будет посвящено дорогому для моей памяти человеку - Льву Варшавскому». Инженер по профессии, Борис Александрович через пятьдесят с лишним лет вернулся к мечте своего детства - стать литератором. «В 1924 г. я вступил в школьное творческое объединение при редакции «Крестьянской газеты», - пишет он. - Вожатым этого объединения был Лев Варшавский. Мне было тогда 11 лет. На наших сборах Варшавский много рассказывал нам о Коминтерне, где он работал переводчиком, и революционной борьбе. Всем отрядом мы ходили в Музей революции и Политехнический, а больше всего были связаны с Домом печати... Летом 1925 г. мы выезжали на берег Москва-реки, жили в палатках, пекли картошку - тогда это было нам в диковинку. Почетным оружием у нас был штык от трехлинейной винтовки. Я был в отряде барабанщиком. Часто Варшавский хорошо говорил о повести моего отца. У меня на всю жизнь осталась о нем память как о первом политическом и литературном наставнике».

Люди творчества и науки - мастера искусств и солидные ученые мужи - делились с ним своими замыслами, идеями, выверяли в доверительных беседах верность своих постулатов. Приходящего в дом всегда ждала чашка крепкого чая. К «чаю по-Варшавски» стремились, как к колодцу в пустыне. Он был круто настоен на букете застольного разговора, остроумного шаржа, удачного анекдота, эпиграммы и, конечно же, дружеского понимания.

Люди и судьбы

«А в нашем доме чай кипит,и пить его мы не устанем», - славил своей шуточной поэмой кинорежиссер Александр Яковлевич Карпов эти чаепития. Сколько раз во время них устраивались литературные читки, после которых разгорались споры и дебаты, до глубокой ночи обсуждалось то, что завтра находило воплощение на театральных подмостках, съемочной площадке, в выставочном зале, на журнальных страницах и в газетных строках!

Помню как беспокойно, с творческими муками, яростными баталиями рождался у Александра Яковлевича путь «Красного каравана», который пролег на экране «Дорогой в тысячу верст». Как полемично слагался эпический «Сказ о матери», когда Карпов решал для себя проблему - быть фильму сказом, песнью или притчей?

С подлинным артистизмом, на все голоса проигрывая написанное, читала свою чеканную прозу прошедшая все этапы сталинского ГУЛАГа замечательная писательница Анна Борисовна Никольская. Преодолев стеснение, просил выслушать очередной рассказ Сергей Николаевич Мартыанов, которому именно отец посоветовал после демобилизации того из армии писать о пограничниках. Потом Сергей Николаевич стал, по его выражению, «прилежным слушателем Варшавской академии». Приходил певец красот Колымского края, он же летописец жизни сосланных туда по знаменитой статье 58 политзаключенный Андрей Игнатьевич Алдан-Семенов. Нажимая на «о», нараспев тянул он только что родившиеся стихотворные строки. Всегда ошалелый и всклокоченный влетал ныне известный всему миру Юрий Домбровский и с возгласом: «Левушка, пусть нам будет хуже!» начинал ораторствовать о римском праве, горе, которая родила мышь, смуглой леди шекспировских сонетов и второй по качеству кровати.

С Юрием Осиповичем отца связывала самая нежная и трогательная дружба. Они много и длинно переписывались, очень скучали друг без друга, а когда встречались, то разговорам не было конца. «Обнимаю Вас, дорогой мой, и с нетерпением жду встречи с Вами, нескончаемых споров по принципу сборной солянки по-Шкловскому - обо всем», - фраза, очень характерная для их писем. Действительно, тем для бесед было бесконечное множество. Оба словно отводили душу, потому что чувствовали себя на равных - одинаковая широта эрудиции, масштаб мышления, разносторонность жизненного опыта, знание человеческой психологии. Не было ни одной серьезной работы как у того, так и у другого, которая не была бы обговорена, взвешена, взята под сомнение.

Люди и судьбы

Уже одно присутствие при этих разговорах было равносильно университетскому курсу.

Говоря о самых близких друзьях отца, прежде всего, нужно назвать Якова Соломоновича Штейна, много лет руководившего поначалу Объединенным русско-казахским, а потом просто Русским драматическим театром. Отец был влюблен в него, как мальчишка, пропадал у него буквально ночами. Шел на часок выпить чашку кофе и засиживался до рассвета в роскошном по тогдашним временам кабинете с большой библиотекой и вечнозеленым фикусом - «баобабом». Яков Соломонович был человек высокой культуры, таланта яркого, властного, умевший держать в руках трудно управляемые театральные бразды. Он создал театральную студию, вырастил молодежь. Театр расцвел - репертуар его основывался на классике, а художественные принципы - на лучших традициях русской сценической школы. Как знаток театра, критик, отец был единомышленником Якова Соломоновича. Взявшись прочесть курс истории мирового театра, он много дал своим слушателям для понимания природы драматического искусства, его насущных проблем и сверхзадач.

Много лет продолжалась дружба с министром культуры республики Ильясом Омаровичем Омаровым. Отец относился к нему по-братски, сочувственно говоря о его детдомовском детстве, уважал в нем выдержанность, деликатность, любознательность, образованность и обстоятельность.

Все люди, о которых я сейчас говорю, являли собой элиту искусства, культуры, и литературы Казахстана. Однако возвращусь к встречам в нашем доме. Редкий день, когда в нем не появлялся кто-нибудь из актеров, и в первую очередь Евгений Яковлевич Диордиев. Выходец из Одессы, рассказчик, анекдотчик и говорун, дядя Женя любил на ходу импровизировать и считал неполным прожитый день, если не побывал у нас. Церемонно принималась в доме и прима сцены Валентина Борисовна Харламова - отец непременно целовал ей ручку и усаживал на самое удобное и почетное место. Юрий Борисович Померанцев чаще приходил один, обычно в период подготовки новой роли - за советом. Особенно он волновался во время репетиций «Униженных и оскорбленных» по Достоевскому, где представлял автора, ведущего весь спектакль. Отец называл Юрия Борисовича умницей, потому что тот не допускал случайностей на сцене - все у него было продумано, взвешено.

Своими людьми в доме были живой классик уйгурской литературы Кадыр Хасанов, не менее живой классик уйгурской музыки, композитор и

тогдашний ректор Алма-Атинской консерватории Куддус Кужамьяров и режиссер Уйгурского театра музыкальной драмы Сергей Башоян. В любое время суток могли заглянуть писатель Николай Анов, драматург Михаил Роговой, радиожурналисты Владимир Рапопорт, Олег Рачков, Ирина Анатольевна Левицкая, киносценарист Феликс Спивак, театральный деятель Виктор Горский со своей женой – балериной Галиной Урмановой, юрист Исаак Иванович Попов. Все они в какие-то важные моменты своей жизни получали поддержку со стороны отца, будь то своевременный совет, необходимая консультация, написанная им информация или большой, обстоятельный обзор, рецензия, а то просто впечатление от только что вышедшей книги, премьерного спектакля, снятого фильма, филармонического концерта, состоявшейся выставки и т.д. Вся культурная жизнь республики была в поле его зрения. Газеты, журнал «Простор», радио, телевидение – не было недели, чтобы там не появлялись его материалы. Встречаясь, все друзья нашего дома жили интересами друг друга и расходились в предвкушении встречи на следующий день.

Целой эпопеей - яркой и зрелищной, как сам театр, был период работы отца с Шакеном Аймановым над сценарием фильма «Безбородый обманщик», он же «Алдар Косе». Мы обитали тогда в гостинице, и жизненный уклад при всей его сложности и напряженности был в какой-то степени богемным. Окно нашей предельно тесной комнаты подслеповато выглядывало из подвала. Время от времени над ним раздавался звук чьих-нибудь шагов - жаловал очередной гость. Убедившись, что хозяева на месте, он здоровался прямо с улицы и шел в дом. Летом это делалось иногда прямо через подоконник - если человек мог прыгнуть с полутораметровой высоты.

Шакен приходил часто, подолгу сидел, обговаривая трактовку той или иной роли. Серьезно работали и над сценарием. Как лучше создать образ Алдара, каким именно он должен быть? Во все времена в казахских степях существовало немало личностей талантливых и хитроумных, и Алдар Косе был как бы их воплощением. Это были наиболее спокойные вечера. Но иногда приход Шакена был подобен фейерверку. Он появлялся уже за полночь, после съемок, как правило, в сопровождении оператора Марка Берковича и кого-нибудь из актеров. Случалось, оказывалась гитара, и тогда наша старенькая гостиница, переполненная скрипачами, флейтистами, виолончелистами и певцами, принимала еще одну дозу музыки, встряхиваясь от звуков серенады под нашим окном. Мелодия

была традиционной, в ней буйствовал цыганский мотив, а незамысловатые слова импровизировались на ходу. Потом этот испанский гранд, он же Отелло, он же хитроумный Петруччио, со свитой входил в дом. Откладывалась срочная диктовка, ночное чтение или излюбленные игры в слова, и начиналась ночь бурлеска, ночь комедианта Алдара.

Часто бывал у нас художники Юрий Мингазитинов с женой-искусствоведом Еленой Микульской, увлеченный темой космоса и начинавшей развиваться космонавтики Алексей Степанов, последователь школы Филонова, он же прекрасный кинохудожник Павел Яковлевич Зальцман, блистательный живописец Абрам Маркович Черкасский и многие-многие – перечислять можно очень долго - другие.

Очень дружил отец с Всеволодом Владимировичем Теляковским. Сын директора казенных Императорских театров Владимира Аркадьевича Теляковского, он вырос среди самых талантливых людей России. Любить оперу его научили Шаляпин и Собинов, музыку - Римский-Корсаков и Глазунов, учителями живописи были Головин и Коровин. После гимназии Всеволод прошел курс Академии художеств в Париже у известных художников Мориса Дени и Феликса Валлотона. Но начинается Первая мировая война, и Всеволод попадает на фронт. После мобилизации он возвращается в Петроград, где работает ассистентом Александра Головина в Театре оперы и балета, бывшем Мариинском и преподает в Государственном архитектурном институте. Однако репрессии тридцатых закинули Всеволода Владимировича в Казахстан, где он прожил 30 лет - оформлял спектакли Театра оперы и балета им. Абая, многих областных театров. Здесь «Пиковая дама», «Снегурочка», «Евгений Онегин», «Паяцы», «Фауст», «Лебединое озеро», «Кыз-Жибек», «Айман-Шолпан» и др. А когда в 1946 г. у нас открылся свой ТЮЗ, легендарная Наталия Ильинична Сац пригласила его на должность главного художника.

Долгие годы живя безвыездно в Алма-Ате, Всеволод Владимирович занимался историей театрального костюма, в результате сложился подробно аннотированный им альбом из 20 тыс. эскизов костюмов и одежды всех времен и народов. Но оформление спектаклей и работа над этим альбомом не совсем удовлетворяли Теляковского, и он искал, как бы проявить себя в станковой живописи. Однажды, будучи в его мастерской, среди театральных эскизов, набросков и натюрмортов отец увидел этюд - иллюстрацию к казахской сказке. Это было причудливое сочетание, передающее восприятие азиатской экзотики утонченным знатоком мировой изобразительной культуры. Было в этом что-то свежее,

оригинальное, заслуживающее пристального внимания. «Вы знаете, это любопытно, - сказал отец. - Попробуйте продолжить поиск в синтезе этих разнородностей». И Теляковский попробовал. Более того, увлекся, почувствовав, что нащупал нехоженую тропу, целинную почву, способную дать плоды необычайные. И возникла целая серия полотен на темы казахского эпоса, которые, по свидетельству отца, Сергей Михайлович Эйзенштейн назвал казахским Палехом. Благодаря этим живописным картинам многим стали известны отдельные сюжеты казахского фольклора, герои эпических сказаний. В них запечатлены отважный Кобланды и великан Ер-Саин, закаленный в боях Толеген и скорбный мечтатель Асан Кайгы, Орфей тюркского эпоса Коркут и нежно влюбленные Козы-Корпеш и Баян Слу. Многие из них хранятся в Музее Жамбыла, Казахском государственном музее искусств им. А. Кастеева, московском Театральном музее им. А. Бахрушина и др. художественных собраниях.

Много трогательных моментов было связано со старейшим скульптором Исааком Яковлевичем Иткиндо. Художник природного, самобытного дарования, чьи работы были приобретены крупными музеями, талант, признанный А. В. Луначарским и А. М. Горьким, И. Я. Иткинд в 1937 г. был арестован и сослан в пос. Зеренда Кокчетавской обл., где многие годы бедствовал. Вслед за ним поехала его жена, Мария Хейфец, но, заболев тифом, умерла. Замечательный, добрый человек - председатель Акмолинского горисполкома Ашимбек Бектасов - сумел вывезти умирающего старца в Алма-Ату. И вместе с людьми, заинтересованными в дальнейшей судьбе скульптора, отец старался хоть как-то устроить его и по возможности найти работу. До последней минуты Исаак Яковлевич был благодарен ему за это, и лицо его всякий раз еще больше добрело при упоминании имени «этого хорошего человека тов. Варшавского». Он всегда пытался что-то подарить ему из своих работ в благодарность за то, что было для него сделано.

Годов с 50-х в Алма-Ату стали чаще приезжать москвичи и ленинградцы. Вновь посещали ее и те, кто провели здесь самые тяжелые годы - годы войны. В большинстве это были кинематографисты или писатели. По сложившейся братской традиции их приглашали сюда на творческую работу и помощь. Это были Илья Вайсфельд и жена его, писательница Лина Войтоловская, Зоя Федорова и Николай Кладо, Маро Ерзинкян и Сергей Юткевич, Герберт Раппапорт и Михаил Вольпин, Михаил Блейман и Николай Крючечников и др. Каждый приезд был

радостью в доме - то, что пережито в трудностях, дороже всего. И всякий раз это были воспоминания, воспоминания...

В годы войны отец был секретарем, затем председателем русской секции, а также консультантом и уполномоченным сначала по делам эвакуированных, а потом по лекционно-массовой и шефской работе Союза писателей Казахстана. Позже он занимался сценарной деятельностью на кинохронике.

«Тяжелое было время, - писал он. - В Алма-Ату ежедневно прибывали люди, эвакуированные с территорий, временно оккупированных немецко-фашистскими полчищами. Приезжало много писателей с Украины, Белоруссии, из Ленинграда, вокруг которого уже замыкалось кольцо блокады. Чуть позже приехали московские писатели - в первую очередь те из них, кто так или иначе был связан с кино, ибо в Алма-Ате обосновались киностудии «Мосфильм», «Ленфильм». Вместе с только что основанной Алма-Атинской студией художественных и документальных фильмов они представляли Центральную Объединенную киностудию (ЦОКС), на время превратившую столицу Казахстана в центр советской кинематографии».

Многих эвакуированных сюда мастеров театра и кино, писателей и поэтов отец знал еще по Ленинграду и Москве как журналист. Его связывали с каждым свои отношения. Так, в рассказах своих он не раз возвращался к эпизодам театральной жизни, связанным с Юрием Завадским и Иосифом Юзовским. Он просто боготворил Бориса Шкловского, часто цитировал его остроты, удачные выражения, перечитывал без конца его книги. Иногда, перебрав коллекцию своих трубок (она существовала под условным кодом «13 трубок» - по Эренбургу), отец вытаскивал самую массивную, в нарочито грубоватых насечках, давно обкуренную и оттого еще более коричневую, и не торопясь разжигал ее. Это был своего рода ритуал, во время которого присутствующие испытывали предвкушение рассказа о подарившем эту трубку Борисе Блинове, сыгравшем роль Фурманова в фильме братьев Васильевых «Чапаев».

Говоря о жизни в период войны, отец с большой нежностью повторял любимые имена. Прежде всего, это был Сергей Михайлович Эйзенштейн, которого, судя по множеству воспоминаний, любили все преданно и восхищенно.

«Я знал Сергея Михайловича в разное время, неоднократно встречался с ним в Ленинграде в 20-х и 30-х гг., - писал отец. - Но дальше

шапочного знакомства дело не шло. И только в Алма-Ате в силу сложившихся обстоятельств мы сблизились с ним настолько, что я часто стал бывать у него в доме, а летом и ранней осенью 1945 г. - видеться чуть ли не каждый день, долго, до поздней ночи проводя время в беседах. Работа над первой серией «Ивана Грозного» была закончена, а съемки второй временно заморожены, и у Сергея Михайловича было много свободного времени. Днем он писал, а вечера коротал с Михаилом Юрьевичем Блейманом в его комнате, где присутствовал и я. Именно в эти долгие летние и осенние вечера Сергей Михайлович раскрылся мне с совсем новой, неведомой стороны - как очень страдающий, одинокий человек, остро переживающий то, что большинство своих замыслов он не сумел осуществить. Тогда же я увидел, что он болен и осознает, что дни его сочтены. И это, в свою очередь, усиливало его мрачное настроение. В нем жила гложущая неудовлетворенность художника, которому всегда мало достигнутого, творческие мечты которого обгоняют возможности».

Часто возвращался в памяти отец к Пятрасу Цвирке, б. председателю Союза писателей Литвы, рассказывая много об этом «большом, жизнерадостном, кипучем человеке, красавце, производившем впечатление необычайно сильного и здорового мужчины». В 1954 г. на имя отца пришло письмо от биографа Цвирки с просьбой поделиться воспоминаниями. Ответом был сердечный рассказ об этом талантливейшем и очень скромном человеке, которого война застала врасплох и разлучила с женой и детьми. Вместе с др. эвакуированными в Алма-Ату Цвирку поместили в чью-то семью, где оставалось место только на полу. «Другой с его положением уже давно бы получил комнату, и др. жизненные блага, которые ему полагались не только как крупному писателю, но и как большому государственному деятелю - Цвирка был депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета Латвийской ССР, - писал отец. - Но не таков был Цвирка. Для себя он ничего не мог сделать. Идти просить, требовать он не умел. Он был скромен и прост, и качества эти были главными в его характере. Пятрас Цвирка поддерживал дружеские отношения с Михаилом Михайловичем Зощенко, часто бывал у него. Однажды Зощенко узнал, что Пятрас сидит без денег и дал ему золотые часы, т.к. в тот момент у него тоже не было средств. Цвирка подарка не принял, но был глубоко растроган».

Примером полярности наших представлений о действительности был для отца тоже оказавшийся в военное время в Алма-Ате Михаил Зощенко, которого он знал по прежним временам. Один из лучших русских

сатириков с естественно сложной для сталинских времен литературной судьбой, в жизни Зощенко был человеком угрюмым и замкнутым. Отца это удивляло, и он вспоминал об этом как о парадоксе. Много и с удовольствием рассказывал он о мятущейся противоречивой натуре Владимира Луговского, воспевшего Алма-Ату как «Город снов», чьего таланта хватало и на стихи, и на полноту приятия жизни.

Прежде чем прочесть первую книгу Паустовского, я многое услышала о нем от отца как о великом рассказчике, вокруг которого всякий раз после возвращения Константина Георгиевича в Алма-Ату фронта, где он был военным корреспондентом, всегда собирался народ. Жил тогда Паустовский у Мухтара Омархановича Ауэзова. Ярко описывал отец также «высоченного, в длинной кавалерийской шинели, кубанке, полковничьих погонах» Сергея Михалкова.

Дружба со многими писателями началась с деловых и житейских отношений. Ведь каждый из них обращался в Союз писателей за той или иной помощью. Устройство с жильем, распределение продуктовых карточек - все это в той или иной мере входило в отцовские обязанности секретаря русской секции. Кроме того, за годы войны отцом были организованы сотни творческих выступлений литераторов. И прежде всего это были вечера в госпиталях, где с ранеными встречались Самуил Маршак, Ольга Форш, Наталья Кончаловская, Евгений Лундберг, Константин Симонов, Леонид Леонов и др.

Серьезным творческим моментом для отца в те годы была его совместная работа с венгерским поэтом, писателем-антифашистом Бела Балашем. Он перевел для «Детиздата» книгу Балаша «Трава подымается вновь», а также его повесть «Геза», после чего Балаш написал: «Это полнокровный литератор с незаурядно глубокими, многосторонними знаниями и широким политическим горизонтом. Я имел счастье узнать Варшавского как переводчика моих работ. При этом я мог убедиться, как прекрасно понимает и разбирается он в художественной литературе, как глубоко входит в стилистические особенности и детали, какие высокие требования предъявляет сам к себе при передаче мыслей и образов автора».

Во время Декады венгерского искусства в Казахстане в 1969 г. мной была опубликована в «Вечерней Алма-Ате» статья, о составленной Бела Балашем книге сказок под названием «Золотая юрта», которая очень заинтересовала наших гостей. И тут же мне позвонил Сабит Муканов, бывший в годы войны председателем Союза писателей Казахстана. «Умоляю вас, подарите мне «Золотую юрту!», - просил он. Подарить эту

замечательную книгу я не могла, а показать - показала. «Золотая юрта» - реликвия в нашем доме, а «добро» на ее появление давал в свое время как раз Сабит Муканов. Это впервые изданная на немецком языке, изящно иллюстрированная книга эпических сказаний казахского народа. Идея поэтического перевода эпоса была предложена Бела Балашу отцом. Сохранился черновик заявки на антологию избранных произведений казахской литературы, написанный рукой отца вместе с Балашем. В ней сказано: «До сих пор ни на одном иностранном языке нет перевода произведений казахской литературы, а за границей она совершенно неизвестна. Даже в крупнейших собраниях народных сказок, как, например, в пользующемся мировой известностью издании Дидерихса, где отдельными томами напечатаны грузинские, татарские, узбекские, мордовские и др. сказки, - казахские народные сказки не представлены». И хотя Бела Балаш осуществил этот замысел только наполовину, было сделано большое дело для ознакомления зарубежного читателя с сокровищами казахского устного народного творчества.

И еще мне хочется сделать достоянием читателей связанную с переводами не то действительно имевшую место историю, не то красиво придуманную байку глубоко почитающим отца известным в Казахстане литературоведом и правозащитником Александром Лазаревичем Жовтисом. «Бывший коминтерновец, Лев Игнатьевич Варшавский владел несколькими иностранными языками, и это обстоятельство, видимо, запомнили его уцелевшие коллеги, - любил рассказывать он. - В сентябре 1942 г. первому секретарю ЦК партии Казахстана Сковрцову сообщили, что через Алма-Ату из Китая летит одно Чрезвычайное Значительное Лицо. Звонивший из Москвы начальник Совинформбюро Лозовский подчеркнул: речь идет о человеке, от которого зависит открытие второго фронта против Германии, и в завершение разговора сказал: «В качестве переводчика с нашей стороны встречать Гостя будет известный вам Варшавский».

Варшавского тотчас доставили в ЦК и довели до его сведения боевое задание. А т.к. экипировка Льва Игнатьевича (старая гимнастерка, галифе, ботинки с обмотками) показалась Сковрцову недопустимой дискредитацией Советской власти, за ночь официальному переводчику сшили черную «тройку».

На следующее утро его обрядили в новый костюм и отвезли на Бурундайский военный аэродром, куда вскоре прибыл и Сковрцов с синклитом. Таинственный банкет в честь Высокого Гостя готовили в

городе, где остался хлопотать предсовнаркома и несколько расторопных членов правительства.

Когда Чрезвычайное Значительное Лицо сошло с трапа английского «Дугласа», Скворцов, поздоровавшись, сказал ему через Варшавского: «Сейчас Ваше Превосходительство соблаговолит проехать в гостиницу...» «О, нет, я пробуду здесь ровно столько, сколько требуется летчикам для заправки самолета горючим!», - сказал Гость. «Но – отдых, банкет?». «Отдыхать будем после войны. А горячего мы поедем у вас здесь, в офицерской столовой. Я ведь демократ и весьма неприхотлив к тому же».

Слова Его Превосходительства повергли Секретаря прямо-таки в шоковое состояние: никакой офицерской столовой или хотя бы буфета на Бурундайском аэродроме не было. Здесь находилось лишь несколько саманных домиков обслуживающего персонала и еще длинное, похожее на конюшню здание, где ютились диспетчеры и летчики, ожидавшие своей очереди на вылет, и где стояли несколько стульев, деревянные скамьи и два неизвестно откуда взявшихся шахматных столика.

На просьбу поесть в офицерской столовой горячего Скворцов отреагировал, тихо сказав сопровождавшему его наркому торговли: «Достань!». Тот бросился сломя голову к одной из соседних саманок и ворвался в нее в тот момент, когда хозяйка вынимала из печи горшок с пшенной кашей. Объяснив ей на ходу про Значительное Лицо, он схватил горшок и был таков. Не знаю, где уж раздобыли сервировку для шахматных столиков, но Лицо позавтракало. Для истории же Варшавский сохранил небольшой диалог. «Что это?», – спросил Его Превосходительство, глядя на дымящееся незнакомое кушанье. «Казахское национальное блюдо», - сказал Скворцов. «А-а-а, это вроде нашего пориджа! Я демократ и очень люблю поридж», - отозвался Гость.

Через полчаса он улетел дальше, в Москву. Лев Игнатьевич, свято хранивший государственную тайну, не называл имени Чрезвычайного Значительного Лица. Но поскольку через некоторое время стало известно, что в столице нашей родины побывал сам Уинстон Черчилль, все мы, знакомые Варшавского, были уверены, что «поридж» в Бурундае ел именно он. А второй фронт, как известно, союзники открыли лишь два года спустя».

Ну, а теперь о том, как отец оказался в Алма-Ате. С 1921 по 1926 г., как свидетельствует его биографическая справка, он работал переводчиком в секретариате Коминтерна и был личным секретарем Карла Радека. В течение нескольких десятилетий на имя Радека было

наложено табу, и в доме при мне оно почти не произносилось. Лишь с началом перестройки и обращения к подлинной истории, в т.ч. и истории сталинских репрессий, появился интерес к этой довольно значительной политической фигуре, но отец до этого не дожил. И вот теперь, когда уже многое открылось, мне хочется дать чисто историческую справку о Радеке того, докоминтерновского периода и времен Коминтерна, когда с ним работал мой отец.

Карл Бернгардович Радек (1885-1939) – говорится в интернетной энциклопедии, - деятель международного социал-демократического и коммунистического движения. С 1917 г. член РКП(б), в 1919 -1924 член ЦК РКП(б), 1920-1924 - член Исполкома Коминтерна. Родился во Львове, с юности участвовал в революционном движении, состоял в социал-демократических партиях Польши, России, Австро-Венгрии и Германии, был делегатом международных социалистических конференций, вкл. знаменитую Циммервальдскую. После Февральской революции 1917 г. входил в Заграничное представительство РСДРП в Стокгольме и вел переговоры с немецкими властями о возможности возвращения русской революционной эмиграции через территорию Германии в Россию. К моменту приезда в Россию в апреле 1917 г. (вместе с Лениным в пресловутомпломбированном вагоне) имел репутацию эрудита, знатока европейских дел. После захвата власти большевиками Радека определили служить на ниве международной политики - в Наркомате иностранных дел (НКИД). В ноябре 1918 г. он нелегально выехал в Германию, участвовал в организации 1-го съезда компартии Германии. В феврале 1919 г. арестован, сидел в тюрьме Моабит. В декабре 1919-го вернулся в Россию.

В 1920 г. по предложению Ленина Радек избран в ЦК РСДРП, одновременно был членом Исполкома Коминтерна. В декабре 1922-го. представлял СССР на Международном конгрессе мира в Гааге. Был главным комментатором зарубежных событий в «Правде», «Известиях» и др. изданиях, считался лучшим коммунистическим журналистом мира. Некоторое время возглавлял Коммунистический университет им. Сунь Ятсена, занимавшийся подготовкой парткадров для стран Дальнего Востока.

Обо всем этом я узнала едва ли не в наши дни, а из рассказов отца помню, что по чрезвычайному заданию Коминтерна он, отец, в качестве комиссара ездил на Дальний Восток. «В сентябре 1921 г. перед отъездом в Дальневосточную республику я получил костюм в распределителе на углу Петровки и Кузнецкого - серебристо-серый, гимназический...», - писал он. Время было трудное, голодное, лютовал холод, и приходилось к старым,

изношенным ботинкам вместо подошв привязывать пачки газет. Так что радость обретения нормальной амуниции запомнилась на долгие годы.

Зная восемь языков, отец был переводчиком на Третьем конгрессе Коминтерна. «Как сотрудник секретариата Исполкома Коминтерна, я имел возможность присутствовать на всех заседаниях Конгресса, встречаться с его делегатами, съезжавшими со всех концов мира, - вспоминал он. - Я владел иностранными языками, и это облегчало общение с ними». И далее: «Дебаты на Конгрессе разворачивались все шире и шире. Страсти накалялись, и атмосфера становилась все напряженнее и напряженнее. Обсуждались вопросы жизненно важные для всего мирового коммунистического движения, в первую очередь, - знаменитое «21 условие» для вступления в Коминтерн... В ряде стран имелись тогда по несколько коммунистических групп, и каждая претендовала на высокое звание коммунистической партии, с пеной у рта доказывая свою ортодоксальность и разоблачая подлинный или мнимый оппортунизм инакомыслящих.

Особой остроты дебаты достигли при обсуждении положения в Италии, где одновременно существовали две коммунистические партии, не считая левых социалистов, отнюдь не собиравшихся сдавать свои позиции. Поначалу все шло довольно мирно. Докладчик Умберто Террачини, говорил спокойно, не торопясь, с несвойственной итальянцам выдержкой. Но стоило ему пустить пару острых шпилек в адрес социалистов, как поднялась буря. Молниеносно, словно тигр, на помост трибуны вскочил Константино Лаццари – в течение 27 лет бессменный Секретарь Итальянской социалистической партии - и яростно обрушился на своих противников. Это была полемика, густо перемешанная с обидными эпитетами и нелестными сравнениями. Лаццари метался по трибуне, то и дело подсакивая к столу президиума и грозя кулаком профессору Дженнари – видному теоретику и единомышленнику Террачини». Потом следовало описание известного по разным воспоминаниям и фильмам эпизода, когда Ленин присел на ступеньку сбоку от трибуны, чтобы что-то записать себе в блокнот, и как участники Конгресса – ветераны международного рабочего движения, выдающиеся деятели компартий, люди, знавшие Фридриха Энгельса, участники парижской Коммуны, циммервальдцы, спартаковцы и многие другие - долгой овацией встречали вождя революции.

Конечно же, отец многих помнил, кто приезжал к нам, в Советскую страну, знал все тонкости сложной политической подоплеки событий. По

Люди и судьбы

складу своему он был романтик, и не удивительно, что большое впечатление на него произвел легендарный Камо, который сказал однажды крылатую фразу: «Для настоящего мужчины существует одна женщина. Имя ее - революция!». Другие имена и отдельные подробности коминтерновской жизни запечатлены в одном из очерков отца, который не был включен в его сборник по соображениям редакторов.

Звезда Радека закатилась, когда почти всю вину за неудачу германской революции взвалили на него одного. В 1924 г. он был выведен из Исполкома Коминтерна и из ЦК партии. Отец же после этого еще год оставался в Коминтерне переводчиком, а потом ему пришлось оставить эту должность. Он ждал ареста, был вынужден сжечь библиотеку, но пока его не трогали. В 1926-1928 гг. он заведовал кабинетом иностранных языков Военно-политической академии, был известен уже как журналист и с 1928 по 1937 г. печатался в «Ленинградской правде», «Известиях», «Красной Звезде», «Красной газете», был редактором ЛенОГИЗа. В эту пору у него образовалось время для многих интересных встреч. И мне запомнилось, с какой болью в сердце говорил он о трагической судьбе очень дорогого ему Всеволода Эмильевича Мейерхольда, как восхищался Алексеем Николаевичем Толстым, его искусством собеседника и рассказчика, вспоминал о поэтических вечерах Валерия Яковлевича Брюсова, Владимира Владимировича Маяковского, Александра Александровича Блока, ярко и обрисовывал странный даже по тем временам дуэт Сергея Есенина и его первого духовного наставника Николая Клюева. Посчастливилось отцу встречаться и с «председателем Земного шара» Велемиром Хлебниковым - человеком, по его словам, крайних странностей, но в то же время математически упорядоченным в осуществлении своих фантазий. Именно на этой почве отец пользовался неизменным расположением «Гения Первого ранга Земли, Вселенной и ее окрестностей» (он же прилежный ученик Петрова-Водкина) - художника Сергея Калмыкова, прожившего много лет в Алма-Ате аскетом в выстроенном им еще во времена ученичества и общения с Хлебниковым возвышенном и ирреальном мире и оставившего после своей смерти огромное число картин и дневников ума мятущегося, предельного и нервного. Слушая эти рассказы, я не раз завидовала людям, которые умели так преданно любить свое время, свою эпоху. Боже, как ощутимо представлялась она во всей своей пестроте и многообразии, когда речь заходила о таких разнополюсных людях, как Максим Горький, Осип

Люди и судьбы

Мандельштам, Саша Черный, Демьян Бедный и Андрей Белый, Леонид Андреев!

К более поздним годам обращен такой фрагмент отцовских воспоминаний: «Три незабываемых дня мне довелось провести в качестве переводчика возле Бернарда Шоу, трепетно вслушиваясь в каждое слово, приглядываясь к каждому его движению и жесту. Было это жарким летом 1931 г. в Ленинграде, когда Шоу посетил Советский Союз. Преданный друг Страны Советов, он давно мечтал об этой поездке. И приурочил он ее к празднованию своего 75-летия, чтобы отметить его именно у нас. Это была яркая политическая демонстрация, вызвавшая озлобленный вой реакционной прессы, тотчас же окрестившей Шоу «товарищем Шоуским».

Не без умысла своими спутниками в этой поездке Шоу избрал миллионершу Нанси Астор, известную своей лютой ненавистью к коммунизму, и одного из лидеров либералов лорда Лотиана, сторонника англо-советского сближения. Забавно было видеть надменную, сухопарую леди, черное платье которой подчеркивало ее зловещий облик, и добродушного краснолицего толстяка лорда Лотиана, словно сошедшего со страниц «Пиквикского клуба», когда, представляя их на банкете, Шоу заметил, что втроем они символизируют современную Англию: леди Астор - верхушку правящих классов, лорд Лотиан - трезвый деловой мир Англии, а он, Шоу - трудовой народ...

Для своего возраста Шоу казался удивительно молодым. Стремительные движения: быстрая походка, стройная, сухощавая, подтянутая фигура. У него были приятный голос, богатый многообразными оттенками, и великолепная дикция. Каждое слово он произносил раздельно, что весьма редко у англичан. Был он в прекрасном настроении, шутил, смеялся, держался просто.

«Премного доволен мемуарами Ильи Григорьевича Эренбурга, о чем надеюсь ему сообщить лично», - писал отец о книге «Люди, годы, жизнь». И они встретились, и он сказал. И не только сказал, но в чем-то дополнил его и уточнил. Страницы отцовского экземпляра воспоминаний испещрены пометками существенного свойства. Они касаются судеб политических деятелей, которых или о которых он знал по Коминтерну, касаются тех или иных подробностей, не упомянутых Эренбургом. Например, там, где Илья Григорьевич пишет о московском кафе «Бом» на Тверской, куда часто заглядывали писатели, есть добавление: «Кафе было недалеко от гостиницы «Люкс» - общежития Коминтерна. Я бывал там летом 1921 - зимой 1922 г. Помню, вошел Есенин во фраке, белом жилете,

цилиндре набекрень, словно из «Сильвы», и на пороге стал читать стихи. И все смолкло, а Крученых плакал».

Рассказывал отец и о том, как в доме академика Ивана Петровича Павлова, с сыном которого учился в гимназии, он был свидетелем встречи великого ученого с писателем-фантастом Гербертом Уэллсом. Сохранились также записи об одном эпизоде, связанном с Михаилом Васильевичем Фрунзе.

«Моя первая встреча с ним произошла при несколько необычных обстоятельствах. Летом 1921 г. мне пришлось выехать из Москвы в Харьков. Вагоны не освещались. Было темно и в нашем купе. За несколько минут до отхода поезда вошел человек. При свете зажженной спички было видно, что на нем старенькая потертая шинель. Он был похож на простого русского мужичка, бородатый, коренастый, невысокого роста. Молча он залез на вторую полку, и сидевшая внизу молодая, по тем временам нарядно одетая женщина, которую сопровождал какой-то военный, стал возмущаться, что вот, мол, даже в вагон по особым броням – и то лезет всякая солдатня. Спутник пытался ее урезонить, но напрасно. Чего только ни наговорила взбалмошная бабенка! А «солдатик», не обращая на нее никакого внимания, лег и накрылся шинелью.

Утром соседка снова начала ворчать. И только когда поезд подошел к Харькову, где на перроне был выстроен почетный караул, мы узнали, что «солдатик» был никем иным. Как Фрунзе. Трудно передать смущение женщины и ее спутника, готовых провалиться сквозь землю».

У отца было много друзей по Ленинграду. «Понимаете, - смеясь, говорила сестра отца - Ида Игнатьевна, - это был невозможный человек. Перезнакомил меня со всеми своими друзьями, сам уехал, а я - дружи с ними всю жизнь!». С некоторыми, кто еще остался жив, он виделся во время своей последней поездки в родной город, который всегда называл не иначе, как Питер. Я же помню хорошо только Отто Паукера - одного из первых комсомольцев (первая сотня номеров комсомольского билета), с которым отец сотрудничал в «Красной Звезде». Он приехал к нам в Алма-Ату в год поднятия целины. Это был уже пожилой, подтянутый седой человек. Энтузиаст, не утративший молодости, несмотря на многочисленные жизненные невзгоды, он рассказал немало историй о молодежных начинаниях тех лет. Он был одним из организаторов большого лыжного Пробега дружбы через Карело-Финскую республику, встреч Валерия Чкалова и челюскинцев, спасения Умберто Нобиле и т. д.

Как и его сверстники, Отто Паукер жил жизнью страны. В почтенном возрасте он считал святым долгом, долгом первого комсомольца принять участие в таком всенародном деле, как поднятие целины. В последние годы он организовал народный самодеятельный театр в Петропавловске, которым очень дорожила молодежь. Оказывается, втайне Отто всегда мечтал выразить себя на театральном поприще, даже многие годы готовил роль Гамлета, и наконец-то ему удалось проявиться.

Я не помню ни одной праздной минуты отца. Читая, он отдыхал от работы. Составление картотеки (а она была большой и уникальной) перемежалось с разбором марок и открыток. В редкие тихие часы он забирался буквально под потолок, где расставлял по полкам книги. Иногда, открыв какую-либо из них, так и просиживал долгие часы, едва примостившись на лестничке. В период работы над сценарием «Алдар Косе» (он же «Безбородый обманщик») он досконально изучил казахский фольклор, собрал солидную библиотеку сказок и этических сказаний разных народов. Именно тогда приехал к нему один из лучших знатоков сказочного и былинного творчества, он же этнограф и писатель Виктор Важаев. Они долго разговаривали, а потом Виктор Моисеевич подарил отцу две свои детские книжки. На одной из них он оставил следующий автограф: «Одни люди сеют, другие - жнут. Тех, кто сеет, меньше. Это ничего, что их меньше, - им жить труднее, но веселее, они не считают, что съели и что осталось: растет росток зеленый, значит - жизнь, значит - хорошо. Вот и спасибо Вам, дорогой Лев Игнатьевич, за добрый совет и что натолкнули на тему для новой работы о Казахстане».

Книги были, пожалуй, самой большой страстью отца. Его любовь, его боль, его тайные и явные радости. С книгами было связано множество жизненных историй. Одна из них относится к самым первым годам его пребывания в Алма-Ате. Для этого я вернусь к разговору о Радеке, чья судьба была полна сложностей и неожиданных поворотов. Так, в 1933-1934 гг. он был тайным посредником Сталина в переговорах с Гитлером на дальних подступах к пакту Риббентроп-Молотов. По мнению сбежавшего на Запад советского разведчика Кривицкого, этот факт и послужил в дальнейшем основной причиной гибели Радека. В сентябре 1936 г. он был арестован и после жестоких допросов на Лубянке привлечен к открытому процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» в качестве одного из главных обвиняемых. На процессе, проходившем в январе 1937 г., он признал все - и то, что якобы «был агентом японской разведки», и то, что будто бы «готовил убийство

Люди и судьбы

Сталина», что «договорился с Троцким отдать Украину немцам и реставрировать капитализм». Его приговорили к десяти годам заключения. Он был отправлен в Верхнеуральский политизолятор и там по специально разработанному и санкционированному Сталиным плану был убит уголовниками. Реабилитирован в 1988 г.

Ну, а в 1938 г. арестовали и отца, и через год, на пике борьбы с «безродным космополитизмом» (была такая идеологическая кампания против «низкопоклонства и раболепия интеллигенции перед буржуазной культурой Запада») после допросов и пыток он был выслан в Алма-Ату. И в начале своего пребывания здесь его спасла та самая любовь к книге. Он был неустроен, очень бедствовал и брался за любую работу. Писал рабочие рецензии на присылаемые в газеты и журналы статьи, публиковался под псевдонимами, помогал делать книги и диссертации по филологии и истории на такие темы, как «Казахстан в 20-40 гг. XIX в.», «Освободительное движение под руководством Кенесары», «Колокол» Герцена», «Шевченко в Казахстане» и др.

Местом, где можно было спокойно над этим работать, стала старая Пушкинка - любимая алма-атинцами отлично укомплектованная еще российскими переселенцами XVIII в. библиотека. Он приходил сюда и подолгу занимался в читальном зале. Потом раз-другой разговорился с главным библиографом и постепенно стал своим человеком. Заметил его и тогдашний директор библиотеки Федор Жизневский, понял все, позволил бездомному изгою в прямом смысле слова жить в библиотеке, точнее, спать на газетных подшивках и добился в Народном Комиссариате просвещения КазССР направления отца к нему на работу. Знание языков сыграло тут не последнюю роль, равно как учеба на факультете общественных наук Ленинградского университета, работа в Главной книжной палате СССР, заведование кабинетом иностранных языков Военно-политической академии. Это стало всем ясно, когда в очередной раз библиотечный фонд Пушкинки очищался от «идеологически несостоятельной», а то и «враждебной» литературы. Связки книг небрежно сбрасывались в грузовую машину, увозились за город на свалку и там сжигались. Именно в этот момент отец заступил на свой служебный пост старшего научного сотрудника. Остановив первую же партию опальных фолиантов, он стал разбирать содержимое и – о, Боже! - там были уникальные издания как на русском, так и на др. языках. Абсолютные библиографические редкости. Осознав сей казус, срочно привезли назад со свалки все, что еще можно было вернуть, и с этого

началось комплектование редкого фонда Республиканской библиотеки им. А. С. Пушкина (ныне Национальная библиотека РК).

Позже, в 1949 г., в «Казахстанской правде» отец писал, например, об одном из важнейших разделов этого фонда - рукописных сокровищах Востока. Сообщение это интересно тем, что оно характеризует ценность редкого собрания в целом. «Работа по описанию восточных рукописей начата еще в 1941 г., - говорилось там. - Война надолго прервала ее, и только сейчас мы смогли ее возобновить. До сих пор научному миру не был известен даже самый факт того, что в Алма-Ате есть собрание восточных рукописей. Никто их не изучал, никто ими не занимался... В это собрание входят 170 арабских, 52 иранских, 28 чагатайский, 13 узбекских, шесть татарских и три турецких рукописи. Во всей Европе сохранились всего 77 рукописей на чагатайском (древне-узбекский, своего рода латынь) языке... В собрании есть также второй по своей древности в Азии «Коран» - фолиант в 650 стр., переписанный от руки (1100 г.) в Казани. Он сохранился в мавзолее Ходжи Ахмеда Яссави». Стараясь восстановить историю судеб старинных книг, отец как бы входил в «элизиум теней, теней безмолвных, светлых и прекрасных».

Много лет спустя, отыскивая нужные мне для работы книги, уже в новом, роскошном здании библиотеки я обнаружила в каталогах редкого фонда карточки, написанные рукой отца. Аккуратно расправленные и подклеенные, они стояли отдельно, как своего рода музейный экспонат. И уже теперешние работники отдела с глубоким почтением передавали мне то, что они слышали об отце.

Эти карточки перепутать с другими невозможно. Отцовский почерк мог заинтересовать любого графолога. Максимально приближенный к библиографическому, он отличался изяществом, четкой геометричностью линий и напоминал иероглифы, или, вернее, клинопись. В письме отец был оригинален, не примерялся к продиктованным необходимостью формам. Писал, как правило, мягкими карандашами, зачастую цветными, и авторучка (или, как он называл ее, «вставочка») пускалась в ход только для служебных и официальных бумаг. Так с помощью целой коллекции карандашей была создана крупная картотека по самым различным вопросам научно-исследовательского характера. К этой работе с крайним почтением относился Сергей Марков - писатель-географ, прекрасный знаток Сибири и Казахстана. Сам собиратель и обладатель крупнейшей в Союзе тематической картотеки, он не раз обращался к отцу за консультацией. Очень интересовался всегда, как идут дела с книгой об

Люди и судьбы

известном востоковеде ранга Гумбольдта, Семенова-Тянь-Шанского, Потанина, Валиханова, путешественнике в русской службе и первом посланнике России в Кабуле Яне Викторовиче Виткевиче. Романтик по изначальному складу своему, отец задумал эту книгу еще в свои молодые годы, собрал большой историко-архивный материал, начал писать ее, но не завершил, потому что при его аресте рукопись была изъята работниками посадочных органов, да так и застряла там, в их бездонных кагэбэшных анналах. Работая в Пушкинке, отец начал было подбирать все о Виткевиче, но написать задуманное не успел.

Надо сказать, что работал отец всегда очень много. Непостижимо, как он умудрялся в постоянной сутолоке, вечной тесноте нашей комнаты успеть сделать все необходимое. Звонил телефон, приходили люди, подавался чай. С первого взгляда создавалось впечатление вокзальной обстановки. Но прошедший школу послереволюционной журналистики в газетах «Ленинградская правда», «Известия», «Красная Звезда» и в журнале «Костер», он умел это делать в любых условиях. «Великие поэты писали стихи на манжетах, - говорил он. - А у нас с вами чудо прогресса - пишущая машинка». Вероятно, все это было возможно благодаря удивительной внутренней собранности и абсолютной, до педантизма, упорядоченности в бумагах и всяческого рода записях. В десятках папок он мог вмиг найти нужную цитату, сноску, поправку. К работе готовился заранее, тщательно, подолгу обдумывая все до деталей. Диктовал часами, сосредоточен был крайне и, когда его прерывали на полужае, продолжал диктовку именно с того слова, на котором остановился. Работа была самая разная: от оперативной информации-однодневки до крупного исследования или диссертации. Помимо рецензий, обзорных и проблемных статей, выступлений по вопросам кино, театра, художественной самодеятельности, изобразительного искусства, истории и этнографии, музыки и литературы, он оставил много очерков о Газизе Дугашеве, Капане Бадырове, Жамал Омаровой, Ен-Сен-Нене, Евгении Диордиеве, Калибеке Куанышбаеве, Абраме Черкасском, Зое Береговой, Валентине Харламовой и др. Многие материалы родились в результате дружеского общения с деятелями казахской культуры: Мухтаром Ауэзовым, Сабитом Мукановым, Абдильдой Тажибаевым, Сапаргали Бегалиным, Ахметом Жубановым, Латифом Хамиди и др.

Когда подворачивалась счастливая случайность, он делал литературные записи со слов собеседника - Шакена Айманова, Евгения Брусиловского, Абылхана Кастеева, одного из секретарей Джамбула -

Сапаргали Бегалина и др. Постоянно в доме были чьи-то рукописи, которые надо было срочно редактировать. Зная отца в этом качестве, учитывая его организаторские способности, его назначили главным редактором второй Декады казахского искусства и литературы в Москве. Позже это очень помогло ему собрать и систематизировать материал в работе над книгой «Искусство Казахстана», написанной в тесном содружестве с тогдашним министром культуры Казахстана Амиром Канапиновичем Канапиным. Это была далеко не первая книга. Журналист-международник, отец до войны издал такие труды, как «Кризис и революционная борьба в империалистических армиях», «Вопреки всему» - о Германской компартии и подполье и др.

Может быть, далеко не полную дань отдал отец своему призванию историка и исследователя. Так складывалась жизнь, и многие другие интересы отвлекали его. И все-таки он успел кое-что сделать. Когда он приехал в Алма-Ату, Казахстан был для него «белым пятном». Здесь исследователю открывалась почти не разработанная целина. Его интересовало все - вопросы, связанные с пребыванием русских писателей в Казахстане, жизнь и творчество Абая, его дружба с Михаэлисом и Долгополовым, деятельность Ибрая Алтынсарина, влияние декабристского движения на развитие казахстанской революционной мысли, весь комплекс проблем, касающихся дунган и в особенности уйгур, их истории, быта и культуры, взаимоотношения Федора Михайловича Достоевского и Чокана Валиханова, ссылка Тараса Григорьевича Шевченко на Мангышлак, история г. Верного, сосланные сюда польские революционеры, мятежные петрашевцы и даже такой тандем, как Екатерина Вторая, Державин и «Козы-Корпеш». Одни работы он завершил, и они ждут своей публикации, а другие так и остались в виде фрагментов.

«Знакомо ли вам удивительное чувство открытия, когда перед вами развертываются вдруг новые, до сих пор неизвестные страницы? - пишет известный в республике драматург и публицист Игорь Савин в предисловии к статье «Абай и Михаэлис» для альманаха Государственного архивного управления РК «Алаш мирас» («Народное наследие»). - В личном фонде Льва Игнатьевича Варшавского хранится почти никому не известная неоконченная, а может быть частично утерянная рукопись под названием «Абай, Михаэлис и Долгополов» - 47 листов машинописного текста с карандашными, чернильными правками и авторскими ремарками. Незаконченными оказались последние страницы рукописи - те, что рассказывали о Долгополове, но полностью

сохранились описания жизненного пути Михаэлиса, его встреч в Семипалатинске с Абаем Кунанбаевым. Рукопись Варшавского не была опубликована при жизни, как и многие другие его произведения, и тут надо бы напомнить непосвященным о превратностях судьбы этого человека. Он не был коренным казахстанцем, а в 1938 г. Варшавский был незаслуженно осужден и выслан из Ленинграда на три года в Алма-Ату. Но началась Великая Отечественная война, и Лев Игнатьевич до конца жизни остался в Казахстане, хотя в середине 50-х был полностью реабилитирован Прокуратурой СССР.

Обладая глубокими всесторонними знаниями, он был одаренным исследователем, переводчиком, владеющим несколькими иностранными языками. Круг его творческих интересов был обширен: он внимательно изучал историю казахского и уйгурского народов, колонизаторскую политику царизма в Семиречье, богатую событиями жизнь столетнего Джамбула и многое др. Он дружил с Юрием Домбровским, Белой Балашем, Константином Паустовским, Виктором Шкловским, Сергеем Марковым, Николаем Ановым и др. В годы войны русские писатели, находившиеся в Алма-Ате, рекомендовали его в члены Союза писателей Казахстана, но находящийся на положении высланного Варшавский так и не был принят. Большая дружба связывала его с Ильясом Омаровым, Ермуханом Бекмахановым, Шакеном Аймановым, Абильтаем Кастеевым, Сергеем Калмыковым и др.

Работая над книгой об Абае и Михаэлисе, Варшавский использовал обширнейший материал архивов Алма-Аты, Семипалатинска, Усть-Каменогорска, Омска, Оренбурга, воспоминания и письма различных авторов, опубликованные в периодической и специальной литературе XIX и XX вв. Его интересовала судьба Михаэлиса - русского революционера и, заброшенного на вечное поселение в казахские степи, где с новой силой и глубиной проявились нравственные и интеллектуальные силы не сломленного испытаниями человека, сыгравшего огромную роль в формировании мировоззрения великого Абая Кунанбаева.

Пример Михаэлиса вдохновлял и самого Льва Игнатьевича Варшавского, почувствовавшего свою полезность, нужность России и казахскому народу, приютившему его в годы лихолетья».

Минули годы. Но так же стоят на полке его любимые книги, уютно примостился в углу гипсовый Джамбул, греется по вечерам чай, и на огонек забегают люди. Как будто ничего не изменилось. Только

Люди и судьбы

маленькая фотография седого, усталого, уже больного, но очень живого, улыбающегося человека, увеличенная одним из друзей до размеров портрета, перекечевала на стену. И живут, не считаясь со стандартными нормами пошивочной и обувной промышленности, внук-инфант Александр, которого он так и не успел воспитать, и правнук Кирилл.

С грустью перебираю письма, где речь идет об отце, констатирую, что «иных уж нет, а те далече», и с гордой радостью читаю откровенные строки, подобные этим: «Я очень любил его со всей его неумейной фантастичностью и, увы, не по его вине нереализованным талантом. Писать об этом больно, но нужно. Мы часто оцениваем людей только по тому, что они сумели и успели сделать, и не учитываем исторических обстоятельств. Я любил Вашего отца и за то, что он делал, и за ум и талант, и доброжелательство к людям, и за то, что он мог бы сделать. Ваш Михаил Блейман».

Мог бы сделать! О, эта сослагательная форма, столь распространенная в русском языке!

Помню. Вспоминаю. Сценарная мастерская. Занятия. И задание слушателям - написать этюд на тему «Самый интересный человек в моей жизни». Нерадивая ученица, я пишу этот этюд. По сей день и до конца своей жизни. С благодарностью - были!

**Мессерле В.Е., Аскарлова А.С., Болегенова С.А.,
Лаврищев О.А., Устименко А.Б., Максимов В.Ю.**

ЛЕВ АБРАМОВИЧ ВУЛИС - ОСНОВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ОБЩЕЙ И МОЛЕКУЛЯРНОЙ ФИЗИКИ КАЗАХСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ученик академика Иоффе А.Ф., приехавший из Москвы, проф. Лев Абрамович Вулис (1911– 1973) – родоначальник научной школы казахстанских физиков, работающих в области термодинамики, теплофизики и газодинамики. Заслуженный деятель науки КазССР (1961) Л.А.Вулис являлся крупнейшим специалистом в области теплофизики, им опубликованы более 200 трудов (среди них несколько монографий) по газовой динамике, теории струй вязкой жидкости, теории горения, магнитной гидрогазодинамике. Его труды пользуются мировым признанием. Характерной чертой Льва Абрамовича как ученого были

постоянное внимание к наиболее современным научным проблемам и забота о практическом использовании научных достижений.

Л.А. Вулис Окончил в 1938 г. инженерно-физический факультет Политехнического института в Ленинграде. С 1938 по 1941 гг. работал в Центральном котлотурбинном институте. В период 1941-1944 гг. работал в институте «Теплоэнергопроект». С 1944 г. по 1950 г. трудился в НИИ авиационной промышленности. Одновременно преподавал в Московском авиационном институте, в Московском механическом институте, Военно-воздушном академии им. Н.Е.Жуковского. С 1951 г. переехал в Алма-Ату, где организовал и возглавил кафедру общей и молекулярной физики и теплофизическую лабораторию на физико-математическом факультете Казахского Государственного университета им. С.М. Кирова. В 1962 г. вернулся в Ленинград, где преподавал в Военно-морской инженерной академии и др. Ленинградских вузах.

Современная кафедра теплофизики и технической физики является преемницей бывшей кафедры общей физики, которая была организована с момента создания в 1934 г. Казахского Государственного Университета. Кафедра общей физики – родоначальница всех остальных кафедр нашего физико-технического факультета КазНУ им. Аль-Фараби. В 1939 г. из нее выделились: кафедра теоретической и кафедра экспериментальной физики. В 1949 г. – кафедра оптики и спектроскопии. Первоначально с 1934 по 1949 г. кафедрой общей физики заведовал профессор В.Ф. Литвинов – ее основатель и организатор исследований по физике атмосферы г. Алма-Аты и Заилийского Алатау. В 1936 г. при кафедре организована астрономическая обсерватория, которая в дальнейшем перешла в ведение АН КазССР. В 1949 –1951 гг. кафедрой руководил доцент Ю.А. Соколов, который внес большой вклад в укрепление и развитие кафедры общей физики. В 1951 г. кафедру возглавил ученик академика Иоффе А.Ф., приехавший из Москвы проф. Л.А. Вулис – родоначальник научной школы казахстанских физиков, работающих в области термодинамики, теплофизики и газодинамики.

Параллельно с работой в Казахском Государственном Университете им. С.М. Кирова Л.А. Вулис в 1951 г. организовал и возглавил лабораторию физических основ тепловых процессов в Казахском научно-исследовательском институте энергетики Академии наук Казахской ССР.

Основные научные труды Л.А. Вулиса связаны с вопросами газовой динамики, гидродинамики струйных течений вязкой жидкости и газа, магнитогидродинамики, горения, с исследованиями жидкостных реактивных двигателей. Он открыл и обосновал закон обращения воздействий в газовой динамике (1960), предложил метод физического моделирования магнитогазодинамических преобразователей энергии.

В области гидродинамики струйных течений вязкой жидкости и газа Л.А. Вулису принадлежит большое число теоретических и экспериментальных исследований. В частности, им предложена и экспериментально проверена схема расчета турбулентных струй, в которой определяющая роль в процессе перемешивания отводится переносу импульса. Этот метод расчета был применен Л.А. Вулисом для решения ряда важных прикладных задач и используется в практике научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций.

В области горения Л.А. Вулис внес значительный вклад в развитие теории рабочего процесса жидкостно-реактивных двигателей, теории теплового режима горения, в исследование аэродинамики турбулентного диффузионного и гомогенного факела, аэродинамики топочных устройств, в частности, циклонной камеры.

В области магнитной гидрогазодинамики Л.А. Вулисом выполнены фундаментальные исследования, оказавшие решающее влияние на дальнейшее развитие ряда новых научных исследований. В 1960 г. им был обобщен закон обращения воздействий применительно к МГД - течениям.

Большой интерес представляют работы Л.А. Вулиса по моделированию различных физических процессов (лучистого теплообмена, переноса нейтронов в ядерных реакторах, теплового режима горения, теплового состояния бетонной плотины, теплообмена при наличии фазовых переходов и др.) с применением новых типов электрических и световых интеграторов, а также гидроинтеграторов. Под его руководством проводились работы по измерениям теплофизических констант, предложен и осуществлен новый метод калориметрических исследований по измерению теплового потока.

Профессор Л.А. Вулис вел большую творческую работу по воспитанию научных и педагогических кадров. Под его руководством выполнено и защищено более 40 кандидатских диссертаций, несколько

его учеников уже при нем стали докторами наук. Л.А. Вулисом было положено начало научным исследованиям сложных физико-химических процессов, протекающих при горении газообразных и твердых топлив, которые были продолжены его учениками проф. В.П. Кашкаровым, проф. Н.Д. Косовым и проф. С.И. Исатаевым, проф. Л.Ю. Артюх, проф. Э.А. Закариным и др.

Проф. Л.А. Вулисом было положено начало научным исследованиям сложных физико-химических процессов, протекающих при горении газообразных и твердых топлив, которые были продолжены проф. В.П. Кашкаровым. Традиции этой научной школы продолжают их ученики, работающие в лаборатории моделирования процессов тепломассопереноса НИИ ЭТФ: проф. А.С. Аскарова, доцент И.В. Локтионова, доцент С.А. Болегенова, Е.И. Лаврищева и др. Результаты их исследований внедряются на действующих ТЭС Казахстана для оптимизации процесса сжигания топлива с целью экономичности и уменьшения вредных выбросов в атмосферу.

Научная тематика Казахстанских теплофизиков объединилась в рамках общего научного направления «Исследование процессов переноса», а кафедра общей физики стала называться кафедрой общей и молекулярной физики. Более 40 кандидатов физико-математических наук, после отъезда проф. Л.А. Вулиса в 1962 г., продолжали начатое им дело. Это доктора наук В.П. Кашкаров, Н.Д. Косов, Б.П. Устименко, А.Т. Лукьянов, Ш.А. Ершин, З.Б. Сакипов, К.Е. Джаугаштин, Б.А. Алияров, В.Е. Мессерле, А.С. Аскарова, В.Н. Косов, С.А. Болегенова, А.Б. Устименко, доценты С.И. Исатаев, В.А. Поцелуйко, В.В. Ронжин, А.Т. Трофименко, Т.К. Мироненко, Л.Ю. Артюх, Т.К. Красильникова, Лаврищев О.А. и др.

В заключение можно отметить, что проф. Л.А. Вулис - автор более 200 фундаментальных научных работ, особое место среди которых занимают следующие монографии:

- Некоторые вопросы теории рабочего процесса ЖРД, М., 1947;
- Термодинамика газовых потоков, М., 1950;
- Тепловой режим горения, М., 1954;
- Теория струй вязкой жидкости, М., 1965;
- Основы теории газового факела, М., 1968;
- Магнитогазодинамические течения в каналах: Теория и расчет, М., 1971.

МИХАИЛ ИОСИФОВИЧ КОРОБЧЕНКО

Мы - бывшие сотрудницы Республиканской ветеринарной лаборатории: я - Ольга Изяславовна Шевченко, и Елена Давыдовна Золотова - решили рассказать о прекрасном человеке – директоре Республиканской ветлаборатории Михаиле Иосифовиче Коробченко, под руководством которого проработали много лет. Этот человек был фактически создателем Республиканской ветлаборатории Казахстана на базе небольшой ветлечебницы.

Родом он из Сибири, родился в Новосибирске в 1916 г., ветеринарный институт окончил в Омске в 1944 г. Его направили работать в Алма-Ату. И 15 лет с 1944 по 1959 гг. он заведовал ветеринарной лечебницей Фрунзенского р-на Алма-Аты.

В Казахстане увеличивалось поголовье сельскохозяйственных животных. Росли отары породистых овец – получали высококачественную шерсть. Со всей страны завозили племенной крупный рогатый скот – необходимо было повышать производство молока, мяса. Образовывались птицефабрики. Необходимо было наладить производство антибиотиков, биостимуляторов. И в 1959 г. Михаил Иосифович на базе лечебницы организывает лабораторию по производству жидкого биомицина и биостимулятора СЖК (сыворотка жеребых кобыл). Дело это было новое, неизвестное ни старшему поколению, ни молодым специалистам. Учились все вместе. Коллектив всего десять чел. Энтузиастом был, конечно, директор, Михаил Иосифович.

Сколько нужно было вложить сил, организаторского таланта, знаний, средств. Приходилось доказывать, объяснять, обосновывать необходимость этого дела руководству, и ему это удавалось. Областным ветеринарным отделом были выделены средства, и работа закипела. Работали днем и ночью, специалистов не хватало. Когда добились выпуска готовой продукции, радовались все вместе с директором.

В 1960 г. продукции выпускали уже достаточно много. Работа очень сложная, ответственная и в то же время интересная. Спрос на продукцию все время рос, работали в две смены. Трудностей, как и в любом производстве, очень много, но все преодолевали благодаря энтузиазму,

молодости коллектива и, конечно, нашему директору – человеку большой души. Это действительно был уважаемый всеми человек – его многие любили как родного. После войны почти все сотрудники выросли без отцов – а он был и другом, и отцом.

Производство требовало нового, более сложного оборудования, а, значит, и нового здания, и Коробченко активно берется за это дело. В 1960 г. к старому одноэтажному зданию ветлечебницы пристроили первое крыло новой двухэтажной лаборатории, увеличивается штат. В 1961 г. открыт бактериологический отдел, т.к. продукция должна была быть стерильной, необходим был контроль. А затем, в том же году открыли отдел болезней рыб, т.к. шло заполнение прудовых хозяйств рыбой.

Лаборатория наша под руководством Михаила Иосифовича продолжала развиваться. В 1963 г. построили второе крыло здания, т.к. с развитием сельского хозяйства КазССР была необходимость проводить диагностические исследования на все виды животных. В 1965 г. создали отдел химии и микологии – тогда еще не знакомое ветврачам дело. Этого требовала обстановка – шло отравление различными пестицидами, токсическими грибами. А затем отделы: радиологический, паразитологический, серологический, вирусологический, ветсанэкспертизы. Это уже большая лаборатория с большим штатом высококвалифицированных специалистов, получившая статус Республиканской. И во все это вложен огромный труд скромного, прекрасного человека Михаила Иосифовича Коробченко.

Все специалисты готовились на местах, в лаборатории, т.к. алматинский Ветинститут не имел опыта подготовки, да и самих знаний такого уровня. Необходимо было по многу раз проходить стажировки, обучение в ведущих вузах страны, в Московской ветакадемии им. К.И.Скрябина, в Ленинградском ветинституте, в Центральной ветлаборатории г. Москвы.

Появлялись все новые и новые заболевания, институты разрабатывали новые методики исследования и диагностики. Приходилось постоянно их изучать, опробовать, а затем внедрять, выезжая в областные и районные лаборатории Казахстана, обучать специалистов на местах, также контролировать качество исследований. На базе нашей ветлаборатории проводились семинары республиканского и союзного значения, куда приглашали лучших специалистов страны.

Вскоре Республиканская ветлаборатория Казахстана была признана одной из лучших в Советском Союзе по оснащенности и подготовке кадров. Это была заслуженная победа всего коллектива и, конечно, директора - Михаила Иосифовича Коробченко.

Директора интересовало все: работа, личный рост каждого сотрудника, его быт, семья, дети, жилищные условия, а это был тогда самый тяжелый вопрос. Практически ни у кого не было своего жилья. И директор берется за решение этой проблемы. Рядом с лабораторией он начинает строительство двухэтажного жилого дома на 14 квартир в 1960 г. По субботам и воскресеньям все становятся строителями и по своим силам стараются помочь ускорить сдачу дома в эксплуатацию. И дом отстроили и заселили в том же году. А с 1970 г. квартиры специалистам выделяло министерство сельского хозяйства КазССР с активной помощью и ходатайством директора.

Всю свою трудовую деятельность Михаил Иосифович Коробченко посвятил делу развития ветлаборатории. И в свои 65 лет был полон сил, энергии, планов на будущее. Но 31 декабря 1981 г. нас собрали в зале представители Главветуправления Казахстана, поздравили с наступающим Новым годом и объявили, что с сегодняшнего дня у нас новый директор. Это был удар для всего коллектива, не говоря уже о директоре, неожиданный и подлый. У Михаила Иосифовича грубо отняли дело его жизни, смысл.

Он ушел униженный, подавленный, а мы ничем не могли ему помочь. Остаться без дела он не мог. Несколько лет он работал – то в зоопарке, то на фонтанах, на стоянке. А в 1990 г. его семья приняла решение уехать на историческую родину, в Израиль, в г. Бершева. 31 декабря 1998 г. Михаила Иосифовича не стало, о чем мне сообщил его брат в Алматы. Вот и все.

Ветлабораторию в 1998 г. перевели в Астану, это уже не та лаборатория, и уже другая история.

Статью в память о выдающемся человеке – Михаиле Иосифовиче Коробченко – подготовили сотрудницы ветлаборатории: врач-вирусолог Ольга Изяславовна Шевченко и зав. токсикологическим отделом Елена Давыдовна Золотова.

**ДНЕВНИК ЛИИ ФРИШМАН:
ПЕРВЫЕ ДНИ И МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ.
МОСКВА 21 ИЮНЯ – 11 ОКТЯБРЯ 1941 г.
ЭВАКУАЦИЯ НЕИЗБЕЖНА...**

*(К 95-летию со дня рождения Лии Семеновны Фришман)
«Этот город, являющийся центром СССР,
я люблю также горячо, как люблю своих родителей».
«...Москва, родная, любимая, несравненная!».
Лия Фришман (Из «Дневника»)*

Дневник Лии Фришман – это дневник моей мамы Лии Семеновны Фришман (1921 – 2010 гг.) – известного казахстанского ученого–востоковеда, педагога, лектора и поэтессы. Москвичка по рождению, она прожила в Москве 27 лет первой половины своей жизни, с момента рождения 21 июня 1921 г. до середины августа 1950 г., за вычетом двух лет эвакуации в г.Златоуст Челябинской обл.

Ее малая Родина – Замоскворечье с улицами Пятницкая, Большая Ордынка, Лаврушенским переулком. Здесь, в Черниговском переулке, дом 4, в коммунальной квартире № 32, она жила до войны со своими родителями.

«С годами ко мне все чаще
Приходят видения детства...
Вот я на Пятницкой снова,
В Черниговском переулке.
Вот окна большого дома
На пятом горят этаже...
Стою, затаив дыханье,
У тридцать второй квартиры,
В ней прожито двадцать
Моих довоенных лет...»

«Истоки», январь 1984 г., г.Алма-Ата [1].

Мать Лии – Фейга Моисеевна (1896–1958), урожденная Рубинштейн, хотя и происходила из знаменитой семьи композиторов и пианистов Рубинштейнов, трудилась на рабочей должности, на Первом московском часовом заводе. Отец Лии – Семен Лазаревич (Шимон Липманович)

Люди и судьбы

Фришман (1892–1942) – участник Первой мировой войны, был ранен и на всю жизнь остался инвалидом [2]. Первоклассный портной – он работал в швейной артели, организованной при поддержке Джойнта в помощь евреям – инвалидам, пострадавшим в Первой мировой войне.

Лия Фришман училась в средней школе № 12 Л.О.Н.О. (Ленинский отдел народного образования, - *прим. авт.*). Ленинского р-на Москвы, рядом с которой располагался Дом писателей, а неподалеку известный «Дом на набережной», где жили тогда семьи наркомов.

Совсем близко от дома, где жила Лия, и школы, где училась, находилась Третьяковская галерея, которую, по ее воспоминаниям, она часто посещала школьницей и до тонкостей знала многие полотна живописцев. В сильном педагогическом коллективе школы особенно яркой личностью являлся учитель русского языка и литературы Семен Абрамович Гуревич. Под влиянием его педагогического таланта ученица седьмого класса Лия Фришман начала писать стихи и делала первые стихотворные переводы немецких драматургов и поэтов (Шиллер, Гете, Гейне).

«По ночам, на узенькой кровати,
Девочка часами напролет
Повторяла строфы, как заклатья,
Уносясь в поэзии полет...»
«Стихи», 1942 г., г.Златоуст [3].

В 1939 г. Л. Фришман успешно выдержала вступительные экзамены и поступила на исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Со второго курса она училась на Восточном отделении истфака МГУ, на которое перешла в связи с открытием последнего, и специализировалась, как историк–востоковед, у блестящих профессоров, докторов исторических наук – Б.Н. Заходера и И.М. Рейснера. Особенный интерес у студентки Лии Фришман вызывала Персия (Иран), непознанный мир племен курдов и луров... Неслучайно, студенты – сокурсники называли ее саму персиянкой.

«Удивительный, сказочный образ Востока
Выплывает из дали ушедших времен.
Я протискиваюсь в рукописные строки,
И персидский улем забирает в полон».
«Путь в науку», октябрь 1949 г., г. Ленинград [4].

В предисловии к своему «Дневнику», о котором пойдет речь далее, тогда двадцатилетняя Лия написала: «Я нашла цель в своей жизни, к которой стремилась всеми силами. Правда, я боялась высказать ее своим

друзьям и даже самой себе. Я решила изучить историю средневекового Ирана и персидский язык настолько, чтобы суметь разобрать и прочесть в подлиннике замечательное произведение персидского поэта Фирдоуси «Шах-Наме», вошедшее в сокровищницу мировой литературы и перевести его на русский язык...

И вдруг все эти мечты, уже начавшие осуществляться, рухнули. Все перевернулось вверх дном. Началась война. Озверелые гитлеровские банды напали на нашу мирную Родину. Они оторвали сотни и тысячи людей от родного очага; они заставили каждого советского человека забыть о своей личной жизни.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. резко изменила ее жизнь и судьбу, как и жизни миллионов граждан Советского Союза.

Это потом уже, после многих испытаний и утрат, эвакуации, возвращения в Москву, окончания истфака МГУ, обучения в аспирантуре университета, защиты кандидатской диссертации, замужества, рождения дочери, Лия Семеновна по распределению Минвуза СССР прибывает в Алма-Ату в августе 1950 г. вместе с супругом Яковом Давидовичем Серовайским – историком – медиевистом, тогда – кандидатом исторических наук, и всей своей семьей [5]. «По доброй воле и на благо КазГУ» они проработают много десятилетий на кафедре всеобщей истории Казахского государственного университета им. С.М. Кирова [6].

Большинство документов личного происхождения Лии Семеновны Фришман находятся теперь в отделе личных фондов в Центральном государственном архиве г.Алматы, где в ее фонде № 300 представлены более 200 единиц хранения [7]. А в семейном архиве сохранилась общая тетрадь в бордовом коленкором переплете, со страницами светло-песочного цвета в зеленую линейку и бордовым обрезом листов. В ней заключен дневник военного времени Лии Фришман [8]. На его первой странице текста нет, только заглавие «Летопись минувших событий». Дневник написан ровным, разборчивым, каллиграфическим почерком, с округлыми, аккуратно выведенными буквами. Несмотря на то, что автор «Дневника» делала свои записи обычной ученической ручкой с металлическим пером и чернилами, и писался он сразу начисто, в нем практически отсутствуют какие-либо помарки, исправления и зачеркивания. Удивительно и другое, что почерк Лии остается почти таким же ровным и аккуратным, когда она продолжает вести свой дневник в дни трагических событий, происходящих в стране, и горестных событий в собственной жизни, вызванных войной. Поменялся только

наклон букв, почерк стал более убогим, теснее строй букв, да еще часто кончались фиолетовые чернила, и тогда она писала какими-то черно-синими и зеленоватыми. Страницы в дневнике не пронумерованы. Внутренний порядок изложения поддерживается хронологией. На не прочерченных ровных полях, формируемых текстом, проставлены числа дней месяца (1-е, 2-е, 3-е и т.д.) Название каждого месяца приводится в середине строки (июнь, июль, август и т.д.), в качестве заглавия, а далее следует хроника пережитых событий.

Следует отметить исключительную грамотность автора «Дневника», безукоризненно владеющего правописанием, пунктуацией и чистописанием. Хотя, не исключено, что некоторые правила русского языка изменились за истекшие 75 лет. Очевидно, тогда были приняты другие правила сокращений, например, в сокращенном варианте писалось не МГУ, а М.Г.У., не ВЛКСМ, а В.Л.К.С.М., не СССР, а С.С.С.Р. и т.п. Встречаются в «Дневнике» и некоторые другие особенности правописания и пунктуации того времени.

Так выглядит «Дневник» с точки зрения его внешней характеристики. А его автор – молодая, двадцатилетняя девушка, московская студентка. Дневниковые записи позволяют понять и почувствовать, что она умная и интеллигентная девушка, цельная натура с решительным характером, искренне убежденная в правоте советского строя и его идеологии, любящая свою Родину.

Долгие годы к «Дневнику» никто не притрагивался, и никто из членов нашей семьи его не читал. Неизвестно также, перечитывала ли сама Лия Семеновна свой «Дневник» в мирное время в Москве или в алма-атинский период жизни. Во всяком случае, об этом она никогда нам не говорила. Может быть, так сложилось потому, что ведь дневник, по жанру, очень личное произведение, не рассчитанное на читателей, пишется для себя. В отличие от мемуаров, которые предполагают читателей. В них – мемуарах, «человек фиксирует свои воспоминания тогда, когда хочет, чтобы его личная история стала достоянием окружающих» [9]. А ведение дневника не имеет такой цели и вызвано иными побудительными мотивами – потребностью доверить свои мысли и чувства бумаге, т.е. тут совсем другая мотивация и логика. Подтверждение этому нахожу в самом «Дневнике» мамы. Во введении к «Дневнику», которое не обозначено, но, по сути, первые страницы, предшествующие ежедневным записям, им являются, она пишет: «Потянуло к перу. Бывает, что в беседе не выскажешь всего того, что

накипело на душе. И хочется излить свои думы, и где-то в закоулках души остается еще много невысказанного, а вот напишешь, и как-то легче станет». Из этой вступительной части, а это два листа рукописного текста, узнаем, что 21 июня 1941 г. Лия находит свой прежний дневник, который вела еще школьницей, но не писала уже четыре года. «Я принялась читать страницы дневника и увлеклась им... В памяти восстановились события, происходившие несколько лет назад. Вспомнила даже незначительные подробности школьной жизни...».

И в этот день, именно 21 июня 1941 г., она начинает вести новый «Дневник» и, как оказалось, он станет отсчетом дней и событий военного времени. Дневниковые записи охватывают период от 21 июня 1941 г. до 11 октября 1941 г. На полях октябрьской страницы проставлена дата «14-го», но записи за этот и два предшествующих дня отсутствуют. Фактически «Дневник» обрывается 11 октября 1941 г. При этом дневниковые записи не были каждодневными. В общей сложности, в «Дневнике» запечатлены события 50-ти дней, прожитых в условиях войны в Москве, затем в Рязанской обл. (с. Тырново, совхоз Яльдино) и снова в Москве. Эти 50 дней приходятся на июнь (21, 22, 23, 24, 26, 30 – всего шесть дней), июль (1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 12, 14, 17, 20, 22, 23, 24, 26, 30 – всего 16 дней), август (1, 4, 6, 8, 14, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 29, 31 – всего 14 дней), сентябрь (1, 4, 5, 7, 9, 13, 16, 21, 24, 27, 30 – всего 11 дней) и октябрь (5, 10, 11 – всего три дня).

В целом, текст «Дневника» занимает, приблизительно, половину общей тетради, а во вторую ее часть Лия записала десять своих стихотворений, девять из которых она сочинила тогда же, в июне – октябре 1941 г., в Москве и с. Тырново, а одно – уже в эвакуации, в г. Златоуст Челябинской обл., в октябре 1942 г. В поэтических строках этих стихов отражены ее мысли, чувства, поступки в первые часы, дни и месяцы войны. Заглавия стихотворений говорят сами за себя: «21 июня 1941 г.» (Москва), «С «Интернационалом» (23 июня 1941 г., Москва), «Кровь за кровь» (июль 1941 г., Москва), «На родине Есенина» (август 1941 г., Тырново Рязанской обл.), «Сентябрь 1941 г.» (Москва), «Ребята Замоскворечья» (октябрь 1941 г., Москва), «Враг будет разбит» (октябрь 1941 г., Москва), «Наш Ответ фашистам» (ноябрь 1941 г., Москва), «24-й Октябрь!» (7 ноября 1941 г., Москва), «Черный день октября» (октябрь 1942 г., г. Златоуст) [10]. В заглавиях и в содержании стихов сконцентрирована суть происходящих событий и даже дана их хронология.

Хронологические записи «Дневника» в совокупности со стихами представляют собой уникальный нарративный источник и исторический памятник своего времени. Особенно важно, что это «Дневник» очевидца. Вот как сама Лия пишет об этом:

«Я видела все. Я была среди тех,
Кто жил в осадной Москве,
В том сорок первом году, в октябре.
Можно поверить мне» [11].

Собственное внимательное прочтение «Дневника» и стихов, записанных в этой же тетради, не оставило у меня сомнения в необходимости его опубликования без купюр, и я надеюсь на осуществление этого замысла. Признаюсь, что, как читатель, не могла оторваться от чтения дневниковых записей.

Непосредственная цель настоящего доклада состоит в том, чтобы дать представление о содержании «Дневника» в целом и ознакомить, следуя хронологии, с его отдельными, избранными страницами, причем, с теми из них, в которых наиболее ярко отразились важные события военного времени, сложившаяся ситуация и атмосфера жизни в Москве в первые дни и месяцы войны через призму пережитого его автором. В центре нашего внимания будет духовный мир и психологический настрой, мысли, чувства, переживания, решения, поступки, дела двадцатилетней студентки–москвички в обстановке военного времени начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

21 июня 1941 г. Лия написала в «Дневнике»: «Сегодня замечательный день – мне исполняется 20 лет. Хорошая дата, – и нужно получше ее отпраздновать... Так как 22-го воскресенье, то на этот день и решили перенести мой праздник. Скорей бы!».

А еще во вторую часть дневниковой тетради она записывает только что сочиненное стихотворение «21 июня 1941 г.»:

«Особенный нынче день –
День моего рождения,
А я позвала гостей
На завтра, на воскресенье.
Мне солнце сияет: «Привет!»
Цветы улыбаются – «Здравствуй!»
Сегодня мне двадцать лет
И я переполнена счастьем.
Мне радостно мерить жизнь

Люди и судьбы

Семестрами и учебой.

Мне нравится лозунг: «Дрызнь!

Твори, выдумывай, пробуй!».

Это ликующее по настроению стихотворение заканчивается строфой:

«Я верю в свою звезду.

Она меня не обманет.

И праздник завтрашний жду,

Когда ж воскресенье настанет?!».

«А завтра была война» – в точном соответствии с названием и содержанием известной повести Бориса Васильева. Нам известны разные описания первых часов и дней Великой Отечественной войны по литературным произведениям, документальным и художественным фильмам, историческим книгам, воспоминаниям очевидцев и ее ветеранов. А вот как началась война для моей мамы, согласно записи в «Дневнике» от 22 июня 1941 г.: «Рано утром мама с папой уехали на ул. Горького в Елисеевский магазин. Я еще лежала в постели, радио не включала. Вдруг прибежала Тоня. Она так запыхалась, что не могла произнести ни слова. Наконец, она с трудом произнесла одно слово: «война». Через несколько секунд, которые показались мне вечностью, я узнала, что по радио выступал В.М. Молотов с сообщением о том, что Германия, не объявляя войны, вероломно напала на Советский Союз...

Приехали родители. Молча вошли в комнату. Из кошелки уныло торчит горлышко бутылки с вином – единственно, что успели купить, прежде, чем узнали тяжелую новость...

Дома сидеть было невозможно. Мы с Тошкой отправились в Университет. Мы даже не могли говорить и почти всю дорогу шли молча...» [12].

На московских улицах и в университете, в первые часы войны девушки уже видят приметы военного времени. «На остановке трамвая стояла группа красноармейцев, и нам обeim захотелось подойти к ним и пожать им руки. По улицам то и дело проезжали военные машины, на Москворецком мосту стоял милиционер с противогазом и винтовкой через плечо... На истфаке в бюро В.Л.К.С.М. уже создан штаб. Меня тут же назначили на дежурство, завтра в 12 часов в парткоме».

А 23 июня 1941 г. Лия на комсомольском собрании в МГУ. «В 4-ре началось комсомольское собрание в комаудитории (коммунистическая аудитория, - *прим. авт.*). На улице еще жарко, но окна наглухо закрыты (с первого же дня войны в городе соблюдается строгая светомаскировка). В

Люди и судьбы

аудитории очень душно, но абсолютно тихо, как никогда... Выступает секретарь Ц.К. В.Л.К.С.М. – Михайлов. Он говорит о тяжелой угрозе, нависшей над нашей страной, и призывает молодежь старейшего вуза страны к самоотверженному труду на оборону своей Отчизны. Выступают представители студенчества от всех факультетов. Собрание принимает единодушное решение о том, что комсомол М.Г.У. считает себя мобилизованным и заканчивается пением «Интернационала». Я думаю, что никогда еще комаудитория не слышала такого единодушного исполнения народного гимна. А когда пение смолкло, мощное «Ура!» прокатилось по залу. «Ура» в честь нашей Красной Армии, призванной отомстить зарвавшемуся врагу. Очень много патриотизма, истинной любви к своей Родине, вкладывали мы в этот возглас». Под впечатлением всего этого Лия сочиняет стихотворение «С «Интернационалом» и записывает его в «Дневник» 23 июня.

«Обычно, в знак торжеств народных,
В Октябрь и Май всегда звучал
Наш гимн – воспрявших и свободных –
Рабочий «Интернационал».
Слова его в сердцах горели
У наших дедов и отцов,
А мы спокойно с ними пели –
«И в смертный бой идти готов».
<...>

Но вот война девятым валом
По землям нашим разлилась,
И гром «Интернационала»
Вновь нашу Родину потряс...».

Из «Дневника» мы узнаем, что 24 июня ночью москвичи пережили первую воздушную тревогу. «Ночью, часа в 2, мы были разбужены страшным грохотом. В чем дело? Подбегаю к окну... Неужели налет?! Первое время не знаем, что делать. Вдруг радио возглашает: «Граждане! Воздушная тревога». Раздается пронзительный вой сирены. Хладнокровие вернулось. Уж очень невероятным казалось, чтобы вражеские самолеты могли беспрепятственно долететь до Москвы на второй день после начала войны. Быстро одевшись, выходим из квартиры. Вниз по лестнице уже бегут жильцы нашего дома. Многие не успели одеться и выбежали, в чем были, накинув на плечи пальто, завернув в одеяла ребят. Бомбоубежище еще не готово... Все сгрудились под лестницей. Большинство молчат,

некоторые тихо разговаривают, иные даже пробуют шутить. Через два часа тревога кончилась. О сне не могло быть и речи. События не укладывались в сознании. В душу вкрадывалось сомнение. Рано утром я вышла на улицу. То здесь, то там, стояли группы народа... Встретила Тоню». Далее, Лия описывает, что по Москве ползли невероятные слухи в связи с первой воздушной тревогой, а радио молчало. «Но вот мы увидели почтальона со свежими газетами. Подбегаем к нему, хватаем газету, жадно вчитываемся в напечатанное. И через несколько минут тяжелый камень отлегает от сердца. Мы даже обнялись от радости. Оказывается, в городе была произведена учебная тревога – проверка подготовки московского населения к воздушному нападению врага».

А, между тем, у студентов МГУ продолжается летняя сессия и экзамены не отменяются. 30 июня у группы Лии последний экзамен по Истории СССР. И еще, 30 июня впервые на страницах «Дневника» Лии появляется слово «эвакуация». В обстановке военного времени им уже не учится, не до экзамена, и больше половины группы отказывается сдавать экзамен. Но Лия все-таки усердно готовится, уговаривает подруг идти на экзамен и отправляется на истфак. «Здесь все гудит, как в улье. Кто еще подзубривает хронологию, кто уже открепляется (уезжает по эвакуации); в бюро редколлегия выпускает номер «Боевого листка». Приходят студенты, отправляющиеся на фронт добровольцами. Прощания, пожелания, шум, гам...».

Лия сдала экзамен по истории СССР на «отлично», причем у нее принимала экзамен крупный специалист по российской истории, сама Милица Васильевна Нечкина [13]. «Через 20 мин. выхожу с зачеткой, где последняя отметка «отлично». Все поздравляют с переходом на третий курс и со стипендией».

А 1-го июля Лия и ее родители с волнением и тревогой слушают выступление Сталина. Это был уже, получается, десятый день от начала войны. «В 6 ч. утра по радио выступал т. Сталин. С болью в сердце выслушали мы его речь, обращенную к советскому народу. Враг уже занял часть нашей родной земли. Он зверствует над населением захваченных селений. Вождь призвал к беспощадной мести врагу, к организации народных ополчений».

В этот же день – снова комсомольское собрание в комаудитории МГУ. «Это собрание прошло в чрезвычайно серьезной, я бы сказала, боевой обстановке. Студенты горячо откликнулись на призыв вождя: юноши тут же стали записываться в ряды народного ополчения. Среди

записавшихся были и наши профессора Б.Н. Заходер и А.В. Арциховский. Девушки решили поехать на с/х работы в совхоз» [14].

Сотни студентов, аспирантов, преподавателей МГУ, оборонявших столицу на огневых рубежах в рядах московского ополчения, не вернутся, погибнут, как «солдаты, с кровавых не пришедшие полей», защищая Москву. Б.Н. Заходер и А.В. Арциховский останутся в живых. И Лия не могла тогда ни знать, ни предвидеть, ни предполагать, что после войны поступит в аспирантуру, и в 1950 г. в Московском университете защитит кандидатскую диссертацию по социально-экономическому строю иранских племен XIX в. под руководством Бориса Николаевича Заходера [15].

А тогда, 1 июля 1941 г., описание событий этого дня Лия завершает словами: «В дни, когда на фронтах Отечественной войны идет ожесточенная борьба, преступно сидеть, сложа руки».

И вот, уже 3 июля, папа и любимая подруга Тошка провожают ее на сельхозработы в Южной гавани Москвы-реки. Отсюда студенты – добровольцы МГУ – химики, физики, географы и историки, в основном девушки, отправляются на барже по Москве-реке и затем по р. Оке, в совхозы Рязанской обл. для уборки урожая и заготовки сена. Одних только историков – 150 девушек и 12 ребят. «Провожающие уехали... Мы все высыпали на палубу. С каждым поворотом винта мы удалялись от родной Москвы. Первое время мы стояли молча, крепко обнявшись, потом запели песню из «Истремителей»:

«В далекий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает...»

Потом песню о Москве. И почему-то именно теперь слова этих песен показались особенно правдивыми, особенно теплыми.

Вечером на барже всех собрали на митинг. Наш парторг (Сима) в кратких словах осветила положение, в котором очутилась наша страна. Тысячи советских людей отправились на фронты Отечественной войны, а те, которые остались в тылу, должны заменить их на полях совхозов и колхозов, на фабриках и заводах. Мы должны с честью выполнить свой долг перед Родиной. Об этом не надо было много говорить: каждый из нас прекрасно понимал обстановку и знал задачи, которые мы призваны были разрешить. Митинг закончился пением «Интернационала».

Миновав шлюзы, 5 июля, их баржа – плавающий дом, плывет в Оку, а 6 июля причаливает к пристани с. Тырново. Им предстояло прожить в этом селе, а, вернее, в шалашах у полей совхоза Яльдино, как видно из

дневниковых записей, до 23 августа. В этот период Лия 24 раза обращалась к своему дневнику. Некоторые прожитые дни на сельхозработах описаны с мельчайшими подробностями, иные – кратко, фрагментарно, только самое главное, что произошло.

Студентов на пароме переправляют на другой берег Оки. Обещанных подвод не было. Они идут к месту назначения пешком. «Наша дорога шла через необъятные поля, которые нам предстояло убрать. Не верится даже, что мы справимся». И вот они, уже в темноте, добрались и осмотрелись. «В два ряда стояли непокрытые, очевидно, еще недоделанные, шалаши». В них они проживут целое лето, но сначала студенты – горожане, москвичи, в недоумении. Однако, молодой задор, оптимизм, чувство юмора, берут свое, и они принимаются за дело. «С раннего утра мы начали приводить в порядок свои жилища: разложили постели, набили сеники, натаскали ветки и сено для покрытия шалашей... Наши шалаши стоят в открытом поле на берегу небольшого озера. Это нас очень обрадовало еще вчера: будет, где купаться». Но они сюда прибыли не отдыхать: работать придется по 11 часов в день, а трудовой день будет начинаться с рассвета. «С граблями и вилами на плечах, как заправские колхозницы, и, конечно, с песнями, пришли на сенокос. Долгое время, как нам ни показывали, у нас ничего не выходило. С трудом, общими усилиями сгребли несколько копен... страшно устали...». Может быть, поэтому за следующий день записи в «Дневнике» нет. Работать на сенокосе и укладывать скирды сена дело трудное, особенно с непривычки. В своем дневнике от 9 июля Лия признается, что все девушки сильно устают, и работа у них не ладится. «Скоро станет совсем темно, а мы только пришли с работы... Я еще никогда так не уставала. И самое обидное то, что работа у нас совсем не ладится. Совхозники смеются над нами, а многие посматривают явно недружелюбно. Вряд ли справимся мы с тем, что нам предстоит сделать. А другой рабочей силы в совхозе почти совершенно нет». Они живут в шалахах, фактически под открытым небом, без электричества, радио, газет, и им надо было максимально использовать световой день. Письма от близких все-таки как-то доставляют. Наконец, 12 июля Лия получила первую открытку от мамы. «Очень обрадовалась. В Москве пока все благополучно». И к тяжелому физическому труду они начинают привыкать. «14-ое. Понемногу начали свыкаться с работой. Теперь уже не так устаем, да и вырабатываем значительно больше. Единственно, что продолжает мучить по-прежнему – это жара».

Но мучают и переживания за родных, расстраивают изредка доходящие до них вести с фронта. Вот запись в «Дневнике» от 20 июля 1941 г. «Каждый день приносит новые печальные известия о событиях на фронте. Наши войска оставили уже много городов Украины и Белоруссии. Надеемся на то, что отпор немцам будет дан под Смоленском. Некоторые из наших девчат уже потеряли связь со своими родителями, которые теперь находятся у немцев. Настроение подавленное. Да еще нет никаких писем из Москвы. Но за нее мы спокойны. Нет сомнения, что враг не будет допущен к столице».

Как и сотни тысяч жителей страны, Лия и ее однокурсники, находящиеся на трудовом фронте, верили и надеялись, что наступление фашистов будет остановлено под Смоленском. Они не знали тогда, что Смоленск подвергался массированным бомбардировкам уже 23 июня 1941 г., а также в последующие дни июня, и беженцы из Смоленска устремились в соседние города – Велиж, Демидов и др., спасаясь от врага. Все силы советских армий (16-я, 19-я, 20-я армии) были направлены на оборону Смоленска и на подготовку оборонительного рубежа по р. Межа. Однако под натиском немецко-фашистских армий группы «Центр», в т.ч. танковых частей, наши войска, оказывая ожесточенное сопротивление противнику, с тяжелыми боями были вынуждены отступить и оставить Смоленск. Гитлеровцы неудержимо рвались к Москве [16].

Прошел ровно месяц от начала войны, и именно 22 июля всех их взбудораживает «ужасная весть»: «... из Ижевского (очевидно, другой совхоз или отделение, - прим. авт.) приехал какой-то мужик и ударил всех, как обухом по голове: «Слышали, Москву-то вашу бомбил немец?». Мы сначала оцепенели, а потом в мозг каждой из нас, у кого остались родные в Москве, вонзилась неотступная мысль: «Как они там? Живы ли?». Они даже не обратили внимания на то, что он сказал: «вашу Москву», а не нашу. «Радио не работало: очевидно, связь была прервана. Газет тоже нет... Мы стали требовать, чтобы сегодня же нам сообщили подробности налета на Москву... В полдень приехал парторг с центральной газетой. На поле был устроен митинг. В газете сообщалось, что «в ночь на 22 июля был совершен налет немецких самолетов на Москву. Пытались прорваться 100 самолетов. Большинство из них рассеяно. Отдельные группы прорвались в черту города и сбросили фугасные и зажигательные бомбы. Есть жертвы». Тут же мы решили послать телеграммы родителям. Парторг сказал, что, по всей вероятности,

Люди и судьбы

пострадали районы Киевского и Белорусского вокзалов... Очень тяжело, но ничего не остается, как ждать, ждать ответа».

24 июля из Москвы, наконец, приходит несколько телеграмм, в т.ч. для Лии и ее подруги Нади. «Наши родители совместно сообщали, что они живы и здоровы... Мы радостно расцеловались».

Общее положение на фронтах Великой Отечественной войны для Красной Армии и всего населения страны, особенно оккупированных врагом территорий, остается тяжелым. 30-го июля Лия пишет в «Дневнике»: «Почти ежедневно немецкие стервятники производят злодейские налеты на Москву. Жертвой бомбардировки стал театр Вахтангова. Как я любила его! От письма до письма мы не уверены, живы ли наши родные, находящиеся там». В этот день из Москвы приехали две мамы кого-то из девушек. Все забрасывают их вопросами, что после бомбардировок произошло в том или ином районе столицы. «Они рассказали ужасные вещи. Почти не существует ул. Горького, разгромлены вокзалы, дома на Арбате, сгорел Зацепский рынок... Говорят, что на площадях построили макеты зданий, раскрасили дома в разные цвета, неузнаваем Кремль. Во время тревог в метро давка, но пускают только женщин и детей. Подобные слухи не раз доходили до нас, но им не хотелось верить... Сегодня же мы услышали все из уст очевидцев. Разошлись спать с мрачными думами».

Они продолжают работать на полях, косить совхозное сено, стараются держаться, отвлечься от мрачных мыслей, а иногда даже могут развеселиться. Вот и два ряда своих шалашей, в которых живут по четыре человека уже целый месяц, назвали «Комариным проспектом» из-за обилия комаров. И еще, как-то в обеденный перерыв, на лодке без весел – гребли руками и ногами – рискнули отправиться в заповедник на другую сторону своего озера. «Как замечательно здесь! Очень много птиц, поющих на разные голоса; уйма цветов и таких ярких, благоухающих, что мы без конца восхищались ими... А вот и лесная клубника, да какая ароматная!». И это, как будто, именно о них, об этих восторженных девушках в заповедном лесу за Окой, написал Давид Самойлов: «Война гуляет по России, а мы такие молодые...».

Девчата ударно трудятся, уже совсем пообвыкли, не устают и поэтому, когда ложатся спать, еще долго болтают. Они – студентки, причем историки, и им хочется жить интеллектуальной жизнью. «Несколько дней тому назад мы постановили, чтобы по очереди рассказывать какие-нибудь захватывающие истории, реальные случаи,

интересные книги-романы, повести, сказки, театральные спектакли. Больше всех рассказывала я, и девочки даже прозвали меня Шахерезадой. Позавчера я рассказывала замечательный роман Э. Синклера «Царь Мидас», – всем очень понравилось».

В совхозе они больше месяца, но до отъезда еще далеко, а количество гектаров, которое им предстояло убирать увеличивалось за счет отавы и болот [17]. А тут еще поползли слухи, что запрещен въезд в Москву. «Все это вместе взятое волновало нас настолько, что администрация совхоза решила созвать собрание». Оно проходило в центре Комариного проспекта, который колхозники стали называть Московской улицей. Выступил директор совхоза Яльдино. Он сказал, что в совхоз прибыла партия «дорогих гостей» (стада, эвакуированные из Смоленской обл.), которых с помощью студентов надо обеспечить кормами на всю зиму. Обращаясь к студентам, директор не скрывал реальное положение вещей. «Возможно, нельзя будет уехать в Москву, тогда нас оставят в совхозе или эвакуируют в другой город. Теплой одеждой постараются обеспечить». А у них действительно из одежды только выцветшие сарафаны и платья из ситца, некоторые взяли с собой пальто. На ногах – износившиеся тапочки, ребята давно ходят босиком. «Ведь у нас здесь нет ничего, кроме самых легких летних платьев, маек и тапочек, да и те настолько поизносились, что на ногах у многих лапти». Интересно, что совхоз даже выделил двух стариков из крестьян, которые плели им лапти. А в умах у всех только одно: «Неужели не сможем вернуться домой?». 8 августа они узнают, что наши войска после кровопролитных боев оставили Смоленск.

Как ни тяжелы были эти известия, жизнь в студенческом трудовом лагере шла своим чередом. Здесь было все: и студенческое братство, дружба и девчоночьи ссоры. Лия не без гордости пишет: «Наша третья бригада прослыла, как самая веселая и неугомонная. На работу мы идем с песнями, возвращаемся домой – тоже поем. Да и работа у нас идет лучше, чем у других бригад.

А тут еще кто-то предложил сочинить свою совхозную песню. Идею быстро подхватили... Мотив и основу взяли из старой студенческой песни «От зари до зари люди жгут фонари». Я тряхнула стариной (ведь когда-то стихоплетством занималась) и к обеденному перерыву продекламировала девочкам свое сочинение:

«От зари до зари льются солнца лучи.
Все студентки в полях появляются.
Они сено гребут, они копна кладут
И еще кое-чем занимаются.

Припев:

Через кочку, кочку раз,
Через кочку, кочку два,
Через кочку, кочку три
Спотыкаются.

Они рано встают, не умывшись, бегут
И в столовой сидят – просыпаются.
Они кашу едят и на шкварку глядят
И обрата еще дожидаются...»

Куплетов в песне было девять, пели ее потом всем лагерем, она стала студенческим совхозным гимном, под названием «Через кочку...».

Здесь, в Тырново, в августе 1941 г., Лия сочинила одно из самых лирических своих стихотворений, но это была лирика военного времени – «На родине Есенина». Вот его несколько строф:

«Неоглядны желтые покосы,
В сизой дымке тихая Ока,
У березок – шелковые косы,
У лесов – лиловые бока.
Край наш русский!
С радостью и болью
О тебе писал большой поэт.
Повидать рязанское раздолье
Мне давно хотелось, много лет.
И свиданье это состоялось.
Вот я здесь. Но все не так сошлось...
Не о том мне думалось, мечталось.
Свидеться не так нам довелось.
Топчет враг святую землю нашу.
Ворвалась война в наш мирный дом.
И миллионы от станков и пашен
Ратным занялись теперь трудом...
Вот и мы, учебники забросив,
Прибыли сюда, в рязанский край,
Не на отдых, не к поэту в гости,
А убрать колхозный урожай...

...

Но, я верю, что наступит время,

Одолеем лютого врага.
И придем к тебе, Сергей Есенин,
В милые, приокские луга...».

17 августа из Москвы приходит телеграмма от некоего Бутягина, возможно, секретаря комитета комсомола университета или проректора, в которой он пишет, чтобы студенты выезжали в Москву тут же после окончания сельскохозяйственных работ. А работы уже близились к завершению: «у каждой бригады осталось убрать несколько га». Они выпускают последний номер стенгазеты «На сенокосе», в которую вписывают свой гимн «Через кочку» и организывают прощальный вечер, разжигают большой костер... «Директор совхоза, Мильеранский (их бригадир, - *прим. авт.*), совхозники поздравили нас с окончанием большого дела: убрано почти 1 тыс. 700 га за сравнительно короткий срок. Совхоз «Яльдино», бывший ранее отстающим, теперь встал в ряды передовых совхозов. Зачитали благодарность от Наркомсовхозов и трогательное дружеское письмо от парторга совхоза, которая по болезни не смогла присутствовать на вечере. Она писала, что то, что мы сделали, есть лишь начало большого дела, что в Москве нас ожидают трудные и тяжелые дни, и перед нами, особенно перед членами комсомола, стоит почетная задача: помочь нашей стране, помочь Красной Армии изгнать со своей земли и уничтожить навсегда фашистских захватчиков...». Особенно отличившимся на сенокосе студентам выдали денежные премии. Лия пишет, что большинство, из получивших эти премии, сразу же передали их в Фонд Оборона. Затем состоялся импровизированный концерт художественной самодеятельности, спешно подготовленный студентами. «Я читала свой перевод гейновских «Ткачей» и «Во весь голос» Маяковского. Тут же вокруг костра начались танцы под баян... Вальс сменялся веселой полькой, танго или фокстротом, гопаком и краковяком». Студенты, полные молодого задора, и совхозники, нашедшие с ними общий язык, веселились вместе. «А когда, уже очень поздно, разошлись совхозники, ушел баянист, мы все еще продолжали петь, шутить и веселиться. Хотелось как можно дольше продлить этот вечер. Кто знает, что ждет впереди».

Согласно полученной директиве из МГУ, студенты партиями выезжают из совхоза Яльдино и с. Тырново. Запись в «Дневнике» за 20 августа: «Сегодня мы проводили первую партию – тех, которые разъезжаются в другие города. (Еще вчера были увезены больные)». 21 августа из совхоза Яльдино и с. Тырново уезжали почти все студенты.

Оставалось лишь 19 чел. – «зимовщиков». Интересно, что совхозники просили студентов на прощание написать им веселую «Песенку про обрат» (так им запомнился студенческий гимн «Через кочку»), которая будет памятью о московских студентах. «Лагерь остается позади... Вокруг, насколько видит глаз, необозримые просторы теперь уже убранных полей с одинокими стогами. И все это убрано нашими руками!».

Возвращение в Москву было трудным. Пешком, по бездорожью, добрались они до станции Шилово. Уже моросили затяжные дожди. С трудом, в столпотворении вокзала, достали билеты на проходящий поезд. В Рязани их вагон отцепили и поставили в тупик. Продуктов у них не было. Курсировали тревожные слухи, что въезд в Москву запрещен. Только 24 августа, после многих превратностей в пути, поезд прибывает в Москву. «Вот и Москва, родная, любимая, несравненная! Сердце переполняется радостью. Теперь скорей домой». С волнением Лия устремляется к своему дому в Черниговском переулке. «Но, что же это – я не могу узнать свой дом. Почерневший, с отвалившимися лепными украшениями, весь в пробоинах от осколков, с огромными черными дырами вместо окон... Оказывается, у нас напротив дома упала фугасная бомба, которая и произвела все эти разрушения. Стремглав поднимаюсь на пятый этаж, открываю дверь, обнимаю маму. Вот и опять мы вместе своей маленькой дружной семейкой. Рассказам и расспросам нет конца. Еще бы! В такое время каждый день имеет свою историю».

29-го августа было комсомольское собрание на истфаке МГУ, на котором Лия и еще несколько студентов получили специальное задание от райкома комсомола. Они обязаны были выполнить его в трехдневный срок. Задание состояло в следующем: «разъяснять на предприятиях и в учреждениях о системе выдачи зарплаты семьям бойцов народного ополчения, требовать, чтобы она регулярно выдавалась, проверять нужды и их запросы. Три раза мне пришлось встретиться со случаями, когда здание, в котором помещалось данное предприятие, оказывалось стертым с лица земли... Особенно тяжелое впечатление произвели разрушенные Мед. институт на Пятницкой и жилой дом в Каменщиках».

И, несмотря на все это, в условиях военного времени, 1 сентября, как и в прошлые годы, в МГУ начались учебные занятия. «Но война накладывает свой отпечаток везде. Кто знает, можно ли нам будет заниматься в этом году? Первый день принес первые огорчения: прежде всего, сильно изменена и урезана программа III курса (как и всех остальных), отсутствуют многие профессора...».

7-го сентября Лия участвует во Всесоюзном молодежном воскреснике в честь Международного юношеского дня. Вот как она описывает этот день в «Дневнике»: «Пришли почти все, и, в первую очередь, «совхозники». Едем куда-то, в р-н Южной гавани... Нам нужно было сложить в штабеля огромные груды дров, наваленных на берегу Москвы-реки. Тут же организовали конвейер. Поленья дров так и летели из рук в руки, и штабеля росли один за другим. Веселые шутки и песни не прекращались ни на минуту. Вдруг, как-то неожиданно полил мелкий дождь. Но это не смутило нас. Работа продолжалась с той же энергией и задором».

Дневниковая запись за 16-ое сентября не требует комментария: «Ура! Я стала донором. Сегодня прошла последний этап на мед. комиссии...». И еще об этом она сочиняет стихотворение «Кровь за кровь!», которое записывает в тетрадь «Дневника».

«В полутемном коридоре
Толкотня и духота.
Меж собой девчонки спорят
Та ли группа, иль не та...
Волноваться мне не надо –
Первой группы кровь моя.
И, конечно, будут рады
Ей во всех госпиталях...
Кап, кап, кап! И вот уж норма –
В колбе двести грамм моих
Густокрасной крови, полной
Сил, здоровья – на двоих.
«Ну, вставай!» – «Берите больше!
Две по двести отдаю!»
Кровь моя бойцам поможет
Одержать успех в бою.
Пусть круги в глазах и слабость
Кровь бойцам – удар врагу!
Потому всплеснулась радость
Ну, а дома – ни гу-гу».

19 сентября Лию вызывают в комсбюро истфака МГУ и назначают комсоргом. Она записывает в «Дневнике»: «Работа ответственная, особенно теперь, в дни войны. Приятно, что именно теперь доверили такую работу. Сегодня же приступлю к исполнению своих обязанностей».

Люди и судьбы

А 21 сентября студенты истфака МГУ вместе со студентами Баумановского института на очередном воскреснике роют противотанковые рвы на подступах к Москве, на Можайском шоссе, находясь близко к очагам боя. «Километрах в трех от станции протянулась линия противотанковых рвов. Задачей сегодняшнего воскресника было вырыть вторую линию. Работать было тяжело – глинистая почва плохо поддавалась нашим киркам и лопатам. Через каждые 50 м. устраивали десятиминутный перерыв. В 4 ч. началась усиленная стрельба, и вскоре нам пришлось наблюдать воздушный бой».

И как-то даже странно и удивительно, что занятия в МГУ продолжаются, и Лия задумывается над выбором будущей специальности в области исторической науки и определяется в своем окончательном выборе. Хроника дня 24 сентября 1941 г.: «Решено и подписано – буду специализироваться по истории средневекового Востока. Пока решила выбрать Иран. Итак, я выбрала себе окончательно специальность – историк–востоковед (медиевист). Жребий брошен, но будет ли перейден Рубикон, это еще вопрос?».

Следующая запись только от 27 сентября 1941 г., Лия подробно описывает, какая тревожная обстановка сложилась в Москве к этому дню, и как переносят трудности москвичи. Столица живет по законам военного времени. «Стали частыми воздушные налеты врага на Москву. Почти каждый день слышна стрельба зениток по фашистским стервятникам. Чаще всего по вечерам дикий вой сирены пронизывает воздух, оповещая об опасности, нависшей над москвичами. Москвичи уже научились бороться с «зажигалками». Их умеют тушить даже ребята, делающие это не хуже взрослых (на нашем доме их потушили уже 20 шт.)».

Лия и большинство ее школьных и университетских подруг, друзей – ребят, живут в Замоскворечье, и вот, теперь этот район оказался одним из самых опасных. «Наш район, такой замечательный в мирное время, теперь стал наиболее опасным. Кремль, МоГЭС, два военных завода, Москворецкий мост – все это является объектами воздушного нападения. Часто во время тревог фашистские бомбардировщики кружили над нашим домом, и, казалось, вот-вот они обрушат на нас свою смертоносную силу. (Мы уже научились безошибочно определять по звуку моторов наших ястребков от «юнкерсов» и «мессершмидтов». У первых гул ровный и чистый, у последних – прерывистый и хрипящий. Бывает, тревоги длятся четыре–пять часов подряд. У нас в бомбоубежище собирается маленький тесный кружок». А после отбоя возобновляется почти обычная жизнь:

Люди и судьбы

«Люди возвращаются к прерванной работе, пустеют подвалы и наполняются дома и улицы, продолжаются прерванные спектакли в театрах и концертных залах».

Стихотворение Лии «Сентябрь 1941 г.» дополняет описание общей обстановки в Москве в это время.

«Репродуктор молчал уже много часов,
А люди, прислушиваясь к тишине,
Спешили сделать без лишних слов
Больше, чем раньше, двойне и тройне...
А тут уже в небе гудят «мессершмидты» –
Фашистская свора прорвалась в Москву
Через кордоны наших зениток,
Бомбы разбрасывая на лету,
На школы, больницы, музеи чудесные.
Грохочут взрывы на Красной Пресне
И в центре – на площади Ногина.
А в садике против университета,
Где бюст Ломоносова мирно стоял,
Бомбой разбило статую эту,
На месте остался один пьедестал.
В разгаре сентябрь сорок первого года
С деревьев бесшумно спадает листва.
Вместе со всем советским народом
В военную осень вступила Москва».

Дневниковые записи октября начинаются с пятого числа. Лия была удивительной студенткой: с таким интересом тянулась к знаниям, старалась даже в той реальности не просто учиться, но и осваивать новые предметы. Она пишет: «Начала заниматься арабским языком... Мне эти занятия очень нравятся, и я с удовольствием учу арабские слова...». Но учиться дальше ей было пока не суждено. Восьмого октября Лия уже даже не пишет о занятиях, учебе, а только о тяжелой обстановке вблизи Москвы и в столице, которая усугублялась с каждым днем. Из истории Великой Отечественной войны известно, что в октябре–ноябре немецко-фашистские войска развернули широкое наступление на Москву. Они предпринимали отчаянные усилия, чтобы захватить Москву до начала зимы. Но советские войска, московское ополчение стояли насмерть. «Враг на подступах к Москве, он совсем близко. Город объявлен на осадном положении. Обстановка чрезвычайно напряженная.

Бесконечные тревоги, иногда длящиеся по четыре–пять часов, мешают нормальной жизни. И москвичи показывают образцы героической работы по строительству оборонительных рубежей вокруг столицы. Ежедневно из Москвы уезжают в глубокий тыл десятки фабрик, заводов, учреждений и вузов. (У нас об этом пока нет и речи). Город пустеет. Тяжело, но все-таки хочется верить, что немцам не бывать в Москве».

Но, эвакуация неизбежна и для нее. Вот буквально через два дня ей становится известно, что МГУ тоже эвакуируют, причем, в Ташкент. Десятого октября в «Дневнике» появляется такая запись: «Только хотела заняться немецким, чтобы подготовиться к сегодняшнему уроку, как примчались Туся и Ляля. Новость, которую они сообщили, была настолько неожиданна, что я сначала растерялась: завтра в 11 ч. утра М.Г.У. уезжает в Ташкент, имущество почти уже запаковано» [18]. Очевидно, решение об эвакуации МГУ было принято в обстановке строжайшей секретности, с одной стороны, поскольку студенты ничего не знали об этом до самого последнего времени, и неразберихи – с другой. «Ведь только вчера я была на лекциях, и об отъезде никто ничего не знал». Подруги отправляются на истфак МГУ, чтобы разузнать обо всем, но и там они застают самую неопределенную обстановку. Вот как это было: «Здесь толком никто не знал об отъезде. Из начальства никого не оказалось. Деканат завален кучами каких-то бумаг; кто-то из профессоров уже привез свои вещи, которые свалены здесь же в углу. Т.к. было дано распоряжение уничтожить все списки студентов, в особенности, комсомольцев, а также различные маловажные документы то, впервые за много лет пылают университетские камины. Студенты, собравшиеся группами в актовом зале, на лестнице, в аудиториях, горячо обсуждают известие об эвакуации, взвешивая все «за» и «против». Одни (их большинство) уже решили ехать, др. – остаются». Лия и ее подруги пока не знают, как им поступить, и они решили посоветоваться дома, с родными, а потом вечером созвониться по телефону. Лию мучает мысль о том, что, м.б., кто знает, придется навсегда расстаться с родителями.

Долго раздумывать было некогда. Родители убедили Лию эвакуироваться вместе со студентами МГУ. Запись за 11-ое октября: «Всю ночь не спали. К счастью, не было тревоги, и за ночь мы успели собрать все мои вещи. Итак, я еду в Ташкент. Мама убедила меня, что их завод обязательно уедет, следовательно, и они не останутся в Москве. За это я больше всего опасалась... Теперь волновало то, что решат девчата. Но и на этот раз наша дружная университетская семейка оказалась

неразлучной. Вместе мы учились в Москве в мирные золотые дни, вместе работали на совхозных полях, когда грянули первые залпы войны, вместе отправляемся в дальний путь...».

Одиннадцатого октября Лия и провожающий ее отец приезжают с вещами на истфак, но, по-прежнему, нет ясности и определенности в отношении эвакуации. «Когда мы с папой приехали на истфак, все мои однокурсники вместе со своими пожитками были уже в сборе. Как и раньше, никто ничего не знал об отъезде определенно. Только к исходу дня объявили, что наш состав начнет формироваться 14-го».

И Лия проставила в «Дневнике» число «14-го», но записи за 14-ое октября уже нет, и больше «Дневник» она не вела. На этом заканчивается «Летопись минувших событий» Лии. С чувством сожаления перелистывала я последние страницы «Дневника» и дочитывала его строки, обращенные в октябрь 1941 г. Из рассказов мамы и содержания ее стихов знаю, что тогда, в середине октября 1941 г., она не эвакуировалась вместе с МГУ и осталась в Москве. Почему так получилось, она не говорила.

Лия пошла работать на Первый московский часовой завод, где трудилась ее мама. Завод был перепрофилирован на выпуск продукции военного назначения. Теперь он находился в ведении Народного комиссариата минометного вооружения. С середины октября бои шли не только в дальнем, но и в ближнем Подмоскovie. На всю жизнь запомнилось Лии серое, хмурое, затянутое тучами небо над Москвой октября–ноября 1941 г. и на фоне его – канонады, воздушные атаки противника, вой сирен...

А утром 7-го ноября 1941 г. из окна дома в Черниговском переулке Лия, ее родители и все соседи из своих квартир смотрели, с верой и надеждой, на тот незабываемый парад советских войск на Красной площади в честь двадцать четвертой годовщины Октября, парад, который придавал силу и уверенность всему советскому народу. Легендарному параду Лия посвятила стихотворение «24-ый Октябрь», которое написала в этот же день.

«С неделю уже не бомбят,
Но в праздничный день ноября
Готовили фрицы парад
У башен священных Кремля.
В листовках твердили они
Зловещие эти слова,
Что будто последние дни

Люди и судьбы

Свои доживает Москва.
Не верим!
Не может быть!!
Нет!!!
И все же – в тревожную ночь
В квартирах никто не спал.
Стараясь себя превозмочь,
По радио ждали сигнал.
Мы видели, что над Кремлем
Советский полощется флаг,
Но знали, что, как воронье,
Вблизи притаился враг.
Молчал репродуктор...
Вдруг, фашистский прорвался марш
И сразу – в сердце испуг,
Не наш он!
Не наш!!
Не наш!!!
А утром – вся тяжесть с плеч.
Приказ по войскам вождя:
Парад состоится в честь
Великого Октября!
И вот уж чеканят шаг
Полки под кремлевской звездой.
Пушай содрогается враг –
Ведь с площади – прямо в бой...
Десятки боев впереди
И множество трудных атак,
Но главное: вера в груди,
Что будет повержен враг!»
7 ноября 1941г., Москва.

Это были самые напряженные, тревожные, судьбоносные для Москвы и всей страны, дни оборонительного периода битвы за Москву, от 30 сентября 1941 г. до 4 декабря 1941 г.

Совсем скоро советское командование и Красная Армия, накопившие к зиме достаточно сил, приступят к мощному контрнаступлению. Наступательный период битвы за Москву начнется 5 декабря 1941 г. Однако до окончательного разгрома немецко-фашистских

Люди и судьбы

войск под Москвой было еще далеко. Поэтому эвакуация заводов, фабрик, учреждений, учебных заведений, а с ними и жителей Москвы, продолжалось.

Во второй половине ноября настала очередь эвакуации Первого московского часового завода. Как и сотни других эшелонов, сформированный для завода поезд взял курс на восток, к Уралу. В нем вагоны со станками, оборудованием, людьми – инженерно-техническими работниками (ИТР), рабочими, их семьями. В одном из этих вагонов, где, по словам Лии, «дощатые нары в два этажа» и где «в тесноте небывалой сгрудились старый и малый», уезжала из Москвы, от войны, семья Фришман – моя бабушка Фейга Моисеевна, мой дедушка Семен Лазаревич и мама. Вместе со всеми им предстояло на новом месте поставить завод, теперь его продукция – часовые механизмы для танков и самолетов, предназначалась для фронта.

Воспоминания о войне часто всплывали в памяти Лии Семеновны в мирное время. Она рассказывала о пережитом в дни войны родным и друзьям, своим студентам. Воспоминания приходили во сне и наяву, находили отражение в ее стихах:

«Не верится подчас,
что это было.
Был путь войны,
и я на том пути,
Но память с новой
неизбывной силой
Влечет назад
и, видно, не уйти
Ни в снах, ни в яви от воспоминаний.
Мне слышится нередко вой сирен
И грохот бомб,
и раненых стенанья.
Я вижу ясно
столько страшных сцен...
Я вижу,
что опять окопы рою,
А «юнкеры» режут над головой.
И ближнего слышны
раскаты боя,
И дым пожарниц
взвился над Москвой...» [19].
«Рядовая тыла», 9 мая 1985 г., Алма-Ата.

Люди и судьбы

Для меня так и осталось загадкой, как в лихолетье военного времени, переживая события в гуще которых жила, моя мама сумела вести «Дневник», находила для этого силы, улучала какие-то моменты времени в условиях, когда надо было спастись от бомбежек, учиться, работать и выживать.

Я невольно задумалась о судьбе поколения тех девушек и юношей, к которому она принадлежала. Их молодость и жизнь безжалостно перевернула война. Рожденные в 20-х гг. XX в., они были детьми социалистического государства. Пусть эти времена безвозвратно ушли, но стоит сказать, что, не будучи наивными, они искренне впитали в себя мощную советскую идеологию.

Лия Фришман и ее подруги – Тоня Ваганова, Надя Рехина, Ляля Гурари, Зоя Кормухина, Туся..., упомянутые в «Дневнике», многие др. школьные и университетские друзья, и те девушки и юноши, которых она называла «ребята Замоскворечья» горячо, беззаветно любили Москву, свою Родину.

В дни суровых испытаний для народа и страны они стали взрослыми не по годам, оказались стойкими, способными к защите Отечества. Эти девушки и юноши даже не представляли себе тогда, что можно было поступать иначе, чем добровольно уйти на фронт или записаться в народное ополчение, работать на колхозных и совхозных полях, на трудовом фронте, стать донорами, вступить в отряды МПВО, а в тылу – встать к станкам на эвакуированных заводах и фабриках, трудиться не жалея сил «для фронта, для решающей Победы, для праздника на улице твоей».

1. Фришман Лия. Истоки // Зеленый свет (Сборник стихов). – Алматы, 1993. – 84 с. – С. 16–18.
2. Известно, что в годы Первой мировой войны полтора миллиона евреев участвовали в боевых действиях в армиях воюющих государств, по обе стороны фронта. – см. Кандель Феликс. Очерки времен и событий. Из истории российских евреев. (Часть третья: 1882–1920 годы / Научн.ред. М. Кипнис. – Иерусалим, 1994. – 337 с. – С. 302.
3. Фришман Лия. Стихи // Радуга (Сборник стихов). – Алматы, 1993. – 63 с. – С.4; Фришман Лия. Стихи // Служу истории мессу (Сборник стихов) / Составитель и автор вступительной статьи Ю.Я. Серовайская. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1996. – 85 с. – С.10.
4. Фришман Лия. Путь в науку // Служу истории мессу (Сборник стихов). Указ.изд. – С. 17–18.

5. О жизненном пути Л.С. Фришман см. Серовайская Ю. Две музы Лии Семеновны Фришман // Еврейский дом (Ежемесячный литературно-информационный журнал). №4, сентябрь–октябрь 2001 (Тишрей 5762). – Алматы. – С. 35–36; ее же. – Л.С. Фришман – историк – востоковед, педагог, лектор и поэт. К 80-летию со дня рождения // Актуальные проблемы современности. Международный сборник научных трудов. – Караганда – Новосибирск: «Болашак-Баспа», 2002. – 487 с. – С.361–371; ее же. – Лия Семеновна Фришман – историк – востоковед, педагог, лектор и поэтесса // Роль архива в современном обществе. Материалы Международной научно-практической конференции, 17 мая 2013 г., г.Алматы / Ред.кол.: А.К. Ботанов, К.Ш. Алимгазинов; сост. Л.А. Матвеева, А.Ж. Сабирова. – Алматы, 2013. – 330 с. – С.261–279; Ульман А.И. Лия Фришман // По тропинкам истории евреев Казахстана. – Алматы: «Wink», 2004. – 92 с. – С. 59, 67–71, 89; Гринберг И.Э. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. – Алматы: «Искандер», 2005. – 376 с. – С. 166; его же. – Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. Изд. второе, дополн. – Алматы: «Fortress», 2009. – 410 с. – С.187, 188; Горбенко А. Еврейское счастье // Давар. №4–5, июнь–июль 2011. – С.21; Матлина Л.М. Лия Семеновна Фришман – ученый–востоковед, педагог, поэт // История. Память. Люди: Материалы VI Международной научно-практической конференции. 18 октября 2012 г., г. Алматы / Ред.кол.: Л.С.Актаева, А.И. Барон, Е.М. Грибанова, Н.П. Кропивницкий, Е.В. Чиликова. – Алматы, 2013. – 446 с. – С. 288–291 и др.
6. Именно так называется статья Л.С. Фришман, посвященная тому, как она и ее супруг Яков Давидович Серовайский работали в КазГУ им. С.М. Кирова. См. Фришман Л.С. По доброй воле и на благо КазГУ // Ученые. Педагоги. Наставники. Очерки и воспоминания / Под ред. Т.А. Кожамкулова. – Алматы: «Қазақ университеті» 2004. – 281 с. – С.65–69.
7. Фришман Лия Семеновна (1921–2010 гг.). Поэтесса, востоковед, кандидат исторических наук. Фонд № 300. Описание 1. Документы личного происхождения за 1949–1998 годы. Центральный государственный архив г.Алматы (далее – ЦГА). – Алматы, 1998; Описание 1 (продолжение). Документы личного происхождения за 1998–2002 годы. ЦГА. – Алматы, 2009; Описание 1 (продолжение). Документы личного происхождения за 1954–2002 годы. ЦГА. – Алматы, 2010; Описание 1 (продолжение). Документы личного происхождения за 1941–2007 годы. ЦГА. – Алматы, 2011.
8. Фришман Лия. Дневник. Летопись минувших событий (21 июня 1941 г. – 11 октября 1941 г.). Москва // Семейный архив Серовайских–Фришман. Рукопись.

9. Чиликова Е.В. От составителя // Павел Мариковский. Воспоминания натуралиста, зоолога, писателя / Под ред. Б.А. Джапарова. – Алматы: «Принт Экспресс», 2016. – 384 с.; 2 л. ил. – С.3.
10. Только в 90-ые годы в Казахстане Лия Семеновна опубликует эти стихотворения в сборниках своих стихов: «Радуга» (Алматы, 1993. – 63 с.), «Зеленый свет» (Алматы, 1993. – 84 с.), «Пусть правит разум» (Алматы, 1993. – 111 с.), «Снова радуга светит» (Алматы: Фонд «XXI век», 1998. – 120 с.).
11. Из стихотворения в «Дневнике» – «Черный день октября» (октябрь 1942г., г. Златоуст).
12. В этом фрагменте «Дневника» Лия упоминает о Тоне. Это ее школьная подруга Тоня Ваганова. Она училась в Московском институте рыбного хозяйства. В семейном архиве сохранились письма Антонины Николаевны Вагановой, отправленные Л.С. Фришман в Алма-Ату.
13. Нечкина Милица Васильевна (1901–1985) – советский историк, доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР и АПН, лауреат Сталинской премии. Главные труды: «История пролетариата СССР» (1930–1935 гг.), «Грибоедов и декабристы» (1947 г.), «Восстание 14 декабря 1825 г.» (1951 г.), «Декабристы» (1982 г.).
14. Заходер Борис Николаевич (1898–1960) – советский востоковед – медиевист, иранист, доктор исторических наук, профессор; также известен как переводчик. Арциховский Арсений Владимирович (1902–1978) – советский археолог, историк, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР.
15. Фришман Л.С. Социально-экономический строй иранских племен в XIXв. Автореф. дис. на соиск.уч.степ. канд.ист.наук. – М.: Изд-во Московского университета, 1950. – 25 с.
16. Об этом подробнее см. Из истории Велижа и района / Под ред. Н.А. Казакова; рец. А.Г. Бордюков и Л.А. Качулина. – Смоленск, 2002. – 279 с. – С. 175–176; Голанд Шевель. Велижское гетто. Смоленская область. XI.1941 – I.1942 (по материалам Велижского судебного процесса 1960 года): - М.: «Дом еврейской книги», 2012. – 158 с. – С. 17–18.
17. Отава – трава, выросшая в тот же год на поле на месте собранного урожая или скошенного сена.
18. В этом фрагменте «Дневника» упоминаются подруги Лии – Туся и Ляля. К сожалению, фамилию Туси узнать не удалось, а Ляля – Елена Григорьевна Гурари – университетская подруга Лии. После войны окончила аспирантуру МГУ, затем долгие годы была сотрудником редакции Большой Советской энциклопедии. Дружеские отношения подруги сохранили на всю жизнь.
19. Фришман Лия. Рядовая тыла // Зеленый свет. Указ.изд. – С. 21–23.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: МОТИВЫ ДЕПОРТАЦИИ, ЭМИГРАЦИИ

«Литературные сюжеты» народного писателя Казахстана М. Симашко, в которых писатель воспроизводит встречи с людьми, повлиявшими на его дальнейшую судьбу и формирование как прозаика, являются наименее исследованными из всего его творческого наследия. О них идет речь в монографии автора данной статьи [1], но это лишь первые подступы к теме. Автор сам определяет жанр написанного – «быль», хотя считает, что и оно не совсем отражает задуманное: «Присутствовало в свое время в русской литературе простое, незамысловатое слово «быль». Человеческое, теплое, очень русское слово. При том широкое, просторное, емкое. Не очерк (очень уж тут чувствуется очерченность, граница), и не рассказ, подразумевающий сказителя (отсюда слово искажитель). Именно *быль*» [2, с.447]. Жанровый подзаголовок наделяется уточняющей метафункцией.

Стилистически маркированный литературный прием, представляющий собой эхо жанра автобиографии, получил определение автобиографизма. «Он появляется, – отмечает Магдалена Медарич в статье так и озаглавленной «Автобиография / Автобиографизм», – в текстах, которые сами по себе не являются автобиографией, не писались и не воспринимались как автобиографии» [3, с.5]. Автобиографизм проявляется в дневниках, мемуарах, письмах, исповедях.

«Литературные сюжеты» М. Симашко отличаются от автобиографии тем, что в них нет необходимого для этого жанра тождества между автором, повествователем и основным персонажем. Основными персонажами у М. Симашко выступают его родители, бывший комсомолец Григорий Бондарь, писатели Мухтар Ауэзов, Александр Твардовский, Борис Лавренев, Федор Панферов, Юрий Домбровский, скульптор Исаак Иткинд. «Писание по Бондарю» – это, в первую очередь, повествование о детстве будущего писателя, вкрапления картин жизни семьи на Украине, в Одессе. Жизнь персонажей художественных произведений не может быть изображена вне контекста исторической эпохи. Голодный, страшный Тридцать Третий Год (именно так – заглавными буквами пишет его М. Симашко, – *прим.авт.*). Осенью в

Одессе появились первые голодающие. Повествование М. Симашко отстраненно. Он описывает картины жуткой трагедии как бы со стороны, глазами постороннего наблюдателя. Хотя это картины, всплывающие в его детской памяти, необыкновенно цепкой и впечатлительной: «Они неслышно садились семьями вокруг теплых асфальтовых котлов позади их законных хозяев – беспризорников – и молча смотрели в огонь. Глаза у них были одинаковые: у стариков, женщин, грудных детей. Никто не плакал. Беспризорники что-то воровали в порту или на Привозе, порой вырывали хлеб из рук зазевавшихся женщин. Эти же сидели неподвижно, обреченно, пока не валились здесь же на новую асфальтовую мостовую. Их место занимали другие. Просить что-нибудь было бессмысленно» [4, с.450-451]. В данном конкретном случае авторское начало проступает как авторское описание мира.

«Есть одна великая картина, которая называется «Чудовище гражданской войны». Скелет грызет собственные кости...». Так начинается «Писание по Бондарю». Далекие детские воспоминания – в основе повествования, для обозначения жанра которого не подходит названное ранее – «быль», потому что «все на свете трансформируется, развивается, и «прошлогодние гнезда не для нынешних птиц». По словам самого автора, он стремится передать «не одно лишь увиденное собственными глазами, но и некие отзвуки, сполохи памяти, навеки вошедшие в жизнь. Они не могли появиться из ничего. Все это было...» [5, с.447]. Концептуальное ядро повествования – «быль», «было».

С середины зимы, когда каждый день от причалов по обе стороны холодильника уходили по три-четыре иностранных парохода с мороженым мясом, маслом, битой птицей, голодающие шли толпами, «с черными, иссохшими лицами, и детей с ними уже не было». Чудовищный контраст советской действительности. В последнем произведении «Четвертый Рим» М. Симашко вернется к «Литературным сюжетам», особенно к очерку «Писание по Бондарю», вновь переосмысливая советскую действительность и основные этапы ее развития. Но нами цитируются очерки «Литературные сюжеты» как первое опубликованное произведение, построенное не просто на ассоциативном мышлении. Концепт память на протяжении всего творчества был для М. Симашко определяющим: «Происходившее выстраивалось в памяти много лет спустя из всплесков воспоминаний, обрывков разговоров, неотвратимого осмысления собранных вместе разнородных осколков».

Бывший комсомолец Григорий Бондарь ушел в Тульчинские леса. «Это были годы начала крутой коллективизации: с реквизицией скота, обобществлением птицы, уполномоченных с нагаками в руках. Завершалось это потоками бредущих по жидкой грязи людей: стариков и молодых, женщин, детей в сопровождении молчаливого, исполненного классовой непримиримости конвоя» [6, с.449].

Вновь воспоминания детства: отец, вернувшийся из леса (по дороге в округ он был захвачен бандитами). Постоянные визиты начальника милиции, члена укома домой к заведующему школой. Поездки отца в Тульчин и Гайсин. Нужно время, чтобы автор очерков понял, чем были вызваны визиты и отъезды: «Мне понятным это стало много позже: от отца требовали объяснений, почему бандиты отпустили его. Ведь «петлюровщина» и все остальное...» [7, с.449].

Найти объяснения происходящему пытался и Бондарь: «Откуда ж та напасть на селянство?.. Нет такого у Ленина, Давид!»

Следующая веха – Тридцать Седьмой Год. Арест отца.

Тридцать Восьмой Год. Нарком пищевой промышленности Микоян взял на поруки все руководство треста и консервного завода им. Ленина, т.к. «произошло одновременно закономерное и невероятное. Работая без технического руководства и бактериологической службы, один за другим встали консервные заводы юга страны. Особенно неудобна была остановка завода им. Ленина, работавшего на экспорт. Второй месяц дожидались погрузки в порту иностранные суда» [8, с.453]. Отец на свободе. Повествование писателя вновь отстраненно: «... Некую заводскую активистку, написавшую сто тридцать восемь заявлений на врагов народа, расстреляли».

Написанные в Алма-Ате в 1988 г. очерки М. Симашко полны горьких раздумий автора: «В ночь возвращения отца я услышал опять это имя. Речь шла не о шпионаже и диверсиях, и следовательно был совершенно прав. Он искренне не мог понять, почему когда-то в Тульчинском лесу бандит и националист Бондарь не убил еврея и заведующего школой – моего отца. Это никак не соответствовало схеме расстановки политических сил на Украине, выразившейся в определенных партийных решениях. По имевшимся у следствия некоторым данным, отец с Бондарем обнялись при расставании...» [9, с.453].

В основе очерков М. Симашко – личные воспоминания автора. Не так часто, но он прямо указывает на это: «Я сам уже после войны работал учителем в селе Большое Плоское Великомихайловского района Одесской

области. Это было в ста с небольшим километрах к югу от тех мест, где учительствовал когда-то мой отец. Все было живо в моей памяти...» [10, с.453]. Автобиографическая память и помогала создать вещи такой силы воздействия, как «Литературные сюжеты». О многом из того, о чем идет речь в очерках, до 80-х – 90-х гг. XX в. просто не упоминали. Написанное – не публиковали.

Повествование неторопливо, размеренно... Исторические вехи, о которых пишет автор в «Литературных сюжетах», получают дальнейшее осмысление в его публицистике и в «Четвертом Риме», в основе которых – автобиографическая память. «Писание по Бондарю» М. Симашко отнести к автобиографии нельзя. В очерке, *были* (как сам автор определил жанр, – *прим.авт.*) – первые подступы к трагической теме голодомора. Историческое время неумолимо движется вперед. «Вехи, как при быстрой езде, сливались в одну сплошную линию. Эта называлась – Сорок Седьмой Год».

«Романтик в душе, независимо мыслящий и входящий в любую эпоху, как в собственный дом, писатель, Симашко-прозаик (как, кстати, и Симашко-публицист, и публицист, надо сказать, яростный), – пишет Л. Енисеева-Варшавская, – обрисовывает, проводит параллели, раскрывает, прогнозирует, предупреждает и тем самым, конечно же, вразумляет. И, как ни странно, – чем дальше мы движемся вперед во времени, тем злободневнее становятся его художнические прозрения и исторические уопостроения. Прискорбно, но факт – злободневность эта растет с каждым днем» [11]. Глагол, точно найденный Л. Енисеевой-Варшавской по отношению к гражданской позиции М. Симашко, очень верен. Писатель *вразумляет*, обращается к разуму тех, кто читает его прозу, сложную, философски насыщенную, интеллектуальную.

Все взаимосвязано в мире и на планете Земля. Засуха. «Обессиленную историческими катаклизмами землю постигло обычно соответствующее им природное явление – засуха». Никаких эпитетов. Повествование вновь отстраненно. «Дети ходили в школу ради выдаваемых международной помощью ста граммов хлеба и тарелки американского горохового супа. Они толстели на глазах. Их лица, руки, ноги становились как пуховые подушки. Потом они перестали ходить даже за супом. Всякий день за околицу села выносили по двадцать – тридцать гробов» [12, с.453]. Никаких комментариев, развернутых повествований, картин голода. Сухое, лаконично – и от этого запоминается, врезается в память. Обращено к разуму человеческому:

такое нельзя забыть, это следует помнить ради того, чтобы никогда не повторилось.

Картины реальной жизни того времени ужасают. «В Западной Украине, где шли обильные дожди, осталась неубранной в полях картошка. Люди бросились туда, но их останавливали милицейские заставы. Кого захватывали с картошкой, давали по десять лет. Говорили: «Приказ Молотова!» [13, с.453].

В повести «Гу-Га», написанной в августе 1981 г. – январе 1982 г., тема голодомора уже была в некоторой степени затронута писателем. В Водохранилище («мы ... на месте». М. Симашко никак не обозначает по-другому предварительное заключение, предшествовавшее формированию штрафной роты, – *прим.авт.*), оказываются двое пацанов. «Так ... Хрусталеv, Рудман. – Капитан Правоторов медленно читает сопроводительные документы. – Групповое хищение со взломом. На всю катушку. Что же похитили вы там?» Пацаны переглядываются. «Муку», – глухо говорит старший» [14, с.405].

В первом очерке «Литературных сюжетов» – «Писание по Бондарю» (в третий том «Избранного» «Литературные сюжеты» включены автором сразу после повести «Гу-Га», писатель словно подчеркивает преемственность тематики, – *прим.авт.*) автор-повествователь исследует феномен психологической раздвоенности. С Западной Украины на крыше вагонов люди везли картошку, неубранную с полей. «На глухих перегонах их ждали другие люди (Люди ли? Так и хочется уточнить, – *прим.авт.* Но повествование М. Симашко по-прежнему нейтрально). Они привязывали веревкой к дереву железные кошки с зубьями, которыми вылавливают из колодцев утонувшие ведра. В ночной тьме их бросали вдоль крыши несущегося поезда, сдергивая все подряд: мешки с картошкой и спящих людей. Вдоль дорожных насыпей у Жмеринки, Котовска, Балты, станции Раздельная валялись обезображенные, истерзанные трупы мужчин и женщин, так и не доехавших к своим голодным детям» [15, с.453-454]. Гибли мирные жители в мирное время.

Следует всего одно авторское предложение-комментарий: «Не было блокады и оккупации...». Авторская речь предельно лаконична. Общая история становится предметом автобиографической памяти. Именно автобиографическая память оживляет картины детства и включает их в литературное произведение. М. Симашко предпринимает попытку прогнозирования дальнейшей судьбы Григория Бондаря, если бы он остался жив. Его боялись даже мертвого. Кем бы был он в иной

исторической ситуации? Он был личностью. В прямом обращении автора к читателю (что и предполагает прием автобиографизма) М. Симашко уверен, что Бондарь стал бы организатором кооперации на селе. «В войну ... я вижу его почему-то командиром танковой роты».

У М. Симашко – текст обращен к человеку. Писатель умело использует в «Литературных сюжетах» взгляд «со стороны» и временную удаленность от воссоздаваемых событий.

Пятьдесят Третий Год... Прилетев в Алма-Ату, почувствовав тревожные нотки материнского письма, будущий писатель встретил на ул. Пролетарской отца, накануне освобожденного от занимаемой должности директора созданного им Института микробиологии АН РК, и Мухтара Ауэзова, в очередной раз обвиненного в националистическом искажении истории и тоже снятого с работы в Академии наук. Портрет великого писателя дан через восприятие автора: «Он был чуть сгорблен, и умные глаза смотрели с какой-то печальной усталостью» [16, с.455].

Обвинения кадрового порядка, фактически, стали поводом отстранения от любимой работы отца писателя: «... Принял на работу одного известного микробиолога, отбывшего срок в карагандинских лагерях, и еще одного такого же из Чимкента. Кроме того, взял к себе в аспирантуру дочь казахского националиста, расстрелянного в Тридцать Седьмом. При этом шла борьба с остатками вейсманизма-морганизма, критиками-космополитами, врачами-отравителями, ну и так далее» [17, с.455].

Но очередная веха – Пятьдесят Третий Год – «оказалась вкопанной лишь на четверть. Произошло, как говорится, «известное событие», и казахский классик, которого укрывали в Москве и Ленинграде от ареста русские коллеги, вернулся в Алма-Ату и вскоре получил за свой роман Ленинскую премию» [18, с.456]. Восстановлен на работе и директор Института микробиологии АН Казахской ССР.

Центральными образами «Литературных сюжетов» избраны Б. Лавренев, А. Твардовский, Ф. Панферов («Дебют»), И. Иткинд («Посещение мастера»), Ю. Домбровский («Орнаментальная проза»). Название серии очерков «Литературные портреты» полностью оправдывает себя. «Тонкорусское, интеллигентное, лавреневское лицо... И быстрая, какая-то легкая стройная походка. Лишь чуть заметная согбенность выдает возраст». Рукопись повести М. Симашко одобрена Б. Лавреневым.

Мимолетная, но очень точная зарисовка знакомого лица: «Широкий, продолжающий мощную линию как бы всей натуры, твардовский лоб, расходящиеся клином волосы. И еще какая-то очевидная мягкость в этом

грозном лице: она где-то у глаз, в строптивой складке губ, в тайной здоровой усмешке. Это не противоречие, а какая-то особая, редкая форма характера. Все это воспринимается при одном взгляде» [19, с.466].

По-особому теплые отношения установились в первый визит с Б. Лавреневым. Два часа гуляют М. Симашко и Б. Лавренев в московском сквере. И вдруг становится ясен интерес известного советского писателя к первому произведению автора из Туркмении: «Но расспрашивает меня – как-то осторожно, словно боится потревожить что-то свое – о Средней Азии. Будто давние тени пробегают по его лицу, и я начинаю понимать, почему он рекомендовал мою повесть. Это молодость его – Туркестан, «Сорок первый»...» [20, с.464]. Так проявляется личностный аспект автобиографической памяти.

Спустя десятилетия, М. Симашко совершенно по-другому воссоздает эту встречу, на которой он фактически получил путевку в большую литературу. Фотография на память и авторский комментарий: «Борис Андреевич Лавренев идет к своей машине. Это, кажется, последняя фотография в его жизни. Никто еще не знает об этом» [21, с.465].

Целую гамму чувств вызвала телеграмма из Москвы: «Волнением прочитал вашу повесть В Черных песках желаю творческих успехов Федор Панферов». Не может такого быть. Два центральных литературно-художественных журнала заинтересовались повестью. Розыгрыш друзей?! Нет. Получен вызов в Москву.

Во внешнем облике Федора Ивановича «сразу поражают пронзительно светлые, с голубизной глаза. Они кажутся еще светлее и пронзительней на бледном, исхудалом лице. Какое-то удалое, отчаянное веселье в этих умных глазах. «Что же, я болен, ты видишь, а мне это... Я работаю, веду свою линию жизни, и все ущербное для меня не существует!» Так я читаю про себя это панферовский взгляд, – пишет М. Симашко. Он полон энергии» [22, с.470]. Повествование идет от первого лица.

Доминанта облика главного редактора журнала «Октябрь» – взгляд, пронизательность которого становится все нестерпимой. Ф.И. Панферов предлагает печататься и в его журнале. Много позже, вспоминая разговор с двумя известными деятелями литературы и культуры, М. Симашко пытается привести в порядок свои впечатления: «Нет, это не просто редакторский азарт, который тоже необходим литературе. Тут еще какой-то особенный задор, который роднит этих людей. Позиция у каждого искренняя. Как это нужно, чтобы не все было одинаково. – Заключительные слова автора очерка «Дебют» словно обращены к нам,

читателям и исследователям его творчества в XXI в. – Ведь одинаковость – это пресечение жизни, историческая смерть. В литературе это виднее всего...» [23, с.471]. И в романе «Колокол» М. Симашко – этот же мотив: в страну одинаковых мыслей хотел превратить умирающий император Россию.

Первое произведение, публикуемое в Москве. Все мелкое, наносное, провинциальная литературная жизнь на периферии отступают... Все «заслоняет огромная фигура поэта Середины Века. Он и физически огромен – с красивым мужественным лицом, на котором клочковато топорщатся седые брови». И первый литературный штамп. Автор очерков беседует с поэтом Юрием Рябининым, нелепо погибшим впоследствии. Поэт читает стихи. И возникает название будущей книги: «... Мы долго сидим, сухой и горячий ночной воздух сметает влагу с наших лиц. Сидим до утра, и чувство высокой сопричастности литературе не покидает нас, когда Черные Пески вдруг краснеют, вмиг раскаляются добела одной стороной барханов, в то время как другая сторона делается еще черней... Я и не знал, когда писал повесть, что рождается новый штамп» [24, с.462].

Портрет скульптора И. Иткинда выполнен в совершенно иной манере. М. Симашко в самом начале очерка «Посещение мастера» находит два самых близких слова о первом впечатлении: «...Из темных дверей маленького камышитового дома является вдруг патриарх и некий бог». Далее следует развернутое повествование: «Он мал ростом и крепок, необыкновенной, сказочной белизны волосы, окаймляющие лицо, ниспадают на какую-то кофту. И сияющие, обнимающие мир глаза» [25, с.472]. Разумеется, портрет воссоздается по памяти от этой первой, удивительной встречи... Автор возвращается в иное время. Прошли годы или десятилетия. Концепт память многое, по-прежнему, определяет в повествовании. На длительный отрезок времени указывает сам автор: *я потом читал...*

И все-таки он доверяет первому впечатлению от встречи: «Я потом читал, что они у него темные или даже зеленовато-желтые, но они явно голубые как небо, мудрое прощение всему живущему и радость жизни в них, глаза творца». Бог творчества – «маленький старик в стоптанных суконных тапочках, с вымазанными глиной руками... Сразу было видно, что ему лет сто, но крепкие, совсем молодые руки, лицо без видимых морщин и эта особая белизна волос говорили о некоем другом счете во времени» [26, с.472]. Еще одно невероятное потрясение: речь скульптора, это даже не акцент. «Это совершенно невероятное нагромождение

польских, литовских, еврейских и каких-то еще неизвестных говоров, сцепленных русской стилистикой в некий абстракционистский порядок, и, тем не менее, все понятно» [27, с.473]. Причудливое смешение языков, говоров, слов продолжается. Но теперь хозяин изучает своих гостей. Роли сменились. С мгновенной зоркостью он высвечивает каждого из пришедших «своими сияющими глазами». *Обнимающие мир* глаза, *сияющие* глаза, *полные неведомой* нам жизни – так восторженно подобраны определения. «Изумленно и влюбленно» смотрит на скульптора «крупными и близорукими, цвета зеленой сливы глазами», Иван Петрович Шухов, линейный казак Войска Ермака.

Ю. Домбровскому посвящена «Орнаментальная проза». Интересную черту таланта известного прозаика подмечает автор: одновременное разрабатывание множества сюжетов, «так или иначе находящихся между собой в некоей вселенской, не доступной зрению связи...». И, размышляя о Ю. Домбровском, влюбленном в каждого человека, в каждый камень города, с которым столько связано воспоминаний, восхищаясь увековеченным в его прозе собором и образом архитектора города А.П. Зенковым, М. Симашко размышляет о евразийстве: «А сам думаю о всей громадной центрально-азиатской равнине, где в последние два века происходили новые исторические изменения в непрерывной цепи их от великого переселения народов». На эти размышления навела его прочитанная рукопись романа.

«Воплощенные в тянь-шанском дереве полотна Зенкова – не могут подобрать им более подходящего определения – продолжая византийскую традицию, содержали в себе жизненную идею единения Запада с Востоком. Яркий, с установившейся в тысячелетиях формой собор был центром всему. А офицерское собрание, губернаторский дом, лавки и магазины на бывшей Торговой улице вместе с неповторимой их русскостью несли мотивы и образы пагоды, мечети, караван-сарая на Великом Шелковом пути, соединяющем цивилизации» [28, с.486]. Так в очерке «Орнаментальная проза» 1988 г. тема евразийства, о которой М. Симашко размышлял постоянно, объединена с концептом Великий Шелковый путь. В прозе М. Симашко они будут неразрывны.

Впервые М. Симашко включает искусственные сюжеты в «этот естественный мир»: дом Троцкого, камышитовая пристройка, где жил, будто бы укрываясь от участия в Отечественной войне, отравленный газами в первую мировую войну боевой офицер Зоценко, бараки спецпереселенцев с Кавказа, Крыма, со Средней Волги, из прикаспийских степей. Сюда начали ссылать задолго до Тридцать Седьмого из Москвы,

Ленинграда, Киева, и здешний университет мог поспорить с иными столичными институтами количеством известных в науке имен. Эти имена, и не в одной только науке, продолжали поставлять сюда Акмолинские и Карагандинские лагеря» [29, с.486]. Пространство художественной памяти писателя охватывает столь разные темы и мотивы. М. Симашко никогда не рассказывает «ради самого рассказа». Его проза адресована интеллектуальному читателю, «на первый план выходит проблема «смысла» и «значения» [30, с.105].

В прозе непревзойденного мастера художественного текста, тонкого стилиста, романиста и публициста М. Симашко образ автора важен в повествовании чрезвычайно. Спустя годы и десятилетия Морис Давидович продолжает диалог со своим читателем, читателем любимым, понимающим и вступающим в диалог с ним, автором-повествователем удивительной и непревзойденной прозы XX в., в которой мотивы депортации и эмиграции выступают элементами темы одиночества. И продолжается диалог с читателем века XXI.

1. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда, 2013. – 220 с.
2. Там же.
3. Медарич М. Автобиография / Автобиографизм // Автоинтерпретация /Под ред. А.Б. Муратова и Л.А. Иезуитовой. – Санкт – Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1998. – С.5-32.
4. Симашко М. Литературные сюжеты // Симашко М. Избранное в трех томах. Том третий. – Алматы: Жазушы, 1993. – С.445-494.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Енисеева-Варшавская Л. Достоевский в Казахстане// http://eniseeva.ucoz.com/publ/dokumentalnja_proza/literatura/10-1-0-60
12. Симашко М. Литературные сюжеты.
13. Там же.
14. Симашко М. Гу-Га // Симашко М. Семирамида. Гу-Га: Роман, повесть. – Москва: Советский писатель, 1990. – С.373-506.
15. Симашко М. Литературные сюжеты.
16. Там же

17. Там же
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. Петров Ю.В. Семиотический ренессанс и его истоки в современной философии постмодернизма // Эмбатерион. Embathpion. Сборник статей по искусствознанию, филологии, истории. – Москва: МЦНМО, 2011. – С.90-105.

Южаков В.П.

ПОЛКОВНИК Г.В.НЕЙМАН – ГЕРОЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Более 70 лет назад в междуречье Волги и Дона развернулось одно из величайших в истории человечества сражений – Сталинградская битва, которая сыграла огромную роль во Второй мировой войне. Сталинградское сражение положило начало коренному перелому в борьбе СССР с фашистской Германией, ознаменовало собой крупный этап в развитии полководческого искусства советских военачальников, боевого мастерства офицерского корпуса и солдатских масс Красной Армии. За время Сталинградской битвы, длившейся 200 дней, Германия и ее сателлиты потеряли четвертую часть своего состава, действующего на советско-германском фронте, убитыми – 841 тыс. чел., взятыми в плен – 238 тыс. чел. [1, с. 237]. Трофеями советских войск стали 744 самолета, 1666 танков, 5762 орудия, 261 бронемашина, три бронепоезда и другое военное имущество[2, с. 374].

Наши доблестные воины-победители знали, что они защищают свою Родину, родных и близких. Среди защитников были люди всех национальностей и народностей, населявших нашу страну – Советский Союз.

Люди и судьбы

Григорий Нейман, 17-летний еврейский юноша из небольшого городка Тросянец Винницкой обл., только окончил школу, как началась Великая Отечественная война. Эта страшная весть поразила всех, но выпускной вечер состоялся – при тщательной светомаскировке. В военкомате молодые люди требовали отправить их на фронт, но выпускников эвакуировали и распределили по колхозам, где настала уборочная страда. И все же Григорий Нейман добился своего: 24 августа 1941 г. его зачислили курсантом Второго Томского артиллерийского училища. Парень рвался на фронт – поскорее отомстить за гибель от рук фашистов родителей и младших сестренки. После окончания училища в звании младшего лейтенанта его направили командиром взвода управления батареи 122-мм орудий 817-го артиллерийского полка 293-й стрелковой дивизии, которая дислоцировалась севернее Сталинграда. Наши войска вели тяжелые оборонительные бои. Здесь, на этом участке фронта, в буквальном смысле, решалась судьба страны. Взвод управления младшего лейтенанта Неймана всегда был на переднем крае обороны, в одних окопах с пехотинцами. «Управленцы» определяли цели и передавали огневым взводам батареи координаты противника, корректировали огонь.

19 ноября 1942 г. после полуторачасовой артиллерийской подготовки подразделения 293-й стрелковой дивизии генерал-майора Лагутина П.Ф. с плацдарма у станицы Клетской, на правом берегу Дона, начали наступление и прорвали вражескую оборону 12-й пехотной румынской дивизии [3, с. 172].

Началась знаменитая стратегическая операция советских войск «Уран», решившая исход Сталинградской битвы. 15 тыс. орудий и минометов действовали на этом направлении. 19 ноября стал ежегодным праздником, Днем ракетных войск и артиллерии[4, 35].

Много лет спустя, из-за природной скромности Григорий Владимирович Нейман не любил рассказывать о своих подвигах, а больше писал о ратных делах однополчан. Когда спрашивали, говорил, что воевал, как все, мерз, был ранен. Но в архивном наградном листе прямо говорится о героизме взводного: «Во время общего наступления под дер. Мариновка на батарею шли шесть немецких танков, пять из которых были подбиты орудиями батареи, а шестой танк лично уничтожил из противотанкового ружья младший лейтенант Г. Нейман» [5].

В январе 1943 г. заканчивался разгром окруженной 330-тысячной армии Паулюса под Сталинградом. Григорий Владимирович вспоминал:

«Новый год я встретил в окопчике, закрытом от снега и ветра крылом сбитого немецкого самолета. Наш взвод поддерживал штурмовую роту, выдавал данные для стрельбы. Рота ушла вперед, и надо было перебираться на новый наблюдательный пункт. В тот день я был в сапогах, потому что валенки отсырели. А мы боялись больше обморожений, чем ранений. Так вот, надо было пробежать 100 м. На полпути к НП рядом разорвалась мина. Осколками пробило зимнюю одежду, сорвало хлястик шинели, сильно ударило по ногам. А боли почти не было. Добежал до окопчика и индивидуальным пакетом наскоро перевязался. Вот тут и ударила сильная боль. На НП я уже не мог встать на ноги. Пришел командир разведки дивизиона, узнал, почему я лежу, и закричал: «Мать твою, а воевать я с кем буду?!»

Всю ночь я пробыл на НП, еще командовал, а к утру стало совсем плохо. Санитары потащили меня в тыл сначала волоком, потом перенесли на носилках в медсанбат. Там раненых уже было много, но медики очень быстро оказывали помощь каждому бойцу. Рана на моей ноге оказалась глубокой, осколки заделали кость, и до 10 августа 1943 г. я пролежал в госпитале. Последние два осколка извлекли в Караганде уже в 1976 г.»

В августе 1943-го, еще не долечившись, Г. Нейман потребовал выписки и направления в родной полк. Но направили его не на фронт, а преподавать во Второе Астраханское пехотное училище. Командир курсантской роты, позже – военный комиссар одного из районов Гурьевской обл. - майор И.С. Агарков так характеризовал своего заместителя: «Лейтенант Нейман Г.В. грамотный, инициативный, неутомимый офицер. Он способен преподнести сложнейшие артиллерийские формулы, основывается на опыте фронтовых действий».

За Сталинградскую битву Г.В. Нейман был награжден орденом «Красная Звезда», тремя Благодарностями Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, медалью «За оборону Сталинграда». В мирное время Григорий Владимирович продолжил службу в Советской Армии, был награжден вторым орденом «Красная Звезда», медалью «За боевые заслуги», орденом «Отечественная война» I степени.

Казахстан стал для заслуженного ветерана второй родиной. Более 40 лет Г. Нейман активно проработал в Караганде. Вел большую работу по военно-патриотическому воспитанию школьников, организовал музей боевой славы, привлекал учащихся к сбору материалов о ветеранах войны. Вспоминая совместные годы работы, заместитель директора по учебно-воспитательной работе средней школы № 27 Сагат Мандыбаева

Люди и судьбы

рассказывала: «Григорий Владимирович – человек с глубокими и разносторонними знаниями. Он создал один из лучших кабинетов начальной военной подготовки в городе, где был постоянный семинар военруков. Всю душу он отдавал воспитанию будущих защитников Родины, руководил подбором и подготовкой кадров преподавателей начальной военной подготовки школ, профтехшкол и средних специальных учебных заведений».

Г.В. Нейман был удостоен почетного звания «Отличник народного просвещения Казахской ССР». Григорий Владимирович был членом областного совета ветеранов войны, председателем клуба ветеранов «Гибор» Еврейского общинного центра «ШЭМЭШ».

Наше заочное знакомство с Г.В. Нейманом состоялось в 2008 г. во время поисков однополчан моего деда Андрея Ивановича Александрова. В нашей семье дед был единственным кадровым военным, родился в 1898 г. в дер. Травникова Тюменской обл. Участник трех войн, погиб 2 августа 1943 г. в бою при освобождении г. Орла. Награжден орденами «Отечественная война» I степени, «Красная Звезда», медалью «За оборону Сталинграда».

Накануне большого наступления командир 817 артиллерийского полка подполковник А. Александров вручил первое командирское удостоверение младшему лейтенанту Г. Нейману. Григорий Владимирович помнил своего командира. Александров был офицером с отличной военной выправкой. Его спокойствие и уверенность сразу передавались подчиненным, начиналась четкая, слаженная работа. «Артиллерия в бою, – рассказывал Георгий Владимирович, – это не только смелость, но и точный расчет. Иначе снаряды пролетят мимо немцев, а того хуже – попадут по своим бойцам. Особое умение артиллеристы должны были проявлять при наступлении наших войск. Необходимо разрушить проволочные заграждения, доты, дзоты, подавить максимум огневых точек противника. Вести беглый огонь перед нашей наступающей пехотой, расчищая ей дорогу и не задев ее, – это высший профессионализм. Командир полка А.И. Александров проявлял отцовскую заботу о своих подчиненных, вел переписку с ранеными, с семьями бойцов».

Бережно храню письма уважаемого Григория Владимировича с теплыми, трогательными словами: «Дорогой внук моего первого командира артиллерийского полка! Здравствуйте, Виктор Петрович! Благодарю Вас за высокие патриотические чувства и деяния, которые Вы

проявляете по сохранению памяти о своем деде Александрове А.И., его сослуживцах в борьбе с фашизмом. Я бесконечно рад, что Вы обратились ко мне, как офицеру – сослуживцу Вашего деда – моему первому командиру. Считаю, что заслуга в руководстве, управлении, проявлении мужества, профессиональной подготовки и умения – принадлежит командиру артиллерийского полка подполковнику Александрову Андрею Ивановичу.

С уважением, гвардии полковник артиллерии, участник Сталинградской битвы Григорий Владимирович Нейман, 15 июня 2008 г.».

Завязалась переписка, телефонные разговоры с Григорием Владимировичем. Он много рассказывал о большой заботе к ветеранам со стороны местных властей, о многочисленных мероприятиях по патриотическому воспитанию молодежи. Ветерана радовала его постоянная востребованность в этом благородном деле.

8 февраля 2013 г. в Тюменской областной думе во время круглого стола, посвященного 70-летию Сталинградского сражения, была организована телефонная конференция Тюмень-Караганда с участником Сталинградской битвы Григорием Нейманом. Заслуженный ветеран был полон сил и жизненных планов. А 20 февраля 2013 г. из Караганды пришла печальная весть – на 90-м году жизни ушел из жизни Григорий Владимирович Нейман.

«Пусть уроки минувшей войны послужат напоминанием всем: мир надо беречь всеми средствами, надо укреплять оборону страны, чтобы не допустить новой войны». Так считал, этими словами руководствовался прославленный ветеран войны Г.В. Нейман. Несмотря на все тяготы, выпавшие на его долю – другой судьбы он не мыслил и считал себя человеком, бесконечно влюбленным в жизнь.

1. Россия и СССР в войнах XX века – Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 611 с.
2. А. В. Исаев. Эпilog. Операция «Кольцо» // Сталинград. За Волгой для нас земли нет. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 448 с.
3. Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Сборник статей. – М.: Воениздат, 1957. – 376 с.
4. История второй мировой войны, 1939 - 1945. - М, 1976, Т. 6. «Коренной перелом в войне». – 583 с.
5. Центральный Архив Министерства Обороны (ЦАМО), Ф.33, Оп. 744808, Ед. хр.488, № записи: 81148812.

Коробкина Г.Ю.

ЮРИЙ ВАЙНШТОК: ПРОФЕССИЯ - КИНОХУДОЖНИК

С именем Юрия Вайнштока связаны почти 40 лет казахстанского кинематографа. Профессионал высокого ранга, он трудился с полной отдачей до самой своей кончины в 1991 г. Участвовал в создании более 40 художественных фильмов, работал со многими режиссерами. Его очень ценили и с удовольствием с ним работали такие мастера нашего кино, как Шакен Айманов, Султан Ходжиков, Мажит Бегалин, Александр Карпов, Абдулла Карсакбаев, Арарат Машанов и др. Но больше всего картин он сделал с незабвенным и глубоко почитаемым им Шакеном Аймановым. Встреча с этим человеком определила творческую судьбу Юрия Менделевича.

Золотой фонд «Казахфильма» насчитывает немало лент, выпущенных с его участием. Это «Наш милый доктор», «Сказ о матери», «Алдар-Косе», «Ангел в тубетейке» и многие др. Интересен был Юрий Менделевич и своими многочисленными живописными полотнами.

Долгие годы Юрий Менделевич вел дневниковые записи, которые дают взгляд на историю страны через историю жизни самого Юрия Менделевича, родных и близких ему людей. Основную часть повествования составляют не авторские рассуждения на отвлеченные темы, а воспоминания Юрия Вайнштока о его жизни, учебе и работе. Интересно своей достоверностью описание его детских лет, военных лет 17-летнего подростка, учебы во ВГИКе. Вайншток удивительно точен в деталях, в изложении подробностей событий, в которых сам принимал участие.

Родителей своих Юрий (Юда) Менделевич Вайншток не помнил. Одно лишь осталось в его памяти: посреди комнаты два завернутых в белое полотно покойника. Это мама и папа. А он со своей сестренкой Фелицией сидит, забившись под столом, и наблюдает, как суетятся вокруг одра дяди и тети. А потом их, сирот, повели куда-то, и они стали там жить. Это был детский приют в их родном г. Варшаве. Юде было лет девять-десять, а сестренке - на два года меньше. Что послужило причиной смерти родителей, кем были эти взрослые, Юда так и не узнал. Вот что он писал в своем дневнике о том, как сложилась его судьба дальше.

«В 1933-35 гг. нас с Фелицией разъединили. Меня отправили в г. Седльце, а ее перевели в детский дом для девочек, где она воспитывалась

до нападения Германии на Польшу. Я в это время уже находился в Брест-Литовске в бурсе для мальчиков и учился в ремесленном училище. С началом войны наша переписка прервалась, и мы потеряли друг друга. Я оказался в Советском Союзе - в Минске. Вспыхнула Великая Отечественная война».

Воевать он не смог, подвела сильная близорукость. Поэтому стал работать на заводе. После войны окончил художественное училище в Казани (с детства любил рисовать). После училища поступил во ВГИК, на художественный факультет в мастерскую профессора Федора Семеновича Богородского, где Юрий Менделевич получил диплом художника кино.

Работал оформителем в Харькове, художником на Ашхабадской киностудии, а в 1954 г. получил приглашение на Алма-Атинскую студию художественных и хроникальных фильмов (в последствии – «Казахфильм», - *прим.авт.*).

Из интервью с Ю. Вайнштоком:

Утверждение, что фильм сначала рождается на бумаге, верно?

- Конечно! С карандашом в руках. Эскизов делается сотни, потому что в сценарии, как вы знаете, очень много объектов. Каждый должен иметь свою раскадровку - тональную, образную, цветовую. А это требует знаний живописца, архитектора, строителя. Потом начинается самый серьезный процесс - возведение декораций. И, как ни парадоксально, чем лучше выполнена декорация, тем незаметнее она. Бывает даже больно - зритель не замечает, что это сделано художником. Я должен сказать, что художник, когда начинает работать, является как бы и режиссером – инсценирует, рисует, где будет окно, дверь, стол и т.д.

А вот такая трагическая картина, как «Сказ о матери». Я, зритель, воспринимаю ее не только как реалистическое произведение, но и как творение эпического, обобщающего плана. Там ведь, наверное, понадобились какие-то другие выразительные средства?

- «Сказ о матери» - это особый разговор. Это суровая действительность войны, времени, когда всем было тяжело. И самое главное - в фильме был добротный сценарий, где раскрывались психология людей, их любовь к Родине. И к матери, которая отправила на фронт своего единственного сына. Тут надо было помочь режиссеру создать в группе такую обстановку, тот дух, которые существовали в суровых сороковых. И материалом здесь послужил мой собственный опыт, мои личные переживания того времени. В годы войны мне было 16-17 лет. Я учился в художественном училище в Казани, мы ездили летом в

колхоз помогать убирать урожай. И я видел там точно таких же, как героиня Амины Умурзаковой, женщин-почтальонов, которые действительно приносили в своих сумках как радость, так и горе. События, описанные в сценарии, ассоциировались у меня с тем временем, и на бумагу ложились практически мои воспоминания.

Я считал, что этому фильму под стать жесткий, на контрастах основанный, графический стиль. И потому на белой бумаге тушью старался резко и в то же время мягко передать ту атмосферу. Режиссер картины Александр Карпов, человек бывалый, фронтовик, владел материалом лучше, чем кто-либо.

Т.е., все было прочувствовано на всех этапах создания картины?

- Еще как! И все это дало возможность, работая на конкретном, совершенно реалистическом, материале как бы приподняться над действительностью.

Ну, а что касается живописи, то я ее очень люблю, и не только на экране. Я повсюду, и на съемках тоже, в любую свободную минуту берусь за кисть и краски или карандаш. У меня очень много этюдов. И вообще, если бы не кинематограф, я, конечно бы, пошел по линии живописи, причем, именно пейзажной.

Но я воспитался в суровые годы. Мне жизнь не позволяла экспериментировать в своем сознании, играть воображением. Не было времени. Детские годы прошли в детском доме. Юношество отняла война. Все в этом мире я видел конкретно и реально - смерть, горе, нищету. Поэтому я воспринимаю мир таким, какой он есть. И я воспитан педагогами художественного училища и ВГИКа в чисто реалистическом ключе. Я никогда не упрекаю тех, кто занимается кубизмом, импрессионизмом или еще каким-то «измом». Как кому нравится, так пусть он и пишет. Но мне лично по душе реалистическая передача. И я стараюсь, как во всех своих фильмах, так и живописных работах, донести ее и, думаю, что этот путь правильный.

А вот как вспоминали Юрия Вайнштока его ближайшие коллеги.

Асхат АШРАПОВ, оператор (ушел из жизни в 2008 г.):

Я встретил Юру впервые на... стадионе. Он был чемпионом Москвы по боксу в легчайшем весе, я – чемпионом Башкирии по легкой атлетике. И оба мы защищали честь нашего любимого вуза – ВГИКа. Юра был прекрасен – фигура-тростиночка и копна волос вдвое больше его собственного роста. Потом оказалось, что мы в одном общежитии, еще дальше выяснилась общность наших судеб: мы были детдомовцы. Вместе с др. детьми,

потерявшими родителей в годы гитлеровской оккупации, Юра был эвакуирован к нам из Польши. Он так и остался в Советском Союзе.

Детдомовская закалка во многом определила характер моего друга. Это чувство справедливости, которая сказывалась и сказывается как в быту, в отношениях с близкими, так и в творческих вопросах. Это – самостоятельность суждений, объективность оценок и, конечно же, забота о товарищах. Неписанный закон помогать друг другу Юра сразу же закрепил самым что ни на есть материальным образом. Уезжая из ВГИКа на Ашхабадскую киностудию, он оставил нам на 40 общежитских студентов величайшую ценность – керогаз!

В 1955 г. мы с ним встретились в Алма-Ате. Нам пришлось работать на фильме Шакена Айманова «Мы здесь живем». Я был вторым оператором у Марка Берковича, а Юра вместе с Павлом Яковлевичем Зальцманом - художником-постановщиком. Потом начались съемки памятного всем нам «Сказа о матери» Александра Карпова. Памятного, потому что тема войны для всех нас была слишком живой и священной. Сложился союз единомышленников. Прошедший войну сценарист Жумабай Ташенов постоянно спрашивал у нас, как было в те годы в тылу? Мы рассказывали. Наш режиссер Саша Карпов тоже прошел фронт, а Юра в детстве, которое пришлось на время оккупации фашистами Польши, видел то, чего не дай Бог увидеть никому. Поэтому все мы вложили в этот фильм и свою душу, и пережитые чувства, и наш тяжелейший жизненный опыт. И я хочу сказать, что как на этих двух фильмах, так и в своей последующей работе, Юра Вайншток проявил себя преданнейшим делу человеком.

Каждая новая картина поглощала его всецело – он прослеживал ее сам от начала и до конца. Юра сугубо кинематографический художник, хотя в любую свободную минуту занимался живописью. В кино он асс. Его участие существует в каждом кадре, он ни на секунду не уходил со съемочной площадки, реализуя свои замыслы, свои эскизы полностью. В построении мизансцены, кадра его помощь неоценима. А это крайне важно, как для режиссера, так и для оператора. Пытливый и в чем-то даже дотошный человек, Юра скрупулезно воссоздавал детали быта, атмосферу событий, дух времени. Его реализм не расчетливый, не холодный, он подогрет добрыми человеческими эмоциями. И соединение этих качеств делает его творчество подлинно художественным. Он был тверд и бескомпромиссен в каких-то важных принципиальных вопросах. Не упрям, нет, ибо по характеру он мягок и добр, а именно принципиален,

объективен, справедлив. Он сохранил в себе все эти драгоценные свойства до конца.

Сахи РОМАНОВ, художник (ушел из жизни в 2002 г.):

- Я очень любил Юру Вайнштока и как человека, и как художника, своего коллегу по кино. Мы воспитанники детских домов и одной школы – школы ВГИКа. Нашими учителями были большие мастера экрана – художники Федор Семенович Богородский, Юрий Иванович Пименов, Борис Владимирович Дубровский-Эшке и др. Нас роднила общность принципов и понимания художнических задач. Это нам помогало в нашей совместной работе на фильмах «Мы здесь живем» (реж. Шакен Айманов), «Крылатый подарок» (реж. Эмир Файк). Я чувствую это и в др. фильмах Юрия Вайнштока. Прекрасны его «Сказ о матери», «Наш милый доктор», «Дочь степей», др. картины. В них интересно решены и отдельные интерьеры, и натурные декорации, удачна натура. Здесь присутствуют высокий вкус, фантазия в решении конструктивных задач, владение цветом. Это от природы. А, кроме того, Юра крайне серьезно относился ко всему, что касается оформления фильма. Ведь в компетенцию художника-постановщика входит немало. Он как дирижер, отвечающий за малейший тон звучания. Выбор природы, эскизы, декорации, бутафория, реквизит, цвет, мизансцены... Словом, тысяча и одна задача. Юра не перепоручал их никому и ни в коем случае не упускал из рук бразды правления. Четко продумывая каждую деталь, анализируя, отбирая, он выстраивал образ времени, эпохи, среды, в которой действуют герои. И делал он это так, что я всегда узнаю его неповторимый почерк.

Из дневниковых записей:

к/к «Далеко в горах»

«Киргизская киностудия пригласила снять для них художественный, полнометражный, исторический фильм к юбилею Советской власти в Киргизии. Возглавил съемочную группу режиссер Александр Карпов. Он пригласил меня художником-постановщиком. Сценарий был насыщен большим количеством объектов, массовыми сценами боев за Советскую власть.

Предстояла огромная работа. Я окунулся в изучение этнографического материала. Но главным был выбор природы, беседы с участниками боев. В результате появилось много эскизов, по которым строились декорации. Местом съемок выбрали район г. Ош в Киргизии. Работали очень интенсивно, перевыполнили план на 200% и закончили на

три месяца раньше срока. Снимались у нас ведущие артисты Киргизии, среди них ведущий артист Киргизии Рыскулов».

к/к «Если бы каждый из нас»

«Восьмой год я уже работал на студии. Эти годы пролетели, как одно мгновение. Каждая новая картина – это поиск, духовное обогащение, радость встреч с новыми творческими людьми. На студии работал дружный интернациональный коллектив. Это были годы творческого подъема казахстанской кинематографии.

Я был приглашен Султаном Ходжиковым на картину «Если бы каждый из нас». Его картина «Мы из Семиречья» показала, что он философски думающий режиссер. О Ходжикове на студии говорили всякое: и доброе, и плохое. Говорили, что с ним трудно работать. Жизнь научила меня не бояться трудностей, и я принял его приглашение.

Наша работа началась с выбора природы по степям и пустыням. Спускаемся с высокого холма на высохшее русло реки. Наткнулись на саксаульный колодец. Его нужно зарисовать. Я вытащил свой альбомчик и начал делать наброски. Слышу сзади голос Султана: «Юра, ты оставайся здесь и спокойно рисуй, а мы поедем дальше, может быть, еще найдем что-нибудь». Я согласился. Я уже успел нарисовать колодец, его антураж, а машины не было видно и не слышно. Большой диск солнца успел потускнеть и приблизиться к горизонту. Земля как-то сразу потухла, повеяло прохладой. Закралась тревога. Всякие мысли приходили в голову. Каждый шелест темного кустарника заставлял настораживаться. Наконец – вырвалось это слово... Я услышал далекий, еле слышный шум мотора. Уже слышу его дыхание. Машина остановилась возле меня. Вышел Султан, походил вокруг меня и ехидно спрашивает:

– Что, Юра, испугался? Что бы ты делал, если бы мы не приехали?

– Ждал бы до тех пор, пока у тебя совесть не заговорит, – ответил я».

Дневниковые записи были неотъемлемой частью любого фильма, на котором работал Юрий Вайншток.

И если, посмотрев фильм на экране, мы зададимся вопросом: «А причем же здесь художник-постановщик?», - значит, работал на фильме настоящий специалист. Уж такова судьба художника кино: чем выше его профессионализм, тем незаметнее его труд.

Пусть память о человеке и художнике Юрии Менделевиче Вайнштоке будет светлой!

Информация из семейного архива дочери Ю.М. Вайнштока Г.Ю. Коробкиной

Межибовская И.В.

Иссык Т.В.

Зейбель В.В.

**МАМА - НАШ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ:
НАДЕЖДА АНАТОЛЬЕВНА ИССЫК**

Никогда не думали, что будем писать воспоминания о своей маме - ведь она, всегда теплая, нежная и заботливая – всегда с нами. Как - то в голову не приходило, что однажды ее не станет. Мама должна быть у человека - и все тут; она нужна как воздух, вода и хлеб. И, будучи уже взрослыми, мы недопонимали, что быть рядом с нею – и есть самое большое счастье. Мама прожила 85 лет, и мы, где бы ни находились, всегда ощущали ее рядом с собой. Сейчас мы понимаем, что это был великий подарок Бога. Ее всегда окружали люди потому, что она до последнего своего дня помогала тем, кто нуждался в ней. Кому-то она дарила добрые слова, кому-то профессиональные советы, кому-то помогала деньгами или продуктами. Вся ее жизнь была подвигом, подвигом ежедневным, незаметным для нее самой, но запоминаемым другими людьми.

Родилась мама, Иссык Надежда Анатольевна, в Сибири. Ее папа был управляющий Сибзолотом, но его судьба неизвестна. Родственники и знакомые держали строгое «табу» по поводу любой информации о нем. Зная перипетии истории нашей страны, можно только догадываться, почему в семье эта информация стала самой большой тайной. Мама с особым трепетом берегла его старые фотографии и то малое, что знала о нем. Она помнила большой дом, в котором они жили, большие папины руки и его ласковый тембр голоса. Потом были переезды, поезда, дороги, пока она, вместе с нашей бабушкой и ее младшим братом, в 1939 г. не оказалась в Алма-Ате. Мама рассказывала, как, сойдя с поезда, они были шокированы тем, что свободно можно было купить хлеб, красивые, потрясающе вкусные бублики на веревках, впервые они увидели горы арбузов и дынь. После голодной Сибири, где карточная система была введена задолго до войны, вид бегущих мальчишек со связками сушек и бубликов, болтающихся у них на груди, словно бусы, вызывал удивление и восторг и у детей, и у взрослых. Собрав всю наличность и продав личные вещи, бабушка смогла купить небольшую хибарку на территории будущего завода им. Кирова, а в 1941 г. по этому месту прошел сель - и от дома остались одни стены, которые кое-

как бабушка с детьми попытались превратить хоть в какое-то жилье. Мы помним его, маленький домик, в который взрослые могли войти лишь наклонившись. После эвакуации в Алма-Ату завода им.С.М. Кирова, оказался этот домик на его территории. Так и прожила мамина семья на режимном объекте много лет. Только в шестидесятые годы администрация завода решила исправить ситуацию, предоставив бабушке квартиру, но мама уже имела семью и нас – двоих девочек.

Мамино детство было босым и полуголодным, как у большинства детей войны. Бабушка работала по 12-14 часов, из мужчин в семье был только ее маленький брат, который после перенесенного тифа долго не мог встать на ноги. У нас сохранилось много записей маминих воспоминаний о том страшном времени: как дети ели лебеду, как плакала, когда украли хлебные карточки, и вынуждены были месяц копать под снегом корешки травы, из которых бабушка варила баланду, и многие др. ужасы военного детства. Помогала она и на заводе Кирова, заворачивая оружие в бумагу или ткань для отправки на фронт. Некоторые свои воспоминания мама опубликовала в газете «Время» от 9 мая 2013 г. в статье «Три кусочка сахара на прощание». В газете «Тенгри ньюс» были опубликованы ее воспоминания посмертно.

«Я училась в средней школе №15, - писала она. - Брат был маленький, когда началась война, ему было четыре года. Жили мы в доме рядом с кладбищем, в квадрате ул. Пастера (Макатаева), Кордонная (Шагабутдинова), Ташкентская (проспект Райымбека), Уйгурская (Байтурсынова), на границе с табачной фабрикой. Отчима, Анатолия Чуканова, сразу вызвали в Ленинский военкомат, и проститься со своей семьей он пришел уже в военной форме. Но мы не могли даже подняться и проводить, потому что мама была тяжело больна, у меня был брюшной тиф, а у брата Володи - конъюнктивит и стригущий лишай. Он оставил нам бутылку красного вина «Кагор» и три кусочка колотого сахара, после чего ушел, пряча мужские слезы.

Позже пришло похоронное извещение. Пенсию по утере кормильца в размере 34 руб. 50 коп. назначили только с декабря 1944 г.

Мама работала на швейной фабрике. Она училась шить шинели, гимнастерки, хотя до этого работала учительницей в начальных классах. Маму почти не видели, а о приходе догадывались только по двум маленьким булочкам, которые она оставляла нам.

По карточкам получали только 300 г хлеба на человека. Очередь занимала в четыре утра, а когда получала паек, несла его, как

хрустальную вазу, боясь уронить, оберегая каждую крошку. Дома этот паек делили с братом, посыпали солью и пили чай с сахарином. У меня была заветная мечта: после победы наесться белого хлеба, ведь тогда его должно быть много...» [1].

После окончания школы мама поступила учиться в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ), ныне Московский университет путей сообщения, но доучиться в нем не смогла, ее помощь нужна была дома, и она вернулась в Алма-Ату, поступила в юридический институт, а после его слияния с КазГУ им. С.М. Кирова, оказалась в составе первых выпускников юридического факультета.

Много теплых воспоминаний мама хранила всю жизнь о своих учителях, тщательно собирала информацию о них, поддерживала некоторых из них, когда в этом была необходимость. До последних дней ее называли «курсовой мамой», потому что она поддерживала отношения со своими однокурсниками, организовывала встречи, праздники, знала их дни рождения, судьбы их детей, а позже и внуков, вела активную переписку с однокурсниками. Благодаря ей, мы дружили семьями с ее одноклассниками, радовались с ними, горевали. Мама провожала своих дорогих однокурсников в последний путь, помогая и поддерживая в последующем их близких.

В 2015 г. к восьмидесятилетию Казахского Национального университета, теперь уже им. аль-Фараби, она сделала все, чтобы выпустить книгу, посвященную своим однокурсникам и учителям, разыскав даже тех, кто выехал зарубеж, их семьи. Эта книга наделила жизненной силой многих ее однокурсников, именитых в прошлом и забытых сегодня. Рассылая экземпляры книги детям и внукам тех, кого уже нет рядом, она понимала, как важно для них иметь эту книжечку-гордость. Сегодня эту книгу можно найти в центральной библиотеке г. Алматы и библиотеках КазНУ им. аль-Фараби, Верховного Суда, Генеральной прокуратуры, Конституционного совета Республики Казахстан и некоторых др. ведомственных библиотечных фондах.

Наша мама Надежда Анатольевна была юристом профессионалом наивысшего класса. Она имела огромное количество грамот Минэнерго СССР, Казахской ССР и государственные награды. Работая юристом Казахконцрта, она поддерживала теплые отношения с нашими любимыми артистами, часто консультируя их по самым сложным делам. Но большую часть жизни она посвятила системе энергетики, работая в СредАзЭнерго и ЮжКазЭнерго, была членом ревизионной комиссии

МинЭнерго СССР. Выйдя на пенсию, она, одна из первых в Казахстане, открыла юридический кооператив, оказывала безвозмездную постоянную юридическую помощь обществу Красного Полумесяца и Красного Креста Республики Казахстан в г. Алматы, первой создала прямую линию поддержки подростков, попавших в трудную ситуацию, она смогла привлечь к этой работе интересных ребят – волонтеров. В нашей стране это было новым явлением. Днем и ночью не замолкал телефон ее горячей линии. Скольким подросткам была оказана помощь, сколько было спасено добрым словом, «вытащено из петли» добрым советом.

Она с трепетом относилась к истории страны, не позволяя чернить ее, как это сейчас принято. Звание «коммунист» у нее ассоциировалось с честностью, порядочностью, особыми моральными устоями. Когда кто-то говорил ей о том, что она совершила большую ошибку, не воспользовавшись теми большими возможностями, какие были у нее в руках, она отвечала: «я коммунист и не имела права так поступать».

Наша мама была удивительной, кроме нас, в нашей семье воспитывались еще трое приемных детей. За столом было всегда шумно и весело, ведь меньше десяти человек за него не садились. До сих пор у нас хранятся огромные кастрюли и чайник, вызывая улыбку и недоумение уже у наших детей и внуков.

Последний год мама тяжело болела, мы делали все возможное, чтобы помочь ей, но болезнь была сильнее наших усилий. Она знала диагноз, но взяв себя в руки, сжавшись в кулачок, вместе с нами и врачами боролась за жизнь, не плача, не причитая, не проклиная судьбу. Она продолжала помогать людям, преодолевая боль, готовила какие-то документы, давала консультации и дельные советы друзьям и знакомым, а наше ворчание по этому поводу умело переводила в шутку, и на вопрос: «Зачем ты это делаешь?» она отвечала, что если она не поможет, то никто другой этого не сделает этим людям. У них ведь нет денег на адвоката. Днем, между капельницами и уколами, она занималась общественной работой, выступала на конференциях или перед школьниками, чтобы люди помнили, что такое война. А вечерами читала вслух нам, дежурившим у ее кровати, Омара Хайяма, аль-Фараби, и мы обсуждали важность этих книг.

А еще мама писала стихотворения. Листая их, можно найти такие строки:

Люди и судьбы

«О, мир страстей, мир ненависти лютой!
Зачем в сердцах людей ты сеешь зло?
Зачем ты выкорчевываешь с корнем
Любви рациональное зерно?

Зачем тебе людские испытания?
Зачем губить влюбленные сердца?
Не лучше ль сохранить любовь навечно?
Пусть она светится до конца!

Нельзя менять любовь на мелочь жизни!
Хоть жизнь и состоит из мелочей,
Ведь целые озера вдруг исчезнут,
Коль потерять и маленький ручей.

Любовь, в моем понятии, - это солнце!
Теплу и свету - нет ему конца!
Все мелкие невзгоды растопляя,
Она крепит влюбленные сердца».

«Как быть счастливым?
Не берусь ответить.
Но лишь одно я повторю опять:
Чужой беды сумевший не заметить -
Он и счастливым не сумеет стать».

Своей добротой, любовью к миру, жизнелюбием и открытостью наша мама была и останется потрясающим примером для многих поколений людей.

1. Иссык Н.А. У меня была заветная мечта: после победы наесться белого хлеба - воспоминания о войне. – Tengri News//https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/menya-zavetnaya-mechta-pobedyi-naestsya-belogo-hleba-293992/

ВОСПОМИНАНИЯ: ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В марте 1995 г. семья Шурман Иосифа Семеновича и Шурман Юлии Митрофановны переехали на ПМЖ в Израиль из г. Алма-Аты.

В 2000 г. они вступили в общество Ветеранов Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. при клубе Фаины Каплан в г. Хайфе. Как жене кадрового офицера Советской Армии, Юлиане предложили стать секретарем. Отмечали знаменательные военные даты, государственные и религиозные праздники новой Родины, организовывали торжественные похороны, ходили к больным, поздравляли с днем рождения.

Все мероприятия проводились за счет членских взносов. Проводили встречи памяти участников сражений в ВОВ и воспоминания детей войны.

Послушаем рассказ бывшей девочки Юли.

Когда началась война, семья 13-и летней девочки жила в г. Курске. Папа работал начальником финансового сектора Курского обкома Компартии, мама работала в госбанке, девочка закончила шесть классов общеобразовательной школы.

В октябре 1941 г. мама (38 лет) с девочкой (13 лет) были эвакуированы в г. Уральск Казахской ССР. В мае 1942 г. приехал за ними папа и перевез семью в г. Старый Оскол, тогда центр Курской обл., а в июне 1942 г. фашистская Германия развернула новое наступление в направлении Курска и Воронежа.

Папа ушел в истребительный батальон. Мама сопровождала архивные документы госбанка. Перемещались в общем потоке беженцев к переправе на подводе запряженной лошадью. При первой авиабомбежке лошадь была убита. Личные вещи пришлось бросить, а документы удалось передать в финчасть какого-то военного подразделения. Начальник финчасти был убит и, т.к. мама работала в госбанке, ее попросили задержаться помочь с разборкой документов.

Все беженцы направлялись к г. Коротояк Воронежской обл., где была организована переправа через р. Дон. Мама посадила девочку в машину к знакомым связисткам – работникам госбанка и договорилась встретить девочку на др. берегу в назначенном пункте. Но как бывает в жизни, молодые связистки за разговорами с солдатами забыли о девочке и

проехали это село километров на десять до следующего пункта сбора. Так мама не встретилась с дочкой. Осталась девочка одна среди беженцев, без вещей и денег, в суматохе старшая связистка забыла вернуть их.

Переправу бомбили часто, но в основном самолеты летели на г. Воронеж. В первую очередь пропускали военную технику, войсковые подразделения, потом гражданское население.

Хочется поблагодарить организаторов отступления. На пути следования объявляли в рупор, в каком селе будет пункт сбора. Там готовили горячее питание – похлебку на муке и ночлег в коровниках с сеном. Животные были вывезены.

Подъем в четыре часа утра, пока еще темно и не начинались налеты с бомбежкой, продолжали свой путь.

На второй день пути девочка увидела одиноко сидящего мальчика десяти лет, он плакал. Его папа был на фронте, мама умерла. Он шел один из г. Старый Оскол в г. Елань-Колено, где жила его тетя. У девочки был кусок сухого хлеба с собой, и она предложила идти вместе. Мочили хлеб в мутных лужах, потом мучали боли в желудке. Так они шли без воды, без еды, без вещей, зато подобрали подушку и, когда доходили до ночлега, падали и сразу засыпали.

Дети научились определять, где разорвется снаряд при авианалете, в какой близости от них. Ложились на спину и смотрели - оставаться на этом месте или нужно бежать. Иногда засыпало землей, а во время разрыва снаряда нужно было открывать рот, чтобы не оглохнуть.

Шел шестой день пути. Закончилась очередная бомбежка. Впереди собралась группа беженцев, все сочувствовали. Когда дети подошли ближе, то увидели убитую женщину и испуганную девочку семи-восьми лет. Никто не решался взять ее с собой. И когда дети предложили идти вместе, все с облегчением вздохнули: «Правильно, правильно, идите втроем». Не догадались собрать вещи девочки, очень были уставшие, измученные, да еще подушку несли с собой.

Теперь дети шли втроем, заходили в села, просили милостыню, выкапывали в огородах зелень. Обувь обносилась, ноги растерты. Маленькая девочка уставала быстрее, чем старшие. Садилась на землю, плакала, не хотела идти дальше. Приходилось пугать ее, что сейчас придут немцы и замучают их. Тогда она плача вставала, причитая: «Нет, нет я иду».

Люди и судьбы

Два – три раза детей подбирали проезжающие машины с бойцами. Кто-то спросил: «Командир, куда ведешь свой отряд». Мальчик ответил, что командир у них Юля.

Когда прошли г. Коротояк, девочка увидела раненого офицера, который в рупор обращался к идущим беженцам: «Коммунисты и комсомольцы, кто может держать оружие, подходите ко мне!» Здесь формировалась оборона. Советские войска отступали по 27 км в день. И через много лет, уже взрослая женщина видела в художественном фильме такой же эпизод – раненый офицер и призыв: «Коммунисты и комсомольцы, кто может держать оружие...» Возможно такие призывы были повсеместно.

На девятый день пути добрались почти до г. Елань-Колено. Здесь беженцы, кто успел, садились в машины. Осталась последняя - и для троих детей не нашлось места. В это время подъехал первый секретарь Обкома компартии Курской обл. Доронин на мотоцикле с двумя автоматчиками. На голове был надет танковый шлем с наушниками, постоянно был на связи. Он контролировал отступление гражданских лиц. Кто-то из женщин обратил его внимание на детей. Доронин спросил фамилии детей и предложил добровольцам в машине уступить место детям. Сразу поднялись половина добровольцев. Он обещал, что будет еще одна машина позднее.

В Елань-Колено всех беженцев расформировали, кого на фронт, кого в эвакуацию. У мальчика нашлась тетя. Девочку младшую взяла к себе подруга покойной мамы. Девочку Юлю посадили в товарный вагон без кусочка хлеба, но было шесть сырых картофелин. Состав направлялся в Казахскую ССР.

Мама девочки тоже добралась до г. Елань-Колено. Убитая горем, не зная о судьбе своей дочки, она нашла Доронина, которого знала лично. Первый секретарь Обкома компартии формировал партизанское сопротивление, и она попросилась в отряд, чтобы остаться в тылу и продолжать искать дочку. К счастью для всех, Доронин знал фамилии троих детей, самостоятельно прошедших свои дороги войны. Ей помогли сесть в поезд, и она догнала товарняк с беженцами.

Когда открылись двери товарняка, в проеме стояла седая женщина, ноги обмотаны тряпками, а губы кричали: «Где моя дочь, где моя дочь». Девочка не сразу узнала свою маму, а мама увидела худую девочку, в волосах вши.

Люди и судьбы

Дальше ехали вместе. До этого момента все сидели по своим углам, молча ели, не обращая внимания на девочку. Мама сумела организовать людей. Купили печку в теплушку, остатки продуктов собрали в общий котел, мужчины добывали кипяток. Но это уже другая история.

Председатель клуба Ветеранов ВОВ записал истории и рассказы ветеранов, отправил в Министерство обороны Израйля. И в честь 55-летия создания Государства Израиль клуб Ветеранов получил памятные медали и в т.ч. эту награду вручили 72-х летней гражданке Израйля - Шурман Юлиане за спасение детей.

Лобченко Х.М.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ СВЕЧИНСКОЙ ФАИНЫ ПАВЛОВНЫ (Председателя областного еврейского этнокультурного объединения «Мерказ» г. Павлодара)

«Зажигает тот, кто сам горит».

П. Павленко

Одна из великих и трагических особенностей человеческой жизни та, что никогда не бывает завершений, ибо завершение подразумевает глубокое и богатое содержание, которое и надо выявить полностью. Содержательная жизнь не может быть завершённой, потому что, выявляя что-то, человек одновременно и развивает это. Последняя полнота выражения, исчерпывающая содержание до дна, оказывается непостижимой и для двадцатилетнего Лермонтова, и для столетнего Тициана.

Но оставим в покое великих. Поговорим о нашей современнице, конкретном человеке, Свечинской Фаине Павловне.

Перед изложением ее биографии уместно вспомнить следующие слова: «Мы приходим в этот мир, чтобы пройти дорогой жизни и оставить добрый след», - сказал кто-то из великих.

Бесспорно, Фаина Павловна оставила добрый след в этой жизни.

Она родилась 6 сентября 1932 г. в Днепропетровской обл. в колхозе «Озет». С начала Великой Отечественной войны Фаня с мамой эвакуировались в Ташкентскую обл. Чиназкий р-н, колхоз им. Куйбышева. Как жили в эвакуации? Об этом рассказывает сама Фаня так: «Русской школы там не было. Мама работала в колхозе, а я помогала собирать колоски, обрабатывать хлопок».

Люди и судьбы

После войны вернулись в свой колхоз на Украине. Закончив семь классов, поступила в мукомольно-элеваторный техникум (в голодные послевоенные годы техникум был престижным). Техникум закончила с отличием, получила направление в Талды-Курган. Так с 1951 г. начался ее трудовой стаж в Казахстане. С 1954 г. работала в Павлодаре на реалбазе хлебопродуктов, потом на тракторном заводе.

В любой должности ее отличали знание дела, ответственность, чувство коллективизма. В 1995 вышла на пенсию. Вместе с мужем Свечинским Леонидом Абрамовичем воспитали двух сыновей. Инженеры. Старший сын живет в Израиле. Младший жил в Самаре.

Была секретарем комсомольской организации, партийной, членом горкома, народным заседателем в суде.

Имела множества наград различного уровня.

Но главным делом всей ее жизни было создание и сплочение еврейской общины в Павлодаре. Вот как об этом Фаина Павловна вспоминала сама: «В 80-е гг. XX в. многие семьи начали уезжать в Израиль. Остающимся было интересно, люди недоумевали – уезжают в капитализм. Однако стали приходить «оттуда» письма. Стали собираться все вместе: пообщаться, почитать письма, обсудить.

Лиха беда начало. Очень помог Леонид Рувимович Шестак. Он очень хорошо знал иврит, обычаи, традиции и еврейские праздники. Кроме того, Шестак получал посылки из США, в них была маца, фаршированная рыба. Для того времени это казалось чем-то таинственным. Людей собиралось очень много. Да какие люди! Они были словно из легенды! Не только соблюдали «идишкайт», но готовы были стать горой за каждого еврея».

Это были предпосылки для создания общины. Идейным вдохновителем и организатором создания, «рулевым» стала Свечинская Фаина Павловна.

Она оставалась на этом посту с 1993 г. до октября 2014 г. Уход из жизни разлучил ее с общиной, которой она умело руководила более 20 лет!

Каких успехов достигла наша община за эти годы? Очень многих.

Культурный центр «Мерказ» работает во взаимодействие с благотворительным общественным объединением «Хэсэд Рахель» (Т.С. Сливинская, И.А. Тверитнева) в различных направлениях и со всеми возрастными группами, есть клуб ветеранов, женский клуб, молодежный, семейный клубы.

В рамках семейного клуба проходят семейные фестивали «Мишпоха», спортивные соревнования «Маккабиада» (перед праздником

Люди и судьбы

Ханука, показ семейного седера перед праздником Песах, семейные ролевые игры «Пуримшпиль» в канун праздника Пурим). Проводят и участвуют в государственных праздниках Республики Казахстан (Наурыз, День Конституции, День Независимости и др.).

Развивается молодежное лидерство. Создан молодежный клуб. Традицией стало посещение и оказание помощи ветеранам войны и труженикам тыла в канун Дня Победы.

Создан молодежный вокальный коллектив «Анахну», танцевальный коллектив «Мазаль», вокальный коллектив «Тейбэлах» (из представителей старшего возраста), коллектив малышей «Тапуах», в котором участвуют дети с трехлетнего возраста.

Павлодарские евреи являются инициаторами проведения республиканского конкурса по знанию традиций еврейского народа «Из глубины веков».

Ежегодно проводятся общинный фестиваль еврейской книги, лекции, беседы по истории и традиции еврейского народа, поездки в дом отдыха «Мичурино», в живописную местность Баян-Аул.

Этнокультурное объединение «Мерказ» сотрудничает с Домом Шафера. Совместно проводятся прослушивание раритетных пластинок, показы раритетных фильмов, концерты, встречи.

У «Мерказа» есть филиал в Экибастузе.

Но община не замыкается только на своих целях и заботах. Здесь любят не только еврейский танец «Семь сорок», но и казахские кюи, в которых звучит мелодия бескрайних степей и вольного неба, любят русские и белорусские песни, полные лиризма и красоты, зажигательную кавказскую лезгинку, украинский юмор и удивительно грациозные корейские танцы, изумительное звучание татарского курая.

Павлодарской еврейской общине – 24 года. За этот срок сделано много, в этом большая заслуга Фаины Павловны. Какие черты характера у нее преобладали? Ответственность за порученное дело, сопереживание, забота и доброта, уравновешенность, внимание к каждому в общине. Она пользовалась огромным авторитетом в Доме Дружбы. Если на собрании председателей возникали разногласия, то ведущий говорил: «А давайте спросим у еврейки?». К ее совету всегда прислушивались и с ней соглашались.

Я, Лобченко Хана Мееровна, стала членом общины в 2001 г. Отчетливо помню такой эпизод: я первый раз пришла в синагогу. Было много людей. Она сразу же заметила «новенькую». Подошла и вежливо

расспросила, кем я работала до пенсии. Узнав, что я 35 лет преподавала историю и обществоведение, сразу предложила поработать в еврейском отделении школы национального Возрождения. Из синагоги мы уже вышли вместе. Вскоре я стала преподавать еврейскую историю. Учила детей и училась сама, за что я ей бесконечно благодарна.

Фаина Павловна воспринимала чужую боль как свою. Посещала больных в стационарах, дома, ездила в Дом престарелых. Была добрым и заботливым человеком.

Два года как ее нет с нами. Это для всей общины неизбежное горе и огромная утрата. Но она всегда с нами, она жива пока живет и уверенно идет вперед ее детище – «Мерказ», тропинку к которому проложила она! Пусть душа ее покоится в Эдеме, а мы все будем стараться быть достойными ее памяти.

Сейчас председателем областного еврейского этнокультурного объединения «Мерказ» является Сливинская Татьяна Семеновна. Пожелаем ей доброго здоровья и много творческих идей. Успешно продолжить то дело, которое начала Свечинская Фаина Павловна.

Медведева-Нату О.Р.

СОВЕТСКИЕ СНЫ БОГДАНА ЧАЙКОВСКОГО

Богдан Чайковский (1932-2007) числится в истории польской литературы по ранжиру поэтов-эмигрантов. Хотя естественнее было бы назвать его просто польским поэтом, без всяких дополнительных определений. Увы, от деталей уйти не удастся: Богдан Чайковский писал свои стихи по-польски, однако в Польше прошли лишь первые восемь лет его жизни. И позднее он бывал на своей исторической родине крайне редко: в сумме не наберется и нескольких месяцев. Эмиграцию как свою судьбу Чайковский не выбирал. Такой болезненный выбор сделала за него история.

Первые публикации стихотворений Чайковского появились в 50-е годы XX в. в Лондоне, а затем в Париже [1].

В Польше его творчество знали только специалисты. Здесь его впервые напечатали в 1990-е: вслед за сборником «Ветер с другой стороны» ("Wiatr z innej strony", Kraków, 1990) вышла книга «Сады Оканана» ("Okanańskie sady", Wrocław, 1998). Но по-настоящему он явился польскому читателю лишь в 2007 г. в томе избранных

стихотворений «Такое огромное счастье» (“Jakieś ogromne szczęście”) [2], ставшим последним прижизненным изданием его поэзии.

Чайковский с самого начала выделялся среди молодых поэтов-эмигрантов своим незаемным голосом. Его меткие поэтические формулы: «ни здесь, ни там», «спор с границами», «рыбы на суше» – не раз использовались для определения всего послевоенного поколения поэтов на чужбине [3]. Кроме того, в его стихотворениях обращало на себя внимание необычное сочетание предельной сенсуальности с метафизической глубиной, а также приглашение к дискуссии, своего рода интеллектуальный вызов. Именно это определило лицо Чайковского в польской поэзии второй половины XX-начала XXI в. в целом, в обеих ее воплощениях – как «своем», так и «чужбинном». Да и надо ли разделять литературу на «свою» и «чужую»? Но с другой стороны, надо ли ее объединять? Похоже, эта проблема неразрешимая. Историю литературы не перекроить. Можно перевезти прах поэта, превратить перезахоронение в патриотическую манифестацию. Но стихи, написанные под другим небом, на берегах других озер – не польских, Мазурских, а тех, с диких индейскими названиями вроде Оканаган или Каламалка [4], в другой «зоне времени», в другом окружении, где я-поляк и мы-поляки – миры, существующие не один в другом, а параллельно, где вокруг рокошет, громыкает или журчит другая речь, – навсегда останутся *другими* стихами, даже если они написаны на родном шуршащем и шелестящем польском языке.

На чужбине поэту отчаянно не хватает своей «семейной истории», своего читателя, своего национального контекста. И все-таки поэзия произрастает и в «пустыне».

Однажды Чайковский назвал себя «непризнанным канадским поэтом» [5]. Есть в этом утверждении и провокация, и самоуничижение – своеобразное свидетельство неудовлетворенных амбиций. Но есть в нем и изрядная доля правды. Чайковского знали в Канаде и – шире – в Северной Америке, как эссеиста, публициста, переводчика, литературного критика, автора крупнейшей «Антологии польской поэзии на чужбине» [6], с 1968 г., на протяжении десятилетий, профессора Университета Британской Колумбии, чьи лекции по русской литературе привлекали внимание не только студентов, но и широкой общественности, руководителя кафедры славистики, сделавшего все возможное для ее укоренения на канадском западном побережье. Чайковского *знали* в Америке и *как поэта*. Но так называемый этнический поэт, пишущий на родном, а не на «титulyном»

языке страны проживания, неизбежно выброшен на обочину местного литературного процесса. Поэтому вопрос, *знали ли* в Америке *его стихи* – это другой, весьма трудный, вопрос.

Не знали поэта Чайковского и в России [7]. Видимо, потому что судьба забросила его слишком далеко, в Ванкувер, город, известный как рай на конце света. Здесь, на отшибе, он прожил 45 лет своей невероятно энергичной духовной и творческой жизни.

Итак, Россия Чайковского не знала, а вот Чайковский, напротив, Россию знал. И не только как филолог-славист.

Богдан Чайковский родился в 1932 г. в г. Ровно, на Волыни (в то время на территории Восточной Польши), в семье колониста [8]. (Окраинные польские земли, вновь обретенные Польшей в первые годы независимости, заселялись поляками из др. регионов страны). В тех краях, в Креховецком поселении (Osada Krechowiecka), а также в Бресте, в Полесье, прошло детство поэта.

После вторжения Красной Армии на восточные польские земли 17 сентября 1939 г., подавляющее большинство колонистов и их семей подверглись депортации [9]. Начиная с 10 февраля 1940 г. и вплоть до оккупации СССР фашистской Германией в июне 1941 г., вывоз польского населения вглубь Советского Союза продолжался непрерывно. «Очередь» семьи Чайковских пришла весной 1940-го. Богдану было восемь лет. Позднее он писал: «За нами пришли только в апреле. Точнее – приехали. Помню подводу, клячу, кажется, их было две. Помню красноармейцев со штыками, суровых, в длинных шинелях. [...] Все произошло так внезапно – нас разбудили среди ночи. Но в то же время мы были готовы – были заготовлены и сложены в мешки сухари из черного хлеба. Стук в дверь, *сабирайтесь с вещами, наскарей, пабыстрей...* По-моему, на сборы нам дали 15 мин. Часы с подоконника исчезли. [...] Мы погрузились на подводу – рассвет был каким-то бесцветным, серым. Как мы ехали, не помню. Нас привезли в женскую тюрьму, что под Ровно. Там был сборный пункт...»; «...Как нас привезли в Дубно, где нас погрузили в вагоны, не помню...»; «...На Севере нас выгрузили из вагонов, погрузили на грузовики, а потом на деревянные платформы, [...] которые тянули тракторы. Так мы доехали до поселка, в чащобе, на р. Вычегде...» [10].

Семью Чайковских вывезли в трудовой лагерь Турнига в Вологодской обл. [11].

Именно тогда и так была задана траектория жизни Богдана Чайковского.

Люди и судьбы

Отца арестовали в сочельник 1940-го. За что арестовали, сын никогда не узнал. В последний раз видел отца в марте 1941-го. След его затерялся в советских тюрьмах и лагерях. 30 лет спустя в стихотворении «Отцовские леса» Чайковский вспоминал и то странное Рождество и свое детское недоумение: "Kiedy przyszli w Wigilię coś ja mogłem przeczuć? / Wypatrywanie jedno jak wszystkim zostało / na skraju wielkich lasów – czy wtęsa / syn, ojciec, gdzie pasterze, gdzie gwiazda, gdzie król..." – «Когда пришли в сочельник, что мог я предчувствовать? / Оставалось всем только вглядываться / в край огромных лесов – возвращается ль сын или отец, где пастыри, где звезда, где король...» [12].

Лишь после вторжения в СССР гитлеровской Германии в июне 1941 г. советское и польское эмиграционное правительство установили дипломатические отношения и подписали договор, известный как договор Сикорского-Майского, в силу которого «бывшие польские граждане» были «амнистированы». Был амнистирован и девятилетний Богдан. С разрешения властей Чайковские – Богдан с матерью и младшим братом – перебрались в колхоз под Куйбышевым, а затем в «зону с более мягким климатом» – в Среднюю Азию, в Узбекистан, к местам формирования Польской армии в СССР под командованием бывшего узника Лубянки генерала Андерса.

Поселились на полпути между Самаркандом и Бухарой, в Кермине (по-узбекски - Кармана).

Летом 1942-ого Богдан вместе с матерью был вписан в состав гражданских лиц, которым разрешили покинуть СССР с Армией Андерса. Из более 37 тыс. гражданских поляков в «обозе» Армии без малого 14 тыс. составляли дети. Последовала переброска в польский детский дом в Ашхабаде. Потом, на грузовиках по горным дорогам, – выход в Иран. Польский детский дом в Мешхеде. Следующий пункт – польский детский дом в Индии: с 1942 до 1946 г. в Балачади под Ямнагаром, на полуострове Катиавар (ныне штат Гуджрат). Позже, с 1946 до 1948-го, в Индии же, в лагере для польских беженцев в Валиваде, недалеко от Колапура (штат Махараштра) – сюда переселяли детей старшего возраста. Здесь Богдан учился в польской гимназии. В 1948-ом корабль с польскими «беженцами» на борту отплыл из Бомбея в Великобританию. Следующая остановка: Ирландия и Англия, где Чайковский закончил Университет по специальности история и славянская филология. Активный участник жизни творческой молодежи, он становится главным редактором

польскоязычного лондонского литературного журнала «Континенты» и, наконец, в 1962 г. перебирается в Ванкувер.

География и история причудливо пересеклись в жизни Богдана Чайковского. Жестокий перекресток, не так ли? И каково на таком перекрестке ребенку? Человеку? Поэту?

Как уже было сказано, свои первые стихи Чайковский опубликовал в Англии. Однако писать он начал еще в Индии. Трудно сказать, где именно родился поэт Богдан Чайковский. В счастливом волынском детстве? В трагические дни депортации в советскую Россию? В голодном Узбекистане? В экзотической Индии? А может быть, в его даре проявилось то, что собиралось в поэтических «чайковских» генах из поколения в поколение...

Вопрос следовало бы поставить иначе: не в какой географии, а в какой истории родился поэт Чайковский. По его собственному убеждению, место и время – понятия не равновеликие: "Miejsce jest nieistotne /.../ Czas to co innego. Czas miejsca..." – "Место несущественно /.../ Время – другое дело. Время места..." [13].

То, каким Чайковского знали в Ванкувере его друзья, коллеги, студенты, каким и я имела счастье знать его в последние годы его жизни, он, при всей его книжной образованности, академичности и «над-земной» поэтичности, он всегда, даже в относительно спокойной Канаде, ощущал себя частью истории, в какой бы стороне ни находились ее взрывные очаги. Поистине, он был "urodzonym z piołunówziemcem" – «рожденным из полынь-травы человеком, что живет на земле» [14]. Отмечу трудность перевода неологизма *ziemiec* (образованного по аналогии с *szlachcic*, *Kmicic* или, может быть, *Giedroyc*?) Как его перевести? Не пафосным же словом «землянин»? "Ziemiec" – это тот самый случай, когда поражение переводчика есть победа поэта.

Очевидно – Чайковский творил слова, которые были им выстраданы.

Его поэзия есть незабвение. Дар памяти, как «милостыня лет» [15]. В его последней поэме «Землесклон» ("Ziemioskłon") – примечательно, что все лучшие лингвистические находки этого "без-земельного" поэта связаны со словом "земля" – поэме, созданной уже после того, как ему был поставлен роковой раковый диагноз, он пишет: "Ja, którego skóra / Ma siedemdziesięcioletnią pamięć / (Czasami długość słowa wystarczy za metaforę)" – «Я, у которого кожа / Впитала семидесятилетнюю память / (Порой сама длина слова вполне сойдет за метафору)» [16]. Добавлю, память детства и, может быть, прежде всего, детского советского опыта.

Люди и судьбы

Советскими воспоминаниями были наполнены его сны, и, как он их порой называл, «сны снов», и «ночные мысли», – кажется, его память никогда не отдыхала. Советскими воспоминаниями была наполнена и его повседневность. Они постоянно всплывали в его разговорах с женой, которая, так же как Богдан, была депортирована с родителями в Казахстан, а после выхода Армии Андерса из СССР попала в Африку, в Уганду [17].

Пытаясь освободиться от травматических воспоминаний детства, Ядвига и Богдан Чайковские вместе написали весьма оригинальный по жанру текст «Слово за словом», который представляет собой запись коротких, почти мгновенно сменяющих друг друга эпизодов их быстрого советского взросления, своего рода эстафету памяти [18].

Тяжелый опыт детства запечатлен и в стихах Чайковского. Депортация: "...wywózka do Kazachstanu / Lub do Wołogodskiej oblasti. Sobirajties z wieszczami! / No a jak coś ze sobą zabrać? Więc ręce opadają, / I wszystko zostaje nawet ciało..." – "... Вывозят в Казахстан / Или в Вологодскую обл. *Сабирайтесь* с вещами! / Но что ж взять с собой? Опускаются руки, / И все, что имели, оставили, включая даже тело..." [19]. Трудно найти более точные слова, передающие этот вариант человеческой трагедии (сравни с идеей «нагого существования» В. Франкла). Пути-дороги, набитые людьми теплушки и спасительный кипяток. Безнаказанно орудующее жулье (интересно, что еще можно было взять с депортированных, а позднее после освобождения так называемых амнистированных?). Отправление нужды на полустанках и в тупиках. Страх отстать от поезда. Так осваивалось мальчишкой огромное пространство Советского Союза [20].

Наконец, Ташкент. Отсюда – в колхоз под Кермине: 450 км на арбах, по ухабам, в жару – когда миновали Самаркандский оазис, началась пустыня...

В Кермине, некогда значительном в Средней Азии городе, известном в Средневековье как город поэтов, а в 40-е годы XX в. – небольшом поселке, буйствовал голод. Голодно было всем – и своим, и чужим. Своим помогали выжить «стены». Чужие, так называемые эвакуированные поляки, случалось, умирали от голода и жажды прямо на улицах. Об этом рассказывают очевидцы, свидетельствуют документы. Чайковский вспоминает: «Я очень хорошо помню арыки. Солдаты [Армии Андерса] пили из них воду, несмотря на запрет. Многие из них потом болели дизентерией. Некоторые умирали» [21]. И еще одно воспоминание поэта: «В России [т.е. в Узбекистане, - прим. авт.] мне было прокормиться легче, чем брату. Он был младше, слабенький. А я носился по полям: то

что-то с дерева сорву, то выкопаю из земли, морковку ли, картошку. Порой приносил добытое домой, в барак, а порой съедал на месте. В колхозе нам выдавали кашу и зерно... Но наступил момент, когда зерно и каша кончились, остались одни отруби. А потом и отруби кончились. И тогда настал голод. Варили траву и ели...» [22].

Спасаясь от голода, Богдан, как он сам говорил, совершал набеги в Самарканд. Как до него добирался, описал много лет спустя в стихотворении «Малое путешествие на Восток»: “Po zapylonych drogach do Samarkandy jadą wolno arby / o osiach rozśpiewanych pod niebem jaskrów morskich / na placykach osiołki w długich cieniach stoją / strzygą uszami błękit wnet pojdą przez palmy / w uliczce piec otwarty na gorące ściany / ponad rubiny żaru złociste lepioszki / rzuca półnagi Chrystus gdy na minarety / wzdyma się namiot wschodu...” – “По пыльным дорогам в Самарканд медленно тянутся арбы, / колеса распелись под удушливым небом цвета морского лютика-цвета, / на стоянках ослики прячутся в длинных тенях, лопочут ушами, синеву разрезая, вот-вот побредут туда, где южные пальмы / на узенькой улочке – печь, / на раскаленные стенки / над рубином огня золотые лепешки / бросает Христос без рубахи, / пора – над минаретом вздымается восхода шатер...” [23]. Интересно, что восточные воспоминания наложились в этом стихотворении на новозаветные образы, видимо, также вынесенные из детства, но еще «домашнего», польского. Впечатлительный ребенок запомнил и краски пустыни, и «синь небесную», и неповторимые оттенки восточных восходов и закатов, и «месяц, изогнутый как челн». Таинственная атмосфера пространства, словно из рассказов «Тысяча и одной ночи», не могла на него не действовать, хотя об истории г. Тамерлана, все еще хранившего следы былого величия, мальчишка тогда ничего не знал [24].

Что он знал по-настоящему хорошо, так это огромный Самаркандский базар с его бесконечными рядами, со всеми входами и выходами. Последнее было необходимо – позволяло быстро ретироваться, чтобы не быть схваченным на месте преступления – несовершеннолетних воришек отправляли в детприемник, а кто же хотел туда попасть! И добычу надо было донести домой, младшему брату. Иногда и это не удавалось. Чайковский вспоминает: «У узбеков был обычай: прежде чем купить, попробовать. [...] Я изображал покупателя, и пробовал – тут несколько изюминок, там лизнул простокваши. Но, конечно, брату и маме ничего не мог принести... На базаре была печь, в которой пекли лепешки. Лепешка - это подлинное чудо... Базар был для

меня наслаждением и мукой одновременно. Лепешки, изюм, урюк, овощи, простокваша в жбанах... и – мой голод» [25]. Особенно часто в стихотворениях Чайковского упоминается урюк: и его неописуемой красоты раннее бело-розовое цветение (он называет цветущее абрикосовое дерево «расцвеченным облаком» [26]), и налившиеся сладчайшим соком плоды, и сухие, заготовленные на зиму, ярко-оранжевые, солнечно-прозрачные. Слово «урюк» (“uruk”) поэт использует не в польском (*morela*), а тюркском его звучании, возможно, даже не понятном польскому читателю [27]. Но поэту важно употребить именно это местное слово, которое хранит в себе память о голоде и выживании: “*Wrzucony w sitowia wrącego Horynia, w koszyku z łoży łapciowej, / przepłynąłem wiele burz, noszony pod pachą, rzucany przez fale, / karmiony przez drzewa. / Jeszcze słyszę, jak pękają z hukiem granaty perskie. / Jeszcze kradnę uruki uzbeckie...*”; “*Trawa, którą jadłem, / wydała się w twardych kulkach, / jak kozie bobki. / Lepszy był koński szczaw / lub zeszłoroczny uruk, / zboże kradzione witką, / garstka rodzynek z łaski Uzbeka. / Wiele ocaleń...*” – “*Меня бросили в камышах у бурной речки Горини, в лукошке из бересты, / сколько бурь я проплыл, что несли меня словно под мышкой, волны меня качали, / кормили деревья. / Все еще слышу, как спелые персидские гранаты открываются с треском. / Все еще вижу, как краду узбекский урюк...*”; “*Трава, которую ел, / выходила твердыми шариками, точно козы какашки. / Лучше был конский щавель / или прошлогодний урюк, / колоски, что я крал / и горсть кишмиша, что протягивал добрый узбек. / Сколько раз я спасался...*” [28].

Сквозь всю жизнь Чайковский пронес и благодарную память о пиале зеленого чая, которым делились с маленьким голодным пришельцем узбеки [29].

Все эти облеченные плотью детали отсылают читателя к определенному периоду в биографии поэта: в СССР он прожил с декабря 1940-го до лета 1942 г. – два с половиной года. Но что касается испытаний, их хватило бы на два десятилетия.

Однако есть в поэзии Чайковского и другой, более существенный, более глубокий советский «след». Это, кажется, ни на миг не отпускавшая его – вне зависимости от конкретной пространственной привязанности стиха – тема смерти.

Понятно, что тема смерти является стержневой во всей истории мировой поэзии: в разнообразных ее преломлениях она звучит у самых разных поэтов. Однако в стихотворениях Чайковского она –

всепоглощающая, всепроникающая – безусловный знак того, что столкновение со смертью в детстве и связанная с этим боль никогда не были изжиты поэтом.

Сначала это была утрата отца, от которого осталось лишь смутное воспоминание и навязчивое видение: “Trzydzieści lat / przebiegło w skok. / Teraz powoli wraca. // Pamiętam cię z różnych lasów / ... // Byłeś zawsze wysoki, do końca / widziałeś daleko w lesie. / Może stąd wciąż cię widzę, jak majaczysz / suchą kościaną twarzą na tarczy zegara / pod nabrzmiałym księżycem...” – «Тридцать лет / пролетело, промчалось – одним прыжком. / Теперь постепенно возвращаются в памяти. // Помню тебя в разных лесах /...// Высокий, ты видел лес до самого края. / И все мерещится мне твое костяное лицо, в горячке на циферблате часов, / под опухшей луной...» [30].

Уберечься от смерти и уберечь от смерти близких – это истощало содержание жизни в СССР депортированных поляков. Забота о матери и младшем брате лежала на десятилетнем Богдане. Брата он не уберег – Юрек умер от голода. И Богдан никогда не пережил, что его пережил. В подобных исторических испытаниях подлинными жертвами часто становятся те, кто уцелел, кому «перст божий не позволил свернуть в небытие»: ”Wiele ocaleń. Mógłbym tam widzieć / palec boży, / który prowadził mnie po linii szczęścia, / nie pozwalając zboczyć w zatracenie. / Ale nie mogę, / aby tym palcem dotknięty, / nie umarł z głodu mój brat” – “Столько раз я спасался. Мог бы в том видеть перст божий, / что вел меня вдоль линии счастья, / не позволив свернуть в погибель. / Но не могу, / ведь то на меня указал божий перст, / не на брата, что с голоду умер” [31].

Если смерть отца могла казаться ребенку расставанием на время, смерть брата не оставляла сомнений, была окончательной, необратимой. Как смерть паренька, с которым Богдан делил койку и которого утром обнаружил мертвым. Как смерть многих других, знакомых и незнакомых. Ребенок, еще даже не подросток, он познал смерть слишком рано. Она была рядом, вокруг, от нее невозможно было отвернуться, укрыться. Она вызывала ужас, протест, а подчас и смирение, и мысль о самоубийстве. Приведу лишь несколько примеров из стихотворений разных лет, которым в его поэзии несть числа. Одно из них с выразительным заголовком «Метафоризация детства»: ”Nocy miażdżone cieniem ... / Rosnące w ziemię, pod ziemię. / ... / Po długich nocach furie / Kosiły sierpem stalowym / Szczerniały łąki nieba /.../ A miejsca miast starożytnych / Dzikie porosły chwasty /... / W popiele grzebał człowiek / Szukając spalonych czasów” или ”Szedłem brzegiem pyłnej drogi / w Uzbekistanie, / gdy umarł

mój brat, / pod przekwitłymi morwami. / I w Indiach z pagórka na pagorek / niosłem siebie ocalonego, /nie wiedząc dlaczego i po co. / Aż po dzisiejsze zbudzenie się w nocy, / w przepaść lecący ze snu / wypełnioną znakami. /.../ Patrz te dziecinne pagórki / przerosły w góry / niknące za obłakami / jezior niebieskich...” – “Ночи, сокрушенные тенью... / Растущие в землю, под землю. / ... / Длинные. Бесконечные. Такими ночами фурии / Серпом из стали косили / Почерневшие неба луга /... / Поселения древние/ Заросли сорняками / ... / Человек в пепле копался / искал спаленное время»; «Я шел по краю пыльной узбекской дороги, / когда под перезрелым тутовником умер мой брат. / А в Индии с горки на горку / нес я себя, спасенного, / не зная зачем, почему. / И вплоть до сегодняшней ночи, когда я проснулся, в пропасть летящий из сна, полного знаков. / ... / Теперь те детские горки / выросли в высоченные горы, / исчезающие за облаками небесных озер...» [32].

Депортация в поэзии Чайковского – это не переселение, не перемещение по земле, а насильственное перемещение в подземный мир, в мир мертвых.

На этом тематическом фоне обращает на себя внимание излюбленный образ поэта – сады. Казалось бы, этот образ должен быть оптимистичным, жизнеутверждающим. Сад – это рай, плодородие, любовь, прекрасное... Однако у Чайковского сады вырастают на земле, в которую уходят люди:”Tylu śmierci wymaga ziemia, / by urodził się na piasku czarnoziem. // Roztrącam widłami gnój przeszłości. / Zaoruję próchno trumienki, mój bracie. // Uprawiam ugór na ruinie. / Rolnik czy grabarz?”- «Столько смертей нужно земле, / чтоб родить чернозем на песке. // Перетряхиваю вилами прошлого перегой. / Брат мой, вспашу я и пепел твоей могилки. // На руинах целину поднимаю. / И тогда кто я: землепашец или могильщик?» [33].

Когда в начале 2000-ых, я собиралась в Узбекистан, Чайковский просил меня разузнать, не сохранились ли в Кермине могилы депортированных поляков и последнее пристанище его маленького брата. Нет, пан Богдан, не сохранилась – есть только земля, что его поглотила [34].

С годами поэзия Чайковского обогащалась опытом другой чужбины, новых чувств и переживаний, чтения новых книг. Был отшлифован его своеобразный нарративно-философско-метафорический стиль – и тема смерти становилась в его стихотворениях более отвлеченной, обобщенно-экзистенциальной: “Nie jestem tym, czym jestem. I kiedy to, czym jestem, /Przestanie być, czym jest, czy zginie także to, / Kim jestem? Obłok, który się

w czarną chmurę zmienia, / Kiedy wypłaczę z siebie cały deszcz, / I wszystkie błyskawice piorunami pouziemia, / Czym jest?” – “Я не то, что я есть. И когда то, что я есть, / Перестанет быть тем, что я есть, погибнет ли то, / Кто я есть? Когда облако, превратившись в черную тучу, / выплечет дождь до капли последней, / И все молнии гром заземлит, что это облако есть?» [35].

Сад и смерть остаются доминантами и в стихотворениях названного типа: “I ogród swój / zatrzymam / w śmierci / z całych sił / choć ciała zbęde...” [36]. «Свой сад я сохранию и в смерти, хоть тела лишусь...» – таков вызов поэта вечности.

Можно сказать: экспрессионистическое сознание и выражение – не новость в мировой поэзии. Но у Чайковского оно основано на реальных переживаниях детства. Он сам точнее, чем любой критик, описал, где в его поэзии берет начало тема смерти: “W tym mieście usunięto gruzy z placów. / Pobudowano nawet nowe domy / ... / Cmentarze uporządkowano. / Sądy skazały jednych i drugich. / Później były amnestie pomordowanych / I pozostałych przy życiu rehabilitacje. /... / Uzyskano repatriacje /... / Nie usuniesz gruzów myśli, nawet budując pomniki / Na każdym z grobów...” – “В том городе убрали с площадей руины. / Построили новые дома на их месте. / ... / Кладбища привели в порядок / Суды приговорили осужденных. / Потом амнистировали убитых / и реабилитировали выживших. / ... / Репатриировали депортированных / ... / Но не расчистить руин мысли, даже если поставить памятник на каждой могиле...” [37].

Парадоксально, но вся поэтическая *жизнь* Чайковского коренится в этом «*смертоносном*» детстве.

И еще одна советская тема занимала Богдана Чайковского долгие годы – взаимоотношение поэзии и нравственности, поэзии и истории, поэзии и политики, поэта и «политрука». Он изучал творчество так называемых польских советских поэтов, тех, что с началом второй мировой войны в 1939 г. оказались во Львове, а после установления в городе советского правления поставили свой талант на службу новой власти. Достаточно сказать, что в свою «Антологию» составитель включил, наряду с поэтами, оказавшимися на советской чужбине и оставшимися верными Польше (например, Александр Ват, Беата Обертыньская), и тех, кто с энтузиазмом, искренним ли, поддельным ли, воспевал «новую советскую родину» (будто можно родиться дважды), возвеличивал товарища Сталина, Ленина, и, конечно, Феликса (именно

так, по-свойски, они называли Дзержинского, поляка по происхождению), экстатически «сливая в один могучий аккорд – Польшу и Сибирь, Сибирь и Польшу» (Люциан Шенвальд, Ежи Путрамент, Станислав Ежи Лец, Эльжбета Шемплинская, Адам Важик, Леон Пастернак). В этой главе российско-польских литературных связей Чайковского особенно интересовал феномен Ванды Василевской. «Тема эта заслуживает отдельного исследования. О Василевской писали в Народной Польше, но ценность этих работ сомнительна. Современная работа на эту тему, подготовленная в Москве, была бы крайне уместна. Ибо Василевская – это хитросплетение литературы и истории» [38].

Думается, что особый интерес поэта к творчеству «польских советских писателей» отражали его размышления о собственной судьбе. Так, своеобразно, из своего настоящего он «проецировал» свое будущее и то, каким бы оно было, если бы его прошлое сложилось иначе, если бы по той или иной случайности он остался в СССР. В стихотворении «О чем помнил во сне сон» он писал: „Nie wygnany, i nie emigrant, ale wywieziony. / Mógł zostać sowieckim janczarem: / Gdy biegł za pociągami, który go zostawił, / granica losu była cieńsza niż szyny...” – «Не изгнанник и не эмигрант, а вывезенный. / Мог стать советским янычаром: / Когда бежал за поездом, который его оставил, / граница судьбы была тоньше, чем рельсы, / по которым все быстрее стучали колеса...». Эта возможная – и вполне реальная – «другая судьба» волновала Чайковского. В более позднем стихотворении он рассуждает на эту тему: „A może dziś byś pisał / Innym językiem, mgliścieś świadom swego sieroctwa / W stepach Kazachstanu. /.../ byłeś może poetą Syberii...” – “И может, сегодня ты писал бы/ Другим языком, едва ли понимая свое сиротство / в степях Казахстана /... / был бы, может, поэтом сибирским...” [39]. В приветствии московским полонистам по случаю презентации его «Антологии» в Польском Институте Культуры в Москве в ноябре 2003 г. он вновь возвращается к той же мысли: «А если бы не польский еврей, который помог мне подняться с земли и догнать поезд, которым я ехал с матерью на юг после так называемой амнистии, кто знает, что бы со мной стало: мог попасть в детский дом, стать советским поэтом, писать, как Евтушенко или Вознесенский. И это еще не самое плохое, что могло со мной случиться!» [40].

Примеряя на себя костюм советского поэта, Чайковский будто подтверждал, что помог своей судьбе выбрать верный путь (“Być w zawsze przeszłym teraz, w zawsze niezakończonej przyszłości. Być w jestem. To może właśnie to?” – “Быть в дне сегодняшнем, что вечно в прошлом, и в

будущем, что никогда не кончится. Быть как я есть. Может, это и есть то главное?») [41] и утверждал завоеванную им с таким трудом собственную идентичность польского поэта, без всяких дополнительных определений.

Чайковский был сиротой, выросшим без отца и без родины-матери. Любви родины-матери ему всегда не хватало. И он восполнял ее отсутствие как мог: всякой иной любовью, которой объял сады и небо, и воду, и горы, и женщин, и мысль... Но прежде всего – слово. Зная о том, что дни его сочтены, он писал в своем бесстрашном прощальном послании друзьям: «А ведь еще совсем недавно я был так весел, полон энергии, творчества, слов интересных...» [42]. Кажется, именно этими «интересными словами» Богдан Чайковский дорожил в своей трудной жизни более всего.

1. *Trzciny czcionek* Londyn, 1957; *Reductio ad absurdum i przewyciężenie (dialektyka wiersza)* Londyn, 1958; *Sura* Londyn, 1961; *Spór z granicami* Paryż, 1964; *Point-no-Point* Paryż, 1971.

2. Jakieś ogromne szczęście. Wiersze wybrane z lat 1956-2006; Przedmowa, wybór i opracowanie B. Szalasta-Rogowska. Krakow, 2007.

3. Из стихотворения “Аргумент” (“Trzciny czcionek”, 1956): “nie ma dla mnie miejsca / ni tu ni tam / tu wolność / w pustce ryba na piasku /... / trwać będę tak jak trwam/ wypływałam ślepym dwuzwierzciadłem // ni tu ni tam” – “нигде нет мне места / ни здесь, ни там / здесь свобода / в пустоте рыба на песке / ... / и так буду жить, как живу / бесцветным слепым двойным отражением // ни здесь, ни там».

Название книги стихотворений Б. Чайковского “Spórzgranicami” („Спор с границами”). Paryż, 1964, а также заголовок антологии эмиграционной поэзии “Ryby na piasku” („Рыбы на песке”). *Antologia wierszy poetów «londyńskich»*, pod. red. A. Czerniawskiego ze słowem wstępnym Juliana Przybosa. Londyn, 1965.

4. Из книги Б. Чайковского “Сады Оканегана”; сравни стихотворение “Лежа навзничь на берегу Lake Mephremmagog” (“Leżąc na wznak nad brzegiem Lake Mephremmagog”) другого польского поэта-эмигранта Януша Ихнатовича.

5. “Meandry, czyli mieli ciało” (Z wierszy nowych) – “Меандры или было у них тело” (Из новых стихотворений).

6. *Antologia poezji polskiej na obczyźnie 1939-1999*. Wyboru dokonał, opracował i napisał przedmowę Bogdan Czaykowski. Warszawa - Toronto, 2002.

7. Насколько мне известно, его стихотворения на русский язык не переводились. Обширные сведения о нем и его творчестве

заинтересованный читатель найдет в моих статьях на русском языке: О. Медведева. Стихи и судьбы: о значении антологии для поэзии чужбины. В кн.: «Поэтический мир славянства. Общие тенденции и творческие индивидуальности. Исследования по славянской поэзии». Серия: Slavica et Rossica. М., 2006; О. Медведева. Стихи и судьбы. «Иностранная литература», 2003, no. 3.

8. О происхождении Чайковского (в польской орфографии Czaykowski, не Czajkowski) известно, что он является прямым потомком Михала Чайковского, который в 1865 г., после Крымской войны, создал из остатков дивизии так называемых польских султанских казаков, полки польских оттоманских драгунов, стоявших в Ливане. В 1902-1908 гг. губернатором ливанской провинции Мутасарифия был паша Владислав Чайковский, сын садика паши Михала Чайковского. (Об этом см., например, "Isfahan, miasto polskich dzieci". Londyn, 1987. S. 364-365).

9. Точное число польских граждан, депортированных в СССР, не известно. В польской литературе на эту тему чаще всего фигурирует цифра 1,2 млн. У советских властей была своя арифметика: «Согласно «Справке по учету бывших польских граждан», предоставленной Л. П. Берией 1 мая 1944 г. И. В. Сталину, на сентябрь 1941 г. органами НКВД было учтено ранее арестованных и высланных в тыловые районы СССР из западных областей Украины и Белоруссии – 389 тыс. 382 чел., из которых в августе 1941 г. было амнистировано 389 тыс. 041 чел.». Более миллиона и около 390 тыс. - с точки зрения статистики (даже если учесть, что польская цифра включает не только депортированных из восточных районов Польши, но и военнопленных, эмигрантов, беженцев, как поляков, так и польских евреев) – разница колоссальная. С точки зрения одной человеческой жизни – важно лишь то, что: «...было...арестованных и высланных». Для каждого из них в СССР начинался «другой мир».

10. Jadwiga i Bogdan Czaykowscy. Autosekwencje. Текст известен также под названием «Ocaleni przez bocianów» («Спасенные аистами»). Частично опубликованы в Польше в журнале «Фраза», 1997, no 1, 2, частично доступны мне в рукописи.

11. Любопытное совпадение: в ходе встречи Чайковского с Иосифом Бродским выяснилось, что в разное время они находились в ссылке в соседних краях: Чайковские – в Вологодской области, а Бродский – в Архангельской.

12. "Ojcowe lasy" ("Point-no-Point", 1971). Здесь и далее стихотворения цитируются по книге избранных стихотворений Чайковского "Jakieś ogromne szczęście". Указывается название стихотворения, поэтического сборника и год его издания.

13. "Miejsce i czas" ("Wiatr z innej strony", 1990).

14. "Okanagańskie sady" ("Okanagańskie sady", 1998).
15. "...dar pamięci jak jałmużnę lat". "Z opowiedzianych wierszy J. J." ("Wiatr z innej strony", 1990).
16. "Ziemioskłon". Toronto, 2006.
17. Ядвига Чайковская, урожденная Янушайтис, была племянницей польского генерала Мариана Янушайтиса-Жеготы (1889-1973), легионера в Первую мировую войну, участника польско-большевистской войны, а во Вторую мировую – участника Сентябрьской кампании, защиты Львова от немецких оккупантов, а затем организатора движения Сопротивления в городе, оккупированном Советской Армией. Мариан Янушайтис был арестован НКВД 27 октября 1939 г. и освобожден после подписания договора Сикорского-Майского 31 июля 1941 г. После войны жил в Англии. Написал книгу "Моя бурная жизнь" (1993). Так что в семье Чайковских история всегда была частью их будней.
18. Bogdan i Jadwiga Czaykowscy. Autosekwencje.
19. "Do Tadeusza Różewicza, przyjaciela poezji" (1984).
20. "Mała podróż na Wschód" ("Point-no-Point", 1971), "O czym pamiętał we śnie sen" ("Okanagańskie sady", 1998).
21. Письмо Б. Чайковского автору статьи от 19 августа 2003 г.
22. Jadwiga i Bogdan Czaykowscy. Autosekwencje.
23. "Mała podróż na Wschód" ("Point-no-Point", 1971).
24. Восприятие мистического города польскими солдатами описано К. Прушиньским в известном российскому читателю рассказе «Трубач из Самарканда».
25. Jadwiga i Bogdan Czaykowscy. Autosekwencje.
26. "ukwiecione obłoki urukow" "xxx" (Z wierszy nowych").
27. В стихотворениях об СССР Чайковский часто использует русские слова и выражения в латинском написании, но в русском звучании.
28. "Okanagańskie sady" (1998); "Z teologii doświadczonej" ("Wiatr z innej strony", 1990); «I z zsiadłym mlekiem jądłem uruk...» ("Canto", "Point-no-Point", 1971)
29. "Superkontynentalny Toronto – Vancouver". Tryptyk (2001).
30. "Ojcowe lasy" ("Point-no-Point", 1971).
31. "Z teologii doświadczonej" ("Wiatr z innej strony", 1990).
32. "Metaforyzacja dzieciństwa" ("Trzciny czcione", 1957); "Night Thoughts" («Wiatr z innej strony», 1990).
33. "Kolektyw" ("Spór z granicami", 1964).
34. В Средней Азии – в Узбекистане, а также в Казахстане – в настоящее время восстановлено и ухожено четырнадцать польских кладбищ, на которых похоронены солдаты и офицеры, зачисленные в Армию Андерса, но не успевшие повоевать, а также некоторые гражданские лица. Но есть

в Средней Азии и никем не помеченные захоронения поляков, умерших вдали от воинских частей. Таких захоронений – без счета.

35. “Nie jestem tym, czym jestem” (Z wierszy nowych).

36. “Wankuwerskie elegie” (“Wiatr z innej strony”, 1990).

37. “Age de la pierre” (“Spór z granicami”, 1964).

38. Письмо Б. Чайковского автору статьи от 22 мая 2003 г.

39. ”O czym pamiętał we śnie sen” (“Okanaganskie sady”, 1998), ”Meandry, czyli mieli ciało” (Z wierszy nowych), где обобщает: “Twoja ludzkość to krąg tak szeroki / ... / Więc jaka różnica, czy to raj, czy Kanada, Syberia, Polska czy Kazachstan?” – “Твое человечество – круг столь широкий / ... / Так какая разница, это рай иль Канада, Сибирь или Польша иль Казахстан?”.

40. Текст Приветствия имеется в распоряжении автора статьи.

41. B. Czaykowski. Uczucia, zdania, sekwencje. “Twórczość”, 1999, no 11.

42. B. Czaykowski. List znad Pacyfiku. 17 czerwca 2007 г.

Войницкая Т.А.

КНИЖНИК ЕФИМ ИОСИФОВИЧ

Родился 12 октября 1934 г. в г.Новоукраинка Кировоградской обл. Отец Книжник Иосиф Ицкович, мать Книжник (Розенфельд) Берта Ефимовна. В начале Великой Отечественной войны в 1941 г. семья была эвакуирована в Таджикистан, на станцию Пролетарск Ленинградской обл. В 1946 г. вернулись домой в г.Новоукраинку.

В 1953 г., после окончания средней школы, поступил в Днепропетровский горный институт, который с отличием окончил в 1958 г. по специальности «Геофизические методы поисков и разведки месторождений полезных ископаемых».

С 1958 г. по настоящее время работает в Западно-Казахстанском регионе. Начав трудовую деятельность в Берчогурской геофизической экспедиции Казгеофизтреста (с 1968 г. под названием «Мугоджарская геолого-геофизическая экспедиция» вошла в систему объединения «Запказгеология», - *прим. авт.*), прошел путь от рядового геофизика до руководителя этого известного в Казахстане и Союзе трудового коллектива (1964-1986 гг.).

В течение 22 лет, возглавляя экспедицию, внес большой вклад в развитие геофизических исследований в регионе и расширение минерально-сырьевой базы Западного Казахстана. Умелый руководитель

и талантливый организатор, он создал коллектив единомышленников, который решал любые задачи и цели геологоразведочного производства.

Е.И.Книжник был одним из инициаторов внедрения в практику поисковых работ рационального комплекса геофизических исследований, основанного на применении высокоточных магнитометрических и гравиметрических съемок, электроразведки глубинной геохимической съемки, а впоследствии к ним добавились рудная сейсморазведка, скважинные и межскважинные исследования (метод заряда, ДЭМПС, РВП, АК и др., - *прим. авт.*).

В условиях, когда резерв легко открываемых, выходящих на поверхность или залегающих на небольших глубинах, месторождений был исчерпан, и геологическая эффективность работ резко упала, новый комплекс позволил открыть целый ряд глубокозалегающих и перекрытых месторождений и рудопроявлений черных (хромиты), редких, цветных и благородных (молибден, вольфрам, медь, цинк, золото) металлов.

В т.ч. на счету руководимой Е.И.Книжником Мугоджарской ГГФЭ открытие всех промышленных медно-колчеданных объектов Мугоджар месторождений «50 лет Октября» (1967г.), «Приорское» (1967 г.), «Лиманное» (1976 г.), «Кундыздинское» (1983 г.), составляющих сегодня крупнейшую базу медно-колчеданных руд в Мугоджарах.

За открытие и разведку в Южно-Кемпирсайском горнорудном р-не крупных месторождений хромитов и создание уникальной сырьевой базы хромовых руд Е.И.Книжник удостоен Государственной премии СССР.

Развивая и укрепляя сотрудничество со многими научно-исследовательскими институтами и ВУЗами (МГУ, ЛГИ, СГИ, ВИТР, ВИРГ, Казфилиал ВИРГа и др.), Ефим Иосифович сумел обеспечить приток в экспедицию высококвалифицированных кадров со всего Союза, сделать район работ Мугоджарской ГГФЭ «испытательным полигоном» для многих образцов геофизической аппаратуры по электроразведке (станция Тнфаз-ВП, МППО-1, Цикл, аэроэлектроразведка БРК), магниторазведке (станция МСС, М-33, ММП-203), прибором акустического прозвучивания и др. На Мугоджарских полигонах прошло опробование методики ландшафтно-геохимического картирования, в числе первых в Союзе внедрены глубинная геохимическая и ртутиметрическая съемки. В Мугоджарской ГГФЭ впервые в Западном Казахстане при производстве глубинной геохимической съемки начал

Люди и судьбы

применяться высокопроизводительный буровой комплекс с гидротранспортом керна (КГК-100, -300).

В качестве члена госкомиссии Ефим Иосифович участвовал в приемочных испытаниях опытных образцов геофизической аппаратуры. Его отзывы высоко ценятся при аттестации новых методов исследований и приборов, при экспертизе научной ценности тематических, производственных и диссертационных работ.

Мугоджарская экспедиция не раз была базой для проведения семинаров и совещаний регионального, республиканского, союзного и международного уровня. В частности, в 1982 г. здесь, в течение двух недель, совещались представители стран СЭВ по разработке единой методики высокоточных наземных магнитных съемок с применением прогонных и квантовых магнитометров (СССР, ЧССР, ГДР, Румыния и Болгария).

В 1986-1992 гг. Е.И.Книжник возглавлял геохимическую и методикотематическую службы объединения «Запказгеология». Он непосредственно занимался обобщением опытно-методических и тематических работ в Западном Казахстане с составлением соответствующих отчетов и заключений. В эти годы под его руководством впервые в регионе выполнены широкомасштабные ландшафтно-геохимические исследования, составляющей частью которых являлось изучение и оценка геолого-экологической обстановки промышленных центров Актюбинской обл., предприятий источников загрязнения площадей бассейна р. Илек, расположенных в зоне интенсивного технического загрязнения.

Всесторонняя эрудиция, глубокие знания в области геологии и огромный опыт практической работы, авторитет в общественно-политических и административных кругах позволили Е.И.Книжнику, после передачи службы охраны недр в состав Мингео Республики Казахстан, создать и возглавить Западно-Казахстанское территориальное управление охраны недр и геологического контроля (1992-1994 гг.).

В дальнейшем Е.И.Книжник плодотворно трудился в качестве заместителя начальника территориального управления «Запказнедра» (1994-1998 гг.) и начальника актюбинской областной инспекции охраны и использования недр (1998-2002 гг.).

Люди и судьбы

В 2002 г. приглашен на административную работу в качестве советника Аким Актюбинской обл. по вопросам геологии. В 2012 г. получил звание Почетного гражданина Мугоджарского р-на Актюбинской обл.

Ефим Иосифович Книжник - автор многих отчетов по геолого-геофизическим и тематическим работам, имеет около 40 научных публикаций. Активно выступает по насущным проблемам геологии и экологии в СМИ. Член Актюбинского отделения Международного общественного комитета «Арал-Азия-Казахстан», член областного совета общества «Эколог».

Научные разработки и практические исследования Е.И.Книжника за полувековой период активной производственной деятельности послужили основанием для присвоения ему звания действительного члена Уральской Академии геологических наук и звания Члена-корреспондента Международной Академии Информатизации. Также присвоено звание «Почетный разведчик недр республики Казахстан».

За многолетнюю плодотворную работу в геологической отрасли и личный вклад в развитие минерально-сырьевой базы Республики Казахстан Е.И.Книжник награжден медалями: «За трудовую доблесть», «За освоение целинных земель», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия рождения В.И.Ленина», «За заслуги в разведке недр», «Ветеран труда», «100-летие нефтяной промышленности Казахстана», «Десять лет независимости Республики Казахстан».

Он награжден грамотами Министерства геологии СССР, Министерства геологии Казахстана, областного совета народных депутатов, отличник гражданской обороны СССР, участник ВДНХ СССР (бронзовая медаль). Многократно избирался в выборные советские и партийные органы различных уровней.

Ефим Иосифович - глава семьи геофизиков. Жена, Таисия Васильевна, его коллега по работе в Мугоджарской ГГФЭ, сын, Константин Ефимович, инженер-геофизик по образованию, возглавляет ОАО «Запрудгеология».

[отрывки из статей газеты «Актюбинский вестник»]

[Справочник «Кто есть Кто, промышленность Казахстана 2008г.» автор Асылбеков А.З.]

Написано на основе информации, предоставленной еврейской общиной Актобе.

**ПРОКОПЕНКО ЛИДИЯ ЯКОВЛЕВНА: ВОСПИТАТЕЛЬ –
ЭТО ВЫСОКАЯ МИССИЯ**

«Воспитатель – это профессия, суть которой не только дать знания.
Это высокая миссия, предназначение которой – сотворение новой
личности, утверждения человека в человеке».
Прокопенко Л.Я.

Я, Прокопенко Лидия Яковлевна (в девичестве Шнайдерман Шпринца Яковлевна, - *прим. авт.*), родилась в Молдавии, г. Резина, в 1934 г. Сохранились воспоминания, как началась война в 1941 г., как бомбили г. Резину. Мою семью из семи чел. переправили через р. Днестр, и, как только мы очутились на другой стороне, наш родной берег начали бомбить фашистские самолеты. Помню, как прятались в развалинах, удивительно, как мы не растерялись и остались живы. Потом нас временно распределили по домам, позже эвакуировали поездом, где мы ехали на открытой платформе, в Казахстан.

По дороге была сильная бомбежка - и я видела, как загорелся сбитый самолет и упал, взорвавшись в лесу. Помню, как старший брат Семен стоял, облокотившись на платформу, и, только он отошел, как платформа упала, это ужасно, что могло произойти...

Затем нас повезли на телеге, в дороге сильно заболел младший братик Яша, он все время стонал. Нас привезли в колхоз, поместили в какую-то землянку. Братика положили в больницу, но он вскоре умер...

Когда наступила зима, то в землянке было холодно, т.к. продуктов давали мало или почти не выдавали, то мы сильно голодали, особенно мама, которая часто падала в голодные обмороки, т.к. сама она не ела, а все отдавала нам, детям. Однажды, я с мамой пошла к председателю колхоза с просьбой о помощи с продуктами, так мама прямо там упала в обморок. Дали какое-то зерно - и мы варили из него баланду и ели. Помню, как брат Семен бился головой об стенку оттого, что нечего кушать. Ели паленую кожу скотины, яркое воспоминание, как нам выдали буханку хлеба - и мы ходили друг за дружкой и отщипывали по кусочку.

В 1942 г. мама умерла от голода, папа погиб на фронте. Старшую сестру Лизу и брата Семена оставили работать в колхозе, им тогда было по 13 и 14 лет. Колхоз сам находится в Саратовской обл., в с. Бородаевка,

где Семен до сих пор живет, проработав там всю войну. Лиза работала дояркой, после войны уехала в Молдавию, где умерла от тяжелой болезни.

Меня и брата Михаила отправили в детский дом, в Уральской обл., с. Жергенево. Как я помню в детдоме, несмотря на то, что шла война, кормили неплохо. Были очень хорошие воспитатели: учили вышивать, вязать, ставили концерты, разучивали песни, стихи.

Я до сих пор помню стихотворение, но не до конца:

Минута бежит за минутой,
За днями недели бегут,
Пять лет, как в английских приютах,
Советские дети живут.
Как нищих, детей одевают,
Не досыта дети едят,
По капле им в душу вливают
Разведкой проверенный яд...
А матери ждут их и плачут,
Когда же вернут им детей...

Память о воспитателях осталась самая добрая, до сих пор помню Антонину Семеновну и Лидию Михайловну. Когда брату Михаилу исполнилось 13 лет, его забрали в какое-то село на работы, помню, как сильно я плакала и бежала за телегой, на которой его везли. Ведь он мог всегда меня защитить, если кто обидит. Сейчас он живет в Германии.

С девочками в группе мы были очень дружны. Помню, как они меня выручали. Дело в том, что в детстве у меня были густые волнистые волосы, которые мои подруги расчесывали и следили, чтобы ничего там не завелось, никаких средств для ухода за волосами не было, но если очередная комиссия что-нибудь обнаруживала, то безжалостно стригли на лысо, но мне это не грозило.

Я не знаю почему, но воспитатели меня очень любили и часто брали к себе домой, иногда оставляли на меня детей для присмотра, хотя я еще сама была ребенком, может, поэтому я и полюбила детей и решила связать свою жизнь с преподаванием в детском саду.

Так шло время, шла война. Я училась хорошо, писали мы на газетах, и было даже очень красиво. Нас водили в поле на работу, собирать колоски, полоть грядки, каждому давалась норма - так мы помогали фронту.

Люди и судьбы

В 1945 г. окончилась война. Помню, как все высыпали на улицу, как все обнимались, плакали навзрыд. Мне тогда исполнилось 11 лет. Восьмой класс я уже заканчивала в Уральском детдоме.

В 1952 г. поступила учиться в Вольское дошкольное училище в Саратовской обл. Учиться было нелегко, стипендия была маленькой, и я часто голодала. По окончании училища в 1955 г., меня направили на работу в детский сад №35 станции Шубар-Кудук, Актюбинской обл. По положению после учебы мне нужно было отработать по направлению два года, но я осталась в Шубар-Кудуке и проработала там 42 года, начав воспитателем и закончив заведующей детским садом.

В то время станция была похожа на пустыню, было очень мало домов. Детсад находился в непригодном здании барачного типа с печным отоплением. Встретила меня очень хорошая заведующая Хибашева София Хамидоллаевна. Коллектив был небольшой и очень дружный. Всего было две группы. Несмотря на то, что здание было непригодное, мы старались своими силами его приукрасить. Старались работать добросовестно, относиться ответственно к работе. Я очень полюбила детей - и они отвечали мне тем же. Никогда не забуду свой первый выпуск в школу. Детки спали в своих кроватках последний день, а я плакала: так жалко было расставаться с ними.

Здесь я встретила свою судьбу, своего супруга, Василия Павловича Прокопенко, который тоже в дальнейшем работал в детсаду гармонистом.

В 1972 г. был построен новый детский сад. Старый сад приняла заведующая Соловьева А.Д., а я была назначена воспитателем-методистом детсада №113 и продолжала работать до 1978 г. Затем была назначена заведующей детсадом №31. Это была большая ответственность, коллектив был большой - и надо было с каждым находить общий язык. Наш детсад был на хорошем счету. Были частые проверки со стороны ГОРОНО. Были и трудности в работе, но все приходилось преодолевать и работать дальше.

За годы работы были награды, похвальные грамоты. Была награждена значком победителя соц.соревнования 1976 г., Юбилейной медалью за доблестный труд в 1970 г., медалью «Ветеран труда» в 1988 г.

В 1986 г. меня проводили на пенсию, но продолжала работать до 1992 г. В этом же году была принята на работу в школу № 60 организатором и учителем по пению и проработала там до 1997 г., после уже ушла на заслуженный отдых, с рабочим стажем в 42 года.

Люди и судьбы

В Шубар-Кудуке я обзавелась семьей, детьми. У меня родились дочь Светлана и сын Михаил. В 2009 г. взрослые дети перевезли нас в Актобе. 7 ноября 2011 г. мы с мужем отметили Изумрудную свадьбу – 55 лет совместной жизни! Вот так сложилась моя судьба, сейчас, вспоминая и оглядываясь назад, находясь в окружении мужа, своих детей, внуков и правнуков, - я чувствую себя СЧАСТЛИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ.

И, как бы ни было больно вспоминать все заново, мы должны передавать из поколения в поколение историю своей жизни и той эпохи, в которой жили. А своим детям, внукам и правнукам я хочу сказать: дорогие мои, цените, берегите все, что у вас есть.

Стрелец М.В.

ВЕХИ ЖИЗНИ ИЛИ ШТРИХИ БИОГРАФИИ

Очерк о Сауле Григорьевиче Иоффе

Любое общество сильно, прежде всего, незаурядными людьми, яркими личностями, которые являются его самым большим достоянием. Один из них – наш соотечественник Саул Григорьевич Иоффе. За свою долгую жизнь он обрел солидное признание как геолог, инженер, поэт, проявил себя как образцовый семьянин.

Родители

Саул Григорьевич Иоффе родился в г. Слуцке 2 октября 1935 г. Отец – Григорий Саулович. Мать – Куна Наумовна Иоффе, в девичестве Фрумкина. Родители окончили Червенское городское училище. После переезда на родину отца и матери в Березинский р-н, отец работал заместителем начальника дорожно-эксплуатационного участка № 718 по хозяйству Гушосдора НКВД БССР, мать – секретарем народного суда.

Григорий Саулович (1896 – 1987) уроженец местечка Селиба Игуменского у. (в наст. время Березинского р-на, - *прим. авт.*), был участником гражданской войны на Украине. Воевал в составе Первой Конной армии Буденного, где получил тяжелое ранение в ногу. Затем он был на разных работах, в т.ч. начальником Укрлеса в Березино (т.е. начальником лесного хозяйства, снабжавшего лесом Украину, - *прим. авт.*), и заведующим базой Главспирта БССР в Слуцке.

Двоюродная сестра отца Вера Слуцкая (1874 – 1917) была известной революционеркой, секретарем Василеостровского райкома партии, членом исполкома Петросовета. В 1918 – 1944 гг. ее имя носил г.

Павловск. Теперь улицы им. Веры Слуцкой есть в Минске, Петербурге и др. городах.

Мать будущего инженера и поэта – Куна Наумовна Иоффе (Фрумкина) (1906 –1986), уроженка местечка Березино Игуменского у.

В семье было три сына: старший – Саул, 1935 г. рождения, средний – Эммануил, 1939 г. рождения, младший – Наум, 1942 г. рождения.

После войны мать, имея на руках трех детей, не работала, но принимала активное участие в общественной жизни г. Березино и пользовалась большим авторитетом. Она неоднократно избиралась председателем уличного комитета, секретарем товарищеского суда, членом различных комиссий горсовета, в состав классного и общешкольного родительского комитета. За активное участие в общественной работе Куна Наумовна неоднократно награждалась Почетными грамотами.

Березинское довоенное детство

Герой очерка помнит себя с четырех лет. В беседе с автором он так вспоминал о березинском довоенном детстве: «Средний брат – Марик родился в 1939 г., и я помню как он, кружа по комнате, ударился виском о дверь, упал без сознания. Хорошо помню дом бабушки Малки, где мы жили до войны по ул. Комсомольской. Он стоял на горке, на высоком фундаменте. Внизу был каменный склеп. Дом сгорел во время войны, а погреб остался. Помню расположение комнат в доме, кухню, большой двор. В воскресные дни приезжали из д. Селиба папины земляки – крестьяне на базар в Березино. Бабушка и мама ставили большой самовар, т.к. они ночевали у нас, чтобы рано утром быть на базаре.

После чаепития все дружно благодарили бабушку. Помню их слова: «Дзякуй, пане Нохимиha, за гарбату». Было интересно и весело, когда в доме были гости.

Помню свой первый трехколесный деревянный велосипед, на котором я ездил по дощатым тротуарам. Иногда колесо застревало между досками. Улица была замощена булыжным камнем. Один-два раза был с папой в д. Селиба в доме, где папа и дед мой родились. Когда я родился, дедушек уже не было живых, а бабушек помню хорошо.

Помню своих дядей; маминых родных братьев и их жен. Одного из братьев звали Залман Фрумкин, у него была жена Лиза, сын Наум. Другого брата звали Велвл Фрумкин, жену Куна. Мою бабушку Малку, братьев Залмана и Велвла и его жену немцы расстреляли».

Тетя Лиза и ее сын (мой двоюродный) брат остались живы и жили в Ленинграде. Когда я поступил в Ленинградский горный институт, до получения общежития жил у них на ул. Коломенской, но об этом – потом. Из своих довоенных друзей, мальчишек моего возраста, соседей, я помню Гришу (сейчас живет в Липецке) и Яшу (его с родителями немцы расстреляли в 1941 г.)».

Тяжелые испытания времен войны

Судьба распорядилась так, что Саул Григорьевич избежал участи абсолютного большинства белорусских евреев, ставших жертвами Холокоста. В начале Великой Отечественной войны судьба семьи Иоффе складывалась следующим образом. Известно, что в Березино, в районе базара на старое еврейское кладбище, утопающее в зелени больших деревьев, немцы высадили десант. Милиция района с участием работников ДЭУ-718, которые также являлись сотрудниками НКВД, сумели уничтожить десант и несколько фашистов взяли в плен. В этой операции участвовал отец Саула Григорьевича. Это было в конце июня 1941 г.

В эти дни бабушка Малка обратилась к его матери со следующими словами: «Куна, забирай детей и выезжай на пару недель в г. Бельничичи к дядьке своему. Немцев скоро прогонят, и ты сможешь спокойно вернуться, а я останусь смотреть дом и хозяйство». Отец вошел в состав группы по охране моста через р. Березино. Потом, после войны, он рассказывал, что когда первый фашистский танк вошел на мост (мост заранее был подготовлен к взрыву) – мост был взорван, а надо было обождать, чтобы вся фашистская колонна вошла бы на мост. В г. Бельничичи семью Иоффе впервые бомбили фашистские самолеты. Они выбежали из дома деда и прятались в огородной зелени, считая, что так безопаснее. А могилевское шоссе было заполнено отступающими войсками и беженцами из Минска, Березино и Червеня.

Отец попросил работников НКВД помочь эвакуировать семью. В железнодорожных товарных вагонах ее вывезли в Тамбовскую обл., а по приближению фронта второй раз эвакуировали в Кзыл-Ординскую обл. Казахстана. Вывез семью Иоффе из Бельнич на машине ЗИС-5 вместе с ранеными бойцами сослуживец отца Григорий Давыдович Соркин. Он же посадил ее в теплушку.

Семья Иоффе оказалась в колхозе им. 1 мая Село-Тюбинского р-на Кзыл-Ординской обл. В январе 1942 г. здесь родился наш младший брат Саула Григорьевича – Наум. Саулу Григорьевичу было почти семь лет.

Он был старшим в семье, помогал заготавливать дрова, ухаживал за огородом. Главное в уходе – это полив водой из арыка. Хорошо росли кукуруза, дыни, арбузы. Дыни резали полосками вдоль, сушили на крыше. Потом плели «косы» и укладывали в ящик на зиму. Герой очерка до сих пор считает, что на свете нет ничего вкуснее сушеной дыни в собственном соку. Кукурузу на каменном жернове мололи, получались крупа и мука. Крупа – на суп, мука – на лепешки. Казахи помогали семье Иоффе во многом, хотя сами жили бедно: все шло на фронт. Бывало, заходил к нам старый казах и отдавал матери добытого на охоте зайца.

Юный Саул сам уходил в степь почти каждый день и приносил степных черепах, черепаший яйца (похожи на маленькие куриные), а из черепашого мяса готовился суп, само мясо по запаху напоминало куриное. Еще приносил из степи дикий лук и дикий чеснок.

Из Москвы в колхоз, где жила семья Иоффе, эвакуировали интернат. Родители интернатовцев остались в Москве. Дети почти никогда не были сытыми, и Саул научил их варить и есть черепах. В школу он пошел в сентябре 1943 г. Это была казахская школа. Саул неплохо говорил по-казахски, дети всегда быстрее осваивают язык.

Его друзьями в первом классе были мальчишки-казахи Султан и Кенес. Не может до сих пор объяснить сам себе, как это получилось, что спустя 13 лет, попав в Казахстан после окончания геолого-разведочного факультета Ленинградского горного института, он не мог уже почти ничего вспомнить по-казахски. Отец несколько раз был в военкоматах, но медицинская комиссия не пропускала его на фронт из-за тяжелой раны на ноге, полученной в годы Гражданской войны.

Позже отец нашел семью через Центральное эвакуационное бюро в г. Бугуруслане. Григорий Саулович работал заведующим хозяйством – экспедитором детского дома.

Послевоенное обустройство

В 1945 г. семья Иоффе вернулась в г. Березино. Отец снова пошел работать в ДЭУ-718 на старое место работы. Временно поселились в маленькой кладовке у двоюродной сестры матери и тети Фриды. Дом семьи сгорел, ничего от него не осталось, а дом отца в д. Селиба сохранился. Он и сейчас стоит на том же месте. Отец продал его односельчанам Винникам, а на вырученные деньги купил дом по ул. Комсомольской, 6 - и семья Иоффе переселилась в собственный дом, где прошли послевоенное детство и юность Саула, Эммануила, Наума. Потом они разъехались, и там остались жить их родители. А сыновья приезжали

к ним в гости с женами и детьми. Был сад, огород, лужок. Когда дети еще учились в школе, родители держали корову, козу, гусей, кур и обычно одного поросенка. Дом был большой. До войны он принадлежал двум еврейским кузнецам – братьям Годесам. В доме было две русских печи.

Кур на зиму забирали на кухню, где под печью был курятник - и зимой у семьи Иоффе всегда были яйца. Отапливать большой дом было тяжело, и вся семья, пятеро человек, практически жила в одной комнате (в зале). После войны электричества еще не было. Уроки Саул учил при свете керосиновой лампы.

Школьные годы

В школу Саул пошел в третий класс в сентябре 1945 г. Школа располагалась в старом, довольно ветхом здании. Это была русская средняя школа №2. Рядом в таком же здании располагалась белорусская СШ №1. Первой послевоенной учительницей героя очерка в начальных классах была Софья Абрамовна Зирецен-Добина.

Уже, будучи в старших классах, Саул и его одноклассники с ней часто встречались. Она их любила и они ее тоже. Они были ее первыми послевоенными учениками. Уже после окончания института Саул узнал, что она трагически погибла в дорожно-транспортном происшествии на дороге Минск – Березино.

Директором школы в это время был Василий Иванович Бурый – учитель по ботанике в пятом классе. Саул и его одноклассники помнят и любят всех учителей без исключения. Это были очень преданные и любящие свою профессию люди. Каждый ученик независимо от успеваемости и дисциплины был для них как собственный сын или дочь. Учителя и ученики были как одна семья. Ученики до сих пор сохраняют в памяти светлый образ директора СШ №2 Герца Моисеевича Львовича, блестящего математика, Софьи Сергеевны Лиопо – учительницы географии и классного руководителя 5-6 классов. Они с удовольствием вспоминают, как вел английский язык и историю завуч Лев Федорович Дотин, как преподавал физику Андрей Иванович Колбаско. В старших классах (8-10 кл.) любовь к физике прививал директор школы Гончаров Георгий Сысоевич. Классным руководителем была Бэлла Ильинична Рубинчик, она же вела английский язык. А русский язык и литературу, начиная с восьмого класса, вела Маргарита Павловна Носова-Лаптенко – выпускница Саратовского педагогического института. Ее бабушка и мать также в свое время были учителями. Математику преподавал Григорий Васильевич Скребунов. Учителя были большими мастерами своего дела.

В беседе с автором герой очерка заявил: «Мои дочери и внуки учились и учатся в школе. 15 лет во время учебы дочерей я был председателем родительского комитета школы. Не хочу никого обидеть из учителей, но таких учителей, какие были у нас в 1945-1955 гг., я уже не встречал, и это мнение совпадает с мнением многих моих одноклассников. Без всяких репетиторов, мы успешно поступили в институты, кое-кто в техникумы, но потом кончили ВУЗы заочно. Все получили высшее образование (это отмечено в протоколе нашей встречи, которая была в 1983 г. – 30 лет после окончания школы). Конечно, мне было несколько легче, т.к. я окончил школу с серебряной медалью. Серебряная медаль позволяла (как и золотая медаль) поступить в любой вуз СССР».

Студенчество

С.Г. Иоффе еще с седьмого класса мечтал стать геологом и приехать уже дипломированным специалистом в южно-казахстанские степи, искать полезные ископаемые в тех местах, где охотился за черепахами и неоднократно вступал в единоборство с ядовитыми змеями.

Подав документы на геолого-разведочный факультет Ленинградского орденов Ленина, Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции горного института им. Г.В. Плеханова. Кстати, начало революционной деятельности Плеханова относится к тем годам, когда он был студентом Санкт-Петербургского горного института. Конечно, студент Иоффе гордился богатой историей института, основанного в 1773 г. Славу вузу несли великолепные преподаватели: академик Д. Наливкин, профессора Е. Погребницкий, Ф. Шаминов – ученые с мировым именем, профессора Келль, Козаковский и др.

Каждый дом, каждая улица Ленинграда, каждый мост – волнующая история прошлого. Это Исаакиевский собор, Адмиралтейство, Зимний Дворец, Смольный, музеи и непреходящие ценности Петергофа, Царского села и др. окрестностей Ленинграда. Это все как бы само собой. И Нева, и Аврора (крейсер), и мост лейтенанта Шмидта, и Дворцовая Площадь – впитывались в студента Иоффе через воздух, которым я дышал. Жил сначала со своим одноклассником в семье двоюродного брата Наума Фрумкина в большой комнате. На улице Коломинской в коммунальной квартире (кухня на пять семей).

С.Г. Иоффе никогда не забудет жену Наума – Надю Сосновкину, которая имея на руках маленького Вову и только в 1953 г. родившегося Лешу, взяла на несколько месяцев его с одноклассником к себе, кормила их, помогала по бытовым вопросам. Одноклассник С.Г. Иоффе, Изя

Гинзбург, учился с ним в ЛГИ в одной группе. Из класса (29 человек), в котором учился Саул Григорьевич, не без его влияния девять человек избрали себе горную специальность.

Возвращаясь к бытовым условиям, следует специально отметить, что в одной комнате, кроме семьи брата Наума (пять чел.), жила ее сестра с мужем, то есть вместе со студентами девять чел. (в т.ч. грудной ребенок). В наше время на такой подвиг никто бы не решился.

Затем Саул Григорьевич жил на первом курсе на канале Грибоедова, был прописан у дяди Бориса Дикштейна. Родственники приняли студента с любовью, окружили заботой, так же было и потом, когда он жил в общежитии института на Васильевском острове. Незабываемы для героя очерка встречи в выходные дни с тетей Аней Карасик-Дикштейн, ее сыновьями Аликом и Жориком. Алик в 1953 г. окончил геофизический факультет Ленинградского университета, работал научным сотрудником института Арктики и Антарктики, затем защитил диссертации (кандидатскую и докторскую) и стал профессором. Бывал в Минске в Управлении геологии, гостил у Саула Григорьевича. Это был очень талантливый человек. Он познакомил героя очерка с легендарным начальником полярных экспедиций, Героем Советского Союза, доктором географических наук Михаилом Михайловичем Сомовым. Это было в 1956 г., после очередного их возвращения на дизельтеплоходе «Лена» из Антарктиды. В этом году у Алика (Аркадия Моисеевича Карасика) родилась дочь Лена, и по просьбе жены Алика, Саул Григорьевич сочинил телеграмму в стихах и ее передали на борт дизельтеплохода «Лена». Вот она:

«Мы с тобою неизменны,
Наш любимый Аленька.
Пусть спешит большая «Лена»
К нашей Лене-маленькой»
(хранится в семье Карасиков).

Герой очерка с теплотой вспоминает еще одну тетю (по линии матери) – Олю Дикштейн-Ляшук, ее мужа Виктора Ивановича – выпускника БПИ первого набора 1930 г. Он инженер-строитель, военный инженер, капитан второго ранга, учился в БПИ вместе в одной группе с будущим министром строительства БССР И. Жижелем. Учился увлеченно. Входил в литературное объединение, театральный коллектив. Литературным объединением руководил известный советский поэт Глеб Семенов. Благодаря тому, что студент Иоффе часто посещал собрания

объединения, он познакомился с уже состоявшимися молодыми поэтами Ленинграда – Львом Мочаловым, Владимиром Пронвичным и др. В состав объединения входили студенты горного института, его сокурсники и друзья: Олег Тарутин, Леонид Агеев, Глеб Горбовский, Лика Гольдман, Владимир Британинский и очень талантливый молодой поэт, старше их на два-три года Александр Городницкий – будущий доктор наук и известный бард.

Саул Григорьевич с ним через 50 лет снова встретился. Городницкий подарил свою книгу «Вдогонку за временем». Саул Григорьевич, чтобы не быть в долгу, подарил ему свой сборник стихов «Родная дорога».

Из других известных людей студенту Иоффе за годы учебы посчастливилось познакомиться с Эдитой Пьехой, молодым Аркадием Райкиным, артистом Меркурьевым, композитором Шапориным, автором оперы «Декабристы», будущим известным писателем Андреем Битовым, поэтом Александром Кушнером и др. Это были незабываемые годы юности.

За это время С.Г. Иоффе побывал на практике в Эстонии в Кохтла-Ярве, где работал навалотбойщиком, в заполярной тундре (комбинат «Воркутауголь») в р-не Халмер-Ю, где работал буровым рабочим, в Верхне-Сырьячинской геологоразведочной партии на разведке угольного месторождения (1956 г.). Туда, на Север, пришла ему телеграмма от брата Марика, что он зачислен на истфак Белорусского государственного университета. Затем на преддипломной практике С.Г. Иоффе был в Забайкалье на комбинате «Балей-золото». Работал сменным буровым мастером на разведке коренного (жильного) золоторудного месторождения и собирал материал для дипломного проекта: «Детальная разведка Нижнее-Кукуевского участка Тасеевского золоторудного месторождения».

Сами поездки на Север и в Забайкалье оставили незабываемые впечатления. В группе РТ-53-1 Саул Григорьевич дружил с Владимиром Лимониным и Валентином Шалыгиным (с последним жил в одной комнате), Петром Лаптандером. Много было в группе иностранных студентов. С Иоффе вместе в комнате жил китаец То Ян-Фан, который потом трагически погиб в Китае, о чем сообщила в 1961 г. его жена Сю-Цзынь. А сына своего он назвал русским именем Лев, т.к. в китайском языке есть такой иероглиф.

Дружил студент Иоффе с чехом Францишеком Тоза и словаком Павлом Бараном. Выступали С.Г. Иоффе и его сокурсники на студенческих спектаклях, сценарии писали ленинградские поэты.

Например, один из спектаклей начинался так: у фасада горного института, у самой набережной Невы, стоит выпивший и шатающийся Александр Меньшиков – фаворит Петра I, к нему подходит сам Петр и говорит: «Уходи, Сашка. Своим дыханием тлетворным ты можешь все здесь отравить и может статься, что и в Горном студенты тоже станут пить...». Подводя итог своей учебе в школе и вузе, герой очерка отмечает высокое качество полученного образования и выражает свое недовольство тем, что система воспитания, школьного и высшего образования 1900-1990 гг. забыта и отброшена в угоду тестам.

В 1958 г. (июнь) С.Г. Иоффе получил диплом горного инженера и выбрал местом работы южно-казахстанское геологоразведочное управление (г. Алма-Ата). После месячного отдыха в г. Березино у родителей, встречи с братьями, школьными товарищами, он в августе 1958 г. прибыл в Алма-Ату.

Работа в Казахстане

Саул Григорьевич мечтал попасть в Южный Казахстан, где прошло его детство, и, возможно, встретиться вновь со своими друзьями-одноклассниками.

Поэтому, будучи в списках на распределении третьим на предложение ехать в белорусскую гидрогеологическую экспедицию (в станции Степянка, под Минском) отказался и поехал в Южный Казахстан, ГУ Министерства геологии и охраны недр КазССР.

В Алма-Ате Саула Григорьевича встретили приветливо, но предложили семипалатинскую геологоразведочную экспедицию. Там нужны были специалисты, т.к. намечался большой объем работ по разведке месторождений цветных металлов и золота. Молодой специалист согласился и выехал в Семипалатинск. В семипалатинской экспедиции главный геолог предложил ему поехать во вновь создаваемую чингизскую геологоразведочную партию на разведку медных руд.

Практически приехали в чистое поле на склоны чингизского хребта, жили сначала в палатах, сами строили себе жилье, здравпункт, клуб, столовую, контору из самана, который делали для геологов бригады чеченцев (выселенных еще в 1944 г. из Чечни в Казахстан). Начинаясь создаваться коллектив. Начальником партии был инженер-механик В. Сухопаров, прорабом буровых работ работал В. Г. Яшкин – опытный буровик, первый учитель Саула Григорьевича на производстве. Хотя этот человек окончил всего восемь классов, он свое дело знал отлично. Прорабом взрывных работ был Жулидов Владимир Федотович, который

Люди и судьбы

взял Саула Григорьевича жить к себе в недостроенный саманный домик. Стены были выложены наполовину, достраивать было некогда. Его накрыли, чтобы была крыша, дверь была высотой около метра. Топили зимой – углем – и коксом, спрессованным в галушки яйцевидной формы.

Нелегко сложилась судьба В. Ф. Жулидова. Его род начинался с казаков, основавших форт Верный (потом г. Алма-Ата). Окончил Ташкентское танковое училище, лейтенант, член партии, участник финской войны. Попал в плен к финнам на две недели. Освободился, когда советских пленных обменяли на финнов, попавших в плен к Красной Армии. Был обвинен в том, что «подвергался антисоветской обработке» (то, что он подвергался, но не подвергся, выстоял – это во внимание не принимается). Был сослан на угольные шахты Воркуты, где пробыл всю войну. Лишен всех званий и наград, исключен из партии. Освоил на практике взрывное дело, и потом научил Саула Григорьевича практически взрывному делу. А у молодого специалиста была неплохая теоретическая подготовка по взрывному делу: окончил факультативно курс взрывного дела под руководством лауреата Сталинской премии доцента Всей-Полина, который получил премию за разработку новых высоко бризантных ВВ для Красной Армии в 1943 г. У героя очерка была и есть «Единая книжка взрывника».

Впоследствии ему все это пригодилось, когда он вернулся в Белоруссию:

В 1960-1965 гг. организовал буровзрывные работы в карьерах. Обеспечил организацию взрывных работ по охране деревянных мостов через крупные реки, в т.ч. подготовку кадров, написал практическое руководство. Выполнил задание Совета Министров БССР (зампредсовмина В.Г. Каменского) по подрыву Никольского собора бывшего кадетского корпуса в г. Полоцке (стены внизу 5 м толщиной). Преподавал (почасовик) в БПИ и готовил на сдачу экзамена по взрывному делу и технике безопасности группу сотрудников БПИ, впоследствии создавших «Научно-производственное объединение порошковой металлургии». В их числе были нынешние академики НАНБ – О. Романин, первый зам. Председателя Президиума НАНБ – Витязь Петр Александрович.

Кстати, весной 2009-го на 80-летию профессора, доктора техническим наук Леоновича И. Г., Витязь П.А. в присутствии почетных гостей и жены С.Г. Иоффе Елены Сулейменовны назвал его своим учителем и обнял. Герой очерка этим гордится.

Но вернемся к Казахстану. Работал С.Г. Иоффе в чингизской ГРП старшим буровым мастером, начальником смены самоходных буровых установок. В круг его друзей входили: супруги Николай и Елена Лебедь, эстонцы Рячел и Кееруп, старший буровой мастер Трухан, заведующий складом буроборудования Сапархан Галимжанов, сменный мастер В. Михальченко.

Летом 1959-1960 гг. к сотрудникам чингизской ГРП приезжала алма-тинская геодезическая экспедиция, и на встрече с их коллективом С.Г. Иоффе познакомился со своей будущей женой Жумсбековой Еленой Сулейменовой. В это время, кроме производства бурения глубоких скважин (до 1000 м) занимался общественной работой – был секретарем комсомольской организации (более 100 членов ВЛКСМ), организатором художественной самодеятельности и т.д.

Иногда удавалось выбраться на отдых в г. Семипалатинск (450 км от пос. геологов Акбастау, где жил Саул Григорьевич, что значит «Белоголовые горы»). Был начальником участка, где велись буровые работы: Кусмурун (медные руды). Как потом удалось прочитать в газетах, сверху медных руд после опробования в лаборатории обнаружили «Золотой купол». Вот так помог дипломный проект С.Г. Иоффе по забайкальскому золоту. А медная руда (хальколит) на глубинах 600-700 м залежала пластом.

Кстати, Казахстан – потенциально самая богатая страна по запасам полезных ископаемых из стран СНГ. По приглашению начальника ГУШОСдора при СМ БССР, где требовался специалист по открытым горным взрывным работам и геологоразведке нерудного сырья, Саул Григорьевич в конце 1960 г. приехал в Минск. В течение десяти дней прописался по адресу: Минск, М. Тростенец, дом дормастера Шпети, устроился на работу и приехал в Березино к родителям. Они обрадовались, ведь в дорожной отрасли и до войны, и в этот период работал отец. И вот в 2010 г. исполнилось 50 лет его работы в дорожной системе Белоруссии.

Работа в Беларуси

(1960-2016)

Первая ступень белорусского этапа трудовой биографии Саула Григорьевича Иоффе – работа в качестве старшего инженера Главного Управления шоссейных дорог при Совете Министров БССР. У него сразу же наладились отличные рабочие отношения с руководителями структурных подразделений Павлом Зарембовским и Прокофием

Новиковым. Саул Григорьевич, как и его коллеги, много и неустанно трудился над тем, как снять проблемный комплекс, связанный с дефицитом гравия и песка. Соответствующие месторождения находились в стадии разработки. С.Г. Иоффе начинал работать в то время, которое известно как период каменных карьеров, одноименные запасы которых транспортировались в последующем во многом благодаря тяжелому физическому труду. Позднее указанные структурные подразделения запишут в свой актив появление гравийных, песчаных карьеров. География этих карьеров такова: Боруны, Омневичи, Скабин, Томашгород, Черкассы. Причастность героя очерка к появлению перечисленных карьеров была такова, что каждый из них можно отождествлять с определенной вехой в его биографии.

Этот незаурядный человек отлично профилировал себя и на второй ступени, которая в содержательном плане совпадает с исполнением непростых обязанностей руководителя проектно-изыскательной партии института «Белгипродор». Возглавляемая им группа проектировала карьеры. Хронологические рамки настоящей ступени включают 1970 – 1974 гг.

Третья ступень – работа в качестве начальника горно-маркшейдерского отдела РПО «Дорстройматериалы». Саул Григорьевич руководил отделом с 1974 по 1987 гг. Отдел сыграл определяющую роль в том, что все подведомственные карьеры дали начало субъектам хозяйствования, составлявшим заводской сегмент народнохозяйственного комплекса. География карьеров расширилась за счет Крулевщизны, Кошелей. Четвертая и пятая ступени связаны со структурой, которая вначале называлась «Белдорстройпроектом», а затем «Белдорцентром» Министерства строительства и эксплуатации автомобильных дорог. С 1987 по 1989 гг. герой очерка являлся главным геологом настоящей структуры, а с 1987 по 2001 гг. занимал здесь ответственную должность начальника геологического отдела. Работа в этой структуре совпала с разгаром горбачевской перестройки, колоссальными трудностями постсоветского периода. Опытный геолог и дорожник стоически переносил новые испытания.

Шестая ступень пока не имеет верхней хронологической границы. Ее отсчет начался в 2001 г., когда Саул Григорьевич возглавил учебно-методический кабинет «Музей истории дорожного хозяйства» УО ГУЦ «Белдорстрой». Он сам его создавал. Только за семь первых лет существования музея он пополнился 8 тыс. (!) экспонатов. В их числе редкие карты, такие малоизвестные широкой публике деньги, как

«екатерининка», репера, фотографии людей, внесших серьезный вклад в развитие дорожной отрасли. Музей не ограничивается закрытым помещением. Есть еще и открытая экспозиция во дворе. Саул Григорьевич совместно с директором УО ГУЦ «Белдорстрой» В.В. Улитиным в 2009 г. составил две увлекательные брошюры: «Становление и развитие дорог России и структуры их государственного управления с древнейших времен до начала XX в.», «Дорожная сеть Белоруссии в период 1917-1945 гг.».

Саул Григорьевич на протяжении нескольких десятилетий ведет активную общественную работу по профилю его профессиональных интересов. Все эти годы он известен как внештатный инспектор Проматомнадзора МЧС Республики Беларусь.

Трудовая деятельность Саула Григорьевича получила достойную оценку. Он удостоен разных наград, в т.ч. – «Почетный дорожник БССР» и «Почетный дорожник Республики Беларусь».

Саул Григорьевич Июффе всегда оставался поэтом. В нем блестяще сочетались геолог и поэт, дорожник и поэт. Великое множество людей, которых Саул Григорьевич встречал в своей жизни, стало героями его произведений. В этой связи есть смысл обратиться к эпиграмме Михаила Гавриловича Саета:

«Поезжайте вы хоть в Ташкент,
хоть в Стамбул,
Пейте хоть чай, хоть кофе.
Все равно вас найдет
И зарифмует Саул,
Поэт и дорожник Июффе».

Саул Григорьевич – автор семи книг стихотворений: «Избранное», «Магистраль», «Диалог с дорогой», «Дороги и годы», «Родная дорога», «В нашей жизни часто так случается», «Не спетая песня». Судя по названиям, главный акцент в этих книгах – дорожный. Весьма символичным является то, что именно он, отдавший дорожной отрасли полвека, написал Гимн дорожников.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьева Светлана Викторовна, к.ф.н., доцент, заведующая отделом аналитики и внешних литературных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан, член Союза писателей Казахстана (Казахстан, г.Алматы)

Аскарова Алия Сандыбаевна, д.ф.-м.н, профессор, заведующая кафедрой теплофизики, стандартизации и метрологии физического факультета КазНУ им. Аль-Фараби, академик АНВШК РК, член Ученого совета факультета (Казахстан, г.Алматы)

Аупенова Алия Укужановна, преподаватель истории и общественно-политических дисциплин, Карагандинский политехнический колледж (Казахстан, г.Караганда)

Баршай Александр Зульевич, журналист, публицист (Израиль, пос.Элазар)

Беркун Ольга Евгеньевна, начальник отдела использования, публикации документов и НСА Государственного архива Карагандинской области (Казахстан, г.Караганда)

Болегенова Салтанат Алихановна, д.ф.-м.н, профессор, заведующая кафедрой теплофизики и технической физики, КазНУ им. Аль-Фараби (Казахстан, г.Алматы)

Буриева Хайрия Амануллаевна, доцент кафедры «Источниковедения и архивоведения» Национального Университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Узбекистан, г.Ташкент)

Ведерникова Галина Сергеевна, старший научный сотрудник Государственного Мемориального Дома-Музея Мухтара Ашрафи (Узбекистан, г.Ташкент)

Войницкая Татьяна Анатольевна, директор Хэсэда (Казахстан, г.Актобе)

Волкова Тамара Петровна, к.и.н., профессор Казахстанско-Немецкого Университета (Казахстан, г.Алматы)

Грибанова Елена Михайловна, к.и.н., архивист высшей категории, РГУ «Центральный государственный архив научно-технической документации» (Казахстан, г.Алматы)

Григорьев Игорь Анатольевич, автор книг «И мастерство, и вдохновение» (2008 г.), «Город вещей снов» (2015 г.), «Звезды на Алтае»

(2016 г.), фотограф, индивидуальный предприниматель (Казахстан, г.Усть-Каменогорск)

Давранова Юлдуз Улугбековна, старший преподаватель Института переподготовки и повышения квалификации сотрудников народного образования (Узбекистан, г.Гулистан)

Дьякова Елена Васильевна, к.и.н., доцент, преподаватель кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета им. Сковороды (Украина, г.Харьков)

Ейльман Леонид Семенович, к.т.н., пенсионер (США, г.Сан-Франциско)

Енисеева-Варшавская Людмила Львовна, журналист, культуролог, лауреат премии «Сорос-Казахстан», член творческих Союзов журналистов и кинематографистов РК (Казахстан, г.Алматы)

Зейбель Вероника Владимировна профессиональный музыкант, преподаватель (Германия, г.Баден-Баден)

Золотова Елена Давыдовна, заведующая токсикологическим отделом, Республиканская ветеринарная лаборатория (Казахстан, г.Алматы)

Ильина (Стильке) Анастасия Олеговна, студентка факультета антропологии, Американский Университет в Центральной Азии (Кыргызстан, г.Бишкек)

Иноятова Диларам Манглиевна, к. и. н., доцент кафедры «История Узбекистана» исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Узбекистан, г.Ташкент)

Иофе Валерий Григорьевич, магистр Международной Ассоциации «Искусство Народов Мира», кафедра источниковедения и архивоведения, исторический факультет, Национальный Университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Узбекистан, г.Ташкент)

Иссык Татьяна Владимировна профессор Алмау, EPCD UN-mandated University for Peace (Казахстан, г.Алматы)

Исхаков Джасур Ильхамович, кинорежиссер, сценарист, театральный драматург, Лауреат Государственной премии Республики Узбекистан (Узбекистан, г.Ташкент)

Ишанходжаева Замира Райимовна, д.и.н., профессор кафедры истории Узбекистана исторического факультета Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Узбекистан, г.Ташкент)

Каганович Альберт Борисович, историк, востоковед, специалист в области исследования восточноевропейского еврейства, неашкеназских

еврейских субэтнических групп, межконфессиональных и межэтнических отношений на территории бывшего СССР

Каральник Борис Вольфович, д.м.н., профессор, главный научный сотрудник лаборатории иммунологии и вакцинологии Научного центра гигиены и эпидемиологии им. Хамзы Жуматова (Казахстан, г.Алматы)

Кац Геннадий Львович, преподаватель высшей категории, председатель Совета Ветеранов Бизнес-колледжа г.Семей, внештатный корреспондент газет «Арна», «Спектр», «Наше дело», «Экспересс-К», ветеран труда (Казахстан, г.Семей)

Коробкина Галина Юдовна, библиотекарь, дочь Юды (Юрия) Менделевича Вайнштока (Казахстан, г.Алматы)

Крутова Нина Владимировна, зав. отдела редких фондов Центральной библиотеки им. В.Н. Татищева (Россия, г.Тольятти)

Лаврищев Олег Александрович, к.ф.-м.н, доцент, директор НИИ экспериментальной и теоретической физики (Казахстан, г.Алматы)

Легкий Дмитрий Максимович, д.и.н., профессор факультета истории и права Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Казахстан, г.Костанай)

Либерман Иосиф Янкелевич, председатель еврейской общины, автор-составитель серии книг «Пинские евреи от А до Я» (2015), автор проекта книги «Холокост на Пинщине» дополнение. Список погибших в гетто в Пинске и Пинском районе» (2010), автор проекта книги «Холокост на Пинщине» (2007) (Беларусь, г.Пинск)

Лобченко Хана Мееровна, председатель Совета старейшин общины, отличник просвещения, учитель методист (Казахстан, г.Павлодар)

Максимов Валерий Юрьевич, PhD, и.о. доцента, заместитель заведующего кафедрой по научно-инновационной работе и международным связям, КазНУ им. Аль-Фараби (Казахстан, г.Алматы)

Мачей Вонс, организатор семинаров, экскурсовод в Кафедральном музее Хильдесхайма (Германия), исследователь в Восточной Европе и Школах по иудаике, имеет публикации по истории миграции, инфраструктуре и истории евреев в Восточной Европе (Германия, г.Хильдесхайм)

Медведева-Нату Ольга Рахмиловна, PhD, к.ф.н., независимый исследователь (Канада, г.Ванкувер)

Межибовская Ирина Владимировна профессор КазГУ, академик Международной Академии Информатизации (Казахстан, г.Алматы)

Мессерле Владимир Ефремович, д.т.н., профессор, Институт проблем горения КН МОН РК, заведующий лабораторией плазмохимии (Казахстан, г.Алматы)

Мухамеджанова Вера Авроровна, к.и.н., доцент кафедры общественно-политических наук Самаркандского Областного Института Переподготовки и Повышения Квалификации Работников Народного Образования (Узбекистан, г.Самарканд)

Петровская Виолетта Аркадьевна, бакалавр истории, магистр документального кино, Санкт Петербургский Государственный Университет, факультет журналистики (Узбекистан, г.Ташкент)

Подлипский Аркадий Михайлович, журналист, историк-краевед, член Белорусского союза журналистов (Беларусь, г.Витебск)

Потемкина Марина Николаевна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Россия, г.Магнитогорск)

Прокопенко Лидия Яковлевна, на пенсии, в прошлом директор детского сада в пгт Шубар-Кудук (Казахстан, г.Актобе)

Рахмонкулова Зумрад Байхуразовна, к.и.н., доцент, заведующая кафедрой «Источниковедения и архивоведения» Исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Узбекистан, г.Ташкент)

Решетов Владимир Петрович, магистр журналистики, руководитель отдела по связям с общественностью музея Рижского гетто и Холокоста в Латвии (Латвия, г.Рига)

Рыжова Ольга Иосифовна, художница, член клуба «Самоцвет» (Казахстан, г.Алматы)

Саипова Камола Давляталиевна, к.и.н., доцент, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Узбекистан, г.Ташкент)

Сайфулмаликова Сабира Сабытхановна, тарих ғылымдарының докторы, Абай атындағы ҚазҰПУ-нің «Академик Т.С.Садықов атындағы Қазақстан тарихы кафедрасы» (Қазақстан, Алматы қаласы)

Сактаганова Зауреш Галимжановна, д.и.н., директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований, профессор кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова (Казахстан, г.Караганда)

Салык Гульбаршин Дакеновна, директор КГУ «Государственный архив Акмолинской области», краевед, член Союза журналистов Республики Казахстан (Казахстан, г.Кокшетау)

Сарсенова Гуляйхан Саматовна, директор РГУ «Центрального государственного архива научно-технической документации» (Казахстан, г.Алматы)

Свахина Татьяна Евгеньевна, специалист Отдела малочисленных этнических групп Восточно-Казахстанского архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (Казахстан, г.Усть-Каменогорск)

Сейдиматова Чынара Молдосановна, директор Иссык-Кульского областного государственного архива (Кыргызстан, г. Каракол)

Серовайская Юлия Яковлевна, к.и.н., доцент, историк-медиевист (Казахстан, г.Алматы)

Солдатова Ольга Николаевна, д.и.н., профессор Академии военных наук, начальник отдела информационного обеспечения и публикации архивных документов, Филиал ФКУ «Российский государственный архив научно-технической документации» (Россия, г.Самара)

Стрелец Михаил Васильевич, д.и.н., профессор, Брестский государственный технический университет (Беларусь, г.Брест)

Сырлыбаева Галина Николаевна, Государственный музей искусств РК им. А. Кастеева, руководитель Центра классического зарубежного искусства, искусствовед, член Союза художников Республики Казахстан, Международной ассоциации художественных критиков (AICA) (Казахстан, г.Алматы)

Тверитнева Ирина Анатольевна – Павлодарский Филиал РЕБОО «Центр Збота- Хэсэд Полина», руководитель Еврейского общинного центра (Казахстан, г.Павлодар)

Тевелева (Малых) Тамара Менделеевна, экономист (Казахстан, г.Алматы)

Терушкин Леонид Абрамович, заведующий Архивным отделом Научно-просветительного Центра «Холокост» (Россия, г. Москва)

Туркинец Мирьям Львовна, магистр философии (еврейская история), преподаватель еврейской истории и традиции, Иешива «Ор Эцион», преподаватель иудаизма дистанционно (Израиль, г. Иерусалим)

Турсынова Жанагул Жарковна, к.пед.н., директор государственного архива Карагандинской области (Казахстан, г.Караганда)

Тухтаева Малика Сайдирахаловна, магистр искусствоведения, старший научный сотрудник Института истории Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан, г.Ташкент)

Ульман Абрам Ильич, к.и.н., доцент (Казахстан, г.Алматы)

Устименко Александр Бориславович, д.т.н., заместитель директора по инновациям ЗАО «ИНЭТ» (Казахстан, г.Алматы)

Хлистунова Наталья Владимировна, к.пед.н., учитель истории и обществознания ГБОУ Гимназии № 295 (Россия, г.Санкт-Петербург)

Чиликова Евгения Викторовна, руководитель Управления научной публикации документов Архива Президента РК (Казахстан, г. Алматы)

Чориев Шерзод Шокиржонович, старший преподаватель кафедры «Источниковедения и архивоведения» Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Узбекистан, г.Ташкент)

Шатохин Вячеслав Алексеевич, сотрудник службы безопасности и полиции г. Нью-Йорка (США, г.Нью-Йорк)

Шевченко Ольга Изяславовна, врач-вирусолог, Республиканская ветеринарная лаборатория (Казахстан, г.Алматы)

Шкурко Эмма Александровна, преподаватель Уфимского медицинского колледжа, отличник народного просвещения России, отличник здравоохранения РБ, Лауреат премии СОЕК «За заслуги в просветительской деятельности» (2003), член Союза журналистов РФ и РБ (Россия, г.Уфа)

Южаков Виктор Петрович, соискатель ученой степени к.и.н., начальник производства, Тюменский «Дом ТОТ» (Россия, г.Тюмень)

Ярков Александр Павлович, д.и.н., профессор, Тюменский государственный университет, заведующий сектором изучения этноконфессиональных отношений Института гуманитарных исследований, искусствовед, член Союза художников (Россия, г.Тюмень)

ПРИГЛАШЕНИЕ

Приглашаем Вас принять участие в **IX Международной научно-практической исторической конференции**, которая состоится в **сентябре 2018 г.**

Конференция посвящена двум независимым темам:

-эвакуация и беженцы во время Великой Отечественной войны в Казахстан, другие страны Центральной Азии и Западную Сибирь. *Судьбы беженцев, эвакуированных людей, промышленных объектов, учреждений культуры, а также истории жизни населения, вынужденно сменившего место жительства в результате глобальных политических событий;*

-история евреев Центральной Азии и Западной Сибири.

Организаторы конференции: Ассоциация «Мицва» и РГУ «Центральный государственный архив» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан.

Место проведения: **конференц-зал архива, г. Алматы, проспект Абая 39.**

Просим высылать тексты статей до **01 сентября 2018 г.** включительно на адреса электронной почты: **baron@mitsva.kz** и **maria_makarova@inbox.ru**. Статьи также принимаются в печатном формате по адресу: 050004, Алматы, ул. Макатаева 88, кв. 22. Число публикации от одного автора не ограничено. Организаторы оставляют за собой право выбирать и редактировать материалы для публикации. Приветствуются иллюстрации, полученные отдельным файлом. Фотографии должны быть подписаны с указанием источника, места хранения, года и места, когда и где был сделан снимок.

Организационный взнос с участником конференции **не взимается.**

Общие требования к тексту: шрифт Times News Roman 14, интервал 1.5, поля 2 см. Сноски в тексте на источник литературы оформляются в квадратных скобках в порядковой нумерации. Источник литературы оформляется в конце статьи.

К текстам прилагается информация об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, должность и место работы, контактные данные.

Рабочие языки конференции: английский, казахский, русский.

Организационные расходы обсуждаются с авторами индивидуально.

Пожалуйста, по всем вопросам обращайтесь: тел. +7(727)2734208, 2735449, 2735497, факс +7(727)2731249, а также по указанным выше адресам электронной почты.

Конференция проходит с 2002 г. С двухгодичной периодичностью с участием авторов из Центральной Азии, Белоруссии, Германии, Израиля, Канады, Латвии, России, США, Украины и других. По итогам конференции изданы 13 книг.

INVITATION

We invite you to participate in the **IX International Scientific Conference in September 2018 in Almaty, Kazakhstan**. The conference is devoted to the following subjects:

- **Evacuation to Kazakhstan, other Central Asian countries and Western Siberia during the Great Patriotic War:** *destinies of refugees, people, industrial facilities and cultural institutions evacuated to the regions listed above as well as stories about people forcedly changed their places of residence as a result of global political events.*

- **History of Jews of Central Asia and Western Siberia.**

The organizers are: the Mitsva Association and the Central State Archive of Ministry of culture and sport of the Republic of Kazakhstan. Conference will be hold in the conference hall of Central State Archive, **Almaty, Abai Ave, 39**.

Please, confirm your participation and send the article **no later than on 01 of September, 2018**, preferably in electronic format on e-mails: **baron@mitsva.kz** and **maria_makarova@inbox.ru** as well as in printed form at the postal address **050004, Almaty, Makataev st., 88, fl. 22**. The number of publications from one author is not limited. The organizers reserve the right to select and edit material for publication. Illustrations are welcome received in a separate file. Photos must be signed with the source, the storage of location, date and place when and where the picture was taken.

There is **no** registration fee of participants. If the authors could not come, their scientific reports will be presented at stands and publicized.

General requirements for texts: Times News Roman font 14, interval of 1.5cm, fields 2cm, end automatic footnotes. Please, also attach personal information: surname, first name, scholastic degree, position and place of work and contacts. Footnotes in the text of the source literature are executed in square brackets in the ordinal numbering. The source of literature is made at the end of the article.

Texts should be accompanied by information about the author: name, surname, academic degree, title, position and place of work and contact details.

Working languages: English, Kazakh and Russian.

Organizational costs are discussed with each author individually.

For more information call +7(727)2734208, 2735449, 2735497, fax +7(727)2731249 as well as at e-mail addresses mentioned above.

The conference is held since 2002 with two-year intervals. We welcomed authors from Central Asia, Belarus, Israel, Canada, Russia, Latvia, Germany, the USA, the Ukraine and other countries. 13 books had been published.

ТҮЙІНДЕМЕ

Бұл мақалалар жинағы Екінші Дүниежүзілік соғыс кезінде және Орталық Азия мен Батыс Сібір еврейлердің тарихын, эвакуация мен босқындарды зерттеуге арналған VIII Халықаралық ғылыми-практикалық конференция аясындағы 70-тен астам авторлардың зерттеушілік жұмыс нәтижесі болып келеді. Конференцияның Халықаралық мәртебесін Белоруссия, Германия, Израиль, Қазақстан, Канада, Қырғызстан, Латвия, Ресей, АҚШ, Өзбекстан және Украина - 11 елдің авторларының қатысқаны дәлелдейді.

Ағылшын, қазақ және орыс тілдерінде 68 мақала жарық көрді, тақырыптары:

- Ұлы Отан соғыс кезіндегі Қазақстан, Орталық Азияның басқа елдеріне және Батыс Сібірге қашқындар мен халықты көшіру. Босқындар, эвакуацияланған адамдар тағдырын, өнеркәсіп нысандар, мәдени мекемелердің тағдырлары сонымен қатар, жаһандық саяси оқиғалар нәтижесінде қоныс аударуға мәжбүр болған халықтардың өмір тарихы.

- Орталық Азия мен Батыс Сібір еврейлерінің тарихы.

Жинақтың «XX ғ. Еуразия: эвакуация, қоныс аудару, қашқындар» атты бірінші бөліміне 32 мақала кірді.

Жинақты **Г. С. Сәрсенова** мен **Е. М. Грибанованың** мақалалары ашады. Авторлар Қазақстанға жер аударылған және көшірілген Бессарабия тумаларының тағдырлары туралы әңгімелейді. **Мачей Вонс** арнайы көшірілеген поляк еврейлерінің Орталық Азияда болғандары туралы естеліктерін ұсынады. **И.Я. Либерман** соғыс кезіндегі қайғылы жағдайға байланысты өз мекен жайын тастап кетуге, қауіпсіз жерге көшуге немесе қашып аман қалуға мәжбүр болған адамдар тағдыры мен адамдардың аты, жөні жазылған тізіммен таныстырады. **Н.В. Хлистунова** Ұлы Отан соғыстың алғашқы жылдарында эвакуацияға ұшраған нысандар мен адамдар туралы статистикалық мәліметтерді жариялады. Эвакуациялау жөніндегі Кеңес жанындағы халықты эвакуациялау Басқармасының құрылу тарихы, құрылымы мен қызметі туралы **З.Б.Рахмонкулова** және **Ш.Ш.Чориев** жазады. **А.М.Подлипскийдің** мақаласында соғыстың алғашқы күндерінде Белоруссиядағы кәсіпорындарды эвакуациялау тақырыбы ашылып көрсетілген. **Г.С. Ведерникова** бұрын соңды жарияланбаған Өзбекстан Республикасының Орталық Мемлекеттік мұрағатында сақталып тұрған эвакуация жөніндегі екі құжатты талдайды. Көрнекті өнер және мәдениет қайраткерлерінің эвакуациясы және олардың Алматыдағы өмірі мен жұмысы туралы **И.А. Григорьев** жазады. Ұлы Отан соғыс кезіндегі Қазақстанға көшірілген өнер саласындағы зиялылар тақырыбын **Е.В.**

Чиликова жалғастырады. Келесі екі мақалада **М.С. Тухтаева** Өзбекстанға Ленинград және Мәскеуден көшірілген көркемөнер зиялыларының күнделікті өмірі мен шығармашылығы туралы баяндайды. **Г.Н. Сырлыбаева** Ұлы Отан соғысы кезіндегі Қазақ Кеңестік Социалистік Республикасының Алматы қаласындағы 1942 және 1943 жылдары 22 маусымда өткізілген суретшілер Одағының ірі көрме жобасы туралы үлкен екі материал ұсынады. Режиссер **Д.И. Исаков** өзі түсірген «Соғыс балалары» атты деректі фильмнің қатысушыларының естеліктерін сипаттайды. **Е.В.Дьякова** хаттарды талдау арқылы эвакуациядағы Харьков тұрғындарының өмір жағдайын және жер аударылған Харьков Университетінің қызметкерлер арасындағы қарым-қатынасты зерттеп отыр. Екінші дүниежүзілік соғыс кезіндегі пошта корреспонденциясын талдауды **Л.А. Терушкин** жалғастырады, бірақ тақырыбы енді, Холокост болады, немістер басып алған аймақтағы еврейлер тағдыры. **В.А. Шатохинмен** бірге жазған мақалада АҚШ-та тұратын бұрынғы босқындар мен жер аударылғандардың естеліктерімен таныстырып отыр. Келесі **Ж.Ж.Тұрсынованың** мақаласы Қарағанды облысына көшірілген балалар туралы. Осы аймаққа өндірістік кәсіпорындарды эвакуациялау тақырыбын **О.Е.Беркун** жалғастырады. **З.Г.Сақтағанова** Ұлы Отан соғыс кезіндегі Орталық Қазақстандағы эвакуациялау госпитальдерінің жұмыс барысында күн сайын кездескен мәселелерді ашып отыр. Үлгі ретінде бір отбасыны ала отырып, Шығыс-Қазақстан облысындағы Лениногорск қаласына көшірілген еврейлер тарихын зерттей отырып, Қазақстанға қоныс аудару тақырыбын **Н.В. Крутова** жалғастырады. Велижден қашып келген Т.М. Тевелеваның естелігімен **Ю.Я. Серовайская** таныстырады. **Г.Д. Салықтың** мақаласы Ақмола аймағындағы эвакуациялау мен босқындар туралы ақпарат пен мұрағат құжаттарын жүйелеп беріп отыр. **О.Н. Солдатов** 1941-1943 жж. Қазақстандағы ет және сүт өнімдерін Ғылыми-зерттеу институтының қызметі туралы жазады. № 517 зауыттың эвакуациялану тақырыбын **А.У. Аупенова** жалғастырады. **Х.А. Буриеваның** Өзбекстанға эвакуациялау туралы мақаласы келесі мақалалар топтамасын ашып отыр. **Ю.У. Давранова** Өзбекстанға эвакуацияланғандардың орналасуын ұйымдастырған У.Ю. Юсупов тұлғасы туралы очерк ұсынып отыр. **В.Г. Иофе** мен **В.А. Петровская** бірігіп Өзбекстанға эвакуациялау жайлы түсірілген фильмдері туралы жазды. **З.Р.Ишанходжаева** көшірілген студенттер мен профессорлық құрамын қабылдаған Орталық Азия Мемлекеттік Университетінің қызметі туралы жазады. **Д.М. Иноятова** Өзбекстанға көшірілген балалар тақырыбына оқырмандарды оралтады. **Ч.М. Сейдиматованың** мақаласы арқасында Ыссық көл өңірі осы кітаптың жаңа аймағы болып табылады. Жаппай көшіру мен босқындар

тақырыбын, басып алынған жерлерді Қызыл Әскер азат еткеннен кейін көшірілгендердің бұрынғы тұрғылықты жерлеріне оралуы туралы **М.Н. Потемкинаның** мақаласы түйіндейді.

«Холокост парақтары» атты алты мақаладан тұратын кітаптың екінші бөлімін **Т.Е.Свахинаның** қазіргі замандағы қазақстандықтардың Холокост тақырыбын қабылдауы атты әлеуметтік зерттеуі ашады. Келесі екі мақалада **А.З.Баршая** Белоруссияда Холокост кезінде құтқарылған және еврейлердің аман қалу үшін көмектескен адамдардың ерлігі туралы баяндайды. **В.Г. Иофе А.О (Стильке) Ильинамен** бірге жазған мақалада Польша мен Шығыс Еуропа Республикаларындағы (ССР) Холокосттан аман қалған еврейлер тақырыбында **Өзбекстанның** жергілікті мұрағаттарындағы құжаттарды талдайды. **В.П.Решетов** Варшавада «Холокост балалары» Қоғамында көз көрген адамдардан естіген әңгімелерді жарыққа шығарып отыр.

«Еврейлер қауымының тарихы» атты он бір мақаладан тұратын кітаптың үшінші бөлімін Орталық Азиядағы еврейлердің мәдени мұрасы туралы **В.А. Мухамеджанованың** мақаласы ашып отыр. Автор **Л.С.Ейльман** шығыс мизрахи-еврейлердің қоныс аударуларының ерекше құбылысын зерделеп отырып, Қытайдағы еврейлер қауымы туралы баяндайды. **А.Б.Каганович** бухара еврейлері туралы жазады. **Т.П.Волкова** XIX ғ. аяғында – XX ғ.басындағы Жетісу өңіріндегі жергілікті өкіметтің еврейлерге деген қарым-қатынасы туралы мәселені көтеріп отыр. Сол тарихи кезеңдегі Ташкенттің еврейлер қауымы туралы тақырыпты **С.С.Сайфулмаликова** жалғастырып отыр. **Г.Л. Кац** Семейдегі ескі еврей зиратында зерттеу жұмысын жүргізді. **Э.А.Шкурко** өзінің мақаласында Уфа синагогының тарихын сипаттап отыр. XX ғ.басында Сібірдегі басылған бұқаралық ақпарат құралдары туралы **Л.М.Туркинец** мақаласында айтылады. **А.П. Ярков** Бірінші дүниежүзілік соғыс кезіндегі Қазақстан мен Сібірдегі еврейлер тарихын зерттейді. **Д.М. Легкий** соғыс жылдарында тылда антисемитизммен күресу мәселесін көтереді. **К.Д.Саипова** оқырмандарды польша еврейлерінің тарихына қайтарып отыр, бірақ енді, Екінші дүниежүзілік соғыс кезі.

Кітаптың төртінші бөлімі 19 мақаладан тұрады, эвакуация, депортация, қоныс аудару, сталиндік құғын-сүргінге ұшырау, екі дүниежүзілік соғыстың ауыр зардаптарын көрген ұлы тұлғаларға арналған. Бұл бөлім, өздерінің жаңа Отанының дамуына баға жетпес үлес қосқан еврейлер туралы баяндайды. Бұнда, жай келген, қашып келген, күштеп жер аударылған еврейлер жаңа жерде масыл болмағандығы туралы айтылады. Олар оқыды, еңбек етті, ғылыми жаңалықтар ашты, ажалға араша болды, қалалар салды...

«Тағдырлар тарихы» атты бөлімін Уфа қаласындағы Коц отбасының тарихы туралы **Э.А.Шкурконың** мақаласы ашып отыр. **И.А. Тверитнева** қайшылыққа толы болған С.Х.Агурскийдің тағдыры туралы әңгімелейді. Профессор **Б.В.Каральник** тарихи зердеде көрнекті еврей-ғалымдарының есімдерін еске түсіре отырып, конференцияда ҚСРО-дағы иммунология жаңа тақырыбын қозғайды. **М.Л. Туркинец** А.М. Евзерованың өмірбаяны және оның кәсіби жетістіктері туралы жазады. **А.И.Ульман** спорттық медицинасын дамыту үшін баға жетпес үлес қосқан профессор А.Д.Берштейне туралы жазады. Жинаққа өз әкесі, тарихшы-көсемсөзші, әдебиет және театрлық сыншы, кинотанушы Л.И.Варшавский туралы жазған **Л.Л.Енисеева-Варшавскаяның** мақаласы кірді. Келесі мақаланы Қазақ Мемлекеттік Университетінде жалпы және молекулярлық физика кафедрасының негізін қалаушы Л.А.Вулисе туралы шәкіртері және оның ізбасарлары: **Мессерле В.Е., Аскарова А.С., Болегенова С.А., Лаврищев О.А., Устищенко А.Б., Максимов В.Ю.** жазып отыр. Республикалық мал дәрігерлік зертхананың бұрынғы қызметкерлері: **О.И. Шевченко** мен **Е.Д. Золотова** көп жыл қол астында жұмыс істеген Республикалық мал дәрігерлік зертхананың директоры М.И.Коробченко туралы естелік жазады. **Ю.Я. Серовайская** өзінің анасы Л.С. Фришман Мәскеуде Ұлы Отан соғыстың алғашқы күндерінде жүргізген күнделік жазбаларын жариялап отыр. Келесі автор **С.В. Ананьев** Қазақстанның халық жазушысы М.Д.Симашконың «әдеби сюжеттеріне» жүгінеді. **В.П.Южаков** мақаласын Сталинград шайқасының батыры полковник Г.В. Нейманға арнайды. Оқырмандарға ұсынылып отырған көптеген хроникалы және көркем фильмдердің көрнекті қоюшы суретші Ю.М.Вайншток туралы **Г.Ю.Коробкинаның** өз әкесі жайында тағы бір мақала жазылған. Анасы – аса көрнекті адвокат Н.А.Ыссык – туралы мақаланы қыздары **И.В. Межибовская, Т.В.Иссык және В.В.Зейбель** жазған. Қазақстандық суретші **О.И.Рыжова** анасы Ю.М.Шурманның эвакуациядағы алғашқы күндер туралы естелігін жарыққа шығарды. **Х.М.Лобченко** ұзақ жылдар бой облыстық «Мерказ» еврейлердің этномәдениеттік бірлестігін басқарған, Павлодардағы еврей қауымының басшысы Ф.П.Свечинскаяға естелік мақала арнады. **О.Р.Медведева-Нату** мақалада поляк эмигрант-ақыны Б.Чайковскийдің бірегей өлеңдерін келтіріп отыр. **Т.А.Войницкая** Е.И.Книжник және Л.Я.Прокопенконың еңбектері мен қызметтері туралы екі мақаланы жариялайды. **М.В.Стрелец** жазған С.Г.Иоффе өмірбаяны туралы мақала бөлімді түйіндеді.

SUMMARY

This book of articles is a result of research work of more than 70 authors in the framework of the VIII International scientific-practical historical conference on the study of the evacuation and refugees during the Second World War and the history of the Jews of Central Asia and Western Siberia. The international status of the conference confirms the participation of the authors from 11 countries: Belarus, Germany, Israel, Kazakhstan, Canada, Kyrgyzstan, Latvia, Russia, the USA, the Ukraine and Uzbekistan.

68 research papers in English, Kazakh and Russian languages are published. The conference is dedicated to two independent topics:

- Evacuation and refugees during World War II in Kazakhstan, other countries of Central Asia and Western Siberia. *The fate of refugees, evacuees, industrial facilities, cultural institutions, as well as the history of the population forced to change their place of residence as a result of global political events;*
- The history of the Jews of Central Asia and Western Siberia.

The first book's section "Eurasia in XX century: evacuation, resettlement and refugees" includes 32 articles.

The book opens an article on the fate of the natives of Bessarabia deported and evacuated to Kazakhstan written by **Sarsenova G.** and **Gribanova E.** **Maciej Was** provides the readers with memories of special settlers - Polish Jews - about staying in Central Asia. **Liberman Y.** provides a list of names, surnames, and the fate of people, compelled to leave the place of residence and flee to evacuation or escape because of the tragic circumstances of the wartime. **Hlistunova N.** provides statistical information about the objects and the people who were evacuated in the early years of the Great Patriotic War. On the history of creation, structure and activities of the Office for the evacuation of the Board of evacuation write **Rahmonkulova Z.** and **Choriev Sh.** Evacuation of factories and plants from Belarus in the early days of the war is disclosed in the article by **Podlipsky A.** **Vedernikova G.** analyzes the two previously unpublished documents on evacuation stored in the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. **Grigoriev I.** writes about evacuation of the outstanding personalities of art and culture and their life and work in Almaty city. Theme of outstanding creative personalities, evacuated during the Great Patriotic War to Kazakhstan, continues **Chilikova E.** In the next two articles **Tuhtaeva M.** tells the story of everyday and creative life of artistic intelligentsia of Leningrad and Moscow evacuated to Uzbekistan. Two large materials are provided by **Syrylbaeva G.** about the largest exhibition projects

of the Union of Artists of the Kazakh SSR in the Great Patriotic War, June 22, held in 1942 and 1943 in Alma-Ata city.

Film director **Iskhakov D.** gives a description of his documentary on the recollections of evacuation "Children of War". **Dyakova E.** examines the living conditions in the evacuation of former residents of Kharkiv city and the relationship between employees of evacuated Kharkov University through analysis of letters. **Terushkin L.** continues an analysis of the mail-correspondence during the Second World War, but the topic is the Holocaust, the fate of Jews in German-occupied territories. In collaboration with **Shatokhin V.** he also presented the memories of the former refugees and evacuees living in the United States. On the evacuation of children in Karaganda region is the next article by **Tursynova J.** **Berkun O.** supports theme of evacuation of industrial enterprises in Karaganda region. **Saktaganova Z.** reveals the daily challenges of work evacuation hospitals in Central Kazakhstan during the Great Patriotic War. **Krutova N.** continues the theme of evacuation to Kazakhstan, studying the history of the Jews evacuated in Leninogorsk, East Kazakhstan region on example of a one family.

Serovaiskaya Y. presented the memories of the refugee from Velizh **Teveleva T.** Article by **Salyk G.** gives information and systematization of archival documents of Akmola region on evacuation and refugees. **Soldatova O.** writes about the activities of the All-Union Scientific Research Institute of meat and dairy industry in Kazakhstan in 1941-1943 years. **Aupenova A.** continues the theme of the evacuation of the plant №517. Article by **Burieva H.** opens the next series of articles about the evacuation to Uzbekistan. **Davranova Y.** offers a feature article about Yusupov U., who organized the evacuees staying in Uzbekistan. **Iofe V.** co-authored with **Petrovskaya V.** write about films, produced about evacuation to Uzbekistan. **Ishanhodzhaeva Z.** wrote about the activities of the Central Asian State University, which assumed evacuated students and professorial staff. **Inoyatova D.** returns the reader to the subject of evacuated children in Uzbekistan. New region in this book becomes Issyk-Kul through article by **Seydimatova Ch.** Article of **Potemkina M.** about return of evacuees to their original location after the liberation of the occupied territories by the Red Army closes the topic of evacuation and refugee.

The second section of the book "Pages of the Holocaust" consists of six articles and is opened by a case study made by **Svahina T.** on perception of the Holocaust among the modern Kazakhstanis. The next two articles of **Barshai A.** tell about the exploits of the saved and the people who helped Jews to survive in the Holocaust in Belarus. **Iofe V.** in collaboration with **Ilina (Stilke)**

A. analyzed the documents of local archives of Uzbekistan about the Jews from Poland and Eastern Republics of the USSR saved from the Holocaust in Uzbekistan. **Reshetov V.** publishes reliable eyewitness, heard in Warsaw, in the community "Children of the Holocaust".

The third section of the book consisting of 11 articles "History of Jewish communities" opens an article by **Mukhamedzhanova V.** about the history and cultural heritage of Jews in Central Asia. An author **Eylman L.** tells the story of the Jewish community in China, studying the phenomenon of migration of eastern-Mizrahi Jews. **Kaganovitch A.** writes about the Bukharian Jews. **Volkova T.** raises the question of the attitude of local authorities towards the Jews in Semirechye in late XIX - early XX centuries. **Sayfulmalikova S.** continues the theme of the Jewish community of Tashkent in the same historical period. **Katz G.** conducted research of the ancient Jewish cemetery in Semey. History of Ufa synagogue describes in her article **Shkurko E.**. The article of **Turkinets M.** refers to the print media in Siberia at the beginning of the XX century. **Yarkov A.** explores the history of the Jews in Siberia and Kazakhstan in the years of the First World War. **Legkij D.** raises the question of the struggle against anti-Semitism in the rear during the war years. **Saipova K.** returns the readers to the history of Polish Jews during the Second World War.

The fourth section of the book consisted of 19 articles is devoted to the great survivors of the ordeal of two world wars, the Stalinist repression, persecution, displacement, deportation, evacuation... This section tells about the Jews who have made an invaluable contribution to the development of their new homeland. It says here that came fleeing, forcibly resettled Jews were not encumbrances on the new place of residence. They studied, worked, made scientific discoveries, saved lives, built cities...

Article by **Shkurko A.** about the history of Ufa family Kotz opens book's section "History of destinies". About the controversial fate of Agursky S. writes **Tveritneva I.**. Professor **Karalnik B.** opens a new theme for the conference - immunology in the Soviet Union – and restores historical memory of the names of the prominent Jewish scientists. **Turkinets M.** writes about the biography of Evzerov A. About Professor Bernstein A., who made an invaluable contribution to the development of sports medicine, writes **Ulman A.** The following article by **Eniseeva-Warszawska L.** is about her father - a historian and publicist, literary and theater and film critic Warszawski L. The following article about the founder of the Department of General and Molecular Physics of the Kazakh State University Wooleys L. is written by his disciples and followers: **Messerle V., Askarova A., Bolegenova S., Lavrishev O., Ustimenko A.** and

Maximov V... Former employees of the Republican Veterinary Laboratory: **Shevchenko O.** and **Zolotova E.** wrote memories about the former director of the veterinary laboratory Korobchenko M., under whose leadership they had been working for many years. published diaries of his mother - Frishman L.S, written in the early days of the Great Patriotic War in Moscow. **Serovaiskaya Y.** published diary of her mother - Frishman L., written in the early days of the Great Patriotic War in Moscow. Next author **Ananieva S.** refers to "literary subjects" of people's writer of Kazakhstan Simashko M. **Yuzhakov V.** devoted his article to the hero of the Battle of Stalingrad, colonel Neumann G.. Another one article written about a prominent father is by **Korobkina G.**, where the reader is presented an outstanding art director of a large number of newsreels and feature films Weinstock Y.. Article about their mother - an outstanding lawyer Issyk N. – had written three daughters: **Mezhibovskaya I., Issyk T.** and **Zabel V.**.. Memories of her mother Schurman Y. about the early days in the evacuation provided the Kazakhstani artist **Ryzhova O.**.. **Lobchenko H.** dedicated her article to memory of a leader of the Jewish community of Pavlodar Svechinskaya F.. **Medvedeva-Nathoo O.** publishes in her article the unique poems of the Polish poet-emigrant Tchaikovsky B.. **Voinitskaya T.** publishes two articles about the activities and merits of Knizhnik E. and Prokopenko L. Article about biography of Ioffe S. written by **Strelez M.** closes the book.

*Подписано в печать « 01» марта 2017г.
Формат изд. 60х84/16, Объем 36,75 усл.печ.л.*

Алматы
2017